

Проф. А. Н. Ясинскій.

ЛЕКЦІИ
по
ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Раннее средневѣковье.

(Печатано по запискамъ студентовъ)

Юрьевъ.
Типографія Эд. Бергмана.
1910.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Содержаніе.

Введеніе.

I. Древняя исторія германцевъ.

II. Объединеніе германскихъ народовъ подъ главенствомъ франковъ.

III. Борьба Византіи съ варварами и исламизмомъ.

IV. Борьба изъ-за Италіи Востока и Запада.

V. Монархія Карла Великаго.

Расовое и лингвистическое раздѣленіе человѣчества.

Обозрѣвая в прошлом семестрѣ состояніе государства и общества в період упадка римской имперіи, мы установили тот факт, что охраненіе римской культуры становилось постепенно не по силам римской государственности, и эта задача естественно легла на христіанскую церковь, которая в теченіе многих послѣдующих вѣков сдѣлалась единственной хранительницей римских традицій и культуры. При созданіи устоев новой европейской гражданственности, кромѣ указанных двух элементов (римской культуры и христіанства), положены были в основаніе начала той варварской культуры, представителями которой явились новые народы (кельты, германцы и славяне), выступившие в началѣ средних вѣков. Кельты, к счастью или несчастью, столкнулись с римской культурой в ту пору, когда она была еще достаточно сильна и устойчива, вслѣдствіе чего они потеряли свою національную индивидуальность. В другом положеніи оказались германскіе народы, подпавшіе под вліяніе римской культуры в ту пору, когда она явно клонилась к упадку, и славянскіе народы, развившіеся под воздѣйствіем византійской культуры. Таким образом понятно, что нельзя обойти вопрос о происхожденіи новых народов, которым принадлежит честь создателей новой европейской культуры.

Подымая вопрос о народах, как индивидуальных коллективных единицах человѣчества, необходимо сказать нѣсколько слов о тѣх основных признаках, которые должны быть приняты во вниманіе в данном случаѣ, тѣх признаках, при наличности которых возможно людей причислить к извѣстному народу.

Довольно часто приходится в литературѣ встрѣчаться с сужденіями о расах или народах и расовых особенностях, которыя должны быть будто-бы положены в основу при разрѣшеніи вопроса о раздѣленіи человѣчества на расы, семейства, племена и народы. Нисколько не отрицая значенія того факта, что человѣчество дѣлится на расы, можно усумниться в том, справедливо

ли в основу дѣленія человѣчества на народы полагать расовыя особенности. Прежде всего, до сих пор, несмотря на многочисленность трудов антропологов, не удалось установить таких признаков, на основаніи которых можно создать безспорную систему классификаціи народов.

В прежнее время было принято дѣленіе людей на 5 семейств: 1) бѣлое, или кавказское, 2) желтое, или монгольское, 3) черное, или негритянское, 4) коричневое, или малайское и 5) мѣдно-красное, или американское. Это дѣленіе, предложенное в 18 ст. Блуменбахом, основывалось на окраскѣ человѣческаго тѣла и отчасти на строеніи черепа и видѣ волос. Его классификація страдает многими недостатками: малайская раса опредѣлена невѣрно, а для готтентотов не оказывается мѣста в его системѣ. Для пополненія пробѣлов и большей естественности предложены были подраздѣленія на 6, 7, 11 даже 22 и болѣе рас. Другіе антропологи, исходя из мысли о шаткости мелких подраздѣленій и, слѣдуя Кювье, приняли систему раздѣленія человѣчества на три основных расы: бѣлую, желтую и черную. К народам желтой расы причисляются племена Полинезіи и Америки. Хотя эта система наиболѣе распространена, но и она вызывает против себя различныя возраженія. Напр., указывают на то, что цвѣт желтой расы не желтый, а смуглый, что в предѣлах этой расы наблюдается чрезвычайное разнообразіе типов и т. д. В 50-х годах XIX в. была предложена система дѣленія людей на длинноголовых (долихокефалы) и широкоголовых (брахикефалы), дополненная впослѣдствіи введеніем промежуточной группы (месокефалы). Эта система основана на измѣреніи черепов в длину и ширину, при чем различные размѣры выражались в процентном отношеніи меньшаго размѣра к большему. Однако, оказалось, что в предѣлах каждаго народа и племени встрѣчаются люди с различными типами черепов. Отсутствіе прочно установленной классификаціи выражается в том, что одни ученые (Верт, Лунд), защищая мысль об единствѣ происхожденія людей, признают существованіе одной расы, другіе насчитывают 13 чистых рас, а со вторичными подраздѣленіями 30 (классификація Деникера), а иные насчитывают 150 рас. Американская антропологическая школа склонна принимать столько рас человѣчества, сколько возможно вообще установить народных типов. Таким образом, уже одно то, что доселѣ не существует общепризнанной классификаціи человѣчества по расовым признакам, препятствует принятію этих расовых признаков в основу опредѣленія понятія о народѣ. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что расовые признаки не совпадают с племенными и національными, что в средѣ каждаго народа встрѣчаются представители разных расовых типов, что постепенно тип людей извѣстной области или страны измѣняется. Цѣлый ряд изслѣдованій доказывает, что

современное населеніе германской, славянской и финской областей значительно разнится по цвѣту волос и по формѣ черепа от населенія тѣх же стран в V—X вв.

Признавая за расовыми признаками второстепенное лишь значеніе при опредѣленіи понятія о народной группировкѣ, единственно устойчивым признаком можно признать в данном случаѣ язык и общность историческаго развитія (историческія традиціи) каждой коллективной группы, т. е. каждаго народа. Приписываемый игумену Сильвестру этнографическій обзор народов Восточной и Западной Европы, который дан на первых страницах нашей первоначальной лѣтописи, говорит о раздѣленіи людей не на народы а на языки: „от сих же 70 и 2 языку бысть язык словенеск". Здравый смысл подсказывал древним писателям классификацію людей по странам и языкам. Таким образом, для историка имѣют значеніе при опредѣленіи понятія о народной или національной группировкѣ человѣчества не столько работы антропологов о расовых признаках, сколько работы лингвистов. По лингвистическим признакам существующіе языки раздѣляются на 3 группы: 1) языки односложные, 2) языки агглютинирующіе или слѣпляющіе, 3) языки флексійные. В языках первой группы в сущности нѣт слов, а только корни или основы, неспособные подвергаться измѣненіям. Сюда относятся китайскій, бирманскій и др. языки. Склепаніем или аглютинизаціей характеризуются языки урало-алтайскіе, дравидскій, африканских и австралійских дикарей. Эти языки имѣют ту особенность, что соединяют два или нѣсколько корней, при чем один из них опредѣляет значеніе слова, а другіе употребляются для опредѣленія вида или дѣйствія, т. е. несут службу наших суффиксов и префиксов. Наконец, флексійные языки прошли стадію односложности и агглютинаціи и достигли высшей степени развитія.

Арійцы.

К этим языкам относятся языки народов, особенно выдвинувшихся в исторіи человѣчества, народов арійских. По лингвистическим признакам в составѣ народов арійских различают нѣсколько семейств: 1) индійское, представляемое в настоящее время народами новоиндійскими и цыганскими, а в старину санскритскими, 2) семейство иранское (бактрійцы, персы, мидяне, белуджистанцы, осетины, курды, афганцы и др.), 3) эллинское, 4) италійское, 5) кельтское, 6) германское, 7) литовское или летское, 8) славянское. Кромѣ того, к арійцам причисляются нѣкоторыя племена Европы и Малой Азіи, уже исчезнувшія, а именно: иллиро-ѳракійцы, скиѳы, даки, фригійцы, ликійцы; сюда же относятся и существующіе доселѣ албанцы. Родство арій-

скихъ народовъ установлено трудами Боппа, Я. Гримма, Потта, Пикте, Макса Мюллера и др., занимавшихся сравнительнымъ языкознаніемъ.

Вопросъ о происхожденіи и взаимномъ отношеніи всѣхъ членовъ арійскаго семейства остается доселѣ спорнымъ. По этому поводу предложено двѣ теоріи, изъ которыхъ каждая имѣетъ убѣжденныхъ сторонниковъ и горячихъ противниковъ. Одна изъ этихъ теорій, называемая теоріей „родословнаго древа“ (Stammbaumtheorie) была предложена Шлейхеромъ. Такое названіе ея объясняется тѣмъ, что въ основѣ этой теоріи лежитъ убѣжденіе, что сначала существовалъ одинъ праязыкъ (индо-европейскій), который развѣтлился сначала на двѣ вѣтви (славяно-лето-германскій и аріо-греко-итало-кельтскій), при чемъ первая въ свою очередь развѣтлилась на двѣ вѣтви (славяно-летскій и нѣмецкій яз.), а вторая на другія двѣ вѣтви (греко-итало-кельтскій и восточно арійскій) и т. д. Если представить подобное родство арійскихъ языковъ графически, то получится изображеніе дерева. Противъ этой теоріи было представлено возраженіе со стороны Боппа, Потта и Гильфердинга, доказывавшихъ вопреки Шлейхеру ближайшее родство языковъ славяно-литовской вѣтви съ языками восточно-арійской вѣтви (индо-иранскими). Эти и другія подобнаго рода указанія подорвали довѣріе къ теоріи Шлейхера. Въ 70-хъ годахъ XIX вѣка появилась новая теорія Іог. Шмидта, извѣстная подъ именемъ теоріи переходовъ (Übergangstheorie) или теоріи промежуточныхъ языковъ. По мнѣнію Шмидта, не существовало никогда такъ называемыхъ основныхъ языковъ, языковъ праотцевъ и дѣтей. Всѣ арійскіе языки образовались самостоятельно изъ одной общей арійской основы. Между всѣми арійскими языками существуетъ тѣсное родство, но одни изъ нихъ состоятъ въ болѣе близкой связи другъ съ другомъ: напр., славянскій ближе стоитъ къ иранскому, чѣмъ литовскій, а слѣдовательно является связующимъ иранскій и литовскій языки. Такимъ образомъ, греческій является переходною связью между восточно-арійскимъ и италійскимъ; италійскій — между греческимъ, кельтскимъ и нѣмецкимъ; кельтскій между италійскимъ, нѣмецкимъ, славянскимъ, и литовскимъ языками. Но и эта теорія не находитъ всеобщаго признанія, и такіе выдающіеся ученые, какъ Бругманъ и Дельбрюкъ приходятъ къ выводу, что вообще немыслима обстоятельная классификація арійскихъ языковъ, хотя между ними должно быть признано тѣсное родство. О происхожденіи арійцевъ мы знаемъ очень мало. Правда, сравнительное языкознаніе даетъ намъ возможность опредѣлить въ краткихъ чертахъ то общее арійское наслѣдство, тотъ исходный уровень культуры, который каждый народъ развивалъ сообразно съ своими индивидуальными чертами и условіями мѣстожительства. Если всѣ арійцы говорили на языкахъ, находящихся въ ближайшемъ взаимномъ родствѣ, и надѣлены были однѣми національными чертами, то, несомнѣнно, было время, когда они всѣ жили

на общей прародинѣ и составляли одну племенную группу. К сожалѣнію, до послѣдняго времени не достигнуто единогласія при рѣшеніи вопроса о прародинѣ арійцев. Нѣт ни одной страны в предѣлах центральной Азіи и Европы, которую не называли бы в качествѣ прародины арійцев. Германскій ученый Шрадер в 90 годах XIX в. пытался найти прародину, на основаніи сопоставленія природных и климатических условій с тѣм общим лексическим матеріалом, который установлен сравнительным языкознаніем в качествѣ общаго наслѣдія арійцев, справедливо усматривая в этих общих для всѣх арійцев словах указанія на общую всѣм им бытовую обстановку или мѣста первоначальнаго жительства. По мнѣнію Шрадера, прародину арійцев надо искать в европейско-азіатской степной полосѣ, на тѣх равнинах, которыя простираются от Карпат и устья Дуная до Волги и далѣе за Урал, преимущественно на европейской части этих равнин. На основаніи того-же лексическаго матеріала можно опредѣлить нѣкоторыя черты быта арійцев. Как видно из общих всѣм арійским языкам обозначеній степеней родства, арійцы еще на своей прародинѣ прошли стадію безбрачности или господства материнскаго начала и пребывали в условіях патріархальнаго быта, когда брак был построен на преимущественных правах мужчины. Подобный вывод основывается на существованіи в арійских языках общих обозначеній для отца, мужа, брата мужа и свекра и на отсутствіи общих обозначеній для жены, матери, зятя и свекрови. Все это указывает, что родство считалось по мужской линіи. Женщина на родинѣ арійцев стояла значительно ниже мужчины, что доказывается отсутствіем общаго для отца и матери термина — родители. Что касается общественнаго быта, то общей формой его был род. Во главѣ родов стояли старѣйшины. Имущество принадлежало всѣм членам рода на правах равенства. Отсюда понятно тождество славянской задруги-братства с греческой фратріей и римским родом (gens).

Первоначальное разселеніе европейских арійцев.

Благодаря трудам Мюлленгофа, Цейса и др., возможно опредѣлить область первоначальнаго поселенія западных арійцев в Европѣ. Литовцы первоначально занимали земли около Балтійскаго моря, а их южной границей были болотистыя равнины Припети, но отсюда они были вытѣснены славянами к сѣверу. Областью славянскаго разселенія были среднее и нижнее теченіе Днѣпра, равнина карпатская и земли между Карпатами и Вислой. Историческою областью кельтскаго разселенія была область верхняго Дуная и пространство между Рейном и Майном, как видно из того, что самыя названія этих рѣк происходят от

кельтских корней. Областью разселенія германцев были равнины на запад от средней Вислы до Эльбы, так как от Эльбы до Рейна простирались поселенія кельтов, а на Вислѣ жили славяне.

Пособія и источники.

Приступая к изученію древнѣйшей исторіи германцев, необходимо указать главнѣйшіе источники и пособія. Среди пособій на первом мѣстѣ заслуживает упоминанія труд Мюлленгофа: „Нѣмецкія древности" (Deutsche Altertumskunde), 4 т. Это сочиненіе имѣет значеніе не только для изученія древнѣйшей исторіи германских народов, но и сосѣдних славян и кельтов. Для ознакомленія с внѣшней исторіей германских народов полезны сочиненія Феликса Дана: 1) Короли Германіи (Könige der Germanen 1861) 2) Нѣмецкая исторія (Deutsche Geschichte 1883) 3) Древняя исторія германских и романских народов (Urgeschichte der germanischen und römischen Völker, 1881). Из общих сочиненій важно для пониманія связи фактов внѣшней исторіи с экономическими условіями сочиненіе Лампрехта: „Нѣмецкая исторія", 1 т. (Deutsche Geschichte, Bd. I. Deutsche Vorzeit, 3 изд. 1881). В дополненіе к этим трудам, необходимо указать ряд трудов, посвященных исторіи государственных учрежденій: 1) Георг Вайц, Исторія германских государственных учрежденій (Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. I, 3 изд., 1880 г.); 2) Рих. Шредер, Руководство по исторіи германскаго права (Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3 изд., 1898 г.), 3) Г. Бруннер, Исторія германскаго права (Deutsche Rechtsgeschichte, Bd. I—II, 1882—1892 г.). Есть и краткое переизданіе этого труда: „Очерки исторіи нѣмецкаго права" (Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte, 3 изд., 1905 г.). Нельзя обойти молчаніем в данном случаѣ труд Фюстель де Куланжа: Recherches sur quelques problemes d'histoire, Paris 1885 г. Отдѣльныя извѣстія о германцах встрѣчаются в трудах римских и греческих авторов — Страбона, Мелы, Плинія Старшаго, Птолемея. Однако главными нашими источниками по исторіи древнѣйшаго быта германцев являются сочиненія Юлія Цезаря и Тацита. Так как о сочиненіях Юлія Цезаря уже упоминалось ранѣе, то теперь достаточно указать, что для характеристики германцев в сочиненіи его Commentarii de bello Gallico особеннаго вниманія заслуживают главы 1—4 четвертой книги и 21—28 гл. шестой книги. Еще большее значеніе имѣет сочиненіе Тацита: De situ ac populis Germaniae liber. О Тацитѣ и его жизни дошло немного данных. Кромѣ нѣскольких автобіографических замѣток, встрѣчающихся в его сочиненіях, приходится довольствоваться для пополненія свѣдѣній наших нѣсколькими письмами Плинія Младшаго к Тациту, 2—3 пись-

мами самого Тацита к Плинію Младшаго и надписью с именем Корнелія Тацита. Как скудны эти извѣстія, видно из того, что неизвѣстен даже и pronomen Тацита. Предполагают, что он родился в г. Интерамнѣ, нынѣ Терни (в Умбріи). Год рожденія Тацита приблизительно относят к 53—54 г. по Р. Х. Соціальное положеніе Тацита нам точнѣе извѣстно. Он не был знатным человѣком, потому что происходил из всадническаго сословія Судя по стилю его ранняго произведенія „De oratoribus", Тацит получил воспитаніе в школѣ Квинтиліана. Из сохранившейся переписки с Пяиніем Младшим, который был моложе Тацита на 7—8 лѣт, видно, что наш историк находился в дружественных отношеніях с ним. Относительно служебной карьеры его извѣстны болѣе точныя данныя. При императорѣ Веспасіанѣ Тацит получилъ квестуру, при сынѣ его Титѣ был назначен эдилом, при другом сынѣ Веспасіана Домиціанѣ в 88 г. Тацит достиг претуры. По отбытіи преторской должности, молодые сановники обычно отправлялись для управленія одной из Римских провинцій. Несомнѣнно, Тацит управлял провинціей, хотя точно и неизвѣстно какой. Судя по его интересу к Германіи и семейным связям (он был женат на дочери Агриколы, правителя Британіи) можно думать, что он получил в управленіе одну из провинцій на рубежѣ германскаго міра. При Нервѣ Тацит достиг консульства. Ему пришлось говорить рѣчь над гробом своего предшественника Вергилія Руфа. К 109 г. относится надпись, в которой Дезумій отказывал Корнелію Тациту и Плинію Младшему по 2 фунта золота. Можно думать, что Тацит жил до 115—117 г., потому что он знал о тѣх измѣненіях границ на востокѣ, которыя произошли в Германіи в 117 г., как это видно из его Аннал. Первым сочиненіем Тацита был „Разговор об Ораторах", 2-м „De vita Agricolae liber" — книга, заключающая историко-этнографическій матеріал о Британіи, которую завоевал Агриппа. Слѣдующим сочиненіем была „Германія" она написана в 98 г., вскорѣ послѣ того, как Тацит достиг консульства, что видно из 37 гл. сочиненія: . . . „Если мы будем считать до 2-го консульства Трояна, то насчитаем почти 210 лѣт столь долго мы побѣждаем Германію".

„Германію" Тацита нѣкоторые изслѣдователи склонны разсматривать как памфлет, написанный автором с цѣлью подчеркнуть грустныя стороны жизни римлян по сравненію с бытом германцев, отличавшихся простотою нравов. С таким взглядом на это сочиненіе нельзя уже согласиться по одному тому, что Тацит не скрывает и темных сторон жизни германцев. Так, напр., в 22 гл. он говорит, что у германцев „проводить день и ночь в попойках никому не вмѣняется в безчестіе", что „частыя, как то бывает между пьяными, ссоры рѣдко кончаются только дракою, а чаще убійством и ранами". Поэтому не слѣдует особенное значеніе придавать отдѣльным замѣчаніям автора, когда он с удовольствіем отзыва-

ется о цѣломудріи германских женщин, которых „не портят ни обольстительными зрѣлищами, ни раздраженіями пиршеств“, или бросает замѣчаніе, что „и развращать и развращаться там не называется духом времени“, так как такія мысли вполнѣ понятны в устах передовых и лучших людей общества, скорбѣвших при видѣ печальной картины нравов их современников. „Германія“ есть только этнографическій очерк, на страницах котораго занесены были со свойственным Тациту, как историку, безпристрастіем (sine ira et studio), как положительныя, так и отрицательныя явленія жизни германцев. По своему плану сочиненіе раздѣляется на двѣ части: в первой части до 27 гл. включительно автор дает общій обзор учрежденій, обычаев и нравов германцев, а с 28-ой переходит к характеристикѣ отдѣльных народов. Так как у Тацита не было намѣренія умышленно скрывать правду, то степень достовѣрности его извѣстій можно измѣрять только степенью его освѣдомленности. Принимая во вниманіе, что Тацит находился в близких родственных связях с Агриколой, имѣвшим случай изучить быт германцев, и не отрицая возможности, что он управлял одною из римских провинцій, расположенных на границах с Германіей, можно опредѣлить круг тѣх источников, которыми пользовался он для составленія своего сочиненія о германцах. Это были разсказы достовѣрных свидѣтелей и личныя наблюденія. Кромѣ того, Тацит, несомнѣнно, воспользовался и существующими литературными пособіями по данному предмету. Нѣкоторыя свои пособія он прямо указывает. Так в 28 гл. он ссылается на Юлія Цезаря, а в концѣ 26 гл. дѣлает общую ссылку на литературу предмета: „Вот что я узнал (accepimus) о происхожденіи и нравах всѣх германцев“. Дѣйствительно, кромѣ Ауфидія Басса, Страбона и Помпонія Мела, в римской литературѣ существовало обширное сочиненіе о Германіи в 20 книгах Плинія Старшаго, дяди его друга Плинія Младшаго. Располагая таким обиліем источников, Тацит, при его историческом талантѣ, дал классическій этнографическій очерк древней германской жизни.

Этнографическое и религіозное раздѣленіе германцев.

Германцы распадались на множество племен, территоріи которых у римских писателей назывались civitates, т. е. племенныя земли или государства. По особенностям быта и языка всѣ эти германскія племена дѣлились на двѣ группы: западные германцы (фризы, лангобарды, англосаксы, франки) и восточныя германскія племена готско-вандальскаго корня, к числу которых слѣдует отнести племена сѣверных германцев (скандинавы, датчане, шведы, норвежцы), а равно исчезнувших герулов. Западныя германскія племена дѣлились на 3 вѣтви: ингевоны, истевоны,

герминоны. Ингевоны жили между Эльбою и Эмсом, герминоны занимали среднюю часть Германіи, а истевоны (proximi Rheno) по обѣ стороны Рейна. Упомянув об этом дѣленіи западных германцев, Тацит объясняет, что названія этих племенных групп происходят от имен сыновей бога Мана. Плиній Старшій в своем сочиненіи „Historia naturalis“ (4,99) дополняет сообщенія Тацита. К ингевонам Плиній С. относит кимвров, тевтонов и хауков, к герминонам — свебов, германдуров, хаттов и херусков, но относительно народов истевонской вѣтви ограничивается замѣчаніем, что они живут по берегам Рейна. В основѣ дѣленія западных германцев на 3 группы лежал культ. Каждая из этих вѣтвей представляла религіозный союз племен, объединенных поклоненіем одному божеству. Священным центром ингевонов было святилище богини Нерты, описанное Тацитом в 40 гл. его сочиненія. Святилище находилось „на островѣ океана“. В качествѣ такого острова нѣкоторые изслѣдователи склонны были указывать то на остров Рюген, то на остров Гельголанд. Основываясь на словах Тацита, что римляне видѣли объѣзды колесницы богини Нерты на континентѣ, Мюлленгоф высказал предположеніе, что под островом слѣдует разумѣть мѣстность около Гамбурга, недалеко от впаденія Эльбы, в древности отдѣленную от континента. Это мнѣніе тѣм болѣе заслуживает вниманія, что мѣстность нынѣшняго Гамбурга прежде представляла остров, который впослѣдствіи соединился с материком. Так как Тацит к числу почитателей богини Нерты относит лангобардов, ревтингов, авіонов, англов, варинов, евдозов, свардонов и нуитонов, то всѣ эти племена входили, значит, в состав ингевонскаго союза, а равно батавы и фризы, которых слѣдует причислить сюда во вниманіе их территоріальнаго сосѣдства с упомянутыми племенами.

Другая вѣтвь западных германских народов — герминоны, обитавшіе в центрѣ германской территоріи, образовывали также религіозный союз. Они почитали бога Тіу или Тив. Это — обще-арійское божество, извѣстное у славян под именем Див, у греков Дій — Зевс. Святилище этого бога находилось в лѣсистой области семнонов. В 39 гл. трактата о Германіи Тацит указывает на дикость религіознаго культа этого бога: „в священный лѣс сходились посольства всѣх этих родственных племен, и здѣсь справлялись с торжеством внушающія ужас человѣческія жертвоприношенія.“ Семноны — самая большая отрасль свебов или свевов, от которых пошли позднѣйшіе швабы или аллеманы. О святилищѣ 3-го религіознаго истевонскаго союза Тацит не упоминает. Предполагая, что оно находилось на территоріи племени марсов, поклонявшихся божеству Танфанѣ, нѣмецкій ученый Мюлленгоф опирается на свидѣтельство Тацита, приведенное в его „анналах“ (кн. 1, гл. 51). Там сообщается о разрушеніи в землѣ марсов святилища богини Танфаны (templum, quod Tamfanae vocabant, solo

aequatur), почитаемой сосѣдними народами, к числу которых автор, кромѣ марсов, относит бруктеров, тубантов и узипетов. В вопросѣ о том, какія племена принадлежали к истевонскому союзу, мы встрѣчаемся с затрудненіями, потому что в свидѣтельствѣ Плинія Старшаго (Historia Naturalis 4, 94), в котором он указывает народы, относящіеся к той или другой из 3-х вѣтвей западных германских племен, нѣт перечисленія народов истевонскаго союза. Но на основаніи того, что истевонскія племена рано отказались от культа Тива и перешли к болѣе культурному, заимствованому ими от кельтов, культу Водана, не трудно установить народы западной или истевонской вѣтви. Сюда можно отнести всѣ племена, обитавшія около Рейна, а именно: узипетов, тенктеров, убіев, сикамбров, марсов, бруктетов и ангриваріев. Из состава этих 3-х религіозных союзов впослѣдствіи образовались большія германскія племена; из племен истевонскаго союза — франки; из ингевонскаго союза — фризы, англы и саксы; из племен герминонскаго союза — тюринги, швабы. Что касается лангобардов, то Страбон, Птолемей и Тацит (Ann. 2, 45) причисляет их к свевам, т. е. к герминонам, но это их свидѣтельство объясняется тѣм, что лангобарды принимали участіе в свевском союзѣ Маробода, но данныя языка лангобардов и их правовыя особенности указывают на их родство с саксами и англами, т. е. на принадлежность к ингевонскому союзу.

На востокѣ границей Германіи была рѣка Висла: наименованіе этой рѣки — слово славянскаго образованія. За Вислой в нижнем ея теченіи жили многочисленные литовскіе народы: пруссы, латыши, литовцы. В своем этнографическом очеркѣ о Германіи Тацит называет их Aestii — именем, под которым извѣстно нынѣ одно из финских племен. Среднее и нижнее теченіе Вислы и Карпатскія горы составляли естественную границу, отдѣлявшую поселенія германцев от славян, названных у Тацита venedi. Направляясь с востока к западу, а иногда и юго-западу, германцы расширяли свою территорію на западѣ и югѣ на счет владѣній кельтов. По изысканіям Мюлленгофа, названія не только Рейна, Майна, но и многих других рѣк западной Германіи — кельтскаго происхожденія, что доказывает, что первоначально эта территорія была заселена кельтами. Уже в 1-м в. по Р. Хр. весь лѣвый берег Рейна от г. Базеля до Нѣмецкаго моря был занят германскими племенами, и только по теченію Мозеля удержалось кельтское племя тревиров. Любопытно отмѣтить, что, по объясненію Мюлленгофа и Цейса, даже самое наименованіе „Германія“ — кельтскаго происхожденія. Этот термин прилагался кельтами в значеніи „сосѣди“ к родственным им племенам белгов, тревиров и нервов, а впослѣдствіи, когда их мѣста заняли германцы, перенесен был на их замѣстителей. В эпоху Тацита границами германских поселеній на ю-з. были: Рейн на западѣ; Дунай на югѣ, а пограничную полосу составлял ряд римских

провинцій: Нижняя Германія, Верхняя Германія, Винделиція, Норик, Реція и Паннонія. Для их защиты римскіе императоры — Траян и Адріан — соорудили стѣны, непрерывный ряд укрѣпленій, соединенных форпостами. Эта фортификаціоная линія, называвшаяся „Limes“, шла от устья Лана, который впадает в Рейн против г. Кобленца, сначала параллельно ему, а потом круто поворачивая в ю-в. направленіи, — вплоть до р. Альтмюля, впадающаго в Дунай недалеко от Регенсбурга. Под защитой этих укрѣпленій были расположены „agri decumates“ — десятинная область. Происхожденіе этого названія объяснялось различно. Но нельзя согласиться с тѣм толкованіем, что жители этой области, соотвѣтствующей по территоріи современному Бадену и Вюртенбергу, будто бы платили в пользу Римской имперіи десятину, потому что таких сборов не было в практикѣ римскаго правительства, а, с другой стороны, оно должно было льготами способствовать заселенію этих опасных земель. По другому объясненію, это названіе произошло от практики римских землемѣров, которые при разбивкѣ территоріи проводили децимальныя линіи и в квадратах, получающихся при пересѣченіи линій, исчисляли без труда количество югеров земли, пригодной для земледѣлія.

Быт германцевъ.

В эпоху Тацита германцы переходили от кочевого к осѣдлому образу жизни. Они занимались земледѣліем, которое находилось в зачаточном состояніи и ограничивалось посѣвами яровых хлѣбов. Главным богатством германцев, по словам Тацита, в эту переходную пору их жизни был скот, являвшійся и денежной единицей для уплаты вознагражденій и штрафов. Впослѣдствіи германцы принимают римскую монету, но не золотую, а серебряную, как наиболѣе соотвѣтствующую потребностям их мелкаго оборота; особенно распространены были среди них динаріи времен республики или Антонинов. В связи с этим полукочевым бытом германцев стояли их воинственность и чрезвычайная подвижность. Мужчины, по Тациту, занимаются или общественными дѣлами, или войной, а при досугѣ предаются охотѣ. Домашнія работы они предоставляют женщинам, старикам, дѣтям и рабам. Так как осѣдлость у германцев только еще устанавливалась, то не может быть и рѣчи о существованіи у них в эпоху Тацита территоріальнаго или земскаго права, а было лишь племенное и в таком состояніи германцы оставались очень долго. О свевах Юлій Цезарь (IV, I) говорит прямо, что у них не было частной поземельной собственности, и что они болѣе года на одном мѣстѣ не оставались. Говоря

вообще о германцах (VI, 22), этот писатель утверждает, что германцы „не знают ни в какой мѣрѣ полевых границ", и что „власти и князья их ежегодно указывают родам и племенным союзам, в каком мѣстѣ и в какой степени должно быть занято поле и, по истеченіи года, заставляют переходить на другое мѣсто". Таким образом, основным внутренним дѣленіем германцев во время Цезаря были родовыя группы — семьи и роды. Это подтверждает чрез 150 лѣт послѣ Ю. Цезаря и Тацит. Говоря о военном строѣ германцев, он указывает, что военные отряды их составлялись не случайным или искусственным образом, а на основѣ кровных отношеній из семей и родов (гл. 7): „nec casus nec fortuita conglobatio turmam et cuneum facit, sed familiae et propinquitates". Сопоставляя свидѣтельства Ю. Цезаря и Тацита, мы видим упоминаніе об основном началѣ германской жизни: наиболѣе мелкой единицей ея являлись семья и род — gentes cognationesque по Ю. Цезарю, и familiae et propinquitates по Тациту. Господством кровных отношеній и союзов, основанных на этом началѣ, объясняются всѣ особенности древней германской жизни.

Племя — союз родов представляло собою войско: так в древних баварских грамотах племя и войско отожествляются; когда рѣчь идет о баварском племени просто говорится in exercitu Baiowariorum. У лангобардов свободный человѣк назывался „ариманом" — носящим оружіе (heriman, arimannus, homo exercitalis).

Войско германцев дѣлилось на тысячи. Это дѣленіе засвидѣтельствовано у Цезаря (IV, I), который говорит о свевах, что „они имѣют 100 пагов, из которых ежегодно выводят по 1000 человѣк". Из вестготских законов видно, что такое дѣленіе существовало и у вестготов: 1000 — называлась thiuphadia, а ея предводитель thiuphadus, tiuphadus. Саксонскій писатель X в. Видукинд, писавшій на основаніи древнѣйших преданій, говорит в своей хроникѣ, что саксы без всякаго замедленія выбирают 9 вождей, каждаго над отдѣльной тысячью. Это дѣленіе на тысячи — общеарійское и соотвѣтствовало у германцев территоріальному, так что паг и тысяча были тождественными понятіями. Тацит утверждает, что каждое германское племя представляло племенное государство (civitas). Если у древних германцев племя и войско понятія одного порядка, то при поселеніи племени-войска его тысячи должны были естественно образовать отдѣльные территоріальные округа: племя-войско осѣдало своими тысячами. Этот территоріальный округ тысячи римскіе писатели, примѣнительно к кельтским установленіям, называют пагом (pagus), но для него у германцев было свое названіе: Gau. Это дѣленіе было извѣстно и Ю. Цезарю, который в 6 кн. 22 гл. выражается так: „principes regionum atque pagorum". Здѣсь он как будто различает regiones и pagi, но на таком толкованіи не слѣдует настаивать: повидимому, Цезарь затруднялся к территоріаль-

ному раздѣленію германцев приложить хорошо извѣстный ему термин „pagus“, так как подобное территоріальное дѣленіе у германцев его времени только намѣчалось и не могло носить той законченности, какая наблюдалась у кельтов, значительно ранѣе германцев пріобрѣвших навыки осѣдлой жизни. Тацит уже без всякаго колебанія говорит о раздѣленіи племенной территоріи на паги (pagi), ибо к его времени германцы успѣли пріобрѣсти навыки осѣдлой жизни. Округ тысячи (pagus, Gau) раздѣлялся, повидимому, на сотни (centena). Правда, Тацит не знает такого дѣленія; ему извѣстны только паги и поселки (pagi et vici). Но так как впослѣдствіи у всѣх германских племен были начальники сотен, а именно: у вестготов, лангобардов, баваров и аллеман (centenarii, centuriones, centini), а равно и у англосаксов, — то это дает основаніе думать, что дѣленіе на сотни было древним германским установленіем. Сотня, которая могла выставить 100 или 120 воинов, представляла территоріальный округ нѣскольких десятков родов (gentes cognationesque), которые разселились по поселкам (vici). Термины: gentes cognationesque у Цезаря и familiae et propinquitates у Тацита, указывают на союзы людей, основанные на кровной связи и называвшіеся семьями и родами. Семья — кровный союз родителей и дѣтей. Отец представитель и защитник семьи. Он обладает по отношенію к членам семьи неограниченною властью; они живут под его защитой, рукою (по-германски mund или munt). Основа германской семьи, как вообще арійской, была агнатическая, т. е. родство опредѣлялось по мужской линіи, а родственники со стороны матери не считались даже родственниками: в латинских средневѣковых актах они назывались друзьями или пріятелями (amici). Агнатическое основаніе германской семьи видно из германской этногоніи, сохраненной Тацитом: германцы, по их преданію, произошли от бога Манна и его 3-х сыновей, предков 3-х религіозных союзов. В случаѣ нужды германец мог продать жену и дѣтей. Отеческая власть для дочери прекращалась с выходом ея замуж, а для сына выдѣленіем его из семьи и основаніем особаго хозяйства или вступленіем в службу.

Землепользованіе и землевладѣніе германцев.

Весь общественный германскій строй был проникнут семейно-родовыми отношеніями. Эти кровные союзы имѣли большое значеніе в области германскаго права и отразились и на области хозяйственных отношеній. У германцев сначала не было частнаго землевладѣнія. Земля разсматривалась, как предмет владѣнія всего племеннаго государства. Отдѣльныя лица и союзы получали землю не в собственность, а пользованіе. Как это про-

исходило, об этом Ю. Цезарь говорит в 2 мѣстах своего сочиненія „De bello gallico". 1-ое относится к свебам, что они „не имѣли постоянных поселеній и мѣняли их ежегодно". Этот полукочевой быт остался и 150 лѣт спустя послѣ Цезаря, правда не у всѣх германских племен, а у хаттов, о которых в 31 гл. „Германіи" Тацит говорит, что „нѣт у них никаких домов или полей и никакой об этом заботы". В другом мѣстѣ Ю. Цезарь (VI, 22) говорит вообще о германцах, что „они не занимаются земледѣліем, а питаются молоком, сыром и мясом. Поля у них не имѣют границ, но власти племенныя и князья указывают каждому роду и семьѣ, поскольку они составляют опредѣленную единицу, в каком мѣстѣ и в какой степени они могут занимать земли, а, по истеченіи года, заставляют переходить на другія мѣста". Таким образом, у германцев, находившихся в полукочевом состояніи, при отсутствіи земельной собственности, была в эту пору ежегодная мѣна полей. Но по истеченіи 150 лѣт, ко времени Тацита, только нѣкоторые германскіе народы, как, напримѣр, хатты удержали полукочевой быт, а большинство племен переходит к осѣдлому образу жизни. Во времена Ю. Цезаря германцы находились в сильном брожении и стремились проникнуть в предѣлы Римской имперіи. Но этот напор был насильственным образом пріостановлен при императорах 1-го вѣка путем походов римскаго войска в самую Германію и устройства между Рейном и Дунаем пограничной стѣны и цѣлаго ряда провинцій, в которых постоянно находились римскіе легіоны. Эти мѣры заставили германцев поневолѣ осѣдать на той территоріи, которой в данный момент они владѣли. Начало этого перехода к осѣдлости мы ясно видим у Тацита, который говорит, что германцы уже имѣют дома-плетенки, обмазанныя глиной и едва приспособленныя к жизни человѣка. Около жилищ, по словам Тацита, возникают хозяйственныя сооруженія, кладовыя для храненія имущества и съѣстных припасов. С осѣдлостью германцев возникает новый вид собственности — недвижимость, т. е. дом с прилегающими к нему постройками. В эту же пору у германцев заводится правильное полеводство, с порядками котораго мы знакомимся из 26 гл. Германіи Тацита: „Agri pro numero cultorum ab universis invices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant, et superest ager".

При толкованія этого текста мы встрѣчаемся с теоріями индивидуальнаго и коллективнаго землевладѣнія. Опираясь на этот текст и признавая наличность перемѣн в Германіи в смыслѣ установленія форм землевладѣнія, Зибель отрицает существованіе у германцев частной собственности. Но Мезер и Ландау полагают, что Тацит изображает земельные порядки свободной Германіи, которые существуют и теперь, и, по мнѣнію этих уче-

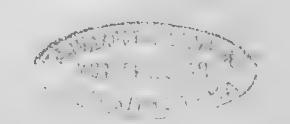
ных, мы встрѣчаем у Тацита описаніе института частнаго землевладѣнія. К этому рѣзкому противорѣчію в пониманіи даннаго текста присоединяются различныя трудности в истолкованіи отдѣльных слов этого текста. Георг Вайц и Витерсгейм, придерживаясь чтенія текста по Бамбергской рукописи, видят в нем указаніе не на порядки германскаго землевладѣнія, а на систему первоначальнаго заселенія Германіи. В рукописи Бамбергскаго кодекса слова: „ab universis in vices“ читаются иначе: „ab universis vicis“. На основаніи послѣдняго чтенія, эти ученые дают тексту Тацита новое толкованіе: полевыя земли занимаются по числу работников всѣми селами и сообразно числу членов каждаго села раздѣляются примѣнительно к достоинству или потребностям каждаго. Легкость раздѣленія обусловливалась обиліем полей. При таком толкованіи, когда на этот текст смотрят как на свидѣтельство о первоначальном заселеніи Германіи, необходимо объяснить дальнѣйшія слова текста: „Arva per annos mutant, et superest ager“. Многіе ученые (Эйхгорн, Ландау, Вайц) в этих словах усматривают указаніе на существованіе у германцев трехпольной системы, по которой „поля мѣняются по годам“. При наличности такого разнообразія толкованій, Фюстель-де-Куланже в своем докладѣ, сдѣланном в 1885 году на одном засѣданіи в Académie des sciences morales et politiques, представил свои соображенія, которыя являются наиболѣе убѣдительными и согласными с правильным толкованіем отдѣльных терминов текста. Указывая на неправильности толкованія сторонников коллективнаго землевладѣнія, он говорил, что слово „agri“ не может обозначать территорію, область. Прежде всего латинскіе писатели никогда не употребляли слова „agri“ для обозначенія территоріи, а когда они имѣли в виду территорію, то употребляли это слово в единственном числѣ (ager), с присоединеніем имени прилагательнаго или существительнаго в родительном падежѣ: ager Romanus, ager Helveticus и т. д. Когда рѣчь шла об общественных полях, то писали и говорили: ager publicus. Множественное число этого слова (agri) употреблялось для обозначенія всякаго рода обрабатываемых земель, нив, лугов и т. д. В таком же смыслѣ употреблено множественное число этого слова (agri) у современника Тацита — Плинія Младшаго: „Agri sunt fertiles: constant campis vineis silvis“ — плодородныя земли слѣдующія: онѣ состоят из нив, виноградников и лѣсов. Фюстель де Куланж указывал далѣе, что нельзя ссылаться на чтеніе Бамбергской рукописи „ab universis vicis потому, что это мѣсто явно испорчено. Если бы автор хотѣл сказать, что земли занимались поселками, то предлог ab, употребляющійся по отношенію к одушевленным предметам, в данном случаѣ совершенно неумѣстен. С другой же стороны, в лучших рукописях читается: „invicem“ или „invices“, in vicis“, а это слѣдует переводить „поперемѣнно“, „с извѣстной по-

слѣдовательностью". Слово „occupantur" не означает оккупацію или первоначальное поселеніе германцев, ибо Тацит говорит о германцах, пріобрѣтших уже осѣдлость. Кромѣ того, глагол „occupare" в латыни серебрянаго вѣка, а особенно в соединеніи с „ager" значит: „занять землю под обработку". Примѣры такого употребленія часто встрѣчаются у Калумеллы. „Arva" — нива, засѣянное поле противоположно „agri" — земли, годныя для обработки или подлежащія ей. Слова „per annos" значат не каждый год, а періодически. Поэтому дальнѣйшія слова текста: Arva per annos mutant не означают ежегодную смѣну нив, а чрез извѣстное количество лѣт смѣну нив, а не полей, т. е. періодичность в смѣнѣ нив. Что в данном случаѣ нѣт основаній, как думали многіе ученые, видѣть в этих словах указаніе на трехпольную систему, видно из того, что в послѣдующіе вѣка, когда германцы жили не в лѣсистой Германіи, а в областях Римской имперіи в соприкосновеніи с ея культурой, они не знали трехпольной системы. Они пахали поле до тѣх пор, пока не истощалась земля, и не прибѣгали к способам удобренія ея. Правда, в одном древнем источникѣ есть указаніе, что убіи унаваживали свои поля. Но это германское племя, поселившееся по лѣвому берегу Рейна, очень рано усвоило пріемы римскаго земледѣлія. С трехпольной системой германцы ознакомились не ранѣе Каролингскаго времени. Таким образом, получается слѣдующее истолкованіе даннаго текста Тацита: „пригодныя для земледѣлія земли занимаются под обработку всѣми попеременно, сообразно с количеством рабочих рук. Эти земли легко, сообразно достоинству каждаго лица, распредѣляются. Легкость раздѣленія земельных угодій объясняется пространством. Нивы же германцы періодически мѣняют, и все таки остается достаточно земель для обработки". Но этот текст Тацита не дает прямых указаній на первоначальные порядки германскаго землевладѣнія. Возстановляя их на основаніи других источников, слѣдует помнить, что в момент перехода от полукочевого быта к земледѣльческому и долгое время послѣ, германцы жили в условіях родового строя. Варварскія правды прямо указывают, что в поселках (vici) жили родичи, что германцы поселялись родами. Принимая во вниманіе, что явленія жизни имѣют склонность к консервативному удержанію своей сущности, изслѣдователи прибѣгают к тщательному изученію земельных порядков в ближайшее к нам время. В этом отношеніи особенно богатый матеріал дают „кадастровыя карты", на которых нанесены всѣ поземельные участки. Первый начал разработку „кадастровых карт" датскій ученый Олуфсен, а ревностным его послѣдователем является нѣмецкій ученый Авг. Мейтцен в сочиненіи: Siedelung und Agrarwesen der West und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen Brl. 1896. На

основанiи трудов этого ученаго представляется возможным прослѣдить, как родовыя отношенiя отражались на землевладѣнiи.

В виду трудности обработки земли в ту пору, труд одного человѣка не имѣл большого значенiя. Поэтому род германскiй должен был общими усилiями путем вырубки и выкорчиванiя лѣсов и особенно выжиганiя их отвоевывать от природы годные для земледѣлiя участки (arva). Но так как эта земля являлась произведенiем коллективнаго труда, то ею могли пользоваться только участники в ея разработкѣ. Способ раздѣленiя земли опредѣляется при помощи современных кадастровых карт. Вся обработанная земля поселенiя состоит из извѣстнаго числа конов или клинов, разбросанных по всей территорiи села, так как род в выборѣ участков руководствовался качеством почвы. Эти коны представляли параллелограммы различной величины, которые по количеству семейств рода дѣлились продольными линiями на полосы. Каждой семьѣ доставалась полоса в 1-м, во 2-м и слѣдующих конах, так что участок земли каждаго свободнаго германца слагался из цѣлаго ряда полос, находившихся в различных конах. Этот земельный надѣл германской семьи назывался „sors". Так как земля была неоднокачественна, то распредѣленiе полос в каждом конѣ, во избѣжанiе вражды, происходило по жребiю. Правда, Тацит указывает, что раздѣленiе производилось „secundum dignationem, т. е. были семьи, которыя выставляли не одну рабочую силу, а нѣсколько и потому могли претендовать на пропорцiонально-большее участiе в раздѣлѣ коллективно-разрабатываемой земли. Если полноправный член германскаго поселенiя имѣл право на полученiе земельнаго надѣла, то полусвободный получал только половину его. Это соотношенiе между родовым положенiем и надѣлом видно из того, что, по указанiю варварских правд, за убiйство свободнаго человѣка полагалась вира в 200 солидов, которая опредѣляла стоимость земельнаго надѣла, а за убiйство полусвободнаго человѣка — 100 солидов, т. е. половина стоимости надѣла. Эти порядки германскаго землевладѣнiя также подтверждаются слѣдующим свидѣтельством грамоты 857 г. Людовика Нѣмецкаго о пожертвованiи Герсфордскому монастырю двух господских хуторов и, кромѣ того, 30 мансов с 60 семействами, которыя „называются на их языкѣ литами." Каждая литская семья, как полусвободная, владѣла $^1/_2$ манса. Доля или надѣл каждаго свободнаго германца называлась мансом или гуфом.

Германское землевладѣнiе не ограничивалось обработанной землей, но простиралось и на пустоши, т. е. пространства никѣм не занятой земли, находившiяся около каждаго села и называвшiяся „альмендою" (Almende). На эти пустоши имѣли право всѣ поселяне, которые могли рубить в них дрова, ловить рыбу и т. д. По этому праву каждый член поселка, помимо участiя в коллективной разработкѣ земли, мог личными усилiями обрабатывать извѣстный уча-

сток. Таким образом, открывалась возможность неравенства в землепользованіи, и это обстоятельство довольно рано повліяло на созданіе соціальнаго неравенства, способствовало образованію классов общества.

Классы общества.

В 7, 24, 25, 27, 44 гл. „Германіи“ Тацита находятся указанія на существованіе у германцев классов: nobiles, ingenui, libertini и servi. К числу nobiles — знати относились principes (князьки), duces (полководцы, вожди), sacerdotes (жрецы) и reges (короли). Главную массу населенія составляли ingenui—свободные люди, которые владѣли полным надѣлом земли и были законными участниками народных собраній. Слѣдующим классом в общественном составѣ германскаго населенія были libertini, полусвободные люди, владѣвшіе половиной земельнаго надѣла. Внѣ этих трех классов стояли рабы (servi). В общем положеніе германских рабов было лучшим, чѣм положеніе римских рабов. В то время, как в Римской имперіи рабы разсматривались, как орудія производства, и жили в казармах, германскій раб был членом семьи. Так как германец по простотѣ своей жизни не нуждался в большом количествѣ слуг, то в своем домѣ он держал ограниченное число рабов, предоставляя остальным участки земли, с обязательством доставлять за нее извѣстное количество продуктов. Источниками рабства у германцев были: 1) рожденіе от раба, 2) задолженность, 3) купля (владѣлец раба мог уступить его за деньги другому, а также продавали в рабство на сторону игроков, проигравшихся в кости), 4) плѣн. Рабы у германцев были безправными личностями в политическом и гражданском отношеніях, что доказывается тѣм, что за убійство раба полагалось частное вознагражденіе, а не уголовное. Раб не мог носить оружіе. По саксонскому и лангобардскому праву, освобожденіе раба символически выражалось передачей ему оружія со стороны господина. Выше рабов по Тацитовской терминологіи стояли libertini, как по-латыни назывались вольноотпущенники. Но вольноотпущенников в германском обществѣ не было, а были лишь полусвободные. О положеніи их Тацит сообщает в 25 гл. „Германіи“: „вольноотпущенники не особенно возвышаются над рабами. Они значат кое что дома, но ровно ничего в государствѣ, за исключеніем тѣх народов, у которых имѣется королевская власть. Там они иногда возвышаются и над свободными и знатными, а у прочих германских племен, они не равны со свободными“. Слѣдовательно, libertini не имѣли политических прав, но права гражданскія за ними признавались. Впослѣдствіи под римским вліяніем этот класс получил опредѣленную организацію, и у каждаго племени возникает особое названіе людей этого класса: liti, leti, lati, lazzi у большинства германских племен; aldio, aldius у лангобардов

и баварцев. Свободные люди (ingenui) были нормальным и самым распространенным состоянiем германцев. Высшим классом в германском обществѣ были „nobiles,“ знать, члены которой назывались у англосаксов „ярлами“, а у западных германцем — „эделингами“. Нѣкоторые германскiе ученые (Ландау, Вильда, Тудихум) отрицают существованiе знати у тѣх племен, у которых не было королевской власти, но это мнѣнiе противорѣчит указанiям Тацита и варварских правд. Наименованiе членов знати „эделингами“ (от adal-род) указывает на один из основных источников ея происхожденiя, — из условiй родового строя. Из ряда семейств, принадлежавших к роду, выдвигались по своим преимуществам нѣкоторыя семьи, которыя и являлись первыми в родѣ или главенствующими. Другими источниками знатности были слѣдующiе моменты: 1) отправленiе общественных должностей и жреческих обязанностей; 2) обезпеченное матерiальное положенiе.

Государственныя учрежденiя.

Государственное устройство германских племен было не одинаковое. Во главѣ восточных германских племен стояли короли, как это видно из 25 гл. „Германiи“ Тацита, гдѣ он противополагает их народам (iis gentibus, quae regnantur) у которых не было королевской власти. Однако нѣкоторыя западныя племена управлялись королями. Опредѣленно Тацит говорит о существованiи этой власти у маркоманов и квадов. В 42 гл. мы читаем о них: „Marcomanis Quadisque usque ad nostram memoriam reges manserunt ex gente ipsorum, nobile Marobodi et Tudri genus“. По свидѣтельству Тацита, королевская власть была у готов, ругiев, лемовiев и различных скандинавских народов. У западных германцев, за исключенiем маркоманнов и квадов, не было королевской власти. Но это различiе несущественно, потому что Тацит говорит, что во время войны германцы выбирают вождя, облеченнаго полнотою власти, и что у западных, как и у восточных германских племен, высшим государственным учрежденiем было народное собранiе. Мы не можем, на основанiи каких либо исторических данных, объяснить возникновенiе королевской власти у восточных германцев, потому что этот институт возник у них во времена той сѣдой старины, от которой не осталось никаких свидѣтельств. Поэтому в рѣшенiи этого вопроса возможны лишь предположительныя объясненiя. Восточныя германскiя племена, находясь в постоянном столкновенiи с сосѣдними славянскими и литовскими племенами, еще в глубокой древности должны были прiйти к необходимости сосредоточенiя власти в руках одного постояннаго вождя, т. е. признанiя королевской власти. Кромѣ королей у восточных племен и временных вождей (duces) у западных племен, у всѣх германцев были князья (principes). Как извѣстно, территорiя каждаго германскаго

племени дѣлилась на округа-поселенія тысяч (pagus, Gau). Во главѣ такого округа стоял избираемый народным собраніем князь (princeps, furisto, откуда нѣмецкій Fürst). Члены таких выдающихся семейств также иногда назывались князьями. Такія выдающіяся семьи царственнаго корня (regia stirps см. Тацита Ann. XI, 16 и Hist IV, 13) были в средѣ каждаго германскаго племени. Главною обязанностью этих выборных князей был суд, как опредѣленно об этом говорит Тацит в 12 гл. Германіи: eliguntur in iisdem conciliis et principes, qui jura per pagos vicosque reddunt, т. е. „выбираются на этих народных собраніях князья, которые отправляют суд по округам и селам.“ Бруннер предполагает, что князья были избираемы из наиболѣе знатных семейств и представляли колѣнных князьков, потому что римскіе писатели называли их царьками (regales, subreguli). В предѣлах своего округа (pagus) князь был судья, начальник ополченія и руководитель при рѣшеніи земельных споров. Есть указанія, что на князѣ лежало и отправленіе жреческих обязанностей. Особаго жалованія князья не имѣли, но получали подарки от жителей округа. Тацит говорит (гл. 15), что среди германских племен есть обычай приносить князьям подарки в видѣ скота или овощей от всего племени и от каждаго человѣка отдѣльно. Эти подарки, приносимые в знак почета, служили в тоже время для удовлетворенія потребностей жизни. Отличительным признаком правителя округа был особый головной убор, как это видно из слов Тацита о свевах в 38 гл. „Германіи“: „князья имѣют головные уборы.“ В каждом племенном государствѣ князья составляли совѣт, который должен был подготовлять дѣла для доклада в народных собраніях, но менѣе важныя дѣла князья рѣшали самостоятельно. В 11 гл. своей „Германіи“ Тацит указывает все значеніе этого совѣта князей: „De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur.“

Таким образом, совѣт князей являлся для племени, не имѣвшаго короля, органом, объединявшим племя в мирное время. Но в случаѣ войны был избираем племенной вождь (dux). Этот вождь у германцев назывался герцогом, т. е. предводителем войска (herizogo, англосакс. heretoga). Свидѣтельство об избраніи герцога находим у Цезаря (De bello Gallico, VI, 23): Cum bellum civitas aut defendit aut infert, magistratus, qui in bello proesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur. In pace nullus est communis magistratus, т. е. „когда племенное государство ведет оборонительную или наступательную войну, то выбираются властители для начальствованія во время войны, и им предоставляется право жизни и смерти, а в мирное время в племенном государствѣ нѣт никакой общей власти.“ В этом свидѣтельствѣ есть неточность. Цезарь не указывает, что в мирное время у западных гер-

манских племен, не знавших центральной власти, был объединяющій племя орган в видѣ совѣта князей. В 7 гл. „Германіи“ Тацит говорит, что при выборѣ герцога германцы руководились военными способностями человѣка: „они выбирают человѣка, руководясь его личною доблестью.“ Так как всѣ дѣла в мирное время в племенном государствѣ обсуждались в совѣтѣ князей, то предварительный выбор герцога был производим в кругу князей, и этот избранный ими кандитат представлялся на утвержденіе народнаго вѣча. Этот порядок вытекал из сущности дѣла, потому что при избраніи самим народным собраніем герцога, облеченнаго большими полномочіями, народное вѣче не могло бы остановиться на одном лицѣ, и это повело бы к опасному соперничеству между нѣсколькими кандидатами. Мы имѣем историческое свидѣтельство о порядкѣ избранія герцога у англосаксонскаго писателя 8 в. Беды Достопочтеннаго в его „Historia ecclesiastica“ (V,10): Non enim habent regem iidem antiqui Saxones, sed satrapas plurimos suae gentis praepositos, qui ingruente bello articulo mittunt, aequaliter sortes, et quemcunque sors ostenderit, hunc tempore belli ducem omnes secuntur, huic obtemperant; peracto autem bello rursum aequalis potentiae fiunt satrapae, т. е. „древніе саксы не имѣли короля, но имѣли князей, поставленных над народом, которые в момент наступленія войны бросают между собою жребій, и на кого упадет жребій, тот на время войны признается герцогом, и ему всѣ повинуются, а по окончаніи войны снова всѣ князья становятся равными.“ Не слѣдует при истолкованіи этого свидѣтельства настаивать, и это было бы ошибочно, что при выборѣ герцога всегда примѣнялся жребій, — это черта второстепенная. Такова была организація центральнаго управленія тѣх племен, которыя не были знакомы с институтом королевской власти, существовавшей у восточных народов, а из западных у маркоманов и квадов, ближайших по территоріи сосѣдей восточных племен. Изображая порядок избранія королей, Тацит в 67 гл. „Германіи“ говорит: reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt.“ Краткость слов Тацита приводит к тому, что у читателя является побужденіе думать, что каждое германское племя имѣло и герцогов и королей, и что при выборѣ короля руководились знатностью происхожденія, а при выборѣ герцога доблестью человѣка. На самом дѣлѣ, так как герцоги выбирались из состава совѣта князей, то всѣ они, конечно, обладали и знатностью происхожденія, а, с другой стороны, не слѣдует думать, что германцы выбирали королей, руководясь лишь знатностью происхожденія, и при этом не придавали значенія личным качествам человѣка. В данном текстѣ Тацит желал подчеркнуть лишь то, что герцоги и короли были избираемы, при чем он сам в другом мѣстѣ своего сочиненія указывает, что выбирали племена, знавшія королевскую власть, руководясь освященностью того или

иного рода, а герцогов выбирали племена, которыя не были знакомы с королевской властью, при чем рѣшающим моментом в одном случаѣ была принадлежность к извѣстному роду, а в другом личныя качества человѣка. Значит, при таком толкованіи текста, вся разница сводится к тому, что восточныя племена постоянно имѣли вождя, а западныя выбирали его в минуту опасности. Если же предположить, что какое либо из племен, не знавших королевской власти, находилось в непрерывных военных столкновеніях, и у него был постоянно герцог, то герцогская власть незамѣтно и постепенно переходила в королевскую власть. Что королей германцы выбирали дѣйствительно из членов извѣстнаго рода, на это, как мы видѣли, указывал и Тацит, и об этом свидѣтельствует общегерманское наименованіе королей „кунингами“ (kuning от слова kuni = gens, род). По вопросу о происхожденіи королевской власти в литературѣ были высказаны различныя мнѣнія. Зибель в трактатѣ „Происхожденіе германской королевской власти“ придерживается того мнѣнія, что королевская власть возникла во время переселеній из герцогской власти под вліяніем римскаго государства: герцоги вступали с имперіей в договоры и таким образом дѣлались королями ополченій, состоявших из дружин, родов и наемников. Это объясненіе идет в разрѣз с исторической дѣйствительностью, потому что королевская власть явилась прежде у восточных германцев, которые позднѣе пришли в столкновеніе с латино-византійским міром. Другіе ученые, как Георг Вайц и Феликс Дан, выводят корни происхожденія королевской власти из института князей — начальников пагов. Эти ученые не сходятся только в частностях. Дан настаивает на самостоятельности пага, как перваго зародыша государственности, а потому в князѣ пага (princeps) склонен видѣть древнѣйшаго представителя національной королевской власти. Однако, оба они согласны институт королевской власти считать учрежденіем чисто народным и усматривать дальнѣйшее развитіе, с одной стороны, в расширеніи власти над цѣлым племенем или союзом племен, а, с другой, в усвоеніи прав римской императорской власти и заимствованіи черт римскаго абсолютизма. Короли, по словам Тацита, были избираемы. Самый процесс избранія сопровождался церемоніей, которая примѣнялась и при избраніи герцога, как это видно из его „Исторіи“ (кн. 4, гл. 15): „impositusque scuto more gentis et sustinentium humeris virbatus dux deligitur“ т. е. „поднятый на щит по обычаю народному герцог избранный поднимался вверх и колебался (стоя) на плечах поддерживающих.“ Власть короля не была неограниченной, потому что контролировалась совѣтом князей и народным сеймом. Вообще нужно думать, что король имѣл власть сообразно личным качествам и достоинствам. У германцев, у которых государственныя отношенія еще складывались, личность естест-

венно имѣла рѣшающее значенiе, как это видно из 7 гл. „Германiи“ Тацита: „nec regibus infinita aut libera potestas, et duces exemplo potius quam imperio, si prompti, si conspicui, si ante aciem agant, admiratione praesunt, т. е. „у королей нѣт неограниченной и вполнѣ независимой власти и, подобно герцогам, они, короли, скорѣе личным примѣром, нежели своего властью, вызывают удивленiе в том случаѣ, если они предпрiимчивы, видны и находятся впереди военнаго строя.“ В этом отношенiи не были исключенiем готы, давно знакомые с королевской властью. О положенiи у них королей Тацит говорит в 43 гл. „Германiи:“ „Готы знают королевскую власть болѣе строго проведенную, чѣм прочiя германскiя племена, но это не является нарушенiем народной вольности“. Есть указанiе, что всякiй носитель власти — герцог или король — обладал религiозным освященiем и правами жреца. В 10 гл. Германiи Тацит говорит: quos pressos sacro curru sacerdos ac rex vel princeps civitatis comitantur, т. е. „за этими запряженными в священную колесницу конями обычно слѣдует жрец, т. е. король или князь.“ Что это толкованiе имѣет оправданiе, можно видѣть из обычаев меровингской поры, когда короли имѣли обыкновенiе ѣздить на народныя собранiя на колесницѣ, запряженной быками. Этот способ передвиженiя короля, не соотвѣтствовавшiй условiям культурной жизни в ту пору, держался потому, что он был сохраненiем воспоминанiй о том, что королям принадлежала власть хранителей культа. Лампрехт склонен считать жречество входящим элементом в королевскую власть. Может быть, этим слѣдует объяснить, что королевская власть не была сильна у южных германских племен, имѣвших верховных жрецов. Так, напр., было у бургундов. По свидѣтельству писателя 4-го вѣка Аммiана Марцелина, у бургундов были короли, но положенiе их было непрочное. „Если страну постигнет бѣдствiе — неурожай или пораженiе, то король устранялся отъ власти, между тѣм как верховный жрец, называемый sinistus, был постоянным и ни в каком случаѣ не смѣщался.“ Повидимому, смѣщенiе короля у бургундов было возможно вслѣдствiе того, что в состав его власти не входил элемент жречества, освящающiй эту власть.

Как было указано выше, во главѣ отдѣльныхъ округов племенного государства или пагов стояли князья. Так как эти округа или паги дѣлились на сотни, то возникает вопрос, кто стоял во главѣ пагов? Мы не находим у Тацита термина „сотня“ в общей схемѣ территорiальнаго дѣленiя, и это обстоятельство затрудняло истолкованiе текста Тацита, пока не было принято промежуточнаго дѣленiя на сотни. Этот текст находится в 12 гл.: „Eliguntur in iidem conciliis et principes, qui jura per pagos vicosque reddunt, centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas assunt, — „на этих народных вѣчах выбираются князья, которые вершат суд по округам и селам.“ Дальнѣйшiя же слова

текста: centeni singulis ex plebe comites — представляли затрудненіе. Прежде здѣсь видѣли указаніе на дружинников, которые находились при каждом князѣ. Но почему эти дружинники назывались „centeni", являлось трудно объяснимым, пока не было приняты во вниманіе наличность дѣленія на сотни и картина германскаго судопроизводства. Суд производил князь, но вершил его во время объѣзда на особых мѣстах, которые назывались „thing" или „mahal." Послѣдній термин означает язык, откуда термины: gemalus для обозначенія участников суда и maloberg для обозначенія мѣста суда. Ошибочно думать, что мѣсто суда обусловливалось личным желаніем князя: в каждом округѣ было одно освященное традиціями мѣсто, гдѣ останавливался для судбища князь. Ни князь, ни король, ни герцог никогда не вершили суд единолично, а в сопровожденіи опредѣленнаго числа засѣдателей, избираемых из жителей сотни. Если мы примем во вниманіе эту картину германскаго судопроизводства, то получим слѣдующее истолкованіе затруднительнаго мѣста в текстѣ Тацита: у каждаго князя, который вершил суд, являлись „спутниками избираемые народом представители сотен; они придавали суду князя извѣстный авторитет." Это истолкованіе текста Тацита в связи с наличностью промежуточнаго дѣленія на сотни и картиной судопроизводства было предложено берлинским профессором Бруннером. Итак, система управленія у германцев устанавливалась соотвѣтственно тому, как дѣлилось племенное государство. Во главѣ пага стоял princeps, во главѣ сотни — начальник сотни.

Высшим органом управленія у германцев, как и у всѣх арійских народов, было народное собраніе, обозначаемое словом: „Thing," а у римских писателей: „concilium". Народное собраніе подробно описывается в 11 гл. „Германіи" Тацита. Что это описаніе соотвѣтствует дѣйствительности, тому доказательством служит большое сходство в организаціи и ходѣ народных собраній у германцев в эпоху Тацита и у франков в 8—9 вѣках. На народное собраніе сходились медленно, иногда впродолженіи 2—3 дней. Народное собраніе представляло военное ополченіе народа. Слѣдовательно, на нем присутствовали только свободные и взрослые люди, которые могли носить оружіе. За порядком засѣданій наблюдали жрецы. Пред всяким народным собраніем вырабатывалась программа засѣданія и опредѣленныя рѣшенія. В эту пору это особенно было необходимо, потому что многолюдное собраніе не могло бы прійти к опредѣленному рѣшенію. Задача подготовительнаго комитета лежала на совѣтѣ князей. Собраніе открывалось рѣчью князя, одного из членов совѣта. Рѣчь выслушивалась, по словам Тацита, с большим или меньшим вниманіем, соотвѣтственно со степенью краснорѣчія оратора, его возрастом и заслугами. Если выработанное совѣтом князей рѣшеніе не нравилось народному собранію, то оно отвергало его

шумом. Одобреніе постановленій совѣта князей выражалось присутствующими посредством потрясенія оружіем. Хотя народное собраніе обладало правом принять и отвергнуть постановленія совѣта, но не могло измѣнять их, потому что, при наличности нѣскольких тысяч участников народнаго собранія, являлось невозможным обсужденіе поправок этих постановленій князей. Народное собраніе представляло военное ополченіе народа. Так как военныя ополченія слагались по принципу родового дѣленія, то и засѣданія происходили по этому принципу, т. е. всѣ участники размѣщались в опредѣленных мѣстах, по семьям и родам. Собранія происходили один раз в год, а иногда и чаще, если возникали обстоятельства, побуждавшія созвать народное ополченіе, как, напр., вторженіе врагов. По словам Тацита, обычным временем для народных собраній был період новолунія и полнолунія: „В опредѣленные дни созывается народное собраніе, когда луна ростет или когда достигает полнаго размѣра, ибо они вѣрили, что это благопріятный момент для начала всяких дѣл“. Ни одно дѣло не рѣшалось без вѣдома народнаго собранія. Его обсужденію подлежали: 1) вопросы о войнѣ и мирѣ; 2) избраніе должностных лиц; 3) признаніе совершеннолѣтія германских юношей с врученіем им оружія; 4) освобожденіе рабов, выражавшееся передачей им оружія от прежних владѣльцев. На народном собраніи также возбуждались дѣла по обвиненію в преступленіях политическаго характера, и назначались за них наказанія, которыя по большей части влекли за собою смертную казнь: измѣнников вѣшали на деревьях, а трусов, покинувших во время сраженія строй, топили в болотѣ. На народном собраніи происходило поднесеніе даров представителям власти, так как в германском обществѣ не было налогов; и представители власти жили или на средства своего хозяйства или подарками подвластнаго им населенія. В послѣдующее время народному собранію принадлежало и право законодательной власти. Но первоначально его не было, потому что при родовом бытѣ отношенія у германцев опредѣлялись нормами этого быта. В числѣ законодательных актов народнаго собранія Ю. Цезарь отмѣчает запрещеніе ввоза вина (De bello Gallico 1. 4, с 2).

Военная организація.

Заканчивая очерк Германіи по Тациту, мы должны теперь перейти к характеристикѣ военнаго строя германцев. В народном собраніи присутствовал весь вооруженный народ. Это войско не было безпорядочной массой, а состояло из отрядов, о которых упоминает Тацит в 6 гл. трактата о Германіи: „Acies per cuneos componitur — „военное построеніе слагается из отрядов“. На основаніи родового принципа, опре-

дѣлявшаго всѣ стороны жизни германцев, и войско их, соотвѣтственно 3-м главным ступеням территоріальнаго дѣленія, слагалось из отрядов, выставляемых пагами или округами (каждый по 1000), сотнями и родами. Бо̀льшая часть войска состояла из пѣхоты. Конница была исключеніем, потому что у германцев коней вообще было мало, и они не отличались силой, быстротой и красотой. Но было установлено, чтобы каждый округ выставлял отряд всадников в 100 человѣк, или около этого, как об этом можно догадываться на основаніи слѣдующаго текста Тацита: „Quod primo numerus fuit, jam nomen et honor, т. е. что „прежде было дѣйствительно комплектом, то является теперь именем и честью.“ Послѣднія слова текста указывают, что в ту пору конная военная служба считалась у германцев почетной и доступна была немногим. Вооруженіе германскаго воина не отличалось ни замысловатостью, ни приспособленностью к военным дѣйствіям. Не было мечей и длинных копій; ратник не имѣл панцыря. Главнѣйшим оружіем германских воинов было короткое копье (framea), представлявшее деревянную палку с насаженным на нее металлическим остріем. Это орудіе играло двоякую роль: им можно было, держа его в руках, или наносить удары или бросать его, как метательное копье, на веревкѣ, при помощи которой и возвращать обратно. Вооруженіе всадников было лучшее. Нѣкоторые из них имѣли панцырь и копье. Пѣхота и конница были снабжены щитами, которые были разноцвѣтны, потому что каждое племя окрашивало щит в свой излюбленный цвѣт. Оставить щит на полѣ сраженія было позором. Для сосредоточенія воинов одного отряда употреблялись значки, нѣчто въ родѣ знамен, а войско обычно сопровождалось изображеніями германских богов. Роль врачей и санитаров исполняли женщины. Тацит говорит, что во время битвы онѣ не прятались, а спѣшили в тѣ мѣста, гдѣ находились пораженные их братья и мужья, омывали их раны и оказывали раненым первую помощь. Он также свидѣтельствует, что бывали случаи, когда строй германскій показывал тыл, но женщины плачем возвращали бѣгущих на поле сраженія.

В военной организаціи германцев был своеобразный институт, который послужил, как один из элементов для созданія феодальнаго строя. Он называется у Тацита „comitatus,“ что в переводѣ означает: дружина. Существуя у каждаго племени, дружина составляла ядро военной силы его. Члены дружины носили двоякаго рода названія. Если нужно было отмѣтить равенство лиц, то они назывались „comites,“ т. е. спутники, товарищи боевой жизни, а если нужно было опредѣлить подчиненное положеніе членов дружины по отношенію к главѣ ея, то они назывались „clientes“. Оба эти названія были латинскія, отчасти передававшія природу германскаго института. Болѣе понятны чисто германскія названія: druht, druct, т. е. толпа или отряд. Отсюда

возникли латинизованные термины для обозначенія дружины: „trustis,“ и для обозначенія дружинника: antrustio, встрѣчающіеся в памятниках франкскаго времени. У лангобардов употреблялись другіе термины в этом случаѣ: „gesindio, gesindius“ (от слова Sind — поход, путешествіе), т. е. люди, принимавшіе участіе в военных путешествіях, или боевые товарищи. Вступленіе в состав дружины основывалось на актѣ добровольнаго соглашенія между членом дружины и ея главою с обязательствами и правами как той, так и другой стороны. Тацит в 14 гл. трактата о Германіи опредѣляет обязанности главы по отношенію к дружинникам: „Они получают от щедрости своего главы боевого коня и знаменитое кровавое и побѣдоносное копье (framea).“ Дальше у Тацита мы читаем важное поясненіе; „nam epulae et quamquam incompti, largi tamen apparatus pro stipendio cedunt, т. е. „они получают хотя и неизысканные обѣды, но обильные; и это является им в замѣн жалованія.“ В виду этой особенности понятно, почему в франкскую пору члены королевской дружины (antrustiones) назывались convivae reges — сотрапезники короля. Переходя к описанію Тацитом состава дружины, мы должны отмѣтить, что в нее принимались знатные юноши со времени совершеннолѣтія, а незнатные люди при условіи военных заслуг. Таково простѣйшее истолкованіе того текста Тацита в 13 гл., на основаніи котораго только и можно судить о составѣ дружины, и который вызывал со стороны ученых разнорѣчивыя попытки его объясненія. Этот текст читается так: „insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignitationem etiam adulescentulis adsignant: ceteris robustioribus ac jam pridem probatis adgregantur. nec rubor est inter comites adspici.“ В этом текстѣ спорным пунктом являются два мѣста: principis dignationem и ceteris robustioribus. Переводя слова „principis dignationem,“ встрѣчающіяся в большинствѣ рукописей, в значеніи „расположеніе главы,“ мы можем передать начальную фразу так: „Выдающаяся знатность и большія заслуги отцов предоставляют даже юношам расположеніе главы.“ Но в Лейденской и Ватиканской рукописях встрѣчается вмѣсто „dignitationem“ — „dignitatem“ в значеніи „достоинство.“ Если слова dignitas и dignatio считать, как Фюстель де Куланж, однозначущими и переводить словом „достоинство“, то будет такой перевод даннаго мѣста: „Выдающаяся знатность и заслуги отцов предоставляют даже юношам достоинство вождя.“ От такого перевода слѣдует отказаться, так как употребленное в большинствѣ рукописей „dignitatio“ означает расположеніе, милость. Далѣе, принимая в слѣдующем спорном мѣстѣ текста чтеніе „ceteris“ и удерживая „dignitationem“ в значеніи „расположеніе,“ мы вторую половину текста можем передать так: „и они присоединяются к остальным членам (дружины), болѣе сильным и уже ранѣе засвидѣтельствовавшим свою доблесть.“ Таким образом, знатные юноши, с зачисленіем в дру-

жину, становились на ряду с людьми сильными и испробованными в боях. Однако, знаменитый филолог второй половины XVI в. Юст Липсій, отвергая чтеніе ceteris, предложил коньектуру, ибо считал это мѣсто испорченным: „ceteri." Замѣна — незначительная, но она измѣняет смысл текста: „А остальные присоединяются к болѣе сильным и извѣданным в боях." Кто эти „остальные"? Придерживаясь коньектуры Ю. Липсія, высказывают такое толкованіе, что словом „ceteri" обозначаются молодые люди народнаго ополченія, которые всѣ, за исключеніем юношей знатнаго происхожденія, присоединяются к воинам старшаго возраста, уже испытанным в боях. Против коньектуры Ю. Липсія возражают, что она не согласуется с дальнѣйшим текстом Тацита: „и не является поношеніем зачисленіе их в состав дружинников." Таким образом, не соглашаясь с объясненіями Фюстель де Куланжа и Юста Липсія, мы получаем простой и ясный перевод даннаго мѣста в текстѣ Тацита: „выдающаяся знатность и огромныя заслуги отцов доставляют даже молодым людям расположеніе главы (дружины), и они присоединяются к прочим членам (дружины) болѣе сильным и уже ранѣе испытанным в боях, но во всяком случаѣ для них не является поношеніем пребываніе среди дружинников." Таким образом, в состав дружины входили крѣпкіе, испытанные люди, но можно было зачислять и знатную молодежь, принимая во вниманіе заслуги отцов и признавая принцип наслѣдственности. Обязанности дружинников по отношенію к главѣ опредѣляются у Тацита в 14 гл.: „Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatui virtutem principis non adaequare. iam vero infame in omnem vitam ac probrosum, superstitem principi suo ex acie recessisse. Illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriae ejus assignare praecipuum sacramentum est, principes pro victoria pugnant, comites pro principe," т. е. „когда дѣло доходит до битвы, постыдно для вождя уступить в храбрости кому либо, постыдно и дружинѣ не сравняться с доблестью вождя, и является позором на всю жизнь и постыднѣйшим дѣлом оставить на полѣ битвы вождя и не сложить своей головы. Защищать вождя, беречь его и всѣ свои храбрыя дѣла совершать для его славы — такова главнѣйшая священная обязанность. Вожди сражаются за побѣду, а дружинники — за вождя." Эти немногія слова выясняют сущность германскаго института. Отношенія между вождем и дружиной не наемническія: онѣ покоятся на основѣ не экономической, а личной связи. Поступающій в дружину давал присягу вѣрности, которую под угрозой безчестія, в случаѣ ея нарушенія, выполнял до конца жизни. В институтѣ, упомянутом у Тацита под именем „comitatus," мы видим зародыши 2-х явленій: с 1-ой стороны — придворнаго штата, а с другой стороны — вассалитета. „Comitatus" является краеугольным камнем феодальнаго строя. Средства для

содержанія дружины вождь добывал войною или грабежом, как видно из 14 гл. „Германіи“ Тацита: „Materia munificentiae per bella et raptus.“ От вождя зависит опредѣленіе достоинства членов дружины, как видно из 13 гл.: „степень достоинства дружинника зависит от усмотрѣнія того, за кѣм эта дружина слѣдует, и большое между дружинниками наблюдается соревнованіе, чтобы занять первое мѣсто у своего вождя.“ Институт дружины (comitatus) имѣл военный характер, о чем Тацит говорит в 14 гл. „Германіи“: Si civitas, in qua orti sunt, longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adolescentium petunt ultro eas nationes, quae tum bellum aliquod gerunt, quia et ingrata genti quies et facilitas inter ancipitia clarescunt magnumque comitatum non nisi vi bellove tueare, т. е. „если государство, в котором дружинники были уроженцами, пребывает в продолжительном мирѣ и покоѣ, то многіе из знатных юношей отправляются дальше к тѣм народам, которые в это время ведут какую либо войну, так как для этого народа непріятен мир, так как многіе ищут случая прославиться при превратностях войны, а, с другой стороны, нѣт иного средства, помимо грабежа и войны, содержать большую дружину.“ Таким образом, дружина, хотя входила в состав племенного государства, но была по своему характеру разноплеменной. Отмѣчая этот разноплеменный состав дружины, нѣкоторые изслѣдователи (Зибель) утверждают, что всѣ передвиженія, совершенныя германскими племенами, и самое переселеніе германцев в Римскую имперію были произведены силами этих дружин. Это мнѣніе было отвергнуто Георгом Вайцем, который справедливо указывает на то, что для такого дѣла, как проникновеніе в предѣлы Римской имперіи, силы одной дружины было недостаточно, в доказательство чего он приводит любопытное свидѣтельство А. Марцеллина (l. 16, c. 12) о численности германских дружин. В битвѣ при Страссбургѣ был взят в плѣн аллеманскій князь Хлюдомар, а с ним 200 дружинников; схватка была жестокая, и многіе дружинники сложили свои головы. Таким образом, в состав дружины входило в нѣкоторых исключительных случаях (напр., у князей и королей) нѣсколько сотен человѣк. Вожди дружин, располагавшіе военными отрядами хорошо вооруженными и на конях, пользовались уваженіем и авторитетом. Тацит говорит, что если какой либо вождь дружины прославился, то к нему обращались из др. племенных государств с предложеніем принять участіе в войнѣ. Зачастую к таким вождям посылались посольства и подарки. Иногда довольно было одного слуха об участіи какого либо прославленнаго вождя в войнѣ, чтобы война не состоялась. На вопрос о том, когда именно возник институт дружины, нѣт и не может быть точнаго отвѣта, потому что институты и учрежденія рождаются и формируются в длинный період времени. Но любопытно сопоставить, что говорит Тацит о дружинѣ, с извѣстіями о ней Ю. Цезаря.

В 6 кн., 23 гл. его „Записок о Галльской войнѣ“ по этому поводу мы читаем: „Когда кто либо из князей на народном собраніи объявит, что он будет вождем, то тѣ, которые желают за ним слѣдовать, подымаются и тѣм самым одобряют предпринимаемое дѣло и человѣка и от присутствующаго народа получают одобреніе, а если кто либо не послѣдует, то такого считают в числѣ бѣглецов и измѣнников и послѣ этого ему не оказывают довѣрія в чем бы то ни было“. Сходство одинаковых выраженій не оставляет сомнѣнія, что в данном текстѣ Ю. Цезарь говорит о той же дружинѣ, о которой упоминает и Тацит в 13 гл. своего трактата о Германіи. Но в характеристикѣ этого института между данными писателями встрѣчается разница. У Ю. Цезаря мы находим установленіе связи между дружиной и вождем ея на время одного похода, а Тацит изображает эту связь постоянной. Если во время Ю. Цезаря уже наблюдаются зародыши дружиннаго начала, то дальнѣйшее его развитіе необходимо пріурочить ко времени тѣх 150 лѣт, которыми отдѣлены составленіе сочиненія Ю. Цезаря от времени написанія Тацитовскаго трактата.

Судебный строй.

Характеристику быта древних германцев остается дополнить свѣдѣніями о судебном их строѣ. Выше уже было сказано, что главнѣйшею обязанностью князя являлось совершеніе суда. Объѣзжая страну, князь вершил суд в качествѣ предсѣдателя судебной комиссіи, потому что произнесеніе приговоров принадлежало представителям населенія, выставляемых каждой сотней. Суд вершился на основѣ обычнаго права, выработаннаго народным юридическим смыслом и тогда еще незаписаннаго. И самые суды в то время были органами, которые способствовали выработкѣ юридических норм. Поэтому между судопроизводством и законодательством была тѣсная связь: судья являлся до нѣкоторой степени законодателем. Смертная казнь примѣнялась только в 2-х случаях: за измѣну и позорное бѣгство с поля битвы. Тацит говорит, что измѣнников и перебѣжчиков германцы вѣшали на деревьях, а безславных трусов топили в болотах, набрасывая сверху на них тяжести. За всѣ другія правонарушенія: грабеж, воровство, убійство, увѣчье и т. д. у германцев существовал выкуп, встрѣчаемый у всѣх арійских народов на 1-ой ступени их историческаго развитія. Этот выкуп охарактеризован у Тацита в 21 гл.: „От отца или родственника обязательно переходила как кровная месть, так и дружба“, но прибавляет Тацит: „nec inplacabiles durant — „кровная месть не была непрерывной“. В отличіе от кавказских горных народов, гдѣ постоянно род мстит за убійство роду, у германцев был положен предѣл наслѣдствен-

ной кровной мести, как видно из слов Тацита: „luitur enim etiam homicidium certo armentorum ac pecorum numero,“ т. е. „даже убійство человѣка смывалось извѣстным количеством рогатаго скота и др. вещей“. Таким образом, Тацит знает тот институт, который яснѣе представляется из варварских правд — институт виры, по которому за убійство свободнаго человѣка у салических франков требовалась уплата 200 солидов.

Общій взгляд на культуру германцев.

Обозрѣвая в общем быт германцев, нельзя не видѣть всю неосновательность сужденій нѣкоторых писателей XVIII и XIX в., которые уподобляли древних германцев американским дикарям, забывая о богатом общеарійском наслѣдіи германцев. Германцы времен Тацита были знакомы с формами государственнаго быта: у них существовал цѣлый ряд государственных учрежденій. Правда, культура германцев была невысока, по сравненію с римской, но не стояла ниже славянской культуры пред принятіем ими христіанства. В тогдашнем германском обществѣ многое было в зародышѣ, нуждаясь в дальнѣйшем развитіи. Классы общества едва намѣчаются, но при этом заслуживает вниманія, что свободное состояніе преобладает над рабством. Органы государственной власти (институт королевской и княжеской власти) являются слабо развитыми. В области уголовнаго права преобладают не государственные, а частноправовые интересы (сохраняются еще compositio и кровная месть). Военная организація неудовлетворительна: вооруженіе воинов плохое, а рать состоит из необученных военному дѣлу людей, во главѣ которых стоят вожди, незнакомые с военным искусством. Вся надежда воинов и вождей на личную отвагу и храбрость. Обработка земли велась кое-как, а люди пропитывались продуктами скотоводства и охоты. Торговли почти не существовало. Конечно, германцы были малокультурны и потому справедливо слыли у римлян варварами. Слѣдуя примѣру римлян, историки усвоили этот термин для наименованія германцев и других новых народов, надвигавшихся отовсюду на обширную Римскую имперію, но отнюдь не имѣли в виду употребленіем этого термина подчеркнуть дикость и жестокость этих народов и отрицать у них какую-либо культуру и добрыя качества, свойственныя человѣческой природѣ. Напротив, историки с удовольствіем отмѣчают наличность у этих варваров цѣлаго ряда черт и преимуществ по сравненію с римлянами. Прежде всего, они вели простой и близкій к природѣ образ жизни, который сохранял физическую крѣпость и энергію человѣка. С другой стороны, германцы были проникнуты любовью к свободѣ и сохраняли ряд свободных учрежденій, а именно; выборное начало вла-

стей, народное вѣче, самоуправленіе общины. Эта германская свобода выросла и окрѣпла на корнѣ родовых и племенных отношеній, но не могла сохраниться, когда германцы пришли в соприкосновеніе с римской культурой. Приспособляясь к условіям быта болѣе совершеннаго, германцы, под вліяніем римских традицій, потеряли почти всѣ свободныя учрежденія, поскольку таковыя нормировали жизнь государства, но они сохранили частно-правовыя отношенія в области гражданскаго быта и судопроизводства. Этот корень германских учрежденій привел к созданію феодальнаго строя. Ошибочно думать, что германцы — спеціальные творцы этого строя. В значительной степени зародыши феодализма были знакомы всѣм арійским народам.

Римскій міp смутно чувствовал приближеніе поворотнаго момента в исторіи міра, и ощущеніе этого настроенія нашло выраженіе в трактатѣ Тацита, хотя он жил в счастливые дни Рима, когда римское оружіе было покрыто славой неоспоримых тріумфов над германцами. В 37 гл. Тацит предчувствует грозящую Римской имперіи опасность со стороны сосѣдних германских варваров: „Прошло около 210 лѣт, считая от пораженія Кимвров, как мы побѣждаем Германію. И в теченіе этого длиннаго промежутка времени какія обоюдныя потери? Ни самниты, ни пунійцы, ни жители Испаніи и Галліи, ни пареяне не дали нам болѣе серьезных предостереженій. Свобода германцев болѣе страшна, чѣм монархія арсакидов. Германцы отняли 5 консульских армій у римскаго народа и три легіона Вара у императора . . . и в послѣднее время над ними болѣе справлялось тріумфов, чѣм наносилось им пораженій“ (triumphati magis quam victi sunt).

Поселеніе германцев на землях Римской имперіи.

Період времени, когда германскій міp приходит в постоянное соприкосновеніе с римским, извѣстен в исторіи под именем великаго переселенія народов. Этот термин мало уясняет сущность дѣла в том отношеніи, что для пониманія этого явленія предварительно необходимо указать его причины, а также и тѣ формы, в которых оно происходило. Попытка объясненія с экономической точки зрѣнія передвиженія германцев в предѣлы Римской имперіи представлена Мейценом. Он полагал, что германцы в пору Тацита, если и занимались земледѣліем, то оно было подспорным занятіем, а главныя средства к жизни они получали от скотоводства. По его мнѣнію, принимая во вниманіе плодовитость германской женщины, слѣдует считать нормальной семью в 8 человѣк, которая для своего пропитанія должна обладать, кромѣ полевого участка, еще 30 коровами, а сотня, в которой 100—120 семейств, — коллективным стадом в 3600 коров.

Исчисляя, далѣе, площадь земли, необходимой для такого стада, при соотвѣтствующем количествѣ мелкаго скота и отсутствіи развитого земледѣлія, Мейцен исчисляет эту площадь в размѣрѣ 3-х квадратных миль и увеличивает эту площадь в два раза, если почва была болотиста, покрыта лѣсом или малоплодородна. Таким образом, если у свебов было 100 округов или пагов, как говорит Цезарь, то они должны были располагать территоріей в 600 кв. миль. При выкорчиваніи лѣсов и хороших лугах населеніе могло прокормиться, если оно и удваивалось, а при условіи введенія 3-хпольной системы могло и утроиться. Но так как у германцев трехпольнаго хозяйства до 8 в. не было, то понятно, что даже удвоеніе их численности, дѣлая территорію недостаточной, должно было повести к необходимости искать новыя мѣста поселенія. Мейцен, принимая во вниманіе средній процент в Европѣ рождаемости и смертности, полагает, что в условіях патріархальнаго быта населеніе за 100 лѣт удваивается. И у германцев чрез 200 лѣт, естественно, вслѣдствіи перенаселенія, явилась острая нужда расширить свои поселенія. Она заставляла германцев напирать на западныя и южныя границы; временно прорывая ихъ, они находили мѣста для поселенія в предѣлах Римской имперіи. Так как самое передвиженіе германцев происходит в теченіе долгаго періода, то оно не получает характера остраго явленія и ускользает в своих проявленіях от вниманія современников. Попытки переселенія германцев начинаются почти в III в до Р. Х.; по крайней мѣрѣ, по свидѣтельству Тацита и Ливія, в 218 г. германцы были на Пеннинских Альпах. В 180 г. бастарны двинулись в Паннонію, около 150 г. эбуроны и их сосѣди двинулись на Маас. Болѣе извѣстно движеніе в 113—12 г. кимвров и тевтонов, которые с берегов Нѣмецкаго моря прорываются в Галлію. Это движеніе кончилось для них неудачно: в 102 г. тевтоны были разбиты при Э (Aquae Sextiae) в Провансѣ, а в 101 г. кимвры при Верцеллах в сѣв. Италіи. Около 110 г. батавы переходят Рейн; в 70 г. видим движеніе свебов, под начальством Аріовиста; в 38 г. квады появились на восточной границѣ, а одновременно с тѣм на западѣ происходит движеніе убіев к Рейну. В 16—8 гг. до Р. Х. сикамбры, германдуры, а позднѣе узипеты, тенктеры, тубанты входят в предѣлы Римской имперіи и занимают провинціи — Верхнюю и Нижнюю Германію. Таким образом, отдѣльныя крупныя движенія германцев постоянно происходят чрез каждый 30-лѣтній промежуток времени. Не смотря на видимый неуспѣх этих передвиженій к границам Римской имперіи, ошибочно думать, что они совсѣм не имѣли результатов. Нельзя даже сказать, что плачевный поход кимвров и тевтонов не оставил послѣдствій: не всѣ варвары были перебиты, а многіе из захваченных в плѣн остались в Римской имперіи навсегда в качествѣ рабов, заня-

тых ремеслами и земледѣліем, и внесли примѣсь германской крови в населеніе имперіи. Другія столкновенія приводили к тому, что германскія племена получали в предѣлах Римской имперіи мѣста для поселенія или вступали с нею в договорныя отношенія. Так, батавы, сохраняя племенную свободу, обязались выставлять войска и по отношенію к Риму назывались „foederati“. Тацит отмѣчает дружественность убіев, освоившихся с Римской цивилизаціей. Выше было указано, как римская армія подверглась процессу варваризаціи, т. е. как в нее стали входить и даже господствовать варварскіе элементы. Этот процесс, который отражался на составѣ римскаго правительства и чиновничества, наблюдался в широких размѣрах среди населенія имперіи. Постоянныя войны и вызываемые ими наборы рекрут привели к тому, что многіе землевладѣльцы почувствовали недостаток в рабочих руках; покупая взятых в плѣн германцев, они садили их на земли. Эти поселенцы назывались колонами. Колонат аналогичен крѣпостному состоянію. Колон получал участок земли, необходимый для прожитія и уплаты арендной платы. Права землевладѣльцев на колона были ограничены в том отношеніи, что колона нельзя было согнать с земли, потому что, по установленіям римскаго права, колон был membrum terrae, т. е. неотдѣлимая часть имѣнія. Таким образом, постепенно в массѣ сельскаго, особенно пограничнаго, населенія внѣдрялся элемент германскаго происхожденія. Когда борьба с германцами становилась сложнѣе, римское правительство стало вступать в соглашенія с вождями отрядов или цѣлыми племенами и селило их в предѣлах Римской имперіи на правах летов. Этот термин германскаго происхожденія указывает на среднее состояніе между положеніем свободнаго человѣка и раба. Леты отличались от колонов, лиц рабскаго состоянія и живших на землях частных землевладѣльцев тѣм, что они были поселенцами по личному соглашенію на землях коронных и должны были платить налоги в пользу казны и выставлять ратников в римскіе легіоны. При обиліи земель в Римской имперіи, эта система получила скоро широкое примѣненіе. Нечувствительно уступая натиску германцев, римское правительство находило выгодным для себя отдавать им пограничныя области. Поселяясь на римской территоріи, германцы должны были охранять ее от своих сородичей. Таким образом, переселеніе германцев не есть завоеваніе ими Римской имперіи, а есть процесс медленнаго внѣдренія их в ея состав. И по мѣрѣ того, как Римская имперія становилась все болѣе и болѣе варварской, этот процесс получал болѣе широкіе размѣры. Имѣя против себя мелкія племенныя государства, Римская имперія успѣшно боролась с ними, но положеніе ея стало очень опасным, когда среди германцев возникло стремленіе к образованію больших союзов.

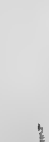
Образованіе германских племен.

Еще во время Тацита на востокѣ Германіи, а отчасти на сѣверѣ существовали большія племена готов, лангобардов, фризов и вандалов, наряду с которыми на западѣ Германіи в ту пору преимущественно наблюдались мелкія и слабыя племена. В послѣдующее время происходит группировка этих мелких племен в большіе союзы, и появляюся аллеманы, франки, саксы, тюринги, бавары, извѣстные Тациту под именем маркоманов. Итак, мы наблюдаем факт сліянія отдѣльных германских племен в крупныя этнографическія единицы, которыя возникают на протяженіи времени от 3 до 6 в, в связи с необходимостью добиться успѣха в борьбѣ с Римской имперіей. Самое названіе аллеманскаго союза (alle Mannen — сбродные люди) указывает на соединеніе различных групп или племен. Объясненіе этого имени находится у писателя времени Александра Севера — Азинія Квадрата в его сочиненіи: „Тысячелѣтіе Римскаго государства", не дошедшем до нас. Писатель V в. Агаѳій со слов Азинія говорит, что аллеманы *σύγκλυδές εἰσιν ἄνθρωποι καὶ μιγάδες*, т. е. „сбродные и перемѣшанные люди". Современные изслѣдователи полагают, что в состав аллеманскаго союза вошли семноны, к которым присоединились тенктеры, узупеты и тубанты. Первый раз аллеманы выступают в 213 г.. В 234 г. впервые встрѣчается имя франков. Названіе этого народа ставят в связь со словом francus — свободный человѣк; этим названіем племена, составлявшія союз, хотѣли как будто подчеркнуть иное отношеніе к Римской имперіи, по сравненію с положеніем своих соотечественников, находившихся в зависимости от имперіи. В состав франкскаго союза предположительно вошли мелкія племена истевонскаго союза: бруктеты, сикамбры и др. Это предположеніе основывается на разсказѣ Григорія Турскаго о крещеніи Хлодвига, во время котораго Реймсскій архіепископ Ремигій сказал королю франков Хлодвигу: „Преклони главу свою, гордый сикамбр!" Около 285 г. упоминаются саксы, союз нѣкоторых из ингевонских племен, живших у берегов Нѣмецкаго моря. В 380 г. упоминается племя тюрингов, образовавшихся из состава свевскаго союза. Это новое имя вытѣсняет, повидимому, прежнее: германдуры. Также вмѣсто прежняго имени маркоманнов выступает в началѣ V в. новое имя баваров. Это послѣднее имя можно объяснить тѣм, что маркоманны долго занимали землю кельтскаго племени боев, теперешнюю Чехію (Bojohemum), откуда перешли потом на запад и заняли земли по верхнему теченію Дуная, но уже под новым именем баваров.

Эпоха переселенія германцев.

Эпоха переселенія германцев дѣлится на три періода, извѣстные по имени того народа, который был виновником в данный період толчка, приводившаго к передвиженію германских племен. 1-ый період—время маркоманской войны во 2 в.; 2-ой готскій, потому что виновниками передвиженія в это время были готы; и 3-ій — гуннскій. При Маркѣ Авреліи в 165 г. маркоманны, квады, вандалы и гермадуры соединяются в один союз с цѣлью добиться у Римской имперіи уступок пограничных земель. Они захватили Паннонію, Норик, Рецію, Иллирію и осадили город Аквилею в сѣверо-восточной Италіи. Но Марк Аврелій остановил это движеніе маркоманскаго союза, вытѣснив германцев из занятых ими римских провинцій. По смерти в 180 г. Марка Аврелія, сын его Коммод выдачей подарков надѣялся удержать германцев в прежних предѣлах. Названіе маркоманскаго союза исчезает, но успѣх его дѣятельности приводит германцев к сознанію выгодности союза, и в послѣдующее время мы наблюдаем у них образованіе новых племенных союзов. Маркоманская война является начальным актом переселенія германцев и 1-м періодом его. Во 2-ой період толчек к переселенію был дан готами. По свидѣтельству Тацита, они были знакомы с институтом королевской власти и сначала жили на нижнем теченіи Одера и Вислы, а одна вѣтвь их по Балтійскому морю переселилась в южную Швецію, долго извѣстную под именем Готіи. Во 2-м в. по Р. Х. это могущественное племя по теченію Вислы и Западнаго Буга продвинулось от берегов Балтійскаго моря к с-з. углу Чернаго моря, гдѣ оказалось около 215 г. Постепенно, в теченіе III в., готы разселились по бассейнам Днѣпра и Днѣстра до Дона. Знакомые с морским дѣлом, готы на югѣ обнаруживают склонность к морским набѣгам. Они опустошают берега Пропонтиды и чрез Геллеспонт проникают в Эгейское море, осаждают даже Ѳессалоники или Солунь и Аѳины. Это многочисленное племя состояло из двух вѣтвей: вестготов, живших на запад от Днѣстра, и остготов — на восток от него. Дѣйствуя совмѣстно, готы в срединѣ 3 вѣка пытались захватить Дакію — нынѣшнюю Руминію, но в 270 г. были вытѣснены отсюда имп. Клавдіем II послѣ пораженія, стоившаго готам 320000 человѣк. Тот же Клавдій остановил и движеніе аллеманов, которые, прорвав на западѣ ряд укрѣпленій между Рейном и Дунаем, стремятся ворваться в Десятинныя поля. Не взирая на эти успѣхи, правительство сознавало необходимость уступок. Вскорѣ послѣдовала уступка готам Дакіи, а аллеманам — Десятинных полей, расположенных за стѣною Траяна и Адріана, на условіях охраны этих земель. Приближался 3-ій, гуннскій період переселенія германцев. Гунны

появляются в Европѣ в IV в. Это был народ тюркскаго происхожденія. Кочуя нѣкогда по верховьям Амура, гунны перешли в средне-азіатскія владѣнія, из которых мелкими ордами стали перебираться чрез Прикаспійскую впадину к низовьям Волги. Русским историком Иловайским было высказано мнѣніе о славянском происхожденіи гуннов, опровергнутое рядом статей проф. Васильевскаго. Покорив в 327 г. германское племя алан, гунны напали на готскую державу, во главѣ которой стоял Германрих. Он пытался остановить движеніе гуннов, но в 375 г. был разбит и погиб. Это появленіе гуннов, завершившееся покореніем готов, явилось началом новаго періода. Германрих был королем остготов, а вестготы, находясь в зависимости от него, управлялись своими королями. Остготы, потеряв короля, покорились власти гуннов, а вестготы обратились к имп. Валенту с просьбой дать им земли для поселенія в предѣлах Римской имперіи. Валент, находясь тогда в Антіохіи, колебался дать согласіе, потому что считал опасным для имперіи принять такую большую массу готов, у которых было 200000 вооруженных людей, а слѣдовательно общее их число достигало милліоннаго состава. С другой же стороны, Валент, как аріанин, сочувствовал готам, которые, благодаря проповѣди Ульфилы, приняли христіанство по ученію Арія. Аріанское духовенство уговорило императора принять под свою защиту вестготов и дать им Мизію с тѣм, чтобы, перед переправою чрез Дунай, они выдали свое оружіе римскому правительству. Однако, по недобросовѣстности подкупленных римских чиновников был допущен переход вестготов чрез Дунай в Мизію с нарушеніем этого условія. Вскорѣ, едва минуло 2 года, по винѣ тѣх же чиновников, вестготы, доведенные до отчаянія, подняли свое оружіе против пріютившей их имперіи. Римскіе чиновники стали задерживать установленныя договором ссуды. Доведенные до крайности, вестготы взялись за оружіе и двинулись чрез Балканы по направленію к Константинополю. В битвѣ 378 г. при Адріанополѣ Валент был разбит и погиб, а вестготы опустошили всѣ забалканскія страны. Но полководец Граціана, императора западной половины имперіи, Ѳеодосій, родом испанец, разбил вестготов. Принудив в 382 г. их к покорности, он поселил вестготов уже не в Мизіи, а в различных мѣстах Балканскаго полуострова на положеніи „foederati", т. е. лиц, обязанных выставлять войска для защиты имперіи. Считая пребываніе вестготов на сѣверѣ Балканскаго полуострова опасным для имперіи, Ѳеодосій, дѣятельно поддерживавшій в имперіи ортодоксію, однако не преслѣдовал их за аріанство. В 395 г. Ѳеодосій умер, раздѣлив имперію на 2 половины: младшему 11-лѣтнему сыну Гонорію он отдал западную половину, а старшему 18-лѣтнему Аркадію — восточную. Этот раздѣл имперіи был актом политической ошибки Ѳеодосія, потому что оба сына его были неспособны к

управленію государством. Как бы предугадывая это, Θеодосій назначил им сотрудников: на востокѣ Руфина аквитанца, а на западѣ Флавія Стилихона. По происхожденію варвар из племени вандалов, этот человѣк получил античное образованіе и сдѣлался ревностным поклонником римской культуры и государственности. Он был боевым товарищем Θеодосія и женат на пріемной дочери его Серенѣ. На смертном ложѣ Θеодосій дал Стилихону порученіе заботиться не только о западной, но и о восточной половинѣ имперіи. Хотя это порученіе не было оффиціальным, но Стилихон, как германец, считал, что слово императора — закон.

Преимущественное положеніе Стилихона вызвало зависть со стороны Руфина. Эта личная непріязнь 2-х правителей осложнялась еще различіем в положеніи восточной и западной частей имперіи, рѣзко отличавшихся между собою по составу населенія и характеру культуры. Надѣясь с помощью вестготов отстоять самостоятельность своего положенія на востокѣ, Руфин вступил в переговоры с вождем их Аларихом, обѣщая отдать ему во владѣніе Иллирію под условіем оказанія услуг в борьбѣ с Стилихоном. Этот договор не был еще юридически оформлен, как Руфин пал жертвой придворнаго заговора. Но Аларих потребовал осуществленія договора. Долго живя разъединенно в различных мѣстах Балканскаго полуострова, вестготы опасались потерять свою національную независимость, а, с другой стороны, их раздражали притѣсненія и злоупотребленія византійских чиновников. Эти два обстоятельства заставили вестготов провозгласить своим верховным вождем Алариха, принадлежавшаго к роду Балтов. Этот замѣчательный человѣк пережил критическую эпоху вестготской исторіи, так как он родился около 370 г., т. е. незадолго до появленія гуннов. Вестготы не были врагами римскаго государственнаго строя. Они рѣшили добиваться только прочнаго положенія в имперіи и отвода земель для поселенія в одной из римских провинцій. Аларих открыл военныя дѣйствія против константинопольскаго правительства. Он появился с войском в Θессаліи, потом в Пелопонессѣ и проник на юг Аттики, но Аθин не тронул. Исполняя завѣт Θеодосія, Стилихон высадился с войском на берегу Коринθскаго залива и отрѣзал отступленіе Алариху. Нанеся ему нѣсколько мелких пораженій, он загнал его в гористую область Элиды, гдѣ Алариху угрожала опасность голода и сдачи. Однако, вестготам удалось прорваться и уйти к сѣверу в Иллирію. Между тѣм, это вмѣшательство Стилихона в дѣла восточной имперіи было враждебно встрѣчено двором Аркадія. Послѣдній потребовал, чтобы Стилихон немедленно оставил восточную имперію. Мало того, император вошел в переговоры с вестготами и отдал им цѣликом Иллирію, предоставивши Алариху титул „magister militum“. Хотя мелочная политика Арка-

дія привела к благополучному окончанію замыслов Алариха, но, с другой стороны, способствовала возбужденію в нем честолюбивых замыслов и разожгла корысть и требовательность вестготов. Отдавая Иллирію Алариху, византійское правительство имѣло в виду противопоставить Алариха Стилихону и было не прочь поощрять честолюбіе вестготскаго вождя. Стилихон предвидѣл наступленіе Алариха на запад и своевременно предпринял цѣлый ряд мѣр для защиты Италіи. Прежде всего, он вызвал из Британіи и с Рейна римскіе легіоны и таким образом обнажил западную границу. Для защиты ея он вступил в переговоры с бургундцами, предоставив им земли по сѣверному теченію Роны, и с франками, которые перешли на лѣвый берег Рейна. По условіям договора с имперіей, эти народы обязались охранять ее от своих соотечественников. Зная об этих приготовленіях Стилихона, Аларих в ноябрѣ 401 г. двинулся из Иллиріи в сѣверную Италію и осадил Аквилею. Стилихон в это время находился в Галліи, а ничтожный император Запада Гонорій укрылся в Миланѣ. Наскоро собрав ополченіе из аллеман, бургундов и др., Стилихон спустился чрез Альпы в сѣверную Италію. Битва при Поленціи 6 апрѣля 402 года окончилась пораженіем Алариха, отступившаго в Иллирію. Но едва было отбито нападеніе вестготов, как явилась новая опасность. Передвиженіе бургундов, франков и аллеман в предѣлы имперіи освободило земли на правом берегу Рейна и вызвало броженіе среди варварских народов. Предпріимчивый вождь Радагаст собрал дружину из свебов, аллеман, бургундов и рѣшил завладѣть Италіей. Стилихон наскоро собрал ополченіе из римских легіонов и германских наемников и загнал Радагаста на Фезуланскія высоты, гдѣ подверг его такой жестокой блокадѣ, что только жалкіе остатки дружины спаслись бѣгством чрез Альпы. Эта была послѣдняя услуга Стилихона Римской имперіи. Ему удалось сохранить неприкосновенность Италіи, но цѣною ряда уступок германским народам. Он с грустью видѣл, как одна за другой области Римской имперіи уходили от прямого наблюденія римскаго правительства. При жизни Стилихона англосаксы завладѣли Британіей, а вандалы захватили Пиринейскій полуостров. Важныя государственныя заслуги Стилихона давно уже вызывали зависть у ничтожных придворных, под вліяніем которых император стал подозрительно относиться к своему полководцу. Стилихона обвиняли в желаніи обладать императорской короной и в тайных переговорах с Аларихом. Не чувствуя за собой вины, но не желая спасать себя открытым бунтом, Стилихон искал спасенія у алтаря одной из базилик в Равеннѣ, при входѣ в которую пал под ударами подосланных императором убійц. Смерть Стилихона пагубно отразилась на положеніи имперіи. Пока Стилихон стоял во главѣ ея, сохраняли свою силу лучшія традиціи управленія. В его время не было гоненій на аріанство,

и он пользовался одинаковым уваженіем как римлян, так и германцев. Со смертью его начались гоненія на аріан и сторонников Стилихона, преимущественно лиц германскаго происхожденія. Эти преслѣдованія раздражали германских наемников. Есть указаніе, что 30000 германцев, служивших у Стилихона, удалились в Иллирію к Алариху. Как аріанин, послѣдній выставил себя защитником гонимых аріан, а, с другой стороны, стал утверждать, что у него было условлено с Стилихоном, чтобы Далмація и области сѣверной Италіи были отданы вестготам. Послѣдовало новое нападеніе Алариха на Италію. Миновав сѣверную Италію и не встрѣтив сопротивленія, он двинулся на Рим. При всѣх своих культурных богатствах город этот не имѣл мужественнаго населенія. Оно состояло из мало дисциплинированной толпы, привыкшей питаться и получать удовольствія на счет казны. В Римѣ возникла паника. Богатые бѣжали еще до появленія Алариха. Приближеніе к городу варваров вызвало цѣлый ряд жестоких расправ. Жертвой черни пала тогда вдова Стилихона Сирена. Эта римлянка, отличавшаяся не меньшим благородством, чѣм ея муж, была задушена народною чернью, по наущенію сестры Гонорія Плацидіи. Во время всеобщей паники в Римѣ возникла идея возобновить моленія языческим богам, которые, по мнѣнію народа, только и могли спасти город. Так как нельзя было взять Рим, не прекративши подвоза провіанта по Тибру, то Аларих блокировал Остію. Наступившій в Римѣ голод и распространившаяся среди населенія моровая язва заставили сенат, под давленіем народной массы, вступить в переговоры с Аларихом. Сенату пришлось согласиться на огромный выкуп в 5000 фунтов золота, 30000 ф. серебра, 4000 шелковых туник, 3000 овечьих шкур, окрашенных пурпуром, и 3000 ф. перцу. Для уплаты этого непосильнаго для Рима выкупа пришлось собрать не только всѣ запасы городской казны, но и перелить статуи в металл. В Равенну к императору было отправлено посольство с просьбою согласиться на заключеніе с Аларихом мира и союзных отношеній. Император дал согласіе на выкуп, но оставил без вниманія мирныя предложенія Алариха. Послѣдній, между тѣм, получив выкуп, отступил к сѣверу в Тоскану, намѣреваясь добиться наконец уступчивости правительства. Когда же обнаружилось, что Гонорій упорствует в своем нежеланіи входить в соглашеніе, ибо депутація римскаго сената не имѣла никакого успѣха, то Аларих двинулся вторично на Рим, чтобы побудить Гонорія к уступкам. Так как эта осада была дипломатическим шагом, то он избѣгал открытія рѣшительных военных дѣйствій. Новое посольство римскаго сената во главѣ с епископом передало императору условія Алариха: уступка провинцій Норика и Далмаціи, ежегодная ссуда или дань деньгами и хлѣбом, пожалованіе титула „magister militum“, но за то Аларих обѣщал очистить

Италію и служить вѣрно имперіи. Условія снова были отвергнуты. Тогда, желая сломить упрямство Гонорія, Аларих предложил римлянам выбрать императором Аттала. С помощью этого своего кандидата он надѣялся достигнуть своей цѣли. Он предложил Атталу поход в Африку, правитель которой прекратил подвоз хлѣба в Италію, но тот готовился идти на Равенну, стал даже высокомѣрно держаться по отношенію к Алариху и был им низложен. В концѣ лѣта Рим был в третій раз осажден вестготами. 24 августа 410 г. римскіе рабы открыли „porta Solaria", и вестготы взяли Рим. Но Аларих принял мѣры к тому, чтобы город не подвергся полному разоренію, и, ограничившись 3-хдневным опустошеніем Рима, двинулся на юг в Кампанію. Здѣсь он умер среди приготовленій к походу в Африку, овладѣніем которой он хотѣл или доставить своим вестготам богатѣйшую провинцію, или нанести послѣдній удар Гонорію. Смерть Алариха улучшила положеніе императора, потому что преемник Алариха, Атаульф, подвергшійся римскому вліянію, считал себя болѣе римляниpermanent, чѣм вестготом, и задачу своей жизни видѣл в поддержаніи имперіи. По договору с Гоноріем, Атаульф увел вестготов в южную Галлію, которая была ему предложена вмѣстѣ с титулом „magister militum". Здѣсь в своей новой столицѣ Нарбоннѣ, вопреки волѣ Гонорія, он торжественно отпраздновал свою свадьбу, женившись на сестрѣ императора Плацидіи, увезенной им в качествѣ плѣнницы из Италіи. В эту пору временно был возстановлен блеск имперіи, благодаря энергіи и твердости искуснаго римскаго полководца Констанція. Он возвратил к покорности аллеман и бургундов, которые стремились к независимости, и оттѣснил за Шельду франков. Воспользовавшись кончиной Атаульфа, он подчинил имперіи преемника его Валлію, который должен был согласиться на управленіе южной Галліей под условіем, чтобы администрація назначалась римским двором. Но это улучшеніе в положеніи имперіи продолжалось недолго: Констанцій умер в 421 г., а Гонорій два года спустя. Со смертію Гонорія явились новыя затрудненія. Преемником Гонорія был единственный по мужской линіи представитель дома Ѳеодосія, сын Аркадія, Ѳеодосій 2-ой, император Востока. За малолѣтством его, имперіей управляла его сестра Пульхерія. Она не хотѣла осложнять свои заботы вмѣшательством в запутанныя дѣла Западной имперіи, и, по ея совѣту, Ѳеодосій отправил в Рим Плацидію с ея сыном, который вступил на престол под именем Валентиніана III, но фактически власть принадлежала его матери. Плацидія обладала природными способностями и приблизила к себѣ двух талантливых полководцев Бонифація и Аэція. К сожалѣнію, их взаимная вражда и соперничество навлекли новую бѣду на имперію. Оклеветанный Аэціем, Бонифацій призвал вандалов и их короля Гензериха. Во время похода Радагаста вандалы перешли через Галлію на Пириней-

скій полуостров и отсюда стали распространять свои завоеванія на Африканском берегу. Вандалы не стремились, как другіе варварскіе народы, войти в сношенія с римским правительством и, за представленіе им областей для поселенія, взять на себя защиту имперіи, а добивались завоеваній в свою пользу. Овладѣв в началѣ V в. Африкой и опираясь на флот, вандалы тревожили острова Средиземнаго моря. Началась так называемая вандальская война, которая протекала с перемѣнным счастіем до самой смерти Гензериха (477). По свидѣтельству Прокопія, по договору 435 г. имперія уступила вандалам обѣ Мавританіи, но они этим не ограничились и продолжали свои завоеванія: в 439 г. пал Карѳаген. Временами Гензерих склонен был в зависимости от хода дѣл даже уплачивать дань Валентиніану III и дал в заложники своего сына. Одним из эпизодов этой продолжительной войны было внезапное нападеніе Гензериха на Рим, когда в 455 г. вандалы взяли этот город и безжалостно опустошали его 14 дней. Пока был жив Аэцій, борьба с вандалами шла все же успѣшно, так как этот полководец не уступал по талантам Стилихону и умѣл держать в покорности варваров, поселившихся в Галліи. Когда франки попытались перейти за р. Сомму, то были им оттѣснены обратно к сѣверу. Есть основаніе думать, что Гензерих был одним из виновников привлеченія на Западную имперію новых врагов в лицѣ гуннов, так как борьба с Аэціем ему не всегда была по силам. Послѣ поселенія в долинах Панноніи, гунны долго оставляли в покоѣ своих сосѣдей, пока не были объединены Роной или Ругилой, который доставил им большое значеніе. Ѳеодосій II, император Востока, обязался уплачивать Ронѣ по 350 фунтов золота. По смерти Роны власть перешла к его племянникам Бледѣ и Аттилѣ, сыновьям Мундзука. Разъединенные под властью двух правителей, гунны не представляли опаснаго для Рима врага. В 445 г., убив Бледу, Аттила стал единодержавным их повелителем. Стремясь к завоеванію всей Римской имперіи, он предпринимает против нея цѣлый ряд походов. Он нападает на восточныя области имперіи — Арменію и Сирію. Византійское правительство искало мирных переговоров с Аттилой и отправило к нему посольство, во главѣ с Приском, оставившем сочиненіе, в котором он описал двор и образ жизни предводителя гуннов. По смерти Ѳеодосія II, при котором отношенія к гуннам нормировались уплатой им дани, правительницей Востока явились Пульхерія. Сотрудник ея по управленію имперіей и ея муж Марцелл, отказался от уплаты дани, а на угрозы Аттилы отвѣчал, что у римлян для друзей есть золото, а для врагов желѣзо. Эта гордость правительства и сознаніе, что на западѣ можно ждать меньшаго сопротивленія, побудили Аттилу направить свои честолюбивыя завоевательныя предпріятія на области Западной имперіи. Предлогом было выставлено домогательство

руки Гоноріи, сестры императора Валентиніана III. По политическим соображеніям Гонорія была обречена на дѣвство, но она тайком повѣнчалась с одним вельможей, за что была отправлена в Константинополь, гдѣ ее заточили в один из монастырей. Находясь в заточеніи, она послала Аттилѣ свой перстень с заявленіем, что считает себя его невѣстой. Конечно, не эта романтическая исторія, а то, что Запад мог менѣе противостоять, чѣм Восток, и переговоры с Гензерихом побудили Аттилу в началѣ 450 г. двинуться с 600000 войском на Галлію. Аэцій поспѣшил на встрѣчу грозному врагу, и в 451 г. на Каталаунских полях произошло сраженіе, извѣстное под именем „битвы народов“, потому что здѣсь столкнулись всѣ германскіе народы в качествѣ союзников или противников Римской имперіи. Битва кончилась пораженіем Аттилы и его отступленіем. Неудача не охладила Аттилу. В 452 г. он с своими полчищами явился в сѣверной Италіи. Аквилея была разрушена и также почти всѣ города по р. По. Бѣглецы из Аквилеи и других городов спасались на лагунах Адріатическаго моря. Так возникла Венеція. Посольство римское, во главѣ с папою Львом, просьбами и подарками склонило Аттилу очистить Италію и отвести гуннов в Паннонію. Впрочем, это посольство едва ли бы имѣло успѣх, если бы к такому шагу не побудила Аттилу моровая язва, появившаяся среди гуннов. Вскорѣ по возвращеніи в Паннонію Аттила погиб в 453 г., а с ним пало и могущество гуннов. Подвластные народы, воспользовавшись соперничеством сыновей Аттилы, стали избивать гуннов, и остаток их нашел спасеніе в Прикаспійских степях. Тогда же (в 451 г.) был убит Аэцій, по приказанію императора. Наступали самыя печальныя времена для Рима. Император Валентиніан III обезчестил жену сенатора Максима. Послѣдній убил императора и был провозглашен императором. Он стал принуждать вдову Валентиніана Евдокію вступить с ним в брак. Она призвала вандалов, которые в 455 г. безжалостно опустошили Рим. По смерти Валентиніана власть в западной имперіи фактически переходит в руки начальников германских войск, которые отдавали корону своим кандидатам. Всѣ эти императоры были послушным орудіем в руках предводителей варварских наемников. О положеніи Римской имперіи можно судить по тому, что один из таких императоров Авит, который был прежде ритором и возведен был на престол по волѣ короля вестготскаго Теодориха II и с согласія начальника римских наемников свева Рицимера, охотно промѣнял свой трон на епископскую каѳедру в Галліи. Послѣ цѣлаго ряда таких ничтожных императоров дѣло дошло до того, что начальник варварских наемников Орест посадил на престол Римской имперіи своего малолѣтняго сына и назвал его Ромулом Августулом, в честь перваго римскаго царя и перваго императора. Орест искренно стремился к тому, чтобы установить порядок в имперіи и

привести германских наемников к повиновенію. Германскіе наемники, состоя на службѣ у Римской имперіи, стали домогаться того же положенія, которым пользовались различныя германскія племена (вестготы, бургунды в Галліи), т. е. требовали раздѣла земель Италіи. Орест отказал, но был разбит и убит. Одоакр, начальник варварских наемников, низложил императора Ромула Августула и отослал императорскія инсигніи в Константинополь (476). Восточный император Зенон пожаловал Одоакра титулом патриція и поручил ему управленіе западною частью имперіи. Это событіе, названное впослѣдствіи громким именем: паденіе Западной Римской имперіи, прошло для современников совершенно незамѣтно и не произвело на них никакого впечатлѣнія. Идея имперіи продолжала жить в сознаніи всѣх западных народов и находила долго достаточное выраженіе в видѣ существованія Восточной или Византійской имперіи, правитель которой почитался представителем высшей власти на землѣ. Вплоть до Карла Великаго к нему обращались варварскіе короли за высшей санкціей своей власти; и у него испрашивали себѣ титулы консулов, патриціев. Даже Карл Великій и Оттон Великій, извѣстные возстановители Западной Римской имперіи, добивались, как особой милости, чести породниться с державными повелителями Восточной или Византійской имперіи.

Основаніе варварских государств.

Одоакр был хорошим правителем, и населеніе не имѣло повода сожалѣть о низведеніи номинальных правителей Запада. На содержаніе военных сил, которыя состояли из германских наемников, была отдана $^1/_3$ земель Италіи. Заботясь об охранѣ границ Италіи, Одоакр разгромил с помощью герулов и скиров государство ругіев, поселившихся на Савѣ и Дравѣ. Мстителем за них выступил остготскій король Теодорих, который, заручившись согласіем Византійскаго императора, двинулся на Италію. Одоакр погиб, а Теодорих основал в Италіи в V в. Остготское королевство. Конец V в. является концом великаго переселенія народов. В послѣдующее время происходили также перемѣщенія народных масс, но, по сравненію с предыдущими, они имѣют второстепенное значеніе. Главным послѣдствіем событій V в. было занятіе почти всѣх провинцій Западной Римской имперіи германскими племенами, которыя основали ряд варварских государств на развалинах имперіи. Вандалы прошли чрез среднюю Европу, Галлію, Испанію, гдѣ сохранилось воспоминаніе их пребыванія в наименованіи провинціи Андалузіи, откуда проникли в сѣверную Африку, гдѣ основали свое государство в области бывшей Карѳагенской республики. Вестготы прошли от берегов Днѣстра и Прута чрез Балканскій полуостров в Италію, южную Галлію, откуда в VI в. в Испанію, гдѣ окончательно и осѣли. На Пиринейском же полуостровѣ водворилась часть племени

свевов, поселившихся в Галисіи, Лузитаніи и Бетикѣ. В Италіи Теодорих Великій основал остготское государство.

По сравненію с вандалами и готами, западныя германскія племена принимали слабое участіе в общем потокѣ переселенія, ограничиваясь захватом областей, расположенных по сосѣдству с их прежними мѣстами поселенія. Так, напр., франки, перейдя на лѣвый берег Рейна, сначала поселились в бассейнѣ р. Шельды и постепенно передвигались на юго-запад по направленію к бассейну р. Уазы и Сены. Аллеманы заняли лѣвый берег Рейна в среднем ея теченіи. К югу от них поселились бургунды, которые сначала жили в нынѣшней Швейцаріи, а потом передвинулись в бассейн р. Роны. Юты, саксы и англы, жившіе у берегов Балтійскаго и Сѣвернаго морей, предпринимают с V в. цѣлый ряд морских походов для завоеванія острова Британіи и с половины этого столѣтія начинают основывать здѣсь свои государства. Заняв земли Галліи, вестготы и бургунды первоначально признавали свою зависимость от имперіи, а короли, довольствуясь званіем magister militum или патриція, являлись как бы представителями военной власти имперіи, будучи племенными начальниками военных сил. Отношенія эти покоились на особом договорѣ с имперіей (foedus). С теченіем времени пониманіе этого договора измѣнялось, и к вождям этих народов переходили права и над коренным населеніем. Но долгое время в каждой области Римской имперіи, заселенной германскими племенами, можно было наблюдать своего рода двоевластіе: с одной стороны, сохраняются гражданскіе чиновники Рима, а с другой, возникает слой населенія, призванный к военной службѣ и управляемый наслѣдственными королями. При упадкѣ центральной власти эти послѣдніе постепенно пріобрѣтают большое значеніе и явно стремятся перенести на себя и присвоить всѣ прерогативы верховной власти в странѣ. Таким образом, дальнѣйшій рост германской королевской власти происходит под сильным воздѣйствіем римских юридических и государственных воззрѣній.

Литература по исторіи переселенія германцев.

Одним из главных сочиненій по исторіи великаго переселенія народов является труд Витерсгейма в 2 т. (Geschichte der Völkerwanderung). Нѣкоторые отдѣлы этого сочиненія устарѣли, потому что оно написано в 70-х годах XIX в. Вслѣдствіе этого большого вниманія заслуживают труды Кенигбергскаго профессора Феликса Дана, который овладѣл всѣми источниками данной эпохи и обладал даром прекраснаго изложенія. Перу Дана принадлежат сочиненія: „Короли германцев“ (Die Könige der Germanen, 6 Abth. 1861—1871) и „Древнѣйшая исторія романских и германских народов“ (Urgeschichte der germanischen und romani-

schen Völker) в извѣстной коллекціи Онкена. Для изученія внутренней исторіи этого періода особенно важны труды французскаго ученаго Фюстель де Куланжа, а особенно 1-ый т. его капитальнаго сочиненія: „Histoire des institutions politiques", гдѣ он систематически доказывает, что Римская имперія не была завоевана германцами, а что они вошли в состав ея сначала в качествѣ служебнаго элемента, а потом, с паденіем Римской государственности, пріобрѣли господствующее значеніе. Из трудов русских ученых заслуживают вниманія сочиненія петербургскаго профессора Ешевскаго, ученика Грановскаго (1-ый т. его сочиненій озаглавлен: „Эпоха переселенія народов и каролинги"), небольшая монографія Фирсова „О Стилихонѣ" и сочиненіе Иловайскаго „Розысканіе о началѣ Руси", а, в связи с теоріей Иловайскаго о славянском происхожденіи гуннов, статьи проф. Васильевскаго: „О минимом славянствѣ гуннов" и „Нѣсколько новых соображеній по вопросу о происхожденіи гуннов" (Журн. Министер. Нар. Просв. 1882 г. №№ 7, и 9). Здѣсь позволительно указать, что главный источник для исторіи гуннов — описаніе посольства Приска был переведен проф. Дестунисом на рус. яз. и был напечатан в 7 кн. ученых записок 2-го отдѣленія Академіи наук.

Условія принудительнаго военнаго постоя и начало романизаціи германцев.

Послѣдствія внѣдренія германцев в состав Римской имперіи были огромны и тѣсно связаны с тѣм способом их поселенія, который сам по себѣ возник из традицій Римской государственности. Германскія племена садились на земли Римской имперіи по договору с нею и имѣли право принудительнаго военнаго постоя (hospitalitas). Этот термин нужно истолковать в связи с организаціей военных повинностей в послѣднее время существованія Западной Римской имперіи, когда в связи с постепенной варваризаціей арміи и в зависимости от упадка финансовых средств государства создался институт военнаго постоя. Если войско не стояло в лагерѣ, то оно размѣщалось по домам жителей. В Римской имперіи эта постойная повинность широко примѣнялась и выражалась в том, что дом каждаго поселянина дѣлился на три части, из которых двѣ части предоставлялись хозяину, а 3-ья отводилась под постой солдата, как видно из кодекса Өеодосія (VII, 8, 5); „Duas dominus propriae domus, tertia hospiti deputata — illustribus sane viris non tertiam partem, sed mediam, т. е. „хозяин пользуется двумя частями собственнаго дома, а третья часть отводится под постой солдата, но начальникам не третья часть, а половина дома предоставляется". Пока государственный строй Римской имперіи держался, институт военнаго постоя (hospitalitas) не был опасен. Солдат получал жалованіе и корм. Но эти

безобидныя отношенія приняли другой характер, когда идея римской государственности постепенно упадала. Примѣнительно к этому дѣленію дома каждаго поселянина на 3 части, еще в 1 в., заняв область секванов, Аріовист отнял от них для своих свевов $^{1}/_{3}$ земли, а когда к нему подошли новыя полчища свевов, то он конфисковал еще $^{1}/_{3}$. Этот факт не имѣет отношенія к принципу военнаго постоя, но здѣсь мы наблюдаем стремленіе со стороны германцев, при внѣдреніи в ту или другую страну, получить извѣстную часть земельной собственности. Вестготы, франки, бургунды и др. варвары не могли претендовать на принудительное отчужденіе земли, но могли требовать себѣ прав и преимуществ римских солдат. Между тѣм в положеніи римскаго солдата в IV—V вв. произошли перемѣны, отразившіяся на практикѣ постойнаго права. Когда военные продовольственные магазины исчезли, когда в римском казначействѣ не оказалось денег для уплаты жалованія солдатам, то сама жизнь указала иной выход: содержаніе войск превратилось в натуральную повинность населенія. Примѣнительно к нормам повинности постоя, каждому владѣльцу жилища было предоставленно или кормить солдата, помѣщеннаго в его домѣ, или представить ему $^{1}/_{3}$ всего дохода и сбора с земли. Отсюда был естественный переход к раздѣлу земель. Особенно он стал необходим, когда вся тяжесть военной службы перешла к германским племенам: положеніе воина-германца, имѣвшаго жену и дѣтей, было иное, чѣм положеніе безсемейнаго римскаго солдата. Каждому воину-германцу было предоставлено получить натурой то, что он должен был получить чрез посредство государственнаго казначейства, т. е. вмѣсто жалованія и содержанія треть поземельной собственности коренного жителя. Поземельныя владѣнія дѣлились на 3 равныя части. В виду различію по плодородію земли, для избѣжанія ссор между участниками раздѣла, был установлен такой передѣл: право 1-го выбора из 3-х установленных равных частей представлялось хозяину, из 2-х остальных солдату, а послѣдній худшій участок доставался также хозяину. Всѣ эти части называются sortes, т. е. жребіями; прежній владѣлец назывался хозяином (dominus), а солдат — постояльцем (hospes). Но этот раздѣл земли в областях, гдѣ поселились германцы, не вездѣ был проведен единовременно и на одних основаніях. Так, на территоріи бургундов было нѣсколько передѣлов земли. Бургунды появились в Галліи в V в. и поселились на лѣвом берегу Рейна. Они стремились распространить свою территорію, но в 434—5 гг. были побѣждены с помощью гуннов Аэціем, который поселил бургундов в Савойѣ, гдѣ им были отведены sortes или tertiae, т. е. $^{1}/_{3}$ земельных владѣній. Вскорѣ, послѣ смерти Аэція, в 457 г. бургунды, почувствовав ослабленіе римской власти, заняли всю Ліонскую область с тѣм большею легкостью, что сюда их призывало и само населеніе. Всѣ эти

политическія перемѣны в жизни бургундов отразились и на опредѣленіи у них нормы земельнаго участка. Когда их политическое положеніе улучшилось, то бургундскій sors был увеличен и доведен до половины недвижимаго имущества К концу V в., когда происходил новый раздѣл земли, всякій бургундец имѣл право на $^{1}/_{2}$ усадьбы коренного жителя, т. е. двора и сада, $^{1}/_{3}$ рабов и колонов и $^{2}/_{3}$ полевой земли. Когда вестготы в 419 г. поселились на югѣ Галліи, то им отведена была половина земель. Впослѣдствіи произошел, очевидно, новый передѣл, ибо в вестготских памятниках доли, оставшіяся за жителями провинціи, называются третями (tertiae), откуда слѣдует, что каждому вестготу были предоставлены $^{2}/_{3}$: sortes Goticas et tertiam Romanorum. Повидимому, этот передѣл произошел в срединѣ V в. или не позже царствованія короля Эйриха (466—484), который, по словам Іордана, провозгласил себя независимым государем (jure suo). В Италіи наемники Одоакра и остготы Теодориха Великаго довольствовались третьями. Когда же Италіей завладѣли лонгобарды, то со стороны их обнаружилось стремленіе лишить туземное населеніе поземельных владѣній. Так как такія стремленія встрѣчали противодѣйствіе королевской власти, то послѣ смерти короля Клефа (574 г.), они рѣшили не выбирать новаго короля и в теченіе 10 лѣт управлялись 35 герцогами. Многіе из выдающихся римских землевладѣльцев были перебиты, и их владѣнія отняты, а лонгобарды-постояльцы (hospites) превратили своих хозяев в колонов. Когда такое разрѣшеніе аграрнаго вопроса подвинулось вперед, лонгобарды выбрали в короли Аутариса, но под условіем, что установленныя поземельныя отношенія должны считаться законными. Римскіе землевладѣльцы в сущности обратились в арендаторов-колонов и обязаны были платить оброки. Если не всѣ римляне-землевладѣльцы попали в такое положеніе, то зато каждый свободный лонгобард постарался устроиться подобным образом. Еще болѣе радикальное разрѣшеніе вопроса произведено было вандалами. Когда они в 439 г. овладѣли Карѳагеном, то рѣшили земли в проконсульской провинціи около Карѳагена избрать для своего поселенія: все туземное населеніе они перебили или выгнали, а обнаженную таким образом землю (tabula rasa) раздѣлили между собой по жребію, поселившись сплошною массою.

Если принять во вниманіе условія поселенія германцев в Галліи, Италіи и Испаніи, то легко опредѣлить послѣдствія такого порядка разселенія. Прежде всего, германцы, за исключеніем вандалов, селясь между мѣстным романизованным населеніем, не образовывали новых сел, а внѣдрялись в границах существовавших. Отсюда вытекала быстрая романизація германцев. Живя в общеніи с людьми высшей культуры и другого языка, германцы постепенно забывали свой родной язык и усваивали мѣстный. В связи с этим, находилось быстрое усвоеніе культуры и римских

традицій новыми пришельцами. Кромѣ того, разрозненное разселеніе естественно приводило к ослабленію родовых отношеній, на господствѣ которых покоился весь общественный и государственный строй германцев. Разумѣется, это все не могло не отразиться и на их государственном строѣ. С занятіем обширной территоріи не было возможности созывать народное вѣче, которое постепенно выходит из употребленія. Этот упадок демократических государственных начал повлек за собою усиленіе у германцев королевской власти.

Таким образом, лучшіе представители германскаго племени безвозвратно погибли для германской національности и сдѣлались романскими народами: испанцами, итальянцами, португальцами, французами. Разумѣется, такой крупный историческій процесс потребовал нѣскольких вѣков времени, но краеугольный камень для такого исхода положен был при самом поселеніи германцев на территоріи Римской имперіи и находился в тѣсной зависимости от условій их поселенія.

Характер историческаго знанія.

Предмет изученія исторіи — человѣк, как общественное животное (ζῷον πολιτικόν).

Для такого опредѣленія, высказаннаго еще Аристотелем, имѣется то основаніе, что человѣк живет в тѣх или других формах союза, различных по объему (семья, род, племя, народ). Исторія тѣсно связана с біологическими науками, занимающимися обслѣдованіем законов о жизни вообще организмов, и соціологіей, вслѣдствіе чего в послѣднее время возникла даже попытка примѣнить при изученіи исторіи тѣ методы изслѣдованія, которые приняты и в естественных науках.

Со 2-ой половины 19 стол. естественныя науки сдѣлали огромные успѣхи, и явилось стремленіе освѣщать историческія явленія с точки зрѣнія законов біологических.

С другой стороны, соціологія пыталась и пытается установить нормальный тип форм человѣческаго развитія.

Под вліяніем успѣхов естественных наук и разработки соціологіи создалось стремленіе поставить историческую науку в подчиненное положеніе по отношенію к одной из этих научных областей. По мнѣнію соціологов, задача исторіи состоит только в подготовкѣ матеріала для работ соціолога. Такое подчиненное положеніе исторіи как будто оправдывалось тѣм, что в то время, когда развитіе естественных наук сопровождалось открытіем различных законов, в области исторіи никаких законов установлено не было. И вот, в широких кругах общества создалось представленіе, что исторія не имѣет права на названіе наукою, потому

что наукой называется такое знаніе, в котором однородныя явленія подведены под ряды явленій — законы.

Конечно, подобные взгляды страдают несовершенством. Вовсе не доказано, что наукой называется такое познаніе, которое может располагать отысканными законами. С другой стороны, человѣк — не только физическое, но и психическое существо, дѣйствующее в различных условіях и обстоятельствах и способное к самоопредѣленію. Поэтому в сущности нѣт и надежды на установленіе опредѣленных исторических законов, так как свободная воля человѣка или его самоопредѣленіе всегда будет вносить в ход человѣческаго развитія отклоненія или пертурбаціи. Говоря об эволюціи исторической, мы можем установить лишь генетическую или причинно-слѣдственную связь соціальных фактов, связь, изображающую дѣятельность человѣчества в эволюціонной ея послѣдовательности. Впрочем, и эта связь не носит характера неизбѣжности или законоподобнаго рока. Историк не может, напр., сказать, что при наличности извѣстных данных или фактов непремѣнно послѣдует именно такой то результат: ожидаемый результат может произойти, но может быть и другой исход, в зависимости от воли и характера исторических дѣятелей и самоопредѣленія народа.

Нельзя отрицать, что в ходѣ событій, наблюдаемых в настоящее время в Россіи и происходивших во Франціи в концѣ XVIII вѣка, может быть указан цѣлый ряд аналогій. Но однако никто категорически не станет утверждать, что, при всем очевидном сходствѣ явленій, необходимо послѣдуют и одинаковыя событія.

Законов историческаго развитія не отыскано, потому что при сложности психических и физических мотивов, которыми управляется человѣк, их нельзя открыть.

Наконец, в задачу исторіи и не входит отысканіе законов развитія человѣческаго общества. Эта задача является предметом соціологіи.

Историк, занимаясь исторіей человѣка или какого-либо союза, должен обращать вниманіе на отысканіе тѣх индивидуальных особенностей, которыми данный субъект или народ отличается в ряду ему родственных. В то время, как вниманіе историка обращается на индивидуальное, соціолог интересуется общим. Если хоть на один момент историк забудет о своей задачѣ изображать индивидуальность развитія, он перестанет быть историком, а если бы всѣ историки послѣдовали его примѣру, то исторія перестала бы существовать и сдѣлалась соціологіей. Но этого никогда не может быть в силу прирожденнаго человѣческому духу стремленія знать свое прошлое в индивидуальной формѣ.

Исторія является главнѣйшей хранительницей человѣческой культуры. На первых порах это положеніе может показаться парадоксом. Но представим (доказательство от противнаго), что

мы имѣем различные заводы, машины, дворцы и т. п., но забыли, каким путем это пріобрѣтено; тогда в случаѣ порчи или разрушенія существующаго, мы, конечно, лишены были бы возможности возобновить утраченное. Сохраненіе старины в памяти и сознаніи — есть краеугольный камень культуры.

Совершенно произвольным является требованіе, чтобы та или другая область знанія тогда лишь получала право на званіе науки, когда она (область знанія) может привести к установленію извѣстных законов. Наукой вообще называется всякое познаніе, изложенное в систематической формѣ и добываемое извѣстным методическим путем.

С этой точки зрѣнія исторія — наука.

Есть одно условіе, при котором историческое знаніе перестает быть научным. Историческое знаніе перестает быть научным, когда оно лишено объективизма. Для всякаго истиннаго историка не может быть бо́льшого упрека, как наименованіе писателем, лишенным объективнаго отношенія к предмету своего изученія.

Понятія „объективизм" и „субъективизм" в употребленіи историков не новы. Ими широко пользовались с 30-х г. 19 столѣт., когда появился цѣлый ряд трудов, принадлежавших представителям различных направленій. Особым успѣхом пользовались тогда труды Шлоссера и Ранке. В то время, когда Шлоссер обращал главное вниманіе на изящество изложенія, давал блестящія характеристики дѣйствующих лиц с остроумными замѣчаніями о нѣкоторых из них, сопровождал свое изложеніе обиліем политических и нравственных сужденій о развращенности общества, мелочности нѣмецких князей и т. д., изложеніе Ранке выдѣлялось спокойствіем и дѣловитостью тона, ибо основано было на всесторонней критикѣ источников и старательном взвѣшиваніи различных интересов. Среди современников этих ученых сложилось убѣжденіе, что субъективным надо считать изложеніе Шлоссера, а объективным — изложеніе Ранке. Однако, было бы преувеличеніем утверждать, что Шлоссер лишен был вовсе объективности, а Ранке никогда не проявлял своей субъективности. Для установленія правильнаго пониманія этих понятій слѣдует остановиться на выясненіи их.

Если обратиться к теоріи познанія, то не только историческаго, но и вообще человѣческаго познанія нѣт такого, которое могло бы быть названо объективным. С этой точки зрѣнія всякое знаніе — субъективно. В области же реальнаго человѣческаго знанія объективным может быть названо то знаніе, которое соотвѣтствует изучаемому предмету в той мѣрѣ, в какой это доступно для человѣка, а всякое другое знаніе должно быть названо субъективным.

Для достиженія объективности в исторической наукѣ необходимо преодолѣть два рода затрудненій, из которых одни лежат в свойствах и качествах матеріала, а другія коренятся в нашей человѣческой природѣ и являются наиболѣе сильными. Вообще же необходимо отдавать ясный отчет в своей работѣ, чтобы она достигла того совершенства, которое возводит ее на степень объективности.

В ряду затрудненій 1-го рода, лежащих в качествах и свойствах матеріала, историк прежде всего должен считаться с недостаточностью его. Можно сказать, что нѣт ни одной эпохи в жизни человѣчества, в достаточной степени снабженной исчерпывающим количеством источников. Отсюда недостаточность наших исторических дат, понимаемых в широком значеніи этого слова.

Принимая во вниманіе качество матеріала, мы должны условиться, что в исторіи может быть рѣчь только об относительной достовѣрности. Поэтому каждый новый источник или дата являются шагом к достиженію большей объективности.

Далѣе, ни один источник, хотя бы он был удостовѣрен подписями многих свидѣтелей или имѣл бы оффиціальную санкцію, не является еще вполнѣ достовѣрным. Кромѣ того, всѣ наши источники не могут быть признаны одинаковаго достоинства, одной достовѣрности. Поэтому над всяким источником должна быть произведена историком критическая работа для выдѣленія цѣннаго матеріала. Эта работа приближает нас к достиженію бóльшей достовѣрности или объективности.

Еще бóльшія затрудненія на пути к достовѣрности или объективности встрѣчает историк в особенностях своей психической природы.

Прежде всего, от изслѣдователя требуется самое тщательное самонаблюденіе, сводящееся к правилу: работая над историческими фактами, устанавливая между ними генетическую связь, историк должен отрѣшиться от своей индивидуальности. Он должен постоянно помнить о том, что люди в прежнее время имѣли другія представленія и были окружены другими условіями быта, которыя с нашей точки зрѣнія получают совершенно иную оцѣнку.

Мало того, нужно отрѣшиться от всѣх современных условностей и предразсудков, которые мы всасываем с молоком матери.

Кромѣ того, так как выбор матеріала от нас не зависит, то мы должны особенно помнить о задачах и цѣлях исторической науки.

Наконец, нужно помнить, что процесс исторіи не закончен. Поэтому какую бы отдаленную эпоху мы не изучали, хотя бы, напр., эпоху Вавилонскаго царства, мы не можем не чувствовать, что тѣ затрудненія, с которыми боролись люди, знакомы и нам, и с ними приходится считаться и нашим современникам. Таким образом, при рѣшеніи любого историческаго вопроса, всегда

дѣло идет об отношеніи к современности, об установленіи точки зрѣнія только в исторической перспективѣ на вѣчно юныя проблемы человѣческой жизни.

Историк должен опредѣлить себя, т. е. знать свои симпатіи и антипатіи. Если он, будучи консерватором и монархистом, берется излагать революціонную эпоху, то должен постоянно контролировать себя, чтобы не увлечься своими воззрѣніями и не отклониться в сторону от объективности излишним подчеркиваніем плачевных послѣдствій от ослабленія монархической централизаціи и преувеличеніем неистовств и разнузданности черни. Радикал же должен не упускать из виду больших матеріальных трудностей в дѣлѣ осуществленія реформ и не преувеличивать способности народа к политической жизни. Кто же отрѣшится от объективности, тот уже не может быть хорошим историком. Историки поэтому никогда не могут быть хорошими политиками, а политики — хорошими историками.

Древнѣйшая исторія франков.

Из всѣх германских народов самым могущественным и самым одаренным в духовном отношеніи был франкскій народ, историческія судьбы котораго будут предметом изложенія в теченіе этого семестра. Так как франки выдѣлились из общей массы германцев лишь в 3-м вѣкѣ, то представляется необходимым познакомиться с условіями быта германцев в первые вѣка по Р. Хр., ибо эти бытовыя условія опредѣлили первоначальный строй общественной и политической жизни франков.

Капитальным фактом, отразившимся на судьбах не только франкскаго, но и вообще германских народов, был факт экономическій: переход от полукочевого, полуземледѣльческаго быта к земледѣльческому.

Германцы времен Тацита были народом полуземледѣльческим. Тацит в своем трактатѣ „De Germania“ говорит, что в экономическом отношеніи скот для германцев составлял все. Он не только доставлял им пропитаніе, не только служил предметом торговли, но замѣнял собою и деньги: виры и штрафы уплачивались скотом. Германцы, слѣдовательно, были кочевниками, каковыми в настоящее время являются у нас калмыки. Но это, однако, не значит, что у германцев не было земледѣлія. На существованіе земледѣлія у германцев указывает Тацит, говоря о распредѣленіи и пользованіи землями. В теченіе первых вѣков по Р. Хр. земледѣліе стало все больше и больше развиваться. Это вызывалось слѣдующими причинами. С теченіем времени народонаселеніе Германіи постепенно увеличивалось, средства же существованія оставались в прежнем количе-

ствѣ. При преобладаніи скотоводства увеличеніе населенія находилось в зависимости от увеличенія количества скота, что в свою очередь требовало расширенія пастбищ, а между тѣм расширить пастбища не всегда было возможно. У Тацита Германія представлена покрытой лѣсами и болотами. Удобных для пастбищ мѣст было сравнительно мало. Что населеніе дѣйствительно сильно увеличивалось, это подтверждается свидѣтельствами римских историков: они удивлялись плодовитости германцев. Постоянныя войны и пораженія, наносимыя им римскими легіонами, казалось, нисколько не вліяли на силы германцев, так как напор на границы имперіи нисколько не уменьшался. Напротив, из лѣсов Германіи выходили все новыя и новыя полчища. При таком положеніи дѣл надо было германцам подумать о расширеніи вспомогательных источников пропитанія. Таковым источником и являлось земледѣліе. Приходилось постепенно расширять площадь посѣвов. Кромѣ того, были обстоятельства, которыя создавали убѣжденіе, что земледѣліе выгодно. Частыя войны германцев с римлянами давали плѣнных и одной, и другой сторонѣ. Римляне зачастую уводили в плѣн или в качествѣ заложников представителей германской знати, которые жили по нѣсколько лѣт в Римѣ и там знакомились с римской культурой и с земледѣліем, вынося к себѣ на родину убѣжденіе в выгодности земледѣлія. Разумѣется, почин знатных людей вызывал подражанія. Но и германцы нерѣдко выводили плѣнных из Галліи, гдѣ уже земледѣліе достигло значительных успѣхов. Эти плѣнные знакомили германцев с лучшими способами обработки земли. Бывали и самовольные побѣги крестьян из Галліи в Германію, вызываемые тяжестью римских налогов. Купцы из Галліи также охотно отправлялись в Германію и привозили туда произведенія роскоши и вымѣнивали их на естественныя богатства страны. Таким образом, продукты земледѣлія находили сбыт. Все это создавало убѣжденіе среди германцев, что земледѣліе выгодно; и это тѣм болѣе, что излишек продуктов всегда можно было продать в сосѣднія римскія области. Очевидная выгода земледѣлія постепенно измѣнила старый взгляд германцев на это занятіе. Если раньше им гнушались, то теперь на него стали смотрѣть, как на труд нисколько не унизительный; и так как война и охота, при увеличившемся населеніи, давали меньше выгоды, то народ охотник и полукочевник, населявшій страны от Рейна до Эльбы и от Майна до Дуная, стал постепенно народом земледѣльческим. Это совершилось в теченіе времени от I до III вѣка по Р. Хр.

Можно с увѣренностью утверждать, что измѣненія в строѣ экономическом отражаются на учрежденіях государства, и что не бывает измѣненій в государственных учрежденіях, если не наблюдается измѣненій в соотношеніи экономических сил страны. Поэтому естественно, что этот переход к земледѣльческой куль-

турѣ отразился на строѣ политической и соціальной жизни германцев. До этого момента, как описываетъ Тацит, в германской жизни дѣйствовали два начала, из которых одно можно назвать дружинным, другое — племенным. Дружинное начало представляли так называемыя дружины (comitatus), собиравшіяся вокруг вождей. Эти дружины стояли внѣ племенной жизни и организаціи. Их значеніе было велико, и онѣ сплошь и рядом являлись регуляторами между-племенных отношеній. Племенные вожди (principes или duces) играли значительно меньшую роль. И это вполнѣ понятно, так как жизнь германцев, с ея частыми войнами, всегда предъявляла спрос на военную силу. Вожди дружин чтились высоко, и часто бывало, что какому-нибудь выдающемуся вождю присылались дары от самых отдаленных племен. Каждому племени было выгодно имѣть на своей сторонѣ выдающагося вождя и его сильную дружину. Племенные вожди (principes, duces) могли играть только второстепенную роль, так как мѣстные интересы, представителями которых они являлись, при полукочевом бытѣ не были сильны. Но с перемѣной в экономической жизни дѣло измѣнилось. С усиленіем вниманія и усердія к земледѣлію народ стал болѣе осѣдлым. Он сживался с своим округом. Хозяйство привязывало его, и он неохотно, только подчиняясь необходимости, покидал свои мѣста, так как всякое передвиженіе стоило ему слишком дорого, разстраивая все хозяйство. Теперь выступали на первый план мѣстные интересы, и, сообразно этому, мѣстныя власти (principes, duces) получили большее значеніе. Вмѣстѣ с этим падает и значеніе народнаго собранія. Раньше это было высшее государственное учрежденіе, пред которым должны были отчитываться князья. С далеких окраин туда стекался народ, и тогда рѣшенія народнаго собранія вполнѣ выражали волю народа. Теперь народныя собранія посѣщаются мало: земледѣльческому народу не выгодно и не всегда даже возможно тратить нѣсколько дней для участія в народном собраніи. Он предпочитает лучше обращаться по всѣм своим дѣлам к своему мѣстному начальнику, который, таким образом, получает все большее и большее значеніе. На племенного вождя переносятся права и значеніе народнаго собранія, и, таким образом, усиливается монархическое начало.

В дальнѣйших своих результатах развитіе земледѣлія привело к тому же, чѣм оно было вызвано, — к увеличенію народонаселенія, к явленію, наблюдаемому всюду, гдѣ увеличиваются средства к существованію. Это послужило новым толчком к завоевательным порывам германцев. Но теперь отношенія германцев к военным предпріятіям другое, чѣм было раньше. Осѣдлый земледѣльческій народ неохотно покидает свои поля, и, благодаря этому, получается слѣдующая картина. Земледѣльческая масса сидит на своих мѣстах, предоставляя почин представителям дру-

жиннаго начала. Вокруг отдѣльных вождей группируются дружины, и эти вожди на свой страх уже ищут новых земель. Если предпріятіе вождя и дружины имѣло успѣх, если им удавалось завоевать какую-н. область, то и народная масса, которая выдѣлила из своей среды этого вождя и дружину, двигалась в завоеванную область. Если же дружину постигала неудача, если она терпѣла пораженіе или полное истребленіе, то народная земледѣльческая масса оставалась в своей области. Этим и объясняются ошибочныя сообщенія римских историков первых вѣков нашей эры об оживаніи германских народов. Послѣ какого-н. удачнаго для римлян сраженія с германцами, их историки записывали распространившееся убѣжденіе, что такой-то германскій народ тогда то был окончательно истреблен. Но проходило нѣкоторое время, и оказывалось, что этот народ нисколько не истреблен, а живет гдѣ-н. в лѣсах Германіи. Дѣло объясняется просто: была истреблена только дружина, но не народ. Земледѣльческая масса не принимала участія в походѣ; она жила на своих прежних мѣстах в лѣсах Германіи и была неизвѣстна римским историкам, писавшим об истребленіи легіонами Рима дружины, носившей имя земледѣльческаго народа. Собиравшаяся вокруг отдѣльных вождей дружина представляла из себя постоянное войско племен. Во времена Тацита всѣ члены племени участвовали в военных предпріятіях. Теперь было уже не так. Большинство народа предпочитало мирный труд, и только незначительная часть его — дружина несла военную службу, охраняла от чужих посягательств то, что было пріобрѣтено племенем, и старалась по мѣрѣ возможности пріобрѣсти новыя земли. Необходимость защиты от врагов создавала еще одно явленіе — концентрацію племен. Князья в интересах своих округов, для удобства общей защиты, составляют между собою союзы. Эти союзы мелких племен получали опредѣленныя названія, как, напр., аллеманы, что значит — всѣ люди, и франки, названіе, производимое то от слова: свободный, то от названія короткаго меча, употреблявшагося этими союзниками. Эти названія были именами союзов; и только впослѣдствіи, когда отличія мелких племен, входящих в состав союза, сглаживались, эти названія становились нарицательными именами для всѣх членов этих союзов. Римляне скоро перестали различать отдѣльныя части этих союзов. Такое объясненіе происхожденія германских народов этого времени не есть голая гипотеза. Она опирается на фактах. Слѣды этого происхожденія долго удерживались в жизни. У римлян названіе „аллеманы“ встрѣчается впервые в 213 году, а названіе „франки“ — в 234 году. Значит, эти союзы возникли не позже начала III вѣка. Около 350 г. аллеманы находились под управленіем 10 князей; слѣдовательно, союз состоял, по крайней мѣрѣ, из 10 отдѣльных племен. Около 450 года аллеманами правит только одно

лицо — герцог. Значит, в теченіе времени от 350 до 450 г. произошло объединеніе этих племен в один народ. Как совершилось это объединеніе аллеманов, нам неизвѣстно. Но зато нам извѣстно, как оно совершилось у франков и, на основаніи этого и по аналогіи, мы можем судить и о том, как этот процесс протекал у других народов. И франки, как и аллеманы, находились первоначально под управленіем нѣскольких лиц, и только Хлодвиг, истребив других правителей, объединяет племена франкскаго союза и создает могущественный франкскій народ.

Эти новые германскіе народы постепенно проникли на территорію Западной Римской имперіи и основали там ряд своих государств. С этого времени началось особенно сильное вліяніе римской культуры на германцев. Взаимодѣйствіе варварских и античных элементов наблюдается непрерывно в теченіе всего средневѣковаго періода. Этого взаимодѣйствія никто не может отрицать, но в толкованіи силы и факторов вліянія античной культуры историки еще не пришли к полному соглашенію. В наукѣ замѣчается борьба мнѣній ученых романистическаго и германистическаго направленій. Одни из ученых всѣ институты средних вѣков выводят из учрежденій античнаго міра, другіе же стараются средневѣковый строй объяснить преимущественно как плод развитія первобытных германских учрежденій.

Представителем романистическаго направленія является Фюстель де Куланж, которому принадлежит капитальный труд: „Исторія политических учрежденій старой Франціи". Его направленіе находит себѣ сторонников среди французских и частью среди нѣмецких ученых. Другіе ученые, каковы Феликс Дан, Вайц и Шредер, не отрицая неизбѣжности римскаго вліянія, стараются смягчить степень его вліянія, придавая большое значеніе германским учрежденіям. Зибель и Тардиф, примыкая в общем к послѣдним ученым, признавали за римским вліяніем большее значеніе, чѣм за германским. Осторожнѣе других высказывается Бруннер. Он различает области примѣненія культурных вліяній. В области финансов, канцеляріи и монетнаго дѣла наблюдается исключительно римское вліяніе; в области же судебной и в военной организаціи почти в чистом видѣ нашли себѣ примѣненіе учрежденія германскія. Кромѣ общих трудов Феликса Дана и преимущественно его сочиненія Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, т. т. II и III, а равно общих обозрѣній исторіи Германіи (Гизебрехт, Лампрехт и др.) и Франціи (Гизо, Мартен, Мишле, Лависс и др.), из сочиненій, посвященных исключительно эпохѣ Меровингов, заслуживает упоминанія книга Огюстэна Тьерри: Recits des temps mérovingiens, 1840. Эти „разсказы о временах Меровингов" были переведены Герценом и помѣщены в „Отечеств. Записках", 1841 г. Другой перевод сочиненія Тьерри (в 70 годах) считается менѣе удачным.

Из сочиненій по исторіи учрежденій наиболѣе важны слѣдующія:

1. Fustel de Coulanges, Histoire des institutions politiques de l'ancienne France (особенно необходимо указать на 3-ій и 4-ый томы этого сочиненія: La monarchie franque и l'alleu et le domaine rural à l'époque mérovingienne);

2. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte, т. II—IV;

3. Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, I—II.

Источники времен Меровингов.

В коллекціях: Monumenta Germaniae historica и Scriptores rerum gallicarum et franciscarum собраны важнѣйшіе средневѣковые источники. В первой из них, называемой „Monumenta Germaniae historica", находят себѣ мѣсто источники времени от 500 до 1500 г. не только Германіи, но и сосѣдних с нею стран. Издано свыше 80 томов. Вторая коллекція „Scriptores rerum Gallicarum et Franciscarum" называется иногда просто коллекціей Буке (dominus Bouquet). Издано до сих пор 23 тома.

Из этих двух коллекцій лучшей должна быть признана первая. На страницах Monumenta Germaniae historica источники издаются тщательнѣе, так как каждый из них печатается цѣликом, без сокращеній, на основаніи сличенія большаго количества списков, как это установлено правилами исторической критики. Коллекція французская стала издаваться в теченіе XVIII в., когда пріемы изданія источников еще не были установлены с такой строгостью. В отдѣльных томах этой коллекціи историческіе источники не издаются цѣликом, а разрываются на части, так как матеріал размѣщается по эпохам: каждый том заключает в себѣ всѣ источники для данной эпохи. Таким образом, если какая-либо лѣтопись обнимает цѣлый ряд вѣков, то отдѣльныя части ея помѣщаются в цѣлом рядѣ послѣдовательных томов коллекціи. Это, правда, облегчает пользованіе матеріалами, но за то часто отнимает всякую возможность критически отнестись к источнику, так как для цѣлей критики необходимо имѣть памятник в цѣлом его видѣ.

На ряду с лѣтописями, грамотами, большое значеніе для исторіи средних вѣков имѣют житія святых. Изданіе житій святых предпринято было еще в XVII вѣкѣ іезуитами Болландистами в Антверпенѣ — „Acta sanctorum quotquot toto orbe coluntur (с 1643 г.). Во времена французской революціи это изданіе временно было прекращено, а затѣм возобновилось по почину французскаго ученаго Гизо. Любопытно отмѣтить, что изданіе Acta sanctorum не пользовалось благосклонностью и папской куріи: папы преслѣдовали это изданіе и запретили нѣкоторые

томы. Житія святых в Acta sanctorum помѣщаются в календарном порядкѣ, и в таком видѣ изданіе в настоящее время доведено до начала ноября.

Главным источником для исторіи Меровингов является сочиненіе Григорія Турскаго: „Historia Francorum". Это сочиненіе напечатано: у Буке, т. II; Mon. Germ. hist., Scriptores rerum Merovingicarum, 1, 1884 г.; в изданіи collection de textes (издано Омоном в 1887 г.). Сочиненія Григорія Турскаго иногда являются даже единственным источником для древней исторіи франков, так как одни из писателей того времени извѣстны лишь по именам, а другіе говорят о франках лишь мимоходом или оставили краткія замѣтки.

У Григорія же Турскаго дано изложеніе событій с древнѣйших времен до конца VI вѣка, особенно подробное тѣх событій, современником которых он сам был. Для историка имѣет значеніе и его личная біографія. В ней можно найти данныя для сужденія по вопросу о достовѣрности сообщаемых им свѣдѣній. Біографическія свѣдѣнія о Григоріи Турском находятся как в сочиненіях его панегиристов, так и в отдѣльных замѣтках, встрѣчающихся в его сочиненіях.

Григорій Турскій был выдающимся дѣятелем своего времени. Он происходил из старинной сенаторской фамиліи, жившей в Галліи.

Григорій цѣнил знатность своего рода. Он никогда не забывает отмѣтить родственныя связи того или иного дѣятеля своего времени с своим родом и старательно воспроизводит генеалогію своих предков. Его родословную можно довести до второго вѣка по Р. Хр. Родоначальником своим Григорій считает одного из мучеников, пострадавших при Маркѣ Авреліи в Ліонѣ. Члены его рода служили главным образом церкви. Они почти в теченіе трех вѣков занимали каѳедру самой богатой из галльских епископій, епископіи Турской. Из всѣх епископов, занимавших в это время каѳедру в Турѣ, можно указать только около 5 лиц, которыя были не из этого рода. Как ни цѣнил Григорій знатность своего рода и как старательно он ни собирал свѣдѣнія о нем, но все же он не удовлетворяет требованіям, предъявляемым современными изслѣдователями. Французскій изслѣдователь Моно составил, на основаніи данных самого же Григорія, его генеалогію, но должен был признать ее неполной. Оказывается, что Григорій не назвал имен нѣкоторых своих ближайших родственников: не названы имя дѣда по матери и имена родных братьев и сестры. Также и год рожденія Григорія можно опредѣлить только приблизительно.

При рѣшеніи вопроса о времени рожденія Григорія Турскаго, изслѣдователи обыкновенно ограничиваются указаніем, что он родился приблизительно в 540 году. Это опредѣленіе основы-

вается на замѣчаніи Григорія Турскаго, что он был посвящен в епископы „в 12 год правленія короля Сигберта и на 172 году послѣ смерти св. Мартина Турскаго." К сожалѣнію, указанныя даты не совпадают между собою: 12 год правленія Сигберта падает на 572 или 573 г., а если принять во вниманіе вторую дату, то получается 569 год, ибо Мартин Турскій скончался в 397 году. Так как на Орлеанском соборѣ было воспрещено (в 538 году) посвящать в епископы раньше достиженія 30-лѣтняго возраста, то отсюда слѣдует, что Григорій Турскій родился в 539—543 г.г.

На 8-м году Гр. Турскій по обычаям тогдашних знатных галло-романских семейств был отдан в ученіе и стал учиться грамотѣ. Он предназначался к церковной карьерѣ. Родители и родственники мальчика старались воздѣйствовать на него в соотвѣтствующем направленіи. Епископ Овернскій Авит совѣтовал обучать мальчика псалтыри, новому завѣту и знакомить с церковными писателями, но избѣгать свѣтских, которые могли бы превратно повліять на склад мыслей воспитанника. Быть может, этот авторитетный совѣт и был причиной того, что Гр. Турскій не был доволен своим образованіем. Он неоднократно упоминает, что получил недостаточное образованіе. Гр. Турскій, напр., говорит о своих недочетах в ознакомленіи с грамматикой и риторикой, сожалѣет о малой начитанности в свѣтских писателях, и, по его словам, не всегда умѣет различить мужской род от женскаго и с трудом справляется с управленіем предлогов. Впрочем эти сѣтованія нѣсколько преувеличены. На самом дѣлѣ Гр. Турскій был начитан в римской литературѣ болѣе, чѣм кто-либо из современной ему римской молодежи. Он был знаком с Вергиліем, Саллюстіем, Цицероном, Пливіем, Авлом Гелліем, кодексом Θеодосія и даже слагал латинскіе стихи. Искусство сложенія стихов было в ту пору любимым занятіем всякаго человѣка, имѣвшаго претензію на образованность, и, с упадком римской культуры, приняло декаденскій характер. Поэты обращали главное вниманіе не на содержаніе, а на форму произведенія, стараясь стихотворными строчками изображать сѣкиру, крест и т. п. От этой крайности не были свободны даже лучшіе поэты того времени, как, напр. Фортунат, который пытался написать стихотвореніе в 33 строчки и притом с таким разсчетом, чтобы в каждой строчкѣ было не болѣе 30 букв.

Гр. Турскій говорил, что один из его современников, король Хильперих, имѣл страсть писать латинскіе стихи, вызывавшіе восторг, не смотря на то, что он не понимал риθмы и не различал долготы и краткости. Хильперих обычно отдавал свои стихи на исправленіе Гр. Турскому. Неудивительно, что современники отзывались о нем, как о человѣкѣ ученом (florens in studiis). Эта оцѣнка оправдывается многочисленностью его трудов. В концѣ своей „Исторіи франков" он дает перечень своих

сочиненій: 1) 10 книг исторіи; 2) 7 книг о чудесах; 3) 1 книга о житіях отцов церкви; 4) разсужденіе о псалтири; 5) 1 книга „о прохожденіи клировых должностей“; 6) „Похвала мученникам.“ Для историков имѣет значеніе вопрос, когда Гр. Турскій написал самое важное свое сочиненіе „Исторія франков,“ и в какой послѣдовательности шли его труды. Так как в „Исторіи франков“ встрѣчаются указанія на событія 592—3 г., то из этого можно заключить, что над составленіем этого сочиненія Григорій Турскій работал до самой своей смерти, отвлекаясь исполненіем и других литературных произведеній.

Свою исторію франкскаго государства Гр. Турскій начинает со времени Хлодвига. Принимая во вниманіе год рожденія Гр. Турскаго, можно утверждать, что он только на протяженіи 50 лѣт писал, как современник, а всѣ событія предыдущаго времени должен был излагать на основаніи свидѣтельств. Высокое положеніе Гр. Турскаго, как предстоятеля самой значительной архіепископской каѳедры в Галліи, и близость его отношеній к Меровингскому дому дают основаніе думать, что он находился в счастливых условіях для составленія своей работы. Получая свѣдѣнія из различных мѣст и источников, он излагал событія с достаточной достовѣрностью, так как не отличался легковѣріем и записывал только то, что подтверждалось различными свидѣтельствами.

Таким образом, „Исторія франков“ является наилучшим источником для 1-го вѣка существованія франкскаго государства.

Другим произведеніем, относящимся к этому первоначальному періоду франкской монархіи, является „Хроника“ Фредегара, служащая продолженіем „Исторіи франков.“ Хотя эта хроника ни в каком случаѣ не может быть поставлена в сравненіе с „Исторіей франков“ Гр. Турскаго, однако она заслуживает вниманія в качествѣ единственнаго источника.

Откуда взялось имя автора „Хроники“ — загадка. Впервые оно встрѣчается у Скалигера, ученаго XVI в., но этого имени нѣт в латинских рукописях. Современная историческая критика не знает Фредегара и употребляет это имя в качествѣ условнаго термина для наименованія памятника. По изслѣдованію нѣмецкаго ученаго Круша, „Хроника“ Фредегара не является произведеніем одного лица, а распадается на 3 части, написанныя различными лицами и в различных мѣстах. К 1-ой части относятся „Анналы“, которыя вел какой-то бургундец вплоть до 613 года и присоединил к ним книгу писателя Ипполита Liber generationis. В 1-ой части 39 глав. Вторая часть (40—44 главы) написана уроженцем той же мѣстности. Этот продолжатель, писавшій около 642 года, был знаком с шестью книгами сочиненія Григорія Турскаго. В 658 г. эти двѣ части были продолжены 3-м лицом, уроженцем восточной части франкскаго государства, жившим в Мецѣ.

Поэтому этот продолжатель преимущественно интересовался дѣлами восточной части франкскаго государства и записал легенду о государствѣ Само. 3 часть написана не раньше 660 года.

Хроника так называемаго Фредегара является почти главным источником для VII столѣтія. Составлена она была лицом, получившим недостаточное образованіе (rusticitas et extremitas sensus mei), и написана плохим языком.

Остается упомянуть еще о сочиненіи анонимнаго автора „Gesta Francorum." По достовѣрности оно ниже „Хроники" Фредегара, потому что во многих частях представляет запись легендарных разсказов, обнаруживающих уровень невысокаго образованія и легковѣріе автора. По изслѣдованіям французскаго ученаго Моно, автор жил в монастырях — Сен Дени, а потом в Сен Жермен. Он был знаком с сочиненіем Григорія Турскаго и прологом к салическому законнику. Этот неизвѣстный автор принялся за составленіе своего сочиненія около 727 года и сообщает нѣкоторыя событія начала VIII вѣка. Его произведеніем воспользовался анонимный автор, извѣстный под именем перваго продолжателя хроники Фредегара.

Основаніе франкскаго государства.

Франки, как народ или союз мелких племен, выступили в III вѣкѣ христіанской эры. Франки дѣлились на 3 отрасли: франков салических, или приморских, рипуарских или береговых и хатских, живших в теперешнем Гессенѣ. Франки ранѣе других германских племен придвинулись к нижнему теченію Рейна, поселившись в той части рейнской долины, гдѣ Рейн приближается к морю, при чем салическіе франки заняли мѣста к сѣверу а рипуарскіе осѣли южнѣе. Территорія послѣдних опредѣлялась так: на западѣ она ограничивалась рѣкою Маасом, а на востокѣ Рейном, при чем они занимали не всю территорію между этими рѣками, а только южную ея часть. Если провести между М. и Р. прямую линію мимо города Кресфельда, то на югѣ от этой линіи разселились рипуарскіе франки, а поселенія салических франков расположены были к сѣверу, в тѣх землях, которыя входят в состав теперешней Бельгіи и сѣверо-восточной части Франціи.

Удобство топографическаго расположенія франков заключалось в том, что, находясь на рубежѣ Римской имперіи, они занимали мѣстности, гдѣ вліяніе центральнаго римскаго правительства было наиболѣе слабо. Кромѣ того, занимая эти прирейнскія земли, франки никогда не теряли непрерывной связи с своей прародиной, лѣсистой Германіей. Восточныя границы франков примыкали к чисто германским племенам, а на западѣ пред ними лежала

равнина, омываемая рѣками Шельдою и Соммою. Здѣсь и были тѣ области, куда направлялось движеніе франков. В серединѣ III в. франки вмѣстѣ с аллеманами уже дѣлают попытки прорваться в сердце Галліи. Часть франков проникает через центральную Галлію и Пиренейскія горы в Испанію, а оттуда в Африку. Но эта передовая волна франкскаго натиска затерялась в морѣ других германских движеній. Очевидно, еще не наступило время благопріятное для переселенія в Галлію. В IV и даже в началѣ V вѣка, как видно из свидѣтельств римских историков, франки были то во враждебных, то в дружественных отношеніях с Римской имперіей. Писатель V в. Эвмен говорит о франках, что этот народ проникнут ненависью и ничѣм ненасытимым гнѣвом. С др. стороны, эти франки на Каталаунских полях сражались в войсках Аэція против полчищ гуннов и германских народов, находившихся под предводительством Аттилы. В началѣ V в., пользуясь ослабленіем сил Римской имперіи, франки постепенно передвигались на запад, распространяясь по лѣвой сторонѣ Рейна, хотя часть их оставалась и на правом берегу этой рѣки. Но и тогда франки находились в нѣкоторой зависимости от имперіи. Из пролога к „Салической Правдѣ" извѣстно, что в это время они находились под игом римлян.

О событіях франкской исторіи до V в. мало извѣстно достовѣрнаго. Достовѣрныя данныя начинаются со времени воцаренія Хлодвига, принадлежавшаго к Меровингской фамиліи. Правда, есть извѣстія, что отец Хлодвига Хильдерих находился в дружественных отношеніях с правителем Галльской римской провинціи Эгидіем. К 476 г., когда был низложен Ромул Августул, положеніе дѣл в Галліи было таково: на югѣ Галліи существовало уже германское королевство вестготов, а на юго-востокѣ и востокѣ Галліи — бургундское королевство; значительная часть запада (Арморика) находилась в руках переселенцев с острова Британіи, а в центрѣ Галліи был клочок римских владѣній, под управленіем Эгидія, которому потом наслѣдовал Сіагрій. Франки салическіе в серединѣ V в. занимали опредѣленную территорію: Пикардію и французскія земли, пограничныя Бельгіи. Хильдерих удовлетворялся этими владѣніями, но когда, за смертью его, в 481 г. королем нѣкоторой части салических франков стал Хлодвиг, то он, как человѣк энергичный и честолюбивый, рѣшил перейти в наступательныя дѣйствія, имѣя в виду завоевать остаток римских владѣній в Галліи. На первых порах Хлодвиг не был единственным повелителем франков, но он устранил своих соперников, прибѣгая то к обману, то к коварству, то дѣйствуя силою оружія. Достигнув единовластія, Хлодвиг рѣшил основать на развалинах Римской имперіи в Галліи новое государство. В 486 году в битвѣ при Суассонѣ Хлодвиг разбил Сіагрія, бѣжавшаго к вестготскому королю Алариху II, а римскія владѣнія, расположенныя по рѣкѣ

Сенѣ, были присоединены к франкскому государству. Через 7 лѣт Хлодвиг рѣшил жениться на Клотильдѣ, дочери бургундскаго короля. Этот брак способствовал обращенію франков в христіанство. Есть ряд указаній, что еще в IV в. многіе франки исповѣдовали христіанскую религію, распространенію которой содѣйствовали сношенія франков с имперіей и дѣятельность христіанской миссіи. Сам Хлодвиг долго оставался язычником, хотя не обнаруживал пристрастія ни к язычеству, ни к христіанству. О его равнодушіи к религіи свидѣтельствует тот факт, что он не только взял в жены христіанку, но и не препятствовал ей крестить дѣтей по христіанскому обряду. Двѣ сестры Хлодвига были также христіанки аріанскаго толка, но Клотильда была правовѣрною христіанкою. Обращеніе самого Хлодвига в христіанство послѣдовало нескоро послѣ его женитьбы и находится в связи с его политическими планами — завоеваніем Римской области в центрѣ Галліи. Нужно замѣтить, что бургундцы и вестготы были аріанами, и в этом заключалась слабая сторона политическаго существованія этих королевств, потому что галло-римское населеніе было правовѣрно и враждебно относилось к аріанам, а потому племенная непріязнь к германскому населенію усиливалась на почвѣ религіозной нетерпимости. Хлодвиг хорошо учитывал слабыя стороны своих соперников, владѣвших частями галльской территоріи. В 496 году он направил удар на аллеманов, выступая защитником рипуарских франков, терпѣвших притѣсненія от этого племени. При городѣ Цюльпихѣ Хлодвиг одержал побѣду над аллеманами. Гр. Турскій разсказывает, что пред началом сраженія Хлодвиг обѣщал в случаѣ удачи принять христіанство. Сам Григорій объясняет эту побѣду тѣм энтузіазмом, который вызвало среди галло-римских солдат-христіан намѣреніе короля креститься. В городѣ Реймсѣ Хлодвиг принял христіанство с 3000 дружинников по никейскому обряду. Таким образом, франки первые из германцев приняли христіанство по никейскому обряду. Этот факт сблизил франков с весьма многочисленным и вліятельным в культурном отношеніи галло-римским населеніем, которое стало смотрѣть на них, как на братьев по вѣрѣ. Образовался союз между франками и римским духовенством. Епископы вестготскаго и бургундскаго королевств обращались за помощью к Хлодвигу, как новому Давиду и Константину. Как слѣдовало ожидать, вскорѣ послѣ принятія христіанства начались военныя предпріятія Хлодвига против бургундцев и вестготов. Короли бургундцев — Гундебальд и Годегизел находились в ссорѣ и вмѣшали в нее и Хлодвига. Он одержал побѣду над Гундебальдом, и заставил своего союзника признать зависимость от франкскаго государя. Война против вестготов носила вполнѣ религіозный характер. Вестготскіе короли систематически преслѣдовали епископов, придерживавшихся никейскаго символа.

Эти преслѣдованія со стороны аріан вызвали волненіе въ городахъ, гдѣ жило галло-римское населеніе. Уступки Алариха II, разрѣшившаго православным епископам собираться на соборы, не внесли успокоенія. Галло-римское населеніе и православные епископы обращались за помощью к Хлодвигу. Война началась и сопровождалась полным успѣхом для франков. Городское населеніе открывало им ворота, а войско вестготов было разбито в 507 году, и самое королевство вестготов не погибло только благодаря вмѣшательству Теодориха Великаго, побудившаго Хлодвига сдѣлать нѣкоторыя уступки. В Галліи за вестготами остались Прованс и Нарбоннская провинція.

Хлодвиг был основателем франкской монархіи. Но ни он, ни его преемники не имѣли представленія о недѣлимости государственной территоріи, на которую они смотрѣли, как на родовое имущество. Неудивительно, что франкское государство послѣ смерти Хлодвига (511 г.) было раздѣлено между 4 его сыновьями. Характерен при этом раздѣлѣ тот факт, что участники раздѣла прежде всего заботились о том, чтобы каждому из них досталась какая-либо часть территоріи салических франков, и смотрѣли на остальныя земли, как на дополнительныя.

Старшій из сыновей Хлодвига, Теодорих получил рипуарскія и аллеманскія земли, Шампань и часть Аквитаніи; столицею его государства был город Реймс. Хлодомиру досталась юго-западная часть салической области и значительная часть Аквитаніи. Столицей этого удѣла был Орлеан. Хильдеберт получил земли между Сеной и Луарою с главным городом Парижем. 4-ый сын Хлодвига Клотар I-ый получил сѣверо-западный угол теперешней Франціи со столицей Суассонном, т. е. земли между Сеною, Уазою и теперешним Рейном.

Братья единодушно продолжали политику отца, направленную к расширенію владѣній франкскаго государства. Такой характер носили предпріятія против бургундов и вестготов и военныя дѣйствія на востокѣ. Мотивом борьбы против бургундов, по сообщенію Гр. Турскаго, было требованіе Клотильды отомстить за смерть ея отца и матери, умерщвленных Гундобальдом, отцем Сигизмунда и Гундомара. Сигизмунд был разбит и взят в плѣн, но Гундомар снова захватил власть. Потребовался новый поход, который был не вполнѣ удачен вслѣдствіе гибели Хлодомира. Только в 534 г. Бургундія была присоединена к франкскому государству Хильдебертом и Клотарем.

Война с вестготами была вызвана также мотивами родовой мести за Клотильду, дочь Хлодвига, бывшею замужем за вестготским королем Амаларихом. Удачный поход Хильдеберта на юг Галліи, когда он разбил при Нарбонѣ в 531 г. вестготское войско, завершился пріобрѣтеніем для франков всей южной Галліи. За вестготами остались земли, находившіяся к югу от Пиренейских

гор. Правда, Хильдеберт позаботился перенести военныя дѣйствія и за Пиренеи, но неудача при осадѣ Сарагоссы побудила отказаться от дальнѣйшаго расширенія владѣній на югѣ. На востокѣ Теодорих и его сын Теодберт подчиняют земли тюрингов и баваров до рѣки Заалы, притока Эльбы, и на югѣ до Регенсбурга. Так образовалось огромное государство, которое заключало в своем составѣ не только всю Галлію, но и большую часть Германіи. Теодорих неоднократно предпринимал походы и в Италію, гдѣ в то время происходила борьба остготов с Византіей. Хотя эти походы не привели к особенным пріобрѣтеніям, но обнаружили стремленіе франкских королей к объединенію всего западнаго міра под франкской державой. Сын Теодориха, Теотберт был человѣк даровитый и проникнутый идеями римской цивилизаціи. Благодаря вмѣшательству в италіанскія дѣла он пріобрѣл Прованс, принадлежавшій остготам. В письмѣ к Юстиніану Теодберт говорил о значительности своих владѣній, простирающихся от Дуная и Панноніи до Атлантическаго океана. Желая выставить себя защитником религіи, Теодберт принимает титул „praefectus catholicorum". Он же первый из германских королей называет себя „Августом" и чеканит монету со своим изображеніем. Дѣятельность Теодберта всецѣло проникнута стремленіем к главенству над всѣм западным міром и достиженію равнаго положенія с византійским императором. Эта дѣятельность франкских королей и эта широта замыслов, которая видна в предпріятіях Теодберта, являются предуказаніем блестящей будущности франкскаго государства. Тѣм не менѣе, франки, основавшіе это государство, и их короли оставались глубокими варварами, способными пока усвоить только внѣшнюю культуру античнаго міра. О степени их варварства можно судить по нѣскольким эпизодам из жизни первых Меровингов, записанным Гр. Турским. Теодорих предпринял поход против тюрингов вмѣстѣ с младшим братом Клотарем, но потом, узнав о предстоящей большой добычѣ, пожелал отдѣлаться от своего брата, во избѣжаніе раздѣла добычи. С этою цѣлью он позвал брата на свиданіе под предлогом необходимости посовѣтоваться о важном дѣлѣ. Клотарь прибыл со своей свитой, но когда заглянул в комнату и замѣтил в ней повѣшенный ковер, из-под котораго виднѣлись ноги людей, понял план брата. Теодорих пытался обратить это в шутку и для примиренія с братом подарил ему серебряное блюдо, но потом одумался и рѣшил возвратить подарок при помощи своего сына, котораго отправил к дядѣ выпросить подарок обратно. О жестокости Меровингов можно судить по слѣдующему факту. В интересах родовой мести сыновья Хлодвига предприняли завоеваніе Бургундіи, во время котораго погиб Хлодомир, земли котораго раздѣлили Хильдеберт и Клотар. Клотильда, как бабушка осиротѣлых дѣтей, берет их

к себѣ в Париж. Ея любовь к внукам вызвала опасеніе у Хильдеберта, чтобы Клотильда не приняла мѣр к возвращенію внукам отцовскаго наслѣдства, и он убѣждает Клотаря в необходимости вырвать племянников из рук матери. Братья извѣщают Клотильду о своем желаніи видѣть племянников у себя и, когда они были отправлены к ним, то послали спросить Клотильду, что предпочитает она, видѣть ли внуков остриженными или мертвыми. По франкским понятіям, лишеніе права носить длинные волосы, считавшіеся внѣшним признаком принадлежности к королевскому дому, сопровождалось отнятіем королевскаго достоинства. Гнѣвный и неосторожный отвѣт Клотильды рѣшил участь дѣтей: они погибли от руки Клотаря. Когда старшій 10-лѣтній мальчик был зарѣзан, младшій 7-лѣтній бросился к ногам Хильдеберта с мольбою о пощадѣ. Вопли и стенанія дитяти тронули сердце варвара, который просил брата отдать ему „эту жизнь". „Ты вѣдь сам подбил меня на это дѣло, а теперь вѣроломно становишься препятствіем. Немедленно отстранись от этого мальчика!" — с этими словами Клотарь убил его.

Жестокость, стремленіе к наживѣ и возможно бо́льшему количеству наслажденій — вот характерныя черты меровингскаго времени. Клотарь пережил всѣх своих братьев и единолично управлял франкским государством в теченіе 3 лѣт (558—561 г). 558-561 г.
Умер он от горячки, которую схватил на охотѣ в окрестностях Суассона. Любопытны предсмертныя слова Клотаря: „О горе, горе! Что я должен подумать о тебѣ, Боже, когда ты позволяешь такому великому королю сдѣлаться добычей смерти!"

Внуки Хлодвига.

По смерти Клотаря состоялся новый раздѣл франкской монархіи между внуками Хлодвига, сыновьями Клотаря I. Старшій сын Хариберт получил Аквитанію со столицей Парижем, 2-ой Гонтрам — Бургундію, 3-ій Хильперих — салическія земли с главным городом Суассоном, 4-ый Сигберт — восточную Германію со столицей Реймсом. Этот новый раздѣл характерен лишь в том отношеніи, что на долю Сигберта достались лишь восточныя земли, заселенныя особенно мало культурными племенами. Из этих земель слагается восток или Австразія, а из земель на запад от Рейна — запад или Нейстрія.

Хариберт рано скончался, и братья рѣшили оставить его долю в общем владѣніи. Гонтрам был человѣком слабовольным и склонялся на сторону то одного брата, то другого. Но между Сигбертом и Хальперихом завязалась борьба, продолжавшаяся в 573—613 г. и извѣстная в исторіи под именем борьбы между Брунегильдой и Фредегондой, женами этих королей. Эта борьба 573-613.

способствовала ослабленію королевской власти и увеличенію силы аристократическаго класса. Раздача земель королями с цѣлью привлеченія сторонников на свою сторону привела к тому, что как на востокѣ, так и на западѣ, образовалась могущественная поземельная аристократія.

Старшіе три сына Клотаря 1-го отличались глубокою развращенностью. Каждый из них имѣл нѣсколько жен, которых они выбирали из всѣх классов общества, не исключая рабынь. Сигберт считал безпутный образ жизни братьев недостойным королевскаго сана и рѣшил искать себѣ жену равную его положенію. Посольство Сигберта к вестготскому королю Атанагильду с просьбою руки его дочери Брунегильды увѣнчалось успѣхом. Слава этого брака вызвала в Хильперихѣ желаніе сравняться с братом, и он просил руки другой дочери Атанагильда Галесвинты и получил согласіе. Сначала Хильперих оказывал женѣ полное вниманіе. Возможно, что ему льстило первое время, что его жена высокаго происхожденія, а также то, что он является обладателем больших богатств, привезенных Галесвинтой в качествѣ приданнаго. Охлажденіе к ней было вызвано вновь проснувшейся в королѣ страстью к прежней женѣ Фредегондѣ, которая добилась того, что ея невольная соперница была задушена во время сна. Смерть Галесвинты вызвала общее сочувствіе и породила различныя легенды.

На основаніи старинных германских воззрѣній, Брунегильда считала себя обязанной отомстить за смерть сестры и побудила мужа, находившагося под ея вліяніем к войнѣ против Хильпериха. Сигберт согласился и склонял на свою сторону Гонтрама, но послѣдній убѣдил брата обратиться к суду народнаго собранія. Суд назначил обвиняемому Хильпериху двухнедѣльный срок, по истеченіи котораго он должен был представить доказательства своей непричастности к дѣлу о гибели Галесвинты. Хильперих явился на суд, но не привел с собой соприсяжников, которые принесеніем присяги могли избавить его от обвиненія. Суд признал Хильпериха виновным в убіеніи своей жены, но был поставлен в затрудненіе по опредѣленію штрафа с подсудимаго. За убіеніе свободнаго франка полагался штраф в 200 солидов, за убійство человѣка, состоявшаго на королевской службѣ, этот штраф увеличивался в 3 раза, но вира за убійство лица, принадлежавшаго к королевскому дому, не была установлена. В виду этого обстоятельства и признанія Хильпериха виновным, суд присудил с него в пользу Сигберта все приданное Галесвинты, которое составляли доходы различных городов. Приговором этого суда остались довольны братья и условились не враждовать друг с другом. Но лишеніе доходов скоро вызвало враждебныя дѣйствія со стороны Хильпериха, который отправил своего сына Хлодвига занять город Тур, принадлежавшій теперь

по судебному постановленію Сигберту. По просьбѣ послѣдняго, полководец Гонтрама прогнал Хлодвига, но Хильперих отправил другого своего сына Теодберта опустошать владѣнія Сигберта. Тогда послѣдній рѣшил силою оружія возстановить свои права. Молва о поднятых им зарейнских диких племенах, двинувшихся через Рейн по направленію к Сенѣ, поразила всю Галлію и заставила Гонтрама склониться на сторону Хильпериха, который сначала склонен был пойти на уступки, но заручившись поддержкою Гонтама перемѣнил свои мысли. Сигберт с зарейнскими полчищами вторгся в Галлію. Успѣх этого похода был так велик, что всѣ франки рѣшили провозгласить Сигберта своим королем. Хильперих укрылся в крѣпком городѣ Турнэ; спасительницей его явилась Фредегонда. Она склонила обѣщаніями различных выгод 2-х молодых франков умертвить Сигберта и снабжила их детально разработанным планом предстоящаго убійства. Этот план и был приведен в исполненіе, хотя и стоил им жизни. При вѣсти о гибели Сигберта австразійцы удалились за Рейн, но взяли от Брунегильды старшаго сына погибшаго Сигберта Хильдеберта и провозгласили его своим королем. Брунегильда искала спасенія в Руанѣ. Хильперих, снова признанный нейстрійским королем, отправил сына Меровея схватить Брунегильду, но тот, плѣнившись ея красотою, женился на ней. Меровей за этот поступок подвергся преслѣдованіям отца, а Брунегильда пробралась в Австразію к своему сыну Хильдеберту (575—597), который по наущенію матери продолжал борьбу с Хильперихом. Гонтрам в интересах личной выгоды принимал сторону то племянника, то своего брата Хильпериха. Эта борьба между дядей и племянником, Хильперихом и Хильдебертом, была вообще очень благопріятна для послѣдняго. Когда умер его дядя Гонтрам, то он даже присоединил к своим австразійским владѣніям Бургундію. Только смерть Хильдеберта (в 597) и раздоры между его сыновьями улучшили положеніе Фредегонды и ея сына Клотаря. Из сыновей Хильдеберта Теодберт II получил Австразію, а Теодорих II — Бургундію. Их бабка Брунегильда была опекуншею малолѣтних внуков и правительницею государства. Так как австразійская знать ненавидѣла Брунегильду, то Теодберт вышел из-под ея вліянія. Тогда престарѣлая королева отправилась в Бургундію и подняла Теодориха II на войну с братом Теодбертом. Дважды разбитый в сраженіях, Теодберт попал в плѣн вмѣстѣ со своим малюткою сыном. Оба они были умерщвлены (612). Брунегильда не воспользовалась побѣдой: Теодорих II скоро заболѣл и умер, оставив 4 сыновей. Брунегильда стремилась управлять государством за своего правнука Сигберта, провозглашеннаго королем. Правленіе Брунегильды, стремившейся к проведенію в жизнь абсолютических стремленій и подавленію аристократіи, вызывало негодованіе среди австразійских вельмож, кото-

рые призвали Клотаря, сына Фредегонды. Армія Сигберта была разбита; он сам и один из его братьев были зарѣзаны, а престарѣлую королеву было приказано привязать к хвосту дикой лошади, которая разнесла ее в куски. Таким образом, произошло снова объединеніе франкскаго государства под властью Клотаря II, сына Хильпериха и Фредегонды, в 613 году. Это событіе — поворотный пункт в исторіи франкской монархіи: с этого времени наряду с королевской властью в дѣлѣ управленія государством стоит знать, среди которой выдвигаются на первое мѣсто предки Каролингов.

До 613 г. франкское государство находилось в процессѣ своего сложенія или в хаотическом состояніи. Но с того времени, как в исторіи франкскаго государства выдвигается крупная поземельная знать, начинается средневѣковый період его существованія. Поэтому теперь умѣстно перейти к обозрѣнію внутренних отношеній франкской монархіи Меровингскаго времени. Но для выполненія этой задачи недостаточны тѣ источники, которые были указаны при обзорѣ внѣшней исторіи первых времен франкской монархіи. В числѣ важных источников юридическаго содержанія необходимо указать слѣдующіе:

1) „Leges barbarorum" — варварскіе законы, изданные в извѣстной коллекціи Monumenta Germaniae historica;

2) грамоты Меровингскаго времени (государственныя и частныя), изданныя Bréquigny et Pardessus, Diplomata, charta et instrumenta aetatis merovingicae, 2 vol., 1846—49 гг.

3) формулы, т. е. формы государственных, запродажных, дарственных, договорных и других грамот в изданіи Zeumer, Formulae merovingicae et carolinae aetatis в отдѣленіи Leges, t. V, коллекціи Monumenta Germaniae historica;

4) акты и постановленія церковных соборов. В ту пору церковь играла в государствѣ значительную роль. На церковных соборах разсматривались не только догматическіе вопросы, но и вопросы семейственнаго права, соціальные и политическіе. Новѣйших изданій актов и постановленій церковных соборов нѣт. Имѣются изданія XVII—XVIII вв.:

а) Sirmond, Concilia antiqua Galliae, 3 vol. in fol. 1629;

б) Mansi, Conciliorum nova et amplissima collectio, 31 vol. in fol., 1759—93.

Варварскіе законы.

Говоря о варварских законах (leges barbarorum), нужно имѣть в виду, что „leges" не слѣдует понимать в смыслѣ закона, юридическаго положенія, принятаго в законодательном порядкѣ и получившаго санкцію главы государства. „Leges" — не за-

коны в собственном смыслѣ, а тѣ юридическіе обычаи, которые народ создает различными путями для урегулированія явленій обыденной жизни. Путь созданія юридических обычаев был судебный. Различныя столкновенія между людьми вызывали потребность передавать спорные вопросы на рѣшеніе судов, которые вырабатывали нормы для разрѣшенія того или другого случая, а выработанныя нормы и являлись юридическими обычаями.

Так называемое писанное право дѣйствует для немногих классов народа, многомилліонная масса котораго обычно живет по своим юридическим установленіям. Таким образом „leges barbarorum" являются не созданіем государственной власти, а произведеніем народнаго творчества. Поэтому и момент их возникновенія естественно пріурочивается ко времени появленія варварских племен. Если варварскіе народы появляются в исторіи с 3 стол., то это время и слѣдует считать моментом возникновенія варварских правд. Юридическіе обычаи хранились в народѣ путем устной передачи; и „leges barbarorum" есть только запись правовых обычаев германских народов. Можно почти безошибочно утверждать, что нѣт из числа основавших государства ни одного значительнаго германскаго народа, юридическіе обычаи коего остались незаписанными. Исключеніе представляют лишь остготы. Попытка остготскаго короля Теодориха, поклонника римской культуры, заставить свой народ жить по римскому праву сопровождалась пренебреженіем к народным юридическим обычаям, запись которых оказалась излищней в пору наивысшаго процвѣтанія остготскаго государства, а потом не могла осуществиться вслѣдствіе погибели этого народа в борьбѣ с Византіей. При изученіи варварских правд нельзя обойти вопросов: когда, по каким побужденіям и кѣм онѣ были записаны? Оказывается, что запись правд отдѣльных народов происходила не одновременно, а с половины V в. до половины XI. Таким образом, варварское право во всей его совокупности подвергалось записи на протяженіи 6 вѣков. То обстоятельство, что запись прав отдѣльных варварских народов происходила не одновременно, находится в связи с тѣм, в какую пору эти народы переходили от быта патріархальнаго к быту государственному и пріобщались к кругу культурных народов. Таким образом, самый момент записи права какого либо народа указывает на начало культурной жизни народа. Запись права начинается обычно тогда, когда распространяется письменность, которая появляется с момента принятія христіанства. Оказывается, что важнѣйшія варварскія правды были записаны по прошествіи 50—75 лѣт послѣ водворенія того или другого варварскаго народа на территоріи римскаго государства. Вестготы, а за ними бургунды первыми из германских народов заняли области Римской имперіи, а потому записи вестготскаго и бургундскаго права являются болѣе древ-

ними, чѣм запись юридических обычаев салических и рипуарских франков, поселившихся позднѣе на римской территоріи.

Вопрос о побужденіях к записи прав варварских народов выясняется в связи с ознакомленіем с практическими потребностями их жизни. Если должны были дѣйствовать суды, то являлась практическая необходимость записать существующіе в народѣ юридическіе обычаи для установленія однороднаго права. Однако, когда германцы жили в зарейнских лѣсах, у них суды дѣйствовали, но записи права еще не было. Поэтому указанный момент недостаточен для выясненія мотивов записи прав того или другого из варварских народов. Эти побужденія заключались главным образом в политическом переворотѣ, послѣдовавшем в жизни германских племен по водвореніи их на территоріи Римской имперіи. В эпоху жизни в лѣсах Великой Германіи германцы имѣли только зародыши государственнаго порядка. Передвиженіе же варварских народов в предѣлы Римской имперіи сопровождалось установленіем болѣе опредѣленнаго государственнаго порядка. Возникшая для королевской власти необходимость урегулировать свои отношенія к народу требовала записи его юридических обычаев. С одной стороны, народ сознавал необходимость королевской власти, а, с другой, он опасался возможности нарушенія королем народных прав и обычаев. Таким образом, возникло стремленіе к записи юридических установленій того или другого из германских народов. Кромѣ того, слѣдует имѣть в виду, что с усиленіем королевской власти возникла и служилая аристократія. Этот класс людей, пользовавшихся большим вліяніем, сначала благодаря авторитету королевской власти, а потом благодаря своему значительному землевладѣнію, явно стремился к подавленію свободной массы народа. Для защиты народнаго права от покушеній представителей новой знати являлась необходимость путем записи закрѣпить существующіе юридическіе обычаи. Отсюда вытекала и обстановка записи варварских прав. Она происходила при участіи народа, как это видно, напр., из различных указаній. Аллеманскій законник упоминает, что запись права послѣдовала послѣ совѣщанія между герцогом и народом. В салической правдѣ инициатива записи салическаго права принадлежит народу. При законодательной дѣятельности лонгобарскаго короля Ротаря королевскіе эдикты предварительно прочитывались народу, который одобрял их по германскому обычаю. Участіе народа в записи своего права подтверждается и самым текстом варварских правд. Иногда эта запись называется „pactus" — договор. В салической правдѣ постоянно встрѣчается выраженіе: hoc convenit observari — „пришли к соглашенію исполнять это установленіе".

Хотя юридическій обычай долго хранился в народной памяти, ошибочно было бы думать, что любой человѣк из народа

хорошо и твердо знал его. Обычаи народа могли знать толково только люди, принадлежавшие к классу судей, потому что они были естественными знатоками родного права. Работали при записи эти опытные люди, называемые в текстах мудрыми стариками (sapientes) и знатоками права (legislatores).

Являясь закрѣпленіем извѣстной пройденной стадіи юридическаго развитія народа, запись влекла за собою окаменѣнія юридической мысли. Юридическіе обычаи путем записи пріобрѣтали характер неизмѣняемости. Так как жизнь выдвигала новые юридическіе вопросы, разрѣшеніе которых по обычному праву было уже невозможно, то для удовлетворенія новых жизненных потребностей возник новый орган законодательства в видѣ королевской власти. Таким образом, естественно на смѣну и в дополненіе к записанному обычному праву народа, выступает королевское право законодательной власти, и появляются законы в собственном смыслѣ слова.

Варварскія правды являются драгоцѣнным источником не только для исторіи франкской монархіи, но вообще для изученія человѣческих обществ на первых ступенях развитія их государственности.

Имѣя в виду все вышесказанное о варварских правдах, можно судить о их содержаніи. Нельзя искать в них постановленій, выясняющих институты государственнаго права, так как это право народное, а не государственное. С другой же стороны, так как имущественныя отношенія были крайне не сложны, а при не высокой культурѣ личность человѣка и его личныя права на каждом шагу подвергались опасности, то в варварских законах большая часть постановленій дает матеріал для изученія уголовнаго права и судопроизводства. Нѣкоторыя записи представляют перечень штрафов. Исключеніем являются тѣ записи, которыя возникают в пору прочнаго установленія государственности. Таковы записи рипуарскаго, аллеманскаго и баварскаго правъ, в которых выражаются постановленія, уясняющія нормы государственнаго права. Иногда первоначальная запись впослѣдствіи пополнялась. Однако, прослѣдить эти моменты постепенных измѣненій мы не можем по отсутствію дат. Что измѣненія были, видно из того, что под какую-либо статью подводился впослѣдствіи матеріал, не имѣющій с нею ничего общаго.

Салическое право дошло в большом количествѣ рукописей, которыя по времени происхожденія и количеству титулов или глав принято дѣлить на 4 семьи. Рукописи: четыре первой и двѣ второй семьи — заключают по 65 глав. В рукописях второй семьи сказывается вліяніе христіанства: запрещеніе браков между свойственниками, наказаніе за оскорбленіе церкви и т. д. Девять рукописей 3-ей семьи состоят из 99 глав. К 4-ой семьѣ относится около 50 рукописей. Эта послѣдняя редакція саличе-

скаго права состоит из 70 глав и называется Lex salica emendata, т. е. исправленной, так как язык очищен от варваризмов. Составленіе ея относится ко времени Каролингов. Для возстановленія древнѣйшаго текста должно пользоваться рукописями 1-ой семьи. Однако, как оказывается, и древнѣйшій текст салическаго права носит слѣды поправок. Значит, и эта запись 1-ой редакціи не есть первоначальная, а дополнена и измѣнена вставкою новелл. В болѣе древних списках встрѣчается много не латинских слов и глосс, а позднѣйшія списки выдѣляются болѣе чистым от варваризмов языком. По вопросу о времени составленія 1-ой записи салическаго права заслуживает вниманія то воззрѣніе, согласно которому древнѣйшая запись была составлена до смерти Хлодвига. Это мнѣніе оправдывается тѣм, что в древнѣйших списках штраф опредѣлялся солидами, из которых каждый подраздѣлялся на 40 динаріев, а эта монетная система указывает на древность записи. Как свидѣтельствует монетный клад времени Хильдериха I-го, отца Хлодвига, уже в это время солид дѣлился на 12 динаріев, а не на 40 динаріев. С другой стороны, сходство нѣкоторых статей салическаго права с бургундскими и вестготскими законами указывает на время Хлодвига, когда бургунды и вестготы пришли в соприкосновеніе с франками. Наконец, 63 статья говорит об участіи галло-римлян в войскѣ, что стало возможно лишь при сыновьях Хлодвига. На основаніи этих разновременных дат, возможен лишь тот вывод, что древнѣйшая из сохранившихся редакцій, восходя ко времени середины V вѣка, подвергалась измѣненіям в продолженіи ста лѣт. Участіе народа в записи своего права отмѣчается в прологѣ к салической правдѣ: „Славный, споспѣшествуемый Богом, сильный на войнѣ, твердый в мирном союзѣ и мудрый в совѣтѣ, сильный тѣлом, статный сложеніем, смѣлый, быстрый и твердый, обращенный в каѳолическую вѣру и чуждый ереси, по соизволенію Божьему стремящійся к просвѣщенію, хотя еще был варварскій, по своему нраву приверженный к справедливости и сохраняющій благочестіе — народ франкскій составил салическій закон при содѣйствіи своих вождей, которые были его правителями; из многих мужей были избраны четверо: Визогаст, Бодогаст, Салигаст и Видогаст, которые в мѣстностях извѣстных под именем Салгама, Бодогама и Видогама, собравшись на три засѣданія и обсудив всѣ поводы к процессам, разсуждали о каждом из них в отдѣльности и опредѣлили нижеслѣдующій закон“. Этот текст носит печать народной легенды, в которой опредѣленно указано, что запись салическаго права произошла при участіи народа. Заслуживает вниманія еще указаніе на три засѣданія на трех мѣстах, гдѣ они происходили, — напоминающее ту эпоху из исторіи франков, когда они находились под управленіем нѣскольких князей. Поэтому правдоподобно мнѣніе, что салическое право записано было

до Хлодвига или в первые годы его правленія. Отсюда понятны и слѣды нѣкотораго вліянія язычества в салическом правѣ, хотя сохранившаяся запись произошла по принятіи франками христіанства, потому что салическое право записано на языкѣ латинском — языкѣ церкви. Редакція рукописей 2-ой семьи относится к исходу VI вѣка, а редакція в рукописях 3-ей семьи — к VIII вѣку.

Рипуарское право записано позднѣе салическаго и дошло в меньшем количествѣ рукописей: большинство их относится к IX в. Исключеніе представляет Мюнхенскій список, относящійся к VIII вѣку. Имѣя в виду, что рипуарское право записано много раньше VIII вѣка, можно утверждать, что древнѣйшій текст его утрачен. Хотя на редакціи рипуарскаго права отражается вліяніе салическаго права, но все же первоначальная его запись должна быть отнесена к Меровингскому времени; 88 статья говорит о майордомѣ, не выдѣляя его из состава остальных придворных чиновников. Так как в таком положеніи майордомы находились еще при Дагобертѣ, сынѣ Клотаря II, и только послѣ смерти Дагоберта († 639) майордомы постепенно стали занимать исключительное положеніе в государствѣ, то это дает основаніе относить запись рипуарскаго права к началу VII вѣка. Принимая же во вниманіе, что 1-ая половина рипуарскаго законника (гл. 1—64) древнѣе второй его половины, так как в ней не замѣчается слѣдов вліянія салическаго права, можно отодвинуть запись рипуарскаго права ко времени VI вѣка.

Аллеманскій законник сохранился в двух редакціях, из которых одна называется pactus, а другая Lex Alamannorum. „Pactus“ считается болѣе древним; так как на нем отражается вліяніе салическаго права, то одни изслѣдователи относят составленіе его к 1-ой половинѣ VII вѣка, а другіе — к концу VI стол. От законника в этой редакціи сохранилось 5 отрывков или фрагментов. „Lex Alamanorum“ дошел в 50 рукописях. Несмотря на такое обиліе рукописей, исторія возникновенія этого сборника вызывает пререканія. Хотя в прологѣ к нему есть указаніе, что „Lex“ составлен по волѣ Клотаря II, единолично управлявшаго франкским государством с 613 г., однако содержаніе этого сборника доказывает, что он не мог быть составлен ранѣе конца 7 стол. В 37 статьѣ сборника говорится: post conventum nostrum, quod conplacuit cunctis Alamannis; в статьѣ 41: quia sic convenit duci et omni populo in publico consilio. Эти выраженія показывают, что установленіе текста записи происходило на народном собраніи, под предсѣдательством не короля, а племеннаго герцога, но так как из нѣкоторых текстов проглядывает признаніе верховнаго главенства франкскаго народа над герцогом, то отсюда вытекает, что составленіе записи относится к тому времени, когда сложились такія отношенія между франкской королевской властью

и племенной герцогской властью, а это указывает на вторую половину VII вѣка. По содержанію „Lex Alamanorum“ раздѣляется на слѣдующія части, свидѣтельствующія о попыткѣ ввести стройность в расположеніи матеріала; часть 1-ая (1—23 ст.) представляет изложеніе вопросов о положеніи церкви (causae ecclesiae); 2-ая (24—44 ст.) говорит о дѣлах, находящихся в вѣдѣніи герцога (causae, qui ad duce pertinent); 3-ья часть (45—98 ст.) дает опредѣленіе о дѣлах, подлежащих народному собранію (causae, qui saepe solent contingere in populo). Остальныя статьи (98—104, 78—79 и 93) заимствованы, повидимому, из редакціи Pactus. Эта стройность расположенія матеріала в „Lex Alamanorum“ свидѣтельствует также о болѣе позднем происхожденіи этой записи, вопреки указанію пролога.

Сборник вестготскаго права представляет сложный и разновременно возникшій матеріал, который дает возможность опредѣлить, к какой эпохѣ можно отнести каждую часть, потому что он раздѣлен на книги, отдѣлы и главы, при чем нѣкоторыя из них имѣют надписи с обозначеніем имени короля или таким, как, напр.: lex antiqua, antiqua noviter emendata, вслѣдствіе чего возможно раздѣлить весь матеріал на составныя части в порядкѣ хронологической послѣдовательности его возникновенія. Древнѣйшею частью сборника является „Lex antiqua“. О составѣ древнѣйшаго вестготскаго законника можно судить по 55 главам, сохранившимся в Парижском палимпсестѣ. (Палимпсестом называется рукопись, с которой стерт или смыт, или замаран первоначально написанный текст для того, чтобы можно было воспользоваться матеріалом для писанія другого текста. В средніе вѣка, при дороговизнѣ пергамента, нерѣдко были случаи, когда рукопись подвергалась подобным передѣлкам. Тепер извѣстны способы химическим путем возстановить первоначальное письмо и уничтожить позднѣйшее.)

Изслѣдователи сохранившихся отрывков этого законодательства Блуме и Аншюц пришли к заключенію, что эти отрывки относятся ко времени Эйриха, короля вестготов второй половины V в. В самом дѣлѣ, как видно из этих отрывков, они составлены в ту пору, когда, как это и было во второй половинѣ V вѣка, готы, по сравненію с галло-римлянами, являлись господами. Кромѣ того, на этой древнѣйшей части вестготскаго законодательства отразилось вліяніе той части бургундскаго законника, которая была составлена около 490 года. Таким образом, в парижском палимпсестѣ сохранился образец древнѣйшаго германскаго законодательства. Законами Эйриха пользовались составители салическаго законника. Кромѣ законов Эйриха, сохранились еще „Leges antiquae“.

Изслѣдователи относят их ко времени Леовигильда, короля вестготов во 2-ой половинѣ VI ст., ссылаясь в данном случаѣ на

свидѣтельство Исидора Севильскаго, который этому королю приписывает улучшеніе вестготскаго законодательства путем пересмотра законов Эйриха и изданія новых законов. К этим двум частям впослѣдствіи уже была присоединена 3 часть — законодательные труды Рекесвинта, короля вестготов в серединѣ 7 стол. В этих законах замѣчается новое направленіе: вносится принцип уравненія готов с римлянами.

Составленіе бургундскаго законника соединяется с именем короля Гундобальда (474—516 г.). К сожалѣнію, бургундскій законник в том видѣ, в каком он был записан при Гундобальдѣ, не сохранился. Извѣстный нынѣ бургундскій законник расширен вставками самаго Г. и его преемников. В этой переработкѣ он дошел в 12 рукописях, из которых ни одна не написана древнѣе 9 в. Сборник дѣлится на 3 части. К первой и древнѣйшей части относятся главы 2—41. Большинство статей начинается словами: „si quis, si quicumque. Эта однообразная форма при соотвѣтствующем архаическом содержаніи свидѣтельствует о древности этой части. 2-ая часть (42—88 главы) рѣзко отличается от 1-ой болѣе выдержанным языком и стремленіем к краткому выраженію мысли и приведеніем мотивов. 3-я часть (главы 89—104) представляет смѣсь, которая, может быть, возникла в качествѣ прибавленій, под вліяніем потребностей времени. Достовѣрность подобнаго объясненія подтверждается тѣм, что, как извѣстно из сборника Гундобальда, король предписывал подданным обращаться к нему в случаѣ возникновенія сомнѣнія по примѣненію законов или „когда закон молчит". Бургундскій законник был источником для вестготскаго и салическаго права.

Грамоты и формулы.

В качествѣ юридических источников заслуживают вниманія грамоты, оффиціальные и частные документы, составленные по опредѣленной формѣ для увѣковѣчиванія того или другого юридическаго факта. Внѣшнія формы для этого рода источников были заимствованы от римской юридической практики.

Самою древнею грамотою является дарственная грамота короля Одоакра. От Меровингскаго времени сохранились в значительном числѣ грамоты двух родов: королевскія и частныя. Королевскими назыв. грамоты, составленныя по приказу короля в его канцеляріи, частными — тѣ, которыя были составлены в цѣлях обезпеченія интересов частных лиц, по их собственному желанію. Внѣшней чертой различія этих 2-х родов грамот являлось то, что на королевских, в противоположность частным грамотам, не требовалось приведеніе имен свидѣтелей в обезпеченіе достовѣрности записаннаго юридическаго факта. Королевскія и

частныя грамоты вслѣдствіе неодинаковости содержанія подраздѣляются на виды. Среди королевских грамот слѣдует различать diplomata, placita, indiculi, capitularia.

Diplomata — грамоты, в которых изложены государственное распоряженіе или королевская милость частному лицу. Placita — судебные акты, запись фактов, установленных судебным порядком. Indiculi — инструкціи короля, даваемыя чиновникам. Capitularia — грамоты конца Меровингскаго періода, в коих изложены законодательныя мѣропріятія королей.

Частныя грамоты по формѣ и содержанію раздѣляются на 2 отдѣла: однѣ представляют или свидѣтельства о совершившемся фактѣ, записанныя для памяти, а другія грамоты — дѣлового содержанія. Первыя назывались памятниками (notitiae, breve, breve commemoratorium, memoratorium), а вторыя сообразно своему характеру или роду дѣла носили названія: хартія (carta, cartula), отписки (epistola), завѣщеніе (testamentum), запродажная (venditio), дарственная (donatio), отпускная (ingenuitas) и т. д.

Большая часть грамот (5—8 вв.) погибла. Дошли лишь тѣ, в сохраненіи которых была сильно заинтересована церковь, озабоченная прочностью своего землевладѣнія и прав. Еще в Меровингскую эпоху возникают сборники, в которые вносились выписки из разных источников и копіи грамот, выданных королем и частными лицами церкви. Эти сборники назывались хартуляріями (chartularia), регистрами (registra) и полиптиками (poliptica), сообразно характеру записанных актов.

Заслуживают также вниманія и сборники формул. В пору возникновенія франкскаго государства, в виду малой распространенности грамотности и юридических знаній, особенно сильно сказывалась потребность в изданіи готовых образцов для тѣх или других юридических сдѣлок и административных распоряженій. Эта задача была выполнена свѣдущими в юридических вопросах людьми и нотаріями (notarii), как назывались не писцы, а юристы-практики, члены королевской канцеляріи. Большинство этих сборников формул было составлено в Нейстріи, как наиболѣе культурной части франкскаго государства. В виду назначенія формул служить образцами для составленія грамот, в них вмѣсто имен проставлялись мѣстоименія: ille и illa для обозначенія мужчины или женщины. К числу древнѣйших формул относятся „анжерскія формулы", составленныя в 8 стол. и содержащія 60 образцов грамот частнаго характера, потом сборник формул монаха Маркульфа, составленный с двоякою цѣлью — обученія юношества, предназначеннаго к занятіям в королевской канцеляріи, и для удовлетворенія практическим потребностям. Сборник дѣлится на двѣ книги: 1-ая дает собраніе образцов королевских грамот (cartae regales) в количествѣ 37 формул, а 2-ая представляет собраніе 52 образцов частных грамот (cartae

pagenses). Сборник составлен в 7 стол., но в какой половинѣ его — это спорный вопрос.

При опредѣленіи времени составленія сборника имѣет значеніе посвященіе епископу Ландериху. В 7 вѣкѣ было 2 епископа с этим именем: один — города Мо, жившій в концѣ 7 стол., другой Парижа — в началѣ 7 стол. Французскій изслѣдователь Тафдиф относит появленіе сборника ко времени Ландериха Парижскаго, а нѣмецкій ученый Цеймер — ко времени епископа гор. Мо., т. е. к концу VII вѣка.

Землевладѣніе Меровингскаго времени.

Характер поселенія германцев на занятых ими в предѣлах имперіи землях отражается на всѣх сторонах их быта. Институт „hospitalitas", имѣвшій громадное значеніе при установленіи поземельных отношеній на территоріях, занятых другими германскими племенами, не оказал вліянія на франков. В то время, как вестготы, бургунды и другіе народы вступали в соглашенія с римским правительством и были склонны признавать существовавшія в имперіи юридическія и экономическія отношенія, франки, по водвореніи на римской территоріи, становятся в положеніе завоевателей. Поэтому говорить о каком-бы то ни было вліяніи института „hospitalitas" на образованіе хозяйственных отношеній у франков едва ли возможно.

Хлодвиг и его преемники разсматривали завоеванную территорію в Галліи, как личное пріобрѣтеніе, и склонны были признать имущественныя права галло-римлян в той мѣрѣ, которая опредѣлялась их усмотрѣніем.

В концѣ существованія Римской имперіи в Галліи господствовало крупное землевладѣніе, сосредоточенное в руках отдѣльных сенаторских фамилій и церкви. В виду отсутствія свободнаго класса, возможно было отнятіе извѣстной доли имущества от землевладѣльцев, без особаго нарушенія права собственности, потому что в составѣ галло-римской виллы, наряду с обработанными землями, находились и пустующія пространства.

Поселившись на завоеванной территоріи дворами (villae) и деревнями (vici), франки по отношенію к землѣ держались тѣх воззрѣній, которыя существовали у них со времени Тацита. Так, от наслѣдованія землями были и теперь устраняемы дочери и боковые родственники. Только со времени эдикта Хильпериха I было признано и за дочерями право наслѣдованія. Поселеніе родами положило основаніе земельных общин. Участки земли не принадлежали каждому члену, а всей общинѣ, и находились лишь в пользованіи члена. Отсюда вытекало то, что поселеніе в франкской деревнѣ пришлаго человѣка было возможно при согласіи

всѣх ея жителей. Исключеніе допускалось лишь в том случаѣ, когда король давал чужаку милость на поселеніе в любой мѣстности. При веденіи своего хозяйства каждый член должен был подчиняться общему плану, выработанному общиной. Но на ряду с обработанными землями, находившимися в общем пользованіи, существовали земли пустующія, извѣстныя под именем альменд (Almende), т. е. пустоши, находившіяся в общественном пользованіи всей общины. По отношенію к этим землям допускалось проявленіе индивидуальной самостоятельности. Из состава этих земель каждый член общины мог выбрать для распашки любой участок, который считался личным его владѣніем. Разумѣется, болѣе предпріимчивые и зажиточные члены общины не замедлили воспользоваться этим правом распашки пустошей, и таким образом положено было начало политической и соціальной дифференціаціи среди франков. Люди с большими семьями и привычкой к труду стали стремиться к возможно большему расширенію своих владѣній. Это стремленіе само по себѣ должно было привести к возникновенію крупнаго землевладѣнія. Кромѣ того, этому же способствовали раздачи и пожалованія Меровинских королей.

Располагая огромным земельным фондом, франкскіе короли употребляли его для вознагражденія служивших у них лиц. Подобно римскому, и франкское крупное землевладѣніе не представляло сплошной территоріи, а состояло из ряда мелких владѣній, разбросанных на большом протяженіи. Отсюда вытекала невозможность непосредственной эксплоатаціи земли, хотя бы при помощи рабов, как это было в галло-римскую эпоху. Так как положеніе германскаго раба было иное, чѣм положеніе римскаго раба, то у франков, владѣвших многочисленными земельными угодьями, создалась иная система обработки земли. Они сажали на земельные участки рабов, которые за обработку земли платили натурой. Для сбора с таких рабов установленной части произведеній земли каждый крупный землевладѣлец имѣл двор, являвшійся сосредоточіем для всѣх участков даннаго имѣнія. Здѣсь сидѣл уполномоченный землевладѣльца, завѣдывавшій этими сборами. Нѣкоторую часть своих земель крупные землевладѣльцы обрабатывали непосредственно трудом рабов, проживающих при господском домѣ. Такіе участки назывались господской запашкой (mansus indominicatus). Отданные в обработку под условіем аренды участки носили названія, сообразно с тѣм, кто их обрабатывал: mansi vestiti, mansi serviles, mansi litiles.

Послѣдствіем установившихся у франков хозяйственных отношеній было возвышеніе из класса свободных людей земельной аристократіи, повлекшее за собою уменьшеніе класса свободных людей.

Классы общества и королевская власть.

Большинство народа каждаго германскаго племени принадлежало к свободному классу. Был немногочисленный класс знатных, состоявшій обычно из князей, управлявших округами германскаго государства, а низшую ступень соціальной лѣстницы каждаго германскаго племени занимали рабы. В эпоху жизни германцев в лѣсах Германіи дѣленіе на классы находилось в зачаточном состояніи. Но когда франки поселились на территоріи римской имперіи, и когда у них начало развиваться крупное землевладѣніе, должно было произойти новое соціальное раздѣленіе франкскаго народа путем образованія промежуточных классов. Раб лишен был личных и имущественных прав: он был вещью или собственностью своего господина. Однако, под вліяніем христіанства, признававшаго за рабом права члена церкви, не могло с теченіем времени не произойти улучшенія в положеніи раба. За убійство раба установлен был штраф в 12 солидов, но хотя этот штраф не был собственно вирою, вергельдом, платою за кровь, а скорѣе вознагражденіем владѣльца за потерю рабочей силы, тѣм не менѣе этот штраф походил на виру, являлся с ним нѣкоторой аналогіей.

Источники рабства у франков, как и у всѣх арійских народов, были слѣдующіе: 1) рожденіе от лиц рабскаго состоянія; 2) плѣн; 3) судебный приговор. В этом случаѣ, когда свободный человѣк не мог выполнить всѣх обязательств, налагаемых на него в видѣ штрафов за какое либо правонарушеніе (напр, убійство), и родственники отказывали в помощи обвиненному, то он отдавался в руки родственников убитаго, которые могли умертвить этого человѣка или обратить его в раба. Разумѣется, неуплата долга также приводила к рабству. К этим источникам рабства, знакомым всѣм германским племенам, в частности у франков, с момента их водворенія на территоріи Римской имперіи, присоединяется и 4-ый. Всѣ рабы, принадлежавшіе галло-римским землевладѣльцам, остались в том же положеніи и по возникновеніи франкской монархіи.

Неодинаковое положеніе рабов у римлян и германцев объясняется из различія условій жизни этих народов. Римляне держали рабов в казармах, выводя их отсюда на работы. Германцы не знали подобный эксплоатаціи рабскаго труда. Они иногда держали рабов при домѣ в качествѣ прислуги, но не в большом количествѣ. Положеніе таких рабов обусловливалось характером и отношеніями хозяина и раба. Бывали случаи, когда рабы пользовались большим значеніем у хозяина, а в случаѣ принадлежности королю даже вліяніем на государственные дѣла. Такіе рабы назывались pueri, vassi, ministeriales. Но в большинствѣ случаев германцы сажали своих рабов на участки земли,

обязывая их уплатою ценза натурою и сохраняя за собою право распоряжаться их досугом. Эти рабы назывались servi casati, так как они имѣли свое жилище (casa) и семью.

По германским воззрѣніям, самое сближеніе с рабом на почвѣ брака сопровождалось для свободнаго человѣка уменьшеніем его прав. Если кто-либо брал в жены свою рабу, то дѣти считались свободными. Но в случаѣ женитьбы германца на чужой рабынѣ без предварительнаго выкупа ея, потомство от этого брака лишалось свободы.

Рабы иногда получали от своих господ освобожденіе. Виды отпуска рабов на свободу у германцев были двоякаго рода: во 1-х, унаслѣдованные от германской старины и 2-х, заимствованные из практики римскаго права. Можно было отпускать раба путем то письменнаго свидѣтельства или выдачи отпускной грамоты, то записи в церкви, то полученіем из рук раба мелкой монеты (динарія).

При отпускѣ рабов в церкви, имена их вносились в особыя книги, вслѣдствіе чего такіе вольноотпущенники назывались „tabularii“. Рабы, отпущенные на свободу, врученіем им грамоты или по завѣщанію, назывались „cartularii“. Оба эти вида отпуска рабов на свободу, незнакомые германцам в началѣ их исторической жизни, были заимствованы ими из римской практики. В частности, отпуск по завѣщанія не был прежде извѣстен германцам, потому что до ознакомленія с римской культурой они не писали хартій и не знали права завѣщанія.

Хотя оба указанные вида отпуска были перенесены из римской практики, однако судьба рабов, освобожденных по записи в церкви и посредством выдачи грамоты, была неодинакова.

В первом случаѣ, раб, по полученіи свободы, находился в зависимости от церкви, в пользу которой не только он, но и его потомство должны были уплачивать опредѣленные взносы. Рабы же, освобожденные посредством выдачи грамоты, считались состоящими под покровительством короля. Отсюда названіе их: homines regii. 3-ій вид отпуска посредством динарія совершался так. Раб, в присутствіи свидѣтелей, протягивал господину в рукѣ монету, которую тот не принимал, а выбивал из рук освобождаемаго. Этот символическій обычай означал, что хозяин отказывается принимать от бывшаго раба какіе либо платежи, т. е. публично признает его свободным. Каким бы образом бывшій раб ни получал свободу, он не входил в ряды свободных людей, потому что освобождаемые люди переходили под покровительство общественных органов, хотя и пріобрѣтали права личности. Эти вольноотпущенники находились на положеніи полусвободных людей и назывались liti, а у лангобардов aldii.

Источниками этого полусвободнаго состоянія у германцев были: во 1-х, рожденіе; во 2-х, добровольное подчиненіе свобод-

ных людей покровительству могущественных и сильныхъ; в 3-х, отпуск рабов на свободу. Количество людей этого полусвободнаго состоянія, извѣстнаго германцам до ознакомленія с римскою государственностью, умножилось со времени поселенія в областях Римской имперіи.

В послѣднее время существованія Римской имперіи класс свободных людей ограничивался галло-римскими землевладѣльцами и жителями городов. Все населеніе галло-римских вилл находилось на положеніи колонов, т. е. полусвободных людей, которые были прикрѣплены к землѣ. Они не могли быть сведены со своих участков или сами покинуть их, так что вполнѣ раздѣляли судьбу участка земли, на котором сидѣли. Отсюда названіе колонов крѣпостными (glebae adscripti). Всѣ эти люди естественно вошли в состав класса литов и распространили на них лишеніе права перехода.

Центральной общественной силой в германском государствѣ оставались свободные люди. Они пользовались правом участія в народных и судебных собраніях, несли военныя обязанности и могли искать защиты у короля. Каждый свободный человѣк, независимо от своего происхожденія, приносил главѣ государства присягу вѣрности, за нарушеніе которой подвергался лишенію прав и в иных случаях даже смертной казни.

Класс свободных людей под вліяніем различных причин экономическаго характера постепенно уменьшался в численности, и расширялось полусвободное состояніе, в которое входили как отпущенные на свободу рабы, так и бывшіе свободные люди. Свободные люди теряли свою свободу и попадали в число зависимых людей различными путями.

Несеніе общественных обязанностей классом свободных людей требовало, за отсутствіем матеріальной помощи со стороны государства, личных расходов. В виду того, что судебныя засѣданія происходили часто, а войны, сопровождавшія основаніе и дальнѣйшій рост франкской монархіи, были постоянным явленіем, неудивительно, что масса свободных людей обѣднѣла и, нуждаясь в помощи, находила выгодным для себя отдаваться под покровительство могущественных людей. С другой стороны, при постоянных столкновеніях частных интересов слабые люди также искали покровительства у сильных по соображеніям житейскаго характера.

Это уменьшеніе класса свободных людей привело к тому, что к этому классу в концѣ 7 и в 8 стол. принадлежала только небольшая часть франкскаго народа.

Пути, приводившіе к потерѣ свободнаго состоянія, были в значительной степени заимствованы от римской практики: коммендація, прекарій, иммунитеты. Воздѣйствіе этих юридических установленій привело к созданію зачатков феодальнаго строя,

отдѣльныя черты котораго уже наблюдаются в первое время существованія Меровингскаго государства.

В ряду институтов, приводящих к зависимым отношеніям, прежде всего нужно отмѣтить коммендацію (commendatio). Каждый человѣк мог коммендировать себя (se commendare), т. е. искать покровительства (patrocinium) другого, чѣм ставил себя по отношенію к патрону в зависимость (obsequium). Лица, коммендирующія себя к др., получали различныя наименованія, указывающія на характер их отношеній: amici, suscepti, sperantes, vassi.

Институт коммендаціи стал распространенным явленіем и привел к созданію громаднаго круга людей, которые, прекращая непосредственныя отношенія к государству, признавали зависимость от частнаго человѣка.

Близкое сходство этого института с древне-германским комитатом (comitatus) дало повод многим нѣмецким ученым выводить из послѣдняго возникновеніе института коммендаціи. Но на самом дѣлѣ между ними полное различіе. Комитат, по описанію Тацита, — явленіе государственной жизни, а коммендація — институт частно-правовой и явно враждебный принципу государственности. С другой стороны, комитат создавал между вождем дружины и ея членом временную связь, которая могла быть прекращена по личному соглашенію обѣих сторон, но связь, устанавливаемая институтом коммендаціи, была пожизненная.

На уменьшеніе числа свободных людей вліяло также развитіе прекарных отношеній. Прекарій (precarium) — институт гражданскаго права. Прекарными назывались такіе земельные участки, владѣлец которых не имѣл прав собственности: титул собственности находился в руках другого лица, а прекаристу принадлежало лишь право пользованія. Прекарныя отношенія начинают распространяться в концѣ существованія Р. имперіи и в послѣдующее время, благодаря распространенію церковных владѣній. Епископскія каѳедры и монастыри получали от новообращенных в христіанство и движимых ревностью неофитов-германцев в большом количествѣ земли, для обработки которых собственных сил церкви и рабскаго труда было недостаточно. Институт precarium давал возможность церкви отдавать свои земли в обработку частным лицам на правах пользованія. Прекарныя сдѣлки устанавливались сначала на краткіе сроки, 10—15 лѣт, потом пожизненно и наслѣдственно. Precaria были двоякаго рода: precaria data и precaria oblata. С теченіем времени термин „прекарій" был замѣнен термином бенефиція (beneficium, beneficia); бенефиціи подобно прекаріям были двоякаго рода: beneficia data и beneficia oblata.

Beneficia data назывались такія бенефиціи и прекарныя земли, которыя церковь давала извѣстному лицу в пользованіе и обработку. Но бывали случаи, что свободный человѣк, руково-

дясь ревностью к церкви или соображеніями матеріальнаго характера, отдавал свое помѣстье церкви и затѣм получал снова его в видѣ прекарнаго владѣнія. Такія прекарныя владѣнія и бенефиціи назывались beneficia oblata. В послѣднем случаѣ соглашеніе протекало не в одинаковой формѣ: иногда церковь возвращала жертвователю его земли в том же размѣрѣ, иногда увеличивала их прибавкою своих земель. Оба вида прекарных и бенефиціальных сдѣлок (прямая и косвенная) приводили к созданію зависимаго владѣнія и зависимых отношеній.

В процессѣ распространенія зависимых отношеній большое значеніе имѣл еще институт иммунитета (immunitas). Этот институт — римскаго происхожденія. Земли, называвшіяся „immunes", пользовались освобожденіем от повинностей. На таком положеніи были императорскія земли, а в концѣ Р. имперіи и земли отдѣльных церквей. Иммунитеты получают широкое распространеніе при Меровингах. Можно сказать, что ни одна церковь из галльских епископій и ни один значительный монастырь не были лишены этих привилегій. В руках владѣтеля иммунитетнаго помѣстья находилась вся юрисдикція. Кромѣ того, иммунитетныя земли освобождались от налогов, и на территорію их был запрещен въѣзд чиновников короля.

Кромѣ церкви, иммунитет стал распространяться и на земли свѣтских лиц в силу пожалованій со стороны королей. Распространеніе этого института приводило к тому, что владѣтели иммунитетных округов, пользуясь судебной юрисдикціей, стали разсматривать свободных людей, проживавших в предѣлах иммунитетнаго округа, как своих зависимых людей.

Таким образом, число свободных людей уменьшалось под вліяніем и воздѣйствіем тѣх институтов, которые облегчали водвореніе общественной зависимости. Коммендація, прекарныя отношенія и иммунитет были главными путями, по которым должна была пойти жизнь при созданіи той формы общественности, которая получила названіе феодализма.

В связи с разложеніем народной массы, должны были измѣниться и свободныя германскія учрежденія.

Высшим государственным учрежденіем у германцев были народныя собранія. Они постепенно исчезают в Меровингское время. Исчезновеніе их обусловливалось внѣшними и внутренними обстоятельствами. Территорія племеннаго государства незначительна, и потому свободное населеніе его могло без труда собираться на народныя собранія. Но когда на территоріи Р. имперіи были основаны германскіе государства, то уже не было физической возможности созывать народных собраній, особенно при отсутствіи хороших путей сообщенія. Но, помимо этого внѣшняго препятствія, были и внутреннія. Они состояли о том, что количество свободных людей постепенно уменьшалось, а значеніе

и вѣс в государствѣ перешли в руки крупных землевладѣльцев, так что для представителей королевской власти было безполезно созывать свободных людей. Дѣйствительно, о народных собраніях в Меровингскую пору почти не упоминается. Правда, при преемниках Хлодвига происходили военныя народныя собранія, обычно пріурочивавшіяся к мартовским календам, но на этих собраніях свободные люди представлялись королю, как простые ратники, с которыми не обсуждали никаких государственных дѣл. Если же во время „мартовских полей" и происходило обсужденіе государственных и общественных дѣл, то лишь в кругу представителей поземельной знати (optimates), с которыми короли не могли не считаться.

Институт королевской власти (regia potestas) первоначально не был извѣстен западным германским народам. У франков, как западнаго народа, он возник при передвиженіи их на территорію Римской имперіи в силу необходимости достигнуть единства в наступательном движеніи при завоеваніи новых областей. Королевская власть всегда с тѣх пор являлась олицетвореніем народнаго единства. Король был единственным и высшим представителем государственной власти. Таким образом, институт королевской власти выражал идею единства народа и его независимости от какой либо другой власти. Всѣ свободные люди по отношенію к королю были его подданными, обязанными к безусловному исполненію его приказаній. Несомнѣнно, в созданіи той обстановки, в которой являлся король, имѣли вліяніе не только историческія условія жизни франков, но и римскія традиціи. Однако, король варварскаго государства не располагал тѣми средствами сложной и правильно поставленной организаціи управленія, которыя были в руках римскаго императора. С другой стороны, варварскій король не имѣл и всей той силы власти, которою пользовался император. Право законодательной иниціативы долгое время королю не принадлежало. Как видно из варварских правд, в дѣлѣ законодательства королю принадлежало лишь право кодификаціи, т. е. записи права, которое само по себѣ было плодом народнаго творчества. Но и в это время за королем признавалась безусловная военная и судебная власть. Королевская власть не доразвилась до императорской власти и в том отношеніи, что король не имѣл права облагать франкское населеніе какими либо налогами.

За каждое правонарушеніе в сферѣ государственных дѣл и неисполненіе или уклоненіе от исполненія королевских приказаній назначалось взысканіе в размѣрѣ 60 солидов в пользу короля (bannus dominicus).

Представителями королевской власти были члены фамиліи Меровингов. Все государство разсматривалось ими, как родовая собственность. Хотя франкское государство подвергалось неодно-

кратному раздѣлу, но сознаніе о единствѣ королевской власти никогда не исчезало, а потому всѣ короли отдѣльных частей франкскаго государства одинаково назывались „королями франков“ (rex Francorum), сколько бы их ни было одновременно.

Внѣшним признаком королевскаго достоинства были длинные волосы. Знаком исключенія из королевскаго дома и поношенія являлось лишеніе этого украшенія. Внѣшним выраженіем королевскаго достоинства у Меровингов были и другіе знаки.

Что королевская власть была національным, а не заимствованным учрежденіем, видно из того, что при избраніи королей у франков не были в употребленіи скипетр и трон, а примѣнялся древне-германскій обычай, по которому дружина поднимала короля на щитах. Единственной королевской инсигніей было копье. Сверх того, долго удерживался обычай, согласно с которым король в торжественных случаях выѣзжал на телѣгѣ, запряженной парой быков. Первые представители Меровингскаго дома не имѣли опредѣленной столицы. Руководясь в выборѣ мѣстожительства личным желаніем, они предпочитали деревенскую жизнь. Всѣ эти черты свидѣтельствуют о чисто германском происхожденіи франкской власти.

Титул королей: rex francorum — выражал идею государственнаго единства и употреблялся, независимо от того, стояло ли во главѣ государства одно лицо, или одновременно были 4 короля.

Обыкновенно вскорѣ послѣ провозглашенія король предпринимал объѣзд страны, при чем в это время производил суд и расправу и получал подарки от населенія.

Несмотря на историческое происхожденіе королевской власти и нѣкоторое унаслѣдованіе римских взглядов на существо власти, авторитет каждаго Меровинга поддерживался его матеріальными силами. Таким образом, вопрос о средствах короля имѣл весьма важное значеніе.

Доходы королей слагались из различных источников. Прежде всего, король пользовался доходами с тѣх поземельных владѣній, которыя находились в его полном распоряженіи. Эти доменныя земли (villae dominicae) были довольно обширны, так как к Меровингам перешли всѣ императорскія имѣнія и в их распоряженіи находились всѣ пустоши, не занятыя сельскими общинами. Заслуживает вниманія тот факт, что с уменьшеніем количества земельных владѣній у королей замѣчается упадок авторитета их власти.

Другим источником доходов королей были добровольные подарки, получаемые при объѣздѣ страны и во время ежегодных собраній для рѣшенія государственных дѣл и смотра военных сил.

Эти подарки необходимо должен был давать каждый подданный короля, но в то же время они были добровольными в том смыслѣ, что количество и качество подарка опредѣлялось не королем, а зависѣло от человѣка, который подносил его. Подарки эти обычно состояли из хлѣба, оружія, коней, драгоцѣнностей, в общей совокупности представляя значительной источник доходов королевской казны.

В качествѣ источника доходов королей нужно упомянуть дань, которую Меровинги собирали с вошедших в состав франкскаго государства покоренных народов (саксов, аллеманов, баварцев и др.). Сюда можно отнести и налоги римскаго происхожденія.

В Римской имперіи существовали поземельный и поголовный налоги, которые были удержаны и в Меровингское время, но только сфера их примѣненія была сужена, так как франки этих налогов не платили, считая налоговое бремя признаком рабскаго состоянія, а, кромѣ того, с теченіем времени было утеряно пониманіе различія между поземельным и поголовным обложеніем Римской имперіи.

Налог на землю нуждался в постоянном пересмотрѣ. Размѣры этого налога в Римской имперіи измѣнялись через 15 лѣт; и для распредѣленія поземельнаго налога по степени производительности земельных участков составлялись кадастровые списки.

У франков за отсутствіем пересмотра поземельнаго налога и умѣнья составлять новые кадастровые списки этот налог обратился в постоянный и неизмѣнный налог и взимался в том размѣрѣ, в каком он был установлен римским центральным правительством. Впрочем, иногда налоговые списки пересматривались и подвергались исправленіям.

Григорій Турскій в своей „Исторіи франков“ сообщает, что галло-римское населеніе иногда пыталось уклониться от платежа этого налога и уничтожало даже кадастровые списки, но эти попытки обычно оканчивались неудачно: налоги возобновлялись и в наказаніе за возмущеніе даже повышались в размѣрѣ. Кадастровые и цензовые налоговые списки (libri discriptionum, tabulae fiscorum regalium) хранились в королевской казнѣ.

Охраненіе мира в странѣ и высшая судебная власть, которой располагал король, были соединены с доходами: в пользу его поступали всѣ взысканія за нарушеніе банна и извѣстная часть виры или композиціи, уплачиваемой за убійство.

Равным образом, в пользу короля поступали и всѣ конфискованныя имѣнія частных лиц.

Таможенныя пошлины и монетная регалія приносили королям также значительные доходы. Таможенныя пошлины франки заимствовали из практики Римской имперіи с тою только раз-

ницею, что, при сравнительно незначительном распространеніи у них монетной денежной системы, таможенныя пошлины взимались обыкновенно натурою, т. е. купцы уплачивали эти пошлины выдачею извѣстной части своего товара.

Право чеканки монеты оставалось прерогативой или регаліей короны. Сначала франкскіе короли довольствовались монетами римскаго чекана, но уже Теодберт, внук Хлодвига, начал чеканить монету с изображеніем своего имени и титула.

Хотя с теченіем времени короли передавали принадлежавшее им право чеканить монеты в частныя руки, но все же получали от этой регаліи значительныя выгоды. Доход от чеканки монеты обусловливался тѣм обстоятельством, что монета цѣнилась по вѣсу, а между тѣм при чеканкѣ ея к благородным металлам присоединялась примѣсь неблагороднаго металла.

В общем, Меровинги располагали разнообразными источниками доходов, которые в значительной степени превышали их потребности. Наличностью у королей этих громадных матеріальных средств и объясняется то излишество в жизни и обстановкѣ, которое допускали Меровинги. Они не находили правильнаго примѣненія скоплявшихся в их руках доходов. На удовлетвореніе государственных потребностей в Меровингское время не требовалось больших расходов, так как чиновники жалованія не получали, а военная повинность была натуральною. Таким образом, доходы королей в значительной степени превышали их расходы.

Расходов в истинном смыслѣ государственных или вовсе не было или только намѣчались их признаки в Меровингское время. Так, Брунегильда, женщина для своею времени очень культурная, употребляла деньги на роскошныя постройки и проведеніе дорог. О большинствѣ же королей можно сказать, что их расходы, помимо содержанія себя и двора, ограничивались простою благотворительностью: выкуп плѣнных, помощь бѣдным. Сюда отчасти можно присоединить пожертвованія и щедрые подарки королей церквам и монастырям.

Королевскій двор.

Двор короля являлся высшим центральным органом управленія государством. В состав двора прежде всего входили лица, которыя приносили особую личную присягу королю и вступали в состав его свиты. Напоминая дружинников (comites), описанных в „Германіи“ Тацита, они назывались антрусціонами (antrustiones), ибо входили в состав королевской свиты (in truste dominica), пополняемой людьми разных классов. Всѣ антрусціоны пользовались особой защитой короля: за убійство антру-

сціона полагалась тройная вира, т. е. если антрусціон был свободный человѣк, то взыскивалось 600 солидов.

Кромѣ лиц германскаго происхожденія, в королевскую дружину принимались и римляне, которые назывались convivae regis, так как они, как и антрусціоны, получали полное содержаніе от короля, которому служили.

Антрусціоны имѣли вліяніе на государственныя дѣла; из их среды назначались лица на государственныя должности. Независимо от происхожденія, а по степени близости к королю и личных качеств, каждый человѣк мог достигнуть высших ступеней государственной службы. В виду смѣшенія учрежденій государственнаго управленія с королевским двором, лица, занимавшія государственныя должности, обслуживали надобности короля и наоборот придворные чины имѣли вліяніе на веденіе государственных дѣл. Тѣм не менѣе и в Меровингскую пору были, с одной стороны, лица, призванныя для службы при дворѣ, а, с другой стороны, лица, призванныя к службѣ государственной.

К числу придворных относились 4 сановника: 1) сенешаль (senescalus) для наблюденія за порядком при дворѣ и прислугой; 2) маршаль (comes stabuli), завѣдывавшій конюшнями короля; 3) спальник или камергер (cubicularius), соединявшій эту должность с обязанностями казначея (thesaurarius) и обязанный заботиться об одѣяніях короля и его семьи и об исправном состояніи утвари; 4) чашник (scancio, pincerna), которому принадлежало наблюденіе за привозом вин и содержаніем виноградников.

Всѣ эти 4 сановника назначались и смѣщались по королевскому усмотрѣнію. Их выбирали обыкновенно из числа людей знатнаго происхожденія, так как им косвенным образом подчинялись нѣкоторыя отрасли государственнаго хозяйства, и, с другой стороны, они были ближайшими совѣтниками короля и членами королевскаго суда.

Кромѣ этих 4 придворных должностных лиц, в составѣ администраціи находились лица, призванныя почти исключительно к государственной службѣ. К числу таких можно причислить пфальцграфов, канцлера или референдарія и майордома.

Пфальцграф (comes palatii) исполнял обязанности при особѣ короля совѣтника по юридическим вопросам, т. е. был юрисконсультом. Вмѣстѣ с тѣм короли посылали их для исполненія дипломатических порученій. Референдарій (referendarius) или канцлер завѣдывал государственной канцеляріей и хранил государственную печать, каковою служил перстень короля. Майордом был извѣстен у германцев и римлян. У послѣдних в качествѣ надсмотрщика за работами рабов, а у франков — надзирателя за придворною прислугою. С теченіем времени, однако, положеніе майордома измѣнилось. К концу VII вѣка это должностное лицо пріобрѣло такое значеніе в управленіи государством,

что аристократія стремилась взять в свои руки ея замѣщеніе, а по договору 614 года при объединеніи под властью Клотаря II Нейстріи, Бургундіи и Австразіи было условлено, что в каждом из этих трех королевств должен быть поставлен отдѣльный майордом.

614

Майордом находился в близких отношеніях к королю и до нѣкоторой степени разсматривался, как замѣститель его в извѣстных случаях. Майордому принадлежал высшій надзор за ходом всей придворной жизни. Одним из обстоятельств, способствовавших возвышенію майордома, было завѣдываніе воспитаніем придворной молодежи (aulici, palatini, nutriti) и в частности воспитаніе королевских сыновей.

Занятіе должности майордома способствовало возвышенію фамиліи Пиппинидов или Каролингов, впослѣдствіи смѣнивших Меровингов. К сожалѣнію, вслѣдствіе недостаточности источников затруднительно прослѣдить, каким образом постепенно незначительная должность майордома, бывшаго первоначально только надзирателем за придворною прислугою, сдѣлалась первою государственною должностью. Майордому принадлежало право высшаго наблюденія за управленіем королевскими доменами и завѣдыванія раздачею земель. Может быть, это было одной из главных причин возвышенія этой должности.

Областное управленіе.

Областное управленіе всегда тѣсно связано с раздѣленіем государственной территоріи. В франкском государствѣ Меровингскаго времени существовало двоякаго рода дѣленіе территоріи: бытовое и народное — на края, а государственное — на графства. Края или провинціи представляли собою территоріи, заселенныя однородным в этнографическом отношеніи населеніем: Аллеманія, Прованс, Аквитанія, Баварія и т. д. Государственным дѣленіем франкскаго государства было дѣленіе на графства. Что касается вопроса о возникновеніи графств и опредѣленіи их пространственности, то при разрѣшеніи его необходимо принимать во вниманіе различіе мѣстных условій. Дѣленіе на графства на западѣ (в Нейстріи и Бургундіи) произошло на одних основаніях, а на востокѣ (в Австразіи) — на других. Еще в кельтское время территорія Галліи дѣлилась на племенныя области (civitates), которых насчитывали около 60. По большей части Меровингскія графства совпадали в границах с галло-римскими округами. Иначе было в Австразіи. Здѣсь в большей чистотѣ сохранились особенности германской жизни, вслѣдствіе чего дѣленіе на графства должно было быть соображено с этими особенностями. Тацит говорит в своей „Германіи“ о дѣленіи

страны на племенныя государства (civitates) и их раздѣленіи на округи (pagi). Когда же в 3 вѣкѣ цѣлый ряд племен стал сливаться в крупныя этнографическія группы, то прежнія племенныя области снизошли до второстепеннаго положенія, были приравнены к простым округам (pagus, по нѣмецки Gau) и послужили основою новаго дѣленія на графства. Разумѣется, и в данном случаѣ могли быть отступленія особенно в тѣх случаях, когда территорія прежняго племеннаго государства была особенно обширна; иногда, может быть, такая территорія составляла не одно графство, а два или болѣе.

Во главѣ графства стоял граф с помощниками — центуріонами. Хотя граф (comes, grafio)был представителем королевской власти, но не обладал всей полнотой этой власти.

Графы Меровингскаго времени являлись представителями военной, полицейской и финансовой власти. Судебная власть была предоставлена графам в самом незначительном размѣрѣ.

По своим размѣрам графства были неодинаковы: различались большія и маленькія (pagus major и pagus minor), при чем маленькія графства были расположены преимущественно на западѣ, а большія в Австразіи.

Граф назначался пожизненно королем. От него же зависѣло и смѣщеніе до срока лиц, не отправдавших возложенных на них обязанностей. При назначеніи графов, король пользовался неограниченным правом выбора, не стѣсняемаго происхожденіем назначаемаго лица. Иногда короли назначали на должность графов своих бывших рабов. Впослѣдствіи с возвышеніем в 7 стол. класса поземельной аристократіи, эта практика измѣнилась, и на должности графов назначались представители мѣстной знати.

Граф обладал военною властью, но она не была неограниченной. Он обыкновенно наблюдал за исполненіем королевских приказов о призывѣ к оружію. Право самостоятельных военных дѣйствій принадлежало графу в исключительных случаях: при подавленіи возстаній и отраженіи врагов.

Судебная власть графа была также ограничена. Суд в Меровингское время совершался при помощи представителей народа. Граф только предсѣдательствовал на судѣ и наблюдал за исполненіем судебных приговоров.

Финансовая власть графа состояла в наблюденіи за сбором налогов. Полицейская власть графа опредѣлялась обязанностями прекращать разбои и задерживать людей, не имѣющих опредѣленнаго мѣстожительства.

Совмѣщеніе всѣх возложенных на графа обязанностей в одном лицѣ являлос бы для него непосильным, если бы графам не было предоставлено право выбирать себѣ в помощь по личному довѣрію особых уполномоченных (missi comitis).

На территоріи графства находились такіе округи, которые были изъяты из вѣдѣнія графов. Кромѣ иммунитетных округов, неподвѣдомственных графам, были городскія общины. Так как германцам незнакома была городская жизнь, то города были лишь на западѣ, по рѣкѣ Рейну и в Галліи, оставшись в наслѣдіе франкам от римскаго времени. Хотя напор варваров и жестокость завоеванія привели к тому, что города сѣверной Галліи были почти уничтожены или сокращены до чрезвычайности, но в центрѣ и на югѣ города удержались в том видѣ, в каком они существовали в римскую пору. Графу по отношенію к городам принадлежало право контроля, но преимущественно они находились под покровительством мѣстнаго епископа и пользовались нѣкоторою долею самоуправленія. В южных городах удержались даже порядки римской миниципии.

На ряду с графами стояли герцоги (duces). Так как племенные герцоги исчезли со времени завоеванія или присоединенія племенных территорій, то теперь их наименованіе перешло к чиновникам областного управленія, назначаемым по королевскому усмотрѣнію.

В состав герцогства входило обычно 3—8 графств, при чем герцог лично управлял 2—3 из них, а в остальных были графы, находившіеся под его высшим управленіем. Подобное сосредоточіе нѣскольких графств в руках одного правителя вызывалось потребностями обороны границ, почему и герцогства возникали в пограничных областях. Соотвѣтственно этому, герцоги пользовались правом призывать населеніе к оружію, чего не было предоставлено графам. Подобные правители в Бургундіи назывались патриціями.

В концѣ VII в., на ряду с существовавшей администраціей, наблюдается вслѣдствіе упадка королевской власти возрожденіе племенных герцогов у аллеманов, баварцев и др. народов. Эти племенные герцоги в силу своего происхожденія были враждебны идеѣ государственнаго единства и впослѣдствіи были упразднены королевскою властью при Каролингах. Однако, даже во времена крайняго упадка королевской власти племенные герцоги не достигли положенія свободных владѣтелей, как видно из того, что каждый из них должен был испрашивать при вступленіи на престол утвержденіе от короля.

Для управленія королевскими доменами, расположенными в предѣлах графств, были назначаемы доместики (domesticus). Иногда должности графа и доместика были соединяемы. Иногда нѣсколько графств соединялось в одну хозяйственную единицу, а потому на ряду с доместиками низшаго разряда были высшіе или старшіе доместики.

Каждое графство дѣлилось на нѣсколько сотен, которых насчитывалось 3—8, смотря по размѣрам графства.

Прежде ученые относили возникновеніе дѣленія графства на сотни к эпохѣ Каролингов, но Вайц, а за ним и Зом доказывали древность происхожденія сотеннаго дѣленія. Таким образом, должна была существовать особая администрація для завѣдыванія всей властью в предѣлах каждой сотни. В наших источниках, когда упоминается о лицах, находившихся в подчиненіи у графа, встрѣчаются термины для их наименованія: vicarius, tribunus, centenarius.

Возникают вопросы, были ли эти лица с одною и тою же властью, или различныя наименованія употреблялись для обозначенія различных должностных лиц? Зом утверждает, что в данном случаѣ дѣло идет лишь о различных наименованіях административнаго главы сотни. Такое воззрѣніе оправдывается аналогіями, взятыми из административной практики Каролингскаго времени, но не находит оправданія в Меровингских текстах. Различіе в наименованіях обусловливалось различіем обязанностей викарія, трибуна и центенарія. Викарій был замѣститель графа и исполнял обязанности графской власти не в одной сотнѣ, а на территоріи всего графства. Трибун являлся лицом, выбранным населеніем, как это видно из того, что граф и герцог, как должностныя лица, находились под покровительством тройного банна, трибун же не пользовался этим преимуществом. На обязанности трибуна лежало завѣдываніе судебною властью. Таким образом, если ни викарія, ни трибуна нельзя считать правителем сотни, то в качествѣ такого лица являлся центенарій.

Главныя отрасли государственнаго управленія.

Говоря о финансовой организаціи франкскаго государства, должно замѣтить, что все наиболѣе существенное по этому предмету было сообщено при обозрѣніи матеріальнаго положенія королевской власти. Заслуживает только упоминанія, что агентами финансовой организаціи являлись графы и доместики.

Военная повинность лежала на свободном населеніи, но от нея в случаях чрезвычайной опасности не были изъяты и несвободные люди. Всякій, кто не являлся на сборный пункт, считался ослушником воли короля и подвергался королевскому банну. В случаѣ неоднократнаго уклоненія от воинской повинности, такой человѣк наказывался конфискаціей имущества.

Граф собирал и вел мѣстное ополченіе на общій сборный пункт. Всѣ участники похода должны были являться вооруженными. У франков сначала преобладал пѣшій строй, и только богатые выходили на войну на конях. Войско должно было содержать себя на свои средства. Отсюда понятно, что войны того времени сопровождались страшными грабежами, потому что в

интересах собственнаго прокормленія войны должны были грабить населеніе. Хотя существовал ряд запрещеній насильно брать от населенія своей страны продукты, однако это мало помогало дѣлу, а имущество врагов считалось собственностью войска.

В первое время существованія франкскаго государства происходили военныя общія собранія — мартовскія поля, на которых король осматривал вооруженіе воинов. Но с расширеніем территоріи мартовскія поля выходят из употребленія. В Нейстріи со времени Хильдеберта II они совершенно прекратились, и только изрѣдка повторялись в Австразіи.

Судопроизводство всецѣло находилось в руках народа. Государственная власть только назначала предсѣдателя суда и брала на себя исполненіе судебных приговоров. Только с теченіем времени по отношенію к нѣкоторым преступленіям государственная власть приняла на себя обязанность преслѣдовать виновных лиц. Но в обыкновенныя правонарушенія государственная власть не вмѣшивалась. Таким образом, судебный процесс носил частно-правовой характер, т. е. процесс возбужался лишь в том случаѣ, когда поступала жалоба от потерпѣвшаго. Однако, с теченіем времени государственная власть начинает вмѣшиваться в судопроизводство. Графам была предоставлена власть налагать штраф на лиц, виновных в неисполненіи полицейских постановленій. С другой стороны, графы должны были преслѣдовать нарушителей мира и задерживать людей, не имѣвших опредѣленнаго мѣстожительства (vagabundi). Постепенно все-таки сказывается потребность передать судопроизводство представителям администраціи и привлекать к отвѣтственности частных лиц и по другим преступленіям. В связи с этим стремленіем государственной власти подчинить себѣ судопроизводство, измѣнился и термин призыва к суду.

Прежде призыв к суду назывался mannitio, а теперь, на ряду с этим термином, возникает и термин административнаго призыва: bannitio.

По салической правдѣ, судебныя засѣданія в каждом графствѣ и сотнѣ происходили раз в теченіе 40 ночей на особом освященном традиціями мѣстѣ и продолжались 3 дня. Такія судебныя засѣданія назывались обычными (mallus legitimus), а предсѣдателем подобных засѣданій являлся тунгин, избиравшійся населеніем. Помощниками тунгина были рахимбурги, числом 7, свѣдующіе в законах и пользовавшіеся доброй извѣстностью люди. Они произносили приговор, который выслушивался присутствующими на судѣ со знаками одобренія или порицанія. Виры и денежные штрафы собирал особый уполномоченный, сацебарон (sacebaro). В силу усиленія королевской власти в этой организаціи произошли измѣненія в теченіе VI—VII вв.

С этого времени обычным предсѣдателем судебной коллегіи являлся не тунгин, а граф, как представитель королевской власти. Замѣстителями его были его уполномоченный (missus) или в случаѣ, если собранія одновременно происходили на различных пунктах, то центенарій.

Роль судей удержана была за рахимбургами, но в виду того, что граф был предсѣдателем суда и являлся отвѣтственным за правильность приговоров, то они были поставлены в положеніе не самостоятельных судей, а подчиненных графу засѣдателей суда.

Прежде всякое дѣло, возникшее на обычном засѣданіи суда (mallus legitimus), могло быть продолжено только на слѣдующем собраніи, которое могло быть созвано только по истеченіи 40 ночей. Теперь-же, когда граф, переѣзжая из одной сотни в другую, собирал в каждой из них такія же засѣданія, то дѣло судебное можно было переносить из одного в другое засѣданіе и до истеченія срока 40 ночей.

В связи с усиленіем королевской власти возникла чрезвычайная юрисдикція графа. В тѣх случаях, когда граф усматривал нарушеніе мира, тишины и порядка, то он мог самостоятельно возбуждать дѣла, и сам единолично рѣшал их.

Возник, таким образом, административно-полицейскій суд, бывшій ясным признаком усиленія авторитета государственности.

Высшею судебною инстанціей был королевскій суд, засѣдавшій во дворцѣ короля. В состав этого суда входили лица по назначенію короля из среды придворных, но непремѣнным членом суда был пфальц-граф, а с 697 г. — майордом. Согласно народным обычаям, число членов суда опредѣлялось количеством 7. Предсѣдателем суда был король, а замѣстителем его являлось назначенное им лицо. Компетенція королевскаго суда была обширна. На этот суд могло быть перенесено каждое дѣло особенно, если оно касалось лиц, находившихся под покровительством короля: антрусціонов, иностранцев, вдов, сирот и т. п. На ряду с этим королевским судом, напоминавшим по внѣшней организаціи графскій суд, существовал еще административный единоличный суд короля.

Как в королевском, так и в графских судах находили примѣненіе одинаковыя судебныя доказательства. В ряду их на первом мѣстѣ стояла так называемая очистительная присяга. Обвиняемый и обвинитель имѣли право привести с собою на суд извѣстное количество соприсяжников, которые давали присягу по извѣстной формулѣ. Ошибка в произношеніи этой формулы давала основаніе считать процесс проигранным на том основаніи, что высшая сила содѣйствует правому дѣлу и предотвращает ошибку, а злому отказывает в своем содѣйствіи.

В качествѣ сосприсяжников обыкновенно выступали лица, связанныя с заинтересованными сторонами узами родства или сосѣдства.

Другим судебным доказательством служили показанія свидѣтелей. При отсутствіи же соприсяжников и свидѣтельских показаній прибѣгали к суду Божію. Он являлся характерным институтом, свойственным почти всѣм варварским народам. Суд Божій у франков совершался посредством испытаній желѣзом и водой. Очищавшійся должен был приложить руку к раскаленному желѣзу или опустить ее в кипяток. Главное вниманіе здѣсь обращалось на то, как скоро происходил процесс выздоравливанія, при чем скорость заживленія поврежденій давала основаніе считать человѣка оправданным или наоборот.

Испытанія в формѣ суда Божія имѣли и другой вид — вид судебнаго поединка.

За убійство человѣка назначался штраф (compositio). Введеніе виры являлось шагом вперед в смыслѣ упорядоченія человѣческих отношеній, потому что на предыдущей стадіи развитія существовал институт родовой кровной мести. Этот институт кровной мести постепенно был ослаблен в силу вмѣшательства королевской власти, и вмѣсто мести была установлена вира (compositio). По салическому праву в состав композиціи входили частное вознагражденіе и уголовный штраф, извѣстный под именем fredus и поступавшій в пользу государственной власти. Повидимому, по салическому праву уголовный штраф равнялся трети всей композиціи. Таким образом $^{2}/_{3}$ подлежали уплатѣ роду и дѣлились между членами его пропорціонально степени родства. В нѣкоторых варварских правдах вознагражденіе родственников и уголовный штраф показаны отдѣльно, но в салической эти обѣ части слиты вмѣстѣ и показаны в общей суммѣ платежа за убійство. Самый размѣр платежа опредѣлялся соціальным положеніем человѣка: за убійство свободнаго человѣка по салическому праву полагалась плата 200 солидов, за убійство вольноотпущенника или римлянина (homo romanus) — 100, но за убійство антрусціона полагалась вира в тройном размѣрѣ. Этим же преимуществом пользовались члены духовенства. За убійство епископа полагался штраф серебром по вѣсу тѣла убитаго.

Церковь.

Вліяніе королевской власти отразилось и на положеніи церкви, которой в франкском государствѣ и обществѣ принадлежала высокая культурная миссія. Можно сказать, что самое могущество франкскаго государства обусловливалось союзом франков с церковью. Франки были первыми из германцев, приня-

вшими христіанство по никейскому символу, а это обстоятельство способствовало сближенію их с галло-римским населеніем, ибо устранило всякую возможность опасных столкновеній между побѣдителями и побѣжденными на почвѣ религіознаго разномыслія.

Не взирая на всѣ эти заслуги в дѣлѣ государственнаго строительства и распространенія культуры, церковь должна была мириться со своим подчиненным положеніем по отношенію к авторитету королевской власти.

Подобно тому, как в административном отношеніи государство распадалось на графства, так в церковном — оно дѣлилось на епископства. Территорія графств совпадала с предѣлами епископств, особенно в западной части франкскаго государства, гдѣ христіанство было старинным учрежденіем. Но на востокѣ, гдѣ христіанство распространялось лишь постепенно, границы епископств рѣдко совпадали с границами графств. Тѣм не менѣе в общем замѣчается совпаденіе государственнаго и церковнаго раздѣленія территоріи.

То положеніе, которое в областном управленіи занимал герцог, в церковной организаціи принадлежало митрополиту. Впрочем в Меровингскую пору только намѣчались черты іерархической подчиненности епископов власти архіепископа-митрополита. Исключеніе представлял юг Галліи, гдѣ замѣчается большее подчиненіе епископов митрополиту Арльскому. Во всяком случаѣ ни один епископ не успѣл пріобрѣсти главенства и сдѣлаться примасом франкской церкви. Зависимость церкви от государственной власти проявлялась при выборах епископов. Выборы происходили по каноническому праву, т. е. в них принимали участіе члены клира, а в нѣкоторых мѣстностях и свѣтскіе люди, но всякій избранный епископ должен был получить санкцію короля. Это право короля утверждать или отмѣнять выборы привело на практикѣ к тому, что замѣщеніе епископских мѣст зависѣло от его усмотрѣнія. Этим объясняются неправильности при замѣщеніи епископских каѳедр. Зачастую мѣста епископов замѣщались не духовными лицами, а людьми из свѣтскаго общества, иногда совершенно неподготовленными к сложным обязанностям епископа того времени. За нарушеніе правил вѣры епископы могли быть лишены сана по суду церковных соборов. Однако, всякое постановленіе собора о лишеніи епископа сана нуждалось в санкціи короля. Таким образом, епископы находятся в полной от короля зависимости, которая становится особенно понятной потому, что короли своими пожертвованіями содержали церкви и монастыри. В восточной части, гдѣ христіанство было новым явленіем, за королями оставалось право инициативы по распространенію христіанства и основанію епископств. Нѣсколько в ином положеніи находились монастыри. Монастыри основывались обыкновенно на казенных землях и поддерживались представите-

лями государственной власти. В таких монастыряхъ замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ всецѣло зависѣло отъ короля. Если монастыри возникали на земляхъ частныхъ лицъ, то замѣщеніе аббатскихъ мѣстъ находилось въ зависимости отъ воли основателей этихъ монастырей и ихъ преемниковъ. Въ Меровингское время сказывается стремленіе къ освобожденію монастырей отъ зависимости короля или частныхъ лицъ. Нѣкоторые монастыри получали право считать себя въ непосредственной зависимости отъ епископской каѳедры Рима. Такимъ образомъ, первыя сѣти будущаго могущества римскаго папы сотканы руками монаховъ.

Для рѣшенія текущихъ церковныхъ дѣлъ созывались общіе и провинціальные соборы. Провинціальные соборы были созываемы каждымъ архіепископомъ 2 раза въ годъ, но такъ какъ митрополичья власть была развита слабо, то эти соборы скоро вышли изъ обыкновенія. Что касается общихъ соборовъ, то они не прекращались въ теченіе всего Меровингскаго времени и періодически были созываемы по волѣ королей. Предсѣдательство на этихъ соборахъ принадлежало кому либо изъ архіепископовъ. Общіе соборы имѣли политическое значеніе, потому что являлись единственнымъ органомъ общественнаго мнѣнія. Хотя народныхъ собраній уже не было и къ возстановленію ихъ въ какой либо формѣ никто не стремился, но потребность сообразоваться съ общимъ настроеніемъ народа и прислушиваться къ голосу населенія не могла не чувствоваться. За неимѣніемъ соотвѣтствующаго общественнаго органа приходилось воспользоваться засѣданіями общихъ соборовъ. На нихъ обыкновенно, по разрѣшеніи текущихъ церковныхъ дѣлъ, происходили совѣщанія по вопросамъ государственной политики и хозяйства, при участіи знатныхъ лицъ, приглашенныхъ королемъ.

За исключеніемъ льготы въ видѣ тройной виры, никакими другими преимуществами церковники не пользовались. Церковныя земли подлежали такому же обложенію, какъ и земли частныхъ лицъ. По суду церковникамъ также не было предоставлено льготъ. Конечно, дѣла исключительно церковнаго характера подлежали разрѣшенію соотвѣтствующаго церковнаго суда, согласно указаніямъ каноническаго права. Дѣла же гражданскія и уголовныя церковниковъ, а равно и дѣла, въ которыхъ одной изъ сторонъ были свѣтскія лица, подлежали вѣдѣнію общихъ судовъ.

Царствованія Клотаря II и Дагоберта I.

Возстановленіе единодержавія въ франкскомъ государствѣ, послѣдовавшее въ 614 году, было произведено франкскою знатью и въ полной мѣрѣ обнаружило ея могущество. Брунегильда погибла, ибо навлекла на себя ненависть и месть могущественной знати.

Кромѣ указанныхъ выше источниковъ, для исторіи VII вѣка

имѣютъ значеніе различныя житія, а особенно житія Леодегара, епископа мецкаго Арнульфа, Колумбана, Галла и др.

Эдикт Клотаря II, изданный в 614 году, представляет договор между королем и австразійской знатью. Хотя теперь всѣ франкскія земли были соединены, но это соединеніе было относительное, так как в каждом из трех бывших королевств (Нейстрія, Австразія и Бургундія) должен был быть особый майордом, своего рода глава мѣстной знати. Кромѣ того, в эдиктѣ 614 года явно сказалось стремленіе знати и другим способом ограничить королевскую власть: король обязывался впредь назначать на мѣста графов и других чиновников лишь тѣх лиц, которыя в данном графствѣ имѣют крупное землевладѣніе. В виду этого постановленія и ряда других, эдикт 614 года представляет собою важный акт, называемый иногда историками своего рода Великой Хартіей. — Государство не могло долго оставаться в соединеніи, потому что очень ясно сказалось различіе между Западом и Востоком (Нейстріей и Австразіей). При усиленіи мѣстной знати стали вполнѣ необходимы стремленія, которыя можно назвать центростремительными или сепаратистическими.

Когда подрос сын Клотаря Дагоберт, австразійскіе вельможи настояли на обособленіи: Клотарь II должен был отдать им в короли своего сына. Правда, Клотарю удалось временно удержать за собою австразійскія Прирейнскія земли. Но уже через 3 года (в 625 г.) мѣстная знать во время празднованія свадьбы Дагоберта убѣдила его требовать себѣ у Клотаря всю Австразію.

Послѣ длиннаго ряда пререканій по этому поводу дѣло было передано на разсмотрѣніе третейскаго суда в составѣ 12 лиц, избранных той и другой сторонами. Среди членов суда был мецкій епископ Арнульф.

Давая согласіе на объединеніе Австразіи в руках сына, Клотарь позаботился и об объединеніи Нейстріи, так как к Австразіи причислялись земли за Луарою и часть Прованса. Эти земли теперь вошли в состав Нейстріи. На каждом шагу Клотарю II приходилось считаться с настроеніем и желаніем знати. Когда в 626 г. умер бургундскій майордом, то знать отказалась избрать преемника ему, и король должен был согласиться на это. В 627 г. раздор между бургундскими и нейстрійскими вельможами, в присутствіи Клотаря, едва не перешел в свалку. Если положеніе Клотаря являлось шатким, то положеніе его сына было не лучшим. Он находился в полной зависимости от лиц, которыя были его опекунами — Арнульфа Мецкаго и Пипина Старшаго. Оба эти лица были связаны узами свойства. Сын Арнульфа Ангезил был женат на дочери Пипина Старшаго. Этот брак заслуживает вниманія, потому что от этого брака родился Пипин Средній, отец Карла Мартелла и дѣд Пипина Короткаго, перваго короля новой династіи. Поэтому вопрос о личности Арнульфа занимал истори-

ков. На основаніи одной позднѣйшей Каролингской записи, Арнульф считался человѣком галло-римскаго происхожденія. Но Бонелль отмѣтил, что ссылка на эту генеалогію, составленную в IX в., неубѣдительна тѣм болѣе, что в житіи Арнульфа VII вѣка прямо указано на его франкское происхожденіе: Arnulfus episcopus prosafia genitus Francorum. Опровергнуто также брабантское происхожденіе Пипина Старшаго. Эта теорія оправдывалась тѣм соображеніем, что к владѣніям Пипина относили земли, лежавшія на сѣверо-западѣ Нейстріи и в частности Геристаль. Родоначальников новой династіи нужно считать людьми чисто германскаго происхожденія. Основой могущества Арнульфа и Пипина Старшаго были их земельныя владѣнія. В житіи Арнульфа сказано, что он „был человѣк знатный по происхожденію и чрезвычайно надѣлен благами міра сего“. На основаніи грамот, Бонелль постарался опредѣлить топографическое расположеніе владѣній этих двух древнѣйших родоначальников Каролингской династіи. Как оказывается, эти владѣнія лежали между Рейном, Маасом и Мозелем, т е. в сердцѣ Австразіи. Так как Арнульф в концѣ царствованія Клотаря II отказался от политической дѣятельности (в 627 году) и поселился отшельником в Вогезах, то положеніе главнаго руководителя австразійской политики досталось Пипину Старшему.

Со смертью Клотаря II (в 629 г.) франкское государство снова было объединено в руках Дагоберта. Правда, он должен был выдѣлить брату Хариберту часть земель в Аквитаніи, но этот удѣл существовал недолго, так как Хариберт скончался уже в 630 году.

Личность Дагоберта (629—639 г.) заслуживает вниманіе по одному тому, что он был послѣдній энергичный представитель Меровингской династіи. Преемники Дагоберта были ничтожною игрушкою в руках майордомов. Эти так называемые „лѣнивые“ короли были устранены от государственных дѣл майордомами, захватившими всю власть в государствѣ.

Хроника Фредегара представляет Дагоберта справедливым королем. По словам хроники, он все царствованіе проводил в безпрерывных объѣздах государства, творя вездѣ подобно Соломону праведный суд.

Народная фантазія в формѣ саги овладѣла личностью Дагоберта тѣм болѣе, что он был послѣдним энергичным Меровингом. Тот же хронист отмѣчает и отрицательныя черты короля: „роскоши он был предан сверх всякой мѣры и проявлял чрезвычайное женолюбіе“. Дагоберт оказывал предпочтеніе Нейстріи, избрав своей столицей город Париж. В началѣ царствованія король находился под сильным вліяніем Пипина Старшаго, но с перенесеніем столицы, Пипин, как австразіец, потерял свое прежнее значеніе, ибо оттерт был нейстрійцами. В положеніи перваго

лица в государствѣ выступает Эга (Aega). Однако, Дагоберт предусмотрительно не отпустил Пипина в Австразію, а поручил ему воспитаніе своего сына Сигберта, с которым Пипин должен был жить в Орлеанѣ. Скоро все же положеніе Пипина улучшилось вслѣдствіе осложненій на востокѣ государства. В данном случаѣ дѣло идет об одном из загадочных событій исторіи Европы 7 стол. В 630 г. началась война между восточными германскими племенами и славянами, преимущественно в Чехіи. В хроникѣ Фредегара находится слѣдующая запись об этом событіи. Был человѣк Само, по національности франк, который вмѣстѣ с другими купцами ходил в землю славян или венетов; его они выбрали вождем для борьбы с аварами. Таким образом, если считать это показаніе достовѣрным, то пришлось бы признать, что у чехов были свои варяги. Принимая во вниманіе, что эта запись помѣщена в той части хроники, которая составлена в Австразіи, можно думать, что эта запись является трудом человѣка, свѣдущаго в ходѣ событій на востокѣ. Был ли Само франкским купцом или одним из чешских вельмож, сущность дѣла остается одна и та же. Этот Само не только освободил чехов от ига аваров, но и выступил противником франкскаго государства. Военныя дѣйствія начались с набѣгов славян, поселенія которых простирались не только до Эльбы, но и до Франкфурта на Майнѣ. Славяне нападали на сосѣднія племена саксов, тюрингов, баваров и вызывали против себя военные сборы по всей Австразіи. Послѣ пораженія австразійскаго войска славяне вторгаются в Тюрингію и объединяют всѣх славян, живших к сѣверу от Рудных гор. Верховное владычество Само признали прежде всего лужицкіе сербы.

Созданіе на востокѣ славянскаго государства должно было вызвать ряд мѣр со стороны франкскаго государства. Саксы обратились к Дагоберту с просьбой о сложеніи с них ежегодно уплачиваемой ими дани в размѣрѣ 500 коров, обѣщая взять на себя войну со славянами и оборону границ франкскаго государства. По совѣту австразійцев, король дал свое согласіе, но саксы не были в состояніи выполнить роль защитников франкскаго государства. Назначеніе Дагобертом герцога в Тюрингію также мало помогло. Необходимость устройства австразійских дѣл, в связи с неудачами на востокѣ, привела к улучшенію положенія Пипина Старшаго. Уступая настойчивым требованіям австразійцев, Дагоберт отдал им в качествѣ короля своего сына Сигберта III, назначив в виду малолѣтства сына, которому было 4 года, правителем не Пипина, а его зятя Ангезила, сына Арнульфа Мецкаго.

С этого времени положеніе Австразіи, по словам хрониста, значительно улучшилось. Вскорѣ послѣ этого, по настоянію нейстрійцев, Дагоберт назначил другого сына Хлодвига II, рож-

деннаго от рабыни, своим наслѣдником в Нейстріи, а с австразійцев взял клятвенное обѣщаніе, что они не будут посягать на удѣл Хлодвига. Эта мѣра была послѣдним дѣлом Дагоберта, умершаго в 639 г. В виду малолѣтства Хлодвига II, назначеннаго наслѣдником в Нейстріи, управленіе государством было передано сначала Эгу, а потом Эрхиноальду, родственнику покойнаго короля.

639

Послѣдніе Меровинги.

Только со смертію Дагоберта улучшилось положеніе Пипина Старшаго, возвратившагося на родину и скончавшагося в 639 году. За смертію Ангезила и Пипина, австразійцы избрали в качествѣ майордома сына Пипина Гримуальда.

Когда скончался Эга, то нейстрійцы не пожелали признать власть Гримуальда и избрали в качествѣ своего майордома Эрхиноальда, родственника Дагоберта по женской линіи. По свидѣтельству продолжателя Фредегара, Гримуальд достиг в Австразіи прочнаго положенія. Однако, он переоцѣнил свое положеніе в государствѣ и сам подготовил себѣ гибель. Когда в 656 году умер Сигберт III, то Гримуальд насильно постриг в монахи и отправил в Ирландію сына Сигберта III — Дагоберта, а своего сына Хильдеберта объявил королем Австразіи. Таким образом, Гримуальд попытался ускорить ход исторических событій, как бы предвидя неизбѣжное низверженіе династіи Меровингов и возвышеніе потомков Пипина. Этот революціонный шаг вызвал открытое возстаніе Австразіи. Мѣстные вельможи выдали своего майордома в руки нейстрійскаго короля Хлодвига II, который казнил Гримуальда, как замѣчает хронист, „за преступленіе, учиненное против государя“. Поступок Гримуальда вызвал временную реакцію. В 4-ый раз всѣ франкскія земли были объединены под властью Хлодвига II. Реакція сказалась в том, что австразійцы отказались избрать самостоятельнаго майордома. Таким образом, единственным майордомом в государствѣ был Эрхиноальд.

656

Когда Хлодвиг II умер и преемником стал его малолѣтній сын Клотарь III, то австразійцы послѣ смерти Эрхиноальда взяли себѣ в короли другого брата Клотаря Хильдериха II и избрали своего майордома для Австразіи. Нейстрійцы же послѣ долгих колебаній избрали на должность майордома Эброина, человѣка корыстолюбиваго и с чрезвычайным честолюбіем. По свидѣтельству житія Леодегара, перед ним был прав тот, кто приносил больше денег.

Когда послѣдовала преждевременная смерть Клотаря III-Эброин провозгласил королем 3-го сына Хлодвига II, Теодо,

риха III. Однако, нейстрійцы, раздраженные правленіем этого майордома, отказались признать власть поставленнаго им короля: Эброин и Теодорих III были отправлены в монастырь. В Нейстріи был признан королем австразійскій Хильдерих II, а должность майордома в Нейстріи мѣстные вельможи рѣшили отправлять поперемѣнно (в 670 году). Еще раз произошло временное объединеніе франкскаго государства.

Эти событія свидѣтельствуют о паденіи королевской власти и усиленіи могущества знати в связи с возвышеніем майордомов, которые являются ея руководителями.

Когда умер австразійскій король Хильдерих II, то нейстрійцы посадили на престол взятаго из монастыря Теодориха III, а майордомом избрали Левдеза, сына Эрхиноальда. Австразійцы же обходились без короля, а королевством управлял в качествѣ майордома Мартин, рядом с которым выдвигается сын Ангезила, внук Арнульфа и Пипина Старшаго — Пипин Младшій.

Пипин Младшій был виновником фактическаго объединенія франкскаго государства. Пользуясь неудовольствіем нейстрійской знати против майордома Бертара, он открыл военныя дѣйствія против Теодориха и разбил его при мѣстечкѣ Тестри в 687 г. Результатом этой побѣды, по свидѣтельству продолжателя Фредегара, было то, что Пипин Младшій вмѣстѣ с Теодорихом III сдѣлался правителем и майордомом во всем государствѣ.

Всѣ Меровингскіе короли, потомки Дагоберта, являлись слѣпым орудіем в руках майордомов. Их исторія любопытна лишь в том отношеніи, что она представляет примѣр вырожденія физическаго и нравственнаго. Почти всѣ эти короли были преданы порокам и умерли в молодости. Сын Дагоберта Хлодвиг II совершал насилія над женщинами, был предан пьянству и объяденію и умер в возрастѣ 25 лѣт. Его сыновья, внуки Дагоберта, не наслѣдовали доблестей дѣда и умерли в молодых лѣтах: Клотарь III в возрастѣ 5 лѣт, Хильдерих II — 22 лѣт и Теодорих III — 37 лѣт, ибо долго прожил в монастырѣ.

Рѣдко кто из послѣдующих королей, потомков Теодориха III, доживал до зрѣлаго возраста. Всѣ они играли жалкую роль и справедливо заслужили названіе в исторіи „лѣнивых королей".

Заслуживает вниманія в данном отношеніи отзыв о послѣдних Меровингах Эйнгарда, человѣка просвѣщеннаго и близко стоявшаго к Каролингам, смѣстившим эту жалкую Меровингскую династію: „Род Меровингов уже давно не имѣл никакой силы и никакого блеска, кромѣ призрачнаго королевскаго наименованія. Средства управленія государством находились в руках майордомов, и от них все зависѣло. Королю, кромѣ титула, было оставлено только слѣдующее: он в длинных волосах, с отпущенной бородой, возсѣдал на тронѣ, изображая подобіе государя, выслушивал послов и при отправленіи их давал отвѣты как бы от

себѣ, хотя в данном случаѣ дѣйствовал по выучкѣ и приказу. Помимо призрачнаго титула и того содержанія, которое ему отпускалось со стороны майордома, он владѣл однако обыкновенно одним помѣстіем, приносящим малый доход; здѣсь он имѣл жилище и слуг, исполнявших необходимыя работы. Когда он выѣзжал, то ѣхал медленно, так как отправлялся на быках, в сопровожденіи деревенскаго батрака-погонщика".

Истинными представителями власти являлись при послѣдних Меровингах майордомы.

Битва при Тестрѣ привела к полному сліянію всего франкскаго государства под управленіем одной власти. Пипин Младшій стремился упрочить власть за членами своей семьи. Он хотѣл раздѣлить государство между сыновьями: Гримуальду предполагал отдать в управленіе Нейстрію, а Дрогону — Австразію. Но этот план не осуществился в виду кончины Дрогона. Когда в 714 году Пипин почувствовал приближеніе смерти, он вызвал к себѣ оставшагося в живых сына Гримуальда. Но до смерти отца он погиб от руки подосланнаго фризами убійцы.

За смертію Гримуальда, по приказу Пипина и настоянію его жены Плектруды, был объявлен майордомом шестилѣтній сын Гримуальда Тевдоальд, под опекою своей бабки. Многіе нейстрійцы были недовольны этим распоряженіем, и во главѣ недовольных стал Карл, побочный сын Пипина Младшаго. Плектруда заключила Карла в тюрьму, из которой ему удалось бѣжать и стать во главѣ недовольных в Австразіи, гдѣ произошли осложненія вслѣдствіе возстаній фризов и грабежей саксов. Хотя борьба с фризами протекала для Карла неудачно, но в 717 году ему удалось при Винси разбить нейстрійцев и захватить Плектруду с ея внуком в Кельнѣ. В слѣдующем году Карл снова разбил нейстрійцев и был признан майордомом во всем государствѣ. Королем Карл признал Хальпериха II, сына Хильдериха II и правнука Дагоберта, а по его смерти внука Теодориха III — Теодориха IV. До какой степени значеніе королей упало, видно из того, что послѣ смерти этого Теодориха IV (737) Карл не нашел нужным провозглашать кого бы то ни было королем.

Первым дѣлом Карла, как правителя, была борьба с фризами. Послѣ 1-го неудачнаго похода на них, окончившагося пораженіем и бѣгством Карла, он в 719 году добился подчиненія западной Фризіи. В это же время Карл озаботился внутренним успокоеніем государства. Саксы, баварцы и аллеманы воспользовались соперничеством франкских правителей с цѣлью добиться возстановленія своей самостоятельности. Умиротвореніем этих племен Карл поднял своевременно авторитет франкской государственности: в эту пору на западную Европу надвигалась грозная опасность со стороны далекаго Востока.

В началѣ VII в. в Аравіи явился религіозный фанатик Магомет, основавшій новую религію, объединившую народы Востока. Вскорѣ в руках халифов, преемников Магомета, оказалась вся передняя Азія. Побѣдоносное оружіе арабов было перенесено в Африку, а в 711 г. они появились на континентѣ Европы, на Пиренейском полуостровѣ; и под ударами их погибло вестготское королевство. Менѣе чѣм в 89 лѣт исламизм покоряет переднюю Азію, Африку, Пиренейскій полуостров. В 720 г. арабы взяли Нарбонну и осадили Тулузу, но не взяли ее, потому что герцог Эвд выгнал их из Аквитаніи. Все же, опасаясь этого грознаго сосѣдства, этот герцог поспѣшил завязать дружественныя сношенія с предводителем арабов Отманом, породнился с ним и при его помощи даже стал мечтать о захватѣ Нейстріи. Впрочем, этот план не удался, потому что в 731 году Отман погиб в борьбѣ против Абдерахмана, который теперь стал во главѣ испанских арабов. В 732 году Абдерахман вторгнулся в Аквитанію, осадил Бордо, разбил аквитанскаго герцога, перешел рѣку Гаронну и направился к сердцу Галліи. Понимая серьезность положенія, Карл встрѣтил врага. Между Пуатье и Туром противники сошлись и 7 дней не рѣшались вступить в сраженіе. Блестящая побѣда Карла стяжала ему историческую славу. Эта побѣда отразила волну арабскаго нашествія и сохранила за Западной Европой характер христіанской страны. Подобно отцу, Карл мечтал о раздѣлѣ государства. Незадолго до смерти он отдал старшему сыну Карломану Австразію, Аллеманію и Тюрингію, а другому сыну Пипину Короткому Нейстрію, Бургундію и Прованс. Баварія и Аквитанія были оставлены под управленіем мѣстных наслѣдственных герцогов. Послѣ $24^1/_2$-лѣтняго управленія, 21-го октября 741 года сошел в могилу Карл, упрочив положеніе своего рода и франкскаго государства.

Во время смут, которыми были ознаменованы VII и начало VIII вѣков, обнаружилось паденіе нравственности среди духовенства. Борьба против арабов, как представителей новой религіи, извѣстной под именем ислама, показала, что на реформу церкви слѣдует обратить вниманіе, потому что церковь являлась знаменем объединенія народов Европы. С другой же стороны, значительная часть восточных германских племен находилась на низкой ступени культурнаго развитія, оставаясь в язычествѣ.

Таким образом, реформа церкви и необходимость принятія энергичных мѣр для распространенія христіанства на востокѣ явились главнѣйшими задачами правительства того времени.

Распространеніе христіанства среди германцев.

Исход борьбы между западным и восточным міром опредѣлил дальнѣйшій ход исторіи Европы. Благодаря побѣдѣ Карла

Мартела, волна религiознаго фанатизма арабов впервые получила рѣшительный отпор. Теперь уже не было сомнѣнiй, что Западная Европа останется христiанской страной. Но, с другой стороны, это обстоятельство не могло не выдвинуть вопроса о необходимости произвести улучшенiе в состоянiи церкви, которая являлась знаменем объединенiя европейских народов. Сотрудником правительства в этом отношенiи был извѣстный апостол Германiи Винфрид или Бонифацiй.

С середины VIII стол. начинается крещенiе восточных германских народов. Несмотря на принятiе франками христiанства, значительная часть германских народов оставалась во тьмѣ язычества. Миссiонерская дѣятельность среди них одинаково была предметом забот церкви и государства.

Сѣверные германскiе народы (фризы, саксы, датчане, скандинавы и др.) даже до начала 9 в. оставались язычниками. Упорство в язычествѣ этих народов объясняется не только тѣм, что они находились далеко от очагов христiанства — Констатинополя и Рима, но и тѣм, что они были поставлены в исключительныя условiя жизни. Эти народы не участвовали в волнѣ передвиженiя народов. Послѣднее обстоятельство не слѣдует забывать в данном случаѣ. Из описанiя Германiи Тацита извѣстно, в какой степени язычество коренилось в территорiальных условiях жизни народа. Можно сказать, что языческiя умозрѣнiя тѣсно были связаны с нацiональною почвою. Язычество было наименѣе прочно у тѣх народов, которые наибольше участвовали в волнѣ великаго передвиженiя и наоборот.

Кромѣ того, в дѣлѣ распространенiя христiанства у германцев значительную роль сыграли женщины вообще и в частности женщины королевских родов. Это влiянiе женщин находит объясненiе в словах Тацита: „Германцы считали, что женщинам свойственно нѣчто священное и провидящее, вслѣдствiе чего они не оставляли без вниманiя совѣтов женщин и не относились небрежно к их указанiям".

Установленiе в западной церкви особой практики при распространенiи христiанства также много содѣйствовало успѣху проповѣди среди германцев. С характером этой практики можно познакомиться по сочиненiям Григорiя Великаго. В наставленiи, данном англо-саксонским миссiонерам, папа предписывал считаться с языческими традицiями и отнюдь рѣзко не вырывать их из сознанiя народа. Напротив, всѣ тѣ языческiе обычаи, которые оправдываются прирожденным здравым смыслом и лучшими качествами человѣческой природы, должны быть сохранены, но им должен быть придан христiанскiй оттѣнок. Затѣм Григорiй Великiй совѣтовал строить христiанскiе храмы в мѣстах, гдѣ прежде были языческiя капища. Эти совѣты Гр. Великаго сопровождались слѣдующим замѣчанiем: Nam duris mentibus simul omnium abscin-

dere impossibile esse dubium non est, quia et is, qui summum locum ascendere nititur, gradibus vel passibus, non autem saltibus elevatur, т. е. „не подлежит сомнѣнію, что совершенно невозможно у диких умов все отсѣчь сразу, так как и тот человѣк, который стремится взойти на вершину, подымается шагами и шажками, а отнюдь не прыжками“.

Первые зачатки распространенія христіанства среди германцев могут быть отнесены к серединѣ 3 стол. В это время, при частых столкновеніях германцев и римлян, христіане нерѣдко в качествѣ плѣнников попадали в глубь Германіи и невольно содѣйствовали распространенію здѣсь своих религіозных воззрѣній. Момент появленія христіанства среди германцев можно пріурочивать к 3 вѣку и еще на том основаніи, что на никейском соборѣ 325 г. уже присутствовал готскій епископ Өеофил. Таким образом, если в землѣ готов в половинѣ IV вѣка была основана епископія, то отсюда слѣдует, что христіанство появилось у них, по крайней мѣрѣ, за 50 лѣт раньше, т. е. в концѣ III вѣка. К сожалѣнію, о дѣятельности Өеофила нѣт исторических свѣдѣній.

Обыкновенно с представленіем о распространеніи христіанства среди готов соединяется воспоминаніе о дѣятельности Ульфилы, который был у них епископом в 40 годах IV вѣка.

Ульфила был потомком малоазійской капподокійской семьи, которая около 250 г. была взята в плѣн и переселена на готскую территорію. В 350 году прекращается непосредственная дѣятельность Ульфилы среди готов: он принужден был бѣжать от преслѣдованій язычников, и император Константин II дал ему убѣжище на Балканском полуостровѣ. Тѣм не менѣе Ульфила продолжал в теченіе послѣдующих 3 лѣт работать на пользу распространенія среди готов христіанства, посвятив это время переводу св. Писанія на готскій язык. Принимая во вниманіе, что Ульфила бѣжал от готов в 350 г. и жил вдали от них 33 года, можно опредѣлить год его смерти — 383-ій. Скончался он в Константинополѣ. Этими біографическими свѣденіями об Ульфилѣ мы обязаны его ученику Авксентію, составившему житіе своего учителя, открытое и изданное Вайцем.

Несмотря на миссіонерскую дѣятельность Ульфилы, христіанство среди готов распространялось очень медленно до тѣх пор, пока они не были вынуждены переселиться на Балканскій полуостров и в Паннонію.

О непрочности христіанства среди готов можно судить по тому, что спустя 20 лѣт послѣ бѣгства Ульфилы, при вестготском королѣ Атанарихѣ, готы-христіане должны были искать убѣжище в Римской имперіи. Но когда в 376 г. вестготы под натиском гуннов искали спасенія у римскаго правительства, то одним из условій пріема их было принятіе ими христіанства. Христіанство распространилось среди готов в формѣ аріанства.

Это аріанство готов объясняется тѣм, что римское правительство того времени покровительствовало этой ереси. Примѣру готов в этом отношеніи слѣдовали и другіе германскіе народы, кромѣ бургундов. В період жизни на Рейнѣ они усвоили христіанство по никейскому символу, но когда они окончательно осѣли в басейнѣ рѣки Роны, то и среди них получило преобладаніе аріанство. Только нѣсколько семейств сохранило преданность ортодоксальному ученію. Это обстоятельство способствовало распространенію ортодоксіи среди франков. Бургундскій король Хильперих II придерживался ортодоксіи, а дочь его Клотильда, вышедшая замуж за Хлодвига, содѣйствовала усвоенію франками христіанства по никейскому обряду. К концу V вѣка из всѣх германских народов приняли христіанство готы, бургунды и франки. Зарейнскія германскія племена оставались язычниками, и распространеніе христіанства среди них было, с одной стороны, дѣлом усилій франкских королей, а, с другой, — плодотворной дѣятельности монахов.

Монашество.

Монахи были главнѣйшими піонерами при распространеніи христіанства среди зарейнских германцев. Кромѣ того, монастыри в 1-ой половинѣ средних вѣков были очагами цивилизаціи и культуры. В монастырях оказывалась помощь бѣдным, изучалось врачебное искусство, заводились мастерскія, примѣнялись лучшіе способы обработки земли.

Первыя историческія свѣдѣнія о возникновеніи монашества относятся к 4 вѣку, а в территоріальном отношеніи должны быть пріурочены к странам верхняго и средняго Египта. Монашество довольно рано было перенесено на европейскій Запад. Виновником этого был Аѳанасій Александрійскій. Спасаясь от преслѣдованій восточно-римскаго правительства, он должен был нѣсколько лѣт провести в Римѣ. Он жил здѣсь в обществѣ своих спутников, египетских монахов. По свидѣтельству Іеронима, Аѳанасій насаждал в Римѣ монашество. Вліяніе его в Римѣ было так велико, что многія римскія женщины рѣшили усвоить образ жизни монахов. Распространеніе монашеских вкусов вызвало среди населенія недовольство. В 394 г., когда одна знатная римская женщина (Блесилла) преждевременно скончалась вслѣдствіе изнуренія постом, римская чернь была крайне возбуждена. По словам Іеронима, на улицах города раздавались крики: Quousque genus detestabile monachorum non urbe pellitur? non lapidibus obruitur? non praecipitatur in fluctus, т. е. „доколѣ ненавистный нам род монахов будет терпим в городѣ? не побит камнями и в волны не ввергнут?“ Но не прошло и 20 лѣт, как

тот же Іероним хвалился чрезвычайным распространеніем монастырскаго режима в Римѣ: crebra virginum monasteria, monachorum innumerabilis multitudo, ut — quod prius ignominiae fuerat, esset postea gloriae, т. е. „существуют многочисленные дѣвичьи монастыри и громадная толпа монахов: что прежде считалось за безчестіе, теперь сдѣлалось основаніем для прославленія". В концѣ IV стол. монашество, как институт, укореняется в столицѣ западнаго міра — Римѣ. Отсюда оно прежде всего было занесено в Галлію. Около 370 г. в Турѣ был основан 1-ый монастырь Мартином Турским.

Отсутствіе опредѣленной организаціи монашества служило ко вреду этого новаго христіанскаго института. При наличности различных порядков в каждом монастырѣ, монашество не могло организоваться в общественную силу. Преобразователем в этом отношеніи монастырскаго режима и основателем устава для западных монастырей был Бенедикт Нурсійскій. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности его извѣстны из 2-ой книги „Діалога" папы Григорія, который в данном случаѣ пользовался сообщеніями 4 ближайших учеников Бенедикта Нурсійскаго. Он родился около 480 года в гористой Умбріи, но дѣтство провел в Римѣ. 14-лѣтним мальчиком Бенедикт покинул город и в теченіе 14 лѣт прожил в пещерѣ около Субіако, предаваясь аскетическим подвигам. Со времени открытія пастухом убѣжища подвижника, к нему стали приходить за различными совѣтами окрестные жители, и постепенно около пещеры его возникла монашеская община. Извѣстность Бенедикта была причиной того, что монахи Виковарскаго (Vicovaro) монастыря избрали его своим аббатом. Скоро, однако, монахи этого монастыря разочаровались в Бенедиктѣ и хотѣли отравить его. Бенедикт покинул негостепріимный монастырь и удалился в свою излюбленную пещеру. Поселившихся около него послѣдователей он устроил кружками по 12 человѣк в каждом, поставив во главѣ каждаго особаго аббата, но за собою сохранил право верховнаго аббата. Таких киновій или общежительств было образовано 12. Так как слава Бенедикта достигла еще большей высоты, и окрестное населеніе обращалось к нему за удовлетвореніем церковных потребностей, то возникло озлобленіе приходскаго духовенства против подвижника. Один сосѣдній священник предложил ему хлѣб, пропитанный ядом, унесенный по волѣ Божественнаго промысла вороном. Этот случай заставил Бенедикта удалиться отсюда сначала в Кампанію, гдѣ он поселился на Монтекассинской горѣ (Castrum Cassinum). На этой горѣ возник знаменитый Монтекассинскій монастырь, в котором Бенедикт был аббатом вплоть до своей смерти в 543 г. Хотя впослѣдствіи монастырь этот был разрушен в 580 г. лонгобардами, но потом стараніем папы Григорія II он был возобновлен в 720 году.

Дѣятельность Бенедикта заслуживает вниманія по одному тому, что он выработал 1-ый монастырскій устав (regula), состоящій из 73 глав. Главное правило устава — требованіе безусловнаго повиновенія аббату, как представителю І. Христа. Выбор аббата зависит от братіи. Вся жизнь монахов должна быть посвящена труду. Но главным занятіем монаха должно быть земледѣліе, которое приближает его к познанію Бога через близость к природѣ. Заботы о кухнѣ, об исправном состояніи посуды, чтеніе за столом св. Писанія возлагаются поочередно на каждаго монаха в теченіе недѣльнаго срока. Занимаясь трудом, монах должен посвящать время и церковной службѣ. Ежедневно прочитывались часы, и служба начиналась в 2 часа ночи. Предписывая строгій порядок жизни, Бенедикт не требовал чрезвычайнаго угнетенія плоти.

Каждый монах ежедневно 2 раза вкушал пищу и получал $^1/_2$ бутылки вина. Для слабых и больных монахов разрѣшалось даже употребленіе мяса. За столом во время ѣды запрещались разговоры. Всѣ монахи должны были спать в общей спальнѣ, не раздѣваясь и опоясанные, чтобы немедленно могли среди ночи идти в церковь. Дисциплина была строгая и послѣдовательная; по отношенію к провинившемуся монаху прибѣгали сначала к тайному увѣщанію, а потом к публичному, а в случаѣ недѣйствительности этих мѣр к наложенію поста и тѣлесных наказаній; в качествѣ же высшей мѣры наказанія примѣнялось изгнаніе из монастыря.

Устав имѣл в виду обслуживаніе нужд и потребностей окрестнаго населенія. Во всяком монастырѣ были больница и странпріимный дом. Доступ в монастырь был обставлен различными предосторожностями. Устав требовал от желающаго поступить в монастырь годичнаго испытанія, по истеченіи котораго новый член общины должен был дать обѣты: stabilitas loci, т. е. отказ от бродячей жизни; conversio morum, т. е. соблюденіе чистоты нравов и в частности нестяжательность; oboedientia, т. е. исполненіе устава и повиновеніе аббату. Кромѣ монахов и лиц, находившихся на испытаніи или так называемых новицев, во всѣх монастырях находились на попеченіи oblati. Так назывались дѣти, которыя отдавались родителями по бѣдности или обѣту. Эти oblati заслуживают вниманіе, потому что этот институт привел к необходимости основанія монастырских школ.

Устав Бенедикта скоро распространился в Галліи, а затѣм и во всей Европѣ под именем устава Бенедиктинскаго ордена.

Меровинги оказывали покровительство монастырям и дарили в их пользу земли из своих доменов. Из монастырей, основанных Меровингами в Нейстріи, достигли особеннаго значенія Сен-Дени около Парижа и Корбейскій в Пикардіи.

Умноженіе монастырей привело к двум послѣдствіям. Если умноженіе монастырей содѣйствовало поднятію благосостоянія и образованности среди окрестнаго населенія, то, с другой стороны, оно имѣло и отрицательныя стороны.

С постепенным уменьшеніем доменов сокращались доходы королей. Щедрая раздача земель в награду за службу привела правительство к критическому положенію. Испытывая недостаток в землях, короли и майордомы стали раздавать минастыри в пользованіе свѣтским лицам. В широких размѣрах эту практику стал примѣнять Карл Мартелл. Вакантныя мѣста аббатов обычно отдавались в управленіе частным лицам с правом получать доходы. Эти так называемые свѣтскіе аббаты поселялись в монастырях с семьями, свитой и вели веселый образ жизни. Монастыри стали мѣстами соблазнов тѣм болѣе, что в практикѣ управленія монастырями бывали такіе случаи, когда мужскіе монастыри отдавались в пользованіе женщинам или женскіе монастыри оказывались в распоряженіи мужчины. Из таких монастырей не могли выходить поборники христіанства. Такіе миссіонеры выходили только из шотландских и ирландских монастырей, находившихся в счастливых условіях. Но эти кельтскіе и англо-саксонскіе проповѣдники были представителями 2-враждебных друг другу церковных направленій, в борьбѣ которых для Европы рѣшался вопрос о признаніи первенства или приматства римскаго епископа в Западной Европѣ.

Борьба кельтской и англо-саксонской церквей.

В Британіи христіанство возникло и усилилось в III—IV вв. во время гоненій Діоклетіана. Спасаясь от этих гоненій, христіане не только из контингента Европы, но из азіатских стран искали убѣжища в провинціях, управляемых Констанціем Хлором, а особенно в отдаленной Британіи. Когда в началѣ V в. Стилихон должен был отозвать из Британіи римскіе легіоны для защиты границ имперіи, то с этого времени страна подверглась англосаксонскому завоеванію. Англы, саксы и юты явились сюда язычниками, враждебно настроенными против бриттов и христіанства. При таких условіях проповѣдь христіанства не могла в V—VI вв. правильно развиваться. Бритты не передали побѣдителям расположенія ни к своей вѣрѣ, ни к культурѣ и не могли сохранить в чистотѣ свою христіанскую церковь. Под вліяніем постоянных опасностей церковь пришла в полное разстройство. С другой стороны, наиболѣе энергичные члены церкви обратили вниманіе на возможность распространенія христіанства в Ирландіи и Шотландіи, в таких мѣстах, которыя было еще недоступны пришельцам.

Апостоломъ христіанства въ Ирландіи былъ Патрикъ, внукъ бриттскаго священника и сынъ діакона. 16-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ разбойниками и проданъ одному ирландцу. Патрикъ въ качествѣ раба пасъ стада своего господина въ теченіе 6 лѣтъ. Только на исходѣ 6-го года онъ бѣжалъ на родину. Видѣнія, чувство самопожертвованія и любовь ко Христу побудили Патрика отправиться миссіонеромъ въ Ирландію. Въ началѣ дѣятельности Патрика друиды оказали ему сопротивленіе, но энтузіазмъ миссіонера одержалъ верхъ. Безъ пролитія крови Ирландія въ нѣсколько лѣтъ была обращена въ христіанство. Когда Патрикъ умеръ въ 465 г., ирландская церковь находилась въ блестящемъ состояніи.

Въ организаціи ирландской церкви слѣдуетъ отмѣтить характерную черту. Въ Ирландіи былъ клановый строй, и монастыри возникали въ предѣлахъ каждаго клана. Когда въ Ирландіи и Шотландіи появились епископы, то они не могли пользоваться такимъ значеніемъ, какъ въ другихъ странахъ. Будучи пришлыми людьми, епископы принуждены были стать въ зависимое положеніе по отношенію къ аббатамъ, которые являлись полноправными членами клана, главами его въ церковномъ отношеніи.

Можетъ быть, въ этомъ первоначальномъ складѣ церковной жизни Шотландіи слѣдуетъ искать корни позднѣйшаго пресвитеріанства.

Другимъ очагомъ христіанства на кельтскомъ сѣверѣ явилась Каледонская церковь. Основателемъ ея былъ Колумба, ирландецъ по происхожденію. Въ серединѣ VI стол. онъ отправился съ 12 учениками изъ Ирландіи на Гебридскіе острова, на одномъ изъ которыхъ основалъ монастырь Іона, и отсюда сталъ распространять христіанство въ дикой Каледоніи. Успѣхи проповѣди были такъ значительны, что въ 70 г. VI стол. христіанство распространилось во всей сѣверной Шотландіи. Хотя Колумба былъ аббатомъ основаннаго имъ монастыря, но ему подчинялись епископы Шотландской церкви.

Шотландскіе монастыри, какъ и ирландскіе, были въ тѣсной связи съ клановымъ бытомъ шотландцевъ. Каждый кланъ имѣлъ свой монастырь. Глава клана — патронъ монастыря, а братія его — члены клана. Всѣ церковныя дѣла находились въ вѣдѣніи аббата, какъ церковнаго главы клана. Епископы, не имѣя фактической власти и проживая въ монастыряхъ, находились въ зависимости отъ аббатовъ клановыхъ монастырей.

Этотъ строй церкви находился въ связи съ племенными особенностями шотландцевъ. У нихъ не было архіепископа, а слѣдовательно не могло быть и рѣчи о церковной зависимости отъ Рима.

Были и другіе особенности въ организаціи кельтской шотландской церкви, лишавшія ея возможности сближенія съ римскою церковью. Прежде всего, такою особенностью былъ обычай относительно празднованія Пасхи. Въ опредѣленіи дня этого праздника кельтская церковь придерживалась стариннаго малоазій-

скаго обычая, по которому христіанская Пасха совпадала с еврейской. В виду того, что еврейская Пасха приходилась послѣ 14 числа мѣсяца Нисана, сторонники такого опредѣленія срока празднованія Пасхи получили названіе *τεσσαρεςκαιδεκατιτοι* или по латыни quartadecimani. Еще в II вѣкѣ этот вопрос обсуждался горячо на церковных соборах, и обычай пріурочивать празднованіе Пасхи ко времени, когда евреи отправляют свой праздник, был признан неправильным, а вмѣстѣ с тѣм был выработан способ исчисленія дня христіанской Пасхи установленіем так называемаго золотого числа, періода 19 юліанских лѣт.

Кромѣ того, были и другія особенности кельтской церкви. Напр., при посвященіи духовных лиц совершалась особая тонзура, которая отличалась от так называемой тонзуры св. Петра (tonsura Petri, tonsura coronae), употребляемой в римской церкви. Разумѣется, эти особенности в организаціи кельтской церкви не были столь существенны, чтобы ими можно было объяснить вражду между этой церковью и англосаксонскою, основанной миссіонерами папы римскаго. Причина вражды коренилась в той племенной ненависти, с которой туземное населеніе Британіи и пришлецы-завоеватели относились друг к другу.

С уходом из Британіи римских легіонов, страна подверглась постепенному завоеванію пришельцев. В 449 г. первыя дружины выходцев из племен ютов, англов и саксов высадились в Британіи, под предводителем Генгиста и Горзы. За ними двинулись новыя дружины с континента Европы. Завоеватели образовали вдоль восточных и южных берегов Британіи ряд маленьких государств, числом около 9—11. Хотя каждое из этих королевств имѣло своего короля, но под вліяніем необходимости вести борьбу с бриттами, обнаружилась потребность в нѣкотором объединеніи. Эта потребность выражалась не в формѣ созданія одной сильной власти, а в формѣ союза всѣх государств. Всѣ королевства должны были признавать верховную власть одного короля — бретвальды. В положеніи такого первенствующаго королевства выступает сначала Кент, потом Вессекс, Нортумберланд и Мерсія.

Расовая ненависть между пришлыми завоевателями, которые были язычниками, и бриттским христіанским населеніем осложнилась религіозной борьбой. Она отдалила возможность распространенія христіанства в Британіи, которое стало распространяться здѣсь лишь 100 лѣт спустя послѣ появленія завоевателей, по иниціативѣ римской церкви. Папа Григорій Великій воспользовался благопріятными обстоятельствами для начала миссіонерской дѣятельности среди завоевателей Британіи: они неохотно принимали христіанство из рук побѣжденных ими бриттов. С другой стороны, король Кента Этельберт женился на христіанкѣ Бертѣ, дочери Хильдеберта Парижскаго. Хотя он и послѣ женитьбы оставался язычником, но, по просьбѣ супруги,

не препятствовал распространенію среди своих подданных христіанства и даже обѣщал ей содѣйствовать в этом отношеніи. Григорій Великій отправил в Британію для миссіонерской дѣятельности Августина и 40 монахов. Миссіонеры высадились на берегу Кента и начали успѣшно свою дѣятельность. Этельберт не стѣснял миссіонеров в свободѣ проповѣди и богослуженія, но сам принял христіанство только через год, в день Троицы 597 года, а к Рождеству его примѣру послѣдовало 10 тысяч человѣк. Принятіе христіанства Этельбертом, который был в положеніи бретвальды, имѣло сильное вліяніе на успѣх дальнѣйшей проповѣди миссіонеров.

Августин, возведенный папою в сан архіепископа, обратил вниманіе на то, что, наряду с новообращенными христіанами, в странѣ находились христіане кельтскаго происхожденія. Руководясь мыслью о возможности соединенія церквей, Августин предложил кельтской церкви вступить в общеніе и совмѣстно дѣйствовать, требуя признанія при этом своей архіепископской власти и отказа от празднованія Пасхи не по римскому обычаю и от других особенностей. Эти сношенія и предложенія Августина не имѣли успѣха; и послѣ его смерти (в 605 г.) между новой Августиновской церковью и старой христіанской существовал полный разрыв. Преемники Августина остались вѣрны римским традиціям. С этого времени начинается открытая борьба в Британіи между новой и старинной церквами.

Кельтская церковь временно стала одерживать верх над послѣдователями римскаго обычая. За 100 слишком лѣт, протекших послѣ прихода завоевателей, обнаружились признаки примиренія между ними и туземными жителями. Многіе завоеватели путем браков с кельтскими женщинами подверглись вліянію со стороны коренного населенія Британіи. Этот процесс ассимиляціи, продолжавшійся в теченіе шести послѣдующих вѣков, не мог не оказать благотворнаго вліянія на проповѣдническую дѣятельность кельтской церкви: короли Нортумберланда Освальд и Осви были христіанами по кельтскому обычаю.

Господство кельтской церкви продолжалось до 660 г. Но в этом году произошел перелом, находившійся в связи с дѣятельностью нортумберландскаго короля Осви. Находясь в положеніи бретвальда, он первоначально колебался, какой церкви слѣдует отдать преимущество. Так как Осви был женат на внучкѣ Берты, то семейныя связи заставили его склониться на сторону римской церкви. Кромѣ того, обычаи ея в Британіи были иностранные, а обычаи кельтской церкви мѣстные, а, как извѣстно, малокультурные народы всегда отдают предпочтеніе иноземным обычаям. В пользу римской церкви вліяли ея внѣшній блеск и расовая непріязнь между пришельцами-завоевателями и туземным населеніем Британіи. Для окончательнаго разрѣшенія

этого вопроса Осви собрал собор в 664 г. На нем присутствовали представители 7 королевств от римской и кельтской церквей. Главою представителей римской церкви был Вильфрид, а кельтской — епископ Кольман.

Когда во время спора по вопросу о праздновании Пасхи Вильфрид, в защиту римскаго обычая, сослался на слова I. Христа: „Ты еси Петр, и на этом камнѣ я созижду церковь,“ король Осви спросил Кольмана: „Признаешь ли, что эти слова сказаны в св. Писаніи?“ Получив удовлетворительный отвѣт, король продолжал, что „он намѣрен слѣдовать за тѣм, кто имѣет власть открыть ему или закрыть врата царства Божія, а не за Кольманом, потому что Кольману не дана власть разрѣшать и вязать.“ В виду того, что Осви объявил себя сторонником римской церкви, обычаи ея скоро восторжествовали в Британіи, и кельтская церковь должна была ограничиться Ирландіей и сѣверной частью Шотландіи, Каледоніей.

Миссіонерская дѣятельность кельтской церкви.

Встрѣчая со стороны церкви, основанной Августином, противодѣйствіе в распространеніи христіанства по своему обряду на островѣ Британіи, представители кельтских церквей направили свою дѣятельность на страны материка Европы. Одним из извѣстных миссіонеров был Колумба Младшій или Колумбан. Его дѣятельность, относящаяся к концу VI вѣка, содѣйствовала распространенію христіанства среди зарейнских германских племен. Колумбан был родом ирландец. Около 591 г. он с 12 учениками основал в Вогезах Люксейльскій монастырь и ввел в нем устав, похожій на устав Бенедиктинскаго ордена.

Колумбан навлек на себя ненависть Брунегильды, правительницы восточной половины государства, тѣм, что пріобрѣл вліяніе на ея внука Теодориха. Королева поклялась умертвить Колумбана и стереть с лица земли основанные им монастыри. Послѣ 20-лѣтней плодотворной дѣятельности в Вогезах, миссіонер должен был уйти в Швейцарію, откуда предполагал пробраться в Италію. Оставив в Швейцаріи заболѣвшаго своего спутника Св. Галла, Колумбан прибыл в сѣверную Италію и здѣсь основал монастырь Боббіо, который сдѣлался разсадником православія среди лонгобардов, придерживавшихся аріанства. Оставшійся в Швейцаріи ученик Колумбана основал извѣстный в средніе вѣка Сен-Галленскій монастырь. Во время пребыванія в Вогезах, Колумбан и его ученики распространяли христіанство в зарейнских странах. Еще в началѣ VIII в. можно было видѣть слѣды проповѣднической дѣятельности кельтской церкви, быстрое исчезновеніе которых объяснялось отсутствіем

сильной организаціи в средѣ самой кельтской церкви. Успѣшное и быстрое распространеніе христіанства в зарейнских землях, соединяемое с именем Винфрида или Бонифація, обусловливалось, несомнѣнно, тѣм, что здѣсь уже была подготовлена почва трудами скромных проповѣдников кельтской церкви.

Дѣятельность Винфрида.

Апостолом Германіи обыкновенно считают Винфрида или Бонифація. Он родился в 680 г. в Вессексѣ. В 716 г. Винфрид в качествѣ миссіонера прибыл в Фризію и продолжал эту дѣятельность до смерти своей (5 іюня 755 г.). На первых порах он не имѣл успѣха, потому что в это время Карл Мартелл вел борьбу с фризами. Поэтому Винфрид скоро возвратился на родину, но в 718 г. снова отправился в Европу. Из Рима, гдѣ папа Григорій II надѣлил Винфрида мощами и совѣтом крестить язычников по римским обычаям, он отправился в Тюрингію. Здѣсь Винфрид начал борьбу с кельтской церковью и распространеніе христіанства. По смерти герцога Фризіи Радбода, Винфрид отправился в эту страну и провел здѣсь 3 года, в сотрудничествѣ с Вильбродом.

В 722 году Винфрид отправился в Гессен и крестил там много язычников. Когда он сообщил об этом успѣхѣ в Рим, то папа вызвал Винфрида в Рим и посвятил его в епископы, взяв клятву вѣрности римскому престолу и запретив вступать в сношенія с священниками кельтскаго обряда. В это время Винфрид, как теперь думают, принял имя Бонифація, но это сомнительно, так это имя встрѣчается в перепискѣ миссіонера раньше посвященія его в епископы. В сущности латинское имя „Bonifatius" есть ничто иное, как перевод англосаксонскаго „Винфрид." Латинская форма имени апостола Германіи окончательно вытѣснила англосаксонскую форму имени не ранѣе XV вѣка. Из Рима Винфрид отправился к Карлу Мартеллу и получил от него охранную грамоту. Проповѣдь Винфрида в Гессенѣ была настолько успѣшна, что, по его распоряженію, был срублен священный дуб, чтимый язычниками, как святыня. В 725 году Винфрид отправился в Тюрингію и в интересах распространенія христіанства вызвал сюда англосаксонских монахов. Когда дѣло распространенія христіанства в Тюрингіи было прочно обезпечено, Винфрид отправился в южную Германію и в частности в Баварію. Но до начала проповѣднической дѣятельности в этой мѣстности Винфрид путем объѣздов познакомился с нею и потом отправился в Рим, гдѣ пробыл $1/2$ года. Пред отъѣздом из Рима Винфрид получил буллу на имя клира, народа и всѣх повелителей нѣмецких земель с просьбою со стороны папы ока-

зывать проповѣднику, как папскому легату, повиновеніе и содѣйствіе. По возвращеніи из Рима, Винфрид начинает свою дѣятельность в Баваріи при благопріятных условіях, так как он был близок с баварским герцогом Одилоном. Винфрид раздѣлил Баварію на 4 епископства: Аугсбургское, Регенсбургское, Зальцбургское и Пассауское и занялся основаніем монастырей. Смерть Карла Мартелла в 741 г. была благопріятным обстоятельством для проповѣди Винфрида, потому что, как видно из писем его к друзьям, К. Мартелл не всегда оказывал содѣйствіе проповѣднику, но сын К. Мартелла по своему настроенію был скорѣе монах, а не правитель. На первых порах Винфрид занялся организаціей Гессенской и Тюрингенской церкви путем учрежденія 4 епископств. Карломан вполнѣ оправдал ожиданія Винфрида, под вліяніем котораго он созвал в 742 г. 1-ый австразійскій собор для упорядоченія церковных дѣл. О необходимости этого собора сохранился подлинный отзыв Винфрида: „Франки болѣе чѣм 80 лѣт не видѣли ни одного собора, ни одного архіепископа. В церквах не исполнялось каноническое право. Болѣе того, значительная часть епископских каѳедр передана была свѣтским людям, отличавшимся жадностью к наживѣ, или клирикам, виновным в прелюбодѣяніи, откупщикам и обжорам. Я нахожу среди діаконов лиц, которыя с дѣтства проводили жизнь в блудодѣяніи и пьянствѣ, а будучи діаконами содержали по 4 наложницы и послѣ блуда на слѣдующій день не стыдились читать евангеліе. Среди епископов встрѣчаются по большей части пьяницы, круглые невѣжды, лица, занимающіяся охотой, или такія, которыя отправляются в походы и своею рукой проливают кровь, не разбирая, кровь ли это язычника или христіанина.“

Собор запретил носить духовенству оружіе, заниматься охотой, ходить на войну и потребовал введенія в монастырях Бенедиктинскаго устава. На этом соборѣ был заключен тѣсный союз между церковью и правительством: графам было вмѣнено в обязанность оказывать содѣйствіе духовенству во всѣх его мѣропредпріятіях. На 2-м австразійском соборѣ в Лестинѣ были приняты мѣры против суевѣрій и браков лиц, находящихся в близких степенях родства, физическаго и духовнаго. Дѣло оздоровленія австразійской церкви Винфрид-Бонифацій закончил основаніем Фульдскаго монастыря в 744 г.

Сознавая необходимость реформы Нейстрійской церкви и под вліяніем брата, Пипин собрал 1-ый нейстрійскій собор в Суассонѣ в 744 г. На этом соборѣ были приняты постановленія 2-х австразійских соборов и, кромѣ того, рѣшено было раздѣлить Галлію на 3 архіепископства, но послѣднее постановленіе не осуществилось, так как Пипин не хотѣл уменьшать прерогатив реймсской церкви.

В 745 г. состоялся общій собор для всѣх франкских церквей, на котором был низложен майнцскій епископ Гевилиб за

нарушеніе канонов, а вакантная каѳедра была предоставлена Винфриду. В 748 г. он достиг того, что всѣ епископы франкской церкви подписали слѣдующее торжественное посланіе на имя римскаго епископа: „мы рѣшили и объявляем, что желаем до конца дней наших хранить каѳолическую вѣру и единеніе с каѳолической церковью, подчиняться римской церкви, св. Петру и его намѣстнику; что ежегодно будем созывать соборы, а митрополиты будут получать палліумы от римскаго престола; что будем слѣдовать всѣм каноническим правилам св. Петра, дабы таким образом оставаться в числѣ его паствы."

Таким образом, в 748 г. папа был признан церковным главою всѣх церквей франкскаго государства. Если Винфрид справедливо считается апостолом Германіи, то с таким же основаніем он может быть назван основателем папскаго главенства на Западѣ Европы.

Низложеніе Меровингской династіи.

Участіем правительства в дѣлѣ подчиненія всего христіанскаго Запада римскому престолу была подготовлена почва для государственнаго переворота в франкском государствѣ. Заслуги Пипинидов, потомков Арнульфа и Пипина Старшаго, были велики. Они спасли З. Европу от арабскаго нашествія и исламизма, они способствовали покоренію зарейнских германских племен и пріобщенію их к культурной жизни путем распространенія христіанства, они содѣйствовали радикальной реформѣ франкской церкви и признанію ею приматства римскаго епископа.

Дряхлый дом Меровингов должен был уступить мѣсто энергичной династіи Пипина Старшаго. Этот государственный переворот был произведен со всею осторожностью.

Послѣ смерти Карла правителями государства стали его сыновья: в Австразіи Карломан, а в Нейстріи Пипин. Первым шагом совмѣстной дѣятельности братьев было замѣщеніе вакантнаго престола. Они провозгласили королем ничтожнаго Хильдериха III. Возведеніе на престол этого Меровинга объяснялось мотивами политическаго характера. Во время смут во многих областях франкскаго государства возникло стремленіе к возстановленію племенных герцогств. Необходимость борьбы против этого института майордомы могли оправдывать идеей единства и нераздѣльности государства, представителем которой была фамилія Меровингов. Когда же эта цѣль была достигнута, Пипиниды не замедлили взять власть в свои руки. С удаленіем с арены политической дѣятельности Карломана в 746 г., единственным представителем власти в франкском государствѣ оставался Пипин Короткій, который рѣшил получить от папы вы-

сшую санкцію и одобреніе задуманнаго им переворота. В 751 г. Пипин отправил к папѣ Захарію своих представителей Бурхарда, епископа Вюрцбургскаго, и архіепископа Фольрада, с вопросом: „Нужно спросить о франкских королях, которые не имѣют королевской власти, хорошо ли это или нѣт?“ Папа Захарій, как записано в Лоршских анналах, отвѣчал, что гораздо лучше тому называться королем, кто имѣет дѣйствительную власть, а не тому, кто остается без королевской власти. Получив этот отвѣт, Пипин короновался в Суассонѣ, а Хильдерих III был отправлен в монастырь.

Так начался новый Каролингскій період франкскаго государства.

Значеніе и характер византійской исторіи.

Мы прослѣдили исторію франкскаго государства вплоть до того времени, когда новая династія Каролингов смѣнила древнюю династію Меровингов. Первый король новой династіи, Пипин Короткій, войдя в тѣсный союз с папством, которое поспѣшило дать санкцію его власти, выступил союзником пап в борьбѣ их с лонгобардами и византійской имперіей и стал стремиться к завоеваніи Италіи. Дальнѣйшее развитіе этой политики привело послѣ завоеванія Лонгобардскаго королевства к возстановленію так называемой Западной римской имперіи в 800 году.

Эти попытки возстановить на Западѣ римскую имперію свидѣтельствовали о живучести римских императорских традицій и подчеркивали раздѣленіе Европы на Запад и Восток. Виновники этого возстановленія Римской имперіи на Западѣ, повидимому, не сознавали всей призрачности своего дѣла: грубыя учрежденія и обычаи германских народов, их культура совершенно не соотвѣтствовали притязательному и пышному наименованію государства имперіей. Осуществленіе этой фикціи, однако, тяжело отразилось не только на франках, но и на судьбѣ зарейнских германцев во времена Оттона Великаго. Ни союза франкских королей новой династіи Каролингов с папами, ни стремленія завоевать Италію и вытѣснить оттуда византійцев, ни самого возстановленія Западной имперіи нельзя объяснить и правильно понять внѣ связи с исторіей византійской имперіей без нарушенія исторической перспективы.

Кромѣ того, исторія Византіи, с судьбами которой была тѣсно связана исторія всего культурнаго Востока, а в частности значительнаго числа славянских народов, заслуживает глубочайшаго вниманія всякаго историка уже по одному тому, что в теченіе всего средневѣковаго періода Византія была самою про-

священною и культурною страною міра, а византійское государство наиболѣе организованной формой государственности.

Император Діоклетіан ввел дѣленіе единой имперіи на западную и восточную части, а Константин усовершенствовал эту административную систему. Он раздѣлил имперію на 4 префектуры, при чем каждая префектура дѣлилась на діоцезы, а діоцезы — на провинціи. Всѣх діоцез было 14. Из этих діоцез 6 были завоеваны или заняты германцами, а 8 діоцез осталось под властью восточно-римскаго императора и составляли восточно-римскую имперію или Византію. Потеряны были преимущественно западныя діоцезы: Африканская діоцеза с Карѳагеном была завоевана вандалами, Испанская — вестготами, Галльская — франками, в Британской образовалось англо-саксонское королевство; Италіанская и Римская діоцезы в V в. были завоеваны остготами и наконец в Иллирійской постоянно хозяйничали другіе варвары. На таком же положеніи находилась также и Дакійская діоцеза.

Остальныя діоцезы продолжали существовать на началах стараго римскаго строя. Сюда нужно отнести прежде всего, начиная с юго-востока, Египет, т. е. земли по р. Нилу. Эти земли наименѣе были затронуты варварами: нападенія нубійцев мало нарушали мирную жизнь Египта; поэтому столица его Александрія была пунктом самой оживленной торговли. В менѣе благопріятных условіях находилась Восточная діоцеза, в состав которой входили земли к юго-востоку от Средиземнаго моря: Палестина, Финикія, Месопотамія, Сирія, Киликія, Исаврія и Аравія. Месопотаміей в римском государственном пониманіи назывались земли по верховьям Тигра. Сирія, Киликія и Исаврія лежали между Малой Азіей и Палестиной. Здѣсь в V и VI вв. происходит борьба с персами, с которыми нѣкогда боролись Красс и Помпей. Эта монархія Сассанидов соперничает и теперь с Византіей во владѣніи землями Азіи. Аравія — сѣверо-западный уголок полуострова того же имени. Азіатская діоцеза заключала в своем составѣ нѣкоторыя земли в Малой Азіи, а именно: в центрѣ ея и по берегам Мраморнаго моря, т. е. в сѣв.-западном углу Малой Азіи. Понтійская діоцеза была расположена по берегу Чернаго моря до Кавказа, захватывая отчасти теперешнее Закавказье, извѣстное тогда под именем Малой Арменіей, в отличіе от Великой Арменіи, которая находилась во власти персов. Из-за Малой Арменіи происходили постоянныя столкновенія между Персіей и Византіей; это вызывало необходимость для Византіи держать в Трапезунтѣ вооруженный лагерь. Таким образом, владѣніе этой діоцезой было далеко небезопасно. На европейском материкѣ в твердом владѣніи находились Македонская діоцеза и Ѳракія, а равно нѣкоторыя провинціи Иллирійской и Дакійской діоцез, т. е. вообще земли, расположенныя

к югу от рѣки Дуная, в нижнем его теченіи. Всѣ эти земли, расположенныя от Дуная до Аравіи, от берегов Адріатическаго моря до берегов Каспійскаго, составляли государство, отличавшееся одной особенностью, которой мы не привыкли видѣть в современных государствах, в которых один народ господствует над другими или благодаря своей численности, или благодаря культурным преимуществам. Подобнаго связующаго этнографическаго цемента не было в діоцезах Восточной имперіи; здѣсь не было народа-создателя государства, преобладающаго по своей численности. Тѣм не менѣе государство это отличалось замѣчательною устойчивостью. Послѣ паденія Западно-римской имперіи Восточно-римская или Византія существовала свыше 1000 лѣт. С другой стороны, причину долговѣчности этого государства нельзя искать и в особенностях системы управленія, так как она была тождественна и в Западно-римской имперіи, которая погибла под натиском варваров. Такое долговременное существованіе Восточной имперіи объясняется единством культуры во всѣх странах, входивших в состав государства. Эта культура не была греческой, а эллинистической: всѣ эти страны были эллинизованы. Эта эллинизація ведет свое начало от Александра Македонскаго, который сам и через своих эпигонов (Птоломеев и Селевкидов) эллинизировал народы Азіи и наложил тѣм на них общую печать. Эта культура давала возможность в теченіе цѣлаго 1000-лѣтія противостоять напору варваров.

Исторія Византіи несправедливо оцѣнивалась прежними историками. Историки XVIII вѣка и первой половины XIX в. англичанин Гиббон, шотландец Финлей, француз Лебо видѣли в исторіи Византіи только отрицательныя стороны: упадок государственной жизни, насилія, борьбу партій, кровавыя столкновенія, мѣсто всякаго разврата и насилій, практику тяжелых налогов. Такой взгляд объясняется тѣм, что источники по исторіи Византіи не были достаточно хорошо изучены, и не было правильной оцѣнки их. Послѣдующіе историки не могли не обратить вниманія на цѣлый ряд исторических заслуг Византіи. Прежде всего, Византія в теченіе 1000 лѣт являлась охранительницей Европы от натиска азіатских народов и путем героическаго напряженія сил сумѣла уберечь христіанскую и арійскую культуру, пока не созрѣли западные и сѣверные европейскіе народы. Далѣе, она выработала христіанскіе догматы на вселенских соборах и сумѣла сохранить сокровища античной культуры для передачи ея новым народам, сначала азіатским, а потом и европейским.

По мѣрѣ того, как выяснялись эти заслуги византійскаго государства и общества, стало измѣняться отношеніе историков к Византіи, и обработка ея исторіи начата была цѣлым рядом выдающихся ученых Западной Европы. Разумѣется, еще большій

интерес и болѣе значенія имѣет исторія Византіи для славянскаго міра, так как почти всѣ славяне приняли культуру от Византіи. Можно даже сказать, что без изученія и пониманія исторіи Византіи многія явленія древней русской жизни не могут быть правильно представлены и изъяснены. Греко-славянскій мір — не фикція, а реальное явленіе. Неоспоримо, что в Европѣ 2 міра: романо-германскій и греко-славянскій, один католическо-лютеранскій, а другой православный. Христіанство, принятое из Византіи, наложило свой отпечаток на славянскіе народы: письменность славян была переводным повтореніем византійской письменности; во многих частях славянскаго быта замѣчается и теперь византійское вліяніе. Это вліяніе Византіи с симпатіей подчеркивается славянофилами в это время, как западники смотрят по него отрицательно. В этой литературной борьбѣ западников и славянофилов в сущности отражалась борьба направленій и мнѣній исторіографіи византійской. Западники — наслѣдники историков XVIII в., которые видѣли в исторіи Византіи только отрицательныя явленія. Дальнѣйшая разработка исторіи Византіи показала, что славянофильская публицистика болѣе приближалась к истинѣ, чѣм публицистика западников. Оцѣнивая же вообще славянофилов и западников, нельзя не отмѣтить, что споры их основывались на недоразумѣніи: ничего прискорбнаго во вліяніи Византіи на Россію нѣт, равно ничего прискорбнаго нѣт и в вліяніи Запада, так как разностороннее вліяніе могло только способствовать болѣе гармоническому развитію русскаго и славянскаго быта. Обыкновенно при разсужденіях о Византіи считают нужным отмѣтить различныя отрицательныя черты управленія и нравов. Так, напр., указывают на развитіе сервилизма или раболѣпства, но забывают при этом, что раболѣпство не менѣе сильно было развито при дворах Карла V, Филиппа II Испанскаго, Людовика XIV, даже при дворах мелких германских князей. Упрекают византійское правительство в чрезмѣрном податном обремененіи народа. Нельзя отрицать высоты налогов, но в то же время справедливость требует замѣтить, что в IV и V вв. в Галльской діоцезѣ налоги были так тяжелы, что многіе крестьяне покидали страну и убѣгали к варварам. С другой стороны, Анастасій I в V в. (в концѣ его) отмѣнил налоги на промышленность. Вмѣстѣ с тѣм чрезмѣрная в Византіи высота налогов объясняется непрерывной борьбой с азіатскими и европейскими варварами, борьбой, которую приходилось вести вдоль всѣх границ государства, тогда как во Франціи многочисленные налоги шли не на защиту от варваров, а на содержаніе пышнаго двора и многочисленных любовниц Людовиков XIV и XV.

Недостаточное пониманіе византійской исторіи сказывается и в том, что начало ея отодвигали то к VII, то к VIII в. Так., напр., историк Финлей начало византійской госу-

дарственности относил к VIII вѣку. Того же взгляда держались Григоровіус и Цахаріэ фон Лингенталь. Ко временам Исаврійской династіи относил начало византинизма Мюнхенскій проф. Крумбахер в 1-м изд. своей извѣстной „Исторіи византійской литературы“ 1892 года. Впрочем, во 2 изданіи этого своего сочиненія Крумбахер отказался от этого своего взгляда и справедливо указал, что время с 324 года до 640 года, т. е. с Константина до конца царствованія Гераклія, слѣдует считать ранним періодом византійской исторіи. — Дѣйствительно, исторія Византіи начинается с того времени, когда христіанство восторжествовало над язычеством, когда эллинистическим элементам было дано объединеніе основаніем новой столицы, когда Константин Великій был признан единоличным властителем (324 г.). Чтобы убѣдиться в справедливости этого воззрѣнія по вопросу о началѣ византійской исторіи, достаточно самой краткой характеристики исторіи государственнаго языка Византіи, культуры ея, искусства и нѣкоторых сторон государственности, и окажется, что всѣ характерныя черты византинизма уже существовали в зародышѣ в IV вѣкѣ.

С IV в. по XI в. в Византіи наблюдается своего рода дуализм в пользованіи языком. Константин Великій, основав новый город, избрал такой центр, который весьма быстро развился в торгово-промышленном отношеніи. По истеченіи всего только 120 лѣт послѣ основанія Константинополя возник вопрос о предоставленіи византійскому епископу 2-го мѣста в ряду других, что и рѣшено было на Халкедонском соборѣ в 451 г. Хотя населеніе имперіи было эллинистическое, но оффиціальным языком оставался латинскій. На этом языкѣ писались законы, акты, рескрипты. Для самой имперіи не было другого названія, как *Ῥωμαῖος*, а подданные назывались „ромеи“; никто не употреблял термина „греческій“, „эллинскій“. Восточная имперія считала себя римской. Латинскій язык был господствующим вплоть до XI вѣка. Правда, под вліяніем того, что Восток был эллинизован, латинскій язык отступал, но весьма медленно. Любопытно прослѣдить борьбу между латинским и новогреческим языком. Новеллы Юстиніана написаны были на греческом языкѣ; по при изданіи „Corpus juris civilis“ Юстиніан сохранил латинскій язык. Борьбу между латинским и греческим языком в ея постепенности можно прослѣдить по данным нумизматики. В IV-V вв. изображенія на монетах и легенды были латинскія. В концѣ V-го в. и в началѣ VI-го встрѣчаются и греческія буквы на монетах, а именно: на мѣдной монетѣ; в VII же вѣкѣ встрѣчается на монетах надпись: „*ἐν τούτῳ νίκα*“ (при Гераклія). Только в VIII ст. на монетах титул императора передается по-гречески: „*δεσποτης, βασιλεύς*“, но и в VIII в. встрѣчаются латинскія надписи и латинскія легенды. Даже в 1-ой полов. XI вѣка при Македонской династіи на золотых монетах сохранялась надпись: Jesus Christus rex regrantium. Во

2-ой полов. XI вѣка латинскія надписи исчезают. — Параллельно с этим постепенным вытѣсненіем латинскаго языка, может быть отмѣчен процесс постепеннаго проникновенія эллинизма и в область государственной практики и права. Сначала в Византіи престол занимают, как и в Западной имперіи, испанцы, ѳракійцы, исаврійцы и т. д. До Юстиніана всѣ императоры были люди варварскаго происхожденія. 1-ый император из греков Тиверій вступил на престол в 578 году. Послѣ него занимали престол армяне, исаврійцы, персы, славяне. Только к концу существованія византійской имперіи императорскій сан становится достояніем таких греческих родов, как Дуки, Комнины, Ангелы, Палеологи, Кантакузены. Такое же преобладаніе варваров и чужеродцев наблюдается в составѣ высшей администраціи, гражданской и военной.

Установленіе начальнаго періода византійской исторіи с IV в. встрѣчает иногда возраженія даже со стороны таких историков, которые согласны такое кардинальное явленіе, как торжество христіанства над язычеством, считать исходным пунктом византійской исторіи, ссылаясь на то, что окончательная побѣда христіанства относится не к эпохѣ Константина, а ко времени эдикта Юстиніана 529 г., когда была закрыта аѳинская языческая академія. Однако, защитники подобнаго взгляда упускают из вида, что в год закрытія языческій университет в Аѳинах находился уже в полном упадкѣ. Поэтому также мало основаній настаивать на датѣ 529 г., как нельзя преувеличивать эту дату и по отношенію к исторіи Западной Европы, гдѣ в этом году был уничтожен послѣдній языческій алтарь в Италіи и основан Монтекассинскій монастырь. Тѣм болѣе окажется несостоятельным указанное мнѣніе, если вспомнить, что язычники оставались в предѣлах византійской имперіи еще в теченіе многих вѣков и, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, даже были при Василіи Македонянинѣ, в IX вѣкѣ.

Если обратить вниманіе на внѣшнюю сторону византійской государственности, как она обрисовывается в теченіе всего 1000-лѣтняго періода, то нельзя не видѣть, что Византія имѣет характер военной монархіи с бюрократической организацией, цѣлой іерархіей придворных чинов и дѣйствіем табели о рангах, различных церемоній и азіатских форм поклоненія личности императора. Однако, почти всѣ эти явленія и цѣлый ряд характерных для Византіи отрицательных черт, как, напр.: господство интриг, лесть, жестокость и слабость характеров правителей, отсутствіе среди них талантливых людей — все это можно наблюдать и в V и XV вѣках. Если на протяженіи с IV до XV в. можно установить такую однородность явленій, то, очевидно, Византія всегда оставалась вѣрна сама себѣ и представляла опредѣленный государственный организм.

Такая же однородность в процессѣ развитія замѣчается и

в исторіи новогреческаго языка. Прежніе изслѣдователи момент образованія новогреческаго языка относили к X вѣку, но, по замѣчанію Крумбахера, болѣе новыя и лучшія изслѣдованія неопровержимо доказали, что важнѣйшія и наиболѣе вліятельныя по своим послѣдствіям измѣненія древнегреческаго языка произошли или начали обнаруживаться уже в первые вѣка по Р. Хр. С этого же почти времени стали обнаруживаться измѣненія и в метрикѣ. Древняя метрика была основана на долготѣ и краткости слогов, а новогреческая — на количествѣ, и это явленіе начинает сказываться прежде всего в церковных пѣснопѣніях IV-го вѣка.

В области искусства и особенно архитектуры этот 1000-лѣтній період византійской исторіи также характеризуется одним направленіем.

Изучая исторію Византіи, историк невольно останавливается перед вопросом, почему восточная половина римской имперіи могла просуществовать на 1000 лѣт болѣе, чѣм Западная римская имперія. Прежде всего, необходимо в объясненіе этого указать на выгодное географическое положеніе Восточной римской имперіи и особенно ея столицы. Константинополь, имѣвшій почти милліонное населеніе, давал тон всей имперіи. Географическое положеніе столицы предоставляло ей выгодныя преимущества в стратегическом и военном отношеніях. Занимая выступ Пропонтиды, Константинополь с 2-х сторон был окружен морем, а с 3-й омывался глубоким заливом — Золотым Рогом. Только с 4-ой стороны столица была открыта с суши непріятелю, не владѣвшему флотом. Однако, и здѣсь она была защищена рядом укрѣпленій: двумя находившимся на незначительном разстояніи др. от др. стѣнами с бойницами и глубоким рвом посрединѣ. Благодаря приморскому положенію, Константинополь не мог быть отрѣзан от провинцій, и при осадах жизнь его не замирала. Находясь на границѣ Европы и Азіи, Константинополь являлся посредником между ними, благодаря ряду торговых путей, сходившихся в этом мѣстѣ. По Моравской долинѣ через Балканскій полуостров и долину Марицы шел путь из средней Европы в Константинополь. Другая дорога, удобная для торговли с южными странами Европы, была проложена еще в римское время: от города Диррахіума (на берегу Адріатическаго моря) она шла, пересѣкая Балканскій полуостров с запада на восток, через Өессалоники к Константинополю. Отсюда дорога шла в Азію через Киликійскія горы к Эдессѣ, гдѣ развѣтвлялась на двѣ: одна шла через Палестину и Финикію к Александріи, а другая через Месопотамскую долину к устью Тигра и Евфрата и в Индію. Для развитія торговых сношеній Константинополя были особенно удобны морскіе пути. Константинополь лежал на перекресткѣ всѣх торговых путей и представлял собою центр тогдашней всемірной торговли. В теченіе всѣх средних вѣков ни один

город не был таким богатым и промышленным, как Константинополь. По этой причинѣ Византія могла сохранять первенство среди других государств того времени и к ней, как владычицѣ всемірной торговли и высокой культуры, были обращены взоры всѣх континентальных народов. При всей бездарности правителей византійская казна никогда не нуждалась в средствах. Никто не был так искусен в дипломатическом дѣлѣ, как византійцы. Они разработали принципы римской коварной политики и умѣли извлекать выгоды из вражды варварских народов друг к другу путем раздачи титулов и денежных субсидій. Эта политика находит нѣкоторое извиненіе в том, что византійцы никогда не прибѣгали к политическим убійствам.

Исторіографія Византіи.

Долго византійская исторія находилась в пренебреженіи отчасти вслѣдствіе презрительнаго отношенія, а отчасти и потому, что знаніе греческаго языка является удѣлом немногих не только в Западной Европѣ, но и в Россіи: graeca non leguntur.

Византійская исторіографія тѣсно примыкает к античной. Византійскіе писатели брали за образец того или другого древнегреческаго автора. Так поступали Прокопій, Менандр, Θеофилакт и др. писатели вплоть до XI вѣка. Хотя ново-греческій язык — потомок древне-греческаго и характерныя особенности его начали сказываться уже в первые вѣка христіанства, но его черты отличія постепенно увеличивались, так что в XII стол. взгляд на древне-классическую литературу и отношеніе к ней измѣнились. Анна Комнина должна была изучать древне-греческій язык, как чужой. Византійская исторіографія не опередила античную, но она стояла высоко по сравненію с современной ей европейской исторіографіей. Византійскіе историки избѣгали сухого изложенія фактов и умѣли изображать характеры исторических лиц с психологической стороны, чего мы не находим в европейском средневѣковой исторіографіи. С др. стороны, византійскіе историки обращали вниманіе на такія явленія, которыми не интересовались европейскіе писатели. Недостатком византійской исторіографіи является большая подражательность византійских писателей древне-греческим образцам. Беря за образец к-л. классическаго автора, византійскій писатель заимствовал от него не только способ изложенія, но цѣлыя слова и выраженія. Прокопій подражал Θукидиду, Агаθій — древним поэтам, Θеофилакт заимствовал из Св. Писанія и древне-классическаго романа, Менандр и Лев Діакон брали за образец Агаθія, Киннама — Прокопія, Никита Бріенній — Ксенофонта, Анна Комнина — Полибія и Θукидида.

В качествѣ положительных черт византійской исторіографіи нужно также отмѣтить стремленіе к возможно полному и разностороннему освѣщенію матеріала и к объективности.

Нельзя удивляться богатству византійской исторіографіи, потому что предметом ея служили судьбы самаго богатаго и самаго культурнаго государства тогдашняго міра.

Изданія визант. источников начались в XVI столѣтіи и подготовили почву для изданія перваго собранія византійских писателей: Scriptores historiae Byzantinae. Это изданіе, предпринятое по мысли Людовика XIV и при поддержкѣ Кольбера, было поручено, под руководством іезуита Филиппа Лабе, лучшим французским филологам (Дюканж, Гоар, Бандури и др.). Оно выходило в свѣт в 1648—1711 гг. и представляет коллекцію из 42 томов. Не смотря на неполноту, это парижское изданіе и донынѣ считается лучшим. Парижская коллекція была напечатана в небольшом количествѣ экземпляров и скоро стала библіографической рѣдкостью. Неудивительно, что чрез 18 лѣт со времени выхода в свѣт парижской коллекціи была предпринята перепечатка ея в Венеціи. Но это венеціанское изданіе представляет простую и небрежную перепечатку парижской коллекціи, с присоединеніем изданія хроники Малалы, Генесія и небольших отрывков других писателей. В началѣ XIX в., по мысли Бертольда Нибура и при участіи Берлинской академіи наук, было предпринято новое так называемое Боннское изданіе: Corpus scriptorum historiae byzantinae, но и это изданіе есть плохо пересмотрѣнное повтореніе парижскаго изданія. Небрежность издателей рѣзко брасается в глаза при пользованіи указателями. Составители индекса настолько небрежны, что дѣлают ссылки на страницы не своего, а парижскаго изданія. Изданіе Нибура в 49 томах выходило в свѣт с 1828 года и закончилось изданіем в 1878 году хроники Іоанна Зонары, изданной Бюттнером-Вобстом. Изданіе Нибура является в настоящее время самым доступным, если не считать изданія аббата Минья Patrologia graeca (1857—66, 161 т.), гдѣ перепечатана большая часть Боннскаго изданія. Помимо этих коллекцій, заслуживает вниманія изданіе византійских писателей и хроник, предпринимаемое Тейбнером: Bibliotheca Teubneriana, гдѣ пока напечатаны Агаѳій, Ѳеофилакт, Никифор Патріарх, Зонара, Анна Комнина и Ѳеофракт. Нѣкоторые источники напечатаны в коллекціи Recueil des historiens des croisades в отдѣлѣ Historiens grecs, 2 vol., Paris 1875—81.

Из общих сборников грамот наиболѣе видное мѣсто занимает изданіе Миклошича и І. Миллера: Acta et diplomata graeca medii aevi, 6 vol., Vindobonae 1860—1890.

В этой коллекціи изданы грамоты и указы императоров и патріархов, политическіе договоры и переписка и разнаго рода грамоты и акты X—XIX вв. Болѣе частное значеніе имѣют изда-

нія грамот Августа Тейнера, К. Саѳы, Карла Гопфа, Тафеля и Томы.

Наибольшій интерес к изученію византійской исторіи обнаруживался во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи.

В дѣлѣ разработки визант. исторіи Германія безспорно занимает одно из почетных мѣст. Интерес к византійской исторіи в Германіи возник со времени выхода в 1812 году извѣстнаго сочиненія Шлоссера Geschichte der bildenstürmenden Kaiser. Этот историк впервые отмѣтил, что за богословскими и церковными вопросами, которыми волновалась Византія, скрывались политическіе вопросы, и этим возбудил интерес к исторіи Византіи среди тогдашних историков. Оживленію вниманія к византійской исторіи содѣйствовали труды Фалльмерайера. Его дѣятельность совпала со временем освобожденія эллинов от власти турок, когда в Европѣ возникли филэллинскіе кружки, привлекавшіе сочувствіе европейскаго общественнаго мнѣнія к потомкам Перикла и Ѳемистокла. Фалльмерайер выдвинул теорію, которая в рѣзкой степени расходилась с установившимся воззрѣніем на происхожденіе современных греков, стараясь доказать, что жители Эллады — не потомки Перикла и Ѳемистокла, а эллинизованные славяне или албанцы. Эта теорія, в настоящее время не пользующаяся признаніем в ученом мірѣ, вызвала большую полемику и привлекла вниманіе широких кругов ученаго міра к исторіи Византіи. Из послѣдующих нѣмецких историков и ученых выдвинулись своими трудами В. Цинкейзен, К. Гопф, Цахаріэ фон-Лингенталь, Герцберг, Гельцер, Крумбахер.

Сочиненіе В. Цинкейзена Geschichte Griechenlands, I. Th., изданное в 1832 году, не было докончено (изложеніе доведено до середины XII вѣка) и теперь потеряло свое значеніе по сравненію с общими сочиненіями по исторіи Византіи Карла Гопфа, Герцберга и Гельцера. Главным и наиболѣе выдающимся трудом по исторіи византійскаго права доселѣ считается сочиненіе Цахаріэ фон Лингенталя: Geschichte des griechisch-römischen Rechts, вышедшее 3-м изданіем в 1892 году. Этот ученый (1812—1894) всю свою жизнь посвятил разработкѣ права и византійских юридических вопросов. Не ограничиваясь изданными источниками, он объѣхал почти всѣ земли, которыя нѣкогда входили в состав византійской имперіи, работая в музеях и монастырских архивах. По политической исторіи такое значеніе имѣет труд Карла Гопфа: „Исторія Греціи от начала средних вѣков до нашего времени" (Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit (395—1821), напечатанное в 1867—8 гг. в извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера (1. Sekt., Bd. 85—86). Болѣе доступными по изложенію являются: 1) „Очерк византійской исторіи" (Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte) Гельцера, помѣщенный во 2-м изданіи Крумбахеровской „Исторіи византійской ли-

тературы“, стр. 911—1067; 2) „Исторія Греціи и т. д.“ Герцберга (Geschichte Griechenland seit dem Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart, 3 Teile, Gotha 1876—1878); 3) „Исторія Византіи“ того же Герцберга (Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16. Jahrhunderts), изданная в коллекціи Онкена. Часть послѣдняго труда переведена на русскій язык П. Безобразовым: „Исторія Византіи“, Москва 1891 г.

Успѣхи византиновѣдѣнія в Германіи обезпечены благодаря дѣятельности Крумбахера, по настоянію котораго в Мюнхенѣ в 1882 г. была учреждена 1-ая каѳедра визант. филологіи, а с 1892 г. под его редакціей стал выходить ученый журнал Byzantinische Zeitschrift, который является одним из главных періодических органов в дѣлѣ разработки византійской исторіи и филологіи.

В Германіи разработка византійской исторіи приводила к созданію трудов общаго содержанія. Таким же характером отличается разработка византійской исторіи и в Англіи. Труд Гиббона „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи“ (History of the decline and fall of the Roman empire, 6 voll., London 1776—1788), переведенный на русскій язык Невѣдомским (ц. 26 р.), долго представляло единственное сочиненіе, которое послѣдовательно обозрѣвало византійскую исторію, а потому многократно было переиздаваемо, хотя и устарѣло во многих отношеніях. Новѣйшее изданіе стало выходить с 1896 года под редакціей Бьюри, который взял на себя задачу согласовать изложеніе Гиббона с современным состояніем византиновѣдѣнія присоединеніем своих приложеній и объясненій. Преемником Гиббона в англійской исторіографіи был шотландец Дж. Финлей, долго жившій в Греціи и посвятившій свою жизнь изученію ея исторіи. Его перу принадлежит цѣлый ряд трудов: 1) Греція под римским владычеством (до 717 г.); 2) Исторія Греціи от завоеванія крестоносцами до завоеванія турками; 3) Исторія византійской и греческой имперіи (716—1453); 4) Исторія Греціи под оттоманским и венеціанским владычеством; 5) Исторія греческой революціи. Послѣ его смерти († 1875) всѣ эти труды вошли в состав одного изданія под заглавіем: „Исторія Греціи от времени завоеванія ея римлянами до настоящаго времени“ (A history of Greece from its conquest by the Romans to the present time, 7 voll., Oxford 1877). Из сочиненій Финлея имѣется в русском переводѣ (изд. Солдатенкова) „Греція под римским владычеством“, Москва 1876 (ц. 4 р.).

Совершенно другим характером отличается разработка в. исторіи во Франціи. Хотя здѣсь был издан 1-ый сборник византійских писателей и процвѣтало византиновѣдѣніе в XVII в., но в слѣдующем вѣкѣ под вліяніем Вольтера, проводившаго отри-

цательное воззрѣніе на византійскую исторію, произошли охлажденіе к ней и упадок византійских изученій.

Появившійся в XVIII в. труд Лебо (Ch. Le Beau, Histoire du Bas Empire, 30 voll., Paris 1757—1784), представлявшій простой пересказ византійских хронистов, мог только способствовать охлажденію вниманія к византійской исторіи. Научный и живой интерес пробуждается к изученію судеб Византіи только благодаря трудам Рамбо, Шлемберже и Диля, которые монографически разрабатывали отдѣльные періоды византійской исторіи. Такія монографіи, как L'empire grec au X siècle, Constantin Porphyrogénète (Paris 1870) А. Рамбо; Sigillographie de l'empire byzantin (Paris 1884) и Nicéphore Phocas (Paris 1890) Г. Шлемберже, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (Paris 1888), L' Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique и Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle Ш. Диля, — являются классическими работами по исторіи Византіи. Перевод одной лекціи Диля и двух его очерков, помѣщенных в энциклопедіи Ларуса, напечатан в „Записках Харьков. универ.“ 1903 г., кн. 4-ая, стр. 1—47.

Разработка византійской исторіи в Россіи, как и во Франціи, носит характер монографическій, и доселѣ не появилось ни одного общаго труда, посвященнаго изложенію всей исторіи Византіи, хотя труды русских ученых занимают столь почетное мѣсто в византійской исторіографіи и настолько цѣнны и необходимы для пониманія византійской исторіи, что в настоящее время ни один ученый византинист не может обойтись без знанія русскаго языка. Уже первые академики С-Петербургской Академіи, как, напр., Байер, Шлецер и Круг обратили вниманіе на тѣсную связь между русской и византійской исторіей и своими трудами положили начало разработки византійской исторіи в Россіи еще в XVIII вѣкѣ. Из русских ученых своими трудами выдѣлялся в 40-х годах XIX вѣка епископ Порфирій Успенскій, усердно занимавшійся изученіем визант. древностей и собиравшій византійскія рукописи и предметы старины во время своих путешествій по Востоку. Тогда же славист Григорович в своих лекціях проводил мысль о необходимости изученія византійской исторіи и старины для правильнаго пониманія русской и славянской исторіи. Одновременно с этим Россійская Академія, основанная в 1783 г. Екатериною II, задумала предпринять перевод византійских писателей на русскій язык, но предпріятіе не состоялась вслѣдствіе закрытія этой Академіи в 1840 году. По совершенно понятным причинам разработка вопросов по исторіи византійской церкви и общества с успѣхом производилась в духовных академіях. Труды профессоров этих академій И. Е. Троицкаго, А. Лебедева, И. Малышевскаго, Ф. Терновскаго и др. заслуживают особеннаго вниманія. Кромѣ этих историков, можно на

звать проф. С-Петерб. духовной академіи Н. Скабалановича, автора извѣстнаго труда: „Византійское государство и церковь в XI в.“ (Спб. 1884). Воспитанникъ Казанской духовной академіи А. С. Павлов, извѣстный профессор каноническаго права Московскаго университета, справедливо считался лучшим знатоком византійскаго права. Из его сочиненій упомянем: „О Кормчей“ (Зап. Каз. Унив. 1864); „Книги законныя, содержащія в себѣ в древнерусских переводах византійскіе законы“ (Москва 1888).

Научное изслѣдованіе византійской исторіи особенно упрочилось в Россіи, благодаря ученой дѣятельности проф. В. Г. Васильевскаго, автора цѣлаго рода работ, печатавшихся в Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія: „Законодательство иконоборцев“ (Ж. М. Н. Пр. 1878); „Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства“ (1879—1880); „Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка“ (1881 г.); „Византія и Печенѣги“ (1872 г.); „Варяго-русская и варяго-англійская дружины в Константинополѣ XI и XII вв.“ (1874—1875 г.) и др. Отдѣльно вышла в свѣт первая часть его труда: „Обозрѣніе трудов по Византійской исторіи“ (1890). По его иниціативѣ и под его редакціей, с 1894 года стал издаваться спеціальный періодическій орган „Византійскій Временник“, редактируемый нынѣ его учеником Регелем, извѣстным своими изданіями византійских источников: Analecta Byzantino-Russica, Fontes rerum byzantinarum. Другим видным русским византинистом является бывшій одесскій профессор Ѳ. Успенскій. Обѣ его диссертаціи были посвящены исторіи Византіи: „Никита Акоминат из Хон“ (1874 г.); „Образованіе второго болгарскаго царства“ (1879 г.). Посвятив себя изученію исторіи Византіи и южных славян, проф. Успенскій помѣщал свои статьи в Журн. Мин. Нар. Просв. („Очерки по исторіи византійской образованности“ в 1891—1892 гг.; „Слѣды писцовых книг в Византіи“ в 1884 г.; „Замѣтки по исторіи землевладѣнія в Византіи“ в 1888 г.) и „Зап. Новороссійскаго университета.“ Благодаря его стараніям, 15 янв. 1895 года в Константинополѣ был основан Императорскій русскій археологическій Институт, предназначенный служить центром изученія византинизма. Состоя директором этого Института, Успенскій основал при нем печатный орган „Извѣстія рус. арх. инст.“, гдѣ и помѣщаются его работы (напр., о военном устройствѣ в Византіи, о визант. табели о рангах, о церковных имуществах и др.).

Одновременно с В. Васильевским, каѳедру занимал в С-Петерб. университетѣ извѣстный славист В. И. Ламанскій, обѣ диссертаціи котораго близко касаются исторіи Византіи: „О славянах в Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи“ (Спб. 1859); „Об историческом изученіи греко-славянскаго міра в Европѣ“ (Спб. 1870). Весьма цѣнными являются работы ученика В. Ламанскаго проф. Т. Флоринскаго: 1) „Южные славяне и Византія во 2-ой четверти XIV вѣка“

(Спб. 1881); 2) „Памятники законодательной дѣятельности Душана“ (Кiев 1888); 3) „Политическая и культурная борьба на греческом Востокѣ в первой половинѣ XIV в.“ (Кiев 1883).

Из учеников проф. Васильевскаго, кромѣ В. Регеля, выдвинулись своими работами по византiйской исторiи П. Безобразов, А. Васильев и Панченко.

Наконец, нельзя обойти молчанiем превосходнаго изслѣдованiя проф. Казанскаго Университета В. Бѣляева: „Byzantina, Очерки, матерiалы и замѣтки по византiйским древностям“, кн. I-II, Спб. 1891, 1893.

Разумѣется, в самой Грецiи со времени ея освобожденiя от ига турок отечественная исторiя усердно разрабывается. Из греческих ученых выдвигаются своими трудами К. Папарегопуло, С. Лампрос и К. Саѳа. Послѣднiй из названных ученых извѣстен своими изданiями источников византiйской исторiи (*Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη, Μνημεῖα Ἑλληνικῆς ἱστορίας*), а первые два извѣстны своими общими сочиненiями. *Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους*, 2 изд., 5 кн. 1887—1888 К. Папарегопуло — основательный труд, представляющiй изложенiе исторiи Эллинскаго народа с древнѣйших времен до 1832 года. Извлеченiе из 1-го изданiя этого труда издано по французски автором в 1878 году: Histoire de la civilisation hellénique. Неоконченный труд С. Лампроса стал выходить в свѣт с 1888 года, под заглавiем (издано пока 3 книги): *Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος*.

Раздѣленiе на перiоды византiйской исторiи.

Раздѣленiе византiйской исторiи на перiоды дает общее представленiе о сложности и широтѣ этой исторiи, а равно о многообразiи ея задач.

Первый перiод византiйской исторiи, до-Юстинiановское время (395—518 гг.), когда имперiя носит еще характер латинской государственности, может быть назван переходным. Второй перiод (518—717 гг.), время господства юстинiановской и гераклiйской династiй, было временем внутренняго упроченiя Византiи и ея блеска; византiйское правительство еще не отказывается от мысли о возстановленiи единой римской имперiи в Европѣ, и только ряд осложненiй на Востокѣ (борьба с персами и арабами) подрывает вѣру в возможность осуществленiя этого плана. Время исаврiйской и аморiйской династiй (771—867 гг.), когда Византiйская имперiя, окончательно отказавшись от своих универсальных стремленiй и всемiрной политики, рѣшила обратить вниманiе на устройство дѣл на Востокѣ, является третьим перiодом ея исторiи. В дѣлах внутренних этот перiод ознаменован ожесточенной религiозной борьбой, поднятой императорами иконоборцами. Четвертый перiод, время господства македонской

династіи (867—1025 гг.), захватывает время правленія эпигонов этой династіи (до 1081 года). В этот період наибольшаго развитія внутренней и внѣшней силы имперіи сказываются и развиваются лучшія стороны византинизма. Не взирая на годы упадка (1025—1081), в теченіе слѣдующаго пятаго періода своей исторіи Византія, благодаря энергіи и талантам Комнинов и Ангелов, удачно справляется с сельджуками и удерживает в своих руках власть над главнѣйшими землями в передней Азіи. Время Комнинов и Ангелов была эпохою второго возрожденія Византіи. Этот період плачевно заканчивается взятіем Константинополя в 1204 г. крестоносцами. Катастрофа эта объясняется чрезвычайным усиленіем могущества аристократіи. Императоры VIII—IX вв. стремились к облегченію положенія крестьян и боролись против усиленія аристократическаго класса, но политика эта не имѣла успѣха: земледѣльцы теряли свои права и постепенно были закрѣпощены. Это развитіе крупнаго землевладѣнія привело к тому, что имперія, представлявшая прочное зданіе извнѣ, была легко взята крестоносцами. Однако, эллинизм, другая жизненная сила Византіи, спас на этот раз имперію. Даже в 1204 г. значительная часть Пелопоннеса и Малой Азіи сумѣла удержать свою самостоятельность (эпоха Никейской имперіи). В 1261 году Михаил Палеолог овладѣл Константинополем и возстановил византійскую имперію. Наступил послѣдній період исторіи Византіи. Близорукая политика Палеологов, пользовавшихся силами османских турок для борьбы с единовѣрными славянскими государствами Балканскаго полуострова, ложная торговая и финансовая политика, приводившая к тяжелым и обременительным договорам с Генуей и Венеціей, уступки и заискиванія перед папами, предпринимаемыя в надеждѣ на иноземную помощь, но вызывавшія крайнее раздраженіе православной и національной партіи, — все это свидѣтельствовало об отступничества правительства от начал эллинизма или византинизма и неизбѣжно привело к погибели государства. 29 мая 1453 г. Константинополь был взят Магометом II, и византійская имперія прекратила свое существованіе. Безвозвратно пал второй Рим, и на его развалинах возникла оттоманская имперія.

Правители до-Юстиніановскаго періода.

Источниками исторіи этого періода служат произведенія писателей, примыкавших к античной исторіографіи, а именно: отрывки сочиненій Приска, Малха и Кандида, сочиненіе язычника Зосимы и „церковныя исторіи“ Сократа и Созомена. —

В теченіе этого переходнаго времени от античной римской к

византійской государственности императорскій престол занимали двѣ династіи: дом Өеодосія Великаго испанскаго происхожденія и Өракійская династія. Обѣ эти династіи имѣли по три представителя. Императоры из дома Өеодосія Великаго были слѣдующіе: Аркадій (395—408) — лѣнивый, недальновидный человѣк, отличавшійся отсутствіем какой-либо иниціативы и находившійся под вліяніем фаворитов; он вступил на престол в возрастѣ 17—18 лѣт. Сын его Өеодосій II (408—450), вступившій на престол 7 лѣт от роду, в теченіе всего своего царствованія находился под вліяніем сестры Пульхеріи; единственный дѣятельный правитель этой династіи Маркіан (450—457), супруг Пульхеріи. Благодаря стараніям начальника гвардіи алана Аспара послѣ смерти Маркіана был возведен на престол Лев Өракіец (457—474), основатель новой династіи. Преемниками его были Зенон (474—491) и Анастасій (491—518), оба женатые на дочери Льва I Аріаднѣ. В сущности всѣ эти императоры были инородцами и занимали престол в порядкѣ бокового или случайнаго наслѣдованія. Исключеніе составляют Аркадій и Өеодосій II, наслѣдовавшіе своим отцам. Эти порядки наслѣдованія напоминают порядки замѣщенія престола в римской имперіи первых вѣков. При всѣх этих императорах значительное вліяніе на государственныя дѣла имѣют любимцы и женщины родственницы: при Аркадіи I аквитанец Руфин, евнух Евтропій, жена Евдоксія, при Өеодосіи II и Маркіанѣ сестра перваго и жена второго Пульхерія, при Львѣ I алан Аспар и родственница Василиска, при Зенонѣ мачеха Варина и родственница Зенонида. Никто из этих любимцев и приближенных не проявил особенных талантов и государственных способностей; их вліяніе основывалось на происках и придворных интригах.

Внѣшняя политика до-Юстиніановскаго періода.

Вскорѣ послѣ кончины Өеодосія Восточная имперія подверглась ряду нападеній со стороны сосѣдних варваров. Первым нарушителем мира был вождь вестготов Аларих, который в 397 г. произвел опустошенія в Өессаліи, древней Аттикѣ и Пелопоннесѣ. Об опустошительности этого нашествія вестготов можно судить по одному тому, что в 424 г., согласно ходатайству провинціальнаго собранія Ахайи, византійское правительство постановило взимать в этой области только $^{1}/_{3}$ налогов. На смѣну вестготов выступают другіе народы, не менѣе опасные для Византіи: вандалы, персы и гунны. Поселившись в Африкѣ, вандалы постоянно опустошали берега Малой Азіи и Европы, а на морѣ занимались пиратством. Еще болѣе грозными врагами для Византіи были гунны. В I—II вѣках они кочевали на границах Китая,

а затѣм одна часть их перекочевала на Волгу; поселившись здѣсь, они зимою спускались к устью этой рѣки, а лѣтом передвигались на сѣвер, к рѣкѣ Камѣ. В серединѣ IV вѣка гунны перешли в наступленіе и двинулись на запад. Сначала они разгромили германское племя аланов, которые жили между Доном и Волгою, а потом обрушились на готов. Хотя под властью готов находились всѣ народы, жившіе на Восточно-европейской равнинѣ от берегов Чернаго моря до Балтійскаго, но послѣ пораженія их короля Германриха и его преемника Витимера они должны были подчиниться гуннскому владычеству. Западная вѣтвь готов или вестготы сначала поселились в Дакіи, между рѣками Прутом и Дунаем, а потом с согласія императора Валента перешли через Дунай в Мизію и Иллирію. Основав свою державу в южно-русских степях, гунны долгое время не тревожили Византію, пока не были соединены под властью одного хана Роны или Ругилы, который угрожал как Восточной, так и Западной имперіи. Стараясь поддерживать дружественныя отношенія с гуннами, византійское правительство дало Ронѣ титул римскаго патриція и обязалось ежегодно выплачивать дань 350 фунтов золота. За смертью Роны в 433 г. преемниками стали его племянники Аттила и Бледа, сыновья Мундзука. Совмѣстное управленіе братьев было ознаменовано их походом на Персію, куда они прошли через Кавказ, и нападеніем в 441 г. на предѣлы Византійской имперіи, при чем гунны разорили всю Ѳракію вплоть до берегов Чернаго моря. Несогласія между братьями временно доставляли покой сосѣдям гуннов, но когда Аттила убил своего брата в 445 году и снова объединил орды гуннов, то походы и грабежи возобновились. Опустошив Мизію, Ѳракію и Македонію, Аттила уничтожил около 70 новых укрѣпленій, двинулся на столицу и у ея стѣн разбил византійскаго полководца Анатолія. Византійское правительство поспѣшило заключить мир с грозным побѣдителем под условіем единовременной уплаты 6000 ф. золота, платежа ежегодной дани по 2000 ф. золота, выкупа плѣнных за 12 ф каждаго и выдачи всѣх бѣглецов. Убѣдившись в слабости византійскаго правительства, Аттила в 448 году потребовал уступки всѣх стран по Дунаю не только на лѣвом, но и правом берегах, на протяженіи 5 дней коннаго пути. Послѣ долгих колебаній византійское правительство в 449 г. согласилось признать Дунай пограничным рубежом. Только вступленіе на престол Маркіана улучшило положеніе имперіи: он собирал войска для борьбы с гуннами и отказался уплачивать им дань. Тогда Аттила стал громить области Западной имперіи, а по возвращеніи из Италіи в 454 г. был убит своею женою. Со смертью Аттилы подвластные гуннам германскіе народы возстали; гунны были перебиты, и на мѣстѣ гуннскаго ханства в Дакіи возникло германское государство гепидов, просуществовавшее до 556 г., когда оно было уничтожено соединенными си-

лами лонгобардов и аваров, а земли на запад от Дакіи были заняты остготами, которые таким образом сдѣлались преемниками гуннов и ближайшими сосѣдями Византіи, старавшейся поддерживать с ними мирныя отношенія. Часть остготов, так называемые месоготы находились под властью Теодориха, а остальные готы под властью трех братьев, сыновей Винитара. Византійское правительство сносилось преимущественно с повелителем месоготов, но подобное предпочтеніе вызвало неудовольствіе остальных трех правителей, и они грабежом Иллиріи добились в 461 году у императора Льва I присылки таких же даров, какіе получал Теодорих. При заключеніи этого соглашенія один из трех братьев Теодомир отправил в Константинополь своего сына Теодориха Младшаго, который за 10-лѣтнее пребываніе в столицѣ получил прекрасное образованіе, сдѣлавшее его поклонником античной старины, и изучил слабыя и сильныя стороны византійскаго правительства. Когда в 471 г. при Зенонѣ был вѣроломно убит начальник гвардіи алан Аспар, их благопріятель, то готы Теодориха Старшаго начали военныя дѣйствія против Византіи. Хотя они особенных успѣхов не имѣли, но византійское правительство для водворенія мира предпочло заключить договор, в силу котораго обязалось уплачивать Теодориху по 2000 ф. золотом, а готы обязались поддерживать Византію в борьбѣ с внѣшними и внутренними врагами. По этому же договору византійскій император предоставил Теодориху Старшему власть под всѣми готами. Этот договор, а особенно послѣдній его пункт привел в негодованіе Теодомира. Он перешел из Панноніи через рѣку Саву, опустошил придунайскія области, взял нѣсколько крѣпостей и осадил Ѳессалоники, вслѣдствіе чего император Зенон вынужден был заключить с ним дополнительный договор, по которому готам были отданы во владѣніе придунайскія земли с обязательством защищать нижній Дунай. За смертью Теодомира и его братьев единственным повелителем остготов стал Теодорих Младшій, болѣе извѣстный под именем Теодориха Великаго. Разумѣется, византійское правительство всячески ласкало грознаго сосѣда. В 477 г. Теодорих получил титул консула и патриція и был назван „пріемным сыном“ императора Зенона за помощь, оказанную против бунтовщика Василиска. Однако, хорошія и мирныя отношенія с имперіей продолжались недолго. В 481 г. Теодорих Великій опустошил Ѳракію и Македонію, взял город Диррахіум и проник в Ѳессалію, гдѣ разорил главный город Лариссу. По мирному договору, заключенному с остготами, им были представлены вся Дакія и Нижняя Мизія, а сверх того Теодорих получил титул magister militiae и был намѣчен в качествѣ консула слѣдующаго года. Для византійскаго правительства становилась очевидной необходимость избавиться от опаснаго сосѣдства с остготами. Осуществленію этого способствовало то обстоятельство, что тогдаш-

ній повелитель Италіи Одоакр разгромил государство германскаго племени ругіев, родственных готам. Князь ругіев Фридрих бѣжал ко двору Теодориха Великаго и взывал о мщеніи. Тогда Теодорих Великій вошел в соглашеніе с визант. правительством, и Зенон предоставил ему право занять Италію. В 489 г. Теодорих разбил Одоакра при Веронѣ, а 4 года спустя взял Равенну и основал в Италіи остготское королевство. С Теодорихом ушли в Италію остготы, а их преемниками на сѣверных границах Византіи сдѣлались тюрское племя болгар и славяне.

Византійскія учрежденія до-Юстиніановскаго періода.

Для ознакомленія с внутренней организаціей Византіи необходимыя свѣдѣнія и данныя можно найти в кодексѣ Ѳеодосія II и альманахѣ имперіи Notitia dignitatum. Кодекс Ѳеодосія — свод законов, получившій такое названіе, потому что составленіе его произошло в царствованіе Ѳеодосія II. В началѣ V ст. сознавалась необходимость дать чиновникам и судьям систематическое собраніе юридическаго матеріала. С давняго времени накоплялась масса императорских эдиктов. Разрозненность этого юридическаго матеріала затрудняла теоретическое и практическое усвоеніе законодательства. Рѣшено было собрать в один кодекс всѣ эдикты и основные законы со времени Константина вплоть до того момента, когда будет закончена работа юридической коммисіи. Коммисія 428 г. не достигла никаких результатов. Новая коммисія 435 г. получила разрѣшеніе сокращать текст императорских конституцій и дѣлать дополненія с цѣлью поясненія и предупрежденія различных толкованій текста. 15 февр. 438 г. она закончила составленіе кодекса, которой с 1-го января 439 г. должен был войти в силу. Этот кодекс имѣет многіе недостатки. Если сравнить конституціи, которыя нам извѣстны случайно, с текстом Ѳеодосіевскаго сборника, то увидим, что многих конституцій в нем нѣт. Это могло произойти отчасти от небрежности коммисіи, отчасти вслѣдствіе неполноты императорскаго архива, вслѣдствіе чего коммисіи приходилось списывать конституціи из регестров должностных лиц.

Ѳеодосіевскій сборник дѣлился на книги, книги на главы и главы на титулы. Первая книга содержит законы об источниках права и компетенціи императорских должностных лиц; 2—4 книги заключают изложеніе норм гражданскаго права; 5—15 книги — дополнительные отдѣлы гражданскаго права (завѣщаніе, bona materna, lucrum nuptiale), уголовное право, финансовое и административное право, а послѣдняя 16-ая книга посвящена изложенію церковных установленій. Ѳеодосіевскій сборник заслуживает особеннаго вниманія, так как представлял первую попытку коди-

фикаціи богатаго законодательства и имѣл вліяніе на Юстиніановскій сборник. Слѣдует отмѣтить, что этот же кодекс был одобрен императором Валентиніаном III и введен в дѣйствіе в Западной имперіи. 1-ое изданіе Ѳеод. кодекса вышло в 1528 г., но лучшим и новѣйшим изданіем является Боннское изданіе Гёнеля 1842 года (Corpus juris Romani Anteiustiniani, t. II.)

Notitia dignitatum et administrationum Orientis et Occidentis адресс-календарь с перечнем всѣх должностных лиц как Западной, так и Восточной имперіи, и указаніем их титулов, дает возможность ознакомиться с организаціей римской имперіи в началѣ V вѣка. Этот источник был издан Бекингом 1839—53 гг. и переиздан Зеком (Seeck) в 1877 году.

Византійская имперія обладала чрезвычайно малым по количеству греческим элементом населенія. Это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на ход внутренняго развитія Византіи. Естественным было то, что внутренній строй В. имперіи в теченіе двух первых періодов носил латинскій характер, и что Ѳеод. кодекс в сущности был не греческим, а римским.

В состав восточной имперіи входили 2 префектуры: Восточная и Иллирійская. Префект Восточной префектуры проживал в Константинополѣ, а префект Иллирійской префектуры — сначала в Сирміумѣ, а потом в Ѳессалониках. В состав Восточной префектуры входило 5 діоцез: Восток, Египет, Азія, Понт и Ѳракія. В иллирійскую префектуру входили 2 діоцезы: Дакія и Македонія. Префекты были в положеніи вице-королей. Каждая діоцеза находилась под управленіем викарія. Викаріи носили иногда почетныя титулы, напр.: викарій Египта praefectus augustus а викарій Востока comes. Діоцезы же дѣлились на провинцій, находившіяся под управленіем особых чиновников, консуляров и презусов.

Греческое или эллинское населеніе обитало сплошною массою только в нѣкоторых діоцезах. В Восточной и Египетской діоцезах греков почти не было внѣ городов. В Азіатской діоцезѣ греки жили на узкой береговой полосѣ от города Ефеса до горы Иды, в провинціи Геллеспонт (главный город Кизик) и на 53 островах Эгейскаго моря. В Ѳракійской діоцезѣ греки также в нѣкоторых мѣстах жили сплошною массою, занимая всю береговую полосу Мраморнаго моря, но преимущественно ими была заселена Македонская діоцеза.

Таким образом, эллинскій элемент населенія по численности преобладал только в нѣскольких провинціях Азіи и Балканскаго полуострова, значительно впрочем разоренных постоянными нашествіями варваров. Как вслѣдствіе этого уменьшилось населеніе

этих областей, можно видѣть из того, что в Ахайѣ, соотвѣтствующей древней Элладѣ, с трудом можно было навербовать нѣсколько тысяч человѣк, тогда как в древности одна Беотія выставляла 1000 тяжело-вооруженных воинов.

Малочисленностью греческаго населенія в связи с разноплеменностью других областей объясняется слабое проявленіе эллинизма в государственной жизни первых двух періодов византійской исторіи. Мечты императоров этого времени о возстановленіи единой римской имперіи и завоеваніи Италіи вполнѣ доказывают недостаточность сил эллинизма или византинизма, блестящая будущность котораго была однако предопредѣлена до нѣкоторой степени выбором столицы, заселенной преимущественно греками.

Столица Византіи Константинополь имѣла свою особую организацію. Во главѣ городского управленія стоял praefectus Urbi, который имѣл власть не только в предѣлах города, но и окрестностях его. Ему подчинены были: полиціймейстер (praefectus vigilium) с обязанностями по наблюденію за пожарной частью в городѣ; начальник водоснабженія (comes formarum), наблюдавшій за состояніем водопроводной сѣти в столицѣ, и другіе чиновники. Префект города был не только судья и администратор, но он завѣдывал также прокормленіем населенія столицы и раздачей ему зерна. В Константинополѣ сказывались среди черни тѣ же наклонности, как и в Римѣ. Если почему либо замедлялась доставка провіанта, то столичная чернь поднимала волненія. Когда в 407 г. запоздали суда с хлѣбом из Африки, то чернь сожгла дворец префекта. В 431 г. по тому же поводу толпа бросала камнями в императора. Но главной причиной волненій в Константинополѣ были вопросы религіозные и столкновенія цирковых партій.

Во главѣ управленія имперіи стоял император. В качествѣ органа, который должен был помогать ему в отправленіи его сложных обязанностей, дѣйствовал двор, называвшійся Sacrum palatium. В состав его входили главные чины имперіи: 1) военный министр (magister officiorum) — глава цѣлой тучи чиновников, командир императорской гвардіи (scolares) и управляющій оружейными заводами и государственной почтой (cursus publicus); 2) министр двора или великій спальник (primicerius sacri cubiculi) всегда состоял при особѣ императора и завѣдывал сложным византійским придворным церемоніалом; 3) министр внутренних дѣл (quaestor sacri palatii); 4) министр финансов (comes sacrarum largitionum) и 5) министр императорских доходов и расходов (comes rerum privatarum), а также многіе другіе, постоянно состоящіе при дворѣ члены верховнаго или императорскаго совѣта (consistorium principis). Сенат также сохранял нѣкоторое значеніе, не смотря на существованіе верховнаго совѣта.

Обыкновенно сенат пополнялся знатью или людьми, отличившимися на административном поприщѣ. Сенат формально давал санкцію на вступленіе новаго императора. С др. стороны, сенат завѣдывал внѣшней политикой, сношеніями и войнами с варварами, участвовал в рѣшеніи религіозных вопросов и отчасти в управленіи столицей (раздача хлѣба, высшія учебныя заведенія и т. д.). Во главѣ военных сил имперіи стояли главнокомандующіе (magistri militum), которых было нѣсколько: два из них в Восточной префектурѣ, один в Иллирійской и два в Константинополѣ (magistri militum praesentales), называемые в отличіе от прочих свитскими (praesentales), так как состояли при особѣ императора. У каждаго из главнокомандующих находились в подчиненіи провинціальные военные начальники (comites rei militaris, duces).

В Византіи подобно тому, как в старой римской имперіи, городское населеніе пользовалось правами самоуправленія. Так как торговля и промышленность составляли одну из культурных сил имперіи и сосредоточивались преимущественно в городах, то развитіе их служило предметом особенной заботливости правительства.

Городское населеніе рѣзко дѣлилось на 2 части. Низшій класс (plebs, inferiores, plebii) состоял из лиц, занимавшихся ремеслом, поденной работой, огородничеством или мелкой торговлей. Высшій класс городского населенія (potiores id est possessores) состоял из состоятельных людей, имѣвших дома в городѣ или владѣнія в селах. Ремесленники и мелкій городской люд образовывали коллегіи или союзы, в которые входили люди однородных профессій. Болѣе состоятельные люди занимали должности по выбору и зачислялись в состав класса куріалов (ordo decurionum). Во главѣ городского управленія стояли два дуумвира, эдилы, квесторы. Всѣ эти лица, по отбытіи срока службы, зачислялись в городской сенат (curia), куда также зачислялись и всѣ тѣ лица, которыя имѣли имущества на 200,000 сестерцій (7000 руб.). На обязанности городского сената лежала забота об исправной уплатѣ государственных налогов. В случаѣ недобора взысканіе обращалось на имущество куріалов.

В каждом городѣ были городскія собранія (comitia), на которых имѣли право голоса всѣ горожане. Эти комиціи обыкновенно созывались раз в год для выбора городских должностных лиц.

В до-Юстиніановское время были отмѣнены всѣ городскія мѣстныя особенности, удержавшіяся с глубокой старины. В Спартѣ, гдѣ сохранялись слѣды прежних Ликурговских учрежденій, и в Аѳинах, гдѣ прежде выбирались архонты, были введены тѣ же порядки, которые были в других городах имперіи.

В нѣкоторых провинціях византійской имперіи существовали такія же провинціальныя собранія, какія возникли в Галліи в эпоху императора Августа. Так, напр., извѣстно, что провинціальное собраніе Ахайи послѣ нашествія Алариха обратилось с ходатайством к префекту Иллиріи и императорскому двору об уменьшеніи налогов. Уже в 414 году послѣдовала по волѣ императора нѣкоторая скидка налоговаго бремени, а в 424 году платежи жителей Македонской діоцезы были уменьшены наполовину, а платежи провинціи Ахайи до одной трети прежних платежей. В 433 году послѣдовали новыя сбавки.

Как можно видѣть из этого краткаго и бѣглаго очерка византійских учрежденій до-Юстиніановскаго времени, тогдашняя государственность имѣла вполнѣ римскій или латинскій характер. В этой области византинизм стал замѣтно проявляться лишь со времени Исаврійской династіи. Однако, уже в V вѣкѣ византизм стал проявлять себя в церковной жизни и в догматических спорах.

Византійская церковь и догматическіе споры V вѣка.

Со времени своего возникновенія Восточная имперія носила характер государства христіанскаго. Эта особенность дает основаніе время с конца IV в. считать началом новаго порядка вещей на Востокѣ. Дѣйствительно, еще со времени Константина Великаго правительство ставило своею задачею борьбу против остатков язычества. Сохранился ряд императорских указов, направленных к уничтоженію язычества в предѣлах имперіи. Указы 11 апрѣля 423 г. и 13 ноября 426 г., изданные в царствованіе Өеодосія II, предписывали провинціальным чиновникам принять мѣры к разоренію всѣх существующих в имперіи языческих храмов и капищ, при чем они должны были или обратить их в христіанскіе храмы или разорить до основанія. Однако, не смотря на систематическую и упорную борьбу правительства с язычеством, послѣднее оставалось в предѣлах Восточной имперіи едва не до IX стол. и удерживалось, если не в городах, то в значительной степени в селах. Причины, почему византійское правительство не достигало желаннаго успѣха в борьбѣ с язычеством, коренились в различных обстоятельствах. Магистратура не всегда могла добраться до язычников, живших в селах и мало доступных мѣстах (напр., в горах). С др. стороны, чиновники за деньги позволяли язычникам приватным образом исповѣдывать свой паганизм. Кромѣ того, успѣху борьбы с язычеством отчасти мѣшала и существовавшая в Византіи практика частой смѣны чиновников, вслѣдствіе чего они невсегда успѣвали ознакомиться с той областью, управленіе которой на них возлагалось. Особенно сильно держалось язычество

в силу исторических традицій в Аѳинах, гдѣ на каждом шагу сохранялись слѣды блестящей языческой культуры. В большинствѣ же областей имперіи вполнѣ восторжествовало христіанство, доказательством чего являлось возрастаніе епископских каѳедр. Особенно сильно укрѣпилось христіанство в Македоніи и Ѳессаліи, гдѣ даже происходили взрывы религіозной нетерпимости против язычников и евреев. В 397 и 427 г. правительство должно было издавать эдикты в защиту евреев. Подрыву языческой старины способствовало то, что правительство принимало мѣры к удаленію произведеній языческой культуры из тѣх мѣст, гдѣ они находились, чѣм одновременно достигалось двѣ цѣли: лишеніе населенія Аѳин воспоминаній об язычествѣ и украшеніе столицы произведеніями великих античных художников.

Церковная организація всѣх греческих провинцій получила свои основы на втором вселенском Константинопольском соборѣ 381 г. На ряду с старыми патріаршествами (римским, александрійским, антіохійским и іерусалимским) было основано константинопольское патріаршество, причем епископу г. Константинополя, как епископу новаго Рима, было отведено 2-ое мѣсто. Правда, подобное рѣшеніе вопроса не удовлетворило ни константинопольскаго, ни римскаго епископов. Римскіе папы не мирились с тѣм, что константинопольскому епископу досталось высокое мѣсто в ряду др. патріархов и были рады и готовы воспользоваться всяким случаем и осложненіем для подрыва авторитета своих соперников. Между тѣм, так как константинопольская церковь должна была переживать острыя возбужденія религіозных вопросов, возникавших естественно в силу того, что в Константинополѣ сходились два культурно-философских теченія — восточное и западное, то папам удавалось неоднократно торжествовать свои тріумфы при рѣшеніи церковных вопросов. Восточныя провинціи, заселенныя племенами разных культур и происхожденія, каждое с рѣзко выраженной индивидуальностью, долгое время были мѣстом возникновенія и различнаго толкованія догматических теорій и направленій. Разумѣется, положеніе константинопольской каѳедры до чрезвычайности осложнялось тѣм, что представителям ея приходилось по каждому спорному вопросу высказываться ранѣе других и почти всегда в ту пору, когда было крайне трудно и даже часто невозможно опредѣлить ту точку зрѣнія, которая должна быть признана ортодоксальной. Положеніе константинопольскаго патріарха осложнялось еще неопредѣленностью границ его патріаршества и притязаніями папскаго престола. Авторитет константинопольской каѳедры был безспорен в предѣлах Азіатской и Понтійской діоцезы и во Ѳракіи, но провинціи Македонской діоцезы были спорны, ибо вся эта область в церковном отношеніи тянула к Риму и находилась в большой зависимости от папы. Поэтому соперни-

чество между константинопольским и римским епископами происходило не только на религіозно-политической почвѣ, но и по поводу территоріальных притязаній.

Во главѣ церковной организаціи Македонской діоцезы стоял архіепископ ѳессалоникійскій, который был таким образом митрополитом всей діоцезы. Когда Дакія и берега Дуная были утрачены, на этого же митрополита была перенесена высшая церковная власть над всѣми епископствами, которыя были в предѣлах Иллирійской діоцезы. До нѣкоторой степени каѳедра ѳессалоникійскаго митрополита была соперницей каѳедры константинопольскаго патріарха, ибо большая часть Балканскаго полуострова в церковном отношеніи находилась в управленіи этого митрополита. Под его властью состояли 4 греческих митрополіи: 1) ѳессалійская в гор. Ларисcѣ; 2) эпирская в городѣ Никополисѣ; 3) коринѳская (в Ахайѣ); 4) критская в городѣ Гортынѣ. Митрополит города Ѳессалоник всегда состоял в дѣятельных сношеніях с Римом и Миланом, а папа назначал его своим легатом для участія в засѣданіях вселенских соборов. Стремленія константинопольской каѳедры достигнуть отторженія Македонской діоцезы от Рима не имѣли успѣха в V вѣкѣ, так как при рѣшеніи тогдашних религіозных споров митрополит ѳессалоникійскій и его суффраганы были всегда ревностными сторонниками ортодоксіи, защищаемой в ту пору представителями римскаго епископскаго престола.

В V вѣкѣ вниманіе византійскаго правительства и общества особенно привлекали догматическіе споры по вопросу о природѣ Іисуса Христа, так называемые христологическіе вопросы. В значительной степени от разрѣшенія того или др. богословскаго вопроса зависѣл и ход византійской политики. Эти догматическіе споры возникли в связи с разрѣшеніем вопроса о том, как приличествует называть Дѣву Марію, а затѣм был поднят вопрос о том, одна или двѣ природы должны быть признаваемы в І. Х.

В 428 г. антіохійскій монах Несторій был избран на престол константинопольскаго патріарха. Помимо лиц, являвшихся претендентами на каѳедру, к Несторію недружелюбно относились александрійскій патріарх Кирилл и папа Целестин, который подозрѣвал Несторія в сочувствіи к пелагіанской ереси. Несторій скоро дал повод к возбужденію догматических споров. Один приближенный к Несторію священник Анастасій высказывался в проповѣди против наименованія Дѣвы Маріи Богородицею (Deipara, *Θεοτόκος*). Отвергая справедливость такого наименованія, он говорил, что Дѣва Марія, как мать І. Х. по человѣчеству, а не по божеству, должна быть названа человѣкородицею. Несторій отверг оба эти наименованія Дѣвы Маріи и предложил среднее наименованіе: Христородица. Народ и монахи в Константинополѣ возстали против этого ученія и подвергли оскорбленіям Несторія.

Послѣдній же провел свое ученіе на мѣстном соборѣ, а виновников в оскорбленіи приказал наказать. В защиту правовѣрія выступил александрійскій патріарх Кирилл, отправившій в 429 г. посланіе в Константинополь. Он склонил на свою сторону патріарха іерусалимскаго Ювеналія, епископа ефесскаго Мемнона, а при дворѣ заручился покровительством сестры императора Пульхеріи. Сторону же Несторія держали вліятельная тогда жена Өеодосія II Евдокія, антіохійскій патріарх Іоанн и сирійскіе епископы. Папа Целестин прислал императору письмо с требованіем сверженія Несторія в 10-дневный срок, а Кирилл александр. на мѣстном соборѣ провел 12 обличительных формул (анаөематизмы) против ученія Несторія, на которыя тот отвѣчал таким же количеством других формул. Для примиренія партій и успокоенія населенія имперіи Өеодосій рѣшил созвать собор в Ефесѣ в 431 г. Предсѣдателем собора император назначил личнаго друга Несторія и для охраны его отправил в Ефес часть императорской гвардіи. Императорскій уполномоченный и папскіе легаты запоздали на собор. Кирилл же александрійскій явился с толпой матросов, готовых поддерживать его догматику силою своих кулаков. Собор открылся в присутствіи 200 епископов. Ученіе Несторія было осуждено; он приговорен к низложенію, и формулы Кирилла были признаны правильным изложеніем вѣры. Папа вполнѣ присоединился к постановленіям собора. Однако, когда в Ефес прибыли уполномоченный императора и сирійскіе епископы, то они рѣшили открыть засѣданія собора вновь, под предсѣдательством патріарха Іоанна антіохійскаго. На этом втором соборѣ было рѣшено отлучить обоих епископов, Несторія константинопольскаго и Кирилла александрійскаго. Несторій подчинился рѣшенію собора и добровольно удалился в монастырь. При извѣстіи об этом отлученіи Кирилла в столицѣ в силу стараній Пульхеріи народ поднялся в защиту александрійскаго патріарха. Таким образом, Ефесскій собор не привел к умиротворенію, а еще больше усилил возбужденіе в странѣ. Император, подпадавшій под вліяніе то сестры, то жены, кончил тѣм, что рѣшил примирить враждующія партіи путем удаленія их вождей. Были объявлены низложенными Несторій, Кирилл и Мемнон Ефесскій. Находя невозможным через соборное рѣшеніе привести к соглашенію партіи, император поручил епископу города Кира (в Сиріи), извѣстному своею ученостью, Өеодориту составить среднее примирительное исповѣданіе вѣры, с признаніем Дѣвы Маріи Богородицей. Кирилл и Мемнон согласились подписать исповѣданіе Өеодорита, а потому остались на своих каөедрах. Іоанн же антіохійскій должен был подписать и отлученіе Несторія. Признанный главами компромисс не удовлетворил сторонников обѣих партій. Сирійскіе епископы стали обвинять Іоанна в измѣнѣ Несторію, а Іоанн отвѣчал низложеніем их. Кирилл едва возвра-

тился в Египет, как подвергся нападкам за свою уступчивость, а потому стал проявить еще большую ревность в защиту правовѣрія, проводя мысль об отлученіи глав антіохійской богословской школы. Попытка императора примирить религіозныя партіи была безуспѣшна и только способствовала возникновенію новой христіанской церкви. Гонимые ученые, придерживавшіеся несторіанскаго вѣроисповѣданія, основали в Низибисѣ (в Персіи) свою школу. Епископ Низибиса Ѳома успѣшно распространил ученіе Несторія в персидской церкви, но эта церковь на первых порах не порывала связи с Восточною церковью. Только в 499 г. на мѣстном соборѣ в Селевкіи персидская церковь объявила себя автокефальной и с этого времени стала называться несторіанскою или халдейскою церковью. Из Персіи несторіанство распространилось по всему востоку Азіи и проникло в Индію и Китай. Несторіанскія общины существовали и на островѣ Цейлонѣ.

Споры о наименованіи Дѣвы Маріи не замедлили породить еще болѣе ожесточенные догматическіе споры о природѣ Іисуса Христа.

Старый архимандрит Евтихій в Константинополѣ в проповѣдях и спорах неоднократно проводил ту мысль, что І. Х. послѣ вочеловѣченія имѣл только одну природу (*φυσις*), при чем он настойчиво утверждал, что тѣло І. Х. не было подобно человѣческому, а слѣдовательно и страданія Его не походили на страданія людей. Евтихіанство имѣло успѣх в Малой Азіи и Египтѣ. В пользу новаго ученія высказался преемник Кирилла александр. патріарх Діоскур и всячески стремился доставить ему всеобщее признаніе. Он склонил на свою сторону евнуха Хризафія и императрицу Евдокію. Против сирійских епископов и в частности против Ѳеодорита были приняты строгія мѣры: им был запрещен выѣзд из предѣлов епархій.

Епископ дорилейскій (в Фригіи) Евсевій жаловался на мѣстном соборѣ константинопольскому патріарху Флавіану на ученіе Евтихія. Вызванный патріархом к отвѣту Евтихій не пожелал отказаться от своего ученія, а потому был отлучен и низложен (448). Евтихій аппелировал, требуя рѣшенія вселенскаго собора, и одновременно обратился также к папѣ Льву. С своей стороны, патріарх Флавіан обратился к тому же папѣ. Папа Лев принял сторону Флавіана и в своем посланіи с полною ясностью развил ученіе о двух природах или естествах Іисуса Христа. Тогда император в 449 г. в Ефесѣ созвал собор, на котором предсѣдательствовал сторонник Евтихія Діоскор александрійскій. Засѣданія собора были бурныя, и ученіе о двух природах или естествах было отвергнуто. Когда же Евсевій дорилейскій выступил в защиту этого ученія, то египтяне неистово кричали; „Вон его! сжечь его! разорвать его на двѣ части подобно тому, как он раздѣляет І. Х.“ Флавіан, Евсевій и меньшинство собора рѣ-

шили обратиться за поддержкою к Западной церкви, но собор постановил отлучить их. Когда же болѣе умѣренные епископы умоляли Діоскора не настаивать на отлученіи, то послѣдній позвал солдат, которые явились в церковь, гдѣ происходили засѣданія, с цѣпями и обнаженными мечами. Флавіан был так избит, что скоро скончался, а Евсевій дорилейскій и римскіе легаты бѣжали. На послѣдующих засѣданіях собора, разумѣется, Евтихій был оправдан и возстановлен в своем санѣ. Одним словом, христологія Евтихія и Діоскора восторжествовала на Востокѣ. Монофизитство было признано правильным ученіем. Противники сначала молчали, пока первым не выступил в защиту ученія о двух естествах папа Лев I. В своем посланіи к императору он рѣшительно протестовал против рѣшеній Ефесскаго собора, называя его разбойничьим (latrocinium Ephesianum).

Между тѣм при дворѣ произошло событіе, которое ободрило сторонников ученія о двух естествах: Евдокія пала, и снова восторжествовало вліяніе сестры императора Пульхеріи. Тѣло Флавіана было торжественно перевезено в Константинополь и похоронено с почестями. Когда же послѣ смерти Өеодосія II сдѣлался императором Маркіан, супруг Пульхеріи, то для рѣшенія догматическаго спора и умиротворенія церкви был созван собор. В 451 г. вселенскій собор в Халкедонѣ признал низложенным Діоскора, который вмѣстѣ с 5 своими сообщниками был отправлен в ссылку. Остальные участники Ефесскаго собора были прощены, ибо сознались в своем монофизитском заблужденіи и осудили евтихіанизм. Посланія Кирилла александрійскаго против Несторія и посланіе папы Льва I были положены в основу Халкедонскаго исповѣданія вѣры. Главное постановленіе собора было выражено так: „Христос — истинный Бог и истинный человѣк, по Божеству извѣчно существующій и Отцу во всем подобный, по человѣчеству же Маріей Дѣвою и Богородицей во времени рожденный и тѣм во всем людям подобный, но только без грѣха, а по вочеловѣченію — единство о двух естествах, которыя соединены несмѣшанно и неизмѣнно, а также и недѣлимо и неразчленимо.“

На этом соборѣ также происходили бурныя сцены. Когда в залу засѣданій явился Өеодорит, то восточные епископы привѣтствовали его с ликованіем, а египтяне кричали: „Долой богохульника!“ Египетскіе епископы требовали, чтобы осуждено было не только ученіе, но и личность Несторія. Хотя этого они добились, не взирая на сказанную в извиненіе Несторія рѣчь Өеодорита, но все же отказались подписать рѣшенія собора: „Нас убьют, если мы это сдѣлаем“ — говорили они, свидѣтельствуя о том, как сильно восторжествовало в александрійской церкви монофизитское ученіе.

Постановленія Халкедонскаго собора не внесли успокоенія

в имперіи. В Египтѣ и Палестинѣ происходили споры и кровавыя столкновенія между враждующими религіозными партіями. Правительство же не всегда придерживалось одного направленія. Правда, преемник Маркіана Лев всегда проводил на епископскія каѳедры лиц, придерживавшихся постановленій Халкедонскаго собора. Партія монофизитов была все же настолько значительна и вліятельна, что с ея помощью бунтовщику и узурпатору Василиску удалось временно свергнуть имп. Зенона и занять престол. В 476 году Василиск издал энциклику (*ἐγκύκλιον*), в которой Халкедонское исповѣданіе вѣры и посланіе папы Льва были осуждены, а монофизитство было объявлено единственной государственной религіей. Торжество Василиска было непродолжительно: константинопольскій патріарх Акакій стал во главѣ недовольных. Василиск был свергнут, и Зенон возстановлен. Хотя император твердо придерживался Халкедонскаго исповѣданія, но в то же время сознавал необходимость сдѣлать уступки и монофизитам, ибо населеніе Палестины, Сиріи и Египта, приверженное к этому ученію, болѣе склонно было из-за религіозной ревности войти в дружескія сношенія с врагами Византіи, чѣм уступить в разрѣшеніи догматическаго вопроса.

Это обстоятельство не могло не побуждать императорское правительство держаться примирительной политики, пути которой были намѣчены патріархом Акакіем. Он вошел в соглашеніе с александр. патріархом, монофизитом Петром Монгом, при чем было выработано среднее исповѣданіе вѣры, опубликованное в формѣ императорскаго эдикта 482 года, извѣстнаго под именем „генотикона" (*ἑνοτικόν*). В этом актѣ были осуждены как несторіанство, так и евтихіанство, возобновлены формулы или анаѳематизмы Кирилла, а о Халкедонском соборѣ упомянуто мимоходом и в непочтительных выраженіях. Хотя этот акт до нѣкоторой степени успокоил Восток, но в Африкѣ и Италіи его встрѣтили крайне враждебно. Папа Феликс III даже прекратил сношенія с константинопольскою церковью. Так, возникло 1-ое раздѣленіе церквей или схизма, продолжавшаяся 35 лѣт (484—519 гг.). Преемник Зенона импер. Анастасій пытался сблизиться с Римом, но в Римѣ требовали осужденія Акакія и отмѣны генотикона. При этих переговорах папская курія принципіально высказалась против вмѣшательства свѣтской власти в дѣлѣ церкви. Папа Геласій в письмѣ к императору Анастасію по этому поводу высказывался так: „Из двух властей священническая выше, ибо священники в день суда обязаны дать отчет о царях. Тебѣ извѣстно, милостивый сын, что хотя ты превосходишь достоинством все остальное человѣчество, но и ты должен все-таки смиренно склонить главу свою перед тѣм, кто сообщает Божественную благодать в таинствах; в дѣлах церкви ты призван не повелѣвать, а повиноваться."

Византійское правительство продолжало держаться генотикона, так как сам император обнаружил склонность к монофизитству. Соглашеніе с Западом было еще невозможно и потому, что в это время на Востокѣ была введена литургическая новость. В пѣснопѣніе „Святой Боже“ была внесена монофизитская прибавка слов: „распятый за нас“. Патріарх Македоній, возражавшій против этого нововведенія, был низложен, а это вызвало среди населенія Константинополя, приверженнаго к ученію о двух естествах, крайнее раздраженіе и волненія. Начальник дунайской арміи Виталіан выступил на защиту Халкедонскаго исповѣданія, в надеждѣ занять мѣсто Анастасія. Возстаніе успѣха не имѣло: флот Виталіана был разбит, и войска его разсѣялись. Приверженцы ученія о двух естествах продолжали глухо волноваться, а особенно враждебно относилось к императору Анастасію населеніе столицы. Когда в 518 г. он умер, гвардія и населеніе высказались против возведенія кого-либо из его родных племянников на престол и провозгласили императором начальника гвардіи Юстина. В 1-ое воскресенье послѣ вступленія на престол Юстина собравшаяся в соборѣ толпа встрѣтила патріарха Іоанна восклицаніями: „Многая лѣта, императору! Анаѳема Северу! Отчего мы остаемся отлученными? Выбросить кости монофизитов! Кто не кричит — монофизит! Епископ! говори или иди вон из церкви! Провозгласи Халкедонское исповѣданіе! Император православный: нечего бояться! Многая лѣта новому Константину! Iustiane Auguste, tu vincas!“ Патріарх совершил торжественное богослуженіе в память отцов Халкедонскаго собора. Вскорѣ были возобновлены сношенія с Западом, а „генотикон“ был отмѣнен. Север Антіохійскій и монофизитскіе епископы были низложены и нашли убѣжище в Египтѣ, гдѣ монофизиты были особенно многочисленны и непоколебимо преданы этому ученію.

Императоры второго періода исторіи Византіи (518—717 гг.).

Главными источниками для этого періода являются сочиненія Прокопія, Агаѳія, Ѳеофилакта Симоката, отрывки Менандра, хронографія Іоанна Малалы, „пасхальная хроника“ неизвѣстнаго автора и произведенія Георгія Писидскаго. Юрист по образованію, уроженец Палестины, секретарь Велизарія, Прокопій справедливо считается лучшим писателем эпохи. Его перу принадлежат сочиненія, посвященныя царствованію Юстиніана: 1) „исторія в 8 книгах“, из которых двѣ книги посвящены изложенію войны с персами, двѣ книги о войнѣ с вандалами и три книги о войнѣ с готами; 2) Anecdota или тайная исторія“ (historia arcana) Юстиніана (лучшее изданіе проф. М. Крашенинникова, Юрьев

1899 г.); 3) De aedificiis — панегирик Юстиніану, богатое географическими, топографическими и финансовыми данными сочиненіе.

Поэт и историк Агаѳій в своем сочиненіи „О царствованіи Юстиніана“, обозрѣвая войны 552—558 гг., являлся продолжателем Прокопія, которому подражал по формѣ и изложенію. Менандр, подражавшій Агаѳію, излагал в своем историческом сочиненіи, от котораго сохранились лишь отрывки, событія 558—582 гг. Ниже всѣх этих писателей стоит Ѳеофилакт Симокат, уроженец Египта, императорскій секретарь и префект, современник Гераклія, автор „исторій“, изложившій событія царствованія императора Маврикія (582—602 гг.). Сочиненія Ѳеофилакта высоко цѣнились послѣдующими византійскими писателями и в том числѣ знаменитым Фотіем.

Наряду с сочиненіями этих знаменитых писателей заслуживают вниманія историка „хронографія“ Малалы и „пасхальная хроника“ неизвѣстнаго автора не только потому, что эти произведенія свидѣтельствуют об упадкѣ византійской исторіографіи, которая в теченіе цѣлаго ряда послѣдующих вѣков послѣ разцвѣта VI вѣка не выдвинула ни одного значительнаго писателя, но и потому, что упомянутыя „хронографія“ и „пасхальная хроника“, приспособленныя авторами для потребностей и вкуса мало образованнаго круга читателей, оказали большое вліяніе на позднѣйшую византійскую, восточную и славянскую анналистику.

Іоанн Малала, по происхожденію эллинизованный сиріец, современник императоров Анастасія, Юстина I, Юстиніана и Юстина II, написал свою „хронографію“ или всемірную хронику, типическій образец христіанско-византійской монашеской хроники, простонародным греческим языком. Не отличаясь сам особенной образованностью, писал он для того широкаго круга читателей из монахов и свѣтских людей, которые для полученія исторических свѣдѣній привыкли обращаться, как к надежным источникам, к разнаго рода легендам и народным сказаніям и черпают оттуда, „не мудрствуя лукаво“. В своей „хронографіи“, начиная с баснословной исторіи Египта, Малала доходит до конца царствованія Юстиніана Великаго, имѣя в виду главным образом исторію города Антіохіи и в послѣдней части сочиненія исторію Константинополя. Можно сказать, что его „хронографія“ — всемірная исторія, написанная в рамках городской хроники. При составленіи своего произведенія Малала пользовался сочиненіем Секста Юлія Африкана (автор хронологическаго труда, жившій в III в. по Р. Хр.), другими хронографами, городскими анналами Антіохіи и для времени от императора Зенона устными сообщеніями старших по возрасту современников. Сочиненіе Іоанна Малалы исполнено всякими извращеніями и смѣшными ошибками, но не взирая на дѣтскую наивность, вульгарно-простонародный тон изложенія и другія

недостатки его сочиненія, оно имѣло большой успѣх, удовлетворяя вкусам многочисленных читателей.

Составитель „пасхальной хроники“, современник императора Гераклія обозрѣвает „лѣтопись времен от Адама, первозданнаго человѣка“ до 627 года. Это произведеніе представляет собою хронологическое обозрѣніе, пополненное и изукрашенное историческими замѣтками. Составитель пользовался трудом Секста Африкана, библіей, сочиненіями Евсевія и Малалы, списками консулов, пасхальными таблицами Александрійскаго и Антіохійскаго патріаршеств, а о событіях конца царствованія Маврикія, царствованіи Ѳоки и первых 17 лѣт царствованія Гераклія он писал как современник. Составитель хроники опредѣлил 21 марта 5507 г. от сотворенія міра, как исходный пункт христіанскаго лѣтосчисленія. Эта византійская или римская эра, усвоенная нашим лѣтописаніем, осталась в употребленіи нашей Восточной церкви.

Георгій Писидскій, діакон св. Софіи, один из лучших поэтов византійских, прославил побѣды Гераклія в трех поэмах: в одной из них он описывал счастливыя войны Гераклія с персами, в другой нападеніе аваров на Константинополь в 628 году и их отраженіе, а в третьей, озаглавленной Heraklias, воспѣвая побѣду над Хозроем, прославляет Гераклія.

В теченіе этого 200-лѣтняго періода императорскій престол Византіи занимали двѣ династіи: дом Юстиніана Великаго и дом Гераклія. В первую половину періода имперія значительно раздвинула свои предѣлы, благодаря завоеваніям Юстиніана, а во вторую половину потеряла земли, расположенныя между Дунаем и Балканами, африканскія и почти всѣ азіатскія владѣнія. Из всѣх императоров этого времени наиболѣе выдвигался Юстиніан Великій, наслѣдовавшій престол послѣ своего дяди Юстина.

Уроженец Дарданіи, Юстин, поступив солдатом, сумѣл дослужиться до высших воинских почестей. До конца жизни он продолжал оставаться варваром. Цѣня, однако, образованіе, он позаботился о том, чтобы его племянник Юстиніан получил хорошее образованіе. В концѣ царствованія дяди Юстиніан принимал участіе в дѣлах, потом был назначен соправителем Юстина и по смерти его был признан императором.

Юстиніан (527—565) получил римское образованіе и считал себя римляниным. По-гречески он говорил с акцентом. Юстиніан старался войти в пониманіе тѣх дѣл, которыя ему докладывались, и во всѣх областях государственнаго управленія достигнуть чего-н. великаго. К людям вообще он относился холодно. Когда надобность в том или другом сотрудникѣ изсякала, он спокойно замѣнял его другим. Исключительное вліяніе на Юстиніана

имѣла лишь его жена Θеодора. Дочь надсмотрщика за звѣрями в циркѣ, она в молодости участвовала в представленіях и была извѣстна рядом скандальных исторій. Вліяніе Θеодоры на императора была иногда полезно. Так, напр., благодаря проявленной Θеодорой твердости Юстиніану удалось сохранить престол во время знаменитаго бунта, поднятаго цирковою партіей зеленых (в январѣ 532 года).

Войны, завоеванія и постройки императора привели к крайнему налоговому обремененію населенія. Когда по кончинѣ Юстиніана на престол вступил его племянник Юстин II (565—578), толпа народа, наполнявшая арену цирка, встрѣтила новаго императора воплем: „Сжалься над нами!“ и требовала облегченія налогов и выкупа плѣнных. Юстин далеко уступал в дарованіях дядѣ. Тѣ неудачи, которыя он испытывал в борьбѣ с аварами и славянами, побудили его усыновить и призвать в соправители начальника гвардіи Тиверія-Константина. Будучи 1-ым греком на престол Византіи и хорошим полководцем, он сумѣл остановить успѣхи персов на Востокѣ и, понимая трудность положенія имперіи, отказался от притязаній владѣть всею Италіей. За кончиной Тиберія (578—582) вступил на престол его зять Маврикій (482—608). Прекрасный стратег, он понимал, что неудачи Византіи проистекают вслѣдствіе паденія дисциплины в арміи и принимал мѣры к ея возстановленію. Маврикію даже приписывалось составленіе трактата о том, как слѣдует вести войну с аварами и славянами. Отказ Маврикія выкупить плѣнных, попавших к аварам, а равно его требовательность и строгость послужили поводом к возстанію дунайской арміи. Глава бунтовщиков Θока двинулся на Константинополь и захватил Маврикія с 5 его сыновьями. Благородный император и его сыновья были казнены, а престол занял бывшій центуріон ничтожный Θока(602—610). Жестокій и развратный, он вскорѣ возбудил всеобщую ненависть, которою и воспользовался сын экзарха Африки Гераклій. Прибыв с флотом в Константинополь, он почти не встрѣтил сопротивленія и был коронован императорской короной патріархом Сергіем. Θока пал жертвою народной ненависти: его зарѣзали.

Царствованіе Гераклія (610—641), основателя новой династіи, был ознаменовано как блестящими побѣдами, так и значительными потерями для имперіи. Гераклій по характеру и качествам был средній человѣк. Хорошій стратег и администратор, он отличался лѣнью и способен был проявлять дѣятельность порывами под вліяніем настойчивых нужд времени. Послѣ кончины жены Евдокіи император рѣшил жениться на племянницѣ Мартинѣ, дочери сестры. Такой брак, запрещаемый законами церкви, был осужден общественным мнѣніем. Женившись на племянницѣ, Гераклій отдавал предпочтеніе дѣтям от 2-го брака. Старшаго из сыновей от этого брака Гераклеона он провозгласил наслѣдником

престола и позаботился, чтобы это провозглашеніе было формально одобрено сенатом. Желая, однако, упрочить положеніе любимаго сына и дѣлая уступку общественному мнѣнію, Гераклій незадолго до кончины объявил своими наслѣдниками сына от перваго брака Константина II и Гераклеона, а управленіе государством поручил своей женѣ Мартинѣ. Населеніе столицы признало власть сыновей, но регентство Мартины был отвергнуто. В арміи были недовольны таким рѣшеніем вопроса о престолонаслѣдіи, считая Константина болѣе законным наслѣдником. Так как Константин, болѣзненный человѣк, не отличался характером, то приверженцы выдвигали вперед его сына Констанція. Когда же Константин внезапно скончался в маѣ 641 года, и прошел слух об отравѣ его мачехой, то войска провозгласили Констанція II (641—668) императором. Мартина и ея сыновья Гераклеон и Давид были отправлены в Родос, гдѣ всѣх их ослѣпили, а потом умертвили.

Констанцій был человѣк храбрый и энергичный, но недальновидный. Вопреки здравому смыслу, он, напр., мечтал перенести столицу государства на Запад и сдѣлать центром имперіи Италію и Африку. Этим объясняется его упорная и долговременная борьба с лонгобардами, занявшими Италію. Недальновидность Констанція сказывалась и в том, что он был сторонник моноѳелитства, упуская из виду то, что весь Запад держался противоположнаго направленія. В 668 г. Констанцій пал от руки убійцы. В лицѣ его сына Константина Погоната IV (668—685) вступил на престол Византіи послѣдній энергичный император из дома Гераклія. Он остановил успѣхи исламизма на Востокѣ и водворил в имперіи религіозный мир, отказавшись от покровительства моноѳелитству. Как холодный и разсчетливый государственный человѣк, он понимал безразсудство компромисов с еретическими религіозными ученіями, когда провинціи, гдѣ господствовали подобныя ученія, уже были потеряны для имперіи и сдѣлались добычей исламизма. По смерти Константина IV на престол вступил его сын Юстиніан II, который управлял государством с перерывом 10 лѣт (685—695 и 705—711 гг.). Юстиніан занял престол в возрастѣ 16 лѣт. Как человѣк мало выдержанный, жестокій, совершенно не понимавшій государственных дѣл, он возстановил против себя населеніе, аристократію и патріарха Каллиника. Юстиніан был свергнут; ему урѣзали нос (отсюда его прозваніе Ринотмет) и сослали в Херсонес Таврическій, откуда он бѣжал к хозарам. Провозглашенный в циркѣ Леонтій (695—698) должен был уступить престол в силу бунта флота на Критѣ друнгарію или адмиралу Апсимару, который сдѣлавшись императором принял имя Тиверія III (698—705). Между тѣм бѣжавшій из Херсонеса Юстиніан не оставлял надежды возвратить себя утраченный трон. Сначала он полагал найти поддержку у хозар, на дочери хана которых женился, но когда Тиверій начал

переговоры о выдачѣ бѣглеца, то бѣжал к повелителю болгар хану Тервелу, преемнику Аспаруха. Склонив на свою сторону Тервела, Юстиніан с помощью болгар вторично занял престол Византіи. В благодарность за помощь Тервел был награжден титулом цезаря. Патріарх Каллиник был ослѣплен и сослан в Рим. Соперники Юстиніана Леонтій и Апсимар-Тиверій подвергались поруганію на улицах и в циркѣ, а потом были казнены. Стоя в циркѣ ногами на шеях своих поверженных предшественников, Юстиніан торжествовал при криках толпы: „Ты стоишь на аспидѣ и василискѣ и попираешь ногами дракона и льва!" За этими казнями послѣдовали другія. Жестокость потерявшаго здравый смысл тирана не знала удержу. Под вліяніем мстительности Юстиніан в 710 г. приказал перебить всѣх знатных граждан города Равенны. Эта жестокость окончательно подорвала на Западѣ сочувствіе к византійскому правительству. Такая же печальная участь готовилась и жителям Херсонеса, но гарнизон при поддержкѣ хозар провозгласил императором Филиппина Вардана (711—713), который овладѣл столицей. Юстиніан искал убѣжища в Синопѣ, гдѣ был убит спаѳаріем Еліасом. Малолѣтній сын Юстиніана был умертвлен в Константинополѣ. Филиппик был неспособный правитель и сторонник моноѳелитства. В день Троицы 713 г. вспыхнул бунт в области Опсикіон. Провозглашенный императором Артемій, с именем Анастасія II (713—715), возстановил ортодоксію и стремился ввести дисциплину в арміи. Когда он приказал флоту собраться к острову Родосу, то войска двинулись на столицу. Императором был провозглашен незначительный провинціальный человѣк Ѳеодосій III (715—717), но его власти не признали Лев, бывшій правителем Анатоліи, и его друг Артавазд, правитель Арменіи. Лев двинулся на столицу. Ѳеодосій открыл переговоры и добровольно отказался от власти, а в мартѣ 717 г. вступил на престол Лев III, основатель исаврійской династіи.

Борьба имперіи с болгарами, аварами и славянами.

Шестое и седьмое столѣтія ознаменованы упорной борьбой имперіи с сѣверными варварскими народами. Эта борьба заслуживает вниманія, потому что она привела к созданію новых государств на Балканском полуостровѣ. Так как, с другой стороны, в это же время Византія должна была вести упорную борьбу с персидской монархіей Сассанидов, а потом с такими опасными противниками, какими были послѣдователи Магомета, завоевавшіе в теченіе короткаго времени почти всѣ побережныя страны Средиземнаго моря в Азіи и Африкѣ, то внѣшняя исторія Византіи этого періода имѣет глубокій всемірно-историческій смысл и значеніе.

Борьба с сѣверными врагами (болгарами, аварами, славянами) происходила на берегах Дуная и клонилась к захвату свободных земель на Балканском полуостровѣ.

Древнѣйшія извѣстія о славянах встрѣчаются у византійских писателей. Эта борьба на сѣверѣ Византіи является вступительной главой общей славянской исторіи. Как и можно было ожидать, послѣ ухода остготов Паннонія и Дакія привлекали вниманіе варваров. Первыми двинулись сюда болгары. По свидѣтельству Іоанна Антіохійскаго, император Зенон в 472 году обращался к болгарам с просьбою о помощи против остготов. Нападеніе болгар было тогда побѣдоносно отражено Теодорихом Великим: вождь или хан болгар Бус пал в битвѣ. Только, когда придунайскія области были очищены остготами, туда устремились болгары и заняли их своими кочевьями.

Храброе и дикое племя туранскаго происхожденія, болгары около середины V вѣка с женами и дѣтьми покинули берега Волги с намѣреніем искать новых жилищ на плодородном югѣ. Часть же народа осталась на Волгѣ, перекочевав к сѣверу, и здѣсь удержалась вплоть до X вѣка под управленіем своих ханов. Двинувшіеся на юго-запад болгары проходили по землям, которыя были заселены славянскими племенами. Покорив славян, болгары подверглись их вліянію и усвоили болѣе высокую славянскую культуру. Поселившись на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, болгары стали нападать на области Византіи, вторгаясь в Мизію и Ѳракію. Первое нападеніе болгар на Византію произошло въ 493 году, а с 499 года подобные набѣги болгары повторяли ежегодно, опустошая Верхнюю и Нижнюю Мизію и Ѳракія и не встрѣчая сильнаго отпора со стороны византійских военачальников. (Верхняя Мизія — Сербія, нижняя Мизія — Болгарія, а южная часть теперешней Сербіи в ту пору называлась Дарданіей). В 502 году болгары подходили даже к самой столицѣ. Правительство бездѣйствовало или ограничивалось полумѣрами: для противодѣйствія грозным сосѣдям Анастасій приказал набрать отряд войска из варваров, живших во Ѳракіи, а для защиты столицы в 512 году соорудил „длинныя стѣны“, которыя проходили на разстояніи 280 стадій от берега Пропонтиды до берега Чернаго моря, от Селимвріи до Деркона. Разумѣется, при таких условіях болгары продолжали опустошать области имперіи. В 517 г. они разорили Македонію, Эпир, Ѳессалію и дошли до Ѳермопил. Префект Иллиріи для выкупа плѣнных должен был уплатить болгарам 1000 фунт. золота. При Юстинѣ положеніе дѣл нѣсколько улучшилось, так как начальник дунайской арміи Виталіан имѣл успѣхи и сдерживал болгар, но когда в 520 году был убит этот бывшій бунтовщик прежняго царствованія, то нападенія болгар возобновились с прежней силой. То же самое было и в началѣ царствованія Юстиніана Великаго, так как все вни-

маніе правительства было направлено на Запад, а сѣверныя области предоставлены собственной участи. По словам Прокопія, (Anecdota, c. 18) болгары, которых он называет гуннами, вмѣстѣ с склавинами (западными славянами) и антами (восточными славянами) ежегодно опустошали всѣ земли от Іоническаго моря вплоть до столицы и превратили их в скиѳскую пустыню, так как при каждом своем появленіи убивали и уводили в плѣн по 200 тыс. людей. Мало того, эти славяне стали поселяться в разоренных областях, строя свои легкія хижины.

Наконец, в 530 году правительство признало необходимым приступить к укрѣпленію берегов Дуная цѣлым рядом новых и возобновленных крѣпостей: укрѣпленная линія была проведена через Дарданію и Мизію и соединяла города Ульпіану, Герману и Сардику. Кромѣ того, в 531 году был послан с войсками полководец Хилибуд, который в теченіе 3-х лѣт удерживал от перехода через Дунай болгар и неоднократно преслѣдовал их и на другой сторонѣ Дуная. Когда же в 534 г. Хилибуд пал во время одного из таких походов, окруженный превосходными силами врагов, войско его разошлось, и Дунай снова стал открытым, то набѣги болгар возобновились с новой силой. Особенно большому успѣху варваров помѣшали какіе-то внутренніе раздоры. Хотя Прокопій говорит, что произошли столкновенія между антами и склавинами, но, может быть, это извѣстіе слѣдует понимать так, что славяне в это время сдѣлали неудачную попытку добиться полной независимости от болгар. В 540 году болгары вмѣстѣ со славянами достигли особенно значительных успѣхов. Они опустошили Ѳракію, Мизію и Иллирію, овладѣли 32 укрѣпленіями, взяли Кассандрію и увели 120 тыс. плѣнных. Прорвавшись через Анастасіевскую стѣну, часть болгар и славян перешла в Малую Азію, а другая, проникнув через Ѳермопилы, опустошила всю древнюю Грецію, дойдя до Коринѳскаго перешейка.

Тогда Юстиніан Великій обратил особое вниманіе на укрѣпленія. Так, прежде всего был укрѣплен Коринѳскій перешеек, а затѣм, в дополненіе к стратегической линіи, построенной в 530 году, были проведены двѣ новыя. Первая из них шла по правому берегу Дуная, а другая была проведена от берега Адріатическаго моря через новый Эпир, Македонію, Ѳракію вплоть до соединенія с Анастасьевской стѣной. Прокопій в сочиненіи о постройках сообщает, что во Ѳракіи в эту пору было построено 181, а в Македоніи, Дарданіи, Иллиріи, Эпирѣ и Ѳессаліи 382 укрѣпленія. Кромѣ того, были возобновлены стѣны Платеи, Ѳив, Аѳин и Мегары, и укрѣплен Ѳермопильскій проход. Эти мѣры по укрѣпленію окраин имперіи потребовали чрезвычайных расходов, которые окончательно разорили населеніе тѣм болѣе, что

в 541—544 гг. господствовала чума, унесшая почти половину населенія, и происходили наводненія и землетрясенія.

С 546 года в теченіе послѣдующих 12 лѣт нападенія на сѣверныя области Византіи совершают славяне уже самостоятельно. В 546 году они опустошали Ѳракію, а в 548 году — Иллирію. Три года спустя они уничтожили много укрѣпленій во Ѳракіи и Иллиріи и доходили до Ѳессалоник. С 553 года славяне дѣйствуют как союзники остготскаго короля Тотилы, который был тѣсним военачальниками Юстиніана в Италіи. Успѣхам славян способствовало то обстоятельство, что лучшія византійскія войска и военачальники дѣйствовали в Италіи, а в придунайских областях военныя силы состояли под начальством престарѣлых евнухов; в войсках была плохая дисциплина и обнаруживалось полное незнаніе военнаго дѣла. Зимою 558 года славяне вмѣстѣ с болгарами опустошили Ѳракію, прорвались за Анастасьевскую стѣну и угрожали самой столицѣ, которая спасена была только Велизаріем, успѣвшим собрать ветеранов.

В концѣ царствованія Юстиніана появляется новый враг в лицѣ аваров. Будучи финско-уральскаго происхожденія, этот народ, проживая в Средней Азіи, около Каспійскаго моря, смѣшался и сроднился с турками. Изгнанные отсюда турецким султаном Дазабулом, авары в 552 году появляются на восточном берегу Киммерійскаго Босфора, около теперешняго города Керчи. Скоро они завязали сношенія с Византіей. В 558 году их посольство находилось в Константинополѣ одновременно с посольством от турок. Аварскіе послы говорили императору, что авары самый храбрый народ в мірѣ, а турецкіе послы опровергали это. Тѣм не менѣе Юстиніан одарил аварских послов золотыми цѣпями и другими подарками, побуждая их выступить против славян. Первоначально авары напали на тюрингов и франков, но скоро обратили свое оружіе против Византіи. В 562 году они вторгнулись во Ѳракію и их вождь Баян потребовал отведенія земель для поселенія, подарков и оружія. Император Юстиніан указал им на Паннонію, занятую тогда герулами и гепидами, даже хотѣл выдать оружіе, но сенат воспротивился этому намѣренію императора. Отказ возбудил негодованіе среди аваров, но не умѣрил их требованій. Как только вступил на престол Юстин II, явились послы аварскаго хана Баяна и потребовали уступки города Сирміума (на Савѣ) и дани, платимой нѣкогда гуннам. Император рѣшительно отказал, а послов отослал под стражею в Халкедон, гдѣ их продержали около 6 мѣсяцев, а потом отослали без всяких даров на родину. Твердость правительства подѣйствовала, и авары не рѣшились напасть на имперію, оставив ее на нѣсколько лѣт в покоѣ. В союзѣ с лонгобардами они в 566 году уничтожили государство герулов, а когда их союзники лонгобарды под начальством Альбоина двинулись в Италію, они заняли Дакію и Паннонію (в

568 г.). Сдѣлавшись ближайшими сосѣдями Византіи, авары стали систематически громить ея сѣверныя области. В 570 году, переправившись через Дунай, авары разбили войско Тиверія-Константина и опустошили всю Өракію. Обязательство уплачивать ежегодно по 80 тыс. золотых привело к заключенію мира и союза с аварами.

Этот союз был необходим для Византіи, так как ее продолжали тревожить славяне. В 577 году славяне опустошили всю Элладу, өракійскіе и македонскіе берега и взяли много городов. По словам Іоанна Эфесскаго, писавшаго около 584 года, славяне „овладѣли страною и жили в ней свободно, как в собственной. Это продолжалось 4 года, пока император воевал с персами. Они свободно распоряжались в странѣ, пока Бог не изгнал их. Их набѣги доходили до внѣшних стѣн, и всѣ императорскія стада сдѣлались их добычей. . . Доселѣ они сидят и живут в римских провинціях без страха и опасенія, опустошая, убивая и сжигая; они сдѣлались богаты, владѣют золотом и серебром, стадами и конями и обиліем оружія; они научились вести войну лучше, чѣм ромеи". Это сообщеніе Іоанна Эфесскаго подтверждается свидѣтельством Менандра. Тѣснимый славянами префект Иллиріи Іоанн обратился с просьбою о помощи к Баяну. Аварскій хан вступил в земли славян и потребовал покорности, но, по приказу их князя Давренція или Доврата, аварскіе послы были казнены. Баян опустошил всѣ поля и села славян, которые искали убѣжища в горах и лѣсах.

К счастью для славян, скоро произошел разрыв союзных отношеній между Византіей и аварами. В 579 г. аварскій хан Баян под предлогам войны со славянами стал вооружаться и занялся постройкой моста через Дунай. Очень скоро не замедлили произойти осложненія, вызванныя тѣм, что аварскіе послы, отправленные в Византію, были убиты славянами. Это убійство аварскій хан поставил в вину византійцам и потребовал от них уступки Сирміума. Получив отказ, он послал свои дикія орды на Византію. Өракія и часть Греціи были опустошены аварами, а славяне ворвались в Иллирію. Попытка подать помощь осажденному Сирміуму не удалось, и этот важный стратегическій пункт на сѣверѣ имперіи перешел в руки варваров. Правда, послѣдніе не долго им владѣли: в 582 году город был уничтожен пожаром, который совпал со вступленіем на престол Маврикія.

Это царствованіе ознаменовано рѣзким поворотом в судьбах Византіи. С этого времени начинается постепенное усиленіе эллинских элементов в общественной и государственной жизни Византіи, что может быть объяснено неудачами внѣшней политики. Жители сѣверных областей имперіи, постоянно разоряемых варварами, стали переселяться в болѣе безопасную Өракію и Константинополь, уступая свои мѣста для поселенія славян. Состав

населенія Балканскаго полуострова стал рѣзко измѣняться с того же времени, но не эта опасность тревожила правительство, а продолжавшійся натиск аваров. В 583 году хан Баян требовал прибавки 20 тыс. золотых к ежегодной дани. Император Маврикій отказал, и авары завоевали Сингидон, Августу, Виминаціум и стали неистово опустошать всю окрестную страну. Мало того, хан Баян подбил к нападенію князя славян Ардагаста, который ворвался во Ѳракію и проник до „длинных стѣн". В 586 году авары овладѣли всѣми городами, расположенными вдоль берега Дуная, и перенесли военныя дѣйствія в слѣдующем году во Ѳракію. Однако, дальнѣйшіе их успѣхи были остановлены благодаря побѣдѣ византійцев при Адріанополѣ.

Счастіе стало измѣнять аварам и улыбаться Византіи. Франки завязали переговоры с Маврикіем о совмѣстных военных дѣйствіях против аваров. Не смотря на союз со славянским князем Ардагастом и частичные успѣхи аваров, Византія переходит от обороны к наступленію. Полководец Приск, перейдя через Дунай, напал на славян и возвратился с богатою добычею, а его преемник Петр разбил при Маркіонополѣ Ардагаста, который пал в битвѣ. В 598 году Приск выгнал аваров из Сингидона и возобновил его укрѣпленія. Впрочем, этим и ограничились успѣхи византійскаго оружія. В 600 году Баян вторгнулся во Ѳракію и поступил к самой столицѣ. Населеніе столицы в ужасѣ думало искать спасеніе в бѣгствѣ в Халкедон, но было остановлено твердостью императора и увѣщаніями духовенства. Господствовавшая в столицѣ чума оказалась союзницей Византіи. Болѣзнь стала распространяться в лагерѣ врагов, гдѣ жертвою ея пали сыновья Баяна. Он снял осаду, а Маврикій согласился на прибавку к ежегодной дани 20 тыс. золотых, и рѣка Дунай была признана границей имперіи. Одним из условій заключеннаго мира было позволеніе переходить через Дунай войскам императора для нападенія на славян. Так как эти походы были очень утомительны и опасны, то дунайская армія глухо волновалась, и там подготовлялось возстаніе против императора. Хотя главный начальник арміи вообще бездѣйствовал, но один из его подчиненных Гудуин, перейдя через Дунай, перебил много славян. Намѣреніе его зимовать за Дунаем для окончанія предпринятаго похода вызвало возмущеніе солдат. Убив Гудуина, они провозгласили императором центуріона Ѳоку, который склонил на свою сторону дунайскую армію и двинулся с нею на столицу. Населеніе взбунтовалось. Император, пытавшійся было сначала защищаться, а потом бѣжать из столицы, был схвачен и казнен вмѣстѣ со своими сыновьями. 23-го ноября 602 года Ѳока короновался императорской короной. Царствованіе этого ничтожнаго человѣка было сплошь несчастливой порой, так как он был жестокій человѣк, неумѣлый правитель и плохой полководец. Персы не

только тѣснили восточныя провинціи, но прорывались отдѣльными отрядами вплоть до Халкедона. Авары и славяне также не замедлили воспользоваться благопріятными для них обстоятельствами; в 604 году дань была еще болѣе повышена. Хотя в скудных источниках того времени не встрѣчается извѣстій о борьбѣ с аварами и славянами, но представляется весьма правдоподобным мнѣніе Фальмерайера, что в эту пору произошло полное исчезновеніе эллинскаго населенія в сѣверных областях.

Первые годы царствованія императора Гераклія были не менѣе тяжелыми для имперіи. В 619 году авары подошли к самой столицѣ, сожгли окрестныя села и увели 70,000 плѣнных. Слѣдствіем этого похода было повышеніе дани, которая теперь дошла до 200 тыс. золотых. Кромѣ того, были даны богатые подарки и заложники. Так как Гераклій собирался выступить против персов, то он всѣми мѣрами старался сдѣлать аваров нейтральными. Баян был назначен опекуном наслѣдника престола. Но когда Гераклій перешел на азіатскій берег, аварскій хан 29 іюня 626 г. подступил к столицѣ и принялся осаждать ее с суши и моря. В эту тяжелую для Византіи годину пришло в стан аваров извѣстіе, что хозары заключили с Византіей союз и напали на земли славян. Первыми покинули стан аваров славяне, поспѣшившіе на защиту своих жилищ, за ними ушли и авары, в надеждѣ скоро вернуться и закончить осаду столицы. Но это было послѣднее блестящее выступленіе аваров. Гераклій возвратился из похода на персов побѣдителем и нашел союзников в лицѣ вождя болгар Куврата, который в 635 г. был сдѣлан патриціем. Соединенными силами болгар и славян авары были отброшены в Паннонію. Здѣсь их государство было уничтожено войсками Карла Великаго за союз с баварским герцогом Тассилоном, а жалкіе остатки их впослѣдствіи слились с пришедшими в IX вѣкѣ из Азіи уграми или мадьярами, которые заняли Паннонію и навсегда оставались в ней.

С этого времени снова выдвигаются болгары и становятся постоянными сосѣдями Византіи. За сто лѣт, протекших со времени их нашествій при Юстиніанѣ Великом, этот народ, живя на одной территоріи со славянами и раздѣляя с ними одну судьбу, т. е. состоя то в зависимости от аваров, то дѣйствуя независимо от них, а иногда ведя борьбу с ними, все болѣе и болѣе становился славянским, заимствуя у славян их быт, нравы и язык. Поэтому, неудивительно, что у болгар как и у славян, отличавшихся особенной склонностью к осѣдлой и земледѣльческой жизни, проявилось неудержимое стремленіе к овладѣнію землями, лежащими к сѣверу от Балканских гор.

Нападенія на сѣверныя провинціи имперіи гуннов, готов, болгар, аваров и славян привели к тому, что сѣверная полоса Балканскаго полуострова была почти лишена постояннаго насе-

ленія, укрѣпленія снесены, города лежали в развалинах, а культурное эллинское населеніе бѣжало во Ѳракію. На расчищенной таким образом территоріи не замедлили возникнуть славянскія государства. В царствованіе Гераклія большое славянское племя хорватов, покинув Карпаты, заняло своими поселеніями Далмацію, а родственные хорватам сербы поселились в опустѣлых землях Илліріи и южной Панноніи. Византійцы удержали лишь побережье с городами Рагузой, Сполато, Зарой и острова. Свѣдѣнія о политическом бытѣ, жупаніях и управленіи этих славян сообщает писатель X вѣка император Константин IX Порфирородный в своем сочиненіи De administrando imperio (гл. 29—36 см. Боннское изд., т. III, p. 136—164).

Поселившіяся в Македоніи и Ѳессаліи мелкія славянскія племена (драгувиты, загудаты, велезичи, верзиты, струмяне, ваюниты, рунхины) также стремились к самостоятельности и многократно осаждали город Ѳессалоники, а равно занимались морским грабежом. Эти славянскія поселенія или склавиніи не успѣли сложиться в плотное политическое цѣлое, потому что императором Констанціем II (641—668) всѣ эти славянскія общины были подчинены Византіи и обязались платить дань. Поход Констанція не уничтожил склавиній. Впослѣдствіи против них предпринимал поход Юстиніан II и цѣлую массу славян переселил на азіатскій берег Геллеспонта и область Опсикіон.

Тогда же возникло болгарское государство. Под начальством своего хана Исперика или Аспаруха болгары в 679 году перешли Дунай, заняли Мизію и взяли приморскій город Варну. Император Константин IV Погонат выступил в поход, но в Месемвріи внезапно заболѣл и слег в постель. По миру, заключенному с болгарами, им была продоставлена вся страна, расположенная между Дунаем и Балканскими горами. Это новое славянское государство, основанное болгарами, стало особенно опасным сосѣдом имперіи, постоянно вмѣшиваясь в ея дѣла и политику. В 705 г. преемник Исперика хан Тервел за содѣйствіе Юстиніану II в дѣлѣ возстановленія его на престолѣ получил в награду от императора Загорье, т. е. ту часть Ѳракіи, которая была расположена на склонѣ Балканскаго хребта.

Войны Византіи с персами.

Успѣху борьбы славян с Византіей способствовало то обстоятельство, что имперія должна была защищать свои владѣнія не только на сѣверѣ, но и на востокѣ. Здѣсь опасным врагом Византіи было персидское государство, которое являлось прямым наслѣдником тѣх пароян, с которыми не всегда счастливо боролись римскіе легіоны. Во главѣ ново-персидскаго государства

стояла фамилія Сассанидов. Уже в III в. это государство окончательно сформировалось и являлось грозою для Римской имперіи. Непріязненныя отношенія между двумя государствами в значительной степени обусловливались религіозными и политическими причинами. Персидская религія Авесты, основанная на вѣрѣ в существованіе и борьбу двух начал (добраго и злого), с присоединеніем культа поклоненія огню, была прямой противоположностью христіанству. С другой стороны, монархія Сассанидов стремилась к завоеванію всей передней Азіи и к возстановленію могущества древняго персидскаго государства Ахеменидов.

Современник Юстиніана Великаго шах Хозрой I Ануширван (531—579) был один из наиболѣе талантливых правителей. Первое время Юстиніан, занятый своими войнами на Западѣ, поддерживал мир только подарками и денежными выдачами. Зная о затрудненіях Юстиніана и подбиваемый остготами, Хозрой I начал войну довольно успѣшно: вся Сирія была опустошена, и взята Антіохія. Против персов был послан Велизарій, лучшій византійскій полководец того времени, но так как в его распоряженіи находилось мало войск, то он не достиг никаких успѣхов и был отозван. Война продолжалась с перемѣнным счастьем. В этой войнѣ двух сосѣдних монархій впервые принимают участіе арабскіе князьки, из которых одни дѣйствуют в союзѣ с Византіей, а другіе являются союзниками персов. Только в 545 г. был заключен мир на условіях сохраненія каждой стороной своих владѣній и уплаты Византіей ежегодных денежных сумм. Этот договор был возобновлен в 551 году с продолженіем его на 9 лѣт. Поводом ранѣе срока начавшейся войны был спор из-за обладанія Лазистаном (древняя Колхида). На этот раз военныя дѣйствія были благопріятны для Византіи, и в 562 году был заключен на 50 лѣт мир, по условіям котораго Лазистан остался за Византіей. В 571 г. военныя дѣйствія возобновились вслѣдствіе заступничества Византіи за армян, которые по религіозным побужденіям возстали против персов. Как христіане, армяне обратились с просьбою о помощи к Византіи. Одновременно вспыхнуло возстаніе и в Иверіи. Началась новая война, продолжавшаяся с 571 в теченіе 20 лѣт, прерываясь мирными переговорами. Персы вторгались в Сирію и Каппадокію, опустошая ее, а византійцы стремились овладѣть Арменіей, которая переходила из рук в руки. Когда умер Хозрой, то его преемник Гормизд продолжал войну, но при Константинѣ персы были разбиты на голову (581 г.). Все же война продолжалась с перемѣнным успѣхом, пока персидскій полководец Баграм Тшобин не поднял возстанія: шах Гормизд был убит, а его сын Хозрой II Парвез бѣжал под защиту императора Маврикія. Послѣдній, отправившись в поход, возстановил на тронѣ Хозроя II в 591 году и заключил мир, по которому большая часть персидской Арменіи отошла во владѣніе Византіи.

Когда же Маврикій был свергнут Ѳокою, то Хозрой рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами в свою пользу тѣм болѣе, что военачальник византійскій Нарзес поднял возстаніе против Ѳоки. Правда, Нарзес, бывшій до того грозою для персов, скоро погиб, положившись на обѣщанія вѣроломнаго племянника Ѳоки, но Хозрой II продолжал войну с большим успѣхом. Сирія и Мессопотамія были захвачены, а в 608 году персы проникли до Халкедона, перейдя всю Малую Азію. Низложеніе и смерть Ѳоки, против котораго мстителем выставлял себя Хозрой II за своего благодѣтеля и „отца“ Маврикія, не пріостановили войны. Персы, перейдя Евфрат, разбили византійцев и овладѣли в 611 г. Антіохіей и Капподокійской Кесаріей, в 613 году — Дамаском, а в слѣдующем году взяли и сожгли Іерусалим. Патріарх Захарій и жители города были отправлены в Персію, а святыня христіанская „животворящій крест“ был отправлен в Крезифон. В 619 году персы овладѣли Египтом и Александріей. Император Гераклій собирался бросить Константинополь и спасаться в Африкѣ, но был удержан патріархом Сергіем. Несчастія и бѣдствія имперіи пробудили патріотизм и бодрость императора и населенія. Набрав и обучив армію, Гераклій весною 622 года двинулся в поход. Он уже достиг предѣлов Персіи, но должен был возвратиться обратно, получив извѣстіе о нападеніи аваров. Болѣе успѣшный был поход 624 года. Император побѣдоносно прошел всю Арменію, разоряя храмы огнепоклонников, но движенія войск персидских полководцев Шарбараза и Шагина помѣшали ему проникнуть в Персію. Привлекши на свою сторону иверійцев (грузин), абхазцев и других кавказских горцев и пополнив ими свою армію, император в 625 году разбил Шарбараза и через Сирію возвратился в Малую Азію. В слѣдующем году Гераклію удалось заручиться союзом с хозарами, которые должы были нападеніем на славян и аваров отвлечь этих врагов от сѣверных областей имперіи и таким образом дать возможность с успѣхом продолжать войну против Персіи. В 627 году Персіи был нанесен рѣшительный удар. Главныя силы персов были разбиты при Ниневіи, захвачены и разорены крѣпости, и освобождена масса попавших в плѣн христіан. Движеніе на Ктезифон, столицу государства, не удалось, потому что персы уничтожили всѣ мосты на рѣках. Через горную Мидію побѣдоносное войско византійское возвратилось в столицу, проходя Малую Азію. В эту пору пришло извѣстіе о том, что Хозрой II низложен Шарбаразом. Сын и преемник Хозроя поспѣшил заключить мир, по которому Византія получил обратно всѣ свои владѣнія и удержала Арменію. „Животворящее древо“ было возвращено обратно в Іерусалим (14 сент. 629 г.).

Исламизм и его происхожденіе.

В то время, когда Персія, ослабленная войнами и дворцовыми переворотами, не могла болѣе угрожать восточным областям Византіи, на востокѣ появился новый грозный враг в лицѣ послѣдователей Магомета. Объединенные его ученіем (исламом), арабы в короткое время основали на Востокѣ обширное государство и отняли от Византіи всѣ ея африканскія владѣнія и большую часть азіатских.

Борьба с магометанством или исламизмом со времени его возникновенія стала исторической задачею Византіи, почти 8 вѣков стоявшей на стражѣ христіанской культуры. С другой стороны, грозное выступленіе исламизма в VII вѣкѣ способствовало основанію славянских государств на Балканском полуостровѣ. Помимо всего этого, исламизм имѣет всемірно историческое значеніе уже по одному тому, что свыше 200 мил. людей донынѣ исповѣдывает это религіозное ученіе.

Большая часть источников по исторіи исламизма написана на арабском языкѣ и доступна лишь оріенталистам. Однако, нѣкоторые и наиболѣе важные источники переведены на европейскіе языки. В числѣ таких можно указать: Tabari, Chronique (traduction Zottenberg), Paris 1867—1874, 4 vol in-8; Ibn Khaldoun, Histoire des Berbères (traduction de Slane), 1852—1856, 4 vol; Aboulféda, Vie de Mahomet (traduction Desvergers) 1837. Важнѣйшим источником, однако, является коран, переведенный на всѣ европейскіе языки. На русском языкѣ имѣется перевод Николаева (Москва 1876), не отличающійся достовѣрностью, так как сдѣлан с французскаго перевода, и перевод Саблукова (Казань 1878), сдѣланный с подлинника. В дополненіе к своему переводу Саблуков издал: „Приложенія“ (вып. 1, 1879) и „Свѣдѣнія о Коранѣ“ (1879.). Богатый по своей цѣнности и обработкѣ матеріал для изученія исторіи исламизма по непосредственным источникам представляет „Миссіонерскій Сборник“, издаваемый в Казани (за 1873—1888 г. вышло свыше 20 томов).

По литературѣ предмета, кромѣ общих сочиненій Ренана и Бартелеми Сент-Илера (Mahomet et le Coran, Paris 1865, in-8), заслуживают вниманія труды Г. Вейля (Mahomed der Prophet 1843; Geschichte der Khalifen, 1846—62, 5 vol.), В. Мьюра (The life of Mahomet; Annals of the early caliphate, 1883; The caliphate, its rise, decine and fall, 1892), Авг. Мюллера (Der Islam im Morgen und Abendland в коллекціи Онкена, Berlin 1885—1886), А. Кремера (Curturgeschichte der Orients unter den Chalifen, Berlin 1875—77) и Дози (Essai sur l'histoire de l'islamisme, Paris 1879).

Из русских сочиненій заслуживает особеннаго вниманія труд М. А. Машанова, „Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда,

как введеніе к изученію Ислама", ч. I, 1885 г., а равно можно указать очерк проф. Петрова „Мохаммед. Происхожденіе ислама" в его „Очерках из всемірной исторіи", и сочиненіе А. Крымскаго „Исторія мусульманства", 2 ч., Москва 1902. Вообще русская литература по исторіи исламизма довольна значительна (работы Розена, Саблукова, Казем-Бека, Леопольдова, Остроумова, Ильинскаго, Свѣтланова и др.). На русскій язык переведен также труд Авг. Мюллера, под заглавіем: „Исторія Ислама", Спб. 1895—1896, 4 тома. —

Возникновеніе ислама находится в тѣсной связи с различными особенностями и условіями родины его Аравіи, а особенно с личностью основателя этой религіи Магомета.

Аравія, родина исламизма, занимает громадное пространство земель. По величинѣ она равна четверти Европы. Было бы ошибочно думать, что Аравія была поставлена внѣ культурных вліяній древняго и античнаго міра, а равно и позднѣйшаго времени. Еще в древнее время на югѣ ея существовало Савейское или Савское царство, а на сѣверѣ временнаго процвѣтанія в серединѣ III вѣка достигла Пальмира, разрушенная императором Авреліаном в 273 году. Есть основаніе утверждать, что культурныя вліянія проникали в Аравію еще за задолго до Р. Хр. из Ассиро-Вавилоніи и даже, быть может, из Египта. Но эти вліянія охватывали только края полуострова. Что касается Неджда, центральной части Аравіи, заселенной бедуинами, то он оставался внѣ культурных вліяній. Бедуины продолжали жить, как дѣти пустыни в своих первобытных условіях, сохраняя природную дикость и страстность, совершенно чуждые разслабляющих вліяній цивилизаціи. Так как среди них в полной силѣ удерживался родовой строй, то обычай кровной мести находил широкое примѣненіе в жизни бедуинов. Западная часть Аравіи, гдѣ находились города Мекка и Ятриб, была также заселена бедуинами, но условія жизни здѣсь были болѣе благопріятны для возникновенія культурной жизни. Эта полоса земли прилегает к Красному морю, по другую сторону котораго расположен Египет, очаг древней культуры, и культурная колонія Египта Абиссинія. Переѣзд чрез Красное море не представляет больших трудностей, и культурное воздѣйствіе могло легко проникнуть в западную часть Аравію. Проникновенію сюда культуры способствовало также и то обстоятельство, что по западному берегу Аравіи идет горный хребет, который служил удобным караванным путем из Іемена, так называемой счастливой Аравіи, расположенной на югѣ, на сѣвер, к Синайскому плоскогорію, а отсюда в Палестину, Сирію и Египет. Эта часть Аравіи называлась Хеджас или пограничная страна. Торговые интересы заставили города, расположенные на этом караванном пути, образовать особый союз, осно-

ванный на общем почитаніи Каабы. Кромѣ того, с береговъ Персидскаго залива в Аравію проникло и персидское вліяніе.

Таким образом, было вполнѣ естественно, что христіанство из Палестины и Сиріи проникло на сѣвер Аравіи в видѣ ересей гностических и несторіанства, а, с другой стороны, в горном Хеджасѣ поселилось не мало евреев, привлекаемых сюда из сосѣдней Палестины торговлей, так что в зависимости от этого одни арабскіе племена (преимущественно на сѣверѣ страны) исповѣдывали христіанство, а другія арабскія племена (особенно в окрестностях города Ятриба) усвоили іудаизм. Помимо того, среди арабов встрѣчались и послѣдователи персидскаго огнепоклоненія. Принимая во вниманіе, что большинство бедуинов были язычники и поклонялись идолам, можно сказать, что в Аравіи наблюдалось чрезвычайное смѣшеніе религіозных культов, и подготовлена была почва для возникновенія новаго религіознаго ученія, являющагося компромиссом начал христіанства, іудаизма, парсизма и язычества. Исламизм и есть нѣчто среднее между іудаизмом, христіанством и язычеством. Это новое религіозное ученіе сплотило всѣ арабскія племена и доставило им то политическое единство, отсутствіе котораго лишало арабскія племена какого-либо значенія в исторической жизни Востока.

Живя в условіях родового быта и дѣлясь на мелкія племена, арабы-бедуины истощали свои силы или в ничтожных племенных раздорах, или находили исход для своей жажды дѣятельности и грабительских наклонностей, поступая на службу византійцев и персов. Впрочем, еще до Магомета среди арабских племен наблюдалось слабое сознаніе религіознаго и этнографическаго единства. Так, напр., всѣ арабы почитали так называемую Каабу, находящійся в Меккѣ храм, в стѣнѣ котораго был вдѣлан какой-то черный камень. Преданіе, в истинности котораго не сомнѣвался ни один араб, гласило, что этот камень послан с неба их прородителю, которым они считали, по знакомству с пятикнижіем, Измаила, сына Авраама и Агари. Основа этого преданія должна быть признана истинною, потому что всѣ арабы были семитическаго происхожденія и являлись родственниками по крови евреев, финикіян и ассиріян. В этом смыслѣ не имѣло значенія родословіе арабскаго преданія, соединенное с вымыслом о ниспосланіи чернаго камня с неба через архангела Гавріила. Во всяком случаѣ черный камень одинаково почитался всѣми арабами, и Кааба была их общей святыней. Кромѣ этого, всѣ арабы сознавали свою этнографическую обособленность. Всѣ онѣ говорили на языкѣ, сильно отличающемся от других семитических и в том числѣ от древне-еврейскаго. Всякій человѣк, кто не говорил по-арабски, в глазах араба был чужим человѣком, считался, как и у греков, варваром. Почитаніе чернаго камня, общее происхожденіе и общій язык — вот что объединяло арабов. Таким

образом, Магомету принадлежала заслуга объединенія и сведенія в систему того, что существовало в отдѣльности, при чем так как религіозным моментам придано было первенство, то самое объединеніе совершилось под религіозным знаменем.

Магомет принадлежал к племени корейшитов, которое в это время распадалось приблизительно на 20 родов, состоявших из нѣскольких семейств каждый. Отец Магомета Абдалла принадлежал к роду Гашимидов. Абдалла умер до рожденія сына, а матери своей Амины Магомет лишился, когда ему было только 6 лѣт от рожденія. Оставшись круглым сиротою и почти без всяких средств, Магомет попал на попеченіе дяди своего Абу-Талеба. Дядя, сам человѣк небогатый, приспособлял мальчика к разным работам и поручал ему пасти стада. Когда Магомет подрос и стал юношей, то дядя, затрудняясь доставить ему опредѣленное положеніе у себя дома, опредѣлил его на службу погонщиком верблюдов к богатой вдовѣ Хадиджѣ, бывшей уже два раза замужем и имѣвшей троих дѣтей. Хадиджа самолично вела крупное торговое предпріятіе и отправляла караваны с товарами в Іемен и Палестину. Природная смѣтливость выдвинула его на службѣ, и Хадиджа сдѣлала его своим прикащиком. Красивая наружность, мягкость характера и мечтательность молодого человѣка плѣнили сердце вдовы, и она вышла за него замуж, не взирая на неодобреніе этого брака со стороны отца и родственников. Хотя Магомету в эту пору было около 29 лѣт, а Хадиджа достигла уже сороколѣтняго возраста, но брак этот состоялся по взаимной любви и склонности, как можно видѣть от того, что память Хадиджи для Магомета всегда была священна, а Хадиджа до конца дней своих была надежною помощницей и сотрудницей своего третьяго мужа.

Послѣ женитьбы Магомет получил больше досуга для занятія самоуглубленіем. Как натура нервная, он иногда подвергался нервным припадкам истеріи. С возрастом эти припадки повторялись чаще и становились болѣе ожесточенными. Оконечности тѣла холодѣли, а сам он трясся как в лихорадкѣ; глаза его блуждали, а голова конвульсивно качалась; когда выступали и катились по лицу крупныя капли пота, кризису наступал благополучный конец. Идеи нормальнаго самочувствія в состояніи припадка выражались в видѣ отдѣльных изреченій и безсвязных мыслей. Однако, так как онѣ были плод нормальнаго размышленія, то между ними была внутренняя логическая связь. Так как Магомет любил свою родину и скорбѣл об отсутствіи единства среди арабов, то эти мысли облекались у него в словесной образной формѣ в ряд изреченій или порождали в мозгу различныя видѣнія. Во время своих путешествій Магомет познакомился с различными религіозными ученіями и, как член рода корейшитов, охранявших Каабу, сознал всю неудовлетворительность рели-

гіознаго развитія своих единоплеменников. Он скоро пришел к мысли о необходимости единобожія. Эта мысль, овладѣвшая его сознаніем в нормальном состояніи, во время припадков высказывалась иногда отрывочно и безсвязно, а иногда носила печать зрѣлаго размышленія. Это обстоятельство, а равно и разсказы Магомета о его вѣдѣніях привели самаго Магомета и его ближайших родственников к убѣжденію о призваніи его к дѣятельности пророка единаго Бога.

Выступленіе Магомета, как пророка, относится к 610 году, когда ему было приблизительно 40 лѣт. Первыми послѣдователями его были двоюродный брат его Али, сын его дяди Абу-Талеба, жена Хадиджа и раб Саид. Магомет проповѣдовал необходимость признанія единаго Бога и необходимость установленія правильнаго поклоненія ему. Скоро присоединились и другіе послѣдователи, и число их стало увеличиваться, когда к общинѣ присоединился Абу-Бекр, богатый и уравновѣшенный корейшит, личный друг Магомета. Спокойный и разсудительный Абу-Бекр придал особенный вѣс общинѣ послѣдователей Магомет, энтузіазм и возбужденность. котораго могла иногда отталкивать хладнокровных и осторожных людей. Извѣстность Абу-Бекра и общее уваженіе к нему привлекали в новую общину послѣдователей. Магомет хотѣл было привлечь к себѣ и своих родственников — Гашимидов. Он созвал их на собраніе и стал излагать пред ними свое ученіе, но не нашел среди них сочувствія. Один из Гашимидов, дядя Магомета Абу-Лахаб выразил общее настроеніе словами: „Да провались ты сквозь землю! Неужели ты нас только для этого созвал?“ Дѣло в том, что Магомет созвал своих сородичей, не объявив заранѣе причины собранія, и тѣ ожидали от Магомета сообщеній о каких-нибудь дѣлах, дающих выгоды роду. Община росла на первых порах медленно, и число ея членов не превышало 43 человѣк. Собранія в домѣ Хадиджи и общее собраніе сородичей вызвали толки о Магометѣ. Нѣкоторым сородичам Магомет казался человѣком безпокойным и опасным, таким, котораго нужно прогнать или заставить молчать. Корейшиты стали притѣснять послѣдователей Магомета из числа тѣх, которые не принадлежали к их племени, будучи иностранцами, отпущенниками и рабами. По совѣту Магомета, они удалилиль из Мекки в Абиссинію. Пользуясь покровительством своего дяди Абу-Талеба, Магомет продолжал свою проповѣдь, и она скоро приняла оборот, обезпокоившій всѣх корейшитов. Магомет проповѣдывал единобожіе и отрицал идолопоклонство, а Кааба была переполнена идолами, почитаемыми различными арабскими племенами. Угрожала опасность подрыва почитанія Каабы, а это должно было привести к уничтоженію главнаго источника доходов корейшитов. Почти всѣ корейшиты стали смотрѣть на Магомета, как на смутьяна, и только защита рода препятствовала расправѣ над ним. Из про-

тивников новаго ученія особенно выдающимся был Омар. Его жена и сестра тайно от него приняли это ученіе, и он случайно услышал, как онѣ в тиши дома пѣли суры новаго пророка. Тогда Омар рѣшил дѣйствовать рѣшительно и с этою цѣлью явился на собраніе послѣдователей Магомета, но здѣсь из гонителя превратился в ревностнаго послѣдователя.

Все таки положеніе пророка было крайне тяжелое. Ни одно из арабских племен не приняло его ученія. Магомет, его послѣдователи и родные были исключены из общенія племени: корейшиты не вступали с ними в браки, ни продавали и ничего у них не покупали и даже не разговаривали. Кромѣ того, около этого времени скончались жена Магомета Хадиджа и его дядя Абу-Талеб. Уже в 620 г. Магомет думал, что необходимо покинуть Мекку и искать себѣ другое мѣстожительство. На сѣвер от Мекки лежал город Ятриб, гдѣ жили два арабских племени аус и хазрадж. Эти арабскія племена находились в постоянных ссорах с жившими в Ятрибѣ евреями. Надо было установить в городѣ какой-либо порядок. Арабы этих племен знали о Мессіи, котораго ожидали евреи, и усвоили себѣ это ученіе, наряду с другими еврейскими религіозными воззрѣніями и обычаями. Услышав о Магометѣ, они задались вопросом: не есть ли этот человѣк Мессія? Если бы он оказался таким, то вражда между евреями и арабами должна была прекратиться, и в Ятрибѣ настал бы желанный мир под покровом Мессіи. Переговоры с Магометом начались с 620 года и в 622 году окончились заключеніем договора между Магометом и 72 старѣйшинами из Ятриба: жители Ятриба приняли ученіе Магомета и признали его истинным Мессіей, посланным с неба, а Магомет получал в Ятрибѣ верховную религіозную и политическую власть. Послѣ этого послѣдователи Магомета стали переселяться в Ятриб по одиночкѣ или небольшими кучками. Корейшиты замыслили убить Магомета и стерегли его, но ему удалось обмануть бдительность своих врагов и вмѣстѣ с Абу-Бекром бѣжать 24-го сентября 622 г. в Ятриб, который послѣ этого стал называться Мединою (Мединат-аннаби), т. е. городом пророка.

Первым дѣлом Магомета в Мединѣ было построеніе храма. Основаніе храма было каменное, стѣны построены кирпичныя, а потолок — из листьев, чтобы напоминать молящимся о путешествіи по пустынѣ под покровительством Бога. Храм был мѣстом молитвы, но служил также и другим надобностям вѣрующих. Община послѣдователей Магомета состояла из могаджиров и ансаров. Могаджирами назывались тѣ послѣдователи Магомета, которые пришли с ним из Мекки, а ансарами — жители Ятриба или Медины. Договор с жителями Медины привел к установленію основ ислама, а во взглядах самаго пророка обозначил рѣзкую перемѣну. Ранѣе Магомет был по-

глощен одинаково родовыми и религiозными идеями. Бѣгство из Мекки и договор с жителями Медины неизбѣжно привели к полному разрыву с родовыми и племенными стремленiями, а потому теперь естественно на первое мѣсто были выдвинуты идеи и принципы религiозные, во имя которых могли быть объединены всѣ послѣдователи новаго ученiя. Магомет провозгласил ряд положенiй, в силу которых всѣ его послѣдователи составляли одну общину вѣрующих, связанную узами религiознаго братства и единства: 1) правовѣрный не должен убивать правовѣрнаго из-за невѣрнаго; 2) правовѣрный не должен помогать невѣрному; 3) всѣ правовѣрные должны помогать и поддерживать друг друга. Таким образом, вмѣстѣ с тѣм был отмѣнен и осужден обычай кровной мести, весьма распространенный среди арабов в силу господства родового быта. Главный же идеей было ученiе, что Аллах — единый Бог. Его волю передает истинный и величайшiй пророк Божiй Магомет. Были и до него пророки (Адам, Ной, Авраам, Мойсей, „сын Марiи“ Iисус), но всѣх их выше Магомет. Древнее священное писанiе (пятикнижiе, псалмы и евангелiя) испорчено и искажено, по мысли Магомета, а потому коран упраздняет его и является послѣдним глаголом Бога.

Дальнѣйшее развитiе ученiя Магомета шло в связи с борьбой к корейшитами и Меккой. Виновниками столкновенiя были пророк и его послѣдователи. Прибыв из Мекки, они оказались в Railway Мединѣ людьми чужими, не имѣвшими крова. Магомет, как глава города, располагал извѣстными средствами и принимал мѣры к прокормленiю их. Вечером они приходили к Магомету и ѣли, а ночевали в новопостроенном храмѣ. В своих бѣдствiях эти могаджиры обвиняли корейшитов, лишивших их родины и крова, послѣ их ухода срывших их дома в. Меккѣ. Военныя дѣйствiя против корейшитов начались уже в 623 году и выражались в попытках прервать правильное движенiе караванов из Мекки на сѣвер Аравiи к Палестинѣ и Сирiи. Первое значительное столкновенiе произошло при Бедрѣ, и оно имѣло большое значенiе. В Медину пришла вѣсть, что в мартѣ 624 года из Газы должен пройти в Мекку богатый караван. Мединцы рѣшили его перехватить. Главой каравана был Абу-Софьян, человѣк опытный. Узнав об угрожающей опасности, он повел караван не по обычному пути, вдоль самаго берега, а также послал извѣстiе об опасности и в Мекку. Там поднялась тревога, и немедленно выступил вооруженный отряд войска, во главѣ котораго стоял враг Магомета Абу-Джаль, требовавшiй смерти Магомета. Настоящее имя этого человѣка было Амр-Ибн-Гишам, но оно забыто; удержалось же за ним прозванiе, данное магометанами: Абу-Джаль, что значить „отец глупости“. Хотя караван избѣг уже опасности, но Абу-Джаль рѣшил продолжать поход и встрѣтил врагов при колодцѣ Бедрѣ. Магомет раздѣлил свое войско на два отряда, один из которых

составляли могаджиры, а другой — ансары. Оба отряда имѣли по черному знамени. Хотя ансары по договору не должны были выступать в поход за границы своей области, но теперь, возбужденные Магометом, готовы были идти хотя за море,так как Магомет объявил, что „кто падет в битвѣ, тот войдет в рай“, и что „нѣт для Аллаха болѣе угоднаго дѣла, как защита оружіем вѣры“. Абу-Джаль был разбит на голову. Много корейшитов пало в битвѣ и среди них и лютый враг Магомета Абу-Джаль, а другіе попали в плѣн и за них был получен выкуп. Битва при Бедрѣ была первым боевым крещеніем мусульман, в котором могаджиры и ансары объединились, а преданность к Магомету и вѣра в него вполнѣ упрочились среди жителей Медины.

Побѣда при Бедрѣ дала возможность Магомету выжить из Медины евреев, которые не согласились признать его пророком и Мессіей. Многіе из них были убиты, а остальные изгнаны из города, при чем имущество их было конфисковано и раздѣлено между послѣдователями пророка. Изгнанію также подверглось и еврейское племя надиров, обитавшее вблизи города. Между тѣм, корейшиты рѣшили отомстить Магомету. Заручившись союзом с кочевниками, жившими у берегов Краснаго моря, они обойдя Медину с сѣвера дали сраженіе при горѣ Оходѣ (на разстояніи $^3/_4$ часа пути от Медины). Войско пророка потерпѣло полное пораженіе вслѣдствіе отсутствія дисциплины; Магомет был ранен и едва спасся. Со стороны корейшитов особенно отличился Халид, бывшій впослѣдствіи одним из лучших полководцев первых халифов. Однако, побѣдители не сумѣли воспользоваться этою побѣдою и дали Магомету время оправиться и даже заняться распространеніем своего ученія среди арабских племян. Ободренные пораженіем Магомета, изгнанные из Медины евреи подняли на своего гонителя племена Неджда, которые в 627 году вмѣстѣ с корейшитами двинулись на Медину. К врагам Магомета присоединилось еврейское племя кораизов, жившее вблизи Медины. По совѣту одного перса, Магомет озаботился сооруженіем стѣн и укрѣпленій вокруг города и рѣшил воздержаться от битвы в открытом полѣ, так как вполнѣ было очевидно превосходство сил непріятеля, располагавшаго арміей до 10 тыс. человѣк. Обстоятельства не благопріятствовали осаждавшей арміи: открылся падеж скота в ея станѣ; шли дожди, а сильный вѣтер сносил палатки и гасил костры. Простояв безуспѣшно под городом, осаждающіе стали расходиться, и прежде всѣх ушли корейшиты со своим вождем Абу-Софьяном. Послѣдствіем этого неудачнаго похода было мщеніе евреям. Племя кораизов было истреблено до послѣдняго мужчины; женщины и дѣти проданы в рабство.

В связи с этим отношеніем к евреям измѣнилось отношеніе Магомета и к элементам іудаизма. Первоначально Магомет при-

держивался еврейских постов и во время молитв обращался лицом к Іерусалиму, но теперь введен был особый магометанскій пост Рамадан, а молитву послѣдователи Магомета должны были творить, обращаясь лицом к Меккѣ, гдѣ находилась Кааба.

Придавая такое значеніе поклоненію Каабѣ, Магомет рѣшил предпринять вооруженное паломничество в Мекку, жители которой не могли отказать в доступѣ, так как Кааба в извѣстные періоды была доступна для всѣх поклонников, и Магомет указывал на свои миролюбивыя намѣренія поклониться общей арабской святынѣ. В сопровожденіи отряда в двѣ тысячи человѣк, Магомет явился в Мекку, как могущественный сосѣд и повелитель, и там совершил обычное поклоненіе в Каабѣ. Впечатлѣніе, произведенное этим путешествіем, не замедлило сказаться. Цѣлый ряд арабских племен стал искать союза с Магометом, и даже такіе выдающіеся корейшиты, как недавній побѣдитель при Оходѣ, Халид, Амру и Осман явились с знаками покорности в Медину. Завоеванія Магомета въ окрестностяхъ Медины и конфискація имущества еврейских племен и их союзников привлекали к Магомету жадныхъ к добычѣ и наживѣ бедуиновъ. Находя, что наступило благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій против Мекки, Магомет с арміей свыше 10 тысяч человѣк внезапно двинулся в поход и занял всѣ высоты, окружающія город Мекку. Корейшитам оставалось или признать Магомета пророком и подчиняться ему, или погибнуть. Явившійся для переговоров в стан Магомета Абу-Софьян был поражен тою преданностью и тѣми знаками почитанія, которыя оказывали пророку его послѣдователи, и вполнѣ понял безполезность какого-либо сопротивленія. Корейшиты сложили оружіе тѣмъ болѣе, что Магометъ обѣщал всѣм сохранить жизнь и имущество, за исключеніемъ 6 человѣк, которых он считал своими личными и лютыми врагами. 11 января 630 года Магомет вступил в Мекку и прямо отправился в Каабу. Здѣсь он совершил семикратное обхожденіе храма, касаясь каждый раз посохом „чернаго камня“. Всѣ идолы приказано было убрать изъ храма. Стоя в Каабѣ, Магомет произнес монотеистическую формулу и закончил словами: „О Корейшиты! Аллах отнял у вас гордость предками и тщеславіе язычества! всѣ люди происходят от Адама, а Адам создан из земли, самый благородный среди вас — самый первый! мослимы — братья: одна рука против всѣх другихъ!“

Завоеваніе Мекки привело к признанію власти Магомета почти во всей Аравіи. Отовсюду приходили посольства с изъявленіями покорности и преданности пророку. Вездѣ идолопоклонство было прекращено, и даже нѣкоторыя христіанскія арабскія племена приняли исламизм. Нѣкоторое сопротивленіе оказали Магомету жители города Таифа, расположеннаго в трех днях пути от Мекки, и значительное племя хавазинов, обитавших возлѣ самой

Мекки, но и это сопротивленіе скоро было сломлено при помощи корейшитовъ.

Таким образом, в Аравіи возникло государство пророка. Одним из главных обстоятельств, способствовавших признанію исламизма, было провозглашаемое Магометомъ требованіе распространять вѣру съ оружіемъ в рукахъ, а равно введенная им практика грабежа и конфискаціи имущества невѣрных. Отсюда происходила необходимость продолжать войны уже внѣ Аравіи, ибо въ противномъ случаѣ не замедлило бы сказаться охлажденіе и равнодушіе жадных к добычѣ бедуинов. Еще при своей жизни Магомет окончил подготовленія к походу на Сирію. Когда в іюнѣ 632 года он скончался в Désединѣ, армія была готова к выступленію для завоеваній под знаменем новой вѣры.

С религіозной точки зрѣнія главное значеніе исламизма заключается в том, что вѣра в единаго Бога была распространена в обширныхъ странахъ, гдѣ доселѣ господствовали идолопоклонство и язычество. Теоретическаго или богословскаго интереса исламизм не представляет, так как не заключает самобытных черт и является религіозным ученіем, переполненным заимствованіями из христіанской и еврейской религій, а также изъ неопарсизма. Идея об единомъ всемогущемъ Богѣ, понятія о страшномъ судѣ, раѣ и адѣ, ангелах и демонах заимствованы от іудаизма и христіанства. Отношенія Аллаха и магометанскаго сатаны Иблиса напоминали борьбу Ормузды и Аримана персов. Представленія об узком соединяющем рай и ад мостѣ, по которому могут пройти только праведные, взято также из парсизма. Почитаніе Іисуса Христа и Дѣвы Маріи, а равно и другія частности исламизма сближали эту вѣру с христіанством в такой мѣрѣ, что неоднократно высказывалась мысль о том, что магометанство есть христіанская ересь аріанскаго толка. Так как Магомет при ознакомленіи с религіозными воззрѣніями сосѣдних народов воспользовался темными источниками или передачею устных преданій из вторых рук, то крайне затруднительно, а иногда и невозможно установить путь и происхожденіе заимствованій. Из Ветхаго Завѣта Магометъ знал десять заповѣдей и псалмы Давидовы в позднѣйшей талмудической окраскѣ. С подлинными евангеліями он не был знаком. Повидимому, ему были извѣстны так называемыя псевдо-евангелія, распространенныя среди христіанских еретиковъ, и легенды гностиков. Парсійскія же религіозныя идеи были знакомы Магомету в передачѣ тѣх арабов, которые были политически зависимы от персидской монархіи. Кромѣ того, в исламизм вошли и національные арабскіе элементы, к числу которых прежде всего нужно отнести признаніе Каабы главным святилищем и культ поклоненія „черному камню“. Провозгласив согласно христіанскому и еврейскому ученіям, что Бог един и нѣт другого бога, Магомет до крайности

упрощалъ вѣру единобожія: ученіе о троичности Бога он считаетъ заблужденіем. Даже в ученіе об единствѣ Бога Магомет внес чисто арабскій и національный оттѣнок: Бог одновременно с созданіем неба и земли сотворил и Каабу, как сосредоточіе истинной вѣры.

Магомет был искренній человѣк и чистосердечно был увѣрен в высшем своем призваніи послѣдняго и высшаго пророка единаго Бога. Люди, не исповѣдующіе сердечно того, что вытекает из их глубокаго убѣжденія и вѣры, не могут имѣть такого нравственнаго воздѣйствія на своих современников, какое имѣл Магомет. С другой стороны, хотя исламизм в общем был лишен оригинальности, а священная книга его коран или собраніе мыслей и изреченій Магомета представляет скучное и прозаическое, а равно безпорядочное изложеніе, но не во всѣх своих частях. Когда Магомет говорит о величіи Бога и божественном управленіи міром, то у него обнаруживается высокій подъем настроенія и находятся сильныя, почти поэтическія, слова и выраженія для своих мыслей.

Необыкновенный успѣх исламизма объясняется простотою и доступностью его догмы и приспособленностью его правил к жизни восточнаго человѣка. Самое отсутствіе оригинальности пошло на пользу исламизму, ибо и христіанскіе еретики и персы находили в изложеніи этой вѣры существенные черты своих вѣрованій и сердечных влеченій. К тому же нравственныя предписанія исламизма вполнѣ учитывали страсти и слабости человѣческой природы.

Исламизм может быть разсматриваем в процессѣ его историческаго сложенія, т. е. в связи с событіями жизни и дѣятельности его творца. Изслѣдователи различают 3 періода в исторіи сложенія исламизма: первая стадія (монотеистическая) возникла в связи с первоначальной борьбою Магомета против корейшитов и отмѣчена признаніем Магомета пророком и ученіем о защитѣ вѣры силою оружія; вторая стадія — сближеніе с іудаизмом, объясняемое необходимостью для Магомета союза с многочисленным еврейским населеніем Медины и ея окрестностей, отмѣчена заимствованіем десяти заповѣдей, поста и многократных моленій в теченіе дня; третья стадія, совпадающая с открытой войной с корейшитами и разрывом с іудейским населеніем Медины, отмѣчена возникновеніем ученія о входѣ в рай всѣх павших на полѣ сраженія с противниками ислама, а потом введеніем особаго поста Рамадана и обращеніем во время молитв в сторону Каабы.

Таким образом, сложились главныя основы исламизма: „Бог — велик, и Магомет — его пророк!“ послужившія к объединенію всѣх племен Аравіи. Ученіе же о распространеніи новой вѣры силою оружія доставило исламизму широкое господство в странах Востока.

Так как Магомет не умѣл ни читать, ни писать, то коран, священная книга его послѣдователей, возникла только послѣ его смерти. Составленіем ея или редакціей слов и изреченій пророка озаботились первые его преемники или халифы Абу-Бекр и Омар, а окончательно установлена была редакція при халифѣ Османѣ. При жизни же Магомета его суры записывались на лоскутках бумаги и пергамента, пальмовых листьях, камнях и кости или хранились благоговѣйно в хорошей и твердой памяти послѣдователей. Суры, из которых состоит коран, не одинаковой величины, но при редакціи корана онѣ расположены совершенно механическим способом: самая длинная поставлена во главѣ и самая короткая в концѣ, а остальныя сообразно с этим в порядкѣ своей величины.

Основаніе халифата и завоеванія арабов.

Магометанская традиція передает, что еще до завоеванія Мекки пророк отправил письма ко всѣм сосѣдним государям, требуя от них признанія своего пророческаго званія и подчиненія. Тогда же начались первыя военныя дѣйствія на границах Сиріи, но высланный отряд был разбит. Неудача эта не остановила Магомета: он собрал войско и назначил начальником Озаму, сына своего вѣрнаго раба Саида. Только смерть Магомета, разлад между ансарами и могаджирами и отпаденія племен в Арабіи задержали дальнѣйшій ход военных дѣйствіи на короткое время. Магомет и его преемники были хорошо освѣдомлены о слабости Персіи и Византіи. Персія была обезсилена борьбой с Византіей и династическими смутами, а Византія была ослаблена религіозными спорами, которыя раздѣляли населеніе имперіи на двѣ враждебныя стороны. В Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ населеніе было крайне недовольно религіозной политикой византійскаго правительства. Многочисленные монофизиты Сиріи, Палестины и Египта в такой степени ненавидѣли византійское правительство, что готовы были признать какую угодно власть, лишь бы освободиться от византійской зависимости.

К несчастью для сосѣдей, энергичные преемники Магомета сумѣли справиться со всѣми затрудненіями, которыя возникли послѣ смерти пророка и грозили уничтожить всѣ плоды его дѣятельности.

Когда 8 іюня 632 г. Магомет скончался, то возникло представленіе, что он снова скоро вернется, ибо не умер, а только временно покинул своих послѣдователей. Эти сомнѣнія были разсѣяны благодаря твердости и находчивости Абу-Бекра, который сказал: „Кто вѣрил в Магомета, тот пусть знает, что Магомет — мертв! Кто же вѣрил в Бога и Магомета, тот пусть

знает, что Бог — вѣчен!“ По вопросу о выборѣ преемника Магомета возникли споры между могаджирами и ансарами. Первые ссылались на то, что они терпѣли из-за преданности Магомету много лишеній и преслѣдованій, а вторые указывали на то, что они защищали Магомета в критическіе моменты его жизни и были виновниками подчиненія всей Аравіи его власти. Вопрос о преемникѣ осложился еще и тѣм обстоятельством, что Магомет был не только обладателем свѣтской власти, но и главою религіознаго общества. По этой причинѣ не могло быть рѣчи о наслѣдованіи по родству с пророком, в каком случаѣ имѣл бы преимущество двоюродный брат Магомета Али, супруг его дочери Фатимы. Среди корейшитов или могаджиров выдвигались Абу-Бекр и Омар, а среди ансаров один из их старѣйшин Бехир, который выдвинул принципіальную точку зрѣнія: „Магомет и его род, — заявил он, — были из племени корейшитов, а потому послѣдніе должны почитаться болѣе способными к управленію, а я, видит Бог, никогда не буду оспаривать у них эту власть!“ Абу-Бекр предложил собранію избрать Омара или Абу-Обейда, но они отказались и заявили, что Абу-Бекр, как самый достойный человѣк в их средѣ, должен быть избран преемником Магомета. Собраніе с радостью приняло это предложеніе, и Абу-Бекр принял титул халифа (халифа расуль Аллах, т. е. преемник пророка Божьяго).

Так, возник халифат, первым главою котораго был Абу-Бекр (632—634), но истинным основателем халифата слѣдует считать Омара, котораго Абу-Бекр перед смертью назначил своим преемником. Омар (634—644) принял титул: эмир Аль-Муминин, т. е. „князь вѣрных“. При этих первых халифах начаты были завоеванія областей персидскаго и византійскаго государств.

Прежде всего, было завоевано и присоединено хирское княжество, лежавшее на сѣверо-востокѣ Аравіи, вблизи месопотамской долины. Это незначительное государство издавна находилось в политической зависимости от Персіи, которая назначала правителей из преданных ей эмиров. Когда эмир этого княжества отдался под покровительство Абу-Бекра, то послѣдній послал с войском извѣстнаго Халида. Персы были дважды разбиты, и хирское княжество было присоединено к халифату с обязательством уплачивать ежегодную дань. Одновременно было приступлено к завоеванію Палестины и Сиріи. На подкрѣпленіе Озамы, не имѣвшаго особеннаго успѣха, халиф послал 4 войска. Сергій, правитель Кесаріи, был разбит и взят в плѣн. Узнав о таком положеніи дѣл, император Гераклій послал в Палестину лучшаго византійскаго полководца Ваанеса и сакелларія Ѳеодора. Высланныя Гераклієм войска сначала имѣли успѣх: Ваанес разбил арабов при Дамаскѣ, а Ѳеодор, дѣйствовавшій на югѣ Палестины, оттѣснил Амру к югу от Мертваго моря. Тогда Абу-Бекр послал

своего испытаннаго полководца Халида. Он осадил и взял в 634 году город Бостру, при чем по условіям сдачи жители должны были ежегодно уплачивать в казну по одному динарію денег и одной мѣрѣ пшеницы каждый. Послѣ паденія Бостры, служившей опорным пунктом для дѣйствующей византійской арміи, Ѳеодор должен был отступить, и арабы занялись осадою Дамаска. Послѣ осады, продолжавшейся 6 мѣсяцев, город должен был сдаться в 635 году. Между тѣм император успѣл собрать военныя силы и двинул их на арабов под начальством Ваанеса и Ѳеодора. Обойдя Тиверіадское озеро и вступив в долину Іордана, византійскіе полководцы расположились станом на том мѣстѣ, гдѣ в Іордан впадает рѣка Ярмук. Здѣсь византійцы были разбиты на голову в 636 году. Исход этой битвы рѣшил судьбу Палестины и Сиріи.

Не менѣе значительные успѣхи были достигнуты арабами в войнѣ с Персіей. Послѣ цѣлаго ряда смут на престол Персіи был возведен Іездегерд III, внукъ Хозроя II, послѣдній представитель фамиліи Сассанидов. Военныя дѣйствія против персов вначалѣ были неудачны для арабов: их военачальник Абу-Обейда был разбит персидским полководцем Рустемом. Высланныя Омаром новыя войска под начальством Саада встрѣтились с персами в среднем теченіи Евфрата в мѣстности Кадесіи (636). Послѣ неудачных переговоров о мирном соглашеніи, при чем со стороны персов были предложены самыя льготныя условія, отвергнутыя однако халифом Омаром, Рустем вступил в битву. Битва была упорна и продолжалась 4 дня. В первый день перевѣс был на сторонѣ персов, и арабы были уже разбиты, но в критическую минуту получили подкрѣпленія и возобновили сраженіе. Когда пал Рустем, персы отступили, признав себя побѣжденными, но в полном порядкѣ. Тѣм не менѣе всѣ пограничныя области, т. е. вся нижняя половина долины, лежащей между Тигром и Евфратом, перешла в руки арабов, а вмѣстѣ с тѣм было предрѣшено и завоеваніе всей персидской монархіи. Обезопасив себя с этой стороны, арабы могли спокойно продолжать свои завоеванія в Палестинѣ и Сиріи.

Послѣ битвы на р. Ярмукѣ император Гераклій долго не мог собрать достаточных военных сил для оказанія помощи стѣсненным городам Сиріи и Палестины. Один за другим они переходили в руки арабов. Болѣе продолжительное время держался Іерусалим, но и он должен был сдаться, так как силы защитников были незначительны, скорой помощи от Византіи не предвидѣлось, а на помощь к осаждающим были присланы халифом новыя войска. Послѣ долгих колебаній патріарх Софроній заключил с Омаром договор, по которому ворота Іерусалима были открыты арабам в апрѣлѣ 637 г. Вслѣд за Іерусалимом скоро пали и прочіе города Сиріи и Палестины. Заслуживает

вниманія текст капитуляціи христіанских городов, в силу которой опредѣлялось отношеніе побѣдителей к покоренным и оттѣнялось превосходство магометан сравнительно с христіанами, которые должны были мириться со своим низшим соціальным положеніем в халифатѣ. Капитуляціи придана была форма письма жителей к халифу: „Во имя Бога Милосерднаго и Всепрощающаго! Писано к Омару Ибн-Хотабу, князю вѣрных, христіанами города (такого то). Когда Вы вступили в эту страну, мы просили Вас о безопасности нашей и наших семейств, нашей собственности и единовѣрцев, и мы приняли на себя обязательство не строить в нашем городѣ и в его окрестностях ни монастыря, ни церкви, ни келій, ни пустыножительств, не возобновлять того, что уже находится в развалинах, и не возстановлять ничего в кварталах, отведенных для магометан; далѣе, мы не будем препятствовать, если магометане проведут в наших церквах три ночи на ночлегѣ; мы не примем в наших церквах и квартирах шпіона и не скроем врага магометан; мы не будем учить дѣтей чтенію и не будем открыто производить поклоненія иконам и никого к тому побуждать; далѣе, не будем удерживать наших родственников от принятія ислама, если они пожелают; будем уважать магометан и вставать с наших мѣст, если они пожелают их занять; не будем носить похожей одежды, что распространяется на шапку, тюрбан, сандаліи и прическу; не будем говорить на их языкѣ, давать их имена, ѣздить на сѣдлах, носить мечи, покупать оружіе или его с собою возить, гравировать на кольцах арабскія надписи, продавать вина, сбривать волосы спереди лба, но сохраним наши одежды, как онѣ есть; не будем ставить крестов на церквах, выносить наши книги на улицы или базары магометан; будем слегка звонить в колокола и в наших молитвенных домах при чтеніи не повышать голоса, если вблизи находится хотя один магометанин; не будемъ устраивать процессій ни с пальмовыми вѣтвями, ни с иконами; не будем при погребальных выносах пѣть и при этом идти по улицам и площадям со свѣчами; не будем принимать рабов, которые принадлежали магометанам, и подсматривать за магометами в их квартирах.“

Вскорѣ послѣ паденія Іерусалима арабы овладѣли Антіохіей и завоевали Месопотамію, взяв город Едессу.

Византійское правительство понимало, что одной из причин слабости является борьба религіозных партій. Еще во время войны с персами возникла мысль о примиреніи монофизитов с постановленіями Халкедонскаго собора посредством ученія об единой волѣ Іисуса Христа. Это ученіе, высказанное на Эрзерумском соборѣ 628 года, было одобрено константинопольским патріархом Сергіем и принято римским папою Гоноріем. Сторонник этого ученія Кир был назначен на каѳедру александрійскаго патріарха.

При таких условіях казалось, что монооелитству суждено было внести необходимое для церкви и государства успокоеніе умов и страстей населенія Востока. Однако, надежды не оправдались. Ярым противником этого ученія выступил іерусалимскій патріарх Софроній, выдающійся ученый и строгій подвижник, усматривая справедливо в ученіи о том, что Іисус Христос совершил искупленіе міра единою богочеловѣческою волею (*μιᾷ θεανδρικῇ ἐνεργείᾳ*), скрытое монофизитство. Ни убѣжденія патріарха Сергія и римскаго папы Гонорія, ни изданіе Геракліем в 638 году эдикта, извѣстнаго под именем эктезис, в котором слово *ἐνέργεια* было замѣнено словом *θέλημα*, не успокоили строгаго защитника чистоты Халкедонскаго исповѣданія вѣры. Примирительная политика Византіи не могла имѣть успѣха, так как Сирія, Палестина и Месопотамія уже были завоеваны арабами, а в Египтѣ продолжались религіозныя несогласія. Мало того, один из сторонников патріарха Софронія монах Максим возбудил в защиту ученія Халкедонскаго собора всю Африку и Италію, так что затрудненія византійскаго правительства не только не уменьшились, как думали создатели примирительной теоріи об единой волѣ, но значительно увеличились.

Таким образом, была подготовлена почва для дальнѣйших завоеваній арабов возбужденіем новых поводов для религіозной борьбы.

О завоеваніи Египта у нас сохранились свидѣтельства арабских и греческих писателей. Греческія свидѣтельства недостаточны, а арабскія — окрашены чертами восточной фантазіи. И вопрос о том, как происходило завоеваніе Египта, являлся бы темным, если бы не сохранилось сказаніе епископа города Никіу Іоанна о завоеваніи Египта. Это сказаніе первоначально было написано на греческом языкѣ, но в подлинникѣ оно не сохранилось, а было переведено на арабскій и с него на коптскій языки. Для европейских ученых, незнакомых с восточными языками, это свидѣтельство епископа Іоанна доступно во французском переводѣ Зотенберга.

Виновником завоеванія Египта, по арабским свидѣтельствам, был арабскій полководец Амру. Начальствуя войсками, стоявшими в южной части Палестины, он неоднократно обращался к халифу Омару с просьбой о разрѣшеніи приступить к завоеванію Египта. Халиф сначала упорно отказывал, а потом прислал письмо с разрѣшеніем, данным при том условіи, если письмо застанет Амру на египетской территоріи. Полководец прибѣг к хитрости: он не распечатывал пакета, пока не достиг египетской территоріи. По дорогѣ между городами Пелузіем и Мемфисом Амру не встрѣтил сопротивленія и только около Вавилона (Каира) сошлись вражескія войска. Начальник византійскаго войска Мокавкас, копт по происхожденію, измѣнил Византіи и признал

власть халифа, обѣщая платить дань по числу жителей. Таким образом, завоеваніе Египта представлено как дѣло измѣны византійскаго полководца.

Епископ Іоанн представляет это событіе в ином освѣщеніи. Первое сраженіе произошло недалеко от Ликополиса и окончилось отступленіем византійцев к Вавилону. Второе сраженіе около Геліополиса окончилось также пораженіем византійцев. Дальнѣйшим успѣхам арабов помѣшал префект Өеодор, хотя вся страна около Меридова озера осталась в руках арабов, и многіе из жителей этой страны приняли магометанство. При таком положеніи дѣл естественно, что паника распространилась во всем Египтѣ, когда пришло извѣстіе о кончинѣ императора Гераклія, и отовсюду богатые люди поспѣшили бѣжать в Александрію. Преемник Гераклія его старшій сын Константин дѣятельно готовился к войнѣ и вызвал к себѣ александрійскаго патріарха Кира. Неожиданная смерть Константина прервала эти приготовленія, а Геракліон и его мать Мартина, к которым войска относились враждебно, рѣшили измѣнить политику и отослали патріарха Кира обратно с приказом заключить с арабами договор. Кира ожидал в Александріи прекрасный пріем; и он, как уполномоченный правительства, отправился в лагерь арабов, устроенный под Вавилоном (теперь Каир). По условіям договора Египет сохранял свое гражданское и церковное устройство, но византійцы обязаны были вывести свои войска, а охрану страны принимали на себя арабы. Амру поступал как бы на службу Византіи. Собраніе знати в Александріи одобрило этот договор, но народ встрѣтил извѣстіе об этом договорѣ с негодованіем: хотѣли побить камнями патріарха Кира. Когда же осенью 641 года Костанцій овладѣл с помощью войск властью, то, разумѣется, договор, заключенный от имени прежняго правительства, потерял свое значеніе, и Амру рѣшил овладѣть Египтом, не входя ни в какія соглашенія с Византіей, тѣм болѣе, что в лицѣ византійских правителей: Менаса в Нижнем, Филоксена — в среднем и Синода — в Верхнем Египтѣ Амру нашел дѣятельных помощников. Но этот раз арабы вступили в обладаніе Египтом на таких же условіях и в тѣх же формах договора, как городами Сиріи и Палестины.

Принимая во вниманіе, что разсказ епископа Іоанна согласуется с общим ходом политики Константинопольскаго двора, его можно положить в основу при изложеніи событій, приведших к потерѣ Византіей Египта, который с этого времени сдѣлался житницей арабскаго халифата. Вмѣстѣ с тѣм увеличилось и торговое значеніе Египта, так как арабы озаботились прорытіем канала к Красному морю.

Положеніе Констанція II было чрезвычайно тяжелое. В руках арабов находились Сирія, Палестина, Месопотамія и Египет, а в Арменіи, Африкѣ и Исавріи были подняты возстанія, и гос-

подствовало сильное броженіе. Не смотря на всю энергію Констанція, хорошаго правителя и полководца, завоеванія арабов продолжались. Арабскій полководец Моавія, правитель Сиріи, завел флот на берегах Финикіи и в 648 году завоевал Кипр, а в 656 году опустошил и разграбил остров Родос, при чем был уничтожен знаменитый колосс родосскій. Мѣдь этого сооруженія была продана евреям, которые нагрузили ею 900 верблюдов. Тогда же в силу измѣны мѣстных князей потеряна была Арменія. У честолюбиваго правителя Сиріи возникла мысль о завоеваніи Константинополя, но эта опасность была отстранена, так как в халифатѣ возникли смуты и борьба, в которых дѣятельное участіе принял Моавія.

Омар пал от руки убійцы при входѣ в мечеть. За время своего управленія он не только расширил предѣлы халифата, но и установил его управленіе и финансы. Покоренные должны были платить подушную подать (джизье) и поземельную (харадж). Подушная взималась в странах золотого обращенія по 4 динарія с каждаго взрослаго мужчины, а в странах серебряной валюты — по 40 диргем (10 диргем равнялись 1 динарію). При взиманіи поземельнаго налога принимались в разсчет культура (поле, сад, виноградник) и плодородіе почвы. Арабы же уплачивали десятину от скота, полевых сборов и капиталов по извѣстной разверсткѣ, но в среднем около $2^1/_2\%$ дохода и около 10% поземельнаго налога. Вмѣстѣ с тѣм еще Абу-Бекр установил выдачи или дотаціи в пользу каждаго араба из доходов казны по 10—20 диргем. Омар же нашел необходимым опредѣлить эти выдачи, сообразуясь с близостью к пророку и заслугами каждаго араба и каждаго племени. Любимая жена пророка Аиша получала по 12 тыс. диргем, другія его жены — по 10 тыс., ансары и могаджиры, участвовавшіе в битвѣ при Бедрѣ, — по 5 тыс., принявшіе ислам до взятія Мекки корейшиты — по 3 тыс., а принявшіе ислам послѣ взятія Мекки — по 2 тыс. Представителям других племен, кромѣ корейшитов, дотація была опредѣлена в размѣрѣ по 300—1000 диргем на каждаго человѣка. Даже вдовам и дѣтям сражавшихся или павших в битвах было назначено по 10 диргем. Дотація являлась как бы замѣною жалованія и пенсіи солдатам. Кромѣ того, армія получала в раздѣл 4 доли добычи, а пятая доля отчислялась в доход казны. Желая удержать арабов при занятіи военным дѣлом, Омар запретил им заниматься земледѣліем и пріобрѣтать земли внѣ Аравіи. Для упроченія завоеванных стран в каждой из них были устроены военныя стоянки, которыя иногда превращались в города (напр., из стоянки около Вавилона вырос Каир). В лагерѣ-стоянкѣ каждое племя имѣло свой квартал и собственную молельню. Начальники стоянок были правителями соотвѣтствующих областей и завѣдывали сбором налогов. Им же принадлежало и предстательство на молитвах и

обязанности религiозныя. Впрочем, в главных сирiйских стоянках Омар назначил для отправленiя религiозных обязанностей кади, а в Мединѣ обязанность кади исполнял сам калиф. Начальники нѣскольких военных стоянок были подчинены одному главному начальнику: в Нижнем и Среднем Египтѣ таким начальником и правителем был Амру, в сѣверной Сирiи Моавiя. Всѣ начальники стоянок и правители обыкновенно назначались из числа корейшитов.

Для избранiя халифа Омар успѣл назначить особый совѣт, в состав котораго вошли Али, Осман, Зобейр, Талга, Саад, Абдалрахман Ибн-Ауф и сын Омара Абдалрахман. Были выдвинуты кандидатуры Али и Османа. Али, двоюродный брат пророка и его зять, опирался на поддержку строгих магометан и был сторонник политики первых халифов, которые умѣли держать корейшитов в повиновенiи. За Османа высказывались представители этой корейшитской аристократiи, справедливо разсчитывающей при правленiи этого слабаго старика захватить власть в свои руки. Избран был поэтому Осман (644—656), принадлежавшiй к многочисленному корейшитскому роду Омейядов. Сдѣлавшись халифом, Осман особенное пристрастiе проявлял по отношенiю к своим родственникам, которых преимущественно назначал на различныя должностн. Им же он возвысил размѣр дотацiи. Кромѣ того, своему двоюродному брату Мервану он предоставил пятую долю египетской добычи, которая подлежала поступленiю в казну, а другому своему родственнику Моавiю, правителю в Дамаскѣ, отдал сирiйскiя казенныя земли. Вавилонiю, которая казнѣ приносила 84—90 мил. диргем дохода и имѣла населенiе до 2 мил., арабская корейшитская знать разсматривала как свою собственность, а не как общинное имущество. От правителей халиф не гнушался брать подарки и деньги, необходимыя на роскошную жизнь, которую он вел. Как почти всѣ корейшиты, относясь равнодушно к чистотѣ исламизма, Осман ввел в церемонiи паломничества в Мекку кое-какiе древнiе языческiе обычаи.

Грабеж казны, покровительство родственникам, распущенность правителей, равнодушiе Османа к чистотѣ исламизма, его роскошный образ жизни — все это вызывало всеобщее неудовольствiе, и во главѣ недовольных стоял Али. Дѣло дошло до того, что Осман окружил себя вооруженными рабами и боялся даже выходить в мечеть. Чувствуя, вѣроятно, недостаток средств, халиф задумал у правителя Египта Амру отнять сбор налогов и завѣдыванiе денежными средствами, но Амру сумѣл воспротивиться этому: „В таком случаѣ, — говорил он, — я оказался бы в положенiи человѣка, держащаго корову за рога в то время, как другой ее доит.“ Когда же эта мѣра была проведена в Куфѣ, то правитель поднял возстанiе, которое и погубило ха-

лифа. Осман был убит в собственном домѣ, который убійцы предварительно подожгли, имѣя в виду заставить халифа выйти и скрыть слѣды преступленія. Жители Медины не пытались защищать Османа.

Али (656—661) был провозглашен халифом и начал свое правленіе распоряженіем о смѣнѣ всѣх правителей, назначенных Османом, чѣм нажил себѣ много врагов. Первая выступила против Али „мать правовѣрных", любимая жена пророка Аиша, которая давно уже питала злобу против Али, а теперь, обвиняя его в соучастіи с убійцами, объявляла, что долг каждаго правовѣрнаго отомстить за смерть Османа. Аиша подняла жителей Мекки и почти всю Аравію, но была побѣждена и попалась в плѣн. Власть Али была признана теперь во всѣх восточныхъ областях и в Аравіи. В западных же областях и не думали подчиниться Али. Родственник убитаго Османа правитель Сиріи Моавія повѣсил окровавленную рубашку халифа в одной мечети Дамаска. Войска противников сошлись около Зиффина (на правом берегу Евфрата). Хотя в битвѣ перевѣс был на сторонѣ Али, но рѣшено было передать дѣло на суд двух посредников, одним из которых был личный друг Моавіи Амру. Так как Али не принял рѣшенія посредников и продолжал военныя дѣйствія, то Моавія был провозглашен в западных областях халифом (657 г.). В виду такого распаденія халифата Моавія вынужден был в 658 году заключить с Византіей договор, в силу котораго признал верховныя права императора над завоеванными арабами областями и обязался уплачивать Византіи ежегодно денежныя суммы. В январѣ 661 года Али был убит каким-то персидским жрецом, и Моавія, сдѣлавшись единоличным повелителем арабскаго халифата (661—680), мог возобновить военныя дѣйствія против Византіи.

С апрѣля до сентября 673 г. Моавія осаждал Константинополь с суши и моря. Хотя посредством греческаго огня был уничтожен арабскій флот, но арабы прочно засѣли в Кизикѣ, откуда в теченіе 7 лѣт производили набѣги и нападенія на столицу Византіи. Однако, никаких успѣхов арабы не могли достигнуть, и на военном совѣтѣ корейшитов было рѣшено заключить с Византіей мир, по которому Моавія обязывался уплачивать ежегодно по 3000 фунтов золота за владѣніе землями, отнятыми у имперіи. Таким образом, Константин IV Погонат вышел побѣдителем в трудной и продолжительной борьбѣ с Моавіей.

Этот выгодный для Византіи мир достигнут был в значительной степени в силу броженія и недовольства, распространенных в арабском халифатѣ. Помимо родственников и сторонников Али, с которыми приходилось вести борьбу, в халифатѣ многіе были недовольны как Моавіей, так и его преемниками

Омейядами. Халифы этой династіи явно стремились к усвоенію всѣх обычаев византійскаго двора и, вопреки традиціям первых двух халифов, вели раскошный образ жизни. Будучи глубоко равнодушны в религіозном отношеніи, Моавія и его преемники только формально и наружным образом исполняли предписанія ислама, появляясь на моленіях в мечети, но в своей дѣятельности и политикѣ они руководились чисто свѣтскими, а иногда даже противными исламизму, соображеніями. Уже Моавія стремился превратить арабскій халифат в монархію, устроенную по образцу византійскаго государства. Отсюда его стремленія к проведенію принципа наслѣдственности при замѣщеніи сана главы халифата. Незадолго до своей смерти он отправился в Мекку и здѣсь заставил признать своим наслѣдником сына Язида I (680—683).

Такое положеніе дѣл вызвало в халифатѣ рѣзкую реакцію. Абдалла Ибн-Зобейр, родственник Аиши и Хадиджи, сын того Зобейра, котораго Омар назначил в состав совѣта, призваннаго озаботиться избраніем халифа, — поднял возстанія в Меккѣ и Аравіи. Тогда началась смута, которая продолжалась около 10 лѣт. В теченіе этого времени почти все населеніе Медины было перебито, а Мекка два раза была осаждаема войсками, высланными из Сиріи, при чем пострадала даже священная для магометан Кааба. Тѣм не менѣе положеніе Омейядов было крайне неустойчиво. За смертью Язида I на престол вступил сын его Моавія II, правившій в теченіе всего нѣскольких недѣль. Так как он не внушал довѣрія даже самим Омейядам, то они выдвинули в качествѣ замѣстителя его Мервана I (684—685). Желая обезопасить себя от Зобейра, Мерван должен был поддерживать с Византіей ту политику мира, которую намѣтил Моавія. Халиф обязался уплачивать Константину IV по 1000 динаріев ежегодно в видѣ дани. За смертью Мервана престол перешел к его сыну Абдоль-Малику (685—705), который положил основаніе прочному устройству государственных учрежденій в арабском халифатѣ. Так как по дѣйствующим законам каждый правовѣрный имѣл право на занятіе государственных должностей, то, в виду недостатка среди арабов лиц, способных к занятію государственных должностей, требующих знанія отчетности и извѣстной образованности, эти должности (преимущественно по финансовому вѣдомству) замѣщались сирійцами и персами, принявшими ислам иногда, может быть, и по корыстным соображеніям тѣм болѣе, что таким образом они получали право на дотацію. В виду этого Абдоль-Малик в 700 году по фискальным соображеніям запретил иновѣрцам принимать ислам.

Ко времени Абдоль-Малика относится возобновленіе больших завоеваній как на Востокѣ так и на Западѣ, ибо со смертью Абдаллы Ибн-Зобейра в 692 г. настал в халифатѣ внутренній мир.

Когда вѣсть о смерти Зобейра достигла Дамаска, то Абдоль Малик отправил письмо к намѣстнику Египта Гассану Ибн-Номану слѣдующаго содержанія: „Теперь руки наши свободны! Возьми сокровища, раздѣли их между соратниками и двигайся в Африку на священную войну!“ Дѣло в том, что всякая война против невѣрных по корану считалась священною, хотя коран всѣх неправовѣрных раздѣлял на язычников и людей писанія. К послѣдней категоріи причислялись христіане, евреи, персы, а впослѣдствіи и берберы. Всѣ прочіе народы считались язычниками и подлежали или истребленію мечом или насильственному обращенію в магометанство.

Гассан, посланный халифом, разбил византійцев и без труда овладѣл Карѳагеном. Однако, при завоеваніи области он встрѣтил со стороны берберских племен сопротивленіе, которое было сломлено только послѣ цѣлаго ряда походов. Большинство берберских племен приняло ислам и при их помощи арабы к 708 г. завоевали всю сѣверную Африку вплоть до Атлантическаго океана. В руках христіан осталась только крѣпость Цеута, защищаемая графом Юліаном. Начатыя Гассаном эти завоеванія были окончены арабским полководцем Музой-бен-Ноцейром. Только пролив отдѣлял теперь арабов от Испаніи, гдѣ водворились вестготы.

Вестготское королевство находилось в полном упадкѣ и разложеніи, так как могущественная и своевольная знать ослабила королевскую власть и держала в угнетеніи всѣ классы народа. Заговоры, интриги, раздоры и смуты стали обычным состояніем несчастной страны. Король Родриго враждовал с Юліаном, который и призвал против него арабов. Рѣшительная битва 711 г., извѣстная обычно под именем битвы при Хересѣ, произошла вблизи мыса Трафальгара. Начальник арабскаго отряда Тарик, посланный Музой, разбил вестготскаго короля Родриго, который пал в битвѣ. Тарик занял южные города и двинулся на столицу королевства Толедо. Тогда в Испанію поспѣшил Муза. Он взял Толедо, овладѣл Сарагоссой и дошел до Пиренейских гор. Халиф Валид (705—715), сын и преемник Абдоль-Малика, отозвал из Испаніи Музу и Тарика, не довѣряя им. Замѣстители Музы, завоевателя Испаніи, продолжали его завоеванія. Арабы перешли Пиренеи и завоевали Нарбонну. Абдерахман разбил аквитанцев, взял город Бордо и двинулся за Луару. Здѣсь его встрѣтил майордом франкскаго государства Карл между Туром и Пуатье в 732 году и нанес рѣшительное пораженіе. Так, были остановлены завоеванія арабов на Западѣ. Однако, еще долго арабы удерживались в Септиманіи и Нарбоннѣ.

Не менѣе значительныя завоеванія были сдѣланы арабами в странах Востока. Битва при Кадезіи отдала в руки арабов всю долину Мессопотаміи, но не сломила сопротивленія персов.

По настоянію халифа Омара арабы перешли гористый Луристан и при Негавендѣ в 643 году нанесли рѣшительное пораженіе персидским войскам. Персидскій царь, в сопровожденіи двора и гарема, переходил из одного города в др., ища надежнаго убѣжища. Сатрапы спѣшили заключить отдѣльные договоры с арабским полководцем. Окруженный ничтожными и слабыми людьми, не находя поддержки и помощи ни со стороны собственных сатрапов, ни со стороны турок, бухарцев и китайцев, к которым он обращался, Іездегерд погиб жалким образом, а вмѣстѣ с ним покончила свое существованіе монархія Сасипидов. Арабы заняли Арменію, проникли до Кавказа и там основали восточную колонію в Дербентѣ. Дальнѣйшія завоеванія в Азіи были пріостановлены как вслѣдствіе сопротивленія турок, так вслѣдствіе смут, которыя произошли в халифатѣ послѣ смерти Омара и Османа. Только при халифѣ Валидѣ, преемникѣ Абдоль-Малика, были возобновлены завоеванія арабов. Правитель Персіи Хажжажа послал Хотайба, который завоевал Хиву, Согдіану или Бухару, Ферган и Кашгар. Другая арабская армія овладѣла Афганистаном, долиною рѣки Инда и проникла до рѣки Ганга.

Таким образом, возник халифат или арабская монархія, простиравшаяся от рѣки Ганга до рѣки Роны в Европѣ, в предѣлах трех материков стараго свѣта. По своим размѣрам эта монархія превосходила всѣ ранѣе существовавшія государства.

Это огромное государство, основанное в теченіе 80—100 лѣт завоеваній, скоро стало обнаруживать слѣды разложенія: уже со второй половины VIII вѣка из состава единаго халифата стали выдѣляться отдѣльные и независимые эмираты или халифаты. Эта недолговѣчность единаго халифата объясняется прежде всего тѣм, что арабы, не будучи представителями высшей культуры, не были настолько многочисленны, чтобы поглотить или растворить в своей массѣ населеніе завоеванных областей. Поселившись в различных частях основанной ими монархіи, арабы смѣшались с мѣстным населеніем и прониклись его интересами и задачами. С другой же стороны, то религіозное начало и единство, которое сплотило всѣх арабов в грозную силу, также было потеряно, когда со времени халифа Али начали среди послѣдователей Магомета образовываться многочисленныя секты и вѣроученія, уничтожившія религіозное единство, этот краеугольный камень единаго халифата.

Грозная опасность, столь счастливо отклоненная в борьбѣ с Али, его сыном Гусейном и Зобейром, не измѣнила духа и направленія политики Омейядов. Их религіозное равнодушіе к началам исламизма и их арабскій націонализм вызывали повсюду глухое раздраженіе и оппозицію то во имя чистоты исламизма, то во имя защиты мѣстных интересов. Несогласія среди Омейядов ускорили катастрофу. Послѣ Валида престол послѣдова-

тельно занимали то его братья, сыновья Абдоль-Малика, то внуки и племянники этого послѣдняго. Почти всѣ они, за исключеніем Гишама (724—743), правили не болѣе 3—4 лѣт каждый. В теченіе одного 744 года смѣнилось три халифа (Валид II, Язид II, Ибрагим) и на престол вступил послѣдній Омейяд Мерван II, племянник Абдоль-Малика. В 750 году в Мерви вспыхнуло возстаніе. Хорассанскіе персы, во главѣ с Абуль-Аббасом, прозванным Кровопроливцем (Саффах), потомком дяди Магомета Аббаса, свергли Омейядов. Мерван был разбит и бѣжал в Египет, гдѣ и был убит. Побѣдители рѣшили истребить весь род Омейядов, не давая пощады ни старикам, ни дѣтям: 70 человѣк было перебито в Дамаскѣ. Только внуку халифа Гишама Абдерахману удалось найти спасеніе в Испаніи, гдѣ он основал независимый Кордовскій халифат. В азіатских и африканских владѣніях халифата была признана власть новой династіи Аббасидов.

Внутренній строй Византіи VI—VII вѣковъ.

Не смотря на огромныя матеріальныя и территоріальныя потери VII вѣка, Византія обнаружила необыкновенную жизненность и прекрасно выполнила свою историческую задачу охранительницы европейской и христіанской культуры, хотя ей одновременно пришлось бороться с напором азіатскаго исламизма и сѣверных варваров. Государственный организм Византіи оказался болѣе стойким и долговѣчным, чѣм организм его счастливаго соперника, арабскаго халифата. Такой благополучный исход борьбы объясняется тѣм обстоятельством, что государственныя учрежденія Византіи были соображены с духом и жизненными потребностями населенія, и что Византія была очагом высшей в то время человѣческой культуры. Ни одна страна не могла похвалиться столь глубокою разработкою законодательства, таким развитіем юридической мысли и таким обиліем высших учебных заведеній, как Византія. С другой стороны, ни в одной странѣ міра в то время не было такого развитія промышленности и торговли, как в Византіи.

Разработка римскаго права, составляющаго гордость европейской юридической мысли, была возможна лишь благодаря законодательным и кодификаціонным работам царствованія Юстиніана Великаго. Являясь сокровищницей юридической мысли, эти работы навсегда останутся памятником культурных заслуг Византіи.

Законодательныя и кодификаціонныя работы, которыми отмѣчено царствованіе Юстиніана Великаго, были многочисленны и разнообразны.

13 февраля 528 г. приказом императора была образована комиссія в составѣ 10 человѣк, с назначеніем в качествѣ предсѣдателя сановника (magister officiorum) Трибоніана. Из других членов этой комиссіи выдѣлялся профессор константинопольской школы Өеофил. Эта комиссія должна была составить свод всѣх конституцій, изданных в императорскій період, при чем всѣ потерявшія значеніе по своей устарѣлости конституціи подлежали устраненію, а в вводимых в кодекс конституціях были выкинуты введенія, устранены повторенія и противорѣчія, так что текст сдѣлан кратким и ясным. Этот Юстиніановскій кодекс был опубликован 7 апрѣля 529 г. и введен в дѣйствіе с 16-го апрѣля того же года.

По окончаніи работ по составленію свода, по мысли Трибоніана, было рѣшено приступить к обработкѣ и изданію юридических сочиненій замѣчательных юристов императорскаго времени, так как эти сочиненія имѣли не только теоретическое значеніе, но и практическое, служа пособіем при рѣшеніи судебных и административных дѣл. Это собраніе должно было представлять сокровищницу юридической античной мысли. Конституція 15-го декабря 530 года de conceptione Digestorum предоставила Трибоніану выбор членов новой комиссіи. В состав этой комиссіи он привлек министра финансов (comes sacrorum), как главу императорской канцеляріи, четырех профессоров права (Өеофила и Кратина из Константинополя и Доровея и Исидора из Бейрута) и 11 адвокатов, которые вели дѣла при судебной палатѣ, и префекта Восточной префектуры. 16 дек. 633 г., т. е. ровно послѣ трех лѣт работы, дигесты были составлены и получили значеніе оффиціальнаго сборника или собранія, которым должны были пользоваться судебныя и административныя учрежденія. По-гречески этот сборник дигест был извѣстен под именем пандект.

Еще в 530 году возникла мысль в видах подготовки молодежи к усвоенію юридических норм издать соотвѣтствующее юридическое руководство, которое должно было замѣнить Институціи Гая, служившія доселѣ руководством при первоначальном юридическом образованіи. Составленіе этого руководства было поручено Трибоніану и двум профессорам Өеофилу и Доривею. Прежде опубликованія дигест или пандект, 21 ноября 533 года, было изготовлено это руководство (Institutiones или Elementa).

По окончаніи этих работ особая комиссія, в составѣ Трибоніана, Доровея и трех адвокатов высшаго суда должна была заняться пересмотром изданнаго в 529 году Юстиніанова кодекса, ввести новыя конституціи и включить их части под соотвѣтствующими титулами. Это новое изданіе Юстиніанова кодекса, извѣстное под именем Codex Justinianus repetitae praelectionis было опубликовано 17 декабря 534 года.

При составленіи этих законодательных трудов имѣлось в виду, что памятники законодательные послѣдующаго времени

войдут в состав особаго собранія, под заглавіем Novellae constitutiones. Большая часть этих новелл была написана на греческом языкѣ, за исключеніем тѣх, которыя исключительно были изданы для западных областей, гдѣ господствовал латинскій язык. По формѣ своей новеллы мало отличались от конституцій и слагались каждая из трех частей: введенія (proemium), гдѣ говорилось о мотивах закона; текста закона, раздѣленнаго на главы, и заключительной части (epilogus), в которой дана была санкція закона и опредѣлен порядок его введенія в дѣйствіе. Собраніе Юстиніановских новелл, большинство которых приходится на 535—540 годы, было закончено уже при Тиверіи. В этом собраніи насчитывалось 168 новелл. К сожалѣнію, подлинник этого собранія не сохранился, и о нем можно составить представленіе лишь по позднѣйшим двум сборникам, в одном из которых латинскія новеллы приведены цѣликом, а из греческих даны только извлеченія, а в другом — дан плохой перевод, составленный лицом, которое не заботилось о смыслѣ, переводя слово за словом.

Чтобы составить нѣкоторое представленіе о громадности труда, потраченнаго при законодательных и кодификаціонных работах царствованія Юстиніана, необходимо войти в изложеніе нѣкоторых подробностей.

В своей конституціи Tanta или *Δέδωκεν* 16-го декабря 633 г. Юстиніан исчисляет всѣ произведенія римских юристов, вошедшія в состав дигест или пандект, круглой цифрой в 2000 книг и 3 милліона строк. Извлеченію предпосылалось имя юриста и заглавіе его произведенія (так называемая инскрипція). Дигесты раздѣлялись на 50 книг, которыя составляли 7 частей. Первыя 5 частей дигест носили особыя заглавія (*πρῶτα*, de iudiciis, de rebus, umbilicus, de testamentis). Шестая и седьмая части особых заглавій не имѣли, при чем в состав шестой части входили 37—43 книги, а в состав седьмой части 44—50 книги. Книги во всѣх частях дѣлились на титулы.

Кодекс Юстиніана (Codex Justinianus repetitae praelectionis) был раздѣлен на 12 книг: книга первая трактует о нормах церковнаго права, источниках права и обязанностях императорских чиновников; 2—8 книги излагают нормы гражданскаго права; 9 книга — нормы уголовнаго права; 10—12 книги — нормы административнаго права.

Всѣ эти законодательныя работы времени Юстиніана были возможны вслѣдствіе того, что в Византіи прекрасно было поставлено дѣло высшаго образованія, а особенно преподованіе юридических знаній.

До Константина Великаго обученіе юридическим наукам было дѣлом частной предпріимчивости, но в 425 году приказом императора воспрещалось частным лицам публичное преподаваніе права, а в Константинополѣ учреждены каѳедры права на средства

государства. Такія каѳедры были открыты в Римѣ и Бейрутѣ. Бейрутская, повидимому, превосходила своею славою Константинопольскую школу. Преподаваніе права возникло также в Аѳинах, Александріи, сирійской Кесаріи, но профессоры этих школ от казны жалованія не получали. С теченіем времени эти школы были закрыты: аѳинская в 529 г., а за нею скоро — кесарійская и александрійская. Бейрутская же школа просуществовала до 554 г., когда вслѣдствіе землетрясенія и пожара в городѣ она была перенесена в Тир, а затѣм вслѣдствіе продолжительных войн с Персіей преподаваніе в ней вовсе прекратилось.

Прохожденіе курса в теченіе нѣскольких лѣт и полученіе свидѣтельства об успѣшности от профессоров требовалось в V вѣкѣ как необходимое условіе для поступленія на поприще судебной практики. В константинопольской и бейрутской школах было по 4 профессора, и преподаваніе происходило на греческом языкѣ. О возрастѣ слушателей можно судить по слѣдующим указаніям: студенты бейрутской школы были свободны от государственных повинностей до 25 лѣт, а конституція 370 года разрѣшала иностранцам остаться в Римѣ до 20 лѣт. Курс ученія продолжался 4 года: на первом курсѣ изучались институціи Гая и законы об опекѣ, завѣщаніи и легатѣ; на втором курсѣ основные законы (*πρῶτα*), de iudiciis и de rebus; на третьем курсѣ оканчивали изученіе отдѣльных вопросов права и проходили 8 книг сочиненія Папіана Responsa, а на четвертом курсѣ изучали Responsa Павла. Когда были изданы институціи Юстиніана, в учебном планѣ произошли нѣкоторыя перемѣны. Студенты 1-го курса должны были проходить Юстиніановскія институціи или элементы и *πρῶτα* дигест (первыя 5 книг). На втором и третьем курсах изучались и истолковывались отдѣльныя книги дигест. К этим трем годам обученія были присоединены два года приватнаго или спеціальнаго изученія: в теченіе 4-го года вмѣсто изученія Responsa Pauli изучались 24—36 книги дигест, а 5-ый год был посвящен изученію кодекса Юстиніана.

Сообразно существовавшему ранѣе четырехлѣтнему курсу, для слушателей (auditores) каждаго курса были в употребленіи особыя названія. Первокурсники назывались dupondii. Значеніе этого термина было неясно и современникам. Думают, что им выражалась насмѣшка, как видно из текста одной конституціи: tam frivolo quam ridiculo cognomine dupondios appellari. Студенты второго курса назывались edictales, третьяго курса — papinianistae, а четвертаго — *λύται*. Когда же со времени Юстиніана послѣдовала перемѣна учебнаго плана, то первокурсников стали называть justiniani novi, а слушателей 5-го года prolytae.

На ряду с юридическими школами, в Византіи было много и других высших учебных заведеній, из которых одни напоминают наши гуманитарныя школы или университеты, а другія

современныя духовныя академіи. Из гуманитарных высших школ особенно была извѣстна аѳинская школа или университет, бывшая послѣдним прибѣжищем язычества в Элладѣ. Процвѣтаніе аѳинской школы оканчивается в IV вѣкѣ по Р. Х., так как к этому времени софистическія изученія перестали отвѣчать духу времени. Однако, изученіе риторики, филологіи, права и медицины продолжалось с прежним успѣхом. Впрочем, главное значеніе этой школы основывалось на том, что в теченіе послѣдних 140 лѣт существованія ея в ней сосредоточивалась разработка неоплатанизма. Когда эта система философіи утратила свое вліяніе на умы современников, то начался упадок аѳинской школы. Преподаватели школы, как представители язычества, лишились сочувствія населенія, в громадном большинствѣ принявшаго уже христіанство, а число слушателей значительно сократилось тѣм болѣе, что со времени Зенона правительство стѣснило свободу преподаванія. С этого времени были разрѣшены только двоякаго рода курсы: одни — публичные для изложенія математических, философских и эстетических предметов, а другіе — закрытые для немногих приверженцев язычества, смотрѣвших на своих профессоров, как бы на жрецов языческой мудрости. Само собою разумѣется, что послѣдняго рода курсы и лекціи, читаемыя для избранной и при том односторонне настроенной аудиторіи, утрачивали всякое жизненное значеніе и вырождались в проповѣди и толкованія тонкостей языческаго мистицизма, чуждаго запросам и потребностям живой дѣйствительности. Школа, которая всѣ свои идеалы усматривала в далеком прошлом и не хотѣла считаться с окружающей жизнью, должна была потерять всякое вліяніе на современность. В концѣ 529 года послѣдовало запрещеніе преподавать в аѳинской школѣ философію, и были отобраны в казну всѣ имущества, приносившія доходы неоплатникам. Школа перестала существовать тѣм болѣе, что и без того она влачила жалкое существованіе, не располагая достаточным числом слушателей.

Аѳинскіе ученые завязали сношенія с персидским царем Хозроем I и в 532 г. переселились в Ктезифон, гдѣ открыли свои лекціи по всѣм предметам, но скоро убѣдились в грубости персидских нравов и в том, что Хозрой I мало похож на того идеальнаго правителя, каким они представляли себѣ его издали. Когда Хозрой I в 533 г. заключил мир с Византіей, то одним из условій договора было разрѣшеніе злополучным аѳинским ученым безпрепятственнаго возврата на родину и предоставленіе им прав свободнаго исповѣданія их язычества.

Кромѣ Аѳинской школы и юридических школ, содержимых на средства казны, остальныя школы находились в руках духовенста, как наиболѣе образованнаго класса общества. Обладая значительными средствами, церковь могла часть доходов удѣлять

на жалованіе учителям, содержаніе школ и устройство библіотек. Главным образовательным учрежденіем была константинопольская академія, помѣщавшаяся вблизи храма Св. Софіи. Эта академія имѣла правильную организацію: коллегія преподавателей или профессоров состояла из 12 ученых духовных лиц, во главѣ с директором (oekumenikos) по назначенію от правительства. Члены коллегіи были профессорами различных наук и пользовались большим вліяніем при рѣшеніи церковных вопросов. Преподаваніе в этой академіи велось по цѣлому циклу наук. Предметы преподаванія были разнообразны и подобраны так, что слушатели получали не только богословскую подготовку, столь необходимую для будущих служителей и пастырей церкви, но и достаточное высшее образованіе. В академіи, кромѣ библіи и извѣстнаго числа отцов церкви, были читаемы Гомер, Гезіод, Пиндар, три великих аѳинских трагика, комедіи Аристофана и Менандра, Ѳукидид, многіе діалоги Платона, рѣчи Демосѳена, Страбон, біографіи Плутарха, отрывки из сочиненій Лукіана и Діона Кассія. Преподаваніе философіи состояло в толкованіи Аристотеля; риторику проходили по Гермогену, а грамматику изучали по компедіумам, составленным из наиболѣе значительных сочиненій древних ученых. Из так называемых точных знаній преподавались механика или прикладныя ея отрасли. Медицину преподавали, руководствуясь сочиненіями компиляторов, какими были Аэцій и Александр из Траллеса и Павел из Эгины.

По сравненію с Западной Европой, гдѣ в ту пору довольствовались монастырскими школами, немного возвышающимися над уровнем школ грамоты, Византія, располагавшая цѣлым рядом высших учебных заведеній, стояла, несомнѣнно, на высокой ступени образованности или культуры.

Другим устоем силы и прочности имперіи было развитіе матеріальной культуры, торговли и промышленности. Главное сосредоточіе торговли было на Средиземном морѣ, гдѣ сходились и перекрещивались всѣ торговые пути того времени. С берегов Чернаго моря Византія получала хлѣб, лѣс и др. предметы добывающей промышленности, из Индіи через Персидскій залив — араматическія вещества и пряности, из Китая или через Цейлон, или через Туркестан и Бухару — шелк и шелковыя матеріи. Когда же при Юстиніанѣ началась продолжительная война с Персіей, то торговля с Китаем была значительно затруднена, и поступленіе на рынки Византіи шелка крайне уменьшилось. Этот кризис вызвал к жизни шелководство в самой Византіи. Около 552 г. монахи-миссіонеры вывезли из Китая шелковичнаго червя, и с этого времени в предѣлах Византіи стало развиваться шелководство. Сначала оно было монополіей государства, но скоро стало доступно каждому частному человѣку. Шелководство особенно развилось в Сиріи, гдѣ упало в

V вѣкѣ масличное производство. Сирія скоро стала поставщицей на всѣ рынки Византіи шелковых матерій, которыя вполнѣ удовлетворяли потребностям двора и богатых людей.

Кромѣ греков, дѣятельное участіе въ торговлѣ принимали италіанскіе купцы, вслѣдствіе чего по торговым соображеніям самих италіанцев Византіи долго удавалось сохранять свои владѣнія в Италіи, — а равно также сирійцы и іудеи. Эти восточные купцы привозили свои товары в Орлеан и Париж, гдѣ и открывали свои конторы и склады. Обычным же мѣстом съѣзда и торговых сношеній Востока и крайняго Запада был приморскій город Марсель.

Придавая справедливо большое значеніе развитію торговли, византійское правительство озаботилось введеніем полновѣсной крупной и мелкой монеты. Основной монетной единицей был золотой солид, равный одной 72-ой фунта или 4,55 грамма, что составляет по нашему вѣсу 1,07 золотника, а слѣдовательно немного превышает наш 5-рублевый червонец теперешняго чекана. Этот византійскій червонец назывался номисмой, т. е. монетою по преимуществу или византиною. Червонцы чеканились в 2, 3 и 5 солидов, но также в $^1/_2$ (semission), $^1/_3$ (trimissio) и $^1/_4$ (tetarteron) солида. Кромѣ золотой монеты, чеканилась и серебряная, предназначаемая преимущественно для уплаты жалованья солдатам. На солид считали 12 серебряных миліарезіонов или 24 кератіонов. Миліарезіон равнялся приблизительно нашему полтиннику, а кератіон — четвертаку. Отношеніе золота к серебру было 1 : 14,4, т. е. одна часть золота равнялась 14,4 частям серебра. Для мелких расплат чекалась мѣдная монета, на которой большими буквами обозначалось число единиц. На 1 золотой солид приходилось мѣдной монеты на 25 фунтов по вѣсу.

Когда Византія потеряла Сирію, Палестину и Египет, то на первых порах торговлѣ ея был нанесен огромный удар, но благодаря предпріимчивости населенія дѣло поправилось. Византійскіе купцы заполнили азіатскіе рынки и захватили в свои руки вывоз товаров через Антіохію и Александрію. Владѣя большим коммерческим флотом, Византія господствовала на Средиземном и Черном морях и не упустила из своих рук главных нитей всемірной торговли.

Культура Византіи была цементом, соединявшим в одно политическое цѣлое многочисленные народы, входившіе в состав имперіи. В ней не было численнаго преобладанія какой-либо одной народности. Когда 14 ноября 565 г. скончался Юстиніан I, то имперія обнимала земли, расположенныя от берегов Испаніи и сѣверной Африки до средняго теченія Евфрата. На всем этом пространствѣ вся государственность носила римскій отпечаток. Подобно тому, как в древней римской имперіи не замѣчалось какого-либо націоналистическаго принципа, так было и в Византіи. Населеніе ея представляло пеструю смѣсь народов, из ко-

торых одни были романизованы, а другіе эллинизованы. Потомки древних египтян, семитов и берберов мирно уживались друг с другом, и ни в одной провинціи не замѣчалось націоналистической вражды. Только нѣкоторое исключеніе представляла Сирія, гдѣ существовала вражда между семитским населеніем и высшими слоями греческаго или эллинизованнаго общества. Впослѣдствіи, когда Византія понесла ряд потерь в Африкѣ и Азіи, она однако не избавилась от пестроты своего населенія. На мѣсто уведеннаго в плѣн населенія, на Балканском полуостровѣ осѣдали варварскіе народы. Эти чужаки скоро усваивали византійскую цивилизацію и считали необходимым изучить греческій язык и усвоить греческіе нравы. Принятіе же христіанства и усвоеніе языка открывали дорогу к службѣ в имперіи разным иноземным выходцам. Вступая в ряды бюрократіи, эти инородцы женились на гречанках и в слѣдующем поколѣніи сливались с греческим населеніем, внося в жизнь Византіи всю свѣжесть своей варварской крови.

Основы государственности в Имперіи были так хорошо заложены, что государственный механизм прекрасно работал даже и тогда, когда во главѣ имперіи стояли слабые и недальновидные императоры. Централизація в Византіи выражалась не в мелочной опекѣ, а в стремленіи поддерживать связь между столицей и провинціями с таким разсчетом, чтобы средства одной провинціи всегда могли быть употреблены на поддержку столицы и других провинцій.

Располагая всѣми средствами государства, Константинополь являлся сердцем Византіи в большей степени, чѣм Париж в современной Франціи. Дворцы императора и вельмож, храмы чудной архитектуры, сосредоточіе в столицѣ памятников античнаго искусства и огромных богатств — все это было такого рода приманкой, которая приковывала очарованные взоры всѣх варварских народов к Византіи. Конечно, при таком значеніи столицы особенное вниманіе было обращено на ея охрану. В началѣ V в. от Пропонтиды до Золотого Рога, на протяженіи почти 5 верст, были построены стѣны, снабженныя 118 сильными башенными укрѣпленіями. Город был расположен на 7 холмах и дѣлился на 14 кварталов. Он простирался в длину на 14 верст, а в ширину на 6 верст. В началѣ V вѣка город имѣл 1/2 мил. жителей. Вслѣдствіе потерь, понесенных Византіей в VII вѣкѣ, рост Константинополя в послѣдующее время продолжался еще с большею силою, потому что многіе богатые греки из городов Востока переселились в Константинополь, а значеніе его возвысилось, так как ни один город имперіи не мог соперничать со столицей.

Управленіе имперіи не было деспотическое, хотя во главѣ его стоял император, облеченный всею полнотою государствен-

ной власти. Всякія поклоненія и почести воздавались императору, как представителю идеи могущества и единства имперіи. Во имя этого возникли титулы императора, блестящая свита, церемоніал и пышность двора, производившая на послов и представителей варварских народов сильное впечатлѣніе. Император был глава административной власти, и ему же принадлежала законодательная, судебная и военная власть. Он был высшій командир арміи и флота, и в его руках была веденіе и направленіе внѣшней политики.

Неограниченный юридически, император был ограничен фактически различными условіями жизни.

Ограниченіе императора коренилось прежде всего в отсутствіи опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи. Хотя энергичные и заслуженные императоры всегда могли передать права на трон одному из своих сыновей или даже своей вдовѣ, но всегда также требовалась легитимація со стороны народа и церкви. Это отсутствіе опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи порождало цѣлый ряд интриг и приводило к кровавым развязкам, которыя особенно часто происходили при прекращеніи той или другой династіи. По общему правилу старшій сын императора имѣл преимущественное право на избраніе, но не исключительное. Дѣло осложнялось в сущности тѣм, что в Византіи не было установленнаго порядка избранія, т. е. о формальном избраніи не было никакой рѣчи, а только приходилось прислушиваться к голосу церкви, сената, войска и народа. Коронованіе императоров патріархом, вошедшее в употребленіе со времени Льва I, было одной из форм легитимаціи, которая нѣкогда существовала, в старом Римѣ в формѣ признанія со стороны сената. Таким образом, власть императора ограничивалась вліяніем византійской церкви, которая была выразительницей общественнаго мнѣнія. При коронованіи каждый император поэтому должен был прочитать исповѣданіе вѣры и дать обѣщаніе слѣдовать постановленіям вселенских соборов.

Другим органом общественнаго мнѣнія в Византіи были цирковыя партіи. Состязанія на ипподромѣ, пользовавшіяся большим распространеніем в Византіи, были подражаніем древнеримским публичным играм. В Константинополѣ участники состязаній на ипподромѣ дѣлились на 2 партіи: голубые и зеленые. Голубой цвѣт считался цвѣтом Посейдона, а зеленый — Афродиты. Основой каждой партіи или дима было общество, пользовавшееся правами корпораціи, которая имѣла свои земли, доходы и имущества. Когда пригороды по другую половину Золотого рога достигли значительнаго развитія, то и в этой части столицы, названной Перой, возникли также свои два дима или партіи, и стали различаться городскія и загородныя партіи. Каждая цирковая партія имѣла своих начальников, которые в Перѣ называ-

лись димократами, а в городѣ — димархами. Служебный персонал каждой партіи был крайне многочисленный: управляющіе домами и имѣніями, писцы, поэты, пѣвцы, танцмейстеры и служители, работавшіе в сараях, конюшнях и на ипподромѣ. Соревнованіе между партіями на почвѣ спорта приводило часто к взаимным насиліям и ненависти особенно среди молодежи. Отношенія враждебныя ожесточались, если одна из партій становилась на сторону какого-либо религіознаго ученія или политическаго направленія. Напр., при Юстиніанѣ I, когда император и его супруга стали оказывать явное предпочтеніе голубым, зеленые произвели так называемый бунт Ника в 532 году, и император едва не лишился трона. При правленіи Ѳоки во всѣх городах Востока происходила ожесточенная, вооруженная борьба цирковых партій. Разумѣется, располагая большими средствами, прекрасной организаціей и связями во всѣх классах общества, цирковыя партіи представляли собою общественную организацію, с которой должны были считаться императоры.

Наконец, значительное ограниченіе власти императора заключалось во вліяніи бюрократіи, бывшей хранительницей установившихся пріемов управленія и дѣлопроизводства. Никакой император при всей его талантливости и энергіи не могъ внести в эту область каких-либо новшеств, так как для ознакомленія с этой умѣряющей произвол бюрократической инерціей требовалось не только юридическое образованіе, но и долголѣтняя практика в канцеляріях. Смѣнялись императоры, но хорошо налаженная, вѣковая и приспособленная к жизни традиція оставалась без всяких измѣненій. Особенно устойчивыми были традиціи в финансовом и дипломатическом вѣдомствах.

Финансовое хозяйство основывалось на косвенных налогах (таможенныя и портовыя пошлины, доходы от доменов, регаліи и монополіи) и прямых доходах, унаслѣдованных от древней имперіи (поземельный, подушный и промысловый налоги). Со времени Анастасія I-го была упразднена ненавистная для населенія отвѣтственность декуріонов за правильность поступленія налогов. Финансовое управленіе было поставлено прекрасно, и ни одно государство средних вѣков, кромѣ халифата, не располагало столь огромными средствами, как Византія. Если императоры переходили границы умѣренности в напряженіи платежных средств населенія, то происходили опасныя волненія и возстанія, которым приходилось уступать.

Дипломатія византійская унаслѣдовала пріемы стараго Рима. Если подкупами и подарками нельзя было достигнуть какой-либо намѣченной цѣли, прибѣгали к созданію партійных споров среди варварскаго народа или, вмѣшиваясь во внутреннія дѣла сосѣдей, натравливали их друг на друга. В выборѣ средств не стѣснялись. Безсердечный разсчет, коварство, забвеніе собственных

обѣщаній и другія подобныя средства были в большом ходу у византійских дипломатов. Избѣгали только убійства или подсылки убійц.

Византійская армія, хотя и переживала періоды упадка, но вообще способна была с полным успѣхом выполнять свое назначеніе. В значительной степени этому способствовало то обстоятельство, что армія имѣла хороших вождей и стратегов. При Юстиніанѣ I особенно выдвинулись Велизарій и Нарзес. Численность арміи при Юстиніанѣ доходила до 150 тыс. человѣк. Набираемая в собственных областях армія дѣлилась на легіоны, которые позднѣе стали называться ѳемами. Набирали солдат преимущественно во Ѳракіи, долинах Тавра и среди варваров. До потери Африки в рядах арміи служили берберы, а до появленія Ислама — арабы. Особенно сильны были византійцы умѣніем примѣнять техническія познанія к военному дѣлу. Отрицательной чертой византійской арміи было вмѣшательство ея в политику, так как это приводило к упадку в ея рядах дисциплины и порядка.

Морскія силы поставлены были настолько хорошо, что Византія справедливо считалась владычицею морей. Располагая огромным коммерческим флотом, византійцы в случаѣ нужды могли приспособить его и для военных надобностей. Военный флот состоял из так называемых дромон, напоминавших триремы древних эллинов. Матросы для флота были набираемы на побережьѣ малоазіатских, македонских и греческих областей.

Общій взгляд на исторію Италіи в період ранняго средневѣковья.

Исторія Италіи в теченіе трех вѣков ранняго средневѣковья представляет період борьбы за Италію. В эту пору в Италіи смѣняются народы и королевства, и усиливается то восточное, то западное вліянія, то наблюдаются попытки их примиренія. В 493 году остготы основали свое королевство, просуществовавшее до 553 года, когда оно пало под ударами завоевательной политики Юстиніана Великаго, а Италія вошла в состав Византійской имперіи. Спустя 15 лѣт в Италіи появляются лангобарды, но им не удается овладѣть всѣм полуостровом и основать прочное государство. Слабость лангобардскаго государства и разрыв папства с Византіей открывает путь для завоеваній франков.

Папы были главными виновниками того, что в теченіе долгаго времени в Италіи не могло сложиться прочное государство. Универсальное папство, объявившее себя главою всѣх народов и выше всякой земной власти, не могло мириться с сильной властью; и нужно было измѣниться всему строю жизни и мысли, чтобы могло создаться единое Италіанское королевство. Универ-

сальныя воззрѣнія папства сложились под вліяніем борьбы с Византіей, которая унаслѣдовала свой универсализм от античной римской имперіи. Эти двѣ универсальныя силы не могли мирно ужиться, и в происшедшей борьбѣ папы сумѣли воспользоваться силами варварских народов, чтобы создать для себя прочное положеніе. Папы, тѣснимые Византіей, искали помощи сначала у лангобардов, а потом — у франков. Эта борьба завершилась в 800 г. возстановленіем так называемой Западной Римской имперіи. Чтобы подорвать вліяніе универсализма Византіи, папы выдвинули ей соперника в лицѣ франков и Карла Великаго. Когда на Рождество 800 года вѣнчался в Римѣ Карл императорской короной, тогда опредѣлился и раскол культурнаго міра, возникли двѣ Имперіи — Восточная и Западная. Таким образом, ослабѣло существо той универсальности, которая заключалась в императорском титулѣ, а одновременно с этим идея церковнаго универсализма получила бо̀льшее значеніе и вѣс. Можно сказать, что ходом исторических событій в Италіи, гдѣ пришли в столкновеніе такія силы, как античная римская традиція и начала германскаго быта, императорская власть византійскаго базилевса и универсализм папства, — уже в період ранняго средневѣковья предначертывалась судьба всей Западной Европы и отчасти Восточной.

Исторія остготскаго государства есть исторія первой попытки создать в Италіи единое государство. Эти 60 лѣт господства остготов в Италіи имѣют глубокій историческій интерес. Ни один германскій народ не отличался такой бодростью духа и предпріимчивостью, как остготы, и ни один германскій народ не имѣл таких талантливых вождей, какіе были у остготов. Исторія остготов тѣм болѣе поучительна, что они выступили на историческую сцену, имѣя сложившійся государственный строй. Тацит говорит о существованіи у них института сильной королевской власти, который у других германских народов появляется только с V вѣка. Остготы по культурѣ стояли впереди других германских народов. Тѣм не менѣе им не удалось создать прочнаго государства, ибо в их образованности и культурности скрывалась опасность для их самобытности. Они легче других увлекались соблазнами чужой культуры и были порабощены ею, не пытаясь сознательно переработать ее и приспособить к условіям своей жизни.

Monumenta Germaniae historica.

Кромѣ главнаго сочиненія Прокопія, описавшаго войны Юстиніана с остготами, важны для изучаемой нами эпохи сочиненія Кассіодора и Іордана. Оба они писали по-латыни, и сочиненія их изданы в коллекціи Monumenta Germaniae historica. Ни одна коллекція не ведется так тщательно, как эта, и когда идет рѣчь об изданіи источников по исторіи средних вѣков, то она может служить образцом. Эта коллекція содержит в себѣ источники не

только германскіе, но и многіе источники других стран З. Европы, а отчасти и стран Востока.

В то время, как Италія и Франція могли уже похвалиться изданіями своих исторических источников, Германія не имѣла систематическаго изданія источников своей исторіи. Политическое раздробленіе Германіи лишало работу опредѣленнаго плана и порождало финансовыя затрудненія. Однако, событія начала XIX вѣка, способствуя пробужденію интереса к прошлому и возрожденію національнаго сознанія, содѣйствовали и изданію исторических матеріалов. Начало XIX вѣка было временем полнаго подчиненія Германіи власти Наполеона и временем національнаго униженія. Освободительная война пробудила в народѣ и обществѣ національное сознаніе и интерес к старинѣ. Появившіеся труды Арндта и братьев Гриммов заинтересовали стариной широкіе круги общества. Возникла мысль о таком изданіи исторических матеріалов, которое соотвѣтствовало бы народной гордости и удовлетворяло бы стремленію узнать прошлое по первоисточникам. Во главѣ этого движенія оказался извѣстный дѣятель того времени барон Штейн. Он пытался получить представленіе о германской исторіи путем чтенія источников. Не находя необходимых изданій, он составил план обширнаго изданія всѣх источников исторіи Германіи. Ему удалось среди своих друзей, по преимуществу из Вестфаліи, собрать для этой цѣли значительную сумму денег. Сам он разновременно дал на это дѣло 10.000 флоринов. Мысль Штейна нашла сочувствіе и среди членов Франкфуртскаго сейма. В 1819 г. образовалось Общество источниковѣдѣнія древней германской исторіи (Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde).

При Обществѣ начал издаваться періодическій орган, под редакціей Бюхлера и Дюмге. В нем печатались всѣ предварительныя работы, которыя были необходимы для опубликованія исторических памятников. Члены общества скоро сознали, что необходимы иногда научныя поѣздки и при том в отдаленныя страны Европы для разысканія в архивах и библіотеках рукописей о германской старинѣ. Было ясно, что для этого средств, собранных частным путем, недостаточно. Франкфуртскій сейм, хотя и почитался высшим правительственным органом тогда еще разъединенной Германіи и выразителем ея единства, не мог оказать с своей стороны никакой помощи, так как не располагал собственными средствами. Обращаться же к правительствам отдѣльных стран было безполезно. Одни относились к начатому дѣлу совершенно равнодушно, другіе даже с подозрѣніем. Высказывались опасенія, что изданіе источников возбудит в народѣ революціонныя стремленія и поведет к низверженію существующих монархій. Нѣкоторые публицисты (напр., Фосс) видѣли в этом дѣлѣ заговор олигархическій и католическій. В Австріи считали замысел Штейна революціонным предпріятіем, и австрійскіе ученые остерегались

поступать в члены Общества. Так как Общество держалось строго научной почвы, и в его изданіях находили мѣсто лишь научныя изслѣдованія, то настроеніе правительств германских государств не замедлило измѣниться. В 1826 г. был представлен Франкфуртскому сейму I т. Monumenta Germaniae historica. В нем были изданы каролингскія анналы. Безукоризненное служеніе наукѣ было оцѣнено. Баденское правительство разрѣшило Дюмге работать еще нѣсколько лѣт на пользу Общества. Настроеніе вліятельных сфер еще болѣе измѣнилось к лучшему, когда прусскій король пожертвовал на изданіе 1000 талеров. Штейну, однако, не удалось дожить до процвѣтанія изданія. Он умер 29 іюня 1831 г. Окончательно подозрѣніе было снято с изданія только в 1834 г., когда на конференціи германских министров в Вѣнѣ всемогущій тогда Меттерних соблаговолил высказаться об изданіи благосклонно. Только с этого времени дѣло стало на твердую почву.

Первоначально предполагали обратиться к различным ученым и поручить им изданіе отдѣльных писателей. При таком планѣ нельзя было ожидать ни единства метода, ни скорости в исполненіи. Обѣщанія и предложенія ученых по большей части и оставались без осуществленія. Правильную постановку изданіе источников получило лишь послѣ порученія дѣла Пертцу. Уроженец Ганновера, ученик Геерена, он окончил свое образованіе в Геттингенском университетѣ. В 1819 г. Пертц напечатал свое первое ученое сочиненіе Geschichte der merowingischen Hausmeier. Приглашенный Бюхлером, он взялся за изданіе каролингских источников, а затѣм предпринял ученое путешествіе в Вѣну для просмотра рукописей в Придворной библіотекѣ. Не ограничиваясь этим, он осмотрѣл другія библіотеки Австріи и Италіи, завязал сношенія с италіанскими учеными, которых старался привлечь к дѣлу изданія источников германской исторіи. Так как отчеты Пертца пріятно выдѣлялись своею основательностью и научностью в ряду других, то главное веденіе дѣла было возложено на него, когда Баденское правительство нашло нужным отозвать Дюмге и Бюхлера.

Привлеченіе к дѣлу Пертца не замедлило принести плоды. В 1824 году был уже выработан план изданія, а в 1826 году издан первый том. Пертц предложил раздѣлить собраніе источников на пять отдѣлов: писатели (scriptores), законы (leges), грамоты (diplomata), письма (epistolae), древности (antiquitates). Для всѣх отдѣлов были приглашены сотрудники, ибо изданіе источников рѣшено было вести одновременно по всѣм отдѣлам. На первой страницѣ перваго тома обозначены хронологическіе предѣлы издаваемых источников: от 500 г. до 1500 г. По плану изданія надо было сначала опубликовать источники готскіе, меровингскіе, лангобардскіе и потом уже каролингскіе, но так как это оказалось чрезвычайно трудным в виду недостаточности предваритель-

ных изысканій и работ, то изданіе готских, меровингских и лангобардских источников было отсрочено, и начали издавать источники каролингскаго времени. Начали с аннал тѣм болѣе, что нѣкоторыя из них восходят своим началом к меровингским временам и захватывают позднѣйшія. Послѣ путешествія Пертца в Нидерланды, Париж и Англію был в 1829 году издан второй том, гдѣ были напечатаны хроники и біографіи каролингскаго времени. Шагом вперед было изданіе капитуляріев каролингскаго времени, имперских законов, приказов и приговоров в первых двух томах по отдѣлу leges. И в данном случаѣ пришлось начать не с древнѣйших времен, а с болѣе поздних, и только в 1863 г. были опубликованы законы аллеманскіе, бургундскіе, фризскіе, вошедшіе в III т., и лангобардскіе, составившіе IV т. Таким образом, успѣшно работы подвигались только по этим двум отдѣлам. По другим отдѣлам дѣло ограничивалось подготовительными работами, но самое изданіе приходилось откладывать. Виновником этого был Пертц, который своим деспотическим отношеніем к сотрудникам заставил наиболѣе талантливых из них выйти из состава редакціи. До 70 гг. по отдѣлу leges вышло только 5 тт. Главное вниманіе Пертц обращал на изданіе писателей: в 1839 и 1841 году были изданы III и IV томы, заключающіе источники времени Саксонских императоров; в 1844—1856 гг. новых 8 томов писателей времени салической или франконской династіи, но для времени Гогенштауфенов и слѣдующаго періода до 1300 года потребовалось уже цѣлых 11 томов (XVI—XXVI).

Односторонность в направленіи издательской дѣятельности и монархическія замашки Пертца вызывали давно уже нареканія в кругах ученых. Извѣстный юрист, знаток государственнаго права, проф. Роберт Моль на Франкфуртском сеймѣ прочел реферат о необходимости преобразовать редакцію. Пертц в 1874 г. сложил с себя обязанности главнаго руководителя и вскорѣ скончался († 1876 г.). Общество древней германской исторіографіи распалось. Так как под вліяніем франко-прусской войны и объединенія Германіи національная гордость и самосознаніе достигли небывалой высоты, то не могло быть и рѣчи о прекращеніи издательской дѣятельности. В январѣ 1875 года Берлинская академія наук выработала новую организацію. Главное руководство было поручено Георгу Вайцу, но каждый отдѣл коллекціи получил самостоятельнаго редактора. Сам Вайц взял на себя редактированіе отдѣла писателей (scriptores), а на первое время и отдѣла законов (leges). Лучшій знаток дипломатики Θ. Зиккель взял на себя отдѣл грамот (diplomata). Отдѣл epistolae был поручен Ваттенбаху, а Дюммлеру — antiquitates. Так как изданіе источников начато было с времен каролингских, то для источников болѣе ранняго времени был открыт новый отдѣл древних писателей (scriptores antiquissimi), а редактором этого отдѣла был назначен Моммзен.

Для всѣх новых изданій в интересах удобства был перемѣнен размѣр изданія: Пертц издавал in-folio, а теперь избрали размѣр in-quarto. Вмѣстѣ с тѣм тогда же была обезпечена матеріальная сторона изданія. Германская имперія назначила на изданіе ежегодную субсидію в 300 тыс. марок. С своей стороны, Австрія также приняла на себя значительную часть издержек.

Принципы изданія источников в коллекціи Monumenta Germaniae historica были с самаго основанія этой коллекціи приняты вполнѣ научные и согласованные с методами филологической критики, как она опредѣлилась при изданіях древних классических писателей. В этом отношеніи коллекція Monumenta Germaniae historica далеко превосходила всѣ изданія предыдущаго времени и дала образец научнаго изданія средневѣковых текстов.

Изданія источников 16 и 17 столѣтій носили случайный характер. Издатели, найдя какія-либо рукописи, переписывали их, позволяя себѣ поправки, отступленія от текста, сокращенія его, дополненія разнаго рода, при чем часто даже не оговаривали сдѣланных поправок в примѣчаніях. Такія изданія носили случайный характер, и изслѣдователю, пользовавшемуся ими, они не давали возможности судить, в какой степени он находится в зависимости от субъективизма издателя. Издателям 16 и 17 столѣтій не приходила в голову мысль собрать всѣ рукописи издаваемаго писателя или памятника, сличить их друг с другом, установить между ними соотношеніе, положить какую-либо одну рукопись в основу, а данныя из других рукописей указать, как разночтенія, и таким образом дать читателю возможность ознакомиться с подлинным и первоначальным текстом.

Так как большая часть памятников средних вѣков сохранилась лишь в позднѣйших списках, то первая задача издателя заключается в установленіи наличности этих списков путем обозрѣнія важнѣйших архивов и библіотек или изученія их каталогов и описаній. Затѣм необходимо послѣ изученія всѣх списков распредѣлить их по древности письма и взаимному отношенію на родственныя группы. Изученіе текста дает возможность установить разночтенія или варіанты, пробѣлы или сокращенія в одних списках, вставки или интерполяціи в других, а, самое главное, приводит к установленію лучших или лучшаго списка, который должен быть положен в основаніе предпринятаго изданія даннаго памятника. Разумѣется, если сохранился автограф, то изученіе списков или копій не имѣет особеннаго значенія. Эти общія требованія филологической критики впервые были примѣнены редакціей Monumenta Germaniae historica при изданіи и средневѣковых текстов.

До какой степени сложна эта работа, можно видѣть из слѣдующаго примѣра. Произведеніе Павла Діакона, историка лангобардов, сохранилось в количествѣ 114 списков, при чем дошли

только списки позднѣйшаго времени (10-го, 11, 12, 13 вѣков). Кромѣ того, списки эти значительно отличаются друг от друга, изобилуя поправками, интерполяціями, пропусками и т. п. Опираясь на эти различія, возможно было опредѣлить 4 группы или редакціи текста, стоявшія ближе или дальше от первоначальнаго оригинала. Сопоставляя редакціи списков, оставалось установить между списками взаимное родство, своего рода генеалогическую таблицу или стемму, как это принято называть у издателей текстов, и избрать одну редакцію, как основную, а остальныя, как вспомогательныя.

Примѣняя к изданію средневѣковых текстов пріемы филологической критики, редакція, кромѣ того, ввела и другіе цѣлесообразные принципы изданія, содѣйствующіе анализу и изученію средневѣковых писателей.

Так как писателями средних вѣков обыкновенно допускались обширныя заимствованія из сочиненій предшественников, то редакція находила необходимым не выкидывать эти заимствованія, но печатать их мелким шрифтом (петитом). Впервые этот способ печатанія заимствованных частей был примѣнен при изданіи хроники Регинона, а потом и ко всѣм хроникам, начиная с IV тома.

Для оправданія этого пріема имѣются соображенія вполнѣ серьезныя и основанныя на правилах исторической критики. О личности писателей-историков приходится судить часто только на основаніи их собственных слов. Если писатель говорит, что он жил там-то, имѣл такой-то круг знакомых, то эти сообщенія дают нам основаніе судить, мог ли он сообщить достовѣрныя свѣдѣнія. Иногда очень скудныя указанія автобіографическаго характера дают ключ для опредѣленія достовѣрности того или другого произведенія и являются очень цѣнными. Особенно важно бывает знать, какіе рукописные источники были доступны составителю того или другого произведенія, какой круг литературнаго образованія, или подготовки он имѣл, насколько добросовѣстно пользовался своими источниками. При этом нужно помнить, что самые добросовѣстные средневѣковые писатели считали возможным переписывать своих предшественников, с благою цѣлью сообщить читателю только полезныя свѣдѣнія. Если при сравненіи заимствованной части с источником оказывается, что писатель не позволял себѣ передѣлок, измѣненій, произвольных опущеній, то это дает основаніе думать, что писатель старался воспроизвести свой оригинал или источник с полною точностью. Если так относился он к письменным своим источникам, то не иначе и к устным сообщеніям и разсказам своих современников. Наоборот, писатель, небрежно и произвольно пользующійся своими письменными и литературными источниками, не внушает к себѣ довѣрія, когда он повѣствует о современных ему событіях, на основаніи

слов и разсказов современников, ибо и в передачѣ он склонен был к небрежности и произвольному измѣненію.

Далѣе, при напечатаніи источников в основу распредѣленія рукописнаго матеріала положено было раздѣленіе на періоды (Каролинги, Саксонская династія, Франконцы, Гогенштауфены и т. д.) и их подраздѣленія. В каждом таком отдѣленіи печатались сначала краткія хроники или анналы, потом хроники и исторіи, сохраняющія отчасти анналистическую форму, затѣм мѣстныя хроники, біографіи отдѣльных лиц и малые разсказы разнаго рода. Кромѣ того, редакція считала необходимым печатать всякое произведеніе цѣликом, с начала до конца, не взирая на то, что по своему содержанію оно иногда выходило далеко за предѣлы намѣченнаго періода. Напр., хотя „Casus Sancti Galli" доходит до 1233 г., а по своему началу относится к Каролингскому періоду, но это произведеніе было цѣликом напечатано во II томѣ, гдѣ были помѣщены источники Каролингскаго времени. Так же точно были напечатаны хроники Сигберта и Косьмы Пражскаго со всѣми их продолженіями, выходящими далеко за предѣлы одного періода. В этом отношеніи практика редакціи Monumenta рѣзко отличалась от практики Бенедиктинцев (издателей Scriptores rerum Gallicarum et Franciscarum), которые держались при расположеніи матеріала менѣе научной системы. В одном томѣ они помѣщали всѣ матеріалы, которые относились к извѣстному періоду или царствованію. Однако, если какой-либо источник охватывал в своем изложеніи нѣсколько царствованій или періодов, то при печатаніи его разбивали на нѣсколько частей и печатали в цѣлом рядѣ томов. В научном отношеніи такой способ должен считаться неправильным, ибо прежде, чѣм пользоваться извѣстным источником, нужно опредѣлить степень его достовѣрности, а установленіе правильнаго критическаго взгляда на источник возможно только тогда, когда имѣется в виду не одна его часть, а весь он цѣликом.

Литература и источники остготскаго періода исторіи Италіи.

Литература по исторіи остготскаго государства, просуществовавшаго в Италіи 60 лѣт, довольно обширна.

Помимо работ, написанных в началѣ XIX вѣка и отчасти уже устарѣвших, Манзо и Сарторіуса (M a n s o, Geschichte des ostgothischen Reiches in Italien; S a r t o r i u s, Essais sur l'état civil et politique des peuples d'Italie sous le gouvernement des Gothes), можно указать значительное число новых сочиненій. Из болѣе давних работ заслуживает вниманія сочиненіе Глёдена (G l ö d e n, Das Römische Recht im Ostgothischen Reiche). Автор на остготскій період Италіи проводит взгляд, что остготы не

внесли ничего новаго в жизнь Италіи, что они не имѣли здѣсь даже своего германскаго племеннаго права, а жили по римскому праву. Другую точку зрѣнія защищает Феликс Дан (Dahn, Die Könige der Germanen, II—IV Abth., Würzburg, 1866). Этот историк доказывает односторонность теоріи Глёдена, отмѣчая факты, которые свидѣтельствуют о том, что остготы не всегда были пассивны, что они внесли кое-что новое в жизнь Италіи и, хотя подверглись сильной романизаціи, но не отказались совершенно от племенных германских начал. Воззрѣнія Дана нашли себѣ подтвержденіе в изслѣдованіи Фиккера (Ficker, Untersuchungen zur Erbenfolge der ostgermanischen Reiche) и статьѣ Моммзена (Mommsen, Ostgothische Studien), напечатанной в 1889 году в Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde.

Самою послѣднею работою является сочиненіе Гартмана (Geschichte Italiens im Mittelalter), выходящее в свѣт с 1897 года. Имѣя задачею написать исторію всей средневѣковой Италіи, Гартман для остготскаго періода отвел I том своего труда. Труд Гартмана входит в состав извѣстной коллекціи Geschichte der europäischen Staaten, основанной Геереном и Укертом, продолжаемой под редакціей Гизебрехта и нынѣ выходящей под редакторством извѣстнаго лейпцигскаго профессора К. Лампрехта.

Из русских сочиненій заслуживает упоминанія, хотя и устарѣвшая в нѣкоторых частях, диссертація профессора московскаго университета Кудрявцева: „Судьбы Италіи. Обозрѣніе остгото-лангобардскаго періода“, 1850 г., вторично переизданная в полном собраніи его сочиненій, а равно рецензія проф. Грановскаго „Италія под владычеством остготов, лангобардов и франков“ (Отеч. Зап. 1851 г. и сочиненія Грановскаго, т. II). Сюда же относится сочиненіе Смирнова „Паденіе Остготскаго королевства в Италіи“ (1857 г.). Наконец, на первом мѣстѣ слѣдует поставить диссертацію профессора московскаго университета Павла Виноградова „Происхожденіе феодальных отношеній в Лангобардской Италіи“, напечатанную в 1880 г. в Журн. Мин. Народн. Просв. и изданную в том же году отдѣльною книгою.

Главными источниками остготскаго періода являются сочиненія Кассіодора и Іордана.

Кассіодор, родом из Бруціума, происходил из римской сенаторской фамиліи и состоял министром и секретарем Теодориха Великаго. О личной жизни его извѣстно мало. Имѣется только письмо Аталариха, преемника Теодориха, к Кассіодору от 534 г., написанное по случаю возведенія его в званіе префекта (praefectus praetorio). Извѣстно затѣм, что он состоял при дворѣ Амалазунды, регентши остготскаго королевства, служил Витигесу и послѣ того, как Витигес во время войны с византійским полководцем Велизаріем, в 540 году попал в плѣн, Кассіодор, видя крушеніе остготскаго королевства, удалился в один из монастырей

родины (Vivariense). Скончался он около 570 года, 90 лѣт от роду. Остаток своей жизни Кассіодор посвятил литературной дѣятельности. Между прочим он написал исторію готов, в которой прославлял королевскій остготскій род Амалов. К сожалѣнію, это произведеніе не сохранилось. Ему приписывается также Historia tripartita, краткое изложеніе церковной исторіи, составленное по сочиненіям Сократа, Созомена и Ѳеодорита и доведенное до середины V вѣка. Также мало значенія имѣет его энциклопедія тогдашних наук Institutiones divinarum et secularium litterarum. Громадное значеніе для исторіи остготскаго времени имѣет его труд, озаглавленный Variarum libri XII, составленный около 538 года. Это сборник писем, грамот, формул и других различных правительственных распоряженій, освѣщающих государственную дѣятельность и систему правленія Теодориха Великаго и его ближайших преемников. Достовѣрность этого сборника не может подлежать сомнѣнію, ибо Кассіодор был главою остготской государственной канцеляріи и истолкователем мыслей Теодориха Великаго.

Іордан жил в первой половинѣ VI вѣка. Повидимому, родом он был гот, судя по его собственному выраженію: ex ipsa (gente) trahenti originem. Не лишенный литературных вкусов, он был знаком хорошо с оффиціальным дѣлопроизводством. Дѣд его служил канцлером у аланскаго короля Кандака, и сам Іордан также был нотаріем, т. е. членом канцеляріи. Біографическія свѣдѣнія об этом писателѣ крайне скудны. Есть основаніе думать, что Іордан принадлежал к клиру, так как он выразился о себѣ: ante conversionem meam. Слова эти толковались различно. Моммзен, издававшій хронику Іордана, говорит, что слова conversio, conversatio — техническій термин, указывающій на отреченіе от міра. С таким толкованіем не всѣ согласны. По мнѣнію Ваттенбаха, этими словами указывается на занятіе Іорданом высшей церковной должности: кажется, он был епископом кротонским. Из сочиненій Іордана особенно цѣнным является его исторія остготов, озаглавленная De rebus geticis или De Gothorum sive Getarum origine (Mon. Germ. Auct. ant. V, 1). Это заглавіе историческаго труда объясняется теоріей Іордана, желавшаго отожествить готов с гетами. Произведеніе это было написано между 540—550 годами. Источники, которыми пользовался Іордан, кромѣ его собственных впечатлѣній, были довольно многочисленны. Отчасти он и сам указывает их, говоря о том или другом событіи. Он пользовался сочиненіями римских писателей, трудом неизвѣстнаго автора Аблавія, котораго он называет выдающимся готским историком (egregius Gothorum historicus). Пользовался Іордан также историческими пѣснями, сказаніями и миѳами. Особенно цѣнно то обстоятельство, что Іордан был знаком с несохранившейся исторіей готов Кассіодора, которая была предоставлена в его

пользованіе на три дня, как видно из его слов: Ad triduanam lectionem dispensatoris eius beneficio libros ipsos antehac relegi, quorum quamvis verba non recolo, sensus tamen et res actas credo me integre retinere.

Исторія остготскаго государства.

До прибытія в Италію остготы проживали на Дунаѣ, как сосѣди Византійской имперіи. Вскорѣ послѣ паденія Западной Римской имперіи, при слабом правителѣ Италіи Одоакрѣ, Теодорих, король остготов, по договору с византійским императором Зеноном, рѣшил овладѣть Италіей. Явившись сюда осенью 488 года, он разбил Одоакра при Веронѣ и Аддѣ и наконец в февралѣ 493 г., овладѣвши г. Равенною, гдѣ заперся Одоакр, варварски и вѣроломно умертвил его. С этого 493 года и начинается фактическое обладаніе остготов Италіей. Теодорих должен был установить свое отношеніе к двум слоям населенія своего государства. С одной стороны, он имѣл королевскую власть над готами, которых было всего около 200 тысяч. Что же касается преобладающей по числу и образованности массы италіанскаго населенія, то послѣдняя не стояла ни в каких опредѣленных юридических отношеніях к Теодориху. Жители Италіи, не считая короля остготов законным повелителем, видѣли в нем завоевателя и ждали удобнаго момента, чтобы сбросить с себя его владычество. Таким образом, для упроченія фактическаго обладанія Италіей Теодориху необходимо было опредѣлить свои правовыя отношенія к этой части населенія. Этого можно было достигнуть лишь при содѣйствіи Византійскаго правительства, являвшагося законным наслѣдником императоров Западной имперіи. Еще во время осады Равенны Теодорих вошел в сношеніе с римским сенатом и побудил послѣдній отправить посольство в Византію с просьбою о присылкѣ королевских инсигній (vestis regia). Но при византійском дворѣ просьбу отклонили, предоставив Теодориху довольствоваться титулом римскаго патриція. Только в 498 году император Анастасій прислал Теодориху императорскія инсигніи, которыя послѣ низложенія Ромула-Августула были отправлены в Константинополь Одоакром. Однако, по прежнему положеніе Теодориха продолжало оставаться неопредѣленным. Король остготскій, признавая верховную власть Византійскаго императора, считал себя как бы исполнителем его воли, его намѣстником в Италіи. На всѣх памятниках и постройках, возводимых им, вездѣ обозначалось имя императора, а только потом имя Теодориха. На монетах ставилось только имя византійскаго императора. Мало того, в перепискѣ с Восточной имперіей, Теодорих употребляет подобострастныя выраженія, показывающія его преклоненіе пред величіем императора,

который является „прекраснѣйшим украшеніем всѣх государств“, „спасительным убѣжищем всего міра“ и источником права: Vos enim estis regnorum omnium pulcherrimum decus; vos totius Orbis salutare praesidium, quod caeteri dominantes jure suscipiunt, quia in vobis singulare aliquid inesse cognoscunt. Воспитаніе, полученное в Византіи, дает ему, Теодориху, возможность справедливо править Италіей: et nos maxime, qui divino auxilio in Republica vestra didicimus, quemadmodum Romanis aequaliter imperare possimus. Правительственная система его, Теодориха, есть слабое подражаніе Византійской единственной имперіи; насколько удается воспроизводить этот образец, в такой мѣрѣ готы идут впереди всѣх других народов: Regnum nostrum imitatio vestra est, forma boni propositi, unici exemplar imperii; qui quantum vos sequimur, tantum gentes alias anteimus.

Однако, осуществленіе этой политической программы, высказанной в сборникѣ Кассіодора (Var. I, 1), встрѣчало непреодолимыя препятствія прежде всего потому, что готы по своей культурѣ мало были подготовлены к высокой гражданственности римскаго государства и общества. С другой стороны, италіанское населеніе подчинялось Теодориху только по необходимости и до поры до времени. Теодорих хотѣл слить остготскій народ с мѣстным населеніем, сохранить порядок и строй, которые существовали в Италіи при имперіи. Эти стремленія остготскаго короля были неосуществимы также в силу религіозных отношеній. Остготы, как и большинство германских народов, были аріане, а населеніе Италіи придерживалось символа перваго Никейскаго собора, т. е. было ортодоксальным. Это различіе в вѣрѣ стало непреодолимым препятствіем для сближенія населенія с остготами, не взирая на вѣротерпимость Теодориха: religionem imperare non possumus, quia nemo cogitur ut credat invitus (Var. II, 27). Держась такого принципа, он не вмѣшивался ни в религіозные споры, ни в вопрос о замѣщеніи папскаго престола, пока к нему не обращались с просьбами о вмѣшательствѣ соперники и их сторонники.

Вообще правительственная система Теодориха была консервативная, т. е. выражалась в стремленіи поддержать в Италіи порядки и строй Римской имперіи.

Двор свой он организовал по образцу двора послѣдних римских императоров. В административном вѣдомствѣ остались тѣ же правители (consulares, praefecti, praesides, rectores) и с тѣми же полномочіями, как и во время императорскаго періода. В городах сохранены были тѣ же муниципалитеты, куріи, куріалы, на таких же выборных началах, как и раньше. Финансовая система не подверглась измѣненію: налоги поземельный, подушный, таможенный и торговый взимались по прежним нормам. Основываясь на этом, нѣкоторые изслѣдователи отмѣчают отсутствіе оригинальности в административной системѣ Теодориха. По существу

это замѣчаніе правильно, хотя слѣдует признать, что система его имѣла нѣкоторыя новыя черты и свои отличительныя особенности.

Повторяя прежнюю систему, Теодорих не мог повторить ее всецѣло, а должен был считаться с измѣнившимися условіями.

Обязанности военной службы были возложены на готов (exercitus Gothorum). Только готам было предоставлено право носить оружіе, а мѣстное населеніе было лишено этого права. Правда, при послѣдних римских императорах составлялись цѣлые кадры из варварских племен, но они были связаны римскою дисциплиною (romana disciplina), формировались по римским боевым единицам (легіонам) и находились под начальством воспитанных в римских военных традиціях вождей. Теперешняя военная сила (exercitus Gothorum) не носит никаких признаков военной римской дисциплины и признает только власть своего короля. Были и другія отличія, явившіяся результатом измѣнившихся условій жизни. Содержаніе военной остготской силы, численность которой одни опредѣляют в 100.000 человѣк, другіе же в 250.000, легло тяжелым бременем на италіанское населеніе как потому, что выдѣлены были земли или поземельные участки каждому остготу, так и потому, что воинам были выдаваемы единовременныя пособія (donativa). Так как пособія эти выдавались не всегда деньгами, но иногда натурою (annona), то остготское правительство вынуждено было позаботиться о том, чтобы цѣны не были очень высоки. В этих видах Теодорих возобновил практику принудительной таксаціи предметов первой необходимости. Эта мѣра, направленная против крупных землевладѣльцев и оптовых торговцев, была выгодна для бѣднаго городского населенія и главной массы остготов, стоявших гарнизонами по городам. Если такса достигала цѣли, и цѣны во все время готскаго періода на предметы первой необходимости не были высоки, то это объясняется отчасти введеніем в жизнь нѣкотораго раскрѣпощенія сельскаго населенія.

В Италіи не только колоны, т. е. лично свободные наслѣдственные арендаторы, но и несвободные сельскіе люди (mancipia) были прикрѣплены к землѣ и не могли быть переведены землевладѣльцем в другое имѣніе или проданы иначе, как с участком той земли, на которой сидѣли. Не касаясь колонов, Теодорих нашел необходимым предоставить землевладѣльцам право переводить несвободных людей из одного имѣнія в другое и даже продавать их на сторону, снимая с тѣх участков, на которых они сидѣли. Мотивом для такого отступленія от установившейся практики послужили различныя соображенія. С одной стороны, здѣсь можно видѣть желаніе дать возможность остготам пріобрѣтать необходимыя для них рабочія руки от мѣстных землевладѣльцев, а, с другой стороны, облегчить для них возможность использовать труд доставшихся остготам сельских несвободных людей внѣ имѣнія,

доставшагося по раздѣлу. Теперь можно было оставить сельскаго раба в имѣніи, перевести его в другое, взять в состав дворни или продать. Разумѣется, примѣненіе этого новаго права повлекло болѣе равномѣрное распредѣленіе несвободнаго сельскаго населенія, а это привело к болѣе равномѣрной обработкѣ земли и к увеличенію на рынкѣ продуктов сельскаго хозяйства. Однако, нужно признать, что такой временный благопріятный результат был пріобрѣтен дорогой цѣной значительнаго ухудшенія правового и бытового положенія несвободнаго сельскаго класса (mancipia).

Впрочем, и в административной организаціи не обошлось без нѣкоторых новых учрежденій.

Хотя в Италіи сохранены были прежнія провинціи и их правители, но послѣдніе исполняли служебныя обязанности только гражданскаго свойства, а для командованія готскими гарнизонами, поддержанія порядка между готами и разрѣшенія их споров были назначаемы графы (comites) из лиц готскаго происхожденія. Этим графам предоставлена была также значительная доля вліянія при рѣшеніи судебных дѣл, в которых стороны принадлежали лицам разных національностей. Институт готских графов был безусловно необходим уже по одному тому, что остготы составляли в государствѣ обособленный военный класс.

Эта двойственность административнаго строя естественно приводила к созданію особаго органа, призваннаго к высшему надзору над дѣйствіями гражданской провинціальной администраціи и военно-гражданской администраціи графов, в видах устраненія их столкновеній и достиженія правильнаго теченія дѣл. В качествѣ таких уполномоченных короля и особенно довѣренных лиц были посылаемы сайоны (sajones). При выборѣ их не обращали особеннаго вниманія на происхожденіе, не озабочены были установленіем какой-либо систематичности их дѣятельности, давая им самыя разнообразныя порученія, иногда важныя, иногда ничтожныя и случайныя. Они посылались то в ту, то в другую мѣстность, провѣряли на мѣстѣ списки налогов, разсматривали вопросы о снабженіи городов гарнизонами, разбирали споры между землевладѣльцами и колонами, между римлянами и готами и т. д. Это был неопредѣленный, но в высшей степени подвижной орган, олицетвореніе королевской воли, перед которою склонялись всѣ правители и частныя лица, как бы они не были знатны и могущественны. Нося этот личный и неопредѣленный характер, институт сайонов свидѣтельствовал о полном недовѣріи к органам обычной администраціи и о недостаточности средств этой послѣдней для поддержанія порядка даже при обычном и мирном теченіи жизни в государствѣ.

Таким образом, вопреки сознательному консерватизму своей политики, Теодорих силою вещей вынужден был во многом на-

рушить прежній порядок и возбудил неудовольствіе крупных землевладѣльцев и многочисленнаго класса сельских несвободных людей. Также точно, не взирая на сознательную вѣротерпимость и стремленіе сблизиться с мѣстным населеніем, Теодорих не достиг успѣхов в этом отношеніи и завершил разрывом или даже враждою эти свои попытки. И в данном случаѣ, повидимому, не было недостатка в добрых намѣреніях, но сила вещей и ход событій опредѣлили исход дѣла.

Во главѣ итальянской церкви стоял римскій папа. Отношенія Теодориха к папскому престолу при папах Феликсѣ, Геласіи и Анастасіи II были самыя дружественныя, а, с другой стороны, не было поводов для короля вмѣшиваться во внутреннія дѣла церкви. Но послѣ смерти Анастасія II († 498) в Римѣ пошли раздоры. Одна часть населенія желала видѣть на папском престолѣ Симмаха, другая — Лаврентія. Так как сами римляне не могли разрѣшить этого вопроса, то обратились за содѣйствіем к Теодориху. Послѣдній высказался за Симмаха, ибо большая часть голосов была подана за него. Таким образом, он отверг кандидатуру Лаврентія, хотя тот обнаруживал склонность к аріанству. Во имя справедливости король стал выше своих религіозных воззрѣній. Когда же новый папа впослѣдствіи совершил дѣянія, ронявшія достоинство епископа, то Теодорих не считал себя вправѣ взять в свои руки рѣшеніе вопроса о его низложеніи, а рѣшил передать это дѣло собору. Совершенно послѣдовательно и дѣйствуя в том же духѣ, король не домогался права вліять на выборы римскаго папы, хотя таким правом пользовались не только императоры, но даже Одоакр.

Не смотря на всю его терпимость, не смотря на льготы, которыя он предоставлял православному духовенству в Италіи, Теодориху не удалось пріобрѣсти расположенія духовенства, продолжавшаго видѣть в нем еретика-аріанина. Отношенія особенно испортились в концѣ его царствованія в зависимости от церковной политики Византіи, гдѣ со времени воцаренія Юстина, под вліяніем племянника послѣдняго Юстиніана, начались преслѣдованія сначала евтихіан и несторіанцев, а потом и аріан. Теодорих с особенным неудовольствіем относился к этой политикѣ византійскаго двора. Желая оказать нѣкоторую поддержку своим единовѣрцам, он послал в Константинополь послом папу Іоанна, давши ему порученіе ходатайствовать при дворѣ за аріан. Положеніе папы было затруднительно, ибо он не сочувствовал цѣли посольства, а отказаться от него также не мог. В Константинополѣ его встрѣтили, как перваго іерарха Западной церкви: населеніе и двор вышли к нему навстрѣчу далеко за город, предложили ему повторить акт коронованія над императором и оказывали всѣ знаки самаго почтительнаго вниманія, но преслѣдованія аріан не прекращали. Безрезультатность посольства

папы, торжественный пріем, оказанный ему в Византіи, естественно возбудили подозрительность короля, который приказал посадить несчастнаго папу Іоанна в тюрьму, гдѣ он и скончался (526 г.).

526

Такая жестокость объясняется увѣренностью короля в заговорах и сношеніях с Константинопольским двором лучших представителей римской знати. Дѣло в том, что еще до отправленія папы Іоанна в Византію, вѣроятно, по ложному доносу референдарія Кипріана, близкаго к готскому двору, был арестован консуляр Альбин, обвиненный в преступных сношеніях с византійским правительством. Когда за обвиненнаго выступил ходатаем извѣстный писатель того времени, сенатор и консуляр Боэцій, а Кипріан с своей стороны предъявил свидѣтелей и письма, вѣроятно, подложныя, но обличавшія и самаго Боэція, то король приказал посадить в тюрьму горячаго заступника, не выслушав его оправданій. Такая же участь постигла и тестя Боэція Симмаха. Всѣ обвиненные были казнены. Так как они принадлежали к высшей римской знати, то эти казни привели к полному разрыву между готским правительством и римской аристократіей и подготовили разрушеніе королевства.

ℳ. 526 г.

Положеніе еще болѣе осложнилось, когда 30 августа 526 года скончался Теодорих, ибо не нашлось достойнаго замѣстителя, могущаго твердою рукою спасти поколебленное государство. Так как сыновей у Теодориха не было, то власть номинально перешла к его малолѣтнему внуку Аталариху, объявленному королем, а фактически — к дочери Теодориха и матери Аталариха — Амалазундѣ, которая была объявлена опекуншей и регентшей. Амалазунда была воспитана в духѣ римской культуры и цивилизаціи. Она увлекалась римскою литературою, чуждалась готских обычаев, при дворѣ завела византійскіе порядки. Воспитателями Аталариха были лица римскаго происхожденія. Это пренебреженіе к отечественным обычаям вызывало среди готов неудовольствіе. Кромѣ того, они не могли примириться с тѣм, что ими фактически правит женщина. Амалазунда знала о враждебном настроеніи остготов и принимала крутыя мѣры: она высылала знатных людей в отдаленныя провинціи, давала им опасныя порученія, но, разумѣется, все это не могло примирить остготов с правительницею. Положеніе ея еще болѣе поколебалось, когда Аталарих, десятилѣтній мальчик, умер. Для Амалазунды оставался один лишь выход: отречься от власти и предоставить ее кому-либо из мужского поколѣнія рода Амалов. Но честолюбивая и цѣплявшаяся за власть Амалазунда и послѣ смерти сына искала опоры своему положенію в сношеніях с Византіей. Ходили слухи, что между Амалазундой и Юстиніаном заключен тайный договор. По убѣжденію современников, первым пунктом этого договора было обязательство Амалазунды допустить факти-

ческое водвореніе византійской власти в Италіи. Тогда реакція во имя защиты племенной самобытности подняла голову и заставила Амалазунду допустить в качествѣ соправителя Теодата — племянника Теодориха, ея двоюроднаго брата, единственнаго мужскаго пола представителя из рода Амалов.

Теодат был чужд людям своего племени. Только происхожденіе связывало его с ними. Еще при жизни дяди он получил обширныя владѣнія в Тосканѣ, и здѣсь в роскошных виллах, устроенных по римскому образцу, проводил жизнь, окруженный римскими людьми и стараясь войти в состав римской аристократіи. Как единственный Амал, он имѣл права на престол и был допущен к власти, как соправитель, но скоро устранил свою двоюродную сестру, приказав ее умертвить (в 535 г.).

Этот переворот дал повод Юстиніану (528—565 г.) вмѣшаться в дѣла Италіи с цѣлью овладѣть ею. Болѣе благопріятнаго момента трудно было ожидать. Теперь он выступал не только, как глава Италіи, но и как мститель за Амалазунду. Юстиніан отправил в Италію Велизарія, своего лучшаго полководца, давши ему около 7 тысяч войска. План завоеванія Италіи с помощью такого незначительнаго войска не должен представляться странным, так как византійское правительство смѣло могло надѣяться на поддержку и сочувствіе италіанскаго населенія, враждебно относившагося к остготам. Кромѣ того, солдаты Велизарія были закалены в восточных войнах, скованы римскою дисциплиною и преданы вождю. С таким войском Велизарій смѣло двинулся в Италію и открыл военныя дѣйствія. При помощи флота он овладѣл Сициліею. Высадившись на берегу Мессинскаго пролива, он двигался вдоль берега, а параллельно шел флот с необходимыми припасами. Южные города, не оказывая сопротивленія, открывали ворота Велизарію. Готскіе землевладѣльцы были разсѣяны здѣсь рѣдко, а основное населеніе встрѣчало Велизарія, как освободителя от ненавистнаго готскаго владычества. Первое сопротивленіе Велизарію оказал Неаполь, гдѣ находился сильный готскій гарнизон. Пришлось приступить к правильной осадѣ. Город был снабжен хорошими укрѣпленіями, и жители на половину состояли из евреев, особенно преданных остготскому правительству. Нѣсколько мѣсяцев продолжалась осада и только благодаря тому, что нѣкоторые осажденные, войдя с Велизаріем в сношенія, указали ему тайные ходы в город, в концѣ 536 г. удалось взять Неаполь. Когда вѣсть об этом дошла до Равенны и Рима, то вызвала негодованіе среди готов против Теодата, который безцѣльно сидѣл в Римѣ и совершенно не принял никаких мѣр, чтобы помочь осажденным. Даже теперь послѣ паденія Неаполя, король малодушно поспѣшил в Равенну, свою столицу.

Готы собрались на Аппіевой дорогѣ, низложили Теодата и избрали королем стараго гота, не особенно знатнаго рода, Вити-

геса. Пока Витигес собирал войска, Велизарій двинулся к Риму и легко завладѣл им при полном ликованіи римскаго населенія. Витигес, воспитанный в военной школѣ Теодориха Великаго, рѣшил поднять на врага почти всѣ силы. 100-тысячная готская армія осадила Рим. Осада продолжалась до марта 537 г., когда Велизарію удалось снять ее. Дѣло в том, что готы не были знатоками осаднаго искусства (Теодорих, напр., осаждал в Павіи Одоакра 3 года), а осада Рима была тѣм болѣе затруднительна, что прервать сношенія осажденных с внѣшним міром и заморить их голодом было невозможно, ибо византійцы морем доставляли им припасы. Правда, среди римлян появилась повальная болѣзнь, своего рода чума, но она свирѣпствовала и среди готов. Велизарій дѣлал частыя вылазки и истреблял цѣлые отряды готов. Вообще, потери готов были весьма велики. По свидѣтельству Прокопія, при осадѣ Рима погибла от болѣзней и оружія бо́льшая часть готскаго войска. Когда наконец прислана была осажденным помощь, под начальством патриція Іоанна, а потом Нарзеса, то Витигес должен был снять осаду. Византійцы снова перешли в наступленіе, и вели военныя дѣйствія в средней и сѣверной Италіи. Скоро Витигес был стѣснен в Равеннѣ. Видя свое затруднительное положеніе, остготы рѣшили вступить в переговоры и пожертвовать Витигесом, предложив корону самому Велизарію. Послѣдній обнадежил готов и добился от них выдачи короля и сдачи Равенны. Это случилось в 540 году. Когда вскорѣ послѣ того, захватив с собою Витигеса, Велизарій отправился в Константинополь, то остготы увидѣли свою ошибку. Военныя дѣйствія они могли продолжать, так как сѣверная Италія, лежащая по ту сторону рѣки По, оставалась в их руках.

Послѣ ряда неудачных избраній королем сдѣлался предпріимчивый Тотила, сумѣвшій временно возстановить надежды своего народа. В 542 г. он разбил византійцев, через 4 года овладѣл Римом, а в 549 г. выгнал византійцев с полуострова и перенес военныя дѣйствія на острова. Тогда император Юстиніан послал в Италію одного из лучших своих полководцев евнуха Нарзеса, который весною 553 года в рѣшительной битвѣ при Тагинах (нынѣ Тадино) разбил остготов. Тотила был ранен и вскорѣ умер. В этой битвѣ пало до 6 тысяч лучших готских воинов. Преемник его Тейа дал Нарзесу послѣдній героическій отпор, укрѣпясь на возвышенностях вблизи Везувія. Здѣсь весною 553 года пали послѣдніе готскіе герои в битвѣ, продолжавшейся болѣе двух дней.

Таким образом, окончилась готская война, и Италія вошла в состав владѣній Восточной или Византійской имперіи.

Землеустройство остготов.

Готы, как завоеватели, были вкраплены в громадную массу чуждаго им и по происхожденію, и по религіи народа. Уже это одно условіе не содѣйствовало крѣпости их государства. С другой стороны, они не стремились пересоздать Италію, а, напротив, их вожди ставили перед ними задачу усвоенія римской культуры и поддержанія ея. В сборникѣ Кассіодора опредѣленно выражена эта мысль: Non majorem laudem de inventis quam de rebus possumus habere custoditis (Var., III, 9), т. е. „мы не думаем о большей славѣ как о том, чтобы не столько изобрѣтать, сколько поддерживать то, что существует". Еще в то время, когда остготы жили на Дунаѣ, они прониклись уваженіем к римской культурѣ, римскому быту и государственности. Теодорих считал себя первым среди других варварских королей в силу того, что был представителем римскаго имени в Италіи, до нѣкоторой степени замѣстителем императора. Он свысока относился к варварским королям, к Хлодвигу франкскому, Алариху II вестготскому и другим.

Тѣм не менѣе Теодориху пришлось все-таки ввести измѣненія в прежнем строѣ жизни Италіи под вліяніем новых сложившихся условій. Тѣ ученые, которые отказывают остготам в самобытности, ссылаются обыкновенно на эдикт Теодориха Великаго и на отсутствіе особаго остготскаго права. Это отсутствіе записи племеннаго права, разумѣется, указывает на ослабленіе національных черт среди остготов, не в примѣр прочим германцам. Что же касается эдикта Теодориха, то во всѣх своих частях он является памятником не германскаго права, а римскаго, ибо состоит из положеній римских юристов и законов римских императоров, до нѣкоторой степени приспособленных к условіям быта и положенію дѣл в Италіи. Однако, и в этом эдиктѣ было допущено рѣзкое измѣненіе правовых положеній, касавшихся несвободнаго класса сельскаго населенія.

В области землевладѣнія и землеустройства при поселеніи остготов в Италіи также проявились нѣкоторыя самобытныя черты, ибо увеличилось число мелких землевладѣльцев в Италіи, и общее распредѣленіе земельной собственности значительно измѣнилось.

По свидѣтельству Прокопія, секретаря Велизарія, наемники Одоакра отняли у италіанцев третью часть земель, а остготы вступили во владѣніе этими участками. Это свидѣтельство не дает возможности представить в ясных чертах произведенный раздѣл. Остготы не равномѣрно разселились в Италіи; их поселенія сгущены были на сѣверѣ, отчасти и в серединѣ Италіи, около Равенны, столицы остготскаго королевства, и разбросаны были рѣдкими пятнами в южной Италіи. Это обстоятельство затрудняет пониманіе раздѣла имѣній, ибо в одной части Италіи могло не хватить земель для надѣленія всѣх варваров, а в другой ея оказалось

бы много. Что раздѣл был проведен на болѣе справедливых основаніях, на это имѣются указанія в перепискѣ Кассіодора.

Тотчас же послѣ завоеванія остготами Италии была образована землеустроительная комиссія, во главѣ с римским сенатором и патриціем Либеріем, на обязанности которой было опредѣлить размѣры надѣлов и права готов по отношенію к римским землям. Если потребовалось образованіе особой комиссіи, то это доказывает, что остготы не просто были введены в обладаніе надѣлами наемников Одоакра, и что этот предшествовавшій раздѣл был не полный или нуждался в поправках. Принимая во вниманіе, что Теодорих считал необходимым нормировать отношенія к римскому населенію на началах справедливости, нужно думать, что задачею комиссіи было установить такія отношенія, которыя были бы справедливы вездѣ, независимо от большей или меньшей плотности готскаго населенія в разных частях Италіи; другими словами, нужно было опредѣлить третьи доли в каждом имѣніи и на всем пространствѣ Италіи. В результатѣ дѣятельности комиссіи Либерія возникли повсемѣстно трети (tertiae) имѣній, из которых однѣ поступили во владѣніе отдѣльных готов, а другія обложены были денежными повинностями в пользу государства. Например, король дает священнику Буцелину (судя по имени, остготу) земельный участок (sors) и одновременно с этим предписывает сдѣлать в податных списках соотвѣтственный вычет денежной податной повинности. Таким образом, если варвар в том или другом имѣніи не был введен во владѣніе выдѣленной третью, то с послѣдней уплачивалась денежная повинность, называемая также третью (tertia), как и надѣл варвара, полученный им на основаніи так называемой постойной повинности. Иногда реальнаго раздѣла имѣнія не было, т. е. треть не выкраивалась из состава имѣнія, ибо варвар ограничивался полученіем только своей части доходов и был совладѣльцем всего имѣнія pro tertia parte. Дѣйствительно, в одной купчей 540 года говорится о продажѣ имѣнія, свободнаго от всякаго долга казнѣ и частному человѣку, от чьих-либо исков или варварскаго надѣла (a sorte barbari). В данной грамотѣ имѣется в виду такой случай, когда на имѣніи не лежала повинность уплачивать извѣстную часть дохода в пользу приписаннаго к имѣнію варвара. Слѣдовательно, так как вездѣ были опредѣлены терціи, хотя фактически не вездѣ были выкроены, тяготы содержанія остготов были равномѣрно распредѣлены по всей Италіи. Разумѣется, довольно часто остготы вступали фактически во владѣніе своим надѣлом, т. е. выдѣляли его в свою пользу и раздѣльную собственность.

Принимая во вниманіе случаи совмѣстнаго владѣнія римлян и готов, Кассіодор главную заслугу комиссіи Либерія видит в этом соединеніи владѣній и интересов (Var., II, 16: Gothorum Romanorumque et possessiones junxerit et animos), ибо готу предоставлена

часть имѣнія, дабы в его лицѣ был дан защитник цѣлаго имѣнія (ibid.: et ex parte agri defensor acquisitus est, ut substantiae securitas integra servaretur). При таком раздѣленіи земель неизбѣжна была романизація остготов. Они жили перемѣшанные с мѣстным италіанским населеніем и от своих новых сосѣдей усваивали нравы и обычаи и вступали с ними в родственныя связи. С другой стороны, этот раздѣл отразился до нѣкоторой степени благотворно на распредѣленіи земель в Италіи. Число мелких собственников и людей свободных увеличилось. На всем протяженіи Италіи явилось сразу до 200.000 мелких и средних землевладѣльцев, а это не могло не отразиться на измѣненіи экономических условій страны в лучшую сторону. Многія латифундіи распались на болѣе мелкіе участки; заброшенныя земли снова попали в обработку, и увеличилась производительность страны, а это повело к пониженію цѣны на хлѣб и другіе продукты сельскаго хозяйства.

Эпоха византійскаго владычества в Италіи.

Остготское государство прекратило свое существованіе в 553 г., продержавшись 60 лѣт, а через 15 лѣт в Италіи явились новые завоеватели в лицѣ лангобардов, болѣе диких и менѣе приспособленных к усвоенію римской цивилизаціи, чѣм их предшественники. В теченіе этого пятнадцатилѣтняго промежутка времени возникли в организаціи италіанской администраціи нѣкоторыя новыя явленія, которыя опредѣлили характер византійской администраціи VI—VII вв. Юстиніан 13 августа 554 г. опубликовал извѣстную „Прагматическую Санкцію". Это первый историческій документ, носившій такое имя. Издавая его, Юстиніан имѣл цѣлью дать основы для переустройства завоеванной страны. Санкція сдѣлалась основным законом Италіи. Введеніем ея византійское правительство стремилось возстановить прежній строй, существовавшій до появленія остготов. Хотя Юстиніановское законодательство с этой поры получило в Италіи силу закона, но в то же время эдикты Теодориха Великаго, Амалазунды и Теодата были санкціонированы, а эдикты послѣдующих остготских королей и особенно Тотилы были отмѣнены. Это свидѣтельствует о том, в какой мѣрѣ эдикты первых королей соотвѣтствовали духу византійскаго законодательства, и как были ненавистны распоряженія послѣдних королей, пытавшихся внести черты самобытности.

Однако, и Византіи приходилось считаться с измѣнившимися обстоятельствами. Так, напр., нельзя было в прежнем размѣрѣ возстановить Италіанскую префектуру, и она была сведена теперь к одному только Аппенинскому полуострову. Далмація теперь была выдѣлена и вошла в состав Иллирійской префектуры.

Недавно присоединенная Африка образовала особую префектуру, а к ея составу причислены острова Корсика и Сардинія. Даже Сицилія, составлявшая как бы естественное продолженіе Италіи, была ввѣрена управленію особаго претора, подчиненнаго квестору Высочайшаго двора. С другой стороны, не полагаясь на своих чиновников, Юстиніан считал необходимым предоставить епископам значительную административную власть. Кромѣ того, были приняты мѣры к иной постановкѣ всей административной системы в направленіи сосредоточенія в однѣх руках военной и гражданской власти.

Принцип раздѣленія военной и гражданской компетенціи, введенный Діоклетіаном и Константином, оказался теперь мало пригодным, ибо условія рѣзко измѣнились. В сознаніи византійскаго правительства назрѣвало убѣжденіе о необходимости соединить власть гражданскую и военную в однѣх руках. Зародыши подобнаго порядка могут быть отмѣчены еще в IV вѣкѣ. В нѣкоторых провинціях, находившихся на границѣ с варварским міром и подвергавшихся натиску со стороны врагов, уже тогда стало обычным соединеніе гражданской и военной власти. Так, было поставлено управленіе въ Исавріи, Аравіи, Мавританіи и Сардиніи. При Юстиніанѣ же во многих азіатских провинціях вмѣсто прежних гражданских правителей (consulares, praesides) назначаются военные (praetores или *στρατηγοί*), с предоставленіем им власти и гражданской (ex utroque mixtus, ostentans tam in praeliis fortitudinem quam in ferendis legibus concinnitatem). Эта реформа была примѣнена в Писидіи, Ликаоніи, Фригіи, Галатіи, Пафлагоніи.

Когда была завоевана Италія, а еще раньше Африка, гдѣ пало вандальское королевство, византійское правительство как будто не собиралось в этих странах вводить административную реформу. В Африкѣ гражданская власть была сосредоточена в руках префекта преторія, которому подчинены были всѣ 7 африканских провинцій, управляемых гражданскими чиновниками (consulares, praesides). Военная власть ввѣрена была военным начальникам (duces), подчиненным магистру Востока или главнокомандующему (magister militum per Orientem). То же было и в Италіи. Прагматическая Санкція различала представителей гражданской и военной власти (judices civiles, judices militares). Во главѣ гражданской власти стоял префект преторія, которому были подчинены два викарія двух италіанских діоцез, а в провинціях гражданскіе правители (judices provinciarum). Военная власть принадлежала главнокомандующему (magister militum) и командирам (duces) провинціальных военных отрядов, а в городах — трибунам (tribuni).

Этот порядок, основанный на принципѣ раздѣленія военной и гражданской власти, недолго продержался. В Африкѣ вслѣд-

ствіе постоянной борьбы с мѣстными варварскими племенами скоро пришлось предоставить высшую военную и гражданскую власть одному лицу. Здѣсь такими правителями были патриціи Соломон и Герман.

Как извѣстно, стремленіе к соединенію гражданской и военной власти привело в Византіи к созданію так называемых ѳем. Вторая половина VI вѣка и первая половина VII вѣка это переходный період от старой административной системы к новой.

В Италіи, как и в Африкѣ, вполнѣ обнаруживаются признаки новой административной системы. Есть полное основаніе утверждать, что уже первый правитель Италіи Нарзес обладал высшею военною и гражданскою властью, хотя ему не был присвоен титул экзарха, упрочившійся впослѣдствіи за правителями Италіи. Ни Нарзес, ни преемник его Лонгин, не носили наименованія экзарха. Титулы Нарзеса были: ex praepositus sacri palatii, exconsul et patricius, хотя он обладал высшею в Италіи властью, имѣл право вмѣшиваться во всѣ частности управленія и требовать отчета от всѣх чиновников. Даже префект Италіи получал от него предписанія. Таким образом, Италія вступила уже на путь упрощенія, который привел к созданію ѳем, хотя здѣсь в VI вѣкѣ и в началѣ седьмого был еще прежній порядок управленія и продолжали дѣйствовать префект, викаріи двух діоцез и областные правители (judices). Впрочем, значеніе их постепенно падает, а возрастает авторитет военных властей: duces в областях и tribuni — в городах. Для высшаго представителя государственной власти в Италіи долго не существовало особаго титула, как видно из того, что преемника Нарзеса Лонгина никогда не называли экзархом. В виду затруднительности положенія Италіи, которой тогда угрожали лангобарды, он соединял власть префекта и власть главнокомандующаго (magister militum). Только лишь к концу царствованія Юстина II входит в употребленіе новый титул экзарха. Первый раз упоминается этот титул в письмѣ папы Пелагія II в Константинополь к апокрисіарію римскаго папскаго престола, впослѣдствіи папѣ Григорію Великому, письмѣ, помѣченном 4 декабря 584 г. В этом письмѣ правитель Италіи Смарагд называется экзархом. Путем разбора оффиціальных документов французскій ученый К. Диль пріурочивает возникновеніе экзархата в Италіи к 572—576 гг. Учрежденіе экзархата в Италіи ставится в связь с назначеніем правителем Италіи зятя Юстина II-го Бадуарія, погибшаго в борьбѣ с лангобардами в 576 г.

Что же касается титула экзарха, который удержался в административной практикѣ (до X столѣтія) и нашел себѣ потом примѣненіе в области церковнаго управленія, то относительно происхожденія этого титула высказывается много разнаго рода догадок. По одним, титул этот означает, что правитель получает

свою власть от государя (ἐκ τοῦ ἄρχοντος). По мнѣнію другихъ, если какая-либо область поручалась вѣдѣнію особаго чиновника с особою властью и становилась вслѣдствіе этого как бы внѣ государства, то и чиновник получал названіе экзарха (ἔξω ἀρχῇ). Всѣ эти объясненія натянуты и искусственны. Всякій чиновник получает мандат от государства, но превратно было бы думать, что Италія или какая-либо другая область считалась внѣ государства, ибо это не было бы согласно с имѣющимися данными и фактами. Из изученія текстов оказывается, что еще в концѣ IV столѣтія это слово употреблялось для наименованія офицера, начальника отдѣльнаго отряда (numerus, ala) вспомогательнаго войска. Во времена Юстиніана экзархом называли всякаго офицера, в противоположность солдату, когда хотѣли показать различіе между офицером и рядовым, а впослѣдствіи так стали называть высших чинов арміи.

Административная реформа произошла в Италіи главным образом под вліяніем опасности со стороны лангобардов, которые пытались завоевать всю Италію.

Литература и источники исторіи лангобардскаго государства.

Среди других германских народов, обосновавшихся в областях бывшей Западной имперіи, лангобардам принадлежит выдающаяся роль. Они были единственным народом, который не заключал никаких договоров с имперіей и вошел не в качествѣ союзников (foederati). С другой стороны, ни один народ не обнаружил столь сильной приверженности к своему народному праву и установленіям, как лангобарды. Если им не удалось объединить Италію, удержать ее в своей власти и основать прочное государство, то этому помѣшали византійское правительство и политика епископов г. Рима.

Для исторіи лангобардскаго періода имѣют значеніе тѣ же сочиненія, которыя были указаны для остготскаго періода. Кромѣ того, можно указать для внѣшней исторіи слѣдующіе труды: Leo, Geschichte der italienischen Staaten, 1. Bd., Hamburg 1829; Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, II. Bd., Stuttgart 1889; Hodkin, Italy and her invaders. Vol. V: The Lombard invasion, Vol. VI: The Lombard kingdom. Oxford 1895, а для внутренней исторіи — сочиненія: Hegel, Geschichte der Städteverfassung von Italien, Bd. 1, Lpz. 1847; Diehl, Études sur l'administration Byzantine dans l'Éxarchat de Ravenne, Paris 1888; Ficker, Forschungen zur Reichs- und Rechtsgeschichte Italiens, Bd. III; Pabst, Geschichte des langobardischen Herzogtums (см. Forschungen zur deutschen Geschichte, II, 1862); Schupfer, Delle istituzioni politiche Langobardiche, Firenze 1863.

Главным источником для исторіи лангобардов является сочиненіе Павла Діакона, современника Карла Великаго. И до Павла Діакона были историческіе труды, посвященные исторіи лангобардскаго народа, напр.: Origo gentis Longobardorum (конца VII столѣтія), списки королей лангобардских, находящіеся в текстѣ законов, и сочиненіе раба Божія Секунда. Всѣ эти произведенія или ничтожны по содержанію, или извѣстны лишь по отрывкам.

Павел Діакон, сын Варнефрида, лангобарда знатнаго рода, жившаго в Фріульской области, родился около 720 г. Как человѣк знатнаго происхожденія, был в малолѣтствѣ взят к королевскому двору в Павію и впослѣдствіи стал близок к королю Ратхису (744—749 г.). Учителем его был грамматик Флавіан, котораго он всегда вспоминал с благодарностью. Служил он и при дворѣ послѣдняго короля Дезидерія, был учителем его дочери Адальперги, вышедшей замуж за беневентскаго герцога Арихиса. Его близкія и прекрасныя отношенія с членами королевскаго дома видны из того, что в одном акростихѣ он называет свою бывшую ученицу Adalperga pia, а по смерти ея мужа Арихиса составил в 787 году эпитафію, не лишенную поэтических красок. В связи с этими отношеніями возникли первыя литературныя работы Павла Діакона. Адальперга читала Евтропія, но многаго не понимала, а, кромѣ того, не находила у этого автора изложенія событій церковной исторіи. Желая ей помочь, Павел Діакон составил свой первый историческій труд „Historia romana", в котором изложеніе событій довел до Юстиніана Великаго. Особеннаго значенія это сочиненіе не имѣет, будучи простой компиляціей. Также мало значенія имѣют для историка труды Павла Діакона по обработкѣ церковных пѣснопѣній и составленный им сборник образцовых проповѣдей. Кромѣ того, ему приписывались стихотворныя надписи, украшавшія зданія в Салерно и Беневентѣ. Как наименованіе нашего писателя, так и его труды церковнаго характера свидѣтельствуют о его принадлежности к составу клира. Когда именно он принял духовный сан, неизвѣстно, но можно догадываться, что в данном случаѣ он послѣдовал примѣру короля лангобардов Ратхиса, который отказался от власти и поступил в монастырь. Удалившись в Монтекассинскій монастырь, Павел Діакон там пробыл недолго. В Фріульской области произошло возстаніе против франков (776 г.), в котором принял участіе брат Павла Діакона Арихис. Он был схвачен и отправлен в Галлію, а имуществу его и даже жизни грозила опасность. Это несчастіе побудило Павла Діакона предпринять путешествіе ко двору франкскаго короля. Явившись сюда, он обратился с просьбою к Карлу Великому. Хотя своей ближайшей цѣли он и достиг, но обстоятельства сложились так, что он вынужден был остаться при дворѣ на болѣе продолжительное время, чѣм собирался. Карл Великій нуждался в образованных людях, при помощи которых надѣялся

выполнить свои культурныя задачи. Так как Павел Діакон был человѣк образованный, то Карл Великій не замедлил возложить на него различныя почетныя порученія. В ту пору Карл мечтал выдать одну из своих дочерей замуж за византійскаго императора, в виду чего хотѣл дать ей образованіе в греческом духѣ. Это дѣло было поручено Павлу Діакону. Благодаря близости ко двору невольный сотрудник короля вступил в дружескія отношенія с придворными сановниками и с отдѣльными членами королевской семьи. Когда в 782 г. скончалась королева Гильдегарда, то Павлу Діакону было поручено составленіе эпитафіи. Около того же времени он написал исторію Мецкой каѳедры Gesta episcoporum Mettensium (Mon. Germ. hist. SS., II). В этом сочиненіи с особенною подробностью он говорит о родѣ и предках Карла Великаго, в угоду послѣднему, и пользуясь тѣм обстоятельством, что одним из мецких епископов был Арнульф, предок Каролингов. Сочиненіе это, составленное по порученію тогдашняго мецкаго епископа Ангильрама, сдѣлалось образцом, которому слѣдовали всѣ, кто впослѣдствіи занимался составленіем исторіи отдѣльной каѳедры.

В 787 г. Павел Діакон, повидимому, был в Монтекассино. Здѣсь же написал он объясненіе устава бенедиктинцев и главное свое историческое произведеніе De gestis Langobardorum libri sex или Historia Langobardorum (Mon. Germ. SS. rerum Langobard. Hann. 1878, in - 4). В этом сочиненіи Павел Діакон собрал в одно цѣлое всѣ саги и преданія старины и привлек всѣ существовавшія в это время историческія произведенія. Как современник послѣдних времен существованія лангобардскаго королевства, как лицо, близко стоявшее к лангобардскому и франкскому королевским домам, он был в наиболѣе счастливых условіях при составленіи историческаго произведенія, которое является почти единственным при изученіи внѣшней исторіи лангобардскаго періода. К сожалѣнію, он свое изложеніе довел только до смерти Ліутпранда, т. е. до 744 г. Достоинствами его произведенія являются ясность изложенія, правдивость и сочувствіе к родному народу, а к недостаткам сочиненія нужно отнести главным образом ошибки в хронологическом отношеніи: он или не дает прямого указанія на годы или, если дает, то указанія его почти всегда нуждаются в провѣрках и поправках.

Другим важным источником для исторіи лангобардскаго народа является запись лангобардских законов. Законы были записаны 75 лѣт спустя послѣ вступленія лангобардов на италіанскую землю. Послѣдовала запись по почину короля Ротари, когда в 643 г. был издан его эдикт „по совѣту и с согласія вельмож и народа". Запись лангобардских законов имѣет существенное отличіе, по сравненію с записями других варварских правд: слабо отразилось вліяніе римскаго права и прав других народов. Можно

найти лишь слѣды вліянія старых вестготских законов, изданных королем Эйрихом, а также указать нѣкоторое заимствованіе терминологіи и установленій из римскаго права. Однако, по своему духу, складу и составу запись представляет вполнѣ самостоятельное лангобардское право, подвергнувшееся наименьшему вліянію со стороны других юридических теченій. Помимо того, можно отмѣтить цѣлый ряд особенностей эдикта. В противоположность другим варварским записям, здѣсь нѣт указаній на размѣры композиціи; композиція существует, но не опредѣлена в числовых данных, ибо размѣр ея опредѣляется сообразно достоинствам потерпѣвшаго и обидчика. С другой стороны, эдикт выдѣляется ясностью изложенія, краткостью языка и стройностью распредѣленія матеріала, т. е. такими чертами, которыя почти неизвѣстны записям других варварских правд (leges barbarorum). В титулах 1—152 дѣло идет о преступленіях против короля и государства и о насиліях над личностью; в 153—226 титулах излагаются законы о наслѣдованіи имущества, отпускѣ рабов и о семейственном правѣ, а в 227—368 титулах даются нормы гражданскаго и уголовнаго права, с присоединеніем положеній о преступленіях против собственности. Далѣе, ни в одной записи варварских правд не встрѣчается такого обилія древне-германских юридических терминов, нѣкоторое число которых доселѣ не вполнѣ выяснено. Наконец, в эдиктѣ не усматривается какого-либо вліянія церкви. Это обстоятельство легко объяснимо тѣм, что лангобарды завоевали Италію, будучи отчасти аріанами, а отчасти язычниками. Находясь, как аріане или язычники, внѣ церкви, лангобарды не допустили воздѣйствія на свои законы каноническаго церковнаго права. Это отсутствіе церковнаго вліянія усматривается, между прочим, в непризнаніи отпуска рабов в церкви. Но церковь все-таки пользуется защитою закона; по эдикту, за производство шума и безпорядка в церкви налагаются взысканія и за церковью признано право убѣжища. Замѣчательно отношеніе эдикта к мѣстному романскому населенію. О мѣстном населеніи в эдиктѣ не упоминается, как будто его не существовало. Отсюда слѣдует, что лангобарды не признавали в предѣлах своего королевства дѣйствія какого-либо иного закона и на людей романскаго происхожденія распространили дѣйствіе своего племеннаго права, приравняв их к альдіонам, полусвободному классу, отличавшемуся от колонов тѣм, что класс этот не был прикрѣплен к землѣ.

Эдикт Ротари считался основным законом, к которому впослѣдствіи были сдѣланы различныя дополненія послѣдующими королями. Так, были изданы законы короля Гримуальда в 668 г., т. е. через 25 лѣт послѣ изданія эдикта. За эти 25 лѣт в жизни Италіи произошли значительныя перемѣны. Лангобарды болѣе сблизились с италіанцами и стали подпадать вліянію католической церкви. Значительная часть лангобардов отказалась от

аріанства благодаря дѣятельности папы Григорія Великаго и его преемников. Отсюда понятно, что в законах Гримуальда наблюдается смягченіе строгаго лангобардскаго права. Допускается наслѣдованіе внуков, наряду с родными дѣтьми. Прежде внук не мог наслѣдовать дѣду, если отец его умирал раньше дѣда. По законам Гримуальда внук признается наслѣдником в той же части, в какой был наслѣдником его отец. Было улучшено юридическое положеніе женщин, вышедших замуж, установленіем размѣра вдовьей доли, обезпечивающей существованіе вдовы. Введена была 30-лѣтняя давность для обезпеченія прав владѣнія даже и при отсутствіи письменных документов.

Особенно была значительна законодательная дѣятельность Ліутпранда, развивавшаяся в теченіе 23 лѣт (713—735). Отдѣльные законы этого короля датировались тѣм или другим годом его правленія и были присоединены к эдикту Ротари, образовав пятнадцать отдѣльных дополненій (volumina). В законах короля Ліутпранда обнаруживается вліяніе католической церкви и римскаго права. Вездѣ здѣсь дана мотивировка, сообразно с прецедентами, обнаруживающимися в жизни: на основаніи частнаго случая и его толкованія выводится норма для рѣшенія всѣх однородных дѣл. Источником законодательной дѣятельности признается уже не мудрость предков, как прежде, а божественное вдохновеніе, воздѣйствующее на правовѣрнаго короля. Освобожденіе рабов в церкви разсматривается как особая привилегированная форма отпуска на свободу. Церковное вліяніе замѣтно в установленіи и норм семейственнаго права. Безусловно запрещается теперь вступленіе в брак с вдовою родственника, при чем дѣлается ссылка на авторитет папскаго престола. Постепенно пробуждается сознаніе необходимости считаться с римским правом: при заключеніи сдѣлок и договоров сторонам предоставляется опредѣлить, по римскому или лангобардскому праву должны разрѣшаться вопросы и споры, вытекающіе из опредѣленій договора.

Законодательная дѣятельность продолжалась при королѣ Ратхисѣ, Айстульфѣ и Дезидеріи, вплоть до паденія государства, но в виду характера переходнаго времени она не имѣет для историка особеннаго значенія. Впрочем, и послѣ паденія государства развитіе лангобардскаго права не прекращается в беневентском герцогствѣ.

Лангобардское право, как оно выразилось в эдиктѣ Ротари и законах лангобардских королей, ближе всего стоит к праву саксов и англосаксов. Это сходство юридических норм лангобардов, англосаксов и саксов объясняется исторіей. Лангобарды долго жили в сосѣдствѣ с саксами и англосаксами между Эльбою (Лабою) и Одером. С другой стороны, это сходство объясняется тѣм, что в Италію лангобарды пришли в сопровожденіи значительной массы саксов. Хотя саксы недолго оставались здѣсь и

должны были возвратиться на родину, но это обстоятельство свидѣтельствует об особой близости этих народов. Перейдя от Балтійскаго моря до Италіи и совершив этот путь в теченіе $3^1/_2$ столѣтій, лангобарды сохранили свое племенное право и удержали его в полной незыблемости и тогда, когда поселились среди населенія, жившаго по римскому праву. В этом отношеніи лангобарды представляли прямую противоположнось остготам, которых они смѣнили в Италіи.

Исторія лангобардскаго государства.

По свидѣтельству Тацита, лангобарды жили во II вѣкѣ на берегах Балтійскаго моря, между Эльбою и Одером, ближе к берегам первой. Повидимому, они тогда института королевской власти еще не знали. Можно думать, что королевская власть возникла у них довольно рано, не позже IV столѣтія. Во всяком случаѣ в V и в началѣ VI вѣка она у них является уже сильно развитою. Так как родина оказалась для них тѣсною, то они потянулись к болѣе благодатным южным землям. По теченію Одера они дошли до Дуная (через Силезію) и в концѣ V вѣка, вскорѣ послѣ уничтоженія Одоакром ругіев, заняли Паннонскія равнины (Венгрія). Сначала лангобарды платили герулам дань, но в самом началѣ VI вѣка освободились от этой зависимости, разгромив государство герулов. Только часть послѣдних укрылась в предѣлах Восточной имперіи. Теперь только поселенія гепидов отдѣляли лангобардов от Восточной имперіи. Придерживаясь обычной политики по отношенію к варварам, Юстиніан вступил в сношенія с лангобардами и подстрекал их к борьбѣ с гепидами. Эти отношенія к Имперіи побудили лангобардов отказать в помощи Витигесу и наоборот выступить союзниками Византіи в ея борьбѣ с остготами. Когда Нарзес выступил против Тотилы, то у него был отряд лангобардов в 5 тысяч человѣк. Эти союзники были особенно тягостны. Дѣло в том, что бургунды, вестготы, остготы и даже франки уже значительно подверглись вліянію культуры, а лангобарды сохраняли первобытную дикость и так жестоко поступали с мѣстным населеніем, что возбуждали ужас в Италіи; и Нарзес поспѣшил при первой возможности отправить их на родину.

В концѣ царствованія Юстиніана, когда остготское королевство уже пало, борьба лангобардов с гепидами не прекращалась и шла с перемѣнным счастьем, пока лангобардскій король Альбоин не вступил в союз с аварами. Под ударами лангобардов и аваров погибло государство гепидов. Их король Кунимунд пал в битвѣ; Альбоин сдѣлал из его черепа прекрасную чашу и женился на дочери его Розамундѣ. Послѣ паденія гепидов ланго-

барды оказались ближайшими сосѣдями византійцев, и дорога в Италію им была открыта. Давно уже благодатныя южныя земли манили к себѣ лангобардов, а теперь тѣм болѣе, что ближайшее сожительство с кочевниками в лицѣ аваров не предвѣщало им спокойнаго будущаго.

В 568 г. Альбоин со всѣм своим народом и с отрядами союзных варварских племен (славян, болгар, саксов) двинулся в сѣверную Италію для ея завоеванія. Легенда о том, что лангобардов пригласил в Италію Нарзес, желая отомстить византійскому правительству за обиду и отозваніе из Италіи, не заслуживает никакого вниманія. Движеніе лангобардов в Италію есть естественное продолженіе всей исторіи этого племени, а, с другой стороны, если бы Нарзес был подозрѣваем в измѣнѣ и преступных замыслах, то правительство не оказывало бы ему знаков вниманія и в концѣ его жизни, и по смерти. Утомленный правительственными и военными трудами Нарзес просил об увольненіи от службы. Сдав свою должность, он при возвращеніи в Константинополь скончался в Римѣ. Тѣло его было привезено на спеціально построенном роскошном кораблѣ в столицу и здѣсь погребено с большими почестями.

Легенда об измѣнѣ Нарзеса возникла впослѣдствіи и была записана позднѣйшими, преимущественно западными, хронистами.

В апрѣлѣ 568 г. лангобарды, под предводительством своего короля Альбоина, вступили на италіанскую территорію. В Италіи Альбоин не встрѣтил особеннаго сопротивленія ни со стороны населенія, ни со стороны византійскаго правительства, и легко овладѣл сѣверо-восточной частью полуострова, которая впослѣдствіи стала извѣстна под именем Фріульской области. Явившись в Италію со многими союзниками (болгарами, славянами, саксами и другими варварами), лангобарды не уступали им в жестокостях; свои завоеванія они производили с такими жестокостями, что жители спѣшили спастись бѣгством или под защиту крѣпких городов, или на острова Адріатическаго моря. К этому времени относится усиленное заселеніе лагун Венеціи. Завоеванная область была предоставлена Гизульфу, который управлял ею в качествѣ герцога; и таким образом было положено начало первому лангобардскому герцогству (Фріульскому). Гизульф, повидимому, был родственником короля и получил герцогство в награду за участіе в походѣ. Проведя зиму в Фріульской области, лангобарды с весны 569 года продолжали свои завоеванія. Города переходили в руки лангобардов один за другим. Пал Милан, и была взята Павія послѣ трехлѣтней осады. В 573 г., т. е. через 6 лѣт послѣ начала завоеванія, вся долина рѣки По с притоками ея с правой и лѣвой стороны оказалась во владѣніи лангобардов, вслѣдствіе чего получила названіе Лангобардіи или Ломбардіи.

Хотя при Альбоинѣ лангобарды доходили до самаго юга, до Сполето, но упрочиться удалось им только на сѣверѣ полуострова. Альбоин пал жертвою мести в силу заговора, составленнаго его женою Розамундою, дочерью послѣдняго гепидскаго короля, из черепа котораго лангобардскій король приказал сдѣлать застольную чашу. Избранный послѣ смерти Альбоина королем, Клеф процарствовал всего лишь $1^1/_2$ года, а затѣм настал 10-лѣтній період анархіи или междуцарствія, ибо лангобарды рѣшили обходиться без короля. В сущности вся власть перешла в руки герцогов, являвшихся самостоятельными правителями отдѣльных областей. Во главѣ отдѣльных отрядов они продолжали завоеванія, безжалостно грабя и уничтожая мѣстное населеніе. Разумѣется, при этом не могло быть рѣчи о каком-либо послѣдовательном планѣ военных дѣйствій. Каждый герцог дѣйствовал за свой страх и риск, и война получила характер грабежа и разбойничьих набѣгов. Отсутствіе королевской власти развязало руки герцогам и увеличило бѣдствія мѣстнаго населенія, ибо короли, как представители государственности, являлись естественными защитниками покореннаго населенія. Теперь же для произвола отдѣльных вождей или герцогов не существовало никакой преграды. Можно сказать, что всѣ богатые землевладѣльцы и зажиточные люди мѣстнаго происхожденія были перебиты, а земли их и имущества достались герцогам. Число послѣдних нельзя опредѣлить, но, повидимому, каждый город с его окрестностями образовывал отдѣльное герцогство. Разумѣется, при таких условіях завоеваніе не могло успѣшно продолжаться, а лангобарды потеряли момент силы перваго и сосредоточеннаго удара. Отдѣльные герцоги даже заключали с Византіей договоры и признавали свою от нея зависимость. Анархія грозила погубить лангобардское государство тѣм болѣе, что византійское правительство завязало сношенія с франками.

Выступленіе франков в качествѣ союзников Византіи было согласно как с византійскою политикою, которая держалась правила натравлять один народ на другой, так и с ходом событій. Когда лангобарды завоевали сѣверную Италію, то с их стороны неоднократно повторялись попытки нападать и грабить Бургундію, куда они проникали, переходя Приморскіе Альпы. Одни отряды возвращались с добычею, а другіе были уничтожаемы бургундами. По этой проторенной дорогѣ рѣшили возвратиться из Италіи на родину саксы, которые явились в сѣверную Италію вмѣстѣ с лангобардами, в количествѣ около 20 тысяч. В Италіи они не ужились с лангобардами, так как не хотѣли подчиняться нормам лангобардскаго права. Они заключили договор с бургундами, которые разрѣшили им пройти через их земли. В сопровожденіи бургундскаго отряда, защищавшаго их от мѣстнаго населенія, они благополучно достигли бывшей своей родины,

но там погибли в борьбѣ за свои земли, которых им не согласились уступить новые насельники.

Подобнаго рода событія, близкое сосѣдство и взаимная жажда добычи и наживы втягивали франков ко вмѣшательству в дѣла лангобардов и наоборот. Император Маврикій предложил австразійскому королю Хильдерберту 50 тысяч солидов золота за помощь против лангобардов. Таким образом, лангобардам угрожали с сѣвера франки, а с юга византійцы. Тогда естественно явилась мысль о возстановленіи королевскаго достоинства. На собраніи всѣх герцогов рѣшено было избрать королем Автариса, сына Клефа.

Въ этом избраніи участвовали главным образом сѣверные герцоги, а южные далеко не всѣ примкнули. Избраніе Автариса оказалось удачным. В его лицѣ лангобарды выбрали талантливаго правителя и прекраснаго военачальника. Пять раз въ теченіе семи лѣт (583—590 г.) врывались франки, под начальством Хильдеберта, но особенно значительнаго успѣха не имѣли. По большей части оказывалось, что планы короля Хильдеберта, византійскаго правительства и равеннскаго экзарха были недостаточно согласованы. Когда вслѣдствіе голода, мора и неудач франки покидали Италію, оставив в занятых городах и крѣпостях свои гарнизоны, Автарис опять овладѣвал этими крепостями и истреблял гарнизоны.

Правленіе Автариса ознаменовалось тѣм, что были заложены основы для упроченія королевской власти. По свидѣтельству Павла Діакона, герцоги рѣшили в предѣлах каждаго герцогства выдѣлить половину владѣній въ пользу короля. Располагая этими средствами, Автарис подчинил себѣ тѣх герцогов, которые не признавали его власти и распространил свою власть до г. Реджіо, т. е. до самаго юга Италіи. Автарис, хотя сам был аріанин, но относился к завоеванному населенію, исповѣдывавшему Никейскій символ вѣры, с большою вѣротерпимостью по соображеніям политическим и под вліяніем своей жены. Он был женат на баварской принцессѣ Теоделиндѣ, находившейся въ постоянной перепискѣ с папою Григоріем Великим. Вліяніе ея продолжалось и послѣ смерти Автариса (590), ибо престолонаслѣдіе долго держалось в ея родѣ. Послѣ Автариса престол перешел к Агилульфу, герцогу туринскому, женившемуся на овдовѣвшей Теоделиндѣ, затѣм слѣдовало кратковременное правленіе ея сына, затѣм правили ея зятья, женатые на ея дочери Гундебергѣ, и, наконец ея племянник. Из этих королей особенно выдаются Агилульф (590—616) и Ротари (636—652).

Главная заслуга Агилульфа состояла в успѣшной борьбѣ с непокорными и мятежными герцогами, которых он смирил силою орудія. Его союзные договоры с аварами, франкскими королями и даже с вестготским королем в Испаніи дали ему возможность расширить королевство завоеваніем Падуи, Кремоны

и Мантуи. Благодаря всему этому, он упрочил положеніе лангобардскаго королевства. Также плодотворна была его религіозная политика. Агилульф не только не преслѣдовал католиков, но даже оказывал содѣйствіе своей женѣ Теоделиндѣ в ея стремленіях к сближенію с католической церковью и удовлетворенію религіозных нужд мѣстнаго населенія. Дѣло в том, что при нашествіи лангобардов православные епископы бѣжали на берега Лигурійскаго залива, в Равенну и Рим и оттуда правили своими епархіями. Теперь по соглашенію с римской куріей были возстановлены в сѣверной Италіи епископскія каѳедры. Заслуживают также вниманія заботы Теоделинды по устройству монастыря Боббіо, основаннаго выходцами из франкскаго государства, Колумбаном и его спутниками, бѣжавшими от преслѣдованій Брунегильды, ибо этот монастырь не замедлил сдѣлаться центром культурной и религіозной жизни сѣверной Италіи.

Послѣ смерти Агилульфа Теоделинда была назначена правительницей государства, ибо сын ея Адалоальд (616—626) был малолѣтен. Адалоальд был воспитан матерью уж не в аріанствѣ и стал искать сближенія с византійцами и окружал себя совѣтниками из людей греческаго происхожденія. Эта противонародная политика короля вызвала неудовольствіе лангобардской знати. Сын Теоделинды был свергнут и королем избран Аріоальд, женатый на дочери Теоделинды Гундебергѣ. Когда Аріоальд скончался, королем объявлен был Ротари, также женившійся на Гундебергѣ (636--652). С его именем соединено составленіе эдикта; и, кромѣ того, его дѣятельность заслуживает вниманія в другом отношеніи. Владѣнія лангобардов не имѣли необходимой закругленности даже в сѣверной Италіи, так как все Лигурійское побережье с Генуей было еще во власти Византіи. Ротари удалос не только завоевать это побережье, но и подчинить своей власти могущественнаго беневентскаго герцога. Послѣ смерти Ротари на короткое время воцарился его сын Родоальд. Через год он был убит, и в государствѣ наступил період смут, продолжавшійся до начала VIII вѣка. Это тревожное в политическом отношеніи время (вторая половина VII вѣка) может быть отмѣчено в виду постепеннаго исчезновенія аріанства среди лангобардов, благодаря чему было устранено одно из самых существенных препятствій к сближенію между завоевателями и завоеванными. Послѣ того, как религіозный антагонизм был устранен, возникли благопріятныя условія для культурнаго и этнографическаго сліянія лангобардов с мѣстным населеніем, и постепенно стала слагаться новая италіанская народность.

Період смут, начавшійся послѣ смерти Ротари (652 г.), закончился спустя 50 лѣт, когда на престол был избран Ліутпранд. Возстановив пошатнувшійся авторитет королевской власти и опираясь на новую національность, слагавшуюся в Италіи, он намѣ-

чает новый путь внѣшней политики. Он пытается нанести рѣшительный ударъ Равенскому экзархату и Римской области. В этих своих стремленіях Ліутпранд (712—744) ясно почувствовал противодѣйствіе со стороны церковной папской власти. Папскій престол выступил со сложной политикой, имѣвшей цѣлью не допустить в Италіи основанія сильной политической власти. Это стремленіе пап опредѣляет всю дальнѣйшую исторію лангобардов. Папы вовлекают в свои замыслы франков, сначала Пипина Короткаго, а потом Карла Великаго. Если бы государственный и общественный строй лангобардскаго государства отличался прочностью и силою, то политика папскаго престола не могла бы увѣнчаться успѣхом. Ліутпранду и его преемникам, среди которых встрѣчались даровитые и дѣятельные люди, удалось бы основать в Италіи могущественное государство и низвести пап к положенію заурядных областных епископов.

Политическій строй лангобардскаго государства.

О характерѣ поселеній лангобардов сохранились кое-какія и невполнѣ согласныя между собою свидѣтельства Павла Діакона. Разсказывая о времени короля Клефа, этот историк подчеркивает факт захвата и насилія: Hic multos Romanorum viros potentes, alios gladiis extinxit, alios ex Italia exturbavit (II, 31), т. е. король „многих римских богатых землевладѣльцев истребил одних мечем, а других выгнал“, но в слѣдующей главѣ он же отмѣчает нѣкоторую планомѣрность раздѣла: Reliqui vero, divisi per hospites, ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur (II, 32), т. е. „остальные же жители сдѣлались данниками и были раздѣлены между пришельцами (hospites) для того, чтобы уплачивать в пользу их третью часть своих сборов.“ Характерно, что дѣлятся здѣсь не земли, а люди. Значит, лангобардскаго раздѣла нельзя сближать съ институтом военнаго постоя, принятым у других германских народов, хотя и в данном случаѣ в основѣ дѣлежа положены были земли, как видно из свидѣтельства Павла Діакона о возстановленіи королевской власти при избраніи Автариса и его договорѣ с герцогами: omnem substantiarum suarum medietatem regalibus usibus tribuunt, ut esse possit, unde rex ipse sive qui ei adhaererent eiusdem obsequiis per divisa officia dediti alerentur, т. е. „герцоги выдѣлили из своих земельных угодій цѣлую половину для содержанія самаго короля и его дружинников, назначаемых на разныя должности“.

Таким образом, на началах насильственнаго захвата земель и плодов труда мѣстнаго населенія основывалась вся государственность лангобардов. Король, его дружинники и чиновники, а равно

и всѣ завоеватели кормились на средства завоеваннаго мѣстнаго населенія. В этом заключался весь ужас лангобардскаго завоеванія.

Что завоеватели поселились родовыми группами, на это есть указаніе у Павла Діакона: unde usque hodie eorum in quibus habitant vicos Gepidos, Vulgares, Sarmatas, Pannonios, Suavos, Noricos sive aliis hujuscemodi nominibus appellamus, т. е. „до настоящаго времени в названіях отдѣльных поселков видим указанія на гепидов, болгар, сарматов, свевов, выходцев из Панноніи и Норики и т. д.“ Если каждая отрасль завоевателей селилась обособленно, то и лангобарды неизбѣжно селились группами родственными или родами. Доказательством этого служат и географическія названія. В топографических именах Италіи является очень распространенным слог „фара“, а это значит „род“.

При таких условіях поселенія лангобардов не могло быть рѣчи об индивидуальном порабощеніи мѣстнаго населенія, т. е. отдачѣ извѣстнаго числа людей каждому отдѣльному лангобарду. Как видно из грамот, лангобарды ни в одном текстѣ не называются „domini“, а лангобардами или hospites. Раздѣл не приводил, значит, римское населеніе к лишенію личной свободы. Если бы римляне были обращены в рабство, то лангобардам естественно было бы присвоено наименованіе господами (domini). Таким образом, римляне попали в среднее положеніе между свободными лангобардами и рабами, которых завоеватели привели с собою и нашли в Италіи. Это среднее соціальное положеніе и было положеніе данников (tributarii) и выражалось в уплатѣ трети доходов в пользу побѣдителей, но при этом платеж этот поступал в распоряженіе извѣстной группы завоевателей. Право извѣстных лиц на доход основывался на принадлежности их к составу лангобардскаго народа или извѣстной части его, как видно из позднѣйших грамот (pars langobardorum, pars neapolitanorum, pars militiae и т. д.). Так, напр., в грамотѣ 942 г. сказано: et de uno capite est terra nostra, quae nobis obvenit pro tertia ex partibus Langobardorum, или в грамотѣ 960 года: fundora et memorata campora nostra propria sunt et mihi pertinent a parte militiae et langobardorum. Таким образом, когда крупныя землевладѣнія были конфискованы, а остальныя, т. е. мелкія и среднія, были обращены в собственность лангобардскаго народа, то в зависимости от разселенія лангобардов в опредѣленных мѣстностях завоеванной территоріи, была опредѣлена доля каждаго лангобарда в формѣ полученія дохода в размѣрѣ трети с извѣстнаго имѣнія, при чем люди мѣстнаго происхожденія, бывшіе владѣльцы, сохранили свою личную свободу. Возникла поэтому имущественная зависимость, которая для одних людей мѣстнаго италіанскаго происхожденія впослѣдствіи могла привести к уменьшенію свободы, а для других путем выкупа — к полному освобо-

жденію. Слѣдовательно, в данном отношеніи, не взирая на полный разрыв с римскою традиціей военнаго постоя (jus hospitalitatis), сложился приблизительно тот же порядок, какой установился и у других варварских народов, поселившихся на условіях военнаго постоя.

Подобный же разрыв с римскими традиціями наблюдается в строѣ всѣх государственных учрежденій лангобардскаго государства.

Государственное хозяйство лангобардов получило натуральный характер. Подобный переход к упрощенному хозяйству объясняется тѣм, что римская податная система пришла в упадок. Лангобарды не в состояніи были удержать римскую финансовую организацію, которая требовала составленія новых податных списков и знакомства с пріемами сложнаго финансоваго хозяйства. Денежные поземельные и подушные налоги перешли или были переведены в обыкновенные оброки, поступавшіе в пользу землевладѣльцев. Эта перемѣна финансоваго хозяйства привела к стѣсненію государственной власти. Король не мог уже распоряжаться казенными доходами, так как они исчезли. В его распоряженіи остались частныя средства, доходы королевских имѣній и земель. Хотя при возстановленіи королевской власти (при избраніи Автариса) герцоги поступились в пользу короля значительною долею своих имѣній, но все же получаемых королем средств было недостаточно для содержанія органов государственной власти. По необходимости расходы по различным государственным вѣдомствам и отраслям пришлось возложить на самое общество.

Всѣ свободные люди обязаны были на свой счет отправлять военную повинность. Всякій свободный человѣк был воин (exercitalis homo, ариман) и за уклоненіе от военной службы или неявку на сборный пункт подвергался штрафу в 20 солидов, а в случаѣ несостоятельности — конфискаціи имущества. С другой стороны, на свободное населеніе возлагались и scufiae publicae, т. е. государственныя повинности, однородныя с trinoda necessitas англосаксов: всякій свободный человѣк, по требованію властей, обязан был строить мосты, проводить и исправлять дороги и строить и чинить крѣпости.

Однако, этими общественными повинностями не покрывался весь круг государственных обязательств, обычно вознаграждаемых из средств государственной казны. Так как король не мог вознаграждать за личную и административную службу деньгами, то приходилось прибѣгать к системѣ поземельных пожалованій или раздач. В данном случаѣ наблюдается отличительная черта, свойственная вообще всѣм варварским государствам. Впрочем, в других подобнаго рода государствах пожалованіе землею за службу приводило к созданію условнаго владѣнія землею, с сохраненіем

извѣстной зависимости от государства (бенефиціи, лены, феоды). В лангобардском же государствѣ была выбрана самая варварская и наиболѣе грубая форма пожалованія земельных угодій за службу или под условіем отправленія службы: земли раздавались на правах полной собственности, как видно из указаній грамот. Тѣ земли, которыя получались от государства под условіем отправленія службы, административной или личной, были продаваемы и отчуждаемы на таких же основаніях, как и тѣ, которыя пріобрѣтались куплею или доставались по наслѣдству. Впрочем, невсегда земли отдавались во владѣніе на правах полной собственности, а иногда в долгосрочную аренду или фактическое пользованіе без обозначенія юридическаго титула. Из законов короля Ліутпранда извѣстно, что существовала шестидесяти-лѣтняя земельная давность, по истеченіи которой земля казенная признавалась нерушимою собственностью того лица, в фактическом владѣніи котораго она находилась. Это установленіе давности доказывает, что многія лица из числа получивших земельныя пожалованія не имѣли никаких грамот и могли защищать свое владѣніе только на основаніи давности.

Во всяком случаѣ финансовыя средства государственной власти при таких условіях были незначительны. Если принять во вниманіе, что и торговые обороты не могли доставлять при слабом развитіи торговли значительных средств, то нужно признать, что государственные органы поддерживались запасом частных средств, которыя были предоставлены в распоряженіе короля. В этом заключается причина слабости королевской власти в лангобардском государствѣ.

Тѣм не менѣе было бы ошибочно предполагать, что у лангобардов, при слабом развитіи королевской власти, имѣли большое значеніе и силу старо-германскія демократическія начала. В то время, когда германцы жили в лѣсах Германіи, у них высшим органом государственной власти являлось народное собраніе. Также точно было нѣкогда и у лангобардов. По свидѣтельству Павла Діакона, королевская власть у них возникла по волѣ народнаго собранія, ибо народ был источником всякой власти: nolentes jam ultra Langobardi esse sub ducibus, regem sibi ad ceterarum instar gentium statuerunt (1, 14), т. е. „не желая оставаться под властью герцогов, лангобарды, подобно другим народам, рѣшили избрать себѣ короля.“ Факт избранія короля выставляется здѣсь, как воля народа. При опубликованіи законов Ротари упоминается об участіи народа при санкціонированіи этих законов.

Таким образом, нельзя отрицать существованія у лангобардов института народных собраній, хотя необходимо признать, что характер и значеніе их рѣзко измѣнились послѣ завоеванія Италіи. Заняв довольно обширную территорію, преимущественно сѣ-

вер Италіи, гдѣ осѣли главныя силы народа, лангобарды при жизни среди культурнаго мѣстнаго населенія довольно скоро стали пріобрѣтать склонность к новым условіям жизни вполнѣ осѣдлаго земледѣльческаго быта и терять прежнюю свою подвижность, обычную при полуземледѣльческом бытѣ. К тому же при усиленіи герцогской власти уменьшилась потребность в каком-либо центральном органѣ государственности. Только в силу старинной традиціи, а иногда из-за желанія королевской власти найти поддержку в народной средѣ, были созываемы народныя собранія. Собранія существовали, но они не имѣли уже характера военнаго или политическаго собранія, как это было прежде в Германіи, а носили случайный и безпорядочный характер. На собраніи присутствовали теперь не всѣ свободные люди, а лучшіе люди из народа (majores), выдвинувшіеся своим положеніем, личными качествами или имущественными средствами. Обсужденію собранія не подлежат уже какія-либо опредѣленныя дѣла, а только тѣ, которыя находит необходимым передать на разсмотрѣніе собранія король. На собраніях не наблюдается ни правильнаго обсужденія дѣл, ни голосованія, а все ограничивается простым выслушиваніем и одобрительными восклицаніями. Такая санкція дана была народным собраніем законам короля Ротари. Собраніе одобрило эти законы, не разсматривая их. С теченіем времени народный элемент принимал меньшее и меньшее участіе в политических дѣлах государства. Подобное явленіе наблюдается в жизни и других варварских народов (англосаксов, франков, вестготов), но и в этом отношеніи в лангобардском государствѣ наблюдается наибольшее умаленіе народнаго элемента.

Хотя народныя собранія политическаго характера с развитіем государственности пришли в забвеніе и у других варваров, но старинная традиція поддерживалась существованіем областных народных собраній судебнаго и полицейскаго характера: у франков собирались по графствам для рѣшенія судебных дѣл; у англосаксов по графствам и сотням. О подобных собраніях у лангобардов наши источники ничего не знают. Судопроизводство в областях всецѣло находилось в руках чиновников по назначенію, которые рѣшали дѣла, совершенно не привлекая представителей населенія или привлекая их в случайной формѣ. По мнѣнію ученых (Бетман-Гольвег и Фиккер), областные судьи, хотя и исполняли свои обязанности публично, но без засѣдателей со стороны народа. В лангобардском судопроизводствѣ упоминается adstantio, т. е. присутствіе при судебном разбирательствѣ свободных людей, но все ограничивалось тѣм, что они обступали трибунал судьи, и послѣдній обращался к ним, когда находил желательным, с вопросами для разъясненія факта или дачи показаній. Все судебное разбирательство вел единолично судья, и он постановлял рѣшеніе дѣла. При слабом и даже ничтожном уча-

стіи в государственных дѣлах народнаго элемента, вся власть находилась в руках короля, герцогов и назначенных ими чиновников.

Если обратиться к законам лангобардов и вчитаться в тексты, которые можно привлечь для характеристики власти, которою обладал король, то можно прійти к заключенію об обширности власти короля и на основаніи этих текстов начертать картину неограниченной его власти. Дѣйствительно, королю было присвоено право созыванія военных сил и главнаго командованія ими. На королѣ лежала обязанность вступать в сношенія с другими народами и рѣшать вопросы о мирѣ и войнѣ. Он был главный законодатель. Он обладал высшею судебною властью: любое дѣло, разсмотрѣнное каким-либо судом, даже рѣшенное, король имѣл право перенести на свой суд и перерѣшить его. Король чеканил монету, устанавливал пошлины и сборы, мѣстные и общіе. Он по закону был патроном, покровителем церкви, сначала аріанской, а потом, когда лангобарды приняли никео-константинопольскій символ, то и православной, имѣл вліяніе на замѣщеніе всѣх церковных должностей, начиная с высших и кончая низшими. Король имѣл mundium, т. е. право покровительства над всѣми жителями государства, особенно же над слабыми членами общества: вдовами, сиротами, вольноотпущенными, рабами и чужаками, т. е. иностранцами, оказавшимися на территоріи лангобардскаго государства. Одним словом, не было ни одной отрасли государственной жизни, гдѣ бы ему не принадлежало первое и рѣшающее значеніе.

Однако, обладая теоретически такой огромной властью, едва ли король имѣл возможность ее осуществлять, так как при этом мог лишь пользоваться своими частными средствами, на недостаточность которых было уже указано. Напротив того, условія лангобардской государственности сложились так, что король и казна должны были вращаться в области частных интересов и выдвигать их на первый план, служа лишь посредственно государственным нуждам. Это преобладаніе частных цѣлей отразилось даже в законодательствѣ. Так, напр., второй параграф эдикта Ротари выражен так: „если кто сговорится с королем о чьей-либо смерти, то нѣт на нем вины, ибо мы вѣрим, что сердце царей в десницѣ Божіей, и не может человѣк очистить того, кого велит убить король.“ В §§ 41 и 42 перечисляются различныя преступныя дѣянія, если совершены не по приказанію короля.

Слабость королевской власти доказывается недостаточным развитіем центральной административной организаціи и постановкою областного управленія.

Органы центральнаго управленія слабо были намѣчены. Правда, существовали придворные чины, но функціи их не касались, повидимому, всего государства. При дворѣ лангобардскаго

короля существовали приблизительно такіе же сановники, как и при дворах других варварских королей: майордом, вестіарій (dudus), маршал и нотаріи, чины канцеляріи, исполнявшіе различныя порученія короля, весьма разнообразнаго характера, то судебнаго, то административнаго, то военнаго.

Не больше было опредѣленности и въ организаціи областной администраціи.

Во главѣ областей стояли герцоги и гастальды, а потому из выясненія отношеній герцогов и гастальдов представляется картина всей областной администраціи. Этому вопросу посвящена спеціальная монографія Пабста: Geschichte des langobardischen Herzogthums (Forschungen zur deutschen Geschichte, B. II). По мнѣнію Пабста, между герцогами и гастальдами существовало существенное различіе. Тѣ и другіе назначались королем и должны разсматриваться, как королевскіе чиновники, но основаніем их власти были различные моменты. Основаніем власти герцогов было предводительство на войнѣ, а основаніемъ власти гастальдов было управленіе королевскими имуществами в разных частях Италіи и завѣдываніе финансовою частью. Судебныя и полицейскія обязанности принадлежали одинаково герцогам и гастальдам. И герцоги, и гастальды в источниках называются общим именем „judices“. В исторіи развитія областного управленія Пабст устанавливает три періода. Древнѣйшій період до законодательства короля Ротари. Во главѣ каждой области в эту пору стоял герцог и рядом с ним, управляя имѣніями и финансами области, гастальд. На одной и той же территоріи было два органа: герцог и гастальд, которые не только дополняли друг друга, но и контролировали. Второй или средній період характеризуется тѣм, что эта система падает: в нѣкоторых областях нѣт совершенно гастальда, в других гастальд подчиняется герцогу, а в третьих нѣт герцога, а только гастальд. Третій період начинается с короля Ліутпранда и продолжается до паденія лангобардскаго государства. Теперь наблюдается полное расчлененіе областного управленія: однѣми областями управляют герцоги, другими — гастальды. Гастальды пріобрѣтают функціи и права герцогов, а герцоги обладают функціями и правами, которыя прежде принадлежали гастальдам. Только в южных герцогствах, беневентском и сполетскомъ, герцоги удерживаютъ въ своемъ подчиненіи гастальдов.

Против этой теоріи Пабста могут быть представлены различныя возраженія. Прежде всего оказывается ошибочным мнѣніе этого ученаго, что герцогская власть не обладала достаточною самостоятельностью, и была только органом короля. Власть герцогов была самостоятельной, а не производной, как это вполнѣ обнаруживается ея наслѣдственностью. Постоянная борьба королевской власти с герцогами на всем протяженіи лангобард-

ской исторіи не есть борьба повелителя с непокорными слугами, а борьба двух самостоятельных властей, имѣвших в сознаніи народа одинаковую цѣнность. Гастальдов нельзя приравнивать к герцогам, так как они всегда оставались в положеніи назначаемых и смѣняемых по волѣ короля чиновников. Нельзя отрицать, что с теченіем времени гастальды пріобрѣли лучшее положеніе. Так им удалось сдѣлаться единоличными правителями в Бергамо, Пармѣ, Піаченцѣ, Реджіо, Сіенѣ, Пистойѣ, Тревизо, Вольтеррѣ и т. д. Тѣм не менѣе за герцогами остаются всѣ главныя области, а нѣкоторые из герцогов подчинили себѣ гастальдов. Наконец, в послѣднія десятилѣтія существованія лангобардскаго государства герцоги сыграли значительную роль в смутах и паденіи государства, а гастальды никакой. Королевской власти не удалось выйти с торжеством из борьбы с герцогами тѣми средствами и способами, какими вышла из подобной борьбы королевская власть в других варварскихъ государствах. В франкском королевствѣ Пипин Короткій и особенно Карл Великій уничтожили институт герцогской власти. Лангобардскіе короли не сумѣли отмѣнить этот институт, не сумѣли также удержать в своих руках конкурирующій с ним институт гастальдов. Гастальды, введенные с цѣлью ослабленія герцогской власти, со временемъ достигают независимаго положенія; и в концѣ существованія лангобардскаго королевства произошло расчлененіе лангобардской территоріи на ряд областей, во главѣ которых стоят правители, называемые герцогами и гастальдами.

Другою слабою стороною государственнаго строя было развитіе безпокойнаго дружиннаго элемента. Кто мог располагать бóльшим числом дружинников, тот пріобрѣтал вліятельное положеніе и независимость в государствѣ. Как видно из эдикта короля Ротари (§ 225), право держать дружину имѣл всякій частный человѣк: „et si alequid in gesindio ducis, aut privatorum hominum obsequium, donum munus conquisivit, res ad donatore revertantur. Еще болѣе ясное указаніе по этому поводу содержится въ 11-ой статьѣ закона короля Рахиса: si enim quicumque liber homo in servitio de gesindio regis aut eius fidelis introierit, т. е. „если кто из свободных людей войдет в состав дружины короля или его вассала." Характерно для лангобардскаго періода и то, что в грамотах, гдѣ упоминается о дружинѣ, рѣдко указывается, чья это была дружина: королевская, герцогская или частнаго лица. Отсюда вытекает, что в глазах общества принадлежность к дружинѣ короля не давала никаких преимуществ.

Если королевская власть не смогла создать прочной государственной организаціи, то объясняется это въ значительной степени тѣм, что она не могла опереться ни на один общественный класс населенія и долгое время была совершенно чужда большинству населенія римскаго происхожденія, оказавшагося в

положенiи приниженности в структурѣ лангобардскаго общества. Десятилѣтняя анархiя, наступившая въ государствѣ послѣ смерти Клефа, оставила тот неизгладимый слѣд, что стало невозможным сближенiе представителей королевской власти с покоренным населенiемъ.

Общественный быт лангобардскаго государства.

Со времени завоеванiя Италiи лангобардами в странѣ увеличилось число свободных людей, так как главная масса лангобардскаго народа и их союзников состояла из свободных людей. Однако, нельзя отрицать, что в средѣ явившихся завоевателей находилось нѣкоторое количество людей рабскаго состоянiя. Въ лангобардских закочах противополагаются два класса: свободные (homo liber, baro liber) и рабы (servi); среднее положенiе занимали альдiи (aldiones). Хотя для прiобрѣтенiя альдiоната необходимо было пройти через извѣстный обряд отпуска на волю, хотя в лангобардских законах раза два альдiи прямо причислялись к свободным, но все же они незначительно возвышались над рабами, как видно из того, что вира за альдiя была установлена в размѣрѣ 60 солидов, а за раба, приказчика по управленiю имѣнiем господина (servus ministerialis), — 50 солидов, при чем за увѣчiе и раны были установлены размѣры вознагражденiя одинаковые. Повидимому, альдiи были рабы германскаго происхожденiя, вслѣдствiе чего в одномъ отношенiи лангобарды повысили их, как своих соплеменников, до положенiя свободныхъ людей, а вообще разсматривали их, как несвободныхъ. Право ношенiя оружiя, присвоенное альдiям, приравнивало их к свободному состоянiю, а вира, положенная за убiйство, свидѣтельствовала о прежнем несвободном их состоянiи.

Что же касается рабов, то и они не представляли однообразной массы, ибо не всѣ находились въ одинаковыхъ условiях быта и общественнаго положенiя. Законы Ротари различали 3 разряда рабов. Выше других были поставлены servi ministeriales или домашнiе рабы, исполнявшiе обязанности по управленiю домом и имѣнiем своего господина. Значительно ниже ихъ стояли рабы-пастухи и земледѣльческiе рабы. Слѣдовательно, фактически среди рабов различались два слоя, въ зависиости отъ системы лангобардскаго хозяйственнаго быта. Хозяйство лангобарды вели подворное, т. е. отдѣльными дворами (massa), вслѣдствiе чего естественно различались тѣ рабы, которые были посажены подворно для обработки земли, и тѣ, которым был поручен надзор и обязанности приказчиков. Таким образом, сложились два слоя или класса рабов: высшiй (servus ministerialis) и подначальный.

Свободные люди тоже не представляли однородной массы. Указаніе на это имѣется въ лангобардских законах. Вира за убійство свободнаго человѣка опредѣлялась secundum qualitatem personae или secunilum nobilitatem et generositatem, т. е. сообразно с степенью знатности и родового происхожденія. Въ законѣ Ліутпранда указан был низшій и высшій размѣр виры, а именно 150 солидов и 300 солидов. Эти нормы доказываютъ, что еще въ VIII вѣкѣ въ средѣ свободнаго населенія только намѣчался процесс распаденія на свободных и знатных. К концу существованія государства распаденіе свободных людей на классы или разряды сдѣлало значительные успѣхи, как видно из организаціи военной службы по закону Айстульфа, а именно: 1) minores homines, т. е. люди, являвшіеся на войну с луком, стрѣлами и колчаномъ; 2) ратники второго разряда, имѣвшіе собственные щит, копье и, по возможности, коня и 3) ратники высшаго разряда, для которыхъ обязательны собственный конь и панцырь, кромѣ щита и копья.

Это раздѣленіе было основано на различіи поземельнаго ценза. Свободные люди, не имѣвшіе вовсе земли или сидѣвшіе на неполных мансах или гуфах, т. е. участки которых были менѣе 40 югеров, обязаны были являться на войну с луком, колчаном и стрѣлами. Ко второму разряду ратников причислены были владѣльцы полнаго надѣла, заключавшаго в себѣ не менѣе 40 югеров земли. К высшему разряду причислены были тѣ, которые, помимо полнаго надѣла, имѣли еще нѣсколько оброчных дворов, от одного до семи.

Помимо землевладѣльцев, к военной службѣ привлекались также и купцы. Так как торговая и промышленная дѣятельность находилась только в процессѣ зарожденія, то в законах относительно отбыванія военной службы купцами не могло быть дано точных опредѣленій. В этом отношеніи ограничились только общим указаніем на три разряда: majores et potentes, sequantes, minores.

Это обстоятельство наглядно доказывает, что на образованіе сословнаго быта в лангобардском обществѣ повліяли главным образом поземельные порядки.

Для изученія поземельных отношеній лангобардскіе законы дают мало матеріала и приходится привлекать главным образом грамоты лангобардскаго времени, изданныя у Тройа (Troja, Codice diplomatico Langobardo del 568 al 774, I—VI t., Napoli 1852—1855).

В зависимости от отношенія к землѣ все населеніе раздѣлялось на два слоя: свободные собственники и зависимые люди, сидѣвшіе на чужой землѣ. В состав зависимых людей входили рабы, альдіи и нѣкоторые свободные люди. Землевладѣльцы сидят на господских дворах (curtis dominica, sala, domus culta), а

зависимые люди жили на оброчных дворах или мызах (casae massariciae, coloniciae, tributariae). В положеніи рабов, посаженных на оброчных дворах, в VIII вѣкѣ замѣчается улучшеніе. В грамотах они рѣдко уже называются servi, а massarii. Личностью их хозяин распоряжается только в исключительных случаях. Они пріобрѣтают крѣпость к землѣ и права колонов римскаго времени: их продают с землею и в запродажной грамотѣ устанавливают своего рода канон, т. е. размѣр оброка и барщины. Оброчные дворы альдіев (casae aldionales) противоставляются оброчным дворам рабов (casae massariciae), но при сопоставленіи повинностей и платежей тѣх и других дворов оказывается, что обложеніе их было одинаковое. В сущности говоря, в экономическом отношеніи между альдіями и бывшими рабами в VIII столѣтіи исчезает разница. Рабы мѣстнаго происхожденія возвысились до положенія альдіев, рабов германскаго происхожденія.

В состав зависимаго населенія вошли с теченіем времени свободные люди, которые поселялись на чужой землѣ (liberi qui terra aliena resident) по арендным договорам (libelli, convenientiae) с землевладѣльцами. Договоры эти были двоякаго рода. Одни договоры имѣют форму аренды, заключенной на опредѣленный срок, обыкновенно на нѣсколько поколѣній или на вѣчное время. Если договор заключался с указаніем опредѣленнаго срока, то проживаніе на чужой землѣ не влекло за собою потери свободы: такой арендатор мог жить там, гдѣ хотѣл. Другіе договоры могут быть названы колонатными, ибо арендатор принимал на себя обязательство не только платить оброк (census), но и проживать на арендуемом участкѣ: ad resedendum et legitimum censum reddendum. Заключеніе договоров такого рода приводило к личной зависимости или ограниченію свободнаго состоянія тѣм болѣе, что подобныя сдѣлки заключаемы были свободными людьми, не располагавшими средствами для самостоятельной обработки земли. Почти всегда в таких случаях арендатор получал от землевладѣльца ссуду (инвентарь, сѣмена, нѣкоторое количество денег, иногда продукты натурою). До 774 г. преобладала вторая форма аренды. Обыкновенно срок в этих договорах не оговаривался, хотя предусматривался разрыв или прекращеніе договора. Покидая участок, арендатор должен был оставить землевладѣльцу всю свою движимость или по крайней мѣрѣ большую часть ея. Разумѣется, подобный исход открыт фактически был для весьма немногих арендаторов, а большинство их с трудом могли порвать эту арендную связь.

Таким образом, можно сказать, что путем возвышенія одних и приниженія других постепенно сложился класс крестьян или зависимых сельских людей.

К выгодѣ землевладѣльцев и крестьян уже в VIII вѣкѣ установилась наслѣдственность оброчных дворов, но с запрещеніем

их раздробленія. Это привело к тому, что оброчные дворы часто находились во владѣніи нѣскольких лиц (consortes, compartionarii). Зависимая семья, обрабатывающая земли одного оброчнаго двора, образовывала род семейной общины (condoma).

Распредѣленіе земель среди свободных людей, сохранивших свою хозяйственную независимость, было крайне неравномѣрное. С одной стороны, были свободные участки, которые пріобрѣтались за кусок сала и шесть мѣрок проса, т. е. стоимостью не дороже одного солида, а, с другой стороны, обнаруживается скопленіе в одних руках значительных владѣній, не уступавших размѣрами старинным римским патримоніям. Особенно было развито крупное землевладѣніе в сѣверной Италіи и Тосканѣ, а менѣе всего на югѣ, в предѣлах сполетскаго и беневентскаго герцогств, гдѣ герцогская власть сумѣла удержать в своем владѣніи большую часть казенных земель.

Литература и источники по исторіи папства.

Лангобардское государство при примитивных его учрежденіях не имѣло задатков долговременнаго существованія тѣм болѣе, что в лицѣ папства оно встрѣтило в Италіи опаснаго политическаго противника, не желавшаго допустить созданія в Итаaлiи сильной государственной власти. Сначала эту политику пап можно было объяснять религіозными соображеніями, но, как показывают событія VIII вѣка, такое объясненіе является недостаточным. Хотя к тому времени почти всѣ лангобарды приняли православіе, но папскій престол продолжал ставить препятствія дѣлу политическаго объединенія Италіи под властью лангобардских королей, опираясь сначала на Византію, а потом на франкских королей, когда произошел разрыв с Византіей на религіозной почвѣ.

По исторіи папства имѣют значеніе слѣдующіе труды: F. Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, 8 Bd., 4. Aufl., 1886 (есть русскій перевод Савина); A. v. Reumont. Geschichte der Stadt Rom, 4. Bd., Berlin 1867—70; I. Langen, Geschichte der römischen Kirche, 4. Bd., Bonn. 1881—93 (изложеніе доведено до 1216 г.); R. Baxmann, Die Politik der Päpste von Gregor I bis Gregor VII, 2. Bd., 1868—69; W. Wattenbach, Geschichte der römischen Päpste, Berl. 1870; P. Lanfrəy, Histoire politique des papes (нов. изд. 1880 г.); F. Laurent, L'empire et la papauté (6 том его труда Études sur l'histoire de l'humanité, 18 t., 1861—1870), а равно всѣ общія сочиненія по исторіи церкви.

Русская литература по исторіи папства довольно значительна.

Из русских сочиненій заслуживают вниманія слѣдующія: Вызинскій, Папство и Священная римская имперія в XIV—

XV вв., Москва 1857; Иванцов-Платонов, О римском католицизмѣ и его отношеніях к православію, Москва 1870; Кн. Е. Трубецкой, Религіозно-общественный идеал Западнаго христіанства в XI вѣкѣ, Вып. I—II, Кіев 1897; А. Вязигин, Очерки из исторіи папства в XI вѣкѣ, Харьков 1898; М. Корелин, Важнѣйшіе моменты в исторіи средневѣковаго папства, Спб. 1901.

Что касается источников по исторіи папства, то в круг их возможно включить почти всѣ средневѣковые источники Западной Европы, ибо в рѣдком из них папы, их политика и отношенія обходятся молчаніем.

В данном, однако, случаѣ особеннаго вниманія заслуживают тѣ сборники, в которых собраны источники по исторіи средневѣковой церкви, а именно: акты соборов, житія святых и творенія отцев церкви. Этот цѣнный матеріал издан в слѣдующих трех коллекціях: 1) I. D. Mansi, Sacrorum concilliorum nova et amplissima collectio (акты соборов до середины XV вѣка), 31 том, изд. во Флоренціи и Венеціи с 1759 г. (новая перепечатка в Парижѣ с 1885 г.); 2) Acta Sanctorum, 63 тома, изд. в Антверпенѣ болландистами с 1643 г. (новое изд. в Парижѣ с 1867 г.); 3) P. Migne, Patrologiae cursus completus. Series I: Ecclesia Graeca (с латин. переводом), 161 том, изданных в Парижѣ в 1857—66 гг. Series II: Ecclesia Latina, 221 том, изд. в Парижѣ в 1844—57 гг.

Ближайшим образом для исторіи папства важны грамоты, а для древнѣйшій исторіи папства Liber pontificalis. Грамоты за время до 1198 года изданы Яффе: Regesta pontificum Romanorum, Berl. 1851. В этом изданіи грамоты помѣщены не цѣликом, но в извлеченіях (regesta). Так как изданіе Яффе устарѣло, то с 1881 года стало выходить новое изданіе, в переработкѣ Кальтенбруннера, Эвальда и Лёвенфельда.

Папскія грамоты первой половины средних вѣков, вплоть до середины XI вѣка, не дошли до нас в оригиналах, а сохранились в копіях. Возможность пользованія этими копіями оправдывается соображеніями о правильной постановкѣ дѣла в папской канцеляріи.

Папская канцелярія является несомнѣнно наиболѣе древнею из всѣх существующих в Европѣ, а обычаи и пріемы ея стали образцом для других канцелярій, что объясняется вмѣшательством пап в дѣла всѣх средневѣковых государств, вслѣдствіе чего множество папских дипломов было разсѣяно по всему міру. Обыкновенно принято называть папскія грамоты буллами, ибо онѣ были снабжаемы свинцовыми печатями или буллами. Однако, папская канцелярія этого термина не употребляла, а свои грамоты называла различно, сообразуясь с их содержаніем. Однѣ грамоты назывались конституціями (constitutiones) в том случаѣ, если по вопросам вѣры и церковной дисциплины онѣ были обра-

щены ко всѣм христіанам; если же в данном случаѣ папа обращался ко всѣм епископам или к епископам извѣстной страны, то грамота называлась энцикликою; если в грамотѣ давались указанія, опубликованныя на общую пользу церкви, — декретом; если же в грамотѣ разрабатывался частный вопрос, но устанавливалась общая норма, — декреталіей. Вообще же папскія грамоты назывались рескриптами. Папскія грамоты или буллы опредѣлялись первыми словами, которыми начинались. Так, булла 5 ноября 1301 г. папы Бонифація VIII к королю Филиппу Красивому извѣстна под именем буллы Ausculta fili, ибо эти слова стояли первыми в этой грамотѣ.

Изданіе и критика папских грамот началась недавно и пошла успѣшнѣе с 1883 г., когда Ватиканскій архив был открыт для доступа ученых. До этого времени громадныя сокровища этого архива были доступны только для особенно довѣренных лиц. Так как формы составленія грамот и пріемы их опубликованія измѣнялись, то в исторіи папской канцеляріи можно различать четыре періода. Первый період исторіи папской канцеляріи начинается с древнѣйших времен и продолжается до половины XI вѣка, до времени папы Льва IX. Почти всѣ оригиналы этого времени исчезли; и текст грамот извѣстен только по спискам, степень достовѣрности которых может быть удостовѣряема по правилам исторической критики, в связи с убѣжденіем, что папская канцелярія была правильно устроена уже в древнѣйшее время.

Дѣйствительно, уже в первые вѣка христіанства были приняты мѣры к тому, чтобы документы были сохраняемы если не в подлинниках, то в копіях. В 30 г. III вѣка при папѣ Анѳерѣ были приняты мѣры к сохраненію подлинных актов, относившихся к жизни мучеников. Знаменитый италіанскій археолог и историк Росси пришел к тому заключенію, что в серединѣ III в. были приняты мѣры к сохраненію документов, и что при папской каѳедрѣ существовал уже архив (scrinium). При папѣ Юліи I (337—353) обнаруживаются слѣды правильной организаціи архива. При архивѣ состояла уже опредѣленная корпорація канцеляристов (schola notariorum), во главѣ которой стоял primicerius notariorum. В ближайшіе годы послѣ папы Юлія I, 13 лѣт спустя, при папѣ Дамасѣ I, для храненія документов построено было особое зданіе, но потом документы были перенесены в Латеранскій папскій дворец (archivium sanctae romanae ecclesiae, sacrum Lateranense scrinium). Документы здѣсь хранились в большой исправности: всякій из этих зарегистровывался, и для каждаго индиктіона (період 15 лѣт) составляем был отдѣльный регистр документов.

Остатки регистра папы Григорія I (590—604) до того велики, что сдѣланы были в послѣднее время попытки возстановить его. Этот регистр папы Григорія I особенно цѣнен для историка, так

как этот папа, представляя собою выдающуюся личность, находился въ сношеніях со всѣми правительствами Западной Европы, вел дѣятельную переписку с византійскими императорами и государственными людьми и пріобрѣл исключительное вліяніе на ход событій в Италіи. Эта возстановительная работа была произведена Эвальдом и Гартманом и напечатана в коллекціи Monumenta Germaniae historica, Epistorarum, t. I под заглавіем: Gregorii I papae registrum epistolarum, libri I—VII.

При папѣ Григоріи V до того уже установились формулы актов, что при составленіи регистров писцы находили излишним их переписывать и пропускали формулы, прибавляя лишь в этих случаях замѣчанія: secundum morem, de more solito. Подобныя выраженія свидѣтельствуют о полном развитіи техники по составленію грамот.

Уже в VI вѣкѣ установился обычай привѣшивать к грамотам папской канцеляріи свинцовыя печати или буллы. Сохранилось довольно значительное число таких печатей или булл VI вѣка. По формѣ своей это были свинцовые кружки, имѣвшіе в діаметрѣ 25—35 миллиметров, т. е. очень незначительных размѣров. На лицевой сторонѣ стояло имя папы в родительном падежѣ, а на оборотной — сокращенный титул. Та и другая надпись дѣлались в двѣ строки, напр.: Boni — fati, pa — pae, при чем вверху и внизу ставились кресты. До XI вѣка грамоты писались на папирусѣ, а впослѣдствіи на пергаментѣ.

Для надобностей папской канцеляріи при составленіи писем, рескриптов, исповѣданій вѣры со стороны избранных пап, избирательных протоколов и увѣдомленій об избраніи уже во 2-ой четверти VII вѣка возник сборник формул, извѣстный под именем Liber diurnus. В том видѣ, в каком этот сборник сохранился, он представляет компиляцію, составленную разновременно, а именно: древнѣйшаго происхожденія 63 формулы, формулы 64—81 присоединены в третьей четверти VII вѣка, а остальныя формулы до 107 относятся к концу VIII вѣка. Лучшее изданіе этого сборника формул принадлежит извѣстному знатоку дипломатики Θ. Зиккелю.

Для исторіи первых пап особенно важным источником являются біографіи пап, собранныя в произведеніи, извѣстном под заглавіем Liber pontificalis. Лучшее изслѣдованіе этого важнаго источника и изданіе его принадлежит французскому ученому Дюшеню: Texte, introduction et commentaire, 2 t., Paris 1887—90.

Прежде полагали, что Liber pontificalis составлен был Анастасіем Библіотекарем, но Дюшень, опубликовавшій текст и снабдившій его введеніем и объясненіем, а за ним и другіе изслѣдователи отстаивают мнѣніе о болѣе древнем происхожденіи этого памятника. Личность Анастасія Библіотекаря извѣстна. Он был аббатом одного римскаго монастыря и завѣдывал библіотекою при папах Николаѣ I, Адріанѣ II и Іоаннѣ VIII, т. е. в пору ранняго

расцвѣта папскаго могущества и вліянія на Западѣ и Востокѣ. В 869 г. Анастасій Библіотекарь был послан папою и императором Людовиком II к византійскому двору и участвовал на константинопольском соборѣ 869 г., по римскому счету восьмом вселенском соборѣ, созванном для разсмотрѣнія дѣла патріарха Фотія. Собор, как извѣстно, низложил Фотія и возстановил снова патріарха Игнатія. Так как такой исход являлся торжеством Рима, ибо папа был противником Фотія, то Анастасій Библіотекарь принял мѣры к распространенію актов этого собора и с этою цѣлью перевел их на латинскій язык. Кромѣ того, Анастасій, пользуясь византійскими источниками, написал много житій святых и составил обозрѣніе церковной исторіи, под заглавіем: Historia ecclesiastica sive chronographia tripartita. Принимая во вниманіе такую обширную литературную дѣятельность Анастасія, ученые склонны были приписать ему и составленіе liber pontificalis, но ближайшее изученіе слога Анастасія и слога, которым написан этот памятник, привело к отрицательному выводу. В составѣ этого памятника Анастасію могло принадлежать составленіе біографій папы Николая I и его 4 предшественников. Основа же этого памятника, как доказывают новѣйшія изслѣдованія, возникла в значительно болѣе раннее время, задолго до Анастасія Библіотекаря.

При разсмотрѣніи этого памятника (liber pontificalis) обнаруживается, что он состоит из многих частей, соединенных механическим образом. Начинается памятник кратким изложеніем событій от времени апостола Петра до папы Сильвестра, современника Константина Великаго, но потом изложеніе становится болѣе подробным и заканчивается на событіях IX вѣка. Что произведеніе это представляет много легендарных наслоеній, переполнено вставками позднѣйших времен, доказывается цѣлым рядом наблюденій над текстом его. Здѣсь находятся многіе акты мучеников, акты, о которых надо замѣтить, что почти всѣ они являются подложными; сюда вошли также сомнительныя легенды о папах и императорах первых трех вѣков. Кромѣ того, замѣчается стремленіе позднѣйшіе литургическіе обычаи приписывать по возможности древнѣйшим временам, хотя можно доказать, что обычаи эти введены в церковную практику гораздо позже. Наряду с этою тенденціей, замѣчается и другая: через всю книгу красною нитью проходит стремленіе доказать, что римскіе папы были законодатели всей церкви. Всѣ эти особенности и черты изложенія показывают, что это произведеніе представляет собою соединеніе совершенно негоднаго историческаго матеріала с достовѣрными и цѣнными свѣдѣніями.

Отбрасывая разные вымыслы, ошибки и оставляя без вниманія тенденціи памятника, можно пользоваться прочим изложеніем в зависимости от того, как разрѣшается вопрос о времени происхожденія памятника.

Для рѣшенія этого вопроса ученые воспользовались сопоставленіем текста біографій пап (liber pontificalis) с сохранившимися списками пап, так называемыми индексами. Такое сопоставленіе является естественным, ибо эти индексы, сохранившіеся в нѣскольких редакціях, по содержанію являются родственными с изучаемым памятником. Сходство иногда так велико, что возникает вопрос, нельзя ли считать списки пап сокращенной компиляціей liber pontificalis, или наоборот, не представляют ли біографіи пап простую переработку этих индексов.

Списки пап или индексы дошли в трех редакціях, называемых в данном случаѣ каталогами: catalogus Liberianus, catalogus Felicianus и catalogus Cononianus. Названы списки по имени пап, на которых обрывается изложеніе редакціи. Catalogus Liberianus останавливается на понтификатѣ папы Либерія. Тот список, который называется catalogus Felicianus, прекращается на папѣ Феликсѣ IV, умершем в 530 году, а catalogus Cononianus оканчивается со смертью папы Конона (687 г.). Новѣйшіе изслѣдователи, сопоставлявшіе біографіи пап (liber pontificalis) с каталогами, а именно: Вайц, Дюшень и Лайтфут пришли к заключенію, что либеріанскій каталог был древнѣйшим каталогом біографической книги (liber pontificalis), т. е. послѣдняя возникла в связи с тѣм списком, который обрывается на событіях 354 года. Согласно с этим выводом, книга біографій пап началась составленіем не ранѣе второй половины IV вѣка. Что же касается феліціанскаго каталога, то он представляет собою плохой отрывок книги біографій папских, а каноніанскій каталог, по мнѣнію Г. Вайца, плохая компиляція обоих вышеуказанных памятников.

Так как главнѣйшій источник древнѣйшей исторіи папства в видѣ книги папских біографій (liber pontificalis) возник не ранѣе второй половнны IV вѣка и во всяком случаѣ не позже начала VI вѣка, на котором останавливается феліціанскій каталог, то изложеніе исторіи папства можно начинать в сущности лишь с IV вѣка тѣм болѣе, что в теченіе первых трех вѣков исторія папства покрыта мраком неизвѣстности и наполнена легендарными разсказами позднѣйшаго вымысла.

Исторія папства IV—VII вѣков.

Современниками Константина Великаго на римском епископском престолѣ были папы Мильтіад (310—314 г.) и Сильвестр (314—335 г.). Эти двое пап и открывают собственно страницы исторіи римских пап. Уже в 313 г. папа Мильтіад, когда Миланскій эдикт, предоставлявшій христіанам права дозволенной религіи, был опубликован, получил от Константина Великаго разныя почетныя порученія, свидѣтельствовавшія о том, что Константин

придавал голосу римскаго епископа особое значенiе. Так, ему поручено было предсѣдательство в комиссiи, назначенной для разсмотрѣнiя дѣла донатистов. При преемникѣ Мильтiада Сильвестрѣ возникла ересь Арiя и засѣдал первый вселенскiй собор в Никеѣ, но в разрѣшенiи этого вопроса римскiй епископ не принимал особеннаго участiя. Разсказ о том, что на никейском соборѣ, разсматривавшем вопрос о ереси Арiя, присутствовали 2 легата Сильвестра (Вит и Викентiй), и что будто они предсѣдательствовали на этом соборѣ (325 г.), есть сплошное измышленiе римской традицiи. Напротив, ни о каких преимуществах римской церкви не могло быть рѣчи на этом соборѣ, так как по смыслу 6 канона было установлено iерархическое равенство епископских каѳедр Рима, Александрiи и Антiохiи.

Дѣло возникло в слѣдующей связи. Епископ маленькаго города (в Ѳиваидѣ) Ликополиса — Мелетiй по отношенiю к отпавшим во время гоненiя Дiоклетiана придерживался той практики, что подобных людей не слѣдует принимать обратно в лоно церкви, как незаслуживающих довѣрiя. В благопрiятном для раскаявшихся смыслѣ высказались многiе епископы и в том числѣ епископ г. Александрiи Петр. Он требовал, чтобы Мелетiй присоединил раскаявшихся к церкви, но послѣднiй отказался, не признавая iерархической власти александрiйскаго епископа. По этому дѣлу на никейском соборѣ состоялось в видѣ 6-го канона постановленiе в том смыслѣ, что епископ Александрiи, сообразно древнему обычаю, должен имѣть власть над Египтом, Ливiей и Пентаполисом подобно тому, как в силу древняго происхожденiя епископу г. Рима, а равно церкви антiохiйской в прочих областях принадлежит первенство (*πρεσβεία*). Таким образом, в началѣ IV вѣка были признаны в христiанской церкви три апостольских престола (sedes apostolicae): Рим, Антiохiя и Александрiя. К этим равноправным каѳедрам на втором вселенском соборѣ (381 г.) рѣшено было присоединить епископскую каѳедру г. Константинополя, как находившуюся в новом Римѣ. Этим четырем епископам присвоено было наименованiе, которое раньше давалось всѣм епископам, а именно: патрiархи. К этим четырем патрiаршим престолам уже в половинѣ V-го столѣтiя в силу эдикта Ѳеодосiя II-го был присоединен епископ города Iерусалима. Таким образом, возникло пять патрiарших престолов, которые с половины V столѣтiя разсматривались, как первенствующiе в христiанской церковной организацiи.

В сущности первый вселенскiй собор не устанавливал даже первенства римскаго епископа над всѣм Западом, ибо подчинил ему только епископов 10 провинцiй средней и нижней Италiи с островами Сардинiей, Корсикою и Сицилiей. Однако, в качествѣ единственной апостольской каѳедры на Западѣ римская каѳедра скоро успѣла распространить свое влiянiе далеко за пре-

дѣлы, указанные никейским собором. В сомнительных случаях, когда дѣло касалось догматов или обрядовой стороны, церкви Запада обращались в Рим в том убѣжденіи, что христіанскія традиціи в Римѣ должны быть болѣе чистыми, ибо престол римскій ведет свое начало от первых учеников Христа. В виду такой практики уже в IV столѣтіи возникают epistolae decretales, грамоты епископов римских, в которых давались разъясненія вопросов догматических и обрядовых.

О каком-либо вліяніи римскаго епископа на Востокѣ не могло быть рѣчи до 343 г. В этом году произошло событіе, давшее повод римским епископам, допуская натяжки, выставлять притязаніе на первенство не только на Западѣ, но и на Востокѣ. В этом году состоялось засѣданіе помѣстнаго собора в Сардикѣ (Иллирійской префектуры). Когда присутствовавшіе на соборѣ восточные епископы разъѣхались, то оставшіеся отцы церкви приняли постановленіе, согласно которому тогдашнему епископу римскому Юлію I (337—352 г.) было предоставлено право принимать апелляціи и пересматривать дѣла всѣх епископов, которые подверглись осужденію, а в случаѣ необходимости назначать разслѣдованіе через епископов ближайших провинцій. Это постановленіе было принято потому, что Юлій I-й был извѣстен, как твердый и испытанный исповѣдник ортодоксіи, и имѣло личный характер. Как постановленіе, основанное на особенном довѣріи современников к личным качествам епископа Юлія, оно не приводилось в исполненіе и скоро предано было забвенію. Только римскіе епископы не забыли его и старались на нем построить теорію об универсальности власти римскаго епископа.

Преемником Юлія был Либерій, сторонник постановленій никейскаго собора. Либерій подвергался обидам и гоненіям со стороны императора Константина II, склонявшагося к аріанству. Константинъ II не только унижал Либерія, но и выставил ему противника в лицѣ діакона Феликса. В серединѣ IV столѣтія римскій епископ не только не мог думать об универсальности, но даже в самом Римѣ чувствовал себя непрочно. В Римѣ шла борьба партій: ортодоксальной и склонной к аріанству, и съ теченіем времени ожесточалась. Когда послѣ смерти Либерія († 366) происходили выборы новаго епископа, то одна партія выбрала Дамаза, а другая Урсина. Обѣ партіи взялись за оружіе. Партія большинства приступом взяла церковь, гдѣ заперлись сторонники Урсина, и там произошла свалка. Из церкви было вынесено 137 трупов. Эти безобразія не свидѣтельствовали об авторитетѣ римскаго епископа въ самом городѣ, не свидѣтельствовали и о братской любви, которую заповѣдал христіанам Основатель их религіи. С именем Дамаза I (366—385) связана реставрація пришедших в ветхость знаменитых римских катакомб,

древнѣйшей святыни христіанства. Тогда же были приняты мѣры к сохраненію надписей, начертанных на стѣнах катакомб.

Поворот в исторіи римских епископов замѣчается со времени Сириція (384—398). С его именем связана из числа сохранившихся древнѣйшая epistola decretalis, составленная въ 385 г., на втором году понтификата этого папы. Она представляет отвѣт на запрос одного испанскаго епископа в формѣ іерархическаго опредѣленія. В этом отвѣтѣ въ рѣшительной формѣ высказывается требованіе целибата, т. е. безбрачія для духовенства. Нѣсколько позже, исходя въ своем окружном посланіи или энцикликѣ из порученной ему „заботы о всѣх церквах", Сириційй требовал от всѣх епископов Запада строгаго исполненія всѣх канонических постановленій. Таким образом, Сириційй дѣйствовал в убѣжденіи, что весь Западъ подчинен ему в церковном отношеніи. Это убѣжденіе, по мнѣнію историка папства Лангена, дает основаніе считать, что со времени этого епископа начинается исторія папства.

Раздѣленіе Имперіи в 364 г. на Западную и Восточную значительно расширило границы дѣятельности епископа г. Рима, ибо согласно этому раздѣленію к Западной имперіи отошла вся Иллирійская префектура (Греція, Ѳессалія, Македонія, Далмація, Паннонія, Мизія и Дакія). Хотя въ 379 г. Македонія, Мизія и Дакія были отданы обратно Восточной Имперіи, но римскіе епископы продолжали, на основаніи раздѣла 364 г., включать в сферу своего вліянія всѣ области Иллирійской префектуры. С нѣкоторым успѣхом в этом направленіи дѣйствовал папа Иннокентій I (402—417 г.). В первом же году своего понтификата он поручил епископу г. Ѳессалоники наблюденіе над всѣми иллирійскими епископами. В 412 г. другого ѳессалоникійскаго епископа он формально назначил своим викаріемъ в завѣдываніи иллирійскою церковью. Этот же папа стал выдавать канон помѣстнаго сардикійскаго собора за конон никейскаго собора и на этом основаніи выставил притязанія на власть над всѣми епископами. Для таких стремленій обстоятельства сложились весьма благопріятно. В Палестинѣ в это время шла борьба против ереси Пелагія, а в Африкѣ — против донатистов. Восточныя церкви, призванныя к защитѣ чистоты исповѣданія никейскаго символа, должны были в борьбѣ с еретиками обращаться за поддержкою к единомышленной с ними римской каѳедрѣ. Собор в Діосполисѣ (415 г.) и помѣстные африканскіе соборы (404 и 416 гг.), из которых на первом была осуждена ересь Пелагія, а на африканских — ересь донатистов, просили Иннокентія подкрѣпить их постановленія. Пользуясь этим, папа стал смотрѣть на всѣ важныя церковныя дѣла (causae majores), как на подлежащія его разсмотрѣнію и санкціи. Таким образом, авторитет римскаго епископа въ началѣ V вѣка достиг значительной высоты. Это обстоятельство дало основаніе бла-

женному Августину в 131-й рѣчи, в которой он осуждал еретиков, в доказательство их неправоты и правильности их осужденія на соборах, высказаться так: Roma locuta — causa finita, т. е. „римскій епископ высказался, и спор окончен“.

Это возвышеніе римской епископской каѳедры обусловливалось личным авторитетом Иннокентія I и благопріятными обстоятельствами его времени. В данном случаѣ восточные епископы и церковные дѣятели преклонялись перед авторитетом лица, занимавшаго римскій престол, а вовсе не склонны были признавать первенство римской каѳедры. Что это было так, видно из того, что когда папа Зосима высказался в одном из своих посланій в пользу Пелагія и его сторонников и позволял себѣ дѣлать упреки представителям африканской церкви за преслѣдованія донатистов, т. е. как только папа поднял голос не в интересах ортодоксальнаго ученія, то в дѣло вмѣшался император Гонорій, который приказал папѣ осудить донатистов и Пелагія. Мало того, африканскіе епископы ясно подчеркнули полную независимость свою от римскаго епископа. На соборѣ 418 г., гдѣ присутствовало большинство африканских епископов, было постановлено, что кто будет прибѣгать к апелляціи ad transmarina judicia (здѣсь подразумѣвался римскій епископ), тот будет подвергнут осужденію. Когда Зосима стал указывать на канон сардикійскій, выдавая его за никейскій, то представители африканской церкви, которые не знали этого канона, не сочли возможным положиться на ссылки папы, а заявили, что считают необходимым обратиться за разъясненіем к представителям восточных церквей. Этот ряд униженій вполнѣ опредѣленно доказывает, что в V вѣкѣ не могло быть рѣчи ни о каком первенствѣ римской каѳедры. Авторитет того или другого папы или пренебрежательное к нему отношеніе обусловливалось личными качествами представителя каѳедры.

Только пять лѣт спустя послѣ смерти Иннокентія I римскую каѳедру занимает снова выдающаяся личность: папа Целестин I (422—432). Однако, первые его шаги были также неудачны. Когда он вмѣшался в дѣла карѳагенской церкви, то получил рѣшительный отпор. Ему отвѣтили, что по наведенным справкам римской церкви не принадлежит право принимать апелляціи, и тот канон, на который ссылаются епископы Рима, не есть никейскій, а сардикійскій. Положеніе измѣнилось в пользу римской каѳедры, когда в Константинополѣ возникла ересь Несторія и началась борьба и полемика между Несторіем константинопольским и Кириллом александрійским. Обѣ стороны обратились к папѣ Целестину. Послѣдній по личному нерасположенію к Несторію, который давал справки по вопросу о сардикійском канонѣ, принял сторону Кирилла александрійскаго. Не ограничиваясь этим, папа, осудивши Несторія на помѣстном римском соборѣ 430 года, потребовал отреченія осужденнаго от епископства в теченіе 10 дней.

Дѣло перенесено было на ефесскій собор, куда папа не рѣшился отправиться, а послал своих легатов, давши им порученіе защищать авторитет римскаго престола, внимательно прислушиваться и принимать участіе в преніях, но с своей стороны не выставлять положеній, подлежащих обсужденію отцов собора: „Auctoritatem sedis apostolicae custodire debere mandamus ... Ad disceptationem si fuerit ventum, vos de eorum sententiis iudicare debetis, non subire certamen. Когда послѣ низложенія Несторія епископскую каѳедру в Константинополѣ занял Максиміан, человѣк италіанскаго происхожденія, преданный Целестину, то такой исход дѣла разсматривался в Римѣ, как полное торжество римской каѳедры, и преемник Целестина Сикст III в память этого соорудил в Римѣ великолѣпную церковь Св. Богородицы.

Таким образом, в теченіе IV вѣка и в началѣ слѣдующаго папы неоднократно выставляли притязанія на первенство или господство в христіанском мірѣ, ссылаясь на постановленіе сардикійскаго помѣстнаго собора, который они неправильно выдавали за канон перваго вселенскаго собора в Никеѣ. Довольно безразлично было, дѣйствовали ли папы при этом безсознательно или сознательно, по невѣжеству или по другим соображеніям, но крайне важным является то обстоятельство, что уже в древнѣйшій період своей исторіи папство выступает представителем церковнаго универсализма. Задачею послѣдующаго времени было подыскать болѣе основательный и прочный принцип для оправданія притязаній на первенство в церкви. В данном случаѣ папы не могли и не хотѣли оправдывать своих притязаній на основаніи политическаго значенія города, в котором находилась их каѳедра, так как со времени Константина Великаго Рим утерял свое значеніе столицы міра. Ссылаться на былую славу Рима — значило опираться на спорный принцип, ибо как ни почтенна и велика древность, но еще болѣе вліятельна современность. С точки зрѣнія политическаго принципа константинопольскій патріарх мог не только оправдать свое равенство с папою, но и отстаивать свое преимущество, ибо Константинополь постепенно становился и центром политической жизни, и центром культуры и гражданственности средневѣковаго міра.

Заслуга созданія новаго принципа для оправданія универсальных стремленій папства принадлежит папѣ Льву I (440—461).

Лев I принадлежал к числу замѣчательных представителей римской каѳедры. Занимая вліятельную в римской іерархіи должность еще при своих предшественниках, он уже тогда вошел в круг идей и стремленій к универсализму. Папа этот был человѣком высоконравственной жизни, заботящимся о повышеніи нравственности духовенства и мірян. С тою цѣлью он стремился вывести из римских обычаев остатки языческих игр и праздеств, которыя были если не причиною, то поводом безнравственнаго

поведенія населенія, и установил правило, чтобы в монастыри принимались женщины не ранѣе возраста 40 лѣт.

Лев не был лишь поборником строгих нравов, но и являлся выдающимся церковным дѣятелем. Обладая большими знаніями в богословских предметах, он не замедлил выдвинуть новое обоснованіе для универсальных стремленій папства. Эти основанія он нашел в толкованіи западных богословов (Гилярія Арльскаго, Амвросія Миланскаго, Іеронима и Августина) извѣстнаго евангельскаго текста (Матѳ. 16, 18): „Я говорю Тебѣ: ты Петр, и на сем камени я созижду церковь мою". Как извѣстно, это было сказано Іисусом Христом в отвѣт на слова Петра: „Ты Христос, сын Бога Живаго". При толкованіи слов „и на сем камени" (по гречески стоит *πέτρα*) видѣли указаніе на Петра, как на краеугольный камень, на котором должна быть создана церковь Божія. Уже легаты папы Целестина на ефесском соборѣ высказывались в том смыслѣ, что апостол Петр „в лицѣ своих преемников нынѣ и всегда живет и судит" (*ὅστις ἕως τοῦ νῦν καὶ ἀεὶ ἐν τοῖς αὐτοῦ διαδόχοις καὶ ζῇ καὶ διδάζει*). Разумѣется, при этом римскій епископ разсматривался как преемник апостола Петра, который был по измышленной римской легендѣ первым епископом Рима. Для успѣха этой теоріи было крайне важно, что она была усвоена таким энергичным человѣком, как Лев I, который всѣ свои значительныя силы и рѣдкую энергію отдал на служеніе церкви, не имѣя никаких личных склонностей и стремленій. В самом дѣлѣ, в сохранившейся обширной перепискѣ этого папы не находится никаких личных указаній и біографических свѣдѣній, а предметом изложенія в его письмах является исключительно развитіе богословских воззрѣній и ученій, интересовавших современников. Такой исключительный человѣк сумѣл теорію, довольно робко высказывавшуюся при его предшественниках, осуществлять на дѣлѣ и проводить в жизнь.

Когда в проконсульской Африкѣ, которая была извѣстна горячим протестом против притязаній пап, возникли церковныя нестроенія, то Лев I отправил своего легата, поручив ему произвести разслѣдованіе и принять строгія мѣры к возстановленію порядка. Любопытно при этом отмѣтить, что эти дѣйствія Льва не встрѣтили никакого противодѣйствія в Африкѣ. Правда, это можно объяснить не только уваженіем, которое питали ко Льву, но и обстоятельствами историческаго характера. Дѣло в том, что в ту пору проконсульская Африка сдѣлалась добычею вандальскаго нашествія, сопровождавшагося уничтоженіем туземнаго населенія. Этою ужасною катастрофою сломлен был дух самостоятельности африканских епископов. Еще в бóльшей мѣрѣ проявилась сила папскаго авторитета при вмѣшательствѣ в дѣла галльской церкви. В Галліи первенством в церковной іерархіи по старой традиціи пользовался епископ г. Арля (в южной Франціи). Гилярій, тог-

дашній епископ, опираясь на права митрополичьей власти, нашел необходимым низложить безансонскаго епископа Целидонія, но Лев I взял низложеннаго епископа под свою защиту. Вызванный в Рим епископ безансонскій на римском синодѣ был оправдан и возстановлен в своем санѣ. Что же касается Гилярія, то вызванный папою в Рим, он должен был явиться туда, но дѣло приняло такой неблагопріятный для него оборот, что ему угрожало не только лишеніе сана, но и заключеніе в тюрьму, отчего он избавился только поспѣшным бѣгством. Таким образом, Льву I удалось упрочить авторитет римской каѳедры в церковных областях, лежащих внѣ Италіи.

Мало того, имѣя способность, которою обладают всѣ лица могучей силы воли и преданные дѣлу, увлекать и подчинять себѣ болѣе слабых людей, Лев I имѣл такое вліяніе на императора Валентиніана III, что многія распоряженія, касавшіяся даже государственных дѣл, были составляемы как бы под диктовку римскаго епископа. Например, в 445 г. Валентиніан, по настоянію Льва, издал закон, в силу котораго всякій епископ Западной римской имперіи, осмѣливающійся отвергать первенство или приматство римской каѳедры, должен быть наказан по законам свѣтским, как виновный в оскорбленіи Величества.

Иначе дѣло обстояло на Востокѣ, но и тут обстоятельства сложились так, что в силу возникновенія споров о природѣ Іисуса Христа Льву удалось поднять авторитет римской каѳедры на невиданную высоту.

Старый константинопольскій архимандрит Евтихій учил, что Христос послѣ вочеловѣченія имѣл одну природу, хотя тѣло его, как Бога, не было вполнѣ подобно нашему. Таким образом, хотя в этой формулировкѣ евтихіанства у Христа признавалась одна природа (монофизитство), но с нѣкоторою уступкою по отношенію к ученію о двух природах. Когда на константинопольском помѣстном соборѣ (448 г.) евтихіанство было осуждено, то Евтихій нашел необходимым апеллировать ко вселенскому собору, но прежде всего рѣшил обратиться ко Льву I. С своей стороны, Флавіан, константинопольскій патріарх, дѣятельный защитник ученія о двух природах в естествѣ Іисуса Христа, счел необходимым сдѣлать то же. Разсмотрѣвши заявленія обѣих сторон в качествѣ почетнаго посредника и верховнаго учителя, Лев I высказался в пользу толкованія Флавіана и в посланіи, написанном на имя послѣдняго, развил подробно, ясно и отчетливо ученіе о двух природах. Так как споры и волненія не унимались, то император рѣшил в 449 г. созвать в малоазійском городѣ Ефесѣ собор, засѣданія котораго открылись под предсѣдательством александрійскаго патріарха Діоскора. На этом соборѣ ученіе о двух природах, поддерживаемое Флавіаном и Львом, было отвергнуто, как ложное. Когда же Евсевій Дорилейскій, сторонник діофизитства,

позволил себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній в защиту осужденнаго ученія, то подвергся нападкам со стороны горячих защитников монофизитства, представленных, главным образом, египетскими монахами, явившимися на собор. Флавіан и Евсевій предложили обратиться к Льву I и западным епископам, но ефесскій собор предал их осужденію и объявил низложенными. Мало того, Флавіан сдѣлался жертвою фанатизма: его так избили, что он скоро скончался, а его сторонники и легаты папы должны были спасаться бѣгством из Ефеса. Эти неистовства, разыгравшіяся в Ефесѣ, вызвали чрезвычайное негодованіе на Западѣ, и выразителем его явился Лев I. Он рѣшительно отверг всѣ постановленія собора и назвал его „разбойничьим собором“ (latrocinium Ephesinum). Торжество монофизитов было кратковременное. Император Θеодосій II умер, и престол достался Маркіану, женившемуся на сестрѣ покойнаго императора Пульхеріи, которая была сторонницей исповѣданія Льва и Флавіана. Византійское правительство рѣшило созвать новый собор в Халкедонѣ. Отцы этого собора рѣшили в основу своего исповѣданія положить посланіе Кирилла Александрійскаго против Несторія и посланіе Льва I-го к Флавіану, гдѣ с особенною силою остроумнаго богослова и необыкновенною логическою ясностью развито ученіе о двух природах в естествѣ Іисуса Христа. Таким образом, богословіе Льва было признано чистым и правильным. Конечно, это было торжество римской каθедры, как хранительницы ортодоксальнаго ученія церкви.

Тѣм не менѣе, халкедонскій собор далеко не обнаружил склонности уважить всѣ домогательства папы Льва I. Также точно относилось первоначально и византійское правительство. Папа требовал созыва собора в каком-нибудь из италіанских городов, но византійское правительство предпочло созвать собор в Халкедонѣ. Папа требовал предоставленія предсѣдательства на соборѣ его легатам, а предсѣдателем собора был константинопольскій патріарх Анатолій. Далѣе, папа настаивал на недопущеніи к участію на соборѣ виновника неистовств в Ефесѣ Діоскора на том основаніи, что он нарушил права апостольской каθедры: synodum facere sine auctoritate sedis apostolicae, quod numquam licuit, numquam factum est, т. е. „вел засѣданія собора вопреки разрѣшенію апостольскаго престола, чего никогда не было позволяемо и никогда не было дѣлаемо“. Любопытно отмѣтить, что и Діоскор, как епископ александрійскій, был представителем апостольской каθедры согласно канону перваго вселенскаго собора. Вопреки желанію папы, Діоскор присутствовал на соборѣ, хотя не как член, а как обвиняемый. Наконец, требованіе папских легатов, ссылавшихся на неправильно переведенный 6-ой канон перваго никейскаго собора, который в латинском переводѣ начинался словами: ecclesia Romana semper habuit pri-

matum, — о признаніи первенства римской каѳедры было оставлено без вниманія. Мало того, в акты собора был включен 28 канон, по которому патріарх константинопольскій признавался равным с патріархом стараго Рима, и ему было предоставлено право принимать жалобы на митрополитов и епископов всѣх восточных діоцез и передавать их, смотря по содержанію, на разсмотрѣніе помѣстных соборов.

Таким образом, хотя Халкедонскій собор может быть разсматриваем, как момент великаго торжества Льва I, но торжество это было относительное, ибо не только не были уважены всѣ притязанія его, но и был принят чрезвычайно непріятный для римской каѳедры 28 канон.

Халкедонскій собор отправил свои акты ко Льву I с просьбою подписать, а особенно дать согласіе на 28 канон, но папа отказался и угрожал патріарху Анатолію отлученіем от церкви за проведеніе 28-го канона. Пользуясь своим вліятельным положеніем и уступчивостью византійскаго правительства, папа добился того, что император в 454 г. своею властью отмѣнил 28-ой канон. Впрочем, нужно замѣтить, что іерархія Востока твердо держалась этого канона, не взирая на его отмѣну.

Уваженіе к памяти папы Льва было так велико, что на этой почвѣ впослѣдствіи создалась легенда, что Аттила, предпринявшій в 452 году поход в Италію, прекратил его, уступая увѣщаніям и угрозам Льва I-го. В этой легендѣ отразилось воспоминаніе о трудах папы на пользу населенія Рима послѣ вандальскаго разгрома. Хотя Льву не удалось удержать Гензериха, короля вандалов, от жестокаго опустошенія, которому он подверг Рим в 455 г., когда город в теченіе 14 дней был добычею варваров, уничтожавших безсмысленно памятники искусства и без пощады избивавших жителей, но по удаленіи вандалов он употребил всѣ усилія, чтобы возстановить прежнее величіе города и помочь жителям.

Со смертью Льва, послѣдовавшей в 461 г., на протяженіи 130 лѣт, на каѳедрѣ римской не было ни одной выдающейся личности вплоть до избранія в 590 году папы Григорія I. Тѣм не менѣе этот 130-лѣтній період представляет интерес в том отношеніи, что папам удалось, несмотря на тяжелыя условія, в которых находилась по ходу исторических событій Италія, поддержать тот авторитет, на который поставила каѳедру дѣятельность Льва I-го. Эти условія не могли не отразиться отрицательно на положеніи представителей римской церкви. Задачи осложнились, а к исполненію их призывались лица, не могущія сравниться с их великим предшественником.

Ряд этих тяжелых обстоятельств начинается с того, что в 476 г. Одоакр отослал в Константинополь императорскія инсигніи. Хотя сам по себѣ этот факт не вносил существенных перемѣн,

ибо при послѣдних императорах господами положенія были начальники варварских дружин, но на папствѣ паденіе Западной римской имперіи все же отразилось. Пока хотя номинально существовала Западная римская имперія, папы могли опираться на поддержку свѣтской власти и, стоя около правителей имперіи, имѣли возможность часть блеска императорскаго двора распространять и на свою особу. С этого же времени наступает для папства пора нѣкоторой зависимости от византійскаго правительства в лицѣ единственнаго в мірѣ императора. Это обстоятельство осложняло проведеніе папской политики, ибо иногда приходилось употреблять по два мѣсяца на сношеніе с Византіей и на полученіе отвѣта столько же. Подобное положеніе замедляло рѣшеніе вопросов, которые могли быть рѣшены только в союзѣ с свѣтскою властью. Нѣсколько улучшилось положеніе римских епископов, когда Теодорих Великій в 493 г. овладѣл Италіей и сдѣлался с титулом короля правителем страны. Правда, Теодорих избрал столицею Равенну, а не Рим, но теперь папы не имѣли надобности обращаться непосредственно к Византіи. С другой же стороны, положеніе осложнилось, так как Теодорих был аріанин, а слѣдовательно в вопросах вѣры и церковной организаціи римскіе епископы не могли находить в нем опору и защитника. Впрочем, остготскій король и не хотѣл вмѣшиваться в дѣла церкви, хотя и оказывал вниманіе римской каѳедрѣ. Так, однажды посѣтивши Рим, он молился в главном храмѣ и пожертвовал два огромных серебряных канделябра. Хотя аріанство короля было и нетерпимое явленіе с точки зрѣнія римскаго епископа, но благодаря вѣротерпимости Теодориха и тому, что византійское правительство склонялось к монофизитству, положеніе римских епископов на первых порах было благопріятно, ибо под щитом готскаго владычества возможно было с бо́льшею свободою отстаивать ортодоксальную или православную точку зрѣнія.

Это особенно сказалось, когда император Зенон при участіи и содѣйствіи патріарха Акакія опубликовал свой „генотикон", которым хотѣл помирить монофизитов и діофизитов. В этом шагѣ императора сторонники православія справедливо увидѣли покровительство монофизитам. Папа Феликс (483—492) не признал генотикона и нашел необходимым прекратить сношенія с византійскою церковью. Таким образом, возникла продолжавшаяся 35 лѣт схизма (484—519), т. е. прекращеніе между Восточною и Западною церковью всяких сношеній. В данном случаѣ, опираясь на силу готов, римскіе епископы нашли возможным открыто заявить себя защитниками строгой ортодоксальности.

Разрыв с Византіей привел к созданію новой теоріи об отношеніях свѣтской и церковной власти. Преемник Феликса папа Геласій (492—496) в письмѣ своем к императору и двору в 493 г. подробно развивает теорію об отношеніях между церковною

властью и свѣтскою. По его мнѣнію, отношенія между духовною властью (sacerdotium) и свѣтскою (imperium) могут быть уподоблены и выведены из сравненія между солнцем и луною; как луна не имѣет собственнаго свѣта, а получает его от солнца, так и свѣтская власть, если чѣм-либо обладает, то в той мѣрѣ в какой ей предоставлено это церковью.

К этому же времени относится введеніе обычая называть римскаго епископа „папою". Ни в актах, ни в перепискѣ сан этот не встрѣчался до понтификата Симмаха (498—514 г.). При выборах его произошли безпорядки. Одна партія выставила кандидатом Симмаха, происходившаго из извѣстной богатством, связями и преданностью язычеству фамиліи, а другая — Лаврентія, склоннаго, повидимому, к прекращенію схизмы. Обѣ партіи обратились к Теодориху, который и высказался в пользу Симмаха. Когда же впослѣдствіи своими недостойными поступками новый папа вызвал против себя жалобы и неудовольствія, Теодорих счел необходимым созвать собор из италіанских епископов. Собор этот извѣстен в исторіи под названіем „palmaris", ибо засѣданія его происходили в храмѣ Св. Петра, портик котораго был украшен пальмовыми вѣтвями. На соборѣ произошли рѣзкія столкновенія между церковными партіями, но тѣм не менѣе этот собор впервые ввел принцип, которым потом папы пользовались для укрѣпленія своего авторитета. Поведеніе Симмаха было не безупречно. Отцы собора отказались от разбирательства дѣла и суда и поручили діакону Эннодію Павійскому, извѣстному своим литературным образованіем, написать апологію в защиту принятаго рѣшенія. В этой апологіи был проведен тот принцип, что „папа" есть судья над всѣми и не может быть судим. Таким образом, был положен новый краеугольный камень для папскаго главенства, ибо папа был объявлен неподсудным даже власти собора.

К концу правленія Теодориха отношенія между правительством Италіи и римскими епископами испортились. При папѣ Гормиздѣ, по почину византійскаго правительства, схизма прекратилась, ибо Юстин I отказался от генотикона и возстановил православіе, признавши ученіе о двух природах. Тогда снова открылись дѣятельныя сношенія между папами и византійским двором. Остается неизвѣстным, в какой степени эти сношенія носили чисто религіозный характер, и не связаны ли они были с политическими соображеніями, ибо уже в ту пору созрѣвала у византійскаго правительства мысль о завоеваніи Италіи. Так как со времени прекращенія схизмы в Византіи начались гоненія против аріан, то Теодорих настоял на том, что папа Іоанн I отправился в Константинополь с порученіем ходатайствовать о прекращеніи гоненій. Эта миссія для папы была противоестественна; и он с неохотою отправился в путь, предчувствуя неудачу.

Весь двор вышел к нему навстрѣчу; и в теченіе всего времени его пребыванія в столицѣ всѣ, начиная с императора и высших сановников, оказывали ему вниманіе, предупредительность и сыновнюю преданность. Дѣла аріан это не улучшило, ибо гоненія по-прежнему продолжались. Разгнѣванный король приказал посадить папу в тюрьму, подозрѣвая его в измѣнѣ.

Положеніе пап не улучшилось, когда начались войны Юстиніана с остготами, и когда потом Италія перешла во власть Византіи. Можно даже утверждать, что оно значительно ухудшилось. Во главѣ управленія Италіей стояли полководцы и потом экзархы, назначаемые обыкновенно из числа византійских вельмож, облеченных придворным титулом патриціев. В качествѣ намѣстников императора они обыкновенно держали себя своевольно по отношенію к римским епископам. Папы стали игрушкою в руках придворных партій, руководимых иногда женщинами. Не угодить Өеодорѣ, супругѣ императора, или не считаться с благородною Антониною, супругою Велизарія, было равносильно потерѣ положенія. Достаточно привести один факт из жизни папы Сильверія (536—537). Во время осады Рима Тотилою Велизарій стал подозрѣвать папу в сношеніях с готами. По всей вѣроятности, под благовидным предлогом желали низложить папу, ставшаго неугодным византійскому правительству и императрицѣ Өеодорѣ, оказывавшей покровительство монофизитам. Папу вызвали к отвѣту во дворец Велизарія. Здѣсь, в спальнѣ, куда его привели, он увидѣл супругу Велизарія Антонину, у ног которой сидѣл Велизарій. Она обратилась к Сильверію с вопросом: „Чѣм виноваты мы, что ты, господин папа, злоумышляешь против нас с нашими врагами?“ Прежде, чѣм Сильверій успѣл что-либо отвѣтить, его втолкнули в другую комнату, сорвали с него одежды, надѣли простыя монашескія и отправили в изгнаніе. Такова же была судьба и слѣдующаго папы Вигилія (537—555). Он сначала вошел в сдѣлку с византійским правительством и подписал „три главы“, заключавшія примирительное исповѣданіе, но потом раскаялся в своей слабости и взял свое согласіе обратно. Его послали в изгнаніе и возвратили только послѣ того, как он дал обѣщаніе придерживаться исповѣданія, выраженнаго в „трех главах“. Такую же ничтожную роль играли и преемники Вигилія, пока в 590 г. папа Григорій I не занял каөедру римскаго епископа.

Григорій Великій, несомнѣнно, можетъ быть признан самым замѣчательным папою перваго тысячелѣтія. По происхожденію он принадлежал к старинной сенаторской фамиліи Аниціев и, подобно многим членам своего рода, обнаруживал с ранних лѣт стремленіе к созерцательной жизни. Вопреки внутренним стремленіям, заложенным в его природѣ, он должен был, однако, посвятить себя широкой общественной и отчасти политической дѣятельности, по настоянію римлян, избравших его префектом го-

рода. Правда, Григорій занимал эту должность недолго и по необходимости, так как это было время страшнаго потрясенія и испытанія, время нашествія лангобардов, когда населеніе Италіи испытывало страшныя бѣдствія. В концѣ концов Григорій не устоял против внутренних стремленій, отказался от должности и поступил в монастырь. Здѣсь он довольно скоро выдвинулся ученостью, благочестіем и обратил на себя вниманіе, как на достойнѣйшаго представителя тогдашняго христіанства. Повидимому, у него рано созрѣла мысль посвятить свою дѣятельность и жизнь Богу путем миссіонерскаго труда. Он мечтал об отправленіи в дальнія страны, за Рейн, или еще дальше, в Англію, чтобы проповѣдывать вѣру христіанскую, и нашел поддержку со стороны папы Бенедикта I-го, который отпустил его. Но едва Григорій выѣхал за город, как в Римѣ поднялось негодованіе против папы. Римляне требовали возвращенія Григорія; по их словам, папа разрушает Рим, разрушает основанія папской каѳедры, дозволяя Григорію удалиться. Уступая требованіям римлян, папа возвратил Григорія и настоял на том, чтобы тот принял сан діакона. Уступая велѣнію папы, по силѣ монашескаго обѣта, Григорій принял сан и должность діакона, которая в ту пору имѣла совершенно другое значеніе, чѣм теперь. В ту пору діакон управлял имѣніями римской каѳедры (patrimonium sancti Petri), которыя были разбросаны по всей Италіи, от сѣвера до юга, не исключая и Сициліи. Как человѣк разумный, предусмотрительный, любившій всякое дѣло исполнять со всею рачительностью, Григорій и в данном случаѣ оправдал порученіе, возложенное на него, так что папская курія скоро нашла возможным поручить ему еще другое, болѣе отвѣтственное и полезное дѣло. Он был отправлен в Константинополь с саном апокрисіарія, на обязанности котораго лежало быть посредником между римским престолом и византійским правительством и улаживать конфликты, которые и в ту пору были довольно часты. Пребывая в Константинополѣ, Григорій I завязал тѣсныя, почти дружескія отношенія со многими представителями византійской знати и стал близким лицом, личным другом Маврикія I-го, который около того времени занял императорскій престол. Эти обязанности дипломатическаго характера не отвѣчали настроенію Григорія, и он всячески просил об увольненіи от этой почетной должности,

Монашеское уединеніе и душеспасительные подвиги манили Григорія, и он жаждал остаток жизни посвятить внутреннему самосозерцанію в монастырѣ; но его мечты не оправдались. Когда он возвратился обратно в Рим, епископская каѳедра стала вакантною, и единодушный голос всего населенія призвал возвратившагося Григорія на каѳедру епископа римскаго. Как ни отклонял он от себя эту честь, прибѣгая к разным средствам, но все было напрасно. Говорят, что он даже скрылся, бѣжал из города, спа-

саясь от рокового, как ему казалось, избранія, но был отыскан, возвращен, принят с тріумфом и безусловно насильственно сдѣлан епископом Рима. Это не был отказ из приличія, к какому прибѣгали обыкновенно избранники. В данном случаѣ можно вѣрить искренности Григорія: его не привлекали труды, какіе он должен был нести в качествѣ папы, так как папа был тогда как представителем церкви, так и представителем свѣтскаго управленія. Он принял власть при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, в ту пору, когда Италія и римская область находились в крайнем разореніи, что было результатом двадцатилѣтних диких неистовств лангобардов-аріан.

С первых же шагов папѣ приходилось задумываться над тѣм, как спасти Рим от лангобардов. В этом отношеніи он не жалѣл никаких средств: поддерживал дѣятельныя отношенія с лангобардским королевским двором, упрашивал византійское правительство о присылкѣ помощи, хотя и безуспѣшно, и должен был в 593 г., когда лангобарды угрожали взять Рим, откупиться от них уплатою таких громадных денежных сумм, которыя исчерпали всю наличность казначейства. Нѣсколько позднѣе ему удалось достигнуть большого успѣха: в 599 г., при содѣйствіи франкской королевы Брунегильды, он добился того, что был заключен мир с лангобардами. Таким образом, по крайней мѣрѣ с внѣшней стороны был достигнут в средней Италіи желанный покой, какого страна давно уже не имѣла.

Помимо дѣл характера дипломатическаго и административнаго, особенное вниманіе Григорія привлекали дѣла религіозныя: им приняты были мѣры к поднятію нравственности среди населенія и очищенію христіанских воззрѣній того времени. Хотя папа был человѣк образованный и по учености выдѣлялся из ряда современников, но онъ враждебно относился к античной языческой литературѣ. Позднѣе сложилось преданіе, совершенно впрочем неосновательное, что, по его приказанію, были истреблены рукописи сочиненій Цицерона, Плинія и пр. Дѣйствительно, в одном из своих писем он выражал явное неодобреніе к изученію древних писателей: „одними устами нельзя воздавать хвалу Христу вмѣстѣ с хвалами Юпитеру“.

Относясь отрицательно к античной древности, почерпая мысли из церковной литературы, Григорій был небрежен в своем стилѣ и слогѣ. Ошибки против языка были обычны в его перепискѣ, и он сам говорил, что не обращает на это вниманія, и что он предпочитает славить Бога, дѣлая ошибки, нежели заботиться о чистотѣ слога. Обширная переписка папы свидѣтельствует о кипучей его дѣятельности; он состоял в постоянной перепискѣ с экзархами в Равеннѣ, с константинопольским двором и частными лицами. Эта переписка дает матеріал для ознакомленія с личностью папы и его дѣятельностью.

Особенно много забот удѣлял Григорій поземельным владѣніям своей каѳедры (patrimonium sancti Patri), разбросанным по всей Италіи. Эта заботливость папы вполнѣ понятна, ибо доходы шли на дѣла широкой благотворительности. Приходилось то кормить и поддерживать бѣдствующих жителей Рима, то вносить откуп лангобардам, в предупрежденіе их нападеній, то выкупать плѣнных, то возстановлять разрушенныя церкви и т. д. Этот аскет, посаженный насильно на престол, обнаруживал вниманіе к хозяйственным вопросам бо́льшее, чѣм какой-либо предпріимчивый свѣтскій человѣк. Он входил во всѣ подробности хозяйства, давая инструкціи отдѣльным управляющим имѣніями касательно всѣх мелочей.

Можно сказать, что в этих заботах об управленіи имѣніями Григорій явился основателем свѣтской власти папства. Он же подготовил пути, приведшіе впослѣдствіи къ тому, что папы сдѣлались свѣтскими государями. В этом отношеніи и направленіи его дальновидность сказалась в том, что, сносясь с лангобардами в лицѣ Теоделинды, ревностной католички, умѣя вліять через нее на ход лангобардских дѣл, он отыскивал опору для будущих видов папской политики далеко за предѣлами Италіи, вступив в сношенія с Брунегильдою. С теченіем времени преемники Григорія I усилили эти сношенія и сумѣли придать им характер обоюдной выгоды и для себя, и для правителей франкскаго государства. Опираясь на франков, папы достигли свѣтской власти.

Хотя Григорій I много времени удѣлял хозяйственным дѣлам, сношеніям с разными лицами по вопросам текущих дѣл, намѣчал пути для будущей политической дѣятельности папскаго престола, но он не забывал и об универсальных притязаніях своих предшественников на первенство въ христіанской церкви и умѣл достигнуть в этом отношеніи нѣкотораго успѣха. Когда константинопольскій патріарх Іоанн Постник рѣшил принять титул вселенскаго (*ἐπίσκοπος οἰκουμενικός*), то против этого с особою горячностью возражал Григорій и доказывал, что такой титул не соотвѣтствует духу христіанства, что ни один епископ не должен возвышаться над другими по своим личным соображеніям; если же должно принадлежать первенство в церкви кому-либо, то это опредѣляется апостольскими преданіями. До нѣкоторой степени этот взгляд папы отразился в письмѣ к одному епископу: Si qua culpa in episcopis invenitur, nescio, quis sedi apostolicae subjectus non sit; cum vero culpa non existit, omnes secundum rationem humilitatis aequales sunt, т. е. „если окажется вина на ком-нибудь из епископов, то, право, не знаю, кто в таком случаѣ не подсуден апостольскому престолу; в том же случаѣ, когда вины нѣт, всѣ равны соотвѣтственно принципу смиренія". Когда во время этого спора о титулѣ александрійскій патріарх обратился к Григорію с письмом, в котором назвал его „universalis

рара", то Григорій отвѣтил, что антіохійская церковь непосредственно, а александрійская посредственно, как основанная учеником Петра Марком, являются каѳедрами равнаго достоинства и степени, и всякій епископ, который стремится к возвышенію над другими, подобен антихристу. Папа прекратил сношенія с патріархом Іоанном Постником, когда его требованіе отказаться от титула было не уважено. Настойчивость папы является вполнѣ понятной не с точки зрѣнія христіанскаго смиренія, а в виду несовмѣстимости этого новаго титулованія константинопольскаго патріарха с универсальными стремленіями римских епископов. В гордом смиреніи тогда же папа принимает титул, ставшій с тѣх пор титулом всѣх его преемников: servus servorum Dei.

При всѣх необыкновенных качествах папы Григорія, котораго высоко чтит не только Западная, но и Восточная церковь за его литургическіе труды и личныя качества, за его общественную и государственную дѣятельность, на памяти его тяготѣют нѣкоторыя прискорбныя воспоминанія. В письмах к честолюбивой и жестокой правительницѣ франкскаго государства Брунегильдѣ папа называет ее благочестивою христіанкою и мудрою правительницею. Хотя Италія отстояла далеко от Франціи, и сношенія были затруднительны, но сомнительно, что в данном случаѣ папа был введен в заблужденіе по неосвѣдомленности, ибо галльскіе епископы находились в постоянных сношеніях с римским престолом. Еще менѣе извинительны отношенія Григорія к другому дѣятелю того времени. Когда в 602 г. грубый и невѣжественный центуріон Фока, опираясь на возстаніе войск, захватил Константинополь и расправился жестоким образом с благородным императором Маврикіем, который не только сам был казнен, но и имѣл ужасное несчастіе перед смертью видѣть казнь своих взрослых пяти сыновей, когда этот Фока, справедливо названный в современных лѣтописях тираном, вступил на престол, то Григорій поспѣшил послать ему письмо, в котором поздравлял его со вступленіем на престол и писал, что хоры ангелов на небѣ и всѣ уста на землѣ поют радостные и благодарственные гимны. Этот эпизод кладет темное пятно на память одного из величайших епископов Рима, каким несомнѣнно был Григорій Великій.

Вторым преемником Григорія Великаго был Бонифацій III, достигшій того, что император Фока запретил константинопольскому патріарху носить титул вселенскаго и объявил, что римская церковь есть caput omnium ecclesiarum. Таким образом, в ближайшее время плоды политики Григорія Великаго доставили торжество римской церкви. Однако, при перемѣнѣ отношеній между Римом и Константинополем не замедлили настать тяжелыя времена испытаній. Когда на папскій престол вступил Гонорій I (625—638), то папство испытало большой нравственный удар вслѣдствіе стремленій быть в согласіи с византійским двором. В ту

пору императорскій престол занят был Геракліем. Послѣдній стремился под вліяніем политических соображеній содѣйствовать примиренію двух религіозных партій, борьба которых ослабляла византійскую имперію и давала возможность арабам распространять свои владѣнія в Сиріи и Египтѣ, гдѣ пустила глубокіе корни ересь монофизитов. Примиренія Гераклій думал достигнуть посредством опубликованія догматической формулы, гдѣ была выражена та идея, что Христос совершил искупленіе не просто единою силою, но единою богочеловѣческою силою. Таким образом, он хотѣл угодить и монофизитам, и сторонникам ученія о двух природах. На основаніи этой формулы, которая вызывала среди духовенства многочисленныя нареканія, Гераклій в 638 г. издал эктезис, гдѣ ἐνέργεια было замѣнено словом ϑέλημα. На ряду с прежним еретическим движеніем монофизитов, возникло среднее еретическое ученіе, нашедшее себѣ сторонников, но раздор религіозных партій не уменьшился. Гераклій добился того, что Гонорій I принял эту формулу и таким образом утвердил монофелитство, не смотря на его ложность. Иначе отнеслись к этому ученію преемники папы Гонорія. С особенною силою высказывался против новаго ученія папа Мартин I (649—653). За эту приверженность постановленіям халкедонскаго собора Мартин был арестован в Римѣ равеннским экзархом и по приказанію императора Констанція отправлен в Константинополь, гдѣ посажен в тюрьму. Послѣ суда он был отправлен в качествѣ ослушника императорской воли в ссылку в Крым, гдѣ по преданію умер от голода. Находя, что религіозные споры вносят раздвоеніе в общество, Констанцій запретил споры о природѣ Божества, надѣясь достигнуть этим успокоенія. Сын Констанція Константин Погонат для окончательнаго рѣшенія богословских споров созвал вселенскій собор в Константинополѣ. На соборѣ этом, созванном в 680 г., присутствовали и легаты папы Агафона. Засѣданія собора растянулись на десять мѣсяцев, а когда собор был закрыт, то его акты были посланы на утвержденіе папѣ Льву II, который подписал их, не взирая на то, что ими было осуждено еретическое ученіе папы Гонорія I.

Вообще конец VII вѣка был критическою эпохою для папства. В Римѣ в это время при выборах пап боролись двѣ партіи (клира и милиціи). При выборах в 686 году папы Конона обѣ партіи выставили своих кандидатов. При выборах в слѣдующем году между партіями послѣдовало соглашеніе, в силу котораго избран был папа Сергій I (687—701), но утвержденія выборов можно было добиться путем выплаты экзарху равеннскому 100 фунтов золота. У этого папы произошло столкновеніе с византійским правительством по слѣдующему поводу. Император Юстиніан II созвал пято-шестой собор, извѣстный под таким именем вслѣдствіе того, что его постановленія восполняли акты пятаго и ше-

стого вселенских соборов по вопросам об учрежденіях и церковной дисциплины. На этом соборѣ было осуждено требованіе римской церкви целибата или безбрачія от священников и діаконов, вторично подтвержден 28 канон халкедонскаго собора, который отводил константинопольскому патріарху равное мѣсто с римским, и запрещено изображать Христа в видѣ овцы, как это дѣлалось по римской традиціи. Таким образом, постановленія эти были направлены против практики и стремленій римской каѳедры, но все же папскіе легаты подписали акты собора. Однако, папа Сергѣй I не допустил опубликованія их в Западной церкви. Император послал в Рим одного из сановников с приказом арестовать папу и доставить его в Константинополь.

Хотя со времени расправы с папою Мартином не прошло еще и 50 лѣт, но обстоятельства и соотношенія политических и соціальных партій так рѣзко измѣнились, что воля императора не могла быть осуществлена. Отправленный в Рим для ареста папы, византійскій сановник не мог этого сдѣлать. Поднялось на защиту папы все населеніе Рима, к которому присоединилась городская милиція всего экзархата. Возбужденіе было так велико, что императорскій уполномоченный искал спасенія во дворцѣ папы, гдѣ укрылся в опочивальнѣ. Раздраженная толпа ворвалась во дворец с требованіем выдачи перепуганнаго посла византійскаго императора. С большими усиліями папѣ удалось спасти жизнь несчастнаго сановника, но все-таки он с позором был выпровожен из города. Это был такой удар византійской политикѣ, что можно было ожидать мести со стороны императора Юстиніана II. Только низложеніе императора в 695 году спасло папу от участи Мартина I. Новый император не имѣл желанія мстить за оскорбленіе своего предшественника. Когда же в 705 г. Юстиніан II снова был возведен на престол, то жестоко наказал жителей Равенны за поддержку, оказанную папѣ Сергію. Как извѣстно, тогда были захвачены знатные равеннцы, отправлены в Константинополь и казнены.

Эта лютая расправа страшно возбудила населеніе Италіи и выдвинула вопрос о необходимости найти какія-либо гарантіи от произвола византійскаго правительства. Тѣм не менѣе ближайшіе преемники Сергія I и не мечтали о противодѣйствіи Византіи. Когда папа Константин I (708—715) был потребован в Константинополь, то он не осмѣлился ослушаться и по прибытіи туда старался пойти навстрѣчу требованіям правительства.

Послѣ смерти Константина был избран на папскій престол человѣк римскаго происхожденія Григорій II (715—731). Он и слѣдующій папа Григорій III (731—741) прокладывают новые пути, которые привели к созданію свѣтскаго господства пап в Италіи. Можно считать 715 г. поворотным пунктом в исторіи папства и Италіи, судьбы которой так тѣсно связаны

были с исторіей римских епископов. Измѣненіе папской политики стало возможным вслѣдствіе того, что в политических и соціальных отношеніях произошли измѣненія, и выдвинулась к началу VIII вѣка новая политическая сила в лицѣ городских милицій. Уже было выше отмѣчено, что арест папы Сергія не мог состояться вслѣдствіе вмѣшательства милиціи как г. Рима, так и других италіанских городов. На пространствѣ 50 лѣт, отдѣляющих понтификат Мартина I от понтификата Сергія I, т. е. в теченіе второй половины VII столѣтія, успѣла сложиться эта новая политическая сила в городах византійской Италіи.

Византійская Италія VI—VIII вѣков.

Со времени основанія в Италіи экзархата, устроеннаго по принципу соединенія гражданской и военной власти в руках представителей администраціи, опредѣлился тот путь, по которому должно было пойти политическое и соціальное развитіе в областях Италіи, оставшихся под властью Византіи. На всем пространствѣ византійских владѣній в Италіи образовались так называемые дукаты, вполнѣ напоминавшіе по своей организаціи византійскія ѳемы. Во главѣ каждой провинціи стоял администратор или правитель (dux), который соединял в своем лицѣ власть военную и гражданскую и подчинен был равеннскому экзарху.

Византійскія владѣнія Италіи VI—VIII вѣков составляли двѣ группы: одни владѣнія имѣли своим средоточіем город Равенну, а другія — город Рим. Двѣ эти части были связаны узкою полосою земли около Аппенинскаго хребта. В сущности византійскія владѣнія в Италіи являлись разорванными, и сношенія с Византіей производились каждою частью самостоятельно: сѣверная часть сносилась через Равенну, а южная — через Неаполь. Таким образом, Равенна и Неаполь были тѣми пунктами, которые находились в постоянных сношеніях с Византіею, вслѣдствіе чего в этих городах с особенной силой сказалось вліяніе византинизма. Что же касается Сициліи, то она с половины 7 вѣка образовывала самостоятельный от экзархата округ, непосредственно подчиненный византійскому двору. Эта обособленность Сициліи обусловливалась тѣм, что здѣсь приходилось вести борьбу с натиском арабов. Столицею экзархата была Равенна, вслѣдствіе чего в административном отношеніи Рим занимал второе мѣсто, хотя на Палатинском холмѣ сохранялся императорскій дворец, предназначавшійся для пріѣзда императора. Впрочем, из всѣх императоров того времени посѣтил этот дворец только Констанцій II. Дворцом завѣдывал особый чиновник 1-го ранга (cura palatii urbis Romae), который обыкновенно

присылался из Константинополя. Наряду с ним в Римѣ, несомнѣнно, существовал префект (praefectus urbi), который стоял во главѣ гражданскаго управленія, но по существу главным правителем был римскій епископ, который вмѣшивался во всѣ не только судебныя и гражданскія, но и военныя дѣла.

Сѣверныя и южныя владѣнія дѣлились на военно-административные округа, во главѣ которых стояли дуксы (duces) с титулом и властью военных начальников (magistri militum). Сѣвернѣе других расположена была Истро-венеціанская область; к югу от нея находился равеннскій дукат, окруженный кольцом крѣпостей, сооруженных для защиты от нападеній лангобардов. Раввенскій дукат был прикрыт с сѣвера расположенным по рѣкѣ По дукатом, средоточіем котораго был г. Комаккіо, и дукатом феррарским, расположенным на правой сторонѣ рѣки По. С юга раввенскій дукат был прикрыт Пентаполисом, остатком древняго Пиценума, гдѣ дукс сидѣл в г. Римини. Южная часть этой области с городами Анконою и Осимо образовывала особый дукат. Наиболѣе важным для византійских владѣній являлся дукат Перуджіи, расположенный по верхнему теченію Тибра, потому что он связывал сѣверныя владѣнія с южными, а в частности Пентаполис с римскою Тосканою. Самым сѣверным в составѣ западных византійских владѣній являлся тосканскій дукат, расположенный по западному берегу полуострова, на юг от дуката Перуджіи, вплоть до нижняго теченія Тибра и стѣн города Рима. На юг от Рима, по другую сторону Тибра, лежал дукат Кампаніи, а побережье древней римской Кампаніи образовывало неаполитанскій дукат. Наконец, на самом югѣ полуострова византійцам принадлежали владѣнія: Калабрія, земли около Тарентскаго залива и Апулія с Сициліей. Среди этих южных византійских владѣній находилось лангобардское беневентское герцогство, к которому на сѣверѣ примыкало сполетское герцогство, граничившее с Пентаполисом и с тосканским и кампанским дукатами.

Правители дукатов (duces, magistri militum) были назначаемы императором или экзархом. Каждый дукат имѣл ряд крѣпостей, назначенных для охраны от нападеній лангобардов. В крѣпостях и городах стояли гарнизоны (numerus), а начальником крѣпости и гарнизона был трибун, который являлся военным и гражданским чиновником. Трибуны были назначаемы на должности экзархом и должны были, помимо всего прочаго, завѣдывать сбором налогов. Одну часть этих сборов они препровождали правителям дукатов, а другую отсылали непосредственно центральному правительству.

В италіанском обществѣ V—VI вѣков, как и во всѣх странах средневѣковаго времени, были рабы, вольноотпущенники, крѣпостные крестьяне (servi rustici) и колоны. По своему экономическому положенію всѣ эти разряды по преимуществу сель-

скаго населенія не могли вліять непосредственно на ход исторических событій. Их юридическое положеніе опредѣлялось вполнѣ кодексом Юстиніана, который был введен в Италіи немедленно послѣ его составленія. По своему быту и положенію сельское населеніе византійских владѣній в Италіи мало отличалось от сельскаго населенія лангобардскаго королевства.

В ином положеніи находилось населеніе городов и высшіе классы общества, являвшіеся представителями землевладѣнія. Это по преимуществу городское населеніе равеннскаго экзархата в V и VI вѣках дѣлилось на три класса. Ниже других стоял городской плебс, в состав котораго входили по большей части люди бѣдные, безземельные, имѣвшіе только хижину и содержавшіе себя черною работою; к этому же классу причислялись ремесленники и купцы, которые в городах равеннскаго экзархата, как равно и в Византіи, имѣли свою организацію, унаслѣдованную от античной древности; как ремесленники, так и купцы, составляли так называемыя корпораціи (corpora). Для вступленія в корпорацію требовался опредѣленный, вступительный взнос, а принадлежность к ней являлась страхованіем от неожиданностей жизни, так как обезпечивала членам поддержку и защиту их интересов. Значительно выше плебса стояли землевладѣльцы (possessores), имѣвшіе помѣстья и земли в предѣлах городской территоріи. Наиболѣе зажиточные люди из числа этих землевладѣльцев назывались нобилями (nobiles). Наконец, во главѣ всѣх других классов стояла сенаторская знать, т. е. крупные землевладѣльцы, которые наслѣдственно пользовались титулом римских сенаторов. Хотя столица давно находилась в Константинополѣ, сенат продолжал оставаться в Римѣ, а принадлежность к его составу опредѣляла высшее положеніе в обществѣ.

В составѣ и отношеніях этих классов, а равно в их группировкѣ произошли на пространствѣ времени от VI до VIII вѣка измѣненія, которыя можно установить, пользуясь перепискою папы Григорія Великаго, свидѣтельствами книги папских біографій (liber pontificalis) и формулами извѣстной liber diurnus.

В письмах Григорія Великаго к населенію того или другого из италіанских городов упоминаются в адрессѣ классы населенія, но при этом не в одной и той же послѣдовательности и не всегда одни и тѣ же классы. Так, например, в одних случаях называются три класса: духовенство, высшій класс (ordo) и плебс, а иногда вслѣд за высшим классом упоминаются милиція (milites) или землевладѣльцы (possessores). Пропуск в адрессѣ землевладѣльцев указывает, что уже в ту пору средній класс в лицѣ землевладѣльцев сливался с высшим классом. С другой стороны, появленіе в адрессѣ вслѣд за высшим классом упоминанія милиціи (milites) на том мѣстѣ, гдѣ обычно стояло упоминаніе землевладѣльцев (possessores), указывает, что в данном случаѣ один

терминъ былъ тождественнымъ съ другимъ, т. е. что землевладѣльцы (possessores), насколько они не успѣли слиться съ высшимъ классомъ (ordo), составляли городскую милицію. Однимъ словомъ, во время Григорія Великаго, т. е. въ началѣ VII вѣка, средній классъ городского общества начиналъ уже разслаиваться на два разряда. Одни изъ землевладѣльцевъ и, конечно, тѣ, которые владѣли обширными имѣніями, примкнули къ высшему сенаторскому классу и стали называться nobiles или seniores, а остальные землевладѣльцы составили средній классъ, получившій въ началѣ VII вѣка названіе милиціи. Этотъ процессъ, который намѣчается лишь, судя по письмамъ Григорія Великаго, въ началѣ VII вѣка, получаетъ свое завершеніе къ концу этого вѣка, какъ можно судить по формуламъ извѣстнаго сборника liber diurnus. Въ формулахъ конца VII вѣка, какъ онѣ сохранились въ этомъ сборникѣ, наблюдается исчезновеніе сенаторскаго класса (ordo). Теперь упоминаются четыре класса: 1) клиръ, 2) знать, называемая то вельможной (proceres), то по византійской терминологіи чиновной (axiomatici), 3) милиція (exercitus) и 4) плебсъ. Конечно, высшій классъ не исчезъ, но его теперь перестали называть сенаторскимъ (ordo), ибо онъ слагался изъ остатковъ той сенаторской знати, къ которой присоединилась значительная часть землевладѣльцевъ, выдвинувшихся или своимъ богатствомъ, или полученіемъ византійскихъ чиновъ. Далѣе, терминъ exercitus вполнѣ соотвѣтствуетъ термину milites, который изрѣдка встрѣчается въ письмахъ Григорія Великаго. Являясь правопреемниками и представителями той группы, которая прежде носила названіе землевладѣльцевъ (possessores), milites, конечно, состояли изъ землевладѣльцевъ каждаго городскаго округа. Остается прибавить, что книга папскихъ біографій (liber pontificalis), когда говоритъ о папскихъ выборахъ конца VII вѣка, называетъ тѣ же 4 класса городскаго населенія, какіе упоминаются въ формулахъ liber diurnus. Въ составъ плебса входили бѣдняки, занимавшіеся черною работою, и почетные горожане (cives honesti), т. е. купцы и ремесленники, имѣвшіе свои корпораціи (ars, corpus) и уставы (pactum).

Средній классъ, состоявшій изъ представителей некрупнаго землевладѣнія (milites = possessores) и извѣстный подъ именемъ милиціи (exercitus, militia), пріобрѣлъ въ VII—VIII вѣкахъ значительное политическое вліяніе, какъ это подтверждается наилучшимъ образомъ византійскими оффиціальными актами. Напримѣръ, въ грамотѣ императора Константина, данной по поводу избранія папы, этотъ классъ называется florentissimus et felicissimus Romanus exercitus. Конечно, какъ ни представляется необычнымъ и страннымъ названіе одного изъ городскихъ классовъ милиціей или войскомъ, и какъ бы ни казалось естественнымъ видѣть въ данномъ случаѣ указаніе на византійскій гарнизонъ, находившійся въ Римѣ, но извѣстные факты изъ исторіи VII вѣка не позволяютъ принять подобнаго толкованія.

Особенно это видно из разсказа об инструкціи, данной императором Констанціем II равеннскому экзарху Олимпію, когда император рѣшил арестовать папу Мартина I-го. Этот указ императора дословно приведен в книгѣ папских біографій (liber pontificalis). Император рекомендует Олимпію для болѣе удачнаго исполненія даннаго ему порученія заручиться расположеніем войска (exercitus) в Римѣ. Если бы Олимпію не удалось достигнуть этого, то он ничего не должен предпринимать по отношенію к папѣ до тѣх пор, пока в Римѣ и Равеннѣ не будут собраны болѣе преданныя военныя силы. Если бы дѣло шло о гарнизонѣ, то не могло бы быть рѣчи о предварительной необходимости вывѣдывать настроеніе, заручаться одобреніем, потому что это несогласно было бы с обычно существовавшими отношеніями между высшим военным начальником, каким являлся экзарх, и подчиненными ему войсками. Напротив, наставленія императора представляются вполнѣ естественными и понятными, когда имѣлось в виду проводить политику центральнаго правительства при помощи тѣх городских милицій, которыя существовали в Римѣ, Равеннѣ и других италіанских городах.

Милиція дѣлилась на роты (scholae); каждая рота имѣла свое знамя, свой опредѣленный сборный пункт (numerus) и своего вождя (patronus). Подобныя милиціи были повсемѣстно в Италіи. В книгѣ папских біографій (Liber pontificalis) упоминаются милиціи венеціанская, равеннская, пентаполійская, тосканская, кампанская и даже всей Италіи (exercitus Venetiarum, militia Ravennas, militia totius Italiae). Один из писателей VIII столѣтія Агнел, писавшій о событіях VII столѣтія в значительной степени на основаніи устных преданій, дошедших до него, — сообщает, что все населеніе Равенны (он был уроженец этого города) дѣлилось на 11 батальонов (bandi) городской милиціи, соотвѣтственно 11 кварталам города. Состав городской милиціи выясняется довольно отчетливо, благодаря одной из формул сборника Liber diurnus, в которой дѣло идет об отправленіи экзархом посольства в Константинополь с просьбою об утвержденіи выбора на папскій престол. Так как в выборѣ папы участвовали всѣ классы римскаго населенія, то каждый из них имѣл в составѣ посольства своих представителей. Духовенство, напримѣр, было представлено епископом, священником, нотаріусом и субдіаконом; плебс — двумя почетными гражданами (cives honesti); войско избрало от знати консула (eminentissimus consul) и двух трибунов, которым придан титул viri magnifici, присвоенный по византійским обычаям декуріонам и высшим лицам из класса землевладѣльцев (possessores). Таким образом, в данном случаѣ наблюдается то любопытное явленіе, что знать и землевладѣльцы, разъединенные в одном отношеніи, объединяются в составѣ милиціи. Что именно так стояло дѣло, это видно из разсмотрѣнія

тѣх составных элементов, из которых слагалась знать VII—VIII вѣков. Среди знати (proceres, nobiles, seniores, primates) различали, с одной стороны, потомков прежней сенаторской знати с титулами spectabiles, illustres, clarissimi, а, с другой стороны, лучших людей муниципальной буржуазіи (principales), которым также присвоивался титул clarissimi. В VII—VIII вѣках члены этой знати, наряду с прежними наименованіями, называются в источниках primates exercitus или optimates exercitus, а это обстоятельство свидѣтельствует о том, что в составѣ городских милицій представители знати занимали первыя мѣста.

Таким образом, соціальная организація в равеннском экзархатѣ тѣсно сплелась с военною организаціею, т. е. получила характерную для средневѣковья феодальную окраску. Такое явленіе может быть объяснено в связи с общим положеніем дѣл в Италіи.

Со времени водворенія в римском государствѣ принципата, провинціи были раздѣлены на императорскія и сенаторскія: императорскія расположены были преимущественно на границах, сенаторскія в центрѣ государства. Это различіе вытекало из размѣщенія военных сил: в императорских провинціях вездѣ были стоянки легіонов, в сенаторских их не было. Упоминая о сенаторских провинціях, Тацит называет их (provinciae inermes) неимѣющими вооруженной силы. На самом же дѣлѣ и в этих провинціях существовали муниципальныя милиціи, предназначенныя для обороны и полицейской службы. Такой же порядок вещей удержался в Италіи и в то время, когда она подпала под византійское владычество, ибо обыкновенно византійское правительство в Италіи войска не держало. В частности, в концѣ VI вѣка в Римѣ не было солдат. Григорій Великій в одном из своих писем пишет: sine adjutoriis militum tot annis inter gladios illaesi — servamur, т. е. „без всякой помощи со стороны войск в теченіе цѣлаго ряда лѣт при военном положеніи мы оставались невредимыми“. Это свидѣтельство объясняется сохраненіем в Италіи того же порядка, какой был и во время римской имперіи, начиная с 1-го вѣка. По завоеваніи Италіи византійское правительство приняло мѣры к возстановленію муниципальных милицій: в италіанских городах были набраны отряды, которые получили имена своих городов. Как видно из Ѳеодосіева кодекса, в IV—V вѣках, когда античныя традиціи живо сохранялись, обязанность доставлять рекрутов лежала на землевладѣльцах (possessores), и военная повинность являлась поземельным налогом, особым его видом, который уплачивался в казну двояким образом: или землевладѣлец доставлял извѣстное количество ратников (praebitio tironum) или уплачивал деньгами (aurum tironicum). Такой порядок продержался в Италіи недолго, ибо здѣсь ряды милиціи пополнялись исключительно из землевладѣльцев,

крупных и мелких, и самый факт владѣнія землею налагал обязанность военной службы, которая из косвеннаго налога превратилась в прямой. Эта перемѣна произошла под давленіем внѣшних обстоятельств в силу непрестанных опасностей со стороны лангобардов, когда постоянно нужно было защищать жизнь, имущество и собственность, а в этом дѣлѣ наиболѣе затронуты были выгоды зажиточных классов населенія. Что касается византійскаго правительства, то оно не имѣло основанія опасаться каких-либо осложненій, ибо италіанское населеніе с радостью перешло под власть Византіи, а, с другой стороны, у него не было выбора: имѣя необходимость вести постоянную борьбу с сѣверными варварами и восточными народами, правительство не имѣло возможности держать регулярныя войска в Италіи. Кромѣ того, были приняты мѣры предосторожности, а именно: члены милиціи получали жалованье, и первое время начальниками исключительно назначались люди византійскаго происхожденія. Милиція эта представляла надежный оплот для Италіи и долго оставалась преданною интересам Имперіи. Нужны были исключительныя обстоятельства, чтобы поколебать преданность населенія равеннскаго экзархата и в частности милиціи.

В сущности византійскому правительству не всегда можно было положиться на своих экзархов и других правителей, а приходилось опираться на преданность мѣстнаго населенія. В VII—VIII вѣках цѣлый ряд бунтов и возстаній был произведен византійскими правительственными чиновниками. Этому благопріятствовали разныя обстоятельства: отдаленность Италіи от центральнаго управленія, громадная власть, предоставленная экзарху, а, кромѣ того, примѣр соотечественников представлялся крайне соблазнительным. Византійская исторія знает ряд случаев, когда на престол вступали люди, выдвинутые мятежом. Нѣкоторые счастливцы не только овладѣвали престолом, но и основывали династіи (Юстин, Гераклій, Лев Исаврянин и т. д.). Примѣры эти дѣйствовали на представителей византійской аристократіи заразительно. Эти мятежи начинаются с самого начала VII вѣка. В 616 году правитель Неаполя Іоанн объявил себя независимым. Нѣсколько лѣт спустя экзарх Елевѳерій, побѣдитель Іоанна, сам в 619 году поднял знамя возстанія. Опираясь на лангобардов, он мечтал уже о пурпуровой одеждѣ и императорских инсигніях, но собственные солдаты убили его. В 642 г. в Римѣ возстал хартулярій Мартин. Экзарх Исаак подавил возстаніе с такою жестокостью, которая свидѣтельствовала о большой опасности этого движенія. В 650 г. поднял бунт экзарх Олимпій, присланный Констанціем II для ареста папы Мартина I. Олимпій нашел болѣе удобным, не заботясь об исполненіи данных ему инструкцій, принять сторону папы и попытался основать независимое владѣніе. Папа Мартин I вынужден был признать

его власть, что потом было вмѣнено ему в вину. Два года управлял Олимпій независимо; и только несчастный поход его в Сицилію, гдѣ он погиб в борьбѣ с арабами, избавил Имперію от потери италіанских владѣній. Помимо того, вспыхивали частыя возстанія в Сициліи (658 г., 718 г.) и в других областях. В 729 г. правитель Тосканы Тиверій Петацій, человѣк греческаго происхожденія, поднял почти всю Тоскану и объявил себя императором; только при поддержкѣ папы экзарху удалось схватить бунтовщика и казнить его.

Эти возстанія свидѣтельствовали о безсиліи византійскаго правительства и внушали мѣстному населенію мысль о возможности не считаться с требованіями и политикою Византіи. Мѣстная аристократія в равеннском экзархатѣ, не находя противодѣйствія ни в центральном управленіи, ни в мѣстной администраціи, фактически забирает власть в свои руки, допуская своеволія и всякого рода насилія. Напримѣр, дукс Христофор в 713 г. пытался провозгласить себя независимым правителем в самом Римѣ. Дукс Эксгилярат с двумя сыновьями ведет открытую войну с папами, тѣсня их и нападая на их владѣнія. Пришлось на латеранском соборѣ провозгласить ему анаѳему. Таким образом, можно сказать, что в Италіи задолго до появленія Карла Великаго уже существовал феодальный строй. При таких условіях опорою византійскаго правительства оставались двѣ силы: сочувственное отношеніе мѣстнаго населенія и, с другой стороны, политическая система, которой придерживались папы. Папы чувствовали необходимость поддерживать связи с Византіей.

В VI—VII вѣках страну постигали различныя стихійныя бѣдствія. Современные источники указывают на голод и эпидеміи, уносящія тысячи людей. Иногда и то, и другое бѣдствіе одновременно (напр, в 568—570 гг.) обрушивалось на несчастное населеніе Италіи. К этому присоединялись еще ужасы лангобардскаго завоеванія. Взятые в плѣн лангобардами италіанцы с веревкою на шеѣ были обычным предметом торга на рынках Галліи. Мало улучшенія послѣдовало и впослѣдствіи, когда лангобарды прочно осѣли в Италіи. Рим подвергался нападеніям лангобардских герцогов. Опустошенія были так велики, что почти на каждой страницѣ книги папских біографій (liber pontificalis) говорится о разрушеніи церквей, водопроводов, монастырей. Населеніе только в вѣрѣ и в церкви находило себѣ утѣшеніе. Отсюда понятен союз между папою, представителем церкви, и мѣстным населеніем. Имперія время от времени вспоминала об Италіи и оказывала помощь населенію деньгами и присылкою отрядов, но подобная помощь была случайною и не устраняла бѣдствій тѣм болѣе, что налоги в общем всегда были тяжелы для населенія, страдавшаго от эпидемій, голодовок и жестоких грабежей лангобардов. Собирались налоги безжалостным образом: противоза-

конно сборщики увеличивали бремя налогов, прибѣгали к вымогательству и брали взятки. Примѣр подавали экзархи. Извѣстны факты, когда экзархи брали деньги у церквей под видом займа, не помышляя об отдачѣ. Эти вымогательства приводили в отчаяніе народ и духовенство. Григорій Великій писал: „злоба экзарха нам приносит болѣе зла, чѣм мечи лангобардов; и враги, убивавшіе нас, болѣе милосердны, чѣм императорскіе чиновники, злоба, грабежи, лживость которых раздирают наше сердце".

Тѣм не менѣе населеніе хранило благодарную память о римской государственности (Sancta Respublica), под покровительством которой предки его пребывали в благополучіи. Эта историческая традиція и сознаніе невозможности найти опору внѣ Византіи обезпечивали вѣрность населенія. Когда в Италіи поднял возстаніе Минуцій послѣ умерщвленія в Сиракузах императора Констанція II, италіанцы остались вѣрны его сыну Константину Погонату. Эти добрыя отношенія продолжались до тѣх пор, пока Имперія не затрагивала религіи населенія. На почвѣ религіозной нетерпимости возникла опасность, которая повела к перемѣнѣ политики пап и потерѣ Византіею Италіи. В самом дѣлѣ, когда византійское правительство касалось вопросов вѣры, преданность населенія начинала колебаться. Впервые это обнаружилось, когда император Гераклій опубликовал свой эктезис, который являлся источником моноѳелитской ереси. Указ этот вызвал в Италіи взрыв всеобщаго негодованія; папа Гонорій, признавшій новую религіозную формулу, подвергся всеобщему осужденію. Ортодоксальная вѣра являлась палладіумом, который населеніе защищало с необыкновенной энергіей, как видно из того, что когда папа Мартин I был арестован по приказанію Констанція II, а преемник его Евгеній IV стал склоняться к компромиссу, то в Римѣ чуть не произошел открытый бунт, и населеніе не успокоилось, пока не получило от папы клятвеннаго обѣщанія не вступать в соглашеніе с патріархом-еретиком. В особенное волненіе пришла Италія, когда Юстиніан II Ринотмет приказал арестовать папу Сергія I-го, отказавшагося принять постановленія пято-шестого вселеннаго собора. При вѣсти об опасности, угрожавшей папѣ, поднялся весь равеннскій экзархат, и милиціи Равенны, Пентаполиса и др. городов поспѣшили прибыть в Рим. Римская милиція открыла им ворота и рѣшила дѣйствовать за-одно. Присланный императором протоспаѳарій Захарій должен был искать убѣжища в папском дворцѣ. Толпа ворвалась во дворец, гдѣ Захарій искал спасенія под постелью папы. Только настоянія папы и его авторитет спасли жизнь несчастнаго уполномоченнаго. Он все-таки был с позором и издѣвательствами выпровожден из города. Нѣсколько позднѣе возстановленный вторично на престол Юстиніан жестоко отомстил жителям Равенны за это оскорбленіе. Однако, эта жестокая расправа привела к тому, что между Ита-

ліей и Византіей образовался разрыв, который никогда впослѣдствіи не был уже устранен. Раздраженіе охватило жителей Италіи и особенно Равенны. Когда в 709 г. в равеннскій экзархат прибыл новый экзарх Іоанн Ризокоп, то застал Равенну в открытом бунтѣ и в борьбѣ с ним сложил свою голову.

Таким образом, благожелательное отношеніе к Византіи мѣстнаго италіанскаго населенія в значительной степени было поколеблено, когда в 717 г. на престол вступил Лев III Исаврянин, основатель новой византійской династіи. Так как император вынужден был вести напряженную борьбу против арабов, во главѣ которых стояли энергичные халифы, то открытый бунт, который сопровождался убійством экзарха, остался безнаказанным тѣм болѣе, что император благоразумно не желал поднимать старых дѣл. Однако, Лев III оказался виновником новаго движенія в Италіи, которое привело населеніе к убѣжденію о невозможности оставаться в условіях прежняго соединенія с Имперіей, а пап, бывших руководителями населенія, привело к мысли о необходимости постараться найти другую опору в лицѣ франкских государей. Одним словом Лев III и ряд его преемников явились виновниками окончательнаго охлажденія италіанскаго населенія к Византіи в силу того, что он сам и его преемники в теченіе свыше 110 лѣт вели иконоборческую религіозную политику. Когда был опубликован первый иконоборческій эдикт, изданный Львом III, то поднялся весь равеннскій экзархат. Венеція, Пентаполис, Рим единогласно отказались подчиняться требованіям эдикта. На всем протяженіи равеннскаго экзархата представители императорской власти были изгнаны или убиты. Погиб в Равеннѣ и экзарх Павел. В Италіи серьезно начали думать о необходимости провозгласить новаго императора на мѣсто иконоборца, а пока вошли в соглашеніе с лангобардским королем Ліутпрандом. Италіанцы добровольно открывали ворота своих городов и впускали лангобардскіе гарнизоны. Настал для лангобардов тот вожделѣнный и счастливый момент, когда на почвѣ общих религіозных интересов можно было разсчитывать на достиженіе желаннаго территоріальнаго объединенія. Такому исходу воспрепятствовала политика папы Григорія II. При вѣсти о возстаніи в Италіи Лев III, не имѣя возможности отвлечь всѣ силы от Востока, ограничился тѣм, что отправил в Равенну новаго экзарха Евтихія. Снабженный только полномочіями, он не имѣл бы никакого успѣха, если бы ему не помог папа. Григорію II господство Византіи было болѣе желанным, нежели господство лангобардскаго короля Ліутпранда. Если бы вся Италія объединилась под властью лангобардов, папѣ грозила бы судьба опуститься в ряды обыкновенных епископов одного из варварских государств. При отдаленности Византіи дѣла слагались так, что папа являлся представителем государственной власти, как бы по довѣрію со стороны

византійскаго правительства. Этот элемент фактической, а не юридической власти, должен был исчезнуть в случаѣ объединенія Италіи. Григорій II принял всѣ мѣры для успокоенія населенія, а потому бунт 727 г., не найдя поддержки со стороны папскаго престола, постепенно погас. Евтихій мог свободно прійти в Равенну и открыть переговоры с Ліутпрандом. С лангобардским королем был заключен мирный договор, в силу котораго обѣ стороны остались при прежних своих владѣніях. Италіанцы вмѣсто того, чтобы с оружіем в руках защищать правое дѣло, ограничились тѣм, что в самых вѣрноподданнических выраженіях просили императора оказывать иконам тѣ почести, какія им подобают.

Хотя движеніе 727 года в силу поддержки со стороны папскаго престола окончилось для Византіи благополучно, но все же эти событія предуказывали возможность наступленія такого момента, когда Византія должна была потерять свои италіанскія владѣнія вслѣдствіе той упорной иконоборческой политики, которой придерживалось византійское правительство. Населеніе Италіи вполнѣ готово было послѣдовать указаніям папскаго престола, а для послѣдняго необходимо было отыскать внѣшнюю политическую силу, на которую возможно было бы с увѣренностью положиться. Дѣйствительно, не прошло и нѣскольких десятилѣтій, как русло папской политики, намѣченное еще со времени Григорія I-го, приняло окончательное направленіе в пользу сближенія с западною могущественною силою в лицѣ Пипинидов или Каролингов. Это сближеніе пап с франкской монархіей привело к потерѣ Византіей большей части экзархата и затѣм к возстановленію Западной римской имперіи в формѣ коронованія Карла Великаго императорскою короною в 800 г. Можно сказать, что ход исторических событій в Византіи VIII—IX вѣков опредѣлил историческія судьбы Италіи и всей Западной Европы.

Исторіографія Византіи VIII—IX вв.

Главными источниками исторіи Византіи VIII—IX вв. являются сочиненія Ѳеофана Исповѣдника, патріарха константинопольскаго Никифора и всемірная исторія монаха Георгія Амартола.

Ѳеофан Исповѣдник родился в Константинополѣ в царствованіе второго императора Исаврійской династіи — Константина Копронима (741—775). Он был единственным сыном в богатой семьѣ, получил достаточное по тому времени образованіе и женился на дочери чиновника, носившаго титул патриція. Брак его был несчастливым. Как скромно выражается о себѣ Ѳеофан, он в бракѣ был Іосифом Прекрасным. Всѣ его симпатіи и настроенія влекли

его от суетнаго міра в тишину монастырскаго уединенія. Послѣ кратковременнаго сожительства с женою он принял иноческій чин и, как человѣк состоятельный, не замедлил основать свой собственный монастырь *Τοῦ μεγάλου Ἀγροῦ* в прекрасной мѣстности, на берегах Мраморнаго моря, недалеко от г. Кизика. Когда были опубликованы эдикты императора, направленные против почитанія икон, и в Византіи образовались двѣ религіозно-политическія партіи, Θеофан оказался в числѣ горячих сторонников иконопочитанія, мужественно выступая и проповѣдями, и письмами против политики тогдашняго императора Льва V Армянина. Θеофан был вызван в Константинополь, судим и сослан на остров Самоθракію, гдѣ и скончался около 817 г. За преданность и пылкую защиту иконопочитанія церкви Западная и Восточная причислили его к лику святых.

Будучи прославлен богословскими сочиненіями и религіозною борьбою, Θеофан из богослова сдѣлался историком по настоятельной просьбѣ друга своего Георгія Синкелла, который перед смертью просил Θеофана окончить начатую им всемірную исторію. Георгій Синкелл довел свое изложеніе до Діоклетіана, а Θеофан продолжил этот труд и довел до сверженія императора Михаила I Рангави, т. е. изложил событія 284—813 гг. „Хронографія" Θеофана была написана в період времени между смертью Георгія Синкелла, которая послѣдовала в 810—811 г., и заточеніем Θеофана на Самоθракію (814—815 г.). Главный принцип или форма его труда могут быть названы хронологическими, ибо автор ведет изложеніе событій по годам от сотворенія міра и годам царствованія императоров. Этот лѣтописный способ установился давно уже в византійской исторіографіи, но Θеофан значительно расширил его, присоединяя годы правленія персидских и арабских государей и 5 вселенских патріархов. Об источниках своих Θеофан упоминает в исключительных случаях, вслѣдствіе чего опредѣленіе круга источников, которыми он пользовался, приходится дѣлать лишь на основаніи изученія текста. Для болѣе ранняго времени Θеофан пользовался церковными исторіями Сократа, Созомена и Θеодорита и сочиненіями Прокопія, Агаθія, Θеофилакта Симокатты, Малалы и Георгія Писидскаго. Кромѣ того, он пользовался и такими источниками, которые не дошли до нас. Так, напр., сообщая свѣдѣнія о Магометѣ и первых халифах, он, повидимому, пользовался какими-то сиро-греческими источниками, теперь совершенно утраченными. Начитанность, хронологическая точность, достаточная критика, знаніе огромнаго матеріала, все это такія черты, которыя справедливо дают возможность считать Θеофана хорошим богословом и историком. Его сочиненіе замѣняет до нѣкоторой степени многочисленную потерянную литературу. Для позднѣйших писателей и хронистов его „Хронографія" сдѣлалась основою исторических знаній, вслѣд-

ствіе чего его историческій труд является до нѣкоторой степени завершеніем разработки старинной византійской исторіографіи. Θеофан как бы замкнул круг всѣх предшествовавших историков и в своем трудѣ собрал все богатство историческаго матеріала. Θеофан не пользовался античною прозою, которая стала входить в моду с XI вѣка; он чужд также народнаго разговорнаго языка того времени; его язык отличается серьезностью и занимает середину между народною и искусственною эллинскою прозою, к которой прибѣгали многіе его современники.

Довольно рано „Хронографія" Θеофана была переведена на другіе языки. Латинскій перевод, сдѣланный знаменитым Анастасіем Библіотекарем в концѣ IX столѣтія, для развитія западно-европейской анналистики оказался не менѣе важным, чѣм подлинник для развитія византійской анналистики: повсюду труд Θеофана стал образцом историческаго изложенія. Почти всѣ византійскіе хронисты обращались к Θеофану, как к своему источнику, а в частности Георгій Амартол усердно его использовал, Константин же Порфирородный черпал из этого труда обѣими руками. Сочиненіе Θеофана издано Комбефисом в Парижском корпусѣ, а в Боннском оно вышло под редакціей Классена и Беккера (два тома, в 1839—1841 г.г.) и перепечатано в „Патрологіи" Миня, т. 108.

Большія достоинства „Хронографіи" Θеофана вызвали цѣлый ряд продолженій, составленных анонимными писателями, извѣстными под именем продолжателей Θеофана (*Οἱ μετὰ Θεοφάνην*, scriptores post Theophanem), работавших по порученію императора Константина Порфиророднаго. В этом продолженіи дан обзор событій с 813 по 961 г., составленный в 6 книгах по такому плану, что на изложеніе царствованія каждаго императора отведена цѣлая книга. Первая книга обнимает собою изложеніе царствованія Льва V Армянина, 2-я Михаила II, 3-я Θеофила, 4-я Михаила III, 5-я Василія Македонянина, а 6-я представляет изложеніе царствованій Льва VI Мудраго, Александра, Константина VII Порфиророднаго, Романа I-го и Романа II. Это продолженіе „Хронографіи" Θеофана, составленное по повелѣнію императора Константина VII, отличается существенным недостатком, заключающимся в восхваленіи государей Македонской династіи, при чем обнаруживается стремленіе унизить и уронить заслуги предшествовавших императоров. Особенно же хвалебный тон господствует в V книгѣ, посвященной Василію Македонянину, основателю династіи.

Продолжатели Θеофана изданы Комбефисом в Парижском корпусѣ и в Боннском Беккером (в 1838 г.), а перепечатаны в „Патрологіи" Миня, т. 109.

Большое значеніе имѣет литературная дѣятельность патріарха Никифора. Он был извѣстным борцом за иконопочитаніе

и другом Өеодора Студита. Занявши патріаршій престол (808—815) послѣ знаменитаго патріарха Тарасія, Никифор рѣшительно вступил в борьбу со свѣтскою властью в лицѣ Льва V Армянина (813—820). Борьба окончилась тѣм, что император предал Никифора суду, лишил его сана и сослал в монастырь, гдѣ он и умер в 829 г.

Кромѣ многочисленных богословских сочиненій, составленных в защиту иконопочитанія, плодом литературной дѣятельности Никифора являются два труда историческаго содержанія. Одно из них *Χρονογραφικὸν σύντομον* представляет хронографическій перечень событій от Адама до 829 г. Изложеніе этого труда в высшей степени сухое и дает в сущности списки правителей іудеев, персов, Птолемеев, римских императоров, пяти вселенских патріархов. Болѣе важное значеніе имѣет другой труд его: *ἱστορία σύντομος ἀπὸ τῆς Μαυρικίου βασιλείας*, извѣстный болѣе под латинским названіем Breviarium Nicephori. В этом сочиненіи дано изложеніе событій со времени кончины императора Маврикія до женитьбы старшаго сына Константина Копронима Льва IV, предпослѣдняго императора из Исаврійской династіи. Так как труд этот предназначался для широкаго круга читателей, то неудивительно, что в нем Никифор обращал главное вниманіе на изложеніе личных обстоятельств из жизни исторических дѣятелей, переворотов, церковных пожертвованій и богословских споров, касаясь лишь поверхностно политическаго хода событій. Не смотря на недостатки, которые ставят этот труд ниже Өеофанова, в изложеніи его встрѣчаются важныя сообщенія. Особенную цѣну имѣет этнографическій очерк о происхожденіи и о странствованіях болгар. Характерно то обстоятельство, что этот этнографическій очерк, драгоцѣнный памятник для славянской исторіи, был почти буквально помѣщен в „Хронографіи" Өеофана. Однако, сравненіе текста обоих писателей приводит к выводу, что ни тот, ни другой не заимствовали один у другого, а оба взяли этот отрывок из какого го источника, остающагося неизвѣстным. Вообще оба писателя (Өеофан и Никифор) довольно часто совпадают в своем изложеніи, но ближайшее разсмотрѣніе приводит к выводу, что оба они пользовались одним источником, теперь уже несуществующим и сохранившимся лишь в изложеніи этих писателей. Среди других византійских хронистов Никифор выдѣляется простотою и ясностью своего изложенія.

Хотя сочиненія Никифора изданы во всѣх корпусах исторіи Византіи, но лучшим изданіем считается изданіе Де-Боора в составѣ Тейбнеровской библіотеки (Lpz. 1880).

Для начала IX вѣка довольно важным источником является сочиненіе Георгія Амартола. Оно составлено было в царствованіе Михаила III и представляет обширный труд, раздѣленный на четыре книги, под заглавіем: *χρονικὸν σύντομον*. К сожалѣнію,

почти никаких данных о жизни Амартола неизвѣстно. Он был монахом, что засвидѣтельствовано его прозваніем Амартол, склонен был к богословским разсужденіям, был горячим защитником иконопочитанія и ожесточенным врагом иконоборцев. Сочиненіе свое он закончил незадолго перед смертью Михаила III, т. е. в 866 или 867 г. Подобно другим византійским писателям, Амартол начал изложеніе своей исторіи от Адама и довел ее почти до смерти Өеофила (умершаго в 842), когда фактически прекратилось иконоборчество. К этой основѣ почитатели Амартола, которых было огромное количество, прибавляли в своих рукописях дальнѣйшее изложеніе событій. Образовались цѣлыя серіи продолженій. В одних из этих рукописей изложеніе событій доведено до 948 г., в других до 1071, 1081 года, а в нѣкоторых до 1143 года. Это обиліе редакцій свидѣтельствует об огромной извѣстности, которою пользовалась хроника Амартола в послѣдующіе вѣка. План его сочиненія не отличается простотою или послѣдовательностью. Сочиненіе раздѣлено на четыре книги, но матеріал расположен по довольно затѣйливому плану. В первой книгѣ идут разсказы об Адамѣ, Нимвродѣ, Нинѣ, персах, римлянах, Филиппѣ Македонском, Александрѣ Великом, браманах, халдеях, амазонках и т. д. Таким образом, первая книга представляет нѣчто в родѣ хрестоматіи о разнообразных происшествіях на всем протяженіи цѣлаго ряда вѣков. Со 2-ой книги начинается послѣдовательное изложеніе библейской исторіи от Адама и до времени римскаго владычества, с присоединеніем разсказов о Платонѣ, идолопоклонствѣ и др. Третья книга представляет изложеніе римской исторіи от Юлія Цезаря до Константина. В четвертой книгѣ хроники дано изложеніе римско-византійской исторіи от времени Константина Великаго до 842 г. Автор старался без прикрас и просто изложить событія. Хроника Амартола представляет драгоцѣнный памятник, который дает возможность судить о духѣ, настроеніи и литературных вкусах византійскаго монашества, а, с другой стороны, позволяет судить о литературном уровнѣ и литературных теченіях, оказавших вліяніе на славянскіе народы. Какими источниками пользовался Амартол при составленіи первых трех книг своего сочиненія, трудно судить отчасти потому, что доселѣ нѣт хорошаго изданія. При составленіи четвертой книги хроники он пользовался трудами Өеофана Исповѣдника и патріарха Никифора, а в послѣдних частях книги является самостоятельным писателем. Изложеніе событій 813—842 гг. есть единственная запись современника. К сожалѣнію, все вниманіе Амартол обратил на борьбу за иконы и церковныя дѣла, а свѣтской исторіи касается сравнительно рѣдко.

Начиная с IX вѣка, хроника Амартола вслѣдствіе того, что написана была простым языком, стала излюбленною книгою.

Подобно хроникѣ Малалы, она рано была переведена на славянскіе языки. В настоящее время извѣстно 12 изводов болгарско-славянской и сербо-славянской редакцій. Перенесенная на Русь, эта хроника сдѣлалась излюбленной книгой, из которой читатели почерпали свои историческія познанія вплоть до XVI столѣтія.

Заключительная часть хроники Амартола, с присоединеніем продолженія (823—948 гг.), была издана Камбефисом в Парижском корпусѣ. Полное изданіе хроники, принадлежащее Муральту (Petropoli, 1859), признается неудачным. Изданіе это повторено в „Патрологіи" Миня, т. 110.

Исторія Византіи в эпоху иконоборства.

Восьмой вѣк и первая половина девятаго вѣка протекли в ожесточенной борьбѣ против почитанія икон. Вмѣстѣ с тѣм это было то время, когда вполнѣ опредѣлились характерныя черты византинизма.

Послѣ цѣлаго ряда смут, в мартѣ 717 года, на византійскій престол вступил Лев III Исаврянин, замѣчательный государственный дѣятель. Если историческая традиція отказала ему в наименованіи Великим, то это призошло оттого, что на него пали тѣнь и отвѣтственность за возбужденіе вопроса об иконопочитаніи, а личность его была умалена и омрачена в исторической литературѣ, сохранившейся лишь в изложеніи его политических и религіозных врагов. В теченіе своего царствованія (717—741) Лев III произвел цѣлый ряд реформ и успѣл обезпечить и упрочить политическое могущество Византіи.

Император Лев III родился в г. Германикіи, расположенном на границах Киликіи, Сиріи и Арменіи, и, повидимому, был родом сиріец. Еще в царствованіе Юстиніана II, не позже 695 г., он переселился в г. Месембрію (во Ѳракіи). Выдвинувшись службою в войсках, он скоро пріобрѣл высокое положеніе в византійской администраціи. По крайней мѣрѣ, уже в царствованіе Юстиніана II он имѣл титул спаѳарія. Повидимому, своими дѣйствіями, обнаружившими в нем человѣка с выдающимися способностями, он навлек на себя подозрѣніе со стороны Юстиніана II и был отправлен с опасною дипломатическою миссіею в Грузію. По счастливом возвращеніи оттуда, он при императорѣ Анастасіи II получил титул патриція, а затѣм был назначен стратегом Анатолики. Состоя администратором одной из самых значительных областей Малой Азіи, Лев сблизился и породнился с армянином Артавасдом, правителем Арменіака. Вмѣстѣ с ним он двинулся на Константинополь против императора Ѳеодосія III, который поспѣшил отречься от престола. Счастливый побѣдитель был признан безо всякаго сопротивленія императором.

Вступив на престол, Лев III прежде всего должен был озаботиться устраненіем громадной опасности, угрожавшей Византіи со стороны мусульманскаго міра. Хотя Омейяды не отличались особенною воинственностью, но воинственный пыл арабскаго міра еще не остыл окончательно. В началѣ VIII столѣтія арабы с двух сторон угрожали христіанскому міру: переходя через Малую Азію, они наступали на византійскіе предѣлы, а, с другой стороны, через Испанію угрожали франкскому государству. Едва Лев III занял престол, как ему пришлось выдержать тяжелую осаду в своей собственной столицѣ. Знаменитый арабскій полководец Маслама, пройдя через Виѳинію, весною 717 года, почти сейчас послѣ вступленія на престол Льва III, перешел Геллеспонт. Константинополь был осажден с суши и с моря, так как Маслама привел с собою довольно значительный флот, набранный из приморских греческих стран. Столица была совершенно отрѣзана от внѣшняго міра. Хотя осажденным удалось при помощи греческаго огня истребить непріятельскій флот, но опасность не была устранена. По приказанію халифа Сулеймана, Маслама должен был перезимовать под стѣнами Константинополя, в ожиданіи прибытія новаго флота. Весною 718 года прибыл флот, присланный преемником Сулеймана Омаром II; и жители столицы оказались опять в затруднительном положеніи. Правда, вновь прибывшій флот не помог дѣлу. Отчасти благодаря греческому огню, отчасти благодаря измѣнѣ, закравшейся во флот, столица была спасена, и арабы сняли осаду. В августѣ 718 г. при возвращеніи арабов разразившаяся буря истребила остатки флота. За время осады арабы понесли тяжкія потери: из 180 тыс. уцѣлѣло около 40 тыс. людей, а из 2500 суден осталось не болѣе 5. В данном случаѣ важнѣе всего было то, что арабскому міру был нанесен тяжкій и чувствительный удар, который привел Восток к убѣжденію о невозможности завоевать Константинополь. Почти одновременно с этим, 14 годами позже, арабам нанесен был другой чувствительный удар франками, которые, под предводительством майордома Карла, разбили арабов в битвѣ между Туром и Пуатье и этим остановили распространеніе халифата на Западѣ. Впрочем, война с арабским халифатом не прекратилась, и театром военных дѣйствій была Малая Азія. Усилія императора были направлены к тому, чтобы оттѣснить врагов за Тавр. С новой силой война вспыхнула, когда арабы в 740 году двинули огромныя силы на Византію. Рѣшительное сраженіе произошло в Анатоликѣ (древняя Фригія) при Акроинѣ, недалеко от Дорилеи. Престарѣлый император нанес здѣсь арабам такое тяжкое пораженіе, что надолго какая-либо серьезная опасность со стороны халифата была устранена.

731-32 гг.

Обезопасивши Имперію на востокѣ, император принял мѣры к защитѣ ея и на сѣверѣ. Со времени Гераклійской династіи на

сѣверѣ Балканскаго полуострова упрочилось владычество болгар, занявших страну от Дуная до Балкан. Болгары были непріятными сосѣдями для Византіи. Будучи еще язычниками, сохраняя в нравах много туранской дикости, болгары часто безпокоили предѣлы сѣверной Ѳракіи и неоднократно вмѣшивались в рѣшеніе византійских вопросов. Так, напр., возстановленіе на престолѣ Юстиніана II обусловлено было поддержкою болгар. Желая с этой стороны обезпечить себя от безпокойных сосѣдей, Лев III завязал дружественныя сношенія с хозарами. В южной части нынѣшней Россіи, от Волги до Дона и даже средняго Приднѣпровья, распространялась сильная и обширная держава хозар. При помощи этих союзников ему нетрудно было сдерживать своих сѣверных сосѣдей. Чтобы скрѣпить союз, Лев женил своего сына и наслѣдника Константина на хозарской принцессѣ, получившей при крещеніи имя Ирины.

Не менѣе была успѣшна и плодотворна для государства внутренняя дѣятельность Льва III. Повидимому, он имѣл в виду возрожденіе Имперіи и осуществлял это дѣло по широко задуманному плану. Так, он обратил вниманіе на улучшеніе законодательства, которое, несмотря на наличность знаменитаго Юстиніанова кодекса, было несовершенным, ибо нормы кодекса не соотвѣтствовали измѣнившимся условіям жизни, а, с другой стороны, постепенно накопился в видѣ новелл различных императоров довольно огромный матеріал, который нуждался в систематизаціи. Император придавал особенную важность этому дѣлу, так как понимал, что отсутствіе опредѣленных и ясных юридических норм служит источником броженія и неудовольствія населенія. Около 740 года была издана Эклога (*'Εκλογὴ τῶν νόμων*), т. е. „выборка законов, учиненная Львом и Константином в смыслѣ бóльшаго человѣколюбія“ (*εἰς τὸ φιλανθρωπότερον*). Эклога представляла собою краткій свод дѣйствовавшаго права и имѣла то преимущество, по сравненію с прежними сводами, что в ней впервые обнаруживается гуманитарное вліяніе христіанства. Современные юристы могут с удовольствіем отмѣтить многія гуманитарныя начала, которыми была проникнута эклога. В качествѣ дополненія к эклогѣ был издан „Земледѣльческій устав“ (*Νόμος γεωργικός*), опредѣлявшій правовое положеніе свободных крестьян и отношенія арендаторов к землевладѣльцам. При изданіи этого „устава“ были приняты во вниманіе не только экономическія отношенія, но и соображенія политическаго характера. В эту пору весьма много областей византійской имперіи были заселены чуждыми основному населенію толпами пришлаго люда. Такими пришлыми во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи и Мореѣ были славянскіе поселенцы, а области Малой Азіи были заселены выходцами из предѣлов арабскаго халифата, представителями различных христіанских сект и армянами. Законодатель не мог

оставить без вниманія этот наплыв инородцев, поселенных на землях, отведенных государством, или на землях крупных землевладѣльцев.

Эти заботы о новых условіях правового положенія крестьян и инородцев, которых по большей части заставляли нести военную службу, дают основаніе думать, что ко времени Льва III окончательно опредѣлились основы ѳемнаго устройства. По замѣчанію проф. Ѳ. И. Успенскаго, „ѳема представляла собою именно такую организацію живущаго в ней сельскаго населенія, при которой бы оно могло с наибольшим успѣхом отбывать воинскую повинность“ (См. Извѣстія русскаго археологическаго института, VI, 1 его статью: „Военное устройство византійской имперіи“, стр. 198). Он же в упомянутой статьѣ признает, что „армяне и славяне значительно усилили населеніе восточных провинцій и способствовали утвержденію новой организаціи военнаго дѣла“ (стр. 203). Все это указывает на время Льва III, как пору окончательнаго установленія ѳемнаго устройства. Нѣмецкій ученый Гельцер, который, подобно французскому ученому Дилю, сущность ѳемнаго устройства усматривал в соединеніи военной и гражданской власти над областью в руках одного лица, каким в каждой ѳемѣ являлся начальник войска стратег, — пріурочивал окончательное установленіе ѳемнаго устройства к царствованію Льва III на том основаніи, что с этого времени не встрѣчается болѣе свидѣтельств о существованіи прежних провинцій, по византійски епархій (ἐπαρχία = provincia). Не взирая на возраженія проф. Ѳ. Успенскаго, необходимо согласиться с мнѣніем других ученых (Диль, Бэри и Ю. Кулаковскій), что слово „ѳема“ употреблялось сначала для наименованія военнаго отряда, преимущественно кавалерійскаго по своему составу, а потом было перенесено для наименованія областей Имперіи. Уже сам по себѣ этот факт указывает на военный источник происхожденія ѳемнаго административнаго устройства: наименованіе военной единицы византійской арміи было усвоено административному округу, в котором была расположена на стоянкѣ боевая единица, и из жителей котораго она набиралась. Тѣм не менѣе, не взирая на обширность литературы, вопрос о ѳемах далеко не может считаться окончательно разрѣшенным, так как остается спорным, была ли гражданская администрація подчинена стратегу ѳемы. Проф. Ѳ. Успенскій довольно убѣдительно отстаивает мнѣніе, что в ѳемах гражданская администрація, во главѣ которой стоял протонотарій, была вполнѣ независима от стратегов.

Как бы то ни было, нельзя все таки отрицать, что под вліяніем постоянных военных опасностей старая Константино-Діоклетіанова система областнаго управленія, основанная на принципѣ полнаго раздѣленія гражданской и военной власти, постепенно клонилась к упадку, начиная уже со времени Юстиніана

Великаго, как это было указано выше (см. стр. 218—219), и что гражданскіе представители власти отступали на второе мѣсто перед представителями военной власти.

Количество ѳем и их размѣры довольно часто измѣнялись в силу того, что правительство иной раз одну ѳему дѣлило на нѣсколько, а иной раз соединяло нѣсколько ѳем в одну. При Львѣ III было, повидимому, около 7 ѳем в Азіи, а именно: Опсикій, Анатолик, Ѳракисій, Арменіак, Кивиреот, Букелларій и Колонія. В Европѣ, за исключеніем равеннскаго экзархата, насчитывалось в эту же пору 4 ѳемы: Ѳракія, Эллада с Пелопоннесом, Македонія и Сицилія с Калабріей.

Начальники ѳем назывались стратегами, но нѣкоторые из правителей ѳем, кромѣ этого родового наименованія, имѣли названія дуков или катепанов. Так обыкновенно назывались правители болѣе значительных и пограничных ѳем. Всѣ правители ѳем, назначаемые на должность по личному усмотрѣнію императора, занимали высокое положеніе в государствѣ и обыкновенно носили титул патриціев. Каждая ѳема дѣлилась на турмы, число которых зависѣло от размѣра и населенности ѳемы. Во главѣ этих округов стояли турмархи. Так как стратег и турмархи назывались и судьями (*κριτής*), то это доказывает, что они вѣдали также и гражданскія дѣла. В отдѣльных мѣстностях, гдѣ были проходы через горы (клисуры), стояли гарнизоны, начальники которых назывались клисурархами. Для разрѣшенія судебных дѣл, возникавших в связи с сбором податей, и для завѣдыванія финансовыми дѣлами ѳемы назначаемы были протонотаріи, которые не состояли в подчиненіи стратегу и имѣли непосредственныя сношенія с центральным правительством.

Введеніем ѳемнаго устройства в византійской имперіи была предотвращена опасность от скопленія военных сил, предводители которых часто являлись виновниками государственных переворотов. Теперь не было необходимости держать на границах громадныя арміи, ибо правители областей с успѣхом могли отражать нападенія врага или удержать его от наступленія, пока стягивались отряды арміи.

Заботы императора о промышленности и торговлѣ (напр., при нем издан был морской устав, *νόμος ναυτικός*) способствовали увеличенію благосостоянія городских классов населенія, хотя размѣры поземельнаго налога были увеличены путем надбавок на каждую номисму налога двух кератіев (дикарат) и шести пулл (экзафолл), т. е. почти на 9%. Тяжесть налоговаго бремени объясняется не столько злоупотребленіями, которых было сравнительно мало при строгости центральнаго правительства, сколько постоянными войнами, которыя приходилось вести с различными сосѣдями. Это финансовое бремя было в началѣ VIII столѣтія

так велико, что многіе византійцы искренно завидовали своим единоплеменникам, жившим под властью арабов.

Главным образом император вызывал против себя жалобы и негодованіе многочисленных кругов населенія своею религіозною политикою. Будучи человѣком непреклонной воли и опираясь на поддержку нѣкоторой части общества и духовенства, Лев III задумал искоренить суевѣрныя и несогласныя с духом христіанства формы иконопочитанія. К сожалѣнію, в данном случаѣ император, слѣдуя примѣру многих своих предшественников, дѣйствовал слишком самовластно и без достаточной осторожности, а потому сдѣлался виновником печальных смут в Имперіи. Вмѣстѣ с плевелами он рѣшил вырвать и пшеницу на церковной нивѣ.

Уже в концѣ существованія античнаго міра среди христіан распространилось поклоненіе и почитаніе изображеній Бога, Іисуса Христа и святых. Сам по себѣ этот обычай удовлетворял высоким эстетическим побужденіям человѣческой природы и был источником проявленія чистых духовных наслажденій вѣрующих христіан. Нельзя отрицать, однако, и того, что при низком умственном уровнѣ масс это поклоненіе иногда получало уродливую и несогласную с понятіем об истинном христіанствѣ форму. Поклоняясь иконам, многіе забывали о том, что молитва должна возноситься не иконѣ, а святому, лик котораго изображен, а вслѣдствіе этого поклоненіе иконам вырождалось в идолопоклонство. Это извращеніе принимало в Византіи иногда непонятныя и дикія формы. Напр., нѣкоторые усердные поклонники соскабливали краски с иконы, смѣшивали их с вином или водою и выпивали при причастіи или во время болѣзни вмѣсто лѣкарства. Другіе доходили до того, что к иконам относились, как к живым существам. Бывали случаи, что в воспріемные отцы родившимся младенцам выбирали ту или другую икону. Разумѣется, подобныя извращенія возмущали религіозныя чувства просвѣщенных людей, которые справедливо усматривали в этом идолопоклонство. Подобных воззрѣній на злоупотребленія не чужды были и многіе представители высшаго духовенства.

Так как в Византіи было много еретиков, которые совершенно отвергали поклоненіе иконам (монтанисты, павликіане), и так как поклоненіе иконам вызывало нареканія со стороны евреев и мусульман, которые называли христіан идолопоклонниками, то неудивительно, что все больше и больше назрѣвал вопрос о необходимости установить правильныя формы иконопочитанія тѣм болѣе, что вопросы догматическаго характера уже были порѣшены вселенскими соборами, а пято-шестой вселенскій собор занимался вопросами дисциплины церковной. Таким образом, по ходу религіозной мысли естественно выдвигался вопрос о необходимости установить правильный взгляд на поклоненіе иконам.

Возмущенный суевѣріем, распространенным в народѣ, Лев III пожелал уничтожить его обычным орудіем византійскаго самодержавія, слѣдуя в этом случаѣ соблазительному примѣру многих своих предшественников. Император считал возможным разрѣшеніе этого вопроса эдиктом тѣм болѣе, что обычай почитанія икон не имѣл догматическаго характера. Одним словом, вопрос этот не представлялся энергичному императору сложным и трудным особенно в виду того, что многіе малоазійскіе епископы враждебно относились к иконопочитанію (Ѳеодосій Эфесскій, Константин Наколійскій в Фригіи, Ѳома Клавдіопольскій в Пафлагоніи). Император не взвѣсил лишь того, что он затрагивал тѣ чувства народной массы, которыя понятнѣе и ближе ей, чѣм разрѣшеніе догматических вопросов. Вопрос о двух естествах и волях в природѣ Христа мало занимал умы населенія, но вопрос о поклоненіи иконам, которыя являлись предметом христіанскаго обихода не только в храмах, но и в домах, затрагивал чувства народа и вызывал глухое и упорное негодованіе, которое нельзя было подавить строгостями и преслѣдованіями. Если бы Лев III располагал большею предусмотрительностью и предвидѣл плачевныя послѣдствія своего шага, он никогда не рѣшился бы вступить на путь гоненія против иконопочитанія. Опираясь на поддержку преданнаго ему войска и сочувствіе нѣкоторых кругов общества и духовенства, он в 726 году предпринял мѣры, направленныя против почитанія икон, приготовленіе которых считал дѣлом идольскаго искусства. По приказу императора началось в столицѣ и других городах разрушеніе и выламываніе из стѣн церквей икон. Эти дѣйствія властей вызывали бурное сопротивленіе со стороны почитателей икон и приводили часто к пролитію крови и убійствам. Негодованіе и ужас перед нечестіем правительства охватили широкіе круги населенія. Прежде всего, эдиктом были задѣты интересы монахов. В Византіи было много монастырей, обитатели которых один из главных источников своих доходов имѣли от сбыта изготовляемых ими икон. Таким образом, ограниченіем в поклоненіи иконам наносился чувствительный удар благосостоянію монастырей. С другой стороны, женщины всѣх классов общества не сочувственно относились к начавшемуся преслѣдованію. В различных частях Имперіи не замедлили вспыхнуть открытые мятежи и бунты против нечестиваго императора. Весь равеннскій экзархат встал на защиту икон, как один человѣк. Правда, в Италіи вслѣдствіе благопріятной политики папы Григорія II движеніе это не привело к значительным осложненіям, но не так было в других мѣстностях Византіи. На островах Эгейскаго моря и в Элладѣ поднялся открытый бунт. Бунтовщики собрали громадный флот, выставили себя защитниками христіанства, провозгласили новаго императора в лицѣ Косьмы и двинулись к Константинополю. Флот, подо-

шедшій к столицѣ в 727 г., был истреблен, а Косьма и его сторонники поплатились смертью.

Сопротивленіе со стороны константинопольскаго патріарха Германа и знаменитыя посланія глубокаго богослова и поэта Іоанна Дамаскина („Три слова против порицающих иконы“) окончательно ожесточили императора, который в 730 году приказал из всѣх церквей вынести иконы, а изображенія святых, сдѣланныя на стѣнах храмов, покрыть известкою или красками. В Италіи, гдѣ в февралѣ 731 года скончался умѣренный и осторожный папа Григорій II, не замедлили произойти чрезвычайныя осложненія. Папа Григорій III рѣшительно вооружился против мѣропріятій императора. На мѣстном римском соборѣ он отлучил от церкви и произнес проклятіе против врагов иконопочитанія. Не имѣя возможности силою отплатить за это оскорбленіе, ибо посланный им флот потерпѣл крушеніе, Лев III рѣшился провести такую мѣру, которая должна была чувствительно отозваться на матеріальном положеніи римскаго папы. Он приказал конфисковать папскія патримоніи, т. е. имѣнія, расположенныя в южной Италіи, Сициліи и на Балканском полуостровѣ. Не ограничиваясь этим, Лев III провел другого рода мѣру, которая сохранила навсегда свою силу, независимо от того, как ни рѣшался вопрос о почитаніи икон. На собраніи высшаго духовенства и сената было проведено новое распредѣленіе границ константинопольской патріархіи. До сих пор Сицилія, южная Италія, Апулія и значительная часть Балканскаго полуострова (Македонія, Θессалія и Эллада) находились под духовною властью и юрисдикціей римской каθедры. Теперь всѣ эти области были подчинены в церковном отношеніи константинопольскому патріарху. Этим новым раздѣлом был положен краеугольный камень для раздѣленія церквей. Таким образом, постепенно борьба против почитанія икон стала пріобрѣтать значеніе всемірно-историческое. Римскій папа должен был считаться не только с потерею матеріальною, но и с значительным уменьшеніем предѣлов своего патріархата. Как ни важен и знаменателен для Восточной церкви был этот новый раздѣл, но он едва ли искупал тѣ бѣдствія, которыя грозили ей в силу ожесточенія борьбы, начатой Львом III. Все населеніе Имперіи раздѣлилось на двѣ партіи: защитников и врагов иконопочитанія, иконодулов и иконокластов. На сторонѣ иконоборцев стояла армія, чиновные классы и значительная часть высшаго духовенства. Горячими приверженцами иконопочитанія являлись женщины, монахи и народ. При таком раздѣленіи населенія на партіи церкви и Имперіи угрожали чрезвычайныя потрясенія.

Когда 18 іюля 741 скончался Лев III, борьба была в полном разгарѣ, и ничто не предвѣщало скораго ея окончанія, ибо наслѣдником скончавшагося императора был его сын Констан-

тин V, состоявшій с 720 года сначала фиктивным, а потом дѣйствительным соправителем своего отца.

Пользуясь тѣм, что массы населенія были недовольны политикою умершаго императора, бывшій его друг и родственник, куропалат Артавасд, рѣшил проложить себѣ дорогу к престолу. Попытка сначала имѣла успѣх. Артавасд в короткое время овладѣл столицею, и патріарх вѣнчал его императорскою короною. Константин V принужден был искать спасенія в пограничном малоазіатском городѣ Аморіи. Не уступая дарованіями отцу своему, молодой император разбил войска своего противника в Малой Азіи и стѣснил его в столицѣ. Осажденный в Константинополѣ и не получая помощи от преданных ему ѳем Арменіака и Опсикія, Артавасд пытался спастись бѣгством. Побѣдитель приказал ослѣпить несчастнаго старика и его сыновей и заключить их в монастырь. Это возстаніе, в котором противники религіозной политики Льва III оказались на сторонѣ бунтовщиков, окончательно рѣшило характер царствованія Константина V. В борьбу, затѣянную его отцом, он внес всю безпощадность и суровость солдата, чѣм навлек на себя особую ненависть иконопочитателей, заклеймивших его бранным прозвищем (Копроним).

Продолженію религіозной политики в духѣ Льва III способствовали благопріятныя обстоятельства, сложившіяся на Востокѣ, и ряд блестящих военных успѣхов, прославивших Константина V и укрѣпивших преданность военных сил Имперіи новой династіи.

Царствованіе Константина V по времени совпало с тѣм періодом исторіи халифата, когда он клонился к упадку в силу малоспособности послѣдних Омейядов. Смѣнившіе их в 750 году Аббасиды не могли сразу направить свои силы на Византію. Арабскій флот, высланный для завоеванія острова Кипра, был в 746 году совершенно уничтожен, а военныя дѣйствія в Малой Азіи привели к завоеванію в 752 году Германикіи, Мелитены и Ѳеодосіополиса (нынѣ Эрзерум). Еще в теченіе послѣдующих 30 лѣт перевѣс в борьбѣ с халифатом, в борьбѣ, превратившейся в непрерывную пограничную войну, оставался за Византіей, но о расширеніи границ уже не могло быть рѣчи вслѣдствіе установленія порядка в халифатѣ со вступленіем на престол Аббасидов.

Теперь главное вниманіе Константин должен был обратить на борьбу с болгарами, которые вторгались через Загору (на склонѣ Балкан) во Ѳракію, опустошали села, доходили до Адріанополя, а часто и до столицы. В виду такого безпокойства, причиняемаго болгарами, в теченіе своего царствованія Константин періодически должен был предпринимать походы на болгар. В общем таких походов в первую половину царствованія (до 763 г.) было не менѣе 8. Особенно большой успѣх имѣл поход 763 года, когда император одержал блестящую побѣду, уничтожив близ Анхіала болгарское войско. Этот успѣшный ход войны с болгарами

был важен потому, что таким образом устранена была опасность рѣзкой перемѣны этнографическаго состава византійской имперіи, ибо, с одной стороны, нападенія болгар сопровождались уводом плѣнных, а, с другой стороны, усиленіем притока в Имперію славянских поселенцев.

Этому нежелательному для эллинизма явленію, выражавшемуся в разселеніи славян во Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи и Мореѣ, способствовал эпидемическій мор 746—749 годов, который свирѣпствовал с такою силою, что в нѣкоторых мѣстностях населеніе уменьшилось на треть, а в нѣкоторых даже на половину. Многіе округа совершенно запустѣли, а потому без труда были занимаемы славянскими поселенцами. Таким образом, в разных областях Имперіи образовались „склавиніи“ или славянскіе округа, каждый из которых обыкновенно представлял территорію отдѣльнаго славянскаго племени. Славяне пользовались внутреннею автономіей и имѣли своих собственных князей.

Вполнѣ удачная внѣшняя политика Константина V упрочила его положеніе и дала ему возможность с рѣшительностью продолжать по отношенію к иконопочитателям политику своего отца. Опираясь на обожаніе, которым проникнуто было к нему войско, неоднократно водимое им к побѣдам, Константин поступал даже рѣшительнѣе своего предшественника. В 754 г. он созвал во дворцѣ Іеріи, на азіатском берегу Босфора, собор, на котором было около 338 епископов. Здѣсь иконопочитаніе было осуждено самым рѣшительным образом, и состоялось опредѣленіе, что „возстановлять образы святых посредством матеріальных красок и цвѣтов есть дѣло безполезное, праздное и даже богопротивное и діавольское“. Соображенія, из которых исходил собор при этом рѣшеніи, заслуживают вниманія по своей странности: изображенія Христа могут изображать лишь его человѣческую природу, а слѣдовательно почитатели их впадают в монофизитскую ересь; святые, возведенные Богом на небеса, получили там иной вид, котораго не может представить себѣ мысль человѣка и не может изобразить кисть или рѣзец; „слѣдует заботиться о подражаніи на дѣлѣ святым“, а их добродѣтели „должны служить как-бы одушевленными иконами“. Иконопочитаніе на оффиціальном языкѣ тогдашней власти стало называться просто идолопоклонством. Опираясь на постановленія Іерійскаго собора, Константин направил наиболѣе тяжкій удар против монашества, которое шло во главѣ защитников икон. Встрѣчая сопротивленіе со стороны иконопочитателей, император не всегда соблюдал умѣренность, а потому гоненіе его неоднократно принимало характер кровавой расправы. Мѣры, принятыя им, выражались в закрытіи монастырей и конфискаціи всего движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества (полей, домов, утвари, стад). Монахов принуждали снять рясу, а тѣх из них, кто упорствовал, разсылали по тюрьмам. Мона-

стыри были обращаемы в склады для хлѣба или казармы для войск. Эти мѣры жестокости усиливали пыл горячих поклонников иконопочитанія и тѣм болѣе не могли достигнуть цѣли, что иконопочитатели находили себѣ поддержку за границами византійской имперіи. Іоанн Дамаскин, преданный анаѳемѣ на Іерійском соборѣ, громил „тиранна" и обрекал его на „погибель в земной и будущей жизни". Восточные патріархи явно осуждали дѣйствія императора. Папы замышляли и подготовляли полный разрыв с Имперіей. Главным сотрудником и помощником императора Константина в дѣлѣ преслѣдованія иконопочитателей был знаменитый полководец Лаханодракон, котораго иконопочитатели называли просто драконом, так как он в жестокостях зачастую превосходил границы, указанныя императором. Гоненія эти имѣли еще ту отрицательную сторону, что они подрывали правильное развитіе искусства. Достаточно было установить, что кто-либо занимается живописью, как его уже подозрѣвали в иконописаніи, подвергали пожизненному заключенію, нерѣдко жестоким наказаніям (напр., отрубали руки, выкалывали глаза).

Только, когда в 775 г. скончался Константин V, несомнѣнно принадлежавшій к числу замѣчательных государей, положеніе иконопочитателей нѣсколько улучшилось. Сын и преемник его Лев IV (775—780), хотя и продолжал религіозную политику отца, но в границах осторожности и умѣренности. Разрѣшать поклоненіе иконам он не думал, но и преслѣдованія иконопочитателей потеряли кровавый характер, какой они носили до того времени. Умѣренность Льва IV в значительной степени объясняется вліяніем его жены Ирины, извѣстной почитательницы икон. Тайно от мужа она поклонялась иконам, пряча их в постель. 8 сентября 780 года император Лев IV скончался. Преемником был провозглашен сын его Константин VI (780—797), но в виду его малолѣтства правительницею государства была объявлена Ирина. Это была женщина умная, осмотрительная, хорошо знакомая с византійскими дѣлами и отношеніями, не лишенная образованія, но крайне честолюбивая. Она управляла государством при помощи любимцев, набираемых среди евнухов и возводимых в высокія званія. Среди сотрудников ея особенно выдвигались Ставракій и Аэцій.

Зная настроеніе военных сил, воспитанных в традиціях Льва III и Константина V, Ирина не рѣшалась рѣзко обнаруживать свою склонность к возстановленію иконопочитанія тѣм болѣе, что внѣшняя политика ея не отличалась успѣхом. Борьба с арабами, которая в сущности не прекращалась, шла неудачно. В 783 г. византійцы были принуждены согласиться на мир, заключенный на три года под условіем уплаты ежегодно по 70 тысяч номисм. Знаменитый халиф Гарун-аль-Рашид для упроченія достигнутых успѣхов построил на границах цѣлый ряд крѣ-

ностей. Эти неудачи объясняются назначенiем предводителем войск мало способнаго Ставракiя, поставленнаго правительницей на мѣсто талантливых вождей, воспитанных в боевой школѣ Константина V. К послѣдним правительница относилась с особенною подозрительностью и всячески старалась их устранить. Не имѣя успѣха в борьбѣ с арабами, Ставракiй гораздо удачнѣе дѣйствовал в походѣ против „склавинiй". Правительница Ирина, аѳинянка родом, с понятным опасенiем относилась к распространенiю славянских поселенiй на Балканском полуостровѣ, разсматривая эти славянскiе колонiи, как опасныя гнѣзда врагов эллинской культуры. Ставракiй, отправленный с военною силою в Македонiю и Элладу, принудил в 783 году славянских князей или жупанов признать зависимость от Византiи и платить ежегодную дань.

Главной мечтой Ирины было возстановленiе иконопочитанiя. Первая ея попытка в этом направленiи не имѣла успѣха, хотя ею и был созван помѣстный собор в столицѣ. Когда начались засѣданiя этого собора, гвардейскiе полки, „схоларiи, экскувиторы и прочiя тагмы, по внушенiю своих начальников, подступили с обнаженными мечами, угрожая убить патрiарха и православных епископов и игуменов". Отовсюду раздавались крики: „Долой иконы! Долой собор! Смерть тому, кто осмѣлится пойти против рѣшенiй собора, состоявшагося при нашем покойном императорѣ!" Засѣданiя собора закрылись, а правительница, не рѣшаясь идти против настроенiя гвардейских полков, рѣшила дѣйствовать осторожно. Она вошла в соглашенiе с войсками, стоявшими во Ѳракiи, а затѣм под предлогом похода на арабов отправила гвардейскiе полки в Малую Азiю и вскорѣ распустила их, вытребовавши предварительно от них все военное снаряженiе. Теперь, когда опасность была устранена, засѣданiя собора возобновились в малоазiйском городѣ Никеѣ. Собор засѣдал в сентябрѣ и октябрѣ 787 года. Цѣль императрицы была достигнута. Иконопочитанiе было возстановлено и признано совершенно согласным с канонами и преданiями церкви, но рѣшительно вмѣстѣ с тѣм было воспрещено боготворенiе икон.

Между тѣм приближалось время, когда нужно было уступить власть сыну, но честолюбивая Ирина не склонна была к этому. По личным соображенiям она нарушила брачный договор с Карлом Великим, заключенный еще при императорѣ Львѣ, в силу котораго одна из дочерей Карла (Ротруда) предназначалась в супруги Константину VI, и настояла на том, чтобы он женился на незнатной армянской принцессѣ, отчасти против собственнаго влеченiя. Сдѣланная Константином попытка устранить от управленiя мать окончилась неудачею. Заговор был открыт; участники были наказаны: одни ссылкою, а другiе смертью, а молодой император был наказан собственноручно матерью и посажен под

арест. Однако, так продолжалось недолго. Внѣшняя политика шла дурно и вызывала всеобщее неудовольствіе. В 790 году Иринѣ пришлось передать правленіе сыну, по настоянію войск, хранивших наслѣдственную преданность к внуку знаменитаго императора. Ветераны надѣялись, что он возстановит счастливое время дѣда своего, имя котораго он носил, но надежды войск и иконоборцев на молодого императора не оправдались. Сдѣлавшись самостоятельным правителем, Константин не обнаружил ни государственных способностей, ни предусмотрительности. Он скоро подпал под вліяніе матери и не замедлил провозгласить ее своею соправительницею. Своими глупыми мѣропріятіями и поступками он скоро возстановил против себя общественное мнѣніе и потерял расположеніе войска. Зная нерасположеніе Константина к женѣ, Ирина склонила его расторгнуть с нею брак и жениться на придворной женщинѣ — Θеодорѣ. Этот брак являлся с точки зрѣнія византійской нравственности неслыханным дѣлом и в нравственном, и в религіозном отношеніях. Поступок этот подорвал уваженіе к молодому императору. С другой стороны, дѣйствуя по совѣтам матери, Константин отстранял старых ветеранов, сотрудников дѣда и отца, на которых мог положиться, а нѣкоторых из них послал даже в изгнаніе. Неудачные походы против арабов и болгар окончательно разочаровали всѣх в способностях императора. Всѣм этим не замедлила воспользоваться его мать Ирина. 15 августа 797 г., по ея приказанію, Константин VI был схвачен в то время, когда возвращался с торжественнаго представленія на ипподромѣ, и во дворцѣ жестоким образом был ослѣплен в той комнатѣ, в которой родился. Власть снова перешла в руки Ирины, правившей при помощи своих любимцев: сначала Ставракія, а потом Аэція. Дѣла шли неудачно. В войнѣ с арабами византійцы терпѣли неудачи, а мир куплен был за деньги. В 800 году Карл Великій короновался императорскою короною в Римѣ. Этим древнія права Византіи хотя бы на номинальное господство над странами Запада были совершенно упразднены. На Западѣ возникла равнаго качества и достоинства высшая государственная власть. Отнынѣ уже не было никакой почвы для мечтаній и теорій об единой христіанской Имперіи. Это был тяжкій удар для политическаго и государственнаго самосознанія византійцев.

Всеобщее неудовольствіе способствовало образованію громадной партіи недовольных, желавших свергнуть Ирину. В октябрѣ 802 года состоялся заговор знатных людей и высших чинов, имѣвшій задачею лишить императрицу власти. Во главѣ заговора стоял великій логоѳет Никифор, провозглашенный императором. Участь Ирины была рѣшена: она была отправлена в ссылку на один из Принцевых островов, а потом на остров Лесбос, гдѣ в нищетѣ окончила свои дни, вынужденная работою

пріобрѣтать себѣ средства к жизни. Таким образом, прекратилась династія Льва III Исаврянина, с блеском в общем управлявшая судьбами Византіи в теченіе 85 лѣт.

Как бывшій глава финансоваго вѣдомства, Никифор обнаружил большую наклонность к умноженію государственных доходов и к приведенію в порядок государственнаго бюджета. С этою цѣлью он установил налог на наслѣдства и возстановил права государства на нѣдра земли. Нѣкоторыя его финансовыя мѣры были проникнуты гуманностью и полезны для развитія торговли и промышленности. К числу таких мѣр относится введеніе таможенной пошлины с ввозимых рабов, по 2 номисмы с души. Эта мѣра, помимо финансоваго, имѣла и гуманитарный оттѣнок, ибо таким образом была стѣснена торговля рабами. Созданіем морской ссудной кассы или банка, откуда выдавались хотя и по высоким процентам (до 17) значительныя ссуды (до 12 ф. золота или свыше 4000 р.), оказано было большое содѣйствіе развитію торговли. Сверх всего этого, он распространил поземельный налог и на церковныя земли, которыя доселѣ были свободны от этого платежа. Так как император не имѣл никаких военных способностей, и византійская армія за время царствованія Константина VI и Ирины приведена была в разстройство, то внѣшняя политика не могла быть успѣшной. Чувствуя невозможность возстановить цѣликом италіанскія владѣнія, Никифор в 803 году заключил с Карлом договор, в силу котораго должен был отказаться от владѣнія экзархатом и римскою областью, но сохранил остальныя владѣнія, а именно: южную Италію, Венецію, Истрію и Далмацію. Знавшій цѣну деньгам, император не склонен был уплачивать арабскому халифату дань, условленную при Иринѣ. Арабы возобновили военныя дѣйствія; взяли Тіану и ряд других городов, опустошили острова Кипр и Родос, чѣм принудили императора к заключенію в 806 году мира на тяжелых условіях. Еще болѣе неуспѣшна была борьба его с болгарами. В теченіе двух лѣт шли приготовленія к походу, который сначала был удачен. С значительным войском император проник в Болгарію, разбил болгар, но при внезапном ночном нападеніи 25 іюля 811 года был разбит на голову. В этом сраженіи погиб император. Болгары отрубили ему голову, носили ее по лагерю на копьѣ, а потом хан их Крум велѣл обдѣлать череп его в видѣ серебряной чаши, из которой угощал своих знатных гостей. Сын Никифора Ставракій, участвовавшій в походѣ, был ранен, достиг Константинополя, гдѣ признан был императором, но по болѣзни был вынужден вскорѣ отказаться от власти в пользу своего шурина Михаила Рангави (811—813). Этот послѣдній был ревностный сторонник иконопочитанія, склонный к преслѣдованію иконоборцев, но, будучи человѣком бездарным, оказался игрушкою в руках своей жены и любимцев. Об успѣшной оборонѣ Имперіи не могло быть рѣчи.

Болгары безпрестанно грабили Ѳракію, доводили свои грабежи до стѣн Константинополя и под столицею, к ужасу жителей ея, совершали человѣческія жертвоприношенія, закалывая людей. В виду неспособности Михаила народ и войска обратились с просьбами к одному из полководцев — Льву, увѣщевая его принять правленіе. Лев, по происхожденію армянин, служившій в войсках Константина V, долгое время отказывался, но, уступая чувству долга, рѣшился наконец принять управленіе имперіей.

Сдѣлавшись в 813 году императором, Лев V поправил пошатнувшееся положеніе Имперіи. Ему пришлось вступить в борьбу прежде всего с болгарами. Сначала император попытался покончить с ними посредством вѣроломнаго нападенія на Крума во время свиданія с ним, но эта попытка успѣха не имѣла. В отместку за это коварство, болгары безжалостно опустошили Ѳракію, взяли Адріанополь и увели тысячи плѣнников. К счастью для Византіи, смерть грознаго Крума, послѣдовавшая в 815 году, избавила Имперію от опаснаго противника. Преемнику его Омортагу император нанес тяжкое пораженіе при Месемвріи, проник в Болгарію и принудил болгарскаго хана к заключенію 30-лѣтняго мира. Обезпечивши границы государства с сѣвера, Лев V начал успѣшную войну с арабами в Малой Азіи и Сициліи. Заключив союз с африканскими Аглабитами, император очистил остров Сицилію от испанских пиратов, кот рые начали там свои завоеванія. Как человѣк, выдвинутый военною силою, воспитанный в военной школѣ Константина V, Лев рѣшился возобновить его церковную политику, хотя проводил ее иными способами и не допускал рѣзких насилій. В началѣ 815 года он удалил патріарха Никифора, извѣстнаго историка, не желавшаго сдѣлать никаких уступок, и заставил выбрать в патріархи Ѳеодота Мелисина, который поспѣшил отмѣнить всѣ постановленія Никейскаго собора, а VII вселенским собором объявил собор Іерійскій, созванный в 754 году Константином V. Партія иконопочитателей, руководимая Ѳеодором Студитом, извѣстным составителем монашескаго устава, протестовала, но успѣха не имѣла. Понимая необходимость бороться не только мѣрами строгости подобно тому, как это дѣлал Константин, Лев V хотѣл достигнуть цѣли мѣрами, разсчитанными на болѣе широкое воздѣйствіе. С этою цѣлью он обратил вниманіе на воспитаніе молодежи, введя в школах новыя учебныя пособія, составленныя в духѣ иконоборцев. Мѣры Льва были столь опасны для иконопочитателей, что глава оппозиціи извѣстный Ѳеодор Студит так характеризовал императора: „он произвел безбожный переворот во всем.“ Разумѣется, иконопочитатели смотрѣли на Льва, как на нежелательнаго императора, и сочувствовали заговорам на жизнь его. Однако, Лев V своевременно узнавал о заговорах и счастливо предупреждал их. В 820 году, наканунѣ Рождества, был открыт еще новый заговор,

во главѣ котораго стоял Михаил, один из полководцев и друзей Льва, служившій вмѣстѣ с ним в арміи Константина V. Слѣдственная комиссія приговорила Михаила к смертной казни, которая была назначена на 24-ое декабря, но ради наступающаго праздника была отложена императором, по просьбѣ его супруги. Отсрочка имѣла роковыя послѣдствія. На разсвѣтѣ 25 декабря толпа переодѣтых пѣвчими заговорщиков, смѣшавшись с клириками, вошла во дворец, зная о том, что император до разсвѣта имѣл обыкновеніе выслушивать раннюю обѣдню в придворном храмѣ. Здѣсь заговорщики, обнаживши мечи, изрубили Льва. Освобожденный из заточенія Михаил II был провозглашен императором с большою поспѣшностью: он в пурпуровой одеждѣ, но еще с цѣпями на ногах принимал поздравленія. Только два часа спустя призванный кузнец распилил оковы.

В лицѣ Михаила, прозваннаго Косноязычным, на византійскій престол вступила новая династія фригійскаго происхожденія, извѣстная под именем Аморійской. Хотя Михаил возвышеніем обязан был партіи иконопочитателей, но, как истый солдат, он был равнодушен к религіозным вопросам и болѣе склонен был продолжать политику Льва, чѣм возстановлять иконопочитаніе. Желая, однако, успокоить возбужденіе в обществѣ и народѣ, Михаил объявил, что оба собора, Никейскій 787 года и Іерійскій 754 г., недѣйствительны. Сосланные за приверженность к иконопочитанію, и в том числѣ Ѳеодор Студит, были возвращены, но других уступок император не сдѣлал, предоставляя обѣим партіям свободу богослуженія, под условіем не нарушать общественнаго спокойствія. Этою политикою Михаил II никого не удовлетворил. В связи с этим и под вліяніем смутнаго броженія, поддерживаемаго постоянными смѣнами императоров, вспыхнул бунт Ѳомы, продолжавшійся три года. Ѳома был сверстник Михаила и Льва и вмѣстѣ с ними служил в войсках Константина. Этот бунт был опасен особенно потому, что бунтовщикъ находил поддержку в низших классах общества. Возстаніе началось в Малой Азіи. Получив помощь от багдадскаго халифа, Ѳома два раза с флотом и войском пытался взять столицу, но успѣха не имѣл. Наконец, Михаилу II удалось при помощи болгар разбить соперника. Попав в руки императора, Ѳома был самым жестоким способом казнен. Непродолжительное царствованіе Михаила II во внѣшней политикѣ ознаменовалось тѣм, что арабы в 823 г. овладѣли Критом и основали там разбойничье государство, а африканскіе Аглабиты начали с успѣхом завоеваніе острова Сициліи.

В лицѣ Ѳеофила II (829—842), сына Михаила II, впервые послѣ большого промежутка времени вступил на престол человѣк, котораго подготовляли к занятію императорскаго престола. Эта подготовка сказалась в том, что Ѳеофил, не в примѣр многим своим предшественникам, получил прекрасное и разностороннее лите-

ратурно-научное образованіе. Он сочувственно относился к развитію искусства, литературы и науки и, принимая также дѣятельное участіе в богословских спорах своего времени, обнаруживал при этом подготовку как в знаніи церковных преданій, писанія, отцев церкви, так и церковной исторіи. Его совѣтниками и сотрудниками были знаменитый математик и архитектор Лев и тогдашній патріарх, извѣстный своего ученостью, Іоанн Грамматик. При содѣйствіи перваго из них Ѳеофил так украсил Константинополь роскошными дворцами и разнаго рода другими сооруженіями, иныя из которых предназначались для общественных нужд (напр., госпиталь), что его справедливо можно назвать вторым основателем Константинополя.

Внѣшняя политика Ѳеофила вообще была неудачна. Почти в теченіе всего его царствованія продолжались непрерывныя войны с арабами. Современниками его в багдадском халифатѣ были Аль-Мамун и Мутасим, извѣстные свою воинственностью. Арабы при этих халифах непрерывно нападали на византійскія владѣнія в Малой Азіи, проникали в глубь страны и безжалостным образом грабили и уничтожали населеніе. Желая нѣсколько ослабить врагов, Ѳеофил завязал дѣятельныя и дружескія сношенія с представителями кордовскаго халифата и франкскаго государства. Подобный союз тѣм болѣе представлялся необходимым, что особенная опасность угрожала византійским владѣніям в южной Италіи. Арабы из Африки дѣлали постоянныя нападенія на Сицилію, отвоевывали один пункт за другим и собирались перенести свои завоеванія и на полуостров. Кордовскіе халифы склонны были к союзу с Византій по соображеніям политическаго соперничества и религіознаго разномыслія съ фатимидским и багдадским халифами. Что же касается франков, то борьба с арабским натиском для них далеко не была безразлична, ибо опасность угрожала и их италіанским владѣніям.

Из военных дѣл, происходивших в Малой Азіи, примѣчательны два эпизода. Византійскія войска, под предводительством полководца Мануила и выходца из халифата, перса родом, Ѳеофоба, успѣшно вели войну. В 837 году, под предводительством самого императора, стотысячная армія византійцев вступила в сѣверную Сицилію и Месопотамію. Здѣсь были взяты города Запетра, Малатія и Самосата. Все мужское населеніе Запетры было перебито, а женщины и дѣти отведены в плѣн. Так как Запетра была родиною Мутасима, то вѣсть об этом привела халифа в неистовство и побудила к рѣшимости отплатить Византіи особенно чувствительным ударом. К тому же халиф был озлоблен тою поддержкою, которая Византія оказывала его внутренним врагам, а равно принятіем на службу бѣжавших из халифата перса Ѳеофоба и 14 тыс. его соплеменников, которые были размѣщены по ѳемам и составляли особые отряды, извѣстные под име-

нем персидских турм. Покончив с внутренними затрудненіями, халиф в 838 году вторгся в предѣлы Малой Азіи, имѣя в виду взять Аморію, откуда родом был отец императора Θеофила. 55 дней Аэцій, начальник гарнизона, с успѣхом выдерживал осаду; город был взят только потому, что нашлись предатели, указавшіе слабыя мѣста в городских укрѣпленіях. Всѣ жители города были проданы в рабство, а город срыт до основанія. Печальная участь родной Аморіи так подѣйствовала на императора Θеофила, что он тогда же тяжко захворал. Болѣзнь все усиливалась и свела императора въ могилу.

Своею церковною политикою Θеофил также не заслужил доброй памяти. Он забыл умѣренность своего отца и, будучи убѣжденным противником почитанія икон, пошел по пути Константина V Копронима. Через три года послѣ своего вступленія на престол (в 832 году) он издал эдикт, по которому категорически воспрещалось какое бы то ни было поклоненіе иконам и предписывалось удалить их из церквей. Мало того, главные защитники иконопочитанія (Θеодор Студит, другой Θеодор, монах Лазарь) подверглись изгнанію и заточенію. Встрѣчая сопротивленіе, Θеофил без жалости изрекал смертные приговоры. Сплошь и рядом то тот, то другой счастливый соперник императора в богословском спорѣ платился за это своею головою. Лежа уже на смертном одрѣ, император проявил свою природную жестокость. Заподозрѣвши в измѣнѣ Θеофоба, к которому прежде питал довѣріе, всегда оказывая знаки вниманія, с которым даже породнился, выдавши за него свою сестру, он приказал казнить его и принести голову несчастнаго. Когда приказаніе было исполнено, император выражал явное удовольствіе и радость.

Наслѣдником Θеофила был его малолѣтній сын Михаил III (842—867). Так как Михаил был малолѣтен, то правительницей государства сдѣлалась его мать Θеодора, извѣстная своею приверженностью к иконопочитанію. Она управляла государством при помощи логоθета дрома Θеоктиста, своего дяди Мануила и брата Варды. Как искренняя поклонница иконопочитанія, она прежде всего озаботилась возстановленіем иконопочитанія. Задача это облегчена была тѣм, что религіозная борьба, продолжавшаяся свыше 100 лѣт, истомила всѣ круги византійскаго общества. Всѣ нескончаемые споры и тѣ жестокости, которыя примѣнялись то иконоборцами, то иконопочитателями, смотря по тому, какая партія в данный момент имѣла успѣх, привели всѣх к сознанію о необходимости церковнаго и общественнаго мира. Поставленный Θеофилом в патріархи Іоанн Грамматик был свергнут, а его преемником сдѣлался Меθодій, родом сициліец, прекрасно владѣвшій латинским языком, знаменитый переводчик житій святых с латинскаго на греческій язык. Под его руководством, в 843 году (а не в 842 году) был созван собор, на котором провозглашено

было возстановленіе иконопочитанія. На этом соборѣ было постановлено, чтобы возстановленіе иконопочитанія, извѣстное под названіем „торжества православія“ (*κυριακή τῆς ὀρθοδοξίας*), начиная с 843 года, ежегодно праздновалось в Восточной церкви. На соборѣ также произнесена была анаѳема на всѣх иконоборцев современных и сошедших в могилу; исключеніе было сдѣлано по отношенію к одному только Ѳеофилу, на основаніи заявленія императрицы Ѳеодоры, что он перед смертью отрекся от иконоборчества. Конечно, это исключеніе было сдѣлано во вниманіе к заслугам самой императрицы. Так окончилась в 843 году борьба, раздиравшая Византію в теченіе 120 лѣт.

Италія в эпоху иконоборства.

Иконоборство в значительной степени подготовило раздѣленіе церквей и политическій разрыв Запада и Востока, выразившійся в возстановленіи так называемой Западной римской имперіи.

Пока римскіе папы владѣли церковною юрисдикціею на Балканском полуостровѣ, до тѣх пор их политика сообразовывалась с политикою Византіи. Когда же император Лев III подчинил всѣ области Балканскаго полуострова, а равно южную Италію с островом Сициліей, церковной власти константинопольскаго патріарха и приказал конфисковать папскія патримоніи, то этим принудил пап вступить на новый историческій путь, приведшій к полному разрыву с Византіей. Это тѣм болѣе стало неизбѣжным, что матеріальныя потери папства не были вознаграждены ни при императрицѣ Иринѣ, когда было временно возстановлено иконопочитаніе, ни тѣм болѣе впослѣдствіи, когда византійскіе государственные люди не могли простить папам ни их политической роли в дѣлѣ возстановленія Западной римской имперіи, ни их политики, приведшей к потерѣ значительной части равеннскаго экзархата.

Италіанское населеніе долго хранило вѣрность Византіи, не взирая на ошибки византійских правителей и финансовый гнет. Только в области ортодоксіи италіанцы не были склонны к уступчивости и примиренію, так как вѣра была единственная опора их жизни, исполненной бѣдствіями и испытаніями. На этой почвѣ развилась и окрѣпла безпредѣльная преданность папѣ, как представителю и твердому защитнику церкви и ортодоксальной вѣры. Когда византійское правительство вступило на путь иконоборства, папы выступали горячими защитниками иконопочитанія с тѣм большею силою, что могли теперь быть увѣренными в поддержкѣ населенія всей Италіи. Когда Лев III и Константин V начали преслѣдованіе икон, то папа Григорій III не поколебался стать во главѣ возмутившагося италіанскаго населенія, опираясь на ми-

лиціи городов, готовыя по первому знаку папы взяться за оружіе. Борьба с халифатом и болгарами не позволяла византійским императорам открыть военныя дѣйствія и силою возстановить государственный авторитет в Италіи. Этим безсиліем византійскаго правительства рѣшил воспользоваться Ліутпранд (712—744), не уступавшій своими достоинствами и политическими способностями своим выдающимся современникам, какими несомнѣнно были папы Григорій II и Григорій III, императоры Лев III и преемник его Константин V, и правитель франкскаго государства Карл Мартелл.

Ліутпранд, вступившій на престол послѣ цѣлаго ряда смут, замыслил довершить дѣло, начатое первыми лангобардскими королями, и достигнуть политическаго объединенія Италіи, воспользовавшись затрудненіями Византіи и неудовольствіем населенія равеннскаго экзархата. Сначала дѣло пошло успѣшно. Города экзархата открывали ворота его войскам и привѣтствовали лангобардов, как своих освободителей от схизматиков - византійцев. Этому способствовало то обстоятельство, что к началу VIII столѣтія лангобарды уже оставили аріанство и приняли ортодоксію, а Ліутпранд считался „вѣрнѣйшим сыном церкви“. Таким образом, все клонилось к тому, чтобы завѣтная мечта лангобардов осуществилась, но этому исходу воспрепятствовали папы, которым не улыбалась мысль потерять значеніе политических руководителей населенія экзархата и занять скромное положеніе в ряду епископов лангобардскаго королевства. По этим соображеніям папа Григорій II, не взирая на полное осужденіе церковной политики императора Льва III, оказал поддержку экзарху, склонил италіанское населеніе к успокоенію и принудил Ліутпранда заключить перемиріе, по которому лангобардскій король отказался от всѣх своих пріобрѣтеній. Когда в 731 году Григорій II умер, то положеніе папскаго престола было упрочено: хотя власть принадлежала экзарху, но папа чувствовал себя самостоятельным политическим дѣятелем, ибо от его милости и воли зависѣло положеніе экзарха. Григорій III (731—741 г.), продолжая политику своего предшественника и вполнѣ взвѣшивая опасность со стороны Ліутпранда, не покидавшаго мечты завоевать всю Италію, дѣлал нѣсколько попыток привлечь к вмѣшательству в италіанскія дѣла могущественнаго правителя франкскаго государства Карла Мартелла, к которому неоднократно обращался с просьбою о помощи. В общем, однако, Карл отнесся к этим шагам папы довольно холодно, так как он был в дружеских отношеніях с Ліутпрандом и видѣл в нем надежнаго союзника в борьбѣ с наступавшими на Запад арабами. Лангобардскій король, как извѣстно, посылал в Прованс свои войска, когда арабы перешли через Пиренеи. Все содѣйствіе папѣ со стороны Карла ограничилось тѣм, что три раза он посылал в Италію духовных лиц, поручая им быть посредни-

ками между папою и Ліутпрандом. Разумѣется, подобнаго рода посредничество не улучшало положенія папскаго престола. Папѣ Григорію III и его преемнику Захарію приходилось, скрѣпя сердце, помогать византійскому экзарху и отстаивать цѣлость византійских владѣній в Италіи. Борьба с сполетским и беневентским герцогами, послѣдовавшая в 741 году кончина его союзника Карла Мартелла и враждебная политика баварских герцогов, — все это помѣшало Ліутпранду довести задуманное им объединеніе Италіи до конца и помогло папам дождаться болѣе благопріятнаго для них времени, когда вмѣшательство франков в италіанскія дѣла стало неизбѣжным и одинаково полезным и для пап, и для правителей франкскаго государства. Приближалась пора, когда политика Григорія Великаго и Григорія III должна была принести свои плоды.

Послѣ смерти Карла Мартелла сначала правителями государства сдѣлались его сыновья, Карломан и Пипин, но скоро послѣдній оказался единоличным правителем государства с титулом майордома. Пипин тяготился своим неопредѣленным положеніем: вся государственная власть была в его руках, а титул короля ему не принадлежал. Отправивши посольство к Захарію, преемнику Григорія III, Пипин получил санкцію для низложенія Хильдериха III, послѣдняго из Меровингов. Обязанный папскому престолу королевским саном, Пипин не мог отказать его представителям в дѣятельной помощи против лангобардов. За смертью папы Захарія (741—752), давшаго благословеніе на низложеніе Хильдериха, на папскій престол вступил сначала Стефан II, скончавшійся до своего посвященія, а потом Стефан III (752—757), который сумѣл извлечь выгоды из союза с франкским государством.

Италія переживала тревожный момент. Византійская имперія поглощена была борьбою с арабами и болгарами, а лангобарды дѣлали послѣднія отчаянныя попытки, чтобы строительство своего государства довести до конца и осуществить задачи, намѣченныя Ліутпрандом. Когда преемник и племянник этого короля Гильдебранд оказался неспособным продолжать дѣло своего дяди, тогда королем был избран Ратхис, герцог фріульскій. Ратхис оказался крайне уступчивым по отношенію к папам и неспособным продолжать національную политику Ліутпранда. Женатый на римлянкѣ, он явно оказывал покровительство землякам своей жены. Лангобарды заставили его отказаться от престола и провозгласили в іюнѣ 749 года королем его брата Айстульфа. Будучи талантливым продолжателем политики Ліутпранда, мечтавшим о созданіи в Италіи единаго лангобардскаго государства, он с большою настойчивостью принялся за расширеніе владѣній лангобардов. Овладѣвши в 751 г. равеннским экзархатом, Пентаполисом, Перуджіей и подошедши к Риму, Айстульф требовал

сдачи этого города. Стѣсненный папа обратился с просьбою о помощи к византійскому императору, но тот прислал силенціарія Іоанна с наставленіями папѣ и с письмом к лангобардскому королю с требованіем о возвращеніи завоеванных земель средней Италіи. Тогда папа Стефан III обратился с просьбою о помощи к Пипину Короткому. Как осторожный и искусный политик, Пипин не спѣшил дѣйствовать. Папа нашел необходимым отправиться лично просить о помощи. 14 октября 753 года Стефан III, трогательно провожаемый жителями Рима, выѣхал в сопровожденіи свиты в Павію, ко двору Айстульфа. Послѣдній принял его холодно, всячески задерживал, но не рѣшился воспрепятствовать дальнѣйшему путешествію. 14 ноября папа прибыл в франкское государство, гдѣ его ждали торжественныя почести. У Понтіона на-встрѣчу ему выѣхал сам король Пипин Короткій, желая с особым торжеством привѣтствовать перваго папу, вступившаго на франкскую землю. Переговоры и соглашеніе скоро состоялись. Король обѣщал помощь папѣ и содѣйствіе в устроеніи дѣл церковных, а благодарный папа короновал Пипина и его жену в Сен-Дени. В г. Кьерси был созван государственный сейм, на котором было рѣшено оказать помощь папѣ. Так как требованіе Пипина не тревожить римскую область нападеніями было Айстульфом отвергнуто, то в 754 году начались военныя приготовленія к походу. Франки перешли через Альпы и осадили лангобардскаго короля в Павіи. Айстульф должен был отказаться от завоеванных городов, находившихся теперь в его руках, а раньше принадлежавших византійцам. Всѣ эти бывшія византійскія владѣнія Пипин отдал в дар каѳедрѣ св. Петра. Но едва франки удалились из Италіи, Айстульф, человѣк упорный, возобновил военныя дѣйствія, подступил к Риму и осадил его. Тогда папа Стефан III отправил к Пипину торжественное посланіе, составленное от имени св. апостолов Петра и Павла, умоляя прійти на помощь. В этом посланіи были обѣщанія вѣчнаго блаженства за скорую помощь и угрозы вѣчными муками за промедленіе. Раздраженный вѣроломством Айстульфа, который не исполнил ни одного условія договора, Пипин снова пошел в Италію. Второй поход франков был успѣшен. Айстульф обѣщал исполнить все, что опредѣлено было первым договором, выдал всю свою казну и вознаградил римскую каѳедру за грабежи; Пипин же возложил ключи городов равеннскаго экзархата на гроб св. Петра и получил от папы званіе патриція. Византійское правительство требовало возвращенія экзархата, но Пипин отвѣтил, что он не для греков проливал кровь франков, а для св. Петра.

Сломленный неудачами, Айстульф вскорѣ умер, а его мѣсто занял герцог тосканскій Дезидерій, один из друзей Стефана III. Дезидерій обѣщал исполнять всѣ договоры, но отношенія складывались так, что ему трудно было исполнить эти обѣщанія. Уже

с папою Стефаном III возникли у него непріятности, которыя обострились при преемникѣ Стефана — Павлѣ, вступившем на папскій престол в 757 году. Дезидерій был послѣдним лангобардским королем. Он не мечтал о возобновленіи замыслов Ліутпранда, но старался по возможности отстоять самостоятельность лангобардскаго государства. Первоначально эта задача вполнѣ удавалась, так как с Карлом, преемником Пипина, у Дезидерія сложились сначала прекрасныя отношенія: Карл был даже женат на дочери лангобардскаго короля. Союз и дружба королей были непродолжительны. Политическія происки папской куріи не замедлили внести в эти отношенія охлажденіе. Вскорѣ произошел полный разрыв, и вспыхнула война, окончившаяся паденіем лангобардскаго государства, которое вошло в состав монархіи Карла Великаго.

Источники исторіи Карла Великаго.

Эпоха Карла Великаго является временем процвѣтанія литературы, своего рода первым возрожденіем на Западѣ литературы и наук. Этому способствовали заботы Карла Великаго об основаніи школ в франкском государствѣ и его умѣніе привлекать к своему двору наиболѣе образованных людей того времени. При дворѣ его проживали Алкуин, англосаксонскій выходец, Павел Діакон и Петр Пизанскій, оба уроженцы Италіи, вестгот Теодульф, и др. Эти лица вмѣстѣ с образованными франками составляли придворный кружок, в котором любил Карл Великій проводить свои досуги, отдыхая от государственных трудов в бесѣдах о литературных и научных вопросах. Простота отношеній и близость членов этого кружка друг к другу и к великому монарху достаточно засвидѣтельствованы прозвищами, данными отдѣльным членам этого придворнаго кружка: самого Карла Великаго называли Давидом, Алкуина — Флакком, ибо он был такого же малаго роста, как и римскій поэт Горацій Флакк, Эйнгарда — Веселеилом по имени библейскаго строителя, Ангильберта — Гомером и т. д.

Литературные труды этих членов придворнаго кружка содѣйствовали оживленію исторіографіи того времени тѣм болѣе, что и сам Карл Великій принимал мѣры к увѣковѣченію великих событій своего времени.

Одним из самых значительных по своей учености и вліянію членов придворнаго кружка был Алкуин, выходец из Англосаксоніи. В 756 году Карл назначил его аббатом монастыря св. Мартина Турскаго, так как он пользовался его большим расположеніем и довѣріем и был правою его рукою в дѣлѣ устройства школ. Хотя Алкуин не оставил никаких исторических трудов,

так как занимался философіей, грамматикой и другими науками, входившими в круг тогдашняго школьнаго образованія, но в его письмах встрѣчаются указанія на современныя событія. К сожалѣнію, сохранилась далеко не вся переписка Алкуина, а из сохранившихся его писем почти всѣ относятся к послѣдним годам дѣятельности Карла В. Письма Алкуина напечатаны в изданіи Яффе (Bibliotheca rerum germanicarum), в VI томѣ этого сборника, изданном в 1873 году Ваттенбахом и Дюммлером, под заглавіем: Monumenta Alcuinana.

Об исторических трудах Павла Діакона и в частности о значеніи его „исторіи мецких епископов" была уже рѣчь выше (см. стр. 222).

Из писателей франкскаго происхожденія имѣют значеніе Ангильберт и Эйнгард. Первый из них был сверстник Карла В. и славился своим поэтическим талантом, вслѣдствіе чего был прозван Гомером. Он пользовался большим расположеніем Карла, который давал ему разнаго рода дипломатическія порученія и, между прочим, посылая его в 797 г. к папѣ Льву III, называл его своим интимным совѣтником (nostrae familitatis auricularius). Желая вознаградить заслуги Ангильберта, Карл, по обычаю того времени, предоставил ему доходы богатаго монастыря св. Рикарія (Saint-Riquier) в Пикардіи. Проживая при дворѣ Карла В., Ангильберт состоял на положеніи члена королевской семьи. Сохранилось извѣстіе, что он пользовался счастливою любовью Берты, дочери Карла, от которой имѣл двух сыновей (Гарнида и Нитгарда). В кружкѣ Карла В. от Ангельберта ожидали составленія эпическаго произведенія, в честь знаменитаго короля и его времени. Повидимому, оно было составлено и сохранилась часть его, под заглавіем: Carolus Magnus et Leo Tertius. Напечатан этот отрывок в Monumenta Germaniae historica, в отдѣлѣ Scriptores (II, 391—403). Отрывок этот начинается довольно высокими похвалами Карлу В.; затѣм идет разсказ о постройках, сооруженных королем в Ахенѣ, и описаніе большой королевской охоты. В разсказ об охотѣ вставлены характеристики Карла В. и его семейства, а особенно живо изображены дочери короля. Отрывок оканчивается разсказом о вѣщем снѣ, который видѣл Карл в 799 г.; король во снѣ пережил тягостное впечатлѣніе от оскорбленія, нанесеннаго папѣ Льву III.

Младшій современник Карла В. Эйнгард имѣет большое значеніе в тогдашней исторіографіи. В его лицѣ Карл дождался плодов своей дѣятельности. Эйнгард получил образованіе в школѣ Фульдскаго монастыря. Это школьное образованіе отразилось и на языкѣ, которым написаны его сочиненія. Он пишет на чисто латинском языкѣ, избѣгая варваризмов, обычных для людей старшаго поколѣнія. Но, с другой стороны, школьное образованіе сказалось и отрицательно: в изложеніи Эйнгарда нѣт непосредственной естественности и простоты. Свѣдѣнія о жизни этого пи-

сателя извѣстны из составленнаго Валафридом пролога к главному труду Эйнгарда Vita Caroli Magni. Родился Эйнгард около 770 г. в Майнцком округѣ, был сыном довольно зажиточных и знатных родителей, которые озаботились дать ему достаточное образованіе. В ранней молодости он был послан в школу Фульдскаго монастыря. Способности его были замѣчены аббатом, и он был послан для окончанія образованія в школу, которою руководил Алкуин. Здѣсь он пріобрѣл прекрасное знакомство с классическими авторами и выработал свой латинскій слог. Его біограф Валафрид Страбон сообщает, что Эйнгард отличался незначительным ростом, и что это служило поводом для различных насмѣшек. Выдаваясь среди придворных по своим талантам и образованію, он пользовался довѣріем короля за свой ум и дипломатическія способности, а потому ему давались отвѣтственныя порученія. Когда в 806 г. Карл В. задумал раздѣленіе имперіи, то на Эйнгарда было возложено порученіе отправиться к папѣ для полученія согласія и благословенія. В 813 г., когда Карл Великій задумал устранить Людовика Благочестиваго от наслѣдства, то Эйнгард удержал его от этого рѣшенія и достиг успѣха, бросившись в ноги императора с мольбою о молодом наслѣдникѣ. Послѣ смерти Карла Великаго Эйнгард сохраняет свое вліятельное положеніе при дворѣ. Людовик Благочестивый назначил его в 817 году совѣтником к сыну своему Лотарю, которому передал управленіе Италіей. В 830 году, когда между Людовиком и сыновьями его произошел разрыв, Эйнгард принимал всѣ мѣры к тому, чтобы примирить обѣ стороны. Умер он 14 марта 840 года.

Стоя близко ко двору и имѣя возможность получать достовѣрныя извѣстія о современных событіях, Эйнгард при составленіи своих исторических работ был поставлен в особенно счастливыя условія. Имѣют важное значеніе и его письма (Jaffe, Bibliotheca rerum germanicarum, t. IV, p. 437—486), как источник для послѣдних десятилѣтій царствованія Людовика Благочестиваго.

Самым значительным историческим трудом Эйнгарда была его біографія Карла Великаго (Vita Caroli Magni, см. Mon. Germ. hist. SS. II, отдѣльное изданіе in-8 Г. Вайца, Hann. 1880 и изд. А. Гольдера, Freib. 1882). В сочиненіи этом Эйнгард подражал древним историкам, а особенно извѣстному біографу императорскаго періода Светонію, заимствуя у него не только общую схему построенія, но и отдѣльныя выраженія. Так как автор видѣл свою задачу в характеристикѣ великаго императора, то историческія событія его времени излагаются в той мѣрѣ, в какой это было необходимо для оправданія и подкрѣпленія общей характеристики. Этою особенностью изложенія объясняются многочисленныя ошибки автора и допущенная им хронологическая путаница. По Эйнгарду, Карломан с Карлом совмѣстно управляли франкским государством болѣе 3 лѣт, а в дѣйствительности совмѣстное управленіе

братьев продолжалось только 2 года. Далѣе, Эйнгард дает невѣрную картину раздѣленія франкской монархіи, сообщая о долях Карла и Карломана. Мало того, он путает имена пап, не всегда вѣрно называет имена жен и дочерей Карла В. Эти ошибки, довольно странныя для современника, могут возбудить даже сомнѣніе в подлинности этого сочиненія. Только вѣскія соображенія устраняют подобное предположеніе. Прежде всего, нужно имѣть в виду, что Эйнгард, младшій современник Карла В., не записывал факты, как лѣтописец; имѣя в виду дать подробную характеристику великаго государя, он многое писал по памяти, вслѣдствіе чего допускал недосмотры, ошибки и погрѣшности. Что сочиненіе составлено дѣйствительно Эйнгардом, на это есть прямое доказательство. В каталогѣ библіотеки монастыря Рейхенау около 821 года, слѣдовательно только 7 лѣт спустя послѣ смерти Карла В., среди книг упоминается и сочиненіе Vita Caroli Magni. В средніе вѣка это сочиненіе Эйнгарда пользовалось славою блестящаго историческаго произведенія и было любимым чтеніем образованных людей, как это видно из того, что сохранилось много рукописей этой біографіи (болѣе 80).

Кромѣ этого историческаго труда, Эйнгард написал Translatio SS. Marcelini et Petri (M. G. H. SS. XV) и Acta SS. Marcelini et Petri (Acta Sanctorum, Jun. 1, 181—216). Эти произведенія дают свѣдѣнія о почитаніи мощей, религіозных настроеніях и вѣрованіях того времени. „Перенесеніе мощей Марцелина и Петра“ имѣет значеніе для бытовой исторіи IX вѣка, сообщая об усиліях по добыванію реликвій и трудностях путешествія из Франціи в Италію.

Такое же второстепенное значеніе имѣет произведеніе Сенгалленскаго монаха (Monachus Sangallensis, De gestis Karoli Magni см. M. G. H. SS. II, 726—763). Написано было оно в концѣ IX вѣка. Правнук Карла Великаго Карл III Толстый, проѣзжая через Альпы, посѣтил Сенгалленскій монастырь. Здѣсь он узнал, что среди братіи находятся монахи, знающіе много разсказов о Карлѣ В. Озабоченный сохраненіем этих разсказов для потомства, король приказал одному из монахов (вѣроятно, Ноткеру Заикѣ) записать эти разсказы. Таким образом, возникли „Дѣянія Карла Великаго“ в 3 книгах, из которых третья книга не сохранилась. Сочиненіе это представляет собраніе разсказов и легенд, в которых можно отыскать только зерно исторической истины. Для историков „Дѣянія Карла Великаго“ представляют тот интерес, что из этого произведенія обнаруживается, как рано образ и дѣянія Карла В. сдѣлались сюжетом народнаго вымысла. Не прошло 70 лѣт послѣ смерти Карла, как его личность и дѣятельность сдѣлались излюбленной темой народнаго эпоса.

Памятники законодательной дѣятельности Карла Великаго, извѣстные под именем капитуляріев, грамоты и формулы, а равно

описи имѣній являются цѣнными источниками для внутренней исторіи его времени и будут разсмотрѣны позднѣе, в связи с очерком внутренней организаціи Каролингской монархіи.

Для внѣшней политической исторіи много данных можно извлечь из писем того времени (Codex Carolinus; Einhardi epistolae), изданных Яффе в 4 томѣ его Bibliotheca rerum Germanicarum.

Тѣм не менѣе исторія времени Карла Великаго представляла бы ряд трудностей и пробѣлов, если бы в его время под вліяніем современных событій и подъема образованности не возникла обширная анналистическая или лѣтописная литература.

В ряду небольших и кратких лѣтописей выдѣляется большой лѣтописный сборник, извѣстный под именем большой Лоршской лѣтописи (Annales Laurissenses majores), в которой излагаются событія 741—829 гг. По мнѣнію Леопольда Ранке, лѣтопись Лоршская имѣет оффиціальное происхожденіе и была составлена по приказанію государственной власти. По его мнѣнію, эта лѣтопись не могла быть составлена в монастырѣ, так как содержит извѣстія и сообщенія, которыя могли быть извѣстны лишь ближайшим совѣтникам короля (напр. сообщенія о предпріятіях против беневентскаго и баварскаго герцогов). Зибель высказывался за происхожденіе лѣтописи в Лоршском монастырѣ, ссылаясь на то, что этот монастырь пользовался особым расположеніем Каролингов. Наконец, Гизебрехт, указывая на то, что лѣтопись будто бы не была составляема постепенно, год за годом, а была написана или начата в 788 году (год низложенія баварскаго герцога Тассилона), высказывал предположеніе, что лѣтопись была написана епископом Зальцбургским Арном. Однако, уже Пертц указывал на то, что слог лѣтописи рѣзко измѣняется, начиная с 796 года, и напоминает слог Эйнгарда. Соглашаясь с этим, Ранке склонен был считать составителем Лоршской лѣтописи Эйнгарда в той части, которая начинается 796 годом и доведена до 829, при чем он отмѣчал, что в этом году Эйнгард покинул двор и одновременно прекратил веденіе лѣтописи придворно-государственной. Против авторства Эйнгарда рѣшительно высказывались Моно, Зибель и другіе ученые. Вопрос этот досёлѣ остается спорным. В защиту авторства Эйнгарда обыкновенно приводят слѣдующія соображенія: 1) составитель житія Св. Себастіана говорит, что Эйнгард описал дѣянія Карла Великаго и его сына Людовика (Gesta Caesarum Caroli Magni et filii ipsius Hludowici), а затѣм приводит текст из лѣтописи Лоршской, записанный под 826 годом; 2) стиль и способ составленія лѣтописи и сочиненій Эйнгарда одни и тѣ же; 3) лѣтопись оканчивается 829 годом, когда Эйнгард покинул двор.

Из многочисленных трудов по исторіи Карла Великаго самым важным и всесторонним является сочиненіе Абеля и Симсона

(Abel, Jahrbücher des Fränkischen Reiches unter Karl dem Grossen. B. 1, 768—788. 2 Aufl. bearbeitet von Simson Lpz. 1888. B. 2 von B. Simson. 789—814. Lpz. 1883), в котором погодно собраны свидѣтельства источников, разобрана литература и освѣщены попутно всѣ вопросы по исторіи времени Карла Великаго. Таким же характером отличается изданіе Рихтера и Коля, Annalen des Fränkischen Reichs im Zeitalter der Karolinger. I—II Hälfte, Halle 1885—1887, при чем во второй части помѣщен в видѣ приложенія обстоятельный очерк Каролингской государственной системы. В Журн. Мин. Нар. Просв. за 1901—1903 напечатаны труд Егорова (Этюды о Карлѣ Великом) и статьи проф. А. Вязигина, в которых можно найти оцѣнку новѣйшей литературы по исторіи Карла Великаго.

Царствованіе Карла Великаго.

Царствованіе Карла Великаго является важным поворотным пунктом исторіи. Это была пора, когда оканчивалось сплоченіе всѣх германских народов, живших на Западѣ, когда явилась попытка точно и опредѣленно отграничить романо-германскій мір от Востока.

В 768 г. скончался первый франкскій король новой династіи Пипин Короткій. Незадолго до своей кончины Пипин озаботился раздѣлом государства между своими сыновьями Карлом и Карломаном. По сообщенію продолжателя хроники Фредегара, раздѣл государства совершен был на основах равенства. Карлу досталась Австразія, а Карломану Бургундія, Прованс, Готія, Эльзас и Аллеманія. Это свидѣтельство продолжателя хроники оказывается не точным, так как Карл по раздѣлу получил Нейстрію и только часть Австразіи. Очевидно, Пипин стремился не допустить распаденія государства на двѣ части, опредѣляемыя племенным составом. Также ошибочно сообщеніе Эйнгарда, что Карл получил долю своего отца Пипина, а Карломан долю дяди своего Карломана, так как первый, кромѣ Нейстріи, получил часть Австразіи, а Карломан, кромѣ большей части Австразіи, нѣкоторыя западныя области (Бургундія, Прованс и Готія). При всем стремленіи Пипина оставить без вниманія этнографическое различіе Австразіи и Нейстріи, из которой в одной преобладали германскія племена, а в другой романизованное населеніе, все-таки земли, доставшіяся по раздѣлу на долю Карла, расположены были преимущественно на западѣ, а доля Карломана слагалась главным образом из восточных земель.

Пипин умер 24 сентября 768 г.; и в том же году оба сына его короновались: Карл в Нойонѣ, а Карломан в Суассонѣ.

Как это ни странно, но даже біограф Карла Великаго и его современник Эйнгард не мог сообщить точных свѣдѣній о рожде-

ніи, дѣтствѣ и отрочествѣ короля и рѣшил обойти молчаніем эти вопросы (Vita, c. 4). Время рожденія Карла можно опредѣлить лишь приблизительно: 742—747 гг. Первая дата выводится на основаніи слов Эйнгарда, который утверждает, что Карл умер в возрастѣ около 71 года: anno aetatis circiter septuagesimo primo... rebus humanis excessit. Вполнѣ полагаться на это показаніе писателя, извѣстнаго своею хронологическою небрежностью, нельзя — тѣм болѣе, что по свидѣтельствам других источников Карл родился в 747 году. Не взирая на эти затрудненія, большинство современных историков предпочитает относить рожденіе Карла на 742 год. По свидѣтельству Лоршскаго календаря, составленнаго в IX вѣкѣ, Карл родился 2-го апрѣля. Мѣстом рожденія Карла одни извѣстія считают Ахен, а другія — Ингельгейм. О дѣтских и юношеских годах Карла сохранились отрывочныя свѣдѣнія. В декабрѣ 753 года он был отправлен Пипином для встрѣчи папы Стефана и сопровождал послѣдняго в Понтіон. В 754 году Карл и Карломан упоминаются в числѣ свидѣтелей в одной дарственной грамотѣ, выданной Пипином, а 28 іюля того же года в монастырѣ Сен-Дени вмѣстѣ с отцем и братом он был коронован папою. В 761—762 гг. принимал участіе в походѣ на Аквитанію, а в 763 г. получил в управленіе нѣсколько графств. Между Карлом и Карломаном были непріязненныя отношенія. По предположенію Абеля, причиною таких отношеній были неосновательныя притязанія Карломана. Дѣло в том, что Карл родился в то время, когда Пипин не был королем. Карломан же, родившійся послѣ возвышенія своего отца, мог ссылаться на преимущества своего рожденія. Конечно, извѣстной доли остроумія нельзя отнять от этих соображеній нѣмецкаго историка, так как каролингскій двор перенимал обычаи византійскаго, гдѣ большое значеніе имѣло право порфиророднаго, но есть основаніе думать, что не это было причиною несогласій между братьями. У Эйнгарда встрѣчаются замѣчанія о враждебных отношеніях между братьями, а в письмѣ англо-саксонскаго монаха Кадульфа есть указанія на взаимное по причинам личнаго характера братьев нерасположеніе, восходящее к их дѣтским годам. Это нерасположеніе обострилось и не замедлило перейти во вражду, когда к несходству нрава братьев присоединились недоразумѣнія политическаго рода.

Конец царствованія Пипина был ознаменован рядом походов против мятежных аквитанцев. Хотя Аквитанія была усмирена, но при вступленіи братьев в управленіе государством в ней вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго оказался какой-то аквитанец Гунальд. Так как Аквитанія находилась во владѣніи обоих братьев, то оба они двинулись в поход. По словам Лоршской лѣтописи, братья сошлись в Дуасдивѣ, при сліяніи двух рукавов рѣки Дивы, но здѣсь Карломан отказался помогать брату и возвратился обратно.

Карл должен был один продолжать поход. Собрав в Анжулемѣ достаточныя военныя силы, Карл двинулся к рѣкѣ Дордоніи. Поход Карла был успѣшен: Гунальд бѣжал в страну басков (в Пиренейских горах), но был выдан вмѣстѣ с женою по требованію побѣдителя. Герцогская власть в Аквитаніи была уничтожена, и Аквитанія раздѣлена на графства.

Ссора между братьями грозила породить в государствѣ опасную смуту, которая была предупреждена вмѣшательством их матери Бертрады, которой удалось помирить сыновей. Ранѣе, повидимому, Карломан благопріятствовал политики Дезидерія, а его старшій брат склонялся в пользу папской политики. Королева-мать сочувствовала союзу сыновей с лангобардским королем и баварским герцогом Тассилоном. Дѣйствительно, ей удалось скрѣпить этот союз родственными узами: Карл женился на одной дочери лангобардскаго короля, а баварскій герцог — на другой. Таким образом, всѣ представители власти тогдашняго Запада вошли как бы в состав одной семьи. Этот брак на дочери Дезидерія, врага папскаго престола, вызвал неудовольствіе папы Стефана III, всячески старавшагося удержать Карла от задуманнаго брака, который папа считал діавольским замыслом (diabolica immissio), отказываясь видѣть в нем брачный союз, а усматривая нечистую связь. По словам папы, славная раса франков пачкается союзом с „вѣроломным и грязнѣйшим“ лангобардским племенем, котораго нельзя даже причислять к числу народов, ибо из среды его может рождаться только проказа. Всѣ эти выходки папы не имѣли никакого успѣха: Карл в 770 году женился на дочери Дезидерія.

Тѣм не менѣе папа сумѣл извлечь выгоды из неодобряемаго им сближенія франкских королей с Дезидеріем. Послѣдній возвратил папѣ захваченные ранѣе им города, а уполномоченные Карла содѣйствовали возвращенію папских патримоній в беневентском герцогствѣ. Папа благодарил Бертраду и Карла за их заботы о выгодах папскаго престола. Мало того, вскорѣ папа так сблизился с лангобардским королем, что выдал ему вождей существовавшей в Римѣ франкской партіи, Христофора и сына послѣдняго Сергія. Христофор был ослѣплен с такою жестокостью, что три дня спустя скончался, а его сын Сергій был убит в тюрьмѣ. Разумѣется, этот поступок Дезидерія, учиненный при участіи папы и его приближеннаго Павла Афіарта, вызвал негодованіе при дворѣ франкских государей. Даже благосклонный к лангобардскому королю Карломан грозил мщеніем.

Может быть, гроза, собиравшаяся над лангобардами, была бы вовсе разсѣяна, но событія скоро сложились так, что катастрофа была ускорена. В декабрѣ 771 года скончался Карломан, и Карл был признан единоличным правителем всего франкскаго государства. Вдова Карломана с дѣтьми удалилась в Италію и

отдалась под покровительство Дезидерія. Смѣнившій на папском престолѣ скончавшагося в началѣ 772 года Стефана папа Адріан I оставил политику своего предшественника и стал искать сближенія с Карлом. Он рѣшительно отказался совершить, как этого требовал Дезидерій, помазаніе сыновей Карломана и этим вызвал нападеніе лангобардов. Сверх всего того, произошел полный разрыв с Карлом. Послѣдній отослал свою жену к тестю и женился на Гильдегардѣ. Это оскорбленіе вызвало крайнее негодованіе Дезидерія. Война стала неизбѣжна. Даже среди придворныхъ Карла Великаго было много недовольных его поступком и прежде всего его мать Бертрада, виновница заключенія прежняго союза с Дезидеріем. Родственник и совѣтник Карла Адальгард удалился в монастырь.

Враждебныя дѣйствія открыл Дезидерій опустошеніем и грабежом окрестностей Рима. Папа Адріан взывал о помощи, отправив посла своего морем через Марсель. Попытки Карла разрѣшить столкновеніе мирными переговорами не имѣли успѣха, так как лангобардскій король не согласился возвратить захваченные города и области. Приготовляясь к войнѣ, он приказал укрѣпить всѣ проходы через Альпы. Карл также спѣшил окончить свои военныя приготовленія. Свою армію он раздѣлил на двѣ части: одну часть вел сам через Мон-Сенисскій проход, а другую, под начальством дяди своего Бернгарда, отправил через проход Сен-Бернардскій. Лангобарды, не оказав никакого сопротивленія, в паникѣ очистили эти проходы, и Карл без пролитія крови проник в сѣверную Италію, а в сентябрѣ 773 года осадил столицу лангобардов г. Павію, гдѣ укрылся Дезидерій. Гарнизон города оказал упорное сопротивленіе и не скоро удалось франкам овладѣть этою твердынею лангобардскаго королевства. Не надѣясь взять Павію первым натиском, Карл главныя свои силы оставил продолжать осаду, а с остальными двинулся на г. Верону, гдѣ в это время находился Адальгис, старшій сын Дезидерія, с женою и дѣтьми Карломана. Город был взят; вдова и дѣти Карломана были захвачены, но Адальхис бѣжал ко двору византійскаго императора, на вмѣшательство котораго в дѣла Италіи он мог разсчитывать. Весною 774 года, около Пасхи, Карл двинулся к Риму. Римское населеніе, во главѣ с папою, устроило ему самый торжественный пріем. Карл, желая выразить свое благоволеніе к папѣ, подтвердил дарственную грамоту отца своего Пипина и собственноручно возложил ее на гробницу Св. Петра. Какой пріем был оказан Карлу в Римѣ со стороны папы и по какому чину, об этом говорится в житіи папы Адріана I, помѣщенном в Liber pontificalis, гдѣ сказано, что Карл был принят, как экзарх и патрицій (sicut mos est ad exarchum et patricium suscipiendum). Это указаніе с исторической точки имѣет немаловажное значеніе. Дѣло в том, что в данном случаѣ папскій

престол стремился перенести на короля франков всѣ обязанности, которыя раньше возложены были на равеннских экзархов, которые обыкновенно назначались из числа высших должностных лиц, имѣвших титул патрицiев. Таким образом, в этом замѣчанiи, находящемся в житiи папы Адрiана, заключается указанiе на тенденцiю, с которою стремились отнестись к франкам при папском дворѣ. Хотя Карл, повидимому, был вполнѣ удовлетворен оказанным ему прiемом со стороны папы, но по существу он мало был склонен разсматривать себя в положенiи экзарха. Как видно из ряда послѣдующих просьб папы о расширенiи предѣлов папской области и возстановленiи папских патримонiй и — из распоряженiй по этому поводу Карла, посылавшаго обыкновенно своих уполномоченных для производства разслѣдованiй на мѣстѣ, он дѣйствовал всегда в сознанiи полноты своих монархических прав на пространствѣ всей Италiи.

Вскорѣ послѣ возвращенiя Карла из Рима пала Павiя в самом началѣ iюля 774 года. С Дезидерiем побѣдитель обошелся в сущности довольно кротко: он отослал его с семейством в один из монастырей, находившiйся на сѣверѣ франкскаго государства. Так окончило навсегда свое самостоятельное существованiе лангобардское королевство; и в 774 году Карл к своему титулу присоединил наименованiе „короля лангобардов и патрицiя римлян“. Бѣжавшiй из Италiи сын Дезидерiя Адальгис, нашедшiй убѣжище при византiйском дворѣ, представлял нѣкоторую угрозу для Карла В. Дѣло в том, что захват Рима и равеннскаго экзархата франками византiйцы считали только временным и не могли примириться с таким исходом дѣла, а потому Адальгис мог основательно разсчитывать на помощь со стороны Византiи.

Хотя опасность со стороны внѣшняго вмѣшательства в италiанскiя дѣла была устранена вслѣдствiе кончины в 775 году талантливаго и энергичнаго Константина V Копронима, который мечтал о походѣ в Италiю, но тѣм не менѣе франки только постепенно упрочились в Италiи. Среди лангобардов не могла сразу угаснуть мечта о независимом лангобардском королевствѣ. Герцог фрiульскiй Гротгард в 775 году поднял возстанiе. Так как Гротгард не получил поддержки со стороны других лангобардских герцогов, то возстанiе скоро было подавлено. Глава возстанiя погиб; герцогство фрiульское было раздѣлено на графства, а участники возстанiя подверглись конфискацiи имущества. Так как волненiя в Италiи все таки продолжались, а лангобарды не могли забыть, что имѣли самостоятельное королевство и своего короля, то Карл рѣшил возстановить королевское достоинство у лангобардов. Он приказал своего малолѣтняго сына Пипина короновать в короли Италiи, а одновременно, желая доставить удовлетворенiе и Аквитанiи, недавно присоединенной, короновал другого своего сына Людовика королем этой страны. Для управле-

нія Италіей был отправлен примирившійся с Карлом бывшій совѣтник его Адальгард. Однако, и эта мѣра, имѣвшая характер признанія національных прав, не вполнѣ удовлетворила лангобардов. Беневентскій и сполетскій герцоги, в теченіе всего существованія лангобардскаго государства всегда стремившіеся к самостоятельности, еще долго доставляли Карлу хлопоты. В особенности пришлось считаться с притязаніями Арихиса беневентскаго, женатаго на одной из дочерей Дезидерія, ибо он провозгласил себя независимым государем (princeps) и короновался. В 787 году Карл должен был предпринять поход на непокорнаго герцога. Послѣдній, видя безнадежность борьбы, принес феодальную присягу Карлу, должен был выдать ему в качествѣ заложника сына своего Гримуальда и обязался платить дань. Почти в то же время Карлу В. удалось сдѣлать еще одно территоріальное пріобрѣтеніе: в 788 году он присоединил к составу франкскаго государства Истрію, до того времени принадлежавшую Византіи.

Присоединеніе лангобардскаго государства выдвигало для Карла и его народов широкія культурныя и особенно политическія задачи и в частности привело к возстановленію на Западѣ императорской власти, воспоминаніе о которой никогда не угасало. Однако, осуществленіе этой завѣтной мечты отдалялось борьбою с саксами, столкновеніями с баварским герцогом Тассилоном и многочисленными пограничными войнами с сосѣдними народами.

Среди германских племен, по своей численности и природным качествам, наряду с франками, первое мѣсто занимали саксы. Саксонскій вопрос для Карла имѣл чрезвычайно большую важность уже по одному тому, что племя саксов представляло громадный запас свѣжих сил, которыя могли быть употреблены или на пользу франкскаго государства, или во вред ему.

Племя саксов, сложившееся из ряда небольших германских племен, живших за Рейном, на сѣверѣ Германской равнины, со времени своего историческаго появленія в III вѣкѣ, находилось в постоянных и тѣсных сношеніях с франками, своими западными сосѣдями. Сын основателя франкскаго государства Хлодвига Теодорих, которому достались во владѣнія восточныя земли, находился в дружеских и союзных отношеніях с саксами. Вмѣстѣ с ними он воевал с тюрингами и послѣ покоренія их отдал саксам сѣверные округа Тюрингіи. В ближайшее, однако, время, в серединѣ VI вѣка, брату Теодориха Клотарю I пришлось вступить в борьбу с саксами. Эта борьба окончилась формальным подчиненіем саксов, которые обязаны были с этого времени платить ежегодную дань, наложенную на них в видѣ платежа 500 коров. При королѣ Дагобертѣ, 75 лѣт спустя, эта дань, наложенная на саксов Клотарем, была сложена, потому что саксы приняли на себя обязательство защищать восточныя области франкскаго го-

сударства от нападеній со стороны славянской монархіи Само. Как оказалось, они не были в состояніи выполнить удовлетворительно это обязательство, ибо не имѣли сильной политической организаціи, будучи раздѣлены на нѣсколько довольно самостоятельных союзов, занимавших довольно обширную территорію. Поселенія саксов на сѣверѣ были расположны до рѣки Эйдера, протекающей на югѣ Ютландіи, и шли к югу до сліянія рѣк Фульды и Верры, составляющих рѣку Везер. В другом направленіи саксонская земля простиралась от рѣки Эльбы и ея притока Заалы на востокѣ до самаго почти Рейна на западѣ. Таким образом, значительная часть теперешней сѣверной Германіи составляла область, заселенную саксами. Саксы дѣлились на четыре союза или племенных колѣна: энгеры, вестфалы, остфалы и нордальбингеры. Саксы-энгеры жили по рѣкѣ Везеру, занимая центр саксонской территоріи. Тѣ саксы, которые жили на запад от энгеров, назывались вестфалами, на восток — остфалами. Саксы, жившіе на сѣверѣ около Эйдера, назывались нордальбингерами (Nordalbinger, Nordliudi).

Саксы болѣе других германских племен удержали черты древняго германскаго строя. Их учрежденія и общественные порядки напоминают описанную Тацитом Германію. По словам писателя IX вѣка, саксы дѣлились на три класса: знатные (edhilingi), свободные (frilingi) и зависимые (lazzi). Во главѣ каждаго племеннаго округа стояли избранные старшины или князья (Vita Lebuini, M. G. SS. II, 361: singulis pagis principes praeerant singuli). В образѣ жизни саксов сохранялось много сѣдой древности. У них продолжали существовать первобытныя народныя собранія. Из житія св. Лебуина извѣстно, что на эти собранія (generale concilium) являлись выборные от каждаго округа (ex singulis pagis) в количествѣ 12 человѣк. Собранія сходились в серединѣ Саксоніи, около Везера, в мѣстности, называемой Маркло. Здѣсь рѣшались всѣ общественныя дѣла по обычаях племеннаго права и обсуждались вопросы о военных приготовленіях и сборах. Судя по тому, что собранія происходили на Везерѣ, в центрѣ Саксоніи, является правдоподобным предположеніе, что в житіи св. Лебуина описывается вѣче одной отрасли саксонскаго народа, саксов-энгеров.

Будучи многочисленным и сохранившим старинныя германскія установленія племенем, саксы являлись безпокойными сосѣдями франков. Так как границы этих племен сходились на равнинѣ и только в нѣкоторых мѣстах были обозначены большими лѣсами и горными возвышенностями, то по всей пограничной чертѣ происходили постоянные и взаимные грабежи и нападенія. Карл Мартелл с трудом подчинил вестфалов и обложил их данью, но уже Карломану приходилось снова воевать с возставшимися вестфалами. Пипин Короткій два раза ходил походом в Вестфа-

лію и наложил дань в видѣ ежегоднаго пригона 300 коней. Кромѣ того, он принудил их впустить в свою страну проповѣдников христіанства. Таким образом, когда вступил на престол Карл, то отношенія к саксам далеко не были установлены. Саксы только формально и внѣшним образом причислялись к франкскому государству, а в сущности сохраняли свою племенную независимость. Постоянныя пограничныя столкновенія являлись лишь поводом к войнѣ, а главная причина, побуждавшая франков начать и ожесточенно продолжать борьбу против саксов, коренилась гораздо глубже: на противоположности жизненных начал и элементов общественности саксов и франкской монархіи. С одной стороны, франки были давно христіанами, а саксы оставались по-прежнему язычниками. С другой стороны, в то время, как у саксов в VIII столѣтіи сохранялись старо-германскія установленія и принципы народной свободы, у франков успѣла упрочиться монархическая власть, в значительной степени усвоившая традиціи античной древности. Слѣдовательно, это была борьба христіанства с язычеством, монархических учрежденій с демократическими. Этим объясняется продолжительность и ожесточенность борьбы. Можно сказать, что Карл исчерпал всѣ мѣры, чтобы сломать сопротивленіе саксов: он разрушал святыни саксов, строил города в их странѣ, устраивал переправы через рѣки, собирал сеймы, часто брал заложников, налагал строгія и даже жестокія наказанія за возстанія и приверженность к старинѣ, принудительно крестил, вводил франкскія учрежденія, наконец прибѣгал к избіенію населенія, выводу цѣлыми тысячами и переселенію во внутреннія франкскія области. Всѣ эти мѣры долгое время не приводили к желанному для Карла успѣху. Только, когда успѣло подрости новое поколѣніе, уже привыкшее к франкским порядкам, закончилась саксонская война. В общем эта борьба между франками и саксами, на которую Карл не жалѣл ни средств, ни сил, продолжалась свыше 30 лѣт (772—804). В теченіе этого времени Карл предпринял против саксов то с бо́льшими, то с меньшими силами около двадцати походов.

Вопрос о войнѣ был рѣшен на государственном сеймѣ, созванном Карлом В. в 772 г. в Вормсѣ, и военныя дѣйствія начались на югѣ саксонской территоріи, в землѣ энгеров, гдѣ Верра и Фульда образуют своим сліяніем Везер. Здѣсь в серединѣ Саксоніи находилось святилище Ирминсул, которое было по приказанію короля разрушено до основанія. Воспользовавшись отсутствіем Карла, который был занят дѣлами Италіи, энгеры и вестфалы возобновили военныя дѣйствія. Саксы опустошили Гессен и сожгли Фрицлар. Карл осенью того же 774 года отправил в Саксонію 4 отряда, которые жестоко опустошили страну врагов, а в августѣ 775 года он сам с большими силами вступил в Саксонію и привел к повиновенію энгеров и вестфалов. Тогда же послѣдо-

вало первое массовое крещеніе саксов. На государственном сеймѣ в Падерборнѣ, гдѣ присутствовали саксы и франки, послѣ Пасхи 777 года состоялось торжественное подчиненіе саксов Карлу. На этом же сеймѣ аббату фульдскаго монастыря Штурму было поручено дѣло распространенія христіанства среди саксов. Успокоеніе продолжалось недолго. Когда Карл отправился походом в Испанію, в Саксоніи вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго стоял вестфал Видукинд. Саксы разграбили всѣ поселенія по правой сторонѣ Рейна, вплоть до Кобленца; опасность угрожала и фульдскому монастырю, гдѣ хранились мощи Бонифація. Весною 779 г. Карл проник в сердце Саксоніи, а в слѣдующем году франки прошли до Эльбы. Остфалы и часть нордальбингеров были вынуждены принять крещеніе. Саксонія в такой мѣрѣ представлялась успокоенной, что Карл отправил против славян, живших между Эльбою и Заалою, соединенный франко-саксонскій отряд. Саксы вѣроломно во время похода напали на франков и всѣх их перебили. Получив эту печальную вѣсть, король пошел к сліянію Везера и Аллера и потребовал выдачи виновных в вѣроломствѣ. Саксы выдали 4500 человѣк, которые по приказу разгнѣваннаго короля были казнены, а главный виновник Видукинд бѣжал к датчанам. Около того же времени был издан саксонскій капитулярій (Capitulatio de partibus Saxoniae), которым была установлена смертная казнь за нарушеніе вѣрности по отношенію к королю, за насилія и оскорбленія церкви, поджоги и воровство, а равно за приверженность к язычеству. Дѣти под страхом взысканія штрафа 15—120 солидов должны быть крещены в теченіе перваго года их жизни. Страна была раздѣлена на графства, во главѣ которых поставлены франки и знатные саксы, принявшіе христіанство и принесшіе клятву вѣрности королю.

Этими грозными событіями 782 года закончился первый період войны, но вскорѣ не замедлило снова по всей Саксоніи вспыхнуть новое возстаніе, ибо Видукинд среди всѣх племен имѣл приверженцев. В теченіе трех лѣт (783 - 785) Карл опустошал страну, начиная походы с ранней весны. Особенно продолжительны были походы 784 года, когда франкскія войска доходили до Эльбы и Заалы, повсюду истребляя населеніе и поселки, а с собою уводя толпы плѣнных. Бѣдствія и неудачи сломили сопротивленіе. Глава возстанія Видукинд явился с повинной головой к побѣдителю и в концѣ 785 года принял крещеніе в Аттиньи. На 7 лѣт в Саксоніи настало успокоеніе: саксы посылали вспомогательныя войска по требованію короля и являлись на государственные сеймы, а также оказали дѣятельную помощь Карлу при подчиненіи Баваріи.

Только, когда Карл стал приготовляться к походу на аваров, в Саксоніи снова поднялось возстаніе. Повсюду саксы стали разрушать церкви, убивать священников и возстановлять идолов.

Начиная с 794 года, снова возобновились походы на саксов, направленные главным образом против Нордальбингіи и гнѣзда возстаній — Вигмодіи, расположенной между Везером и Эльбою. На этот раз Карл нашел себѣ союзников в лицѣ славянскаго племени бодричей (abodriti), живших на правом берегу Эльбы. Желая окончательно сломить упорное сопротивленіе сѣверных саксов, король предпринял массовыя переселенія их во внутреннія и западныя области франкскаго государства. Уже в 795 году он выселил свыше 7 тыс. человѣк, два же года спустя почти треть всего населенія сѣверных саксонских округов, а их земли отдал франкским поселенцам. Наконец, в 804 году он выселил из Вигмодіи и округов, расположенных по нижнему теченію Эльбы, около 10 тыс. человѣк, а их земли отдал своим союзникам бодричам. Только этими рѣшительными мѣрами было сломлено упорное сопротивленіе сѣверных саксов и окончена многолѣтняя борьба. Для довершенія дѣла Карл основал бременское, мюнстерское и падерборнское епископства, возложив на них упроченіе в сѣверной Германіи христіанской миссіи.

Борьба Карла с баварским герцогом Тассилоном была менѣе упорна и продолжительна, чѣм борьба с саксами, но не менѣе важна по своим послѣдствіям, ибо довершила объединеніе всѣх германских племен, живших на континентѣ Европы. Покореніем саксов и уничтоженіем баварскаго герцогства Карл заложил основаніе будущей Германіи, а потому по справедливости может быть назван ея основателем.

Занимая долину Дуная, бавары приходили в соприкосновеніе, с одной стороны, с лангобардами, которые, как извѣстно, поселились в Италіи, а, с другой стороны, с славянами. Рубежом между владѣніями баваров и лангобардов было верхнее теченіе рѣки Эчи, впадающей в Адріатическое море выше р. По, а от славянских земель Баварія отдѣлялась долиной Пустерталя, расположенной на верховьях Дравы, притока Дуная. Восточную границу составляла рѣка Энс, гдѣ бавары граничили с аварами. Таким образом, ядром Баваріи были земли, расположенныя к югу от Дуная, на протяженіи между рѣками Лехом и Энсом, правыми притоками его. Кромѣ того, к Баваріи причислялась территорія, расположенная к сѣверу от Дуная, извѣстная под именем сѣверной марки (Nordgau).

Баварія довольно рано вошла в состав франкскаго государства. Уже внук Хлодвига Теодберт причислял ее к своим владѣніям. Впрочем, связь Баваріи с франкским государством была слабая: бавары не уплачивали франкам дани и имѣли собственных наслѣдственных герцогов из фамиліи Агилольфингов. Около середины VI вѣка во главѣ баваров стоял герцог Гарибальд, отец Теоделинды, игравшей столь значительную роль в исторіи лангобардскаго королевства. Во время смут, извѣст-

ных под именем борьбы Брунегильды и Фредегонды, бавары, подобно тюрингам и саксам, пользуясь ослабленіем центральной власти, достигли почти полной самостоятельности. Когда франкское государство со времени Карла Мартелла стало собираться с силами, то сначала франкским майордомам, а потом королям, неоднократно приходилось считаться с домогательствами баварскаго герцога. Так, напр., при Карломанѣ и Пипинѣ герцог баварскій Одилон поднял возстаніе, но был разбит в битвѣ на рѣкѣ Лехѣ в 743 году. Хотя Одилону был оставлен герцогскій титул, но Баварія лишилась сѣверной марки.

По смерти Одилона Баварію пытался захватить побочный сын Карла Мартелла Грифон, мать котораго была баварской принцессой, но Пипин Короткій в 748 году сдѣлал герцогом Одилонова малолѣтняго сына Тассилона. Этот послѣдній, достигнув совершенных лѣт, обнаруживал стремленія к самостоятельности, датируя грамоты по годам своего правленія, величая себя в них „могущественным государем“, с присоединеніем присвоенных королевскому титулу эпитетов: illuster, gloriosissimus. Послѣ того, как Карл отослал свою жену к ея отцу Дезидерію, сестра ея Ліутберга, бывшая замужем за Тассилоном, всегда подбивала мужа к враждебным дѣйствіям против Карла, но особенно отношенія обострились послѣ паденія лангобардскаго государства. Повидимому, Тассилон находился в сношеніях с Адальхисом, сыном Дезидерія, и собирался оказать помощь непокорному беневентскому герцогу Арихису. Эти происки привели к тому, что к баварскому герцогу было отправлено Карлом и папою посольство, которое потребовало возобновленія вассальной присяги, принесенной им еще Пипину Короткому. В 781 году Тассилон прибыл в Вормс, гдѣ принес присягу вѣрности и дал заложников. Однако, и послѣ этого политика баварскаго герцога продолжала внушать подозрѣнія. Его обвиняли в сношеніях с византійским правительством и в союзѣ с аварами, которых он подбивал к нападеніям на франкское государство. В 787 году Тассилон прибѣг к посредничеству папы, желая оттянуть, повидимому, время, но папа отвѣтил призывом к покорности и напоминаніем о вассальной присягѣ. На этот раз Карл дѣйствовал рѣшительно. Сам он с войсками прошел до рѣки Леха. Другая армія, в состав которой входили франки из Австразіи, тюринги и саксы, двинулась с сѣвера и перешла Дунай, а третья армія, под предводительством италіанскаго короля Пипина, прошла с юга до Тріента. Не будучи в состояніи сопротивляться соединенным силам почти всего франкскаго государства, Тассилон признал себя побѣжденным. Явившись на сейм в Аугсбург, он дал новых заложников и в том числѣ своего сына. Любопытно отмѣтить, что симпатіи населенія Баваріи были не на сторонѣ наслѣдственнаго герцога, или, по крайней мѣрѣ, там была значительная партія, которая не

одобряла политики герцога. В слѣдующем году (788) бавары выступили обвинителями против своего герцога. Обличенный на сеймѣ в Ингельгеймѣ, Тассилон был приговорен за измѣну к смертной казни, но Карл ограничился примѣненіем мѣры, которая была примѣнена раньше к Дезидерію. Тассилон и члены его семьи были пострижены в монашество и разосланы по разным монастырям. Таким образом, в 788 г. Баварія вошла в болѣе тѣсную связь с прочими германскими землями, ибо герцогская власть в ней была упразднена, а управленіе страною передано графам, стоявшим во главѣ отдѣльных графств.

Одновременно с объединеніем германских народов Карлу пришлось вести цѣлый ряд пограничных войн с сосѣдями.

Из этих сосѣдей особенно безпокойными являлись авары. Авары — это народ тюрско-финнскаго происхожденія, нѣкогда кочевавшій в средней Азіи. Пройдя через равнины южной Россіи, они в V вѣкѣ поселились в степях средняго Дуная и его притока Тиссы. Оказавшись в ближайшем сосѣдствѣ с германскими и славянскими племенами, авары постоянно являлись бичем для всѣх своих культурных сосѣдей. Они непрерывно грабили германцев и славян и предпринимали опустошительныя нападенія на Балканскій полуостров, доходя при своих набѣгах до стѣн Константинополя. В началѣ VII вѣка, встрѣтив рѣшительный отпор со стороны императора Гераклія и со стороны славянских народов, образовавших монархію Само, центром которой была Чехія, авары в значительной степени сократили свои набѣги, но все же продолжали время от времени тревожить своих сосѣдей. В 788 году они предприняли поход на сѣверную Италію и разграбили фріульскую область. Нападеніе их на Баварію было с успѣхом отбито. Тогда в 791 году Карл предпринял большой поход на аваров, желая обезопасить свои восточныя земли. Сборным пунктом был назначен город Регенсбург. Выступив оттуда, войска двигались вдоль Дуная. По сѣверному или лѣвому берегу шли саксы, тюринги, фризы, восточные франки, а по правому берегу Карл с франками и алеманами, по рѣкѣ же двигались суда, нагруженныя съѣстными припасами. Авары уклонялись от рѣшительнаго сраженія, отступая в глубь страны. Опустошая страну, Карл прошел до притока Дуная Рааба, не встрѣчая особеннаго сопротивленія. Только страшная зараза, от которой погибли почти всѣ кони, заставила его прекратить поход и возвратиться обратно в Регенсбург. Этим походом было положено начало аварской войнѣ, которую Карл предоставил продолжать своим полководцам, а главным образом герцогу фріульскому Эриху и своему сыну Пипину, королю Италіи. В 795 году Эрих проник в глубину аварской страны, овладѣл аварской твердыней, извѣстной под именем Ринга (hringum gentis Avarorum), находившейся гдѣ-то между Дунаем и Тиссою, и возвратился с богатою

добычею. Ближайшим послѣдствіем этого похода было крещеніе одного из аварских вождей. Франкам досталась такая добыча, которая поразила воображеніе современников. Им досталось все, что авары награбили в теченіе $2^1/_2$ вѣков на Западѣ и Востокѣ. В слѣдующем году Пипин предпринял новый поход и на этот раз совершенно уничтожил аварскій Ринг. Однако, эти побѣды еще не сломили сопротивленія аваров. Походы повторялись и в послѣдующіе годы (797, 802, 803 гг.); и только в 805 году остатки аварскаго народа признали себя побѣжденными и просили отвести им мѣста для поселенія. Просьба их была удовлетворена, и им были отведены земли на рѣкѣ Лейтѣ.

В результатѣ этого аварскаго разгрома было расширеніе границ фріульской марки, которой были отданы всѣ земли на юг от Дравы. Из тѣх земель, которыя расположены на загибѣ, дѣлаемом Дунаем с сѣвера к югу, была образована особая пограничная область или марка, извѣстная под именем аварской или паннонской границы, под управленіем графа (avarici limitis custodes, Pannonici limitis praefecti). Впослѣдствіи эта область, расположенная на восток от Энса, стала называться Восточной маркой (Ostmark). Этот разгром аварскаго ханства открыл свободную дорогу для нѣмецкой колонизаціи в направленіи на юго-запад, в области, расположенныя по притокам средняго Дуная, Дравѣ и Савѣ. Центром этой колонизаціи сдѣлался Зальцбург, а руководителями ея Зальцбургскіе архіепископы, которые стали считать Паннонію и Моравію, заселенныя славянами, своею епархіей.

Менѣе успѣшны, чѣм аварская война, были другія пограничныя войны, которыя вел Карл с арабами и басками в Испаніи, со славянами и датчанами на сѣверо-востокѣ государства.

Как извѣстно, один из Омейядов, спасшійся от истребленія этого рода Аббасидами в 750 году, нашел убѣжище в далекой Испаніи и основал здѣсь независимый кордовскій халифат в 755 году. С тѣх пор началось распаденіе грознаго единства мусульманскаго міра. Багдадскіе халифы по политическим и религіозным соображеніям относились враждебно к кордовским халифам. Эти обстоятельства благопріятствовали тому, что христіанскій мір перешел от обороны к наступленію как на Востокѣ, так и на Западѣ. В частности вмѣшательству Карла в дѣла кордовскаго халифата содѣйствовали смуты и раздоры среди испанских арабов. Эмир или вали Барселоны и Героны Сулейман Ибн-эль-Араб прибыл в Падерборн к Карлу в 777 году с просьбою о помощи против кордовскаго халифа, обѣщая сдать франкам свои города. Имѣя в виду обезопасить Аквитанію как от нападеній арабов, так и от басков, Карл охотно согласился вмѣшаться в дѣла сосѣдняго халифата. Послѣ Пасхи 778 года двѣ франкскія арміи, из которых одна находилась под началь-

ством короля, перешли Пиренеи. Успѣх, однако, не соотвѣтствовал ни огромным сборам, ни ожиданіям, возлагавшимся на предпріятіе. Прежде всего обнаружилось, что христіанское населеніе, т. е. баски, которые сохранили свою независимость в горных мѣстностях, отнеслись к франкам враждебно, нападая на отставшіе отряды, затрудняя передвиженіе похищеніем скота и т. д. С другой стороны, вопреки обѣщаніям барселонскаго правителя, приходилось брать города силою. Были взяты Пампелуна и Герона, а затѣм всѣ силы франков были сосредоточены под Сарагоссой, но взять этот город не удалось. Тогда Карл приказал разрушить стѣны и укрѣпленія Пампелуны и начал отступленіе. Когда войска переходили по горной и лѣсистой мѣстности, баски напали на задній отряд и истребили его.

Этот эпизод заслуживает упоминанія, ибо послужил зерном средневѣковаго народнаго эпоса, героем котораго сдѣлался Роланд, выдаваемый за племянника Карла Великаго. Дѣйствительно, в числѣ погибших при нападеніи басков, как говорит Эйнгард в своей біографіи Карла Великаго, был Hruodlandus Brittanici limitis praefectus.

Таким образом, поход 778 года в сущности окончился полною неудачею. Франкам, может быть, удалось удержать в своих руках лишь город Герону. Назначив в Аквитанію своего малолѣтняго сына Людовика королем в 781 году, Карл возложил на аквитанцев продолженіе борьбы в Испаніи. Людовик и аквитанцы дѣйствовали с большою осторожностью при завоеваніи сѣверной Испаніи, занимаясь постройкою и укрѣпленіем городов и поселеніем колонистов на склонах Пиренеев. Только в 800—801 гг. возобновились наступательныя дѣйствія, когда были взяты Лерида и Барселона. В 806 году были присоединены Наварра и Пампелуна, а в 811 году взята Тортоза послѣ больших усилий. В 812 году был заключен с кордовским халифатом мир, по условіям котораго за франками остались их завоеванія, а из них была образована испанская марка, простиравшаяся от Пиренейских гор до рѣки Эбро.

Завоеваніе Саксоніи и аварской земли, а равно присоединеніе Баваріи поставило франкское государство в ближайшее сосѣдство с цѣлым рядом славянских племен. В концѣ VIII вѣка границею славян являлась рѣка Эльба на всем ея протяженіи от устья до впаденія в нее Заалы, а затѣм граница шла по этой послѣдней рѣкѣ. Значительная часть (болѣе двух третей) современной Германіи в ту пору была заселена славянскими племенами, ибо дальше западная граница шла по Шумавѣ (Богемскій лѣс) к Дунаю, ниже впаденія Инна, к верховьям Мура и Дравы и к сѣверному углу Адріатическаго моря. На всем протяженіи этой границы от Адріатическаго до Нѣмецкаго моря обитали славянскія племена, одни из которых теперь причисляются

к западным, другія — к южным славянам. Особенно много потерь понес славянскій мір в областях, смежных с саксонскою землею, гдѣ на равнинѣ между Эльбою и Вислою разселились многочисленныя славянскія племена, образовывавшія три больших племенных союза: бодричи, лютичи и поморяне. На юг от лютичей, между Эльбою и Заалою, вплоть до Рудных гор, в предѣлах теперешней Саксоніи, жили лужичане или лужицкіе сербы. Далѣе на юг, в той созданной природою крѣпости, которая образует рѣзко отпечатанный на картѣ четыреугольник, ограниченный горными цѣпями Судет, Рудных гор и Шумавы, расположена Чехія; к чешской землѣ с юго-востока примыкала Моравія, земля родственных чехам мораван. Наконец, на Тиссо-Дунайской равнинѣ, около Блатенскаго озера (Platten-See), жили паннонскіе славяне. Конечно, всѣ эти союзы не были опасны порознь, но представляли большую политическую опасность на случай их возможнаго объединенія. Возможность подобнаго объединенія значительной части этих союзов была доказана, когда образовалась большая монархія Само в VII вѣкѣ. Впрочем, ко времени Карла оставались лишь одни воспоминанія об этой грозной для аваров и франков монархіи. Между отдѣльными племенными союзами не было никакого единенія, а в предѣлах каждаго из них раздоры и столкновенія между отдѣльными племенами.

Во время войны с саксами Карлу оказали значительныя услуги бодричи и были щедро награждены передачею в их владѣніе земель нордальбингеров, когда послѣдніе были выселены в Галлію. Так как бодричи враждовали со своими сосѣдями лютичами, то послѣдніе естественно являлись врагами Карла и усердными союзниками саксов и датчан. Когда сопротивленіе саксов было сломлено, то Карл приступил к борьбѣ против лютичей. С значительными военными силами он перешел через Эльбу и дошел до рѣки Пѣны, опустошая безжалостно страну лютичей. Этот поход 789 года окончился тѣм, что лютицкій князь Драговид признал зависимость от франкскаго государства. В этом походѣ вмѣстѣ с франками ходили на лютичей бодричи и лужицкіе сербы. Таким образом, одни славяне охотно помогали Карлу против других, нисколько не сознавая опасности подобнаго рода политики.

Это отсутствіе сознанія общих племенных выгод не замедлило принести свои плоды. Всѣ славянскія племена, одно за другим, должны были признать свою зависимость от франкскаго государства. В 806 году сын Карла Великаго Карл был послан против лужицких сербов. Их князь Милидух был разбит и погиб в борьбѣ, а остальные князья поспѣшили покориться и дали заложников. Тогда же были построены два города: Магдебург на Эльбѣ и Галле на Заалѣ. Оба эти города сдѣлались опорными пунктами для дальнѣйшаго завоеванія восточных славянских земель

и иноплеменной, преимущественно нѣмецкой, колонизаціи. Лютичи не подали помощи лужицким сербам, помня их содѣйствіе Карлу. Мало того, вскорѣ послѣ 806 года они вмѣстѣ с датским королем Готфридом и отпавшими от бодрицкаго союза племенами смольнян и глинян напали на бодричей. Послѣдніе, не имѣя возможности сопротивляться, вынуждены были дать обѣщаніе платить дань датчанам. Однако, вскорѣ (808 г.) бодрицкій князь Дражко с помощью саксов, прибывших под начальством Карла, сына императора, разгромил земли смольнян и глинян и этим принудил их присоединиться к бодрицкому союзу. Лютичи все же, опираясь на датчан, продолжали отстаивать свою независимость. Только послѣ погибели Готфрида, короля датскаго, походы 811—812 гг. принудили лютичей дать заложников и подчиниться франкскому государству. Всѣми этими событіями было положено начало завоеванію славянских земель, расположенных между Эльбою и Одером. Исполненіе этой задачи выпало на долю преемников Карла Великаго, королей саксонской династіи, и саксонских князей. Во всяком случаѣ свидѣтельство Эйнгарда, что Карл Великій подчинил и сдѣлал данниками всѣ народы, жившіе между Рейном и Вислою, слѣдует признать преувеличеніем придворнаго біографа.

Еще менѣе успѣшны были попытки Карла Великаго подчинить своей власти Чехію, обитатели которой тревожили своими набѣгами сосѣднюю Германію и успѣшно заселяли земли, расположенныя по верхнему теченію рѣки Майна и между Шумавою и Дунаем. Войны с чехами представляли большія трудности, так как страна их была защищена горами и огромными пограничными лѣсами. В 805 году было послано на чехов одновременно нѣсколько отрядов. Один, под начальством сына Карла В. — Карла, пошел по Германіи (Франконіи) через Шумаву; другой отряд, состоявшій из саксов и союзных славян, прошел земли лужицких сербов и проник в Чехію через Рудныя горы, а третій отряд, ополченіе всей Баваріи, проник в страну с юго-запада. Всѣ войска благополучно сошлись в долинѣ Огры или Егера, недалеко от впаденія этой рѣки в Эльбу. Чехи уклонялись от рѣшительнаго сраженія, укрываясь в лѣсах и непроходимых мѣстностях. Пограбив Чехію и испытывая недостаток в кормѣ для лошадей и не имѣя съѣстных припасов, войска скоро ушли обратно, не достигнув никаких успѣхов. Единственным успѣхом этого похода, в котором принимали участіе всѣ военныя силы Германіи, было пораженіе и смерть какого-то чешскаго князя Леха. Второй поход на Чехію слѣдующаго года окончился, повидимому, полной неудачей. Лоршскіе анналы, говоря объ участіи в этом походѣ 806 года баварцев, аллеманов и бургундов, могли засвидѣтельствовать лишь о том, что войска возвратились домой, не потерпѣв значительных потерь (absque ullo gravi incommodo).

Военныя дѣйствія против датчан были слѣдствіем войн Карла Великаго с саксами и славянами. Король датскій Готфрид покровительствовал Видукинду, давал пріют бѣглым саксам, не желавшим примириться с потерею независимости, тѣснил бодричей, бывших союзниками Карла, помогал лютичам и обложил даже бодричей данью. Желая обезопасить Германію со стороны Даніи, Карл распорядился построить крѣпкій бург Эзесфельд (нынѣ Itzehoe) в 809 году на рѣкѣ Стёрѣ, вблизи устья Эльбы, и поселил там военных колонистов, набранных из разных областей государства. В слѣдующем году Готфрид с большим флотом напал на берега Фризіи. Слух об этом нападеніи произвел всеобщую панику при франкском дворѣ. Карл покинул Ахен, не считая себя здѣсь в безопасности, и приказал спѣшно строить корабли в Нейстріи и охранять гавани и устья рѣк. Сам лично с военными силами он пошел к Вердену на Аллерѣ (в Саксоніи), чтобы отразить нападеніе датскаго короля. Здѣсь он получил извѣстіе о том, что датскій флот ушел от берегов Фризіи, и что король Готфрид убит одним из своих дружинников. Неожиданная смерть Готфрида избавила Карла от безпокойств и опасности, ибо с преемником убитаго короля был заключен в 811 году мир.

Всѣ эти войны, которыя вел Карл Великій на всем пространствѣ Западной Европы, завершены были вѣнчаніем его в 800 году императорскою короною в г. Римѣ.

Это событіе впослѣдствіи было извѣстно обыкновенно под именем возстановленія Западной римской имперіи, но без достаточных к тому основаній. Дѣло в том, что в послѣдніе вѣка существованія Западной римской имперіи и в послѣдующія времена, когда почти всѣ области Западной римской имперіи были заняты различными германскими варварскими народами, в сознаніи современников продолжало господствовать представленіе о существованіи единой христіанской Имперіи. Этому сознанію нисколько не препятствовало то обстоятельство, что в концѣ IV вѣка произошло раздѣленіе на Восточную и Западную имперіи, не препятствовало потому, что принципіально Имперія продолжала оставаться единою, потому что двѣ Имперіи были разсматриваемы как двѣ части единаго государства, а два императора — как коллеги (commune imperium, divisis tantum sedibus). Когда в 476 г. римскій сенат рѣшил отослать императорскія инсигніи в Константинополь послѣ низложенія Ромула-Августула, то этим желал выразить и дѣйствительно выразил то убѣжденіе, что при данном положеніи дѣл нѣт необходимости в двух императорах, что Имперія может ограничиваться одним представителем императорской власти, как на Востокѣ, так и Западѣ, каким был император, имѣвшій резиденцію в Константинополѣ. Что подобное положеніе признавалось на Западѣ, можно видѣть из различных исторических фак-

товъ. Такъ, напр., Теодорихъ Великій основаніе своей власти въ Италіи видѣлъ въ милости императора. Римскіе папы, церковную власть которыхъ признавалъ весь Западъ, преклонялись передъ авторитетомъ и высшей государственною властью императоровъ. Бургундскій король Сигизмундъ добивался званія патриція для узаконенія своего владѣнія въ Галліи. Хлодвигъ, основатель франкскаго государства, весьма гордился титуломъ консула, а его сынъ Теотбертъ, управлявшій восточными землями, былъ доволенъ титуломъ патриція. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ варварскіе короли старались войти въ сношенія съ византійскимъ правительствомъ и получить отъ него ту или другую легитимацію или санкцію, выражавшуюся въ пожалованіи придворнаго званія или чина.

Такое сознаніе единства власти, дѣйствовавшей на пространствѣ всего христіанскаго міра, совпадало съ убѣжденіемъ, свойственнымъ средневѣковому обществу, о томъ, что, какъ одинъ Богъ на небѣ, такъ и на землѣ въ предѣлахъ христіанскаго міра, можетъ быть только единственный, законный представитель свѣтской власти, носитель императорской короны. Такимъ образомъ, ни самъ Карлъ Великій, ни его современники не могли разсматривать коронованія 800 г., какъ такой актъ, который долженъ былъ возстановить Западную римскую имперію. Короновавшійся въ 800 г. императорскою короною Карлъ Великій и возложившій на него эту корону папа Левъ III руководились другими соображеніями и имѣли другія представленія о совершившемся событіи.

Въ самомъ дѣлѣ, уже задолго до этого событія, лѣтъ приблизительно за 70 до него, вполнѣ опредѣлился разрывъ между западнымъ христіанскимъ міромъ и восточнымъ. Этнографическія и культурныя различія между Западомъ и Востокомъ существовали съ незапамятныхъ временъ, а именно: Западъ былъ латинскимъ, Востокъ — эллинистическимъ, но это не препятствовало единству политической организаціи, выражавшемуся въ существованіи единой императорской власти. Дѣло совершенно измѣнилось, когда къ этнографическимъ и бытовымъ различіямъ Востока и Запада присоединились и церковно-религіозныя несогласія VIII—IX вв. Въ это время въ церковной жизни Востока проявилось въ рѣзкихъ чертахъ раціоналистическое или грубо-реальное направленіе, принявшее форму борьбы противъ иконопочитанія. Императоръ Левъ III Исаврянинъ (717—741), побуждаемый какъ злоупотребленіями, обнаружившимися въ церковной жизни, такъ и духомъ практическаго реализма, открылъ такъ называемое иконоборческое движеніе, которое по существу оказалось враждебнымъ античной традиціи, всегда стремившейся всякую идею выразить въ соотвѣтствующей изящной формѣ. Опираясь на сочувствіе населенія Италіи, папа Григорій II выступилъ противникомъ иконоборческихъ мѣръ императора. Хотя папа былъ далекъ отъ мысли подрывать политическую власть Ви-

зантіи, хотя он продолжал считать себя подданным императора, тѣм не менѣе это движеніе, начавшееся при нем и продолжавшееся при его преемникѣ Григоріи III, положило начало для полнаго разрыва между Западом и Востоком. Как извѣстно, сопротивленіе со стороны пап побудило императора Льва III конфисковать патримоніи папскаго престола и изъять земли Балканскаго полуострова из подчиненія церковной власти римских епископов. Этот удар, нанесенный римскому престолу, был чрезвычайно внушительным и мог бы низвести римских епископов к положенію заурядных областных епископов, если бы утраты, понесенныя папами на Востокѣ, не были возмѣщены на Западѣ. Приблизительно в то самое время, когда византійская политика нанесла такой страшный удар папскому престолу, произошло обращеніе в христіанство многих германских племен, живших в глубинѣ Германіи. Англо-саксонскій монах Винфрид, болѣе извѣстный под именем Бонифація, распространил христіанство среди фризов, гессенцев, баварцев, тюрингов и своим вліяніем и церковными реформами достиг подчиненія всѣх церквей франкскаго государства высшей церковной власти римскаго епископа. Всѣ епископы Нейстріи и Австразіи дали в самой торжественной формѣ обѣщаніе всегда быть послушными дѣтьми римской епископской каѳедры.

Хотя таким образом папство было вознаграждено за свои потери на Востокѣ, но все же оно продолжало испытывать значительныя затрудненія, так как ему приходилось считаться с сильными домогательствами лангобардских королей объединить всю Италію под своей властью. Таким образом, папы в VIII столѣтіи были поставлены между двух опасностей: с одной стороны, с византійским правительством на религіозной почвѣ продолжались раздоры, а, с другой стороны, грозил полный захват со стороны лангобардов, а слѣдовательно превращеніе Рима в областной город лангобардскаго государства. При таких условіях вполнѣ естественно, что политическій смысл подсказывал папам необходимость союза с франкским государством.

Франки, по представленіям Григорія II и Григорія III, могли быть надежными и желанными союзниками папскаго престола, так как были достаточно могучи, чтобы с успѣхом защищать пап от лангобардскаго натиска, и достаточно ортодоксальны, чтобы замѣнить византійское правительство, а, с другой стороны, они были достаточно далеки от Рима, вслѣдствіе чего не могли умалить мѣстное вліяніе пап на политическія дѣла Италіи. К несчастью для пап, тогдашній правитель франков майордом Карл по политическим соображеніям болѣе дорожил союзом с лангобардским королем Ліутпрандом, чѣм дружбою с папами, а потому не склонен был вмѣшиваться в дѣла Италіи. Однако, послѣ смерти Карла († 741) обстоятельства сложились болѣе благопріятно

для папской политики. Сыновья Карла Мартелла, Карломан и Пипин, были люди другого направленія. Карломан был очень религіозен и скорѣе монах, чѣм правитель, Пипин же, сдѣлавшійся единоличным правителем послѣ удаленія брата в монастырь, имѣл свои политическія соображенія, которыя заставили его иначе взглянуть на стремленія папскаго престола к сближенію. Папы, тѣснимые лангобардами, нуждались в матеріальной поддержкѣ, а Пипин Короткій нуждался в нравственной поддержкѣ и церковной санкціи для задуманнаго им государственнаго переворота. Давно уже созрѣла мысль о необходимости устранить одряхлѣвшую династію Меровингов и возвести на королевскій престол дѣйствительных представителей государственной власти, но эта мысль могла осуществиться не иначе, как с высшей санкціи представителя церкви, авторитет котораго признавал весь Запад. Таким образом, событіе 751 года, когда Пипин был коронован, с одобренія папы, королевскою короною, было моментом, когда заключен был тѣсный союз между франкским правительством и римскою церковью, одинаково выгодный и одинаково необходимый для той и другой стороны. Пипин побѣдил опаснаго для папства лангобардскаго короля Айстульфа и отдал во владѣніе пап Равенну, Рим и города Пентаполиса. Послѣдній лангобардскій король Дезидерій при первых попытках возобновить наступательную политику своего предшественника встрѣтил противодѣйствіе со стороны Карла и лишился короны. Побѣдителю были предоставлены права и титул экзарха и патриція. Разумѣется, этот титул не мог вполнѣ удовлетворять Карла, соединившаго под своею властью земли от Эльбы до Эбро, от Сѣвернаго до Адріатическаго моря.

Приближалось время, когда нужно было установить новыя формы, соотвѣтствовавшія фактической власти, принадлежавшей повелителю Запада. Необходимость этого стала особенно очевидной, когда в Византіи произошло неслыханное и ужасное событіе звѣрской расправы матери с сыном. Царствовавшій в Византіи Константин VI, по приказанію своей матери Ирины, был ослѣплен и низложен в 797 году. Правительницей Византіи сдѣлалась эта чудовищная мать, из-за честолюбія забывшая святыя материнскія обязанности. С точки зрѣнія всего христіанскаго міра императорскій престол оказался незамѣщенным, ибо правительница Византіи Ирина не могла почитаться главою христіанскаго политическаго общества и недостойна была такого высокаго положенія. Таким образом, сложилось на Западѣ убѣжденіе, что христіанскій мір не имѣет законнаго представителя свѣтской власти. Разумѣется, никто не мог быть признан болѣе достойным преемником несчастнаго Константина VI, как фактическій повелитель почти всего христіанскаго Запада.

Можно сказать, что с 797 года стало настоятельно необходимым короновать Карла императорскою короною. Только различ-

ныя внѣшнія событія в родѣ войн с саксами и арабами, а равно безпокойства в самом Римѣ отдаляли это событіе.

Папа Адріан I, с которым Карл был связан узами взаимной дружбы, скончался послѣ 24-лѣтняго управленія церковью на Рождествѣ 795 года. Его преемником был избран Лев III. Новый папа счел необходимым немедленно послать Карлу Великому протокол избранія (decretalis cartula), ключи гроба апостола Петра и знамя г. Рима и просил прислать кого-либо из вельмож для принятія присяги от жителей. Таким образом, новый папа признавал за Карлом всѣ права экзарха и патриція римскаго. Впрочем, одновременно с этим папа приказал соорудить в одном из зал Латеранскаго дворца любопытную мозаичную картину. Она изображала апостола Петра и перед ним двѣ колѣнопреклоненныя фигуры: папы, которому апостол правою рукою протягивает палліум, и Карла, которому лѣвою рукою апостол подает знамя г. Рима. Эта картина символически изображала союз между церковною и свѣтскою властью, при чем нельзя отрицать в ней извѣстнаго рода тенденции: правою рукою вручается знак церковной, а лѣвою — свѣтской власти. С своей стороны, отправляя в Рим Ангильберта, Карл находил необходимым и своевременным в своем поздравительном письмѣ к папѣ (Jaffé, IV, 354) опредѣленно высказать свой взгляд об отношеніях между свѣтскою и духовною властью: „Наше дѣло, — писал он, — с Божьей помощью, защищать оружіем св. церковь от нападеній язычников и от разореній невѣрных, а внутри укрѣплять каѳолическую вѣру правовѣріем; ваше дѣло подобно Моисею подкрѣплять наше могущество с поднятыми к Богу руками, дабы христіане во имя Его святое повсюду побѣждали невѣрныхъ, и чтобы имя Господа Нашего Іисуса Христа было прославлено на всем пространствѣ земли". В этих словах Карла подчеркивается независимое и самостоятельное положеніе свѣтской власти. Кромѣ того, говоря о своих обязанностях, Карл склонен усматривать их по отношенію ко всему христіанскому міру.

Таким образом, два представителя власти далеко не склонны были одинаковым образом разсматривать вопрос о соотношеніи между духовною и свѣтскою властью. Можно признать, что фактически в концѣ VIII вѣка первенство принадлежало свѣтской власти, как это засвидѣтельствовано рѣшеніем вопроса о почитаніи икон. На созванном императрицею Ириною в 787 году соборѣ было рѣшено возстановить почитаніе икон. На соборѣ присутствовали и представители папскаго престола, которые вполнѣ присоединились к соборным постановленіям. Папа Адріан, получивши акты собора, приказал сдѣлать их перевод на латинскій язык и отправить Карлу В. Перевод, повидимому, был сдѣлан не весьма искусно; по крайней мѣрѣ один из ученых современников Адріана (Анастасій Библіотекарь) указывает на допущенныя

при переводѣ неточности: слово προσκύνησις было переведено по-латыни словом adoratio. Получивши акты собора, Карл отказался признать их, так как adoratio прилично только Богу, а иконам — opportuna veneratio, и эту точку зрѣнія провел на мѣстном франкском соборѣ. Адріан I не думал противодѣйствовать подобному вторженію представителя свѣтской власти в истолкованіе чисто церковных вопросов. Еще в бо́льшей степени сказалось преобладаніе свѣтской власти над церковной при папѣ Львѣ III. В Римѣ образовалась значительная партія, состоявшая из друзей и родственников папы Адріана. Эта партія, недовольная поведеніем и дѣйствіями папы, в апрѣлѣ 799 года совершила над ним насиліе. Когда Лев III ѣхал по улицѣ на конѣ, заговорщики напали на него, избили жестоко и посадили под стражу. Папѣ удалось бѣжать в сполетское герцогство, откуда он отправился в Падерборн к Карлу, по вызову и требованію послѣдняго. Хотя Карл принял его торжественно и обратно в Рим отпустил в сопутствіи своего королевскаго посольства, но окончательное рѣшеніе дѣла предоставил собору. На соборѣ этом, созванном за недѣлю до Рождества 800 г., были выслушаны жалобы на папу и признаны неосновательными. Папѣ было предоставлено принести очистительную присягу. Виновники нападенія на папу были отправлены в ссылку. Только 23 декабря окончен был на соборѣ этот унизительный для папы процесс оправданія очистительной присягой.

Повидимому, обвиненія против папы не были лишены нѣкоторой основательности, но собор не считал возможным входить в их разсмотрѣніе и органичился очистительной присягой папы. Два дня спустя благодарный папа короновал своего высокаго покровителя императорской короной. Когда Карл в день Рождества молился в главном храмѣ, присутствуя на обѣднѣ, папа возложил на его голову корону и преклонил перед ним колѣна (adoratio), а народ привѣтствовал его восклицаніями: Augusto a deo coronato magno et pacifico imperatori Romanorum vita et victoria. С того времени Карл принял титул: Karolus serenissimus augustus a deo coronatus magnus pacificus imperator gubernans imperium qui et per misericordiam dei rex Francorum et Langobardorum. Этот титул с полною очевидностью доказывает, что Карл послѣ коронованія 800 г. считал себя единственным законным императором и правителем всей Имперіи. Таким образом, нѣт никакого основанія говорить о возстановленіи в 800 году Западной римской имперіи. Карл коронован был, как единый законный преемник ослѣпленнаго Константина VI. С точки зрѣнія Карла и народов Запада всѣ тѣ, которые управляли Востоком, не были законные императоры, а узурпаторы. Конечно, с своей стороны императоры Востока не признавали прав Карла на императорскій титул. Только в 812 г. заключен был договор между

Византіею и Карлом, при чем византійскіе послы привѣтствовали Карла, как императора (*βασιλεύς*). Слѣдовательно, лишь с 812 года может быть рѣчь о возникновеніи на Западѣ отдѣльной Имперіи или о так называемом возстановленіи Западной римской имперіи.

Из отзывов современников о событіи 800 года заслуживает вниманія отзыв біографа Карла Великаго. По словам Эйнгарда (Vita Karoli Magni, c. 28), Карл имѣл первоначально такое отвращеніе (in tantum aversatus est) к принятію новаго титула, что не пошел бы в этот день в церковь, если бы мог предвидѣть умысел папы. Эйнгард этот отзыв дѣлает, ссылаясь на самого Карла (ut adfirmaret). Конечно, в этих словах придворнаго біографа нельзя не видѣть отзвука нѣкотораго неудовольствія Карла. Основанія этого неудовольствія трудно опредѣлить с полною достовѣрностью. По догадкам одних ученых, Карл надѣялся добиться от Византіи согласія на коронованіе императорскою короною путем переговоров и соглашенія; по предположенію других, Карл хотѣл лично возложить на себя императорскую діадему, вслѣдствіе чего поступок папы не мог быть ему пріятен. Как бы то ни было, коронованіе не могло быть для Карла какою-либо неожиданностью. Оно было подготовлено всѣм ходом историческихъ событій VIII вѣка как на Западѣ, так и на Востокѣ. В частности придворные и друзья Карла хорошо знали и были освѣдомлены о подготовкѣ коронованія повелителя Запада. Это вполнѣ ясно засвидѣтельствовано письмом Алкуина, написанным по крайней мѣрѣ за мѣсяц до коронованія Карла. Посылая ему в подарок книги священнаго писанія, исправленныя им и соединенныя в одно цѣлое, Алкуин пишет: „Давно уже я размышлял о том подаркѣ, который содѣйствовал бы увеличенію блеска вашей императорской власти (imperialis potentiae), ... подаркѣ, какой может найти моя преданность“. Коронованіе не было неожиданностью и для присутствовавших в церкви римлян, и они подготовились к торжеству. Иначе нельзя объяснить и понять, как они могли бы привѣтствовать коронованнаго императора своими восклицаніями, вполнѣ соотвѣтствующими торжеству, когда в Римѣ в теченіе послѣдних трех вѣков не происходило никакого коронованія!

Событія 800 года и договор с Византіей 812 года привели в дѣйствительности к подрыву теоретическаго ученія о единствѣ в христіанском мірѣ одной высшей императорской власти. Разрыв, подготовленный этнографическими и бытовыми различіями Запада и Востока, произошел на почвѣ религіозных несогласій. Во всяком случаѣ возникшая теперь на Западѣ Имперія мало напоминала угасшую Западную римскую имперію, о возстановленіи которой можно говорить лишь с разными оговорками. Эта новая Имперія избрала своим краеугольным камнем, как показы-

вала аллегорическая картина, исполненная по приказу папы Льва III, и как видно из письма Карла к папѣ, тѣсный союз между церковною и свѣтскою властью.

Карл был крупною личностью и до такой степени являлся олицетвореніем своего вѣка, что даже обстановка его личной жизни заслуживает вниманія историков. Как извѣстно, он имѣл многочисленную семью. Одних дѣтей, достигших совершеннолѣтія, у него насчитывалось до 15 человѣк. Карл нѣсколько раз был женат, а, кромѣ того, имѣл нѣсколько наложниц. Послѣ развода с дочерью Дезидерія, он женился на Гильдегардѣ, происходившей из аллеманской герцогской фамиліи. От нея Карл имѣл пять сыновей, из коих 3 достигли совершеннолѣтія: Карл, Пипин и Людовик,—и трех дочерей: Ротруду, Берту и Гизелу. Послѣ смерти Гильдегарды он женился на дочери фризскаго графа Фастрадѣ, которая родила ему двух дочерей. От швабки Ліутгарды († 800) у него не было дѣтей. Кромѣ того, от 4 наложниц Карл имѣл трех дочерей и трех сыновей.

Карл не дѣлал различія между законными и незаконными дѣтьми и воспитывал их в одинаковых условіях, но, уступая церковной традиціи, он наслѣдниками считал только сыновей, рожденных от брака с Гильдегардою, а именно: Карла, Пипина и Людовика. Еще в 780 г. Карл назначил Пипина королем Италіи, а Людовика — королем Аквитаніи, хотя оба они были еще младенцами, и принял мѣры к тому, чтобы они воспитывались в духѣ тѣх народов, к управленію которыми они были предназначены. В 806 году, когда ему было не менѣе 64 лѣт, Карл рѣшил пересмотрѣть вопрос о наслѣдованіи и устройствѣ своего государства. На государственном сеймѣ в Тіонвиллѣ 9 февраля 806 года был составлен раздѣльный акт, согласно с которым каждый из трех братьев являлся самостоятельным государем в той части владѣній, какія были каждому из них опредѣлены. При этом раздѣлѣ Карл Великій не принимал во вниманіе племенных различій, а потому каждому из своих сыновей предназначил земли, населенныя романцами и германцами. Мало того, он допустил раздѣленіе на двѣ части Аллеманіи и Аквитаніи, т. е. не считался даже с единством областей. Старшій из сыновей — Карл должен был получить, кромѣ Нейстріи, еще ряд земель в Австразіи: Фризію, Саксонію, Тюрингію, Нордгау и часть Аллеманіи, а равно Западную Аквитанію. Пипину должна была достаться Италія с Истріею, Баварія и часть Аллеманіи, расположенныя на юг от Дуная. Людовику была выдѣлена большая часть Аквитаніи, Испанская марка, западная и южная Бургундія, Прованс и Септиманія. В этом раздѣльном актѣ предусматривался случай необходимости передѣла вслѣдствіе смерти того или другого из братьев и предписывалось, чтобы братья не принимали перебѣжчиков-вассалов. Этот раздѣл в дѣйствительности не осуществился, так как Пипин

умер в 810 г., а Карл в 811 г.; и единственным наслѣдником остался только Людовик. Правда, малолѣтній сын Пипина Бернгард признан был владѣтелем всей Италіи, но под условіем подчиненія Людовику, своему дядѣ. Чувствуя приближеніе смерти, Карл в 813 году созвал ряд мѣстных сеймов в различных частях государства: в Майнцѣ (Австразія), Реймсѣ (Нейстрія), Турѣ (Аквитанія), Шалонѣ (Бургундія) и Арлѣ (Прованс). Наконец был созван общій государственный сейм в Ахенѣ, в сентябрѣ 813 года. Здѣсь Карл объявил своим наслѣдником Людовика, собственноручно вѣнчал его на царство в сентябрѣ 813 года, а 28 января 814 года скончался. Он умер от лихорадки, осложненной болью в боку, на 72 г. жизни, послѣ 46 лѣт царствованія, в 9 ч. утра, и в тот же день был похоронен в соборѣ города Ахена. На мраморном саркофагѣ императора было сдѣлано рельефное изображеніе похищенія Прозерпины. Над прахом была воздвигнута позолоченная арка с надписью: Sub hoc conditorio situm est corpus Karoli magni atque orthodoxi imperatoris. Qui regnum Francorum nobiliter ampliavit et per annos 46 feliciter rexit. Decessit septuagenarius anno dom. 814 ind. 7, 5 Kal. Febr.

Памятники юридическаго и соціальнаго быта.

Кромѣ хроник и других произведеній историческаго содержанія (см. выше, стр. 302—306), необходимыми источниками для изученія внутренней организаціи монархіи Карла Великаго являются капитуляріи, грамоты, формулы и описи поземельных владѣній.

Капитуляріи — памятники по преимуществу королевскаго права; в этом их существенное отличіе от варварских правд, ибо послѣднія были записью германскаго обычнаго права, как оно сложилось и опредѣлилось в юридическом сознаніи отдѣльных племен. Акты законодательства Каролингскаго времени назывались капитуляріями (capitulare), так как каждый из них состоял из отдѣльных глав или пунктов (capitula). Первый раз это наименованіе законодательнаго акта встрѣчается в франкском государствѣ в 779 году, но в законодательствѣ лангобардскаго государства оно вошло в употребленіе гораздо ранѣе (распоряженіе короля Айстульфа 750 года).

Капитуляріи возникают только во второй половинѣ VIII вѣка вслѣдствіе того, что короли лишь постепенно пріобрѣли право законодательной власти. Первоначально право это принадлежало народу. На первых ступенях развитія государственности власть была лишь озабочена установленіем норм обычнаго права путем их записи. Только со времени усиленія королевской власти и упадка старинных демократических учрежденій явилась настоятельная потребность в законодательной дѣятельности королей.

Каролингскіе капитуляріи дѣлились на церковные (ecclesiastica) и свѣтскіе (mundana). Впрочем, это раздѣленіе не всегда проводится строго. Встрѣчаются капитуляріи, в которых эти части перемѣшаны. Тѣм не менѣе в большинствѣ их преобладает один какой-либо характер, что дает возможность и основаніе оправдывать это раздѣленіе капитуляріев на двѣ вышеуказанныя категоріи. Что касается свѣтских (mundana) капитуляріев, то их в свою очередь можно дѣлить также на нѣсколько категорій. Еще в началѣ IX вѣка их дѣлили на три категоріи: капитуляріи legibus addenda, являвшіеся дополненіем к варварским законам; капитуляріи per se scribenda и capitula missorum.

Capitula legibus addenda довольно часто не имѣли территоріальнаго примѣненія, так как служили дополненіем к варварским законам (leges), которые были обязательны для представителей соотвѣтствующих племен: сакс жил и судился по саксонскому праву, гот — по готскому, бургундец — по бургундскому и т. д., независимо от мѣста своего жительства в предѣлах государства. Впрочем нѣкоторые из капитуляріев этого рода получили и территоріальное примѣненіе на пространствѣ всего государства, ибо изданы были в качествѣ дополненія ко всѣм племенным законам. Служа дополненіем к варварским правдам, capitula legibus addenda издавались в том же порядкѣ, какого придерживались при записи обычнаго права: для их изданія требовалось хотя бы формальное согласіе народа (omnium consensus). Капитулярій 803 года был предложен на разсмотрѣніе государственнаго сейма и по одобреніи подписан всѣми присутствовавшими (ut populus interrogetur de capitulis quae in lege noviter addita sunt; et postquam omnes consenserint, subscriptiones et manufirmationes suas in ipsis capitulis faciant). Изданіе дополненій к варварским законам обусловливалось измѣненіем условій и развитіем жизни, которая выдвигала новыя требованія и ставила новыя задачи, не предусмотрѣнныя первоначально установленными нормами права. Кромѣ того, обычное право, будучи раз навсегда записано, получает характер мертваго и часто неисполнимаго предписанія, вслѣдствіе чего судьи часто оказывались в больших затрудненіях. Бывали случаи такого рода. Повѣстка (citatio) обвиняемому для явки в суд должна была быть вручаема, согласно обычному праву, лично, и притом не там, гдѣ найдут этого обвиняемаго, но непремѣнно в его собственном домѣ (салическое право). Однако, закон не предвидѣл такого случая, когда жилище вызываемаго в суд сгорѣло. Оказывалось, что повѣстку было невозможно вручить при таком осложненіи. В 864 г. сдѣлано было Карлом Лысым дополненіе к этому пункту: при вышеозначенном случаѣ повѣстку должно вручить на том мѣстѣ, гдѣ был дом.

Capitula per se scribenda были в собственном смыслѣ коро-

левским правом. В этом заключается рѣзкое отличіе этих капитуляріев от капитуляріев, служивших дополненіем к варварским правдам (capitula legibus addenda). Эти же капитуляріи являются первым территоріальным законом. Для изданія их не требовалось одобренія и согласія народа: они получали свою силу (санкцію) по распоряженію короля. В этих capitula per se scribenda разъяснялись вопросы административнаго характера; опредѣлялись права и объем власти государственных чиновников; установлялись отношенія между подданными и государем; указывались нормы земскаго міра; опредѣлялись мѣры длины, вѣса, стоимость и качество монеты и т. д. Слѣдует впрочем замѣтить, что большинство и этих капитуляріев было издано послѣ разсмотрѣнія на государственном сеймѣ.

Capitula missorum, являясь по преимуществу актами законодательной воли короля, были ничто иное, как инструкціи особым чиновникам, посылаемым для ревизіи и надзора за областным управленіем. Иногда они излагаются в формѣ наказа или наставленія, но большею частью состоят из вопросов, руководясь которыми эти чиновники должны были собрать необходимыя свѣдѣнія.

Лучшим изданіем капитуляріев Каролингскаго времени является изданіе Бореціуса и Краузе, помѣщенное в отдѣлѣ Leges коллекціи Monumenta Germaniae historica (Legum Sect. II. Capitularia regum Francorum T. 1 ed. A. Boretius. Hann. 1881—83, T. 2, 1 ed. A. Boretius et V. Krause, Ibid. 1890).

Хотя капитуляріи во многих экземплярах были разсылаемы по всѣм графствам, но административные и судебные органы государства не располагали полным собраніем этих законодательных памятников. При постоянном пользованіи ими вообще нелегко было их сохранять, вслѣдствіе чего многіе капитуляріи приходили в забвеніе или вовсе изчезали. Даже при дворѣ не имѣли полнаго собранія капитуляріев и должны были пользоваться частными сборниками. Такое небрежное отношеніе к законодательным актам — довольно обычное явленіе даже в культурном государствѣ: при изданіи Юстиніанова свода приходилось отыскивать конституціи императоров в архивах отдаленных областей. В Англіи и теперь даже приходится пользоваться для ознакомленія с дѣйствующим правом сборниками и изданіями частных лиц. Такіе же частные сборники возникли довольно рано и в франкском государствѣ.

Один из таких сборников составлен был в 827 году Анзегисом, аббатом монастыря Св. Вандрилла (Fontanella), руанской епархіи. Будучи человѣком знатнаго происхожденія, он состоял в близких отношеніях с королевским двором. Во введеніи к своему сборнику Анзегис упоминает, что его цѣлью было сохранить от забвенія капитуляріи Карла Великаго, Людовика Благо-

честиваго и Лотаря. Сборник был раздѣлен на 4 книги; в первой из них были помѣщены церковные капитуляріи Карла Великаго, во второй — церковные капитуляріи Людовика Благочестиваго, в третьей — свѣтскіе капитуляріи Карла Великаго и в четвертой книгѣ — свѣтскіе капитуляріи Людовика Благочестиваго. В предѣлах каждой книги капитуляріи были размѣщены в хронологическом порядкѣ. К сборнику своему Анзегис присоединил три дополненія, гдѣ нашли себѣ мѣсто capitula missorum и нѣкоторые другіе капитуляріи. Составитель сборника располагал незначительным матеріалом, как видно это из того, что он помѣстил всего только 29 капитуляріев, а нынѣ современным издателям извѣстно не менѣе 124 капитуляріев, относящихся к промежутку времени от вступленія на престол Карла Великаго до 827 года. Сборник Анзегиса небезукоризнен и в других отношеніях. Напр., в первой книгѣ находится капитулярій, приписанный Карлу Великому, а между тѣм он издан был при сынѣ его, Людовикѣ Благочестивом. Все-таки из того обстоятельства, что сборник сохранился во многих списках (до 50) видно, что он вполнѣ удовлетворял практическим потребностям людей того времени. Он получил даже признаніе в средѣ правительственной; уже в 829 г. этим сборником пользовался Людовик Благочестивый.

Наряду с этим сборником, в западной части франкскаго государства возник сборник Бенедикта Левита или Лже-Бенедикта. Он составлен был около половины IX в. и рѣзко отличался от сборника Анзегиса: в послѣднем находятся подлинные акты, а в этот вошли преимущественно поддѣльные капитуляріи, составленные на основаніи пользованія различными памятниками римскаго и каноническаго права, твореніями св. отцев и библіей. Даже подлинные капитуляріи составитель сборника подвергал свободной или произвольной передѣлкѣ. В кратком прологѣ составитель утверждает, что он взялся за работу по порученію майнцкаго архіепископа Отгара, а в предисловіи (praefatio) прибавляет, что пользовался подлинниками капитуляріев, которые он находил в различных мѣстах, а особенно в архивѣ майнцкой церкви. Эти заявленія составителя сборника внушают подозрительность, так как преемник Отгара Рабан совершенно не знал этого сборника. Кромѣ того, и другія черты и особенности этого памятника приводят к убѣжденію, что он возник не в предѣлах майнцкой епархіи, а в западной части франкскаго государства. Так, напр., враждебное отношеніе Бенедикта к хорепископам является понятным с точки зрѣнія представителя Нейстріи, гдѣ к хорепископам относились отрицательно, и совершенно неумѣстно для клирика майнцкой церкви, в которой хорепископы пользовались должным уваженіем. В какой степени составитель сборника мало знал о Майнцѣ, видно из того, что он полагал, что этот город находился на пра-

вом берегу Рейна. О Людовикѣ Нѣмецком он говорит: fluvii cis litora Reni imperat, хотя владѣнія этого короля были расположены на правом берегу, а на лѣвом он владѣл нѣкоторыми лишь графствами и Майнцем. Для мѣстнаго жителя было немыслимо не знать того, что владѣнія короля находятся на правом берегу Рейна, а Майнц на лѣвом. Если он утверждает, что Людовик „повелѣвает по сю сторону Рейна“, то это доказывает, что он думал, что Майнц стоит на правом берегу Рейна. Наконец, в сборникѣ этом сказывается опредѣленная тенденція. Бенедикт обращает вниманіе главным образом на церковные капитуляріи и в этих капитуляріях проводит идею независимости церковных властей от властей свѣтских в узко-клерикальном освѣщеніи вопроса. В этом отношеніи сборник сильно напоминает знаменитыя Лже-Исидоровы декреталіи, составленныя около того же времени в западной части франкскаго государства. Тѣм не менѣе, и этот сборник не замедлил получить нѣкоторое оффиціальное признаніе: Карл Лысый цитирует капитуляріи этого сборника и ссылается на них, как на закон, дѣйствовавшій при его предшественниках.

Капитуляріи дают достаточный матеріал для изученія государственных учрежденій Каролингскаго времени, но сравнительно мало для пониманія установленій частнаго права и быта. В этом отношеніи особенно важны грамоты и формулы.

По общему своему характеру грамоты Пипина Короткаго, Карломана и даже Карла Великаго мало отличаются от грамот Меровингскаго времени (см. выше, стр. 76—79). Существенной новостью является раздѣленіе даты на хронологическую и топографическую, выражаемыя соотвѣтствующими формулами; первая начинается словом Data и заключает указаніе на время, а вторая опредѣляет мѣсто, начинаясь словом Actum, напр.: Data nono kal. octobris, anno XVII regni nostri. Actum in ipso monasterio Sancti Dionisii. Язык каролингских грамот отличается сравнительной чистотою и правильностью. Впрочем, правильность языка и здѣсь относительная. Грамоты переполнены заимствованными из германских и романских языков словами в родѣ таких, как feodum или feudum, bannus и т. д., от которых образуются новыя слова: feodatus, feudatarii, infeodare, infeodatio, heribanus, bannire, bannitio и т. д. От латинских слов также образуются новыя слова, неслыханныя в римское время; от латинскаго beneficium произошли, напр., такія слова: beneficiare, beneficialis, beneficiarius и т. д. Прежнія значенія слов предаются забвенію, напр.: dos означает не приданное, а вѣно или вдовья часть. В синтаксисѣ допускается ряд отступленій: 1) союзы ut, quod, quatenus, qualiter, quid, quoniam употребляются вмѣсто конструкціи accus. cum inf.; 2) излишнее употребленіе предлогов (donare ad aliquem, per praeceptum praecipere); 3) пристрастіе к пользованію мѣстоименіями suus, se. Наиболѣе архаизмов удерживается в судеб-

ных грамотах (placita), которыя в Каролингское время были выдаваемы уже не из королевской канцеляріи, как при Меровингах, а из особой канцеляріи палатина, предсѣдателя королевскаго придворнаго суда. По тѣм же побужденіям, которыя привели к составленію в Меровингское время сборников формул Анжерских (formulae Andegavenses), Маркульфа (formulae Marculfi) и Буржских (formulae Bituricenses), во второй половинѣ VIII вѣка были составлены сборники формул Оверньских (formulae Arvernenses), Турских (formulae Turonenses), Санских (formulae Senonenses) и др., а в IX вѣкѣ сборник императорских формул (formulae imperiales), составленный в канцеляріи Людовика Благочестиваго.

Кромѣ устарѣвшаго изданія Бёмера (I. F. Böhmer, Regesta chronologico-diplomatica Karolum. Frankf. 1833) и новаго изданія Мюльбахера (Regesta imperii I. Die Regesten des Kaiserreichs unter den Karolingern 751—918. Lief. 1—4. Innsbr. 1880—1886), особеннаго вниманія заслуживает изданіе извѣстнаго знатока дипломатики Ѳ. Зиккеля: Acta regum et imperatorum Karolinorum digesta et enarrata (2 Th. Wien 1867—68). В первой части этого труда дано критическое обслѣдованіе грамот первых Каролингов (751—840 гг.), а во второй части регесты или извлеченія самых грамот. Помимо того, Ѳ. Зиккель в цѣлом рядѣ очерков (Beiträge zur Diplomatik, 1—VIII. Wien, 1861—82), напечатанных им в періодическом органѣ (Sitzungsberichte) Вѣнской академіи наук, подверг всестороннему изученію грамоты каролингскаго времени. Ближайшее отношеніе к этому періоду имѣют его первыя 5 очерков (1861—1865 гг.). Формулы Маркульфа и другія были изданы К. Цеймером в отдѣлѣ Leges коллекціи Monumenta Germaniae historica (Legum Sect. V. Formulae Merowingici et Karolini aevi ed. K. Zeumer, Hann. 1886). Наконец, в качествѣ полезнаго и удобнаго для первоначальнаго ознакомленія с грамотами и формулами Меровингскаго и Каролингскаго времени может быть указано изданіе Тевенена (M. Thévenin, Textes relatifs aux institutions privées et publiques aux époques Mérovingienne et Carolingienne, Institutions privées. Par. 1887).

В интересах управленія и для обезпеченія прав уже в Каролингское время были составляемы церковными учрежденіями, во владѣніи которых находилось много земель, сборники жалованных грамот или хартуляріи (cartularium) и регистры (registrum). Регистры не лишены были ошибок вслѣдствіе небрежности или невѣжества писцов, но по сравненію с хартуляріями были болѣе достовѣрны или подлинны, ибо не могли быть сочинены или придуманы, представляя копіи грамот, записываемых по мѣрѣ их поступленія. Что же касается хартуляріев, то их составляли обыкновенно уже в то время, когда накоплялось значительное число грамот, вслѣдствіе чего им предпосылались предисловія, в которых шла рѣчь о трудах и заботах составителя, а

иногда излагались обстоятельства и условія, при которых возник данный памятник. Разумѣется, при этом иногда невольно, иногда сознательно, в ряду копій с подлинных грамот помѣщались копіи с подложных. В большей части хартуляріев грамоты были расположены или подбираемы в извѣстном порядкѣ, ибо руководствовались рангом жертвователей (папы, короли, архіепископы, епископы и т. д.) или топографическим расположеніем пожалованных владѣній. Только в хартуляріях второй половины средних вѣков стали придерживаться хронологическаго порядка при размѣщеніи грамот. Послѣ каждаго отдѣла в хартуляріях оставляемы были чистые листы, предназначенные для грамот послѣдующаго времени. Весьма многіе хартуляріи, при составленіи которых имѣли в виду обезпечить или укрѣпить титулы владѣній, легко превращались в описи поземельных владѣній или чиншевыя книги. Таким образом, уже в исходѣ VIII вѣка возникли в Зальцбургѣ такіе памятники, как Breves notitiae и Indiculus Arnonis. В первом из этих памятников были помѣщены короткія выдержки из сохранившихся жалованных грамот (traditiones), примѣнительно к топографическому расположенію владѣній Зальцбургской церкви, а во втором собраны устныя и письменныя свидѣтельства о пожалованіях Агилольфингов в пользу этой же церкви. Этот перечень титулов владѣній был утвержден Карлом Великим по просьбѣ архіепископа Арна. К наиболѣе важным трудам подобнаго рода принадлежит составленная в началѣ IX вѣка опись владѣній, зависимых людей и доходов С-Жерменскаго монастыря. Эта опись, извѣстная под именем „Полиптика аббата Ирминона“ (Polyptique de l'abbé Irminon), была издана и изучена Гераром в 1844 году. Этот памятник сообщает данныя, всесторонне освѣщающія организацію крупнаго землевладѣнія, быт зависимаго населенія и экономическія условія жизни в началѣ IX вѣка. Труд французскаго ученаго Герара доселѣ остается превосходным образцом того, как слѣдует вести изученіе подобнаго рода источников экономической и культурной исторіи. Самое достоинство этого труда потребовало его переизданія, что было исполнено в 1886—1895 гг. Лоньонон (Longnon), который напечатал во 2 томѣ текст Полиптика, а в 1 томѣ, изданном им в 1895 г., введеніе и комментарій, внеся сюда ряд дополненій, измѣненій и поправок к выводам Герара.

На основѣ изученія этих памятников юридическаго и соціальнаго быта возникла обширная литература, посвященная вопросам по исторіи организаціи монархіи Карла Великаго. Особенное значеніе имѣют слѣдующіе труды: G. Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte im fränkischen Reich, B. III—IV; Fustel de Coulanges, Les Transformations de la royauté pendant

l'époque carolingienne, 1892 (Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, t. 7); Dahn, Die Könige der Germanen, B. VIII (Die Franken unter den Karolingern, 1895—1900); Brunner, Deutsche Rechtsgeschichte, B. I—II, 1887—92; K. Th. v. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1. Band (bis zum Schluss der Karolingerperiode), 2. Aufl., Lpz., 1909; K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 4 Bd., Lpz. 1886—8.

Королевская власть и ея матеріальныя силы.

Каролингская королевская и императорская власть подверглась значительному вліянію и со стороны церкви, и со стороны римско-византійской традиціи. Это прежде всего сказалось в титулѣ, принятом Карлом Великим: Serenissimus augustus, a Deo coronatus, magnus et pacificus imperator, romanum gubernans imperium, qui et per misericordiam Dei rex Francorum atque Langobardorum. Прежній титул Меровингов (vir inluster) был предан забвенію со времени завоеванія лангобардскаго государства. Как доказал Ѳ. Зиккель, Пипин Короткій не вводил в свой титул слов: gratia Dei; эта прибавка была сдѣлана лишь впослѣдствіи. Людовик Благочестивый и его преемники при обозначеніи своей императорской власти писались обыкновенно коротко: imperator augustus, с присоединеніем указанія на источник своей власти: divina ordinante providentia. О церковном вліяніи свидѣтельствуют также наименованія власти и территоріи, подчиненной Каролингам: imperium sacratissimum, imperium christianum, а такія присоединенія к титулу, как предикаты: magnus et pacificus, gloriosissimus, praecellentissimus, excellentissimus, были составлены совершенно в духѣ византійскаго церемоніала. Во всяком случаѣ введеніе в титул указаній на волю Божью (Dei gratia, divina ordinante providentia) лишало Каролингскую высшую власть и государственность того чисто свѣтскаго характера, который был отличительной чертою власти и государственности при Меровингах.

Вліяніе Византіи оказалось и на введеніи способа привѣтствованія императора: всѣ подданные при свиданіи с императором должны были падать ниц и цѣловать колѣно или ногу императора. То же вліяніе замѣчается и в одѣяніи. Впрочем, нужно замѣтить, что при Карлѣ Великом это вліяніе обнаруживалось еще не особенно сильно. Он сам был по воспитанію и по симпатіям природный германец и чуждался римскаго одѣянія. Извѣстно, что он не любил длинной туники, хламиды и сандалій, и за всю свою жизнь облачался по-римски только два раза, а именно: первый раз по просьбѣ папы Адріана I и во второй раз по просьбѣ папы Льва III, когда на него была возложена импе-

раторская корона. Он предпочитал простое франкское платье, нося полотняную рубашку и такіе же исподніе, а сверху надѣвая панталоны и тунику, обшитую шелковой бахрамой. Ноги он обертывал полотняными лентами и сверху надѣвал башмаки. Зимой носил шубу из мѣха выдры или соболя и на плечи набрасывал зеленоватый плащ. В торжественных же случаях он допускал нѣкоторую пышность, одѣвая одежды, протканныя золотом, и обувь, обложенную драгоцѣнными камнями. Такую же, как отец, простоту в одеждѣ любил и Людовик Благочестивый, но его сыновья, а особенно Карл Лысый, уже предпочитали одѣваться по римско-византійскому образцу. Знаками королевскаго достоинства или инсигніями служили корона, скипетр и трон, а также меч и посох, при чем меч был символом высшей военной власти, посох — символом высшей судебной власти. Вступленіе в управленіе сопровождалось торжеством восшествія на престол и передачей королевских инсигній (sublimare in regnum, elevare, insignia regni suscipere). По библейскому обычаю и в подражаніе англо-саксонскому примѣру, при Пипинѣ Коротком было введено помазаніе на царство (unctio), которое иногда называлось посвященіем (consecratio). К помазанію не замедлило присоединиться заимствованное из Византіи коронованіе, которое невсегда имѣло форму церковнаго акта. Сам Карл Великій был коронован в Римѣ папою, но, повидимому, он самолично хотѣл возложить на себя корону. Сына своего Людовика Благочестиваго он короновал в Ахенѣ в 813 году. Впрочем, Людовик вторично был коронован папою Стефаном IV в Реймсѣ вмѣстѣ с супругою Ирмингардою в 816 году. В свою очередь Людовик короновал своего старшаго сына Лотаря в 817 году императорскою короною, слѣдуя примѣру отца своего Карла (sicut Karolus pater eius fecerat ipsum), но в 823 году Лотарь все-таки вторично был коронован папою Пасхалисом I в Римѣ. Таким образом, постепенно устанавливалось воззрѣніе о правѣ пап короновать императоров, и коронованіе получило исключительно форму церковнаго акта. Впослѣдствіи выработана была практика помазанія и коронованія императоров папами непремѣнно в самом Римѣ. При таких воззрѣніях на коронованіе сдѣлались необходимыми походы германских королей в Рим всякій раз, когда они хотѣли получить императорскій титул.

Как и при Меровингах, так и при Каролингах, не было столицы, в которой постоянно пребывал король и находились высшія государственныя учрежденія. Карл Великій находился в постоянных разъѣздах по государству и собирал государственные сеймы в различных мѣстах, гдѣ находились его сельскіе дворцы (palatia). Такими резиденціями были Кьерси, Компьень, Аттиньи, Геристаль, Тіонвилль, Вормс, Франкфурт-на-Майнѣ, Нимвеген, Майнц, Падерборн, Регенсбург и т. д. Особенно любил Карл Ве-

ликій пребывать в Ахенѣ, который славился своими теплыми источниками и окружен был лѣсами, обильными дичью. Любя купанье, император построил здѣсь бани и устроил обширный водоем для купанія. В этом же городѣ, обстроенном им рядом прекрасных зданій и церквей, он был и похоронен. Этим предпочтеніем, которое оказывал Ахену Карл Великій, объясняется встрѣчающееся в памятниках наименованіе этого города столицею (sedes regni, sedes prima, sedes prima Franciae).

Територія государства и при Каролингах была разсматриваема, как родовая собственность; по прежнему продолжали господствовать воззрѣнія чисто вотчиннаго характера, а идея единства и недѣлимости государства только сказывалась самым слабым образом. Карл Великій еще в 806 году составил проект раздѣленія государства между своими сыновьями. Такого же рода раздѣлы повторялись неоднократно и впослѣдствіи при Людовикѣ Благочестивом и его сыновьях. При этих раздѣлах старались по возможности примирить два несовмѣстимые принципа (единства государства и разчлененія территоріи) путем предоставленія старшему из сыновей императорскаго титула и выдѣленія ему большей доли владѣній, а равно установленіем нѣкоторой зависимости младших от старшаго. Так, напр., по раздѣлу 817 года младшіе сыновья не имѣли права без согласія старшаго Лотаря жениться, вести войну, заключать мир и вступать в сношенія с послами иностранных государств. В дѣйствительности эта зависимость, как показали событія IX вѣка, никогда не осуществлялась и осталась теоретической фикціей.

К наслѣдованію призывались всѣ дѣти мужскаго пола, рожденныя в законном бракѣ. По акту 817 года (с. 15) было установлено, что если кто из братьев умрет, не имѣя законных дѣтей, то его земли переходят под власть старшаго, а незаконнорожденныя дѣти умершаго поступают под покровительство и милость его: Si vero absque legitimis liberis aliquis eorum decesserit, potestas illius ad seniorem fratrem revertatur. Et si contigerit illum habere liberos ex concubinis, monemus, ut erga illos misericorditer agat. Однако, внук Карла Великаго, незаконнорожденный сын Пипина, Бернгард был еще при жизни дѣда назначен королем Италіи, а внук Людовика Нѣмецкаго, незаконнорожденный сын Карломана, Арнульф был признан не только законным государем Германіи, но достиг даже императорскаго титула. Наслѣдник мог вступить в обладаніе властью по достиженіи совершеннолѣтія, хотя несовершеннолѣтіе не являлось препятствіем к признанію наслѣдника королем. На случай малолѣтства обыкновенно устанавливалась опека. Карл Великій, назначая Пипина королем Италіи и Людовика — королем Аквитаніи, поручил управленіе и воспитаніе малолѣтних королей особым довѣренным своим совѣтникам. По акту 817 года (с. 16) забота о малолѣтнем братѣ и

управленіе его королевством были возложены на старшаго брата вплоть до совершеннолѣтія, которое опредѣлялось в данном случаѣ по рипуарскому праву (ad annos legitimos iuxta Ribuariam legem) достиженіем возраста 15 лѣт.

Низложеніе короля теоретически не допускалось. Даже Карл Лысый, находившійся под сильным клерикальным вліяніем, в капитуляріи 859 года высказывался опредѣленно по этому поводу: A qua consecratione vel regni sublimitate supplantari vel proici a nullo debueram, saltem sine audientia et iudicio episcoporum, т. е. „никто не должен замѣнять или устранять меня от этого освященнаго церковью служенія и высоты суверенной власти, особенно без увѣщанія и суда епископов". Конечно, если неудовольствіе подданных достигало высокаго напряженія, то в дѣйствительности случались низложенія королей. Людовик Благочестивый испытал на себѣ эту возможность. Впрочем, необходимо замѣтить, что притязанія духовенства на рѣшающее значеніе их голоса в этом случаѣ никогда не были признаваемы со стороны свѣтской знати. Опорою власти была вѣрность подданных, приносивших присягу на имя государя. При первых Каролингах, повидимому, не существовало обычая требовать от подданных присягу при вступленіи нового государя на престол. Только заговор в Тюрингіи 786 г. и другой заговор 792 г. незаконнорожденнаго сына его Пипина побудили Карла Великаго потребовать присяги от всѣх жителей государства, достигших 12-лѣтняго возраста. Послѣ коронованія своего в Римѣ Карл Великій в 802 году вторично приказал привести к присягѣ все населеніе своей имперіи (de fidelitate promittenda domno imperatori). Наконец, третій раз он потребовал присяги в 806 году, когда им был составлен раздѣльный акт. Преемники императора довольно часто повторяли подобныя же требованія, хотя духовенство справедливо указывало, что в силу частаго повторенія присяги подрывается уваженіе и святость этого акта.

Государь, представитель высшей власти в государствѣ (regni sublimitas), был покровитель и защитник всѣх подданных, как это выражено в капитуляріи 802 года (protector et defensor esse constitutus est). Всякое нарушеніе присяги и преступленіе против общества и государства, являвшееся противодѣйствіем распоряженію (bannus) правительственной власти, влекло за собою наложеніе взысканія или королевскаго банна, как это выражено в упомянутом выше капитуляріи (c. 8): Ut nullum bannum vel preceptum domni imperatoris nullus omnino in nullo marrire praesumat, neque opus eius tricare vel inpedire vel minuere vel in alia contrarius fuerit voluntati vel praeceptis eius. При Карлѣ Великом установлены были 8 случаев (summa de bannis), когда виновные обязательно подлежали королевскому банну, взыскиваемому в суммѣ 60 солидов (isti sunt 8 banni domini regis, unde exire debent de

unoquisque solido 60), а именно: святотатство (dishonoratio s. ecclesiae), обиды вдов, сирот и слабых членов общества (qui dicuntur unvermagon), похищенiе свободной женщины без согласiя родителей, поджог, грабеж со взломом или насилiем, уклоненiе от воинской повинности.

Власть и могущество государей при Каролингах, когда идея государственности все же еще была слабо развита, обусловливались обладанiем значительными матерiальными силами. Доходы казны в то время притекали из разных источников, одни из которых были германскаго происхожденiя, а другiе унаслѣдованы франкским государством от римской финансовой системы. Отличительною особенностью управленiя и распоряженiя доходами и землями было смѣшенiе государственных и лично королевских интересов. Всѣ доходы и земли находились в полном единоличном распоряженiи короля, который не был в этом отношенiи связан ни согласiем народа или знати, ни волею своих наслѣдников или членов рода, как то требовалось по германскому праву при отчужденiях имуществ и сдѣлках частных лиц. Все достоянiе казны принадлежало королю, который никому не обязан был представлять отчеты в расходованiи поступавших средств. Послѣднiя были употребляемы на содержанiе королевскаго двора, подарки различным лицам, приданое королевских дочерей, постройки и сооруженiя и нѣкоторыя нужды государственнаго управленiя. При Карлѣ Великом казна находилась в Ахенѣ в завѣдыванiи особых казначеев, состоявших под главным наблюденiем спальника или камергера (camerarius).

Особенно значительные доходы поступали от поземельных владѣнiй, находившихся в различных частях государства. В состав этих поземельных владѣнiй вошли Каролингскiя родовыя земли, находившiяся в мѣстностях между Маасом, Мозелем и Рейном. Когда Каролинги овладѣли королевскою властью, то им достались и всѣ коронныя земли, а равно всѣ пустоши и огромныя лѣсныя пространства, остававшiяся без обработки и никѣм не освоенныя. По свѣдѣнiям, относящимся к концу Каролингскаго перiода и, конечно, имѣющим значенiе лишь приблизительной точности, в восточной части франкскаго государства было 176 имѣнiй, а именно: 83 имѣнiя во Франконiи, 50 в Аллеманiи, 21 в Баварiи, 12 в Тюрингiи, 5 в Саксонiи. Конечно, не менѣе обширны были казенныя поземельныя владѣнiя в Галлiи, гдѣ франкским королям достались императорскiе домены и земли вестготских и бургундских королей, не считая пустошей и лѣсов, которые были обширны и в этой части франкскаго государства. Завоеванныя у арабов, аваров и славян земли также разсматривались, как собственность короля: населенiе этих областей, уцѣлѣвшее от бѣдствiй войны и не выселившееся, попало в зависимость от казны и было обложено платежами. Послѣ паденiя лан-

гобардскаго государства Каролингам достались всѣ поземельныя владѣнія лангобардскаго королевскаго дома. Уничтоженіе герцогств и различныя конфискаціи, произведенныя с особенною жестокостью в Саксоніи, также значительно умножили поземельныя владѣнія Каролингов.

На казенных землях установились очень сложное хозяйство и особая система управленія. Всѣ королевскія поземельныя владѣнія дѣлились на земли, которыя были предназначены для собственнаго хозяйства и пользованія короля (ad opus regis habentur), и земли, служившія для удовлетворенія административно-хозяйственных потребностей короля, как государя (ad partem regis habentur). К числу послѣдних причислялись имѣнія, доходы с которых шли на содержаніе должностных лиц, королевскія бенефиціи, имѣнія церковных учрежденій, находившихся во владѣніи короля, и земли, отданныя в пользованіе зависимых людей для их самостоятельнаго хозяйства. Как видно из знаменитаго капитулярія Карла Великаго De villis (M. G. H., Legum Sect. II, t. 1, p. 83 ssq.) особенное вниманіе было обращено на имѣнія, предназначенныя для собственнаго пользованія короля, так как отсюда получались всѣ необходимые для содержанія королевскаго двора припасы: свинина, окорока, солонина, рыба, сыр, масло, горчица, уксус, овощи, вино, пиво, мед, соты, воск, мука и т. д., а равно денежные доходы от продажи излишка.

Эти королевскія имѣнія были раздѣлены на округа (fiscus, villa dominica, palatium); в состав каждаго округа входили мызы (curtis), поселенія и дворы зависимых людей. На каждой мызѣ полагались многочисленныя хозяйственныя постройки: кухни, хлѣбопекарни, толчеи, конюшни, коровники, овчарни, погреба, сараи и т. д. При мельницах предписывалось держать как можно больше гусей и куриц, а на главных мызах не менѣе 100 кур и 30 гусей. Почти на всѣх мызах были устроены садки и пруды для разведенія рыбы. Помимо полей, сѣнокосов и виноградников, повсюду заведены были огороды и сады, в которых разводились всевозможнаго рода овощи, цвѣты и деревья: в капитуляріи насчитывается 74 сорта растеній и 16 родов плодовых деревьев. Все это хозяйство поддерживалось трудом казенных крестьян (fiscalini), которые имѣли собственные участки земли и отбывали барщину, и несвободных людей, получавших содержаніе или мѣсячину из господских запасов. Кромѣ рабочих, занятых земледѣліем, садоводством, огородничеством, уходом за скотом, лошадьми и птицами, в имѣніях короля находились различные ремесленники, а именно: кузнецы, ювелиры, скорняки, токари, плотники, оружейники, мыловары, пивовары и другіе. В женских мастерских (genetia), прочно огороженных и с крѣпкими воротами, женщины из шерсти и пряжи приготовляли ткани, красили их, шили бѣлье и занимались различными рукодѣліями.

В мызных складах хранились занавѣски, перины, простыни, одѣяла, скатерти, кухонная утварь, различныя орудія, снаряды и инструменты, а равно и оружіе, т. е. все то, что было изготовляемо трудами королевских ремесленников. В имѣніях строились большія походныя телѣги и повозки, обитыя кожею для того, чтобы в случаѣ надобности можно было на них перевозить по водѣ поклажу, не опасаясь ее подмочить. Эти большія повозки, на которых можно было нагрузить 12 мѣр хлѣба или 12 мѣр вина, должны быть по мѣрѣ изготовленія доставляемы ко двору с хлѣбным или винным запасом и вооруженіем (щит, копье, колчан и лук) одного ратника. Там же дѣлались в большом количествѣ бочки и боченки, обтянутыя желѣзом, и по мѣрѣ требованій доставлялись в лагерь или ко двору.

Высшее наблюденіе и управленіе всѣм этим обширным хозяйством, помимо короля, принадлежало королевѣ, сенешалю и чашнику. Во главѣ отдѣльных округов (fiscus, villa dominica) стояли управляющіе (judices, villici), которым были подчинены приказчики или министеріалы (juniores, ministeriales). К числу послѣдних относились экономы или мейеры (majores), завѣдывавшіе отдѣльными мызами и имѣніями, лѣсничіе (forestarii), хранители погребов или ключники (cellararii), конюхи (poledrarii), сборщики (telonarii) и другіе служащіе. Экономов или мейеров было велѣно ставить из людей незначительных, но извѣстных своею вѣрностью, а в завѣдываніе и управленіе каждаго из них предоставлять такой участок, который можно было бы обойти и осмотрѣть в один день (c. 26: majores amplius in ministerio non habeant, nisi quantum in una die circumire aut previdere potuerint). Управляющим принадлежало право суда над населеніем (familia) королевских земель; их же суду подлежали и свободные люди, которые проживали в предѣлах имѣній. Управляющіе имѣли общій надзор и наблюденіе за дѣйствіями всѣх служащих и правильным ходом хозяйства того округа (fiscus, villa dominica), во главѣ котораго каждый из них стоял. Они же обязаны были вести отчетность, записывая в одну вѣдомость (breve) всѣ поступленія, а в другую всѣ траты и выдачи по хозяйству, и донося об остатках и излишках срочными вѣдомостями (c. 55: volumus, ut quicquid ad nostrum opus judices dederint vel servient aut sequestraverint, in uno brevi conscribi faciant, et quicquid dispensaverint, in alio; et quod reliquum fuerit, nobis per brevem innotescant). Ко дню Рождества они обязаны были представлять годовой отчет о каждой статьѣ хозяйства отдѣльно, а в теченіе поста, не позднѣе вербнаго воскресенья, присылать ко двору всѣ денежныя суммы, собранныя в имѣніи. К этому времени успѣвал король провѣрить представленные годовые отчеты за прошедшій год.

Получая со своих имѣній огромные доходы, Карл Великій озабочен был составленіем описей всѣх земель. В одном из своих

капитуляріев, изданных в концѣ его царствованія (около 811—813 гг.), он приказал государевым посланцам, чтобы каждый из них в предѣлах своего округа произвел опись бенефицій епископов, аббатов, аббатис, графов и всѣх королевских вассалов, а равно и всѣх хозяйственных округов (nostri fisci describantur).

Многочисленные источники доходов, из которых одни были германскаго происхожденія, а другіе были унаслѣдованы от римской имперіи, в значительной степени увеличивали средства казны. К числу доходных статей, существовавших со времени образованія у франков государственности, можно отнести слѣдующія: подарки или дары подданных, судебные и административные штрафы, военная добыча и дань покоренных племен.

Обычай подносить ежегодно государям подарки (dona annualia) существовал с незапамятной древности. При Меровингах эти дары собираемы были во время народных собраній. С теченіем времени обычай этот потерял характер добровольнаго приношенія и сдѣлался видом законнаго обложенія; при Карлѣ Великом были принимаемы мѣры, необходимыя для контроля этих поступленій; так, напр., было приказано, чтобы лица, дарившія коней, ставили свое имя (ut quicumque in dona regia caballos praesenteverit, in unumquemque suum nomen scriptum habeat). Кто обязан был являться на государственные сеймы, обязан был представить свой дар или озаботиться присылкою его (dona vero tua, quae ad placitum nostrum nobis praesentare debes, nobis medio mense Maio transmitte). Пользуясь особым покровительством короля, церковныя учрежденія также должны были дѣлать ежегодныя приношенія (annua dona), которыя имѣли вид и значеніе налога (vectigalia). Епископскія каѳедры и монастыри, сообразно с их средствами и доходами, были обложены извѣстными платежами. Предметами дара были, кромѣ коней, оружіе, одежды и деньги.

По салической правдѣ и правдѣ рипуарских франков были уже установлены штрафы за неисполненіе королевских распоряженій. Каролингскіе капитуляріи широко распространили практику наложенія штрафов или королевских баннов, уплачиваемых обычно в размѣрѣ 60 солидов. Иногда размѣр штрафа удваивался и даже мог быть повышен до 1000 солидов, как это было опредѣлено в капитуляріи, изданном для Саксоніи. К административным штрафам присоединялись судебныя пени и взысканія, среди которых заслуживают упоминанія взысканія за нарушенія договоров, поставленных по желанію контрагентов под защиту казны путем предоставленія ей неустойки (sociante fisco), и поступленія в размѣрѣ десятой доли в тѣх случаях, когда раздѣл наслѣдства при ссорах наслѣдников происходил при участіи уполномоченнаго, посланнаго королем. К этого рода доходам слѣдует отнести сборы, поступленія и взысканія вир за убійство иностранцев, вольноотпущенников и

другихъ лицъ, состоявшихъ подъ особымъ покровительствомъ короля, а равно платежи іудеевъ въ казну.

В связи с военным характером происхожденія франкскаго государства стояли нѣкоторые источники королевских доходов. Король имѣл право на полученіе части военной добычи даже в том случаѣ, если он не принимал личнаго участія в походѣ. Цѣликом и без всякаго раздѣла в его распоряженіе поступала дань (tributum), уплачиваемая покоренными областями и подчинившимися племенами. В каролингское время такую дань вносили Аквитанія, Бретань и беневентскій герцог. Послѣдній ежегодно вносил 7000 солидов или 350 фунтов серебра, а с Бретани получали 1000 солидов или 50 ф. с. Такой же характер носил платеж тюрингов (porcorum census), который был наложен на них Теодорихом, сыном Хлодвига, и уплачивался ими до вступленія на престол Генриха II. Различныя славянскія племена (напр., бодричи, лютичи и лужицкіе сербы) также уплачивали дань.

К доходным статьям, унаслѣдованным франкским государством от римской финансовой системы, относились поземельный налог, торговые, провозные и таможенные сборы и монетная регалія.

Как извѣстно, в римской имперіи взимались поземельный налог (capitatio terrena) и подушный (capitatio plebeia). Когда Галлія была завоевана франками, то мѣстное населеніе продолжало уплачивать эти налоги. Не располагая свѣдущими людьми, способными производить необходимую переоцѣнку земель для опредѣленія кадастровых платежных единиц и составлять цензовыя списки, франкское правительство вынуждено было взимать эти налоги в одном и том же размѣрѣ, вслѣдствіе чего поземельный налог принял характер вѣчнаго фискальнаго обложенія извѣстных земель, совершенно независимо от того, кому онѣ принадлежали. При таком разстройствѣ римской фискальной системы, основанной на періодическом пересмотрѣ кадастровых списков, подушный налог взимался только с опредѣленных лиц и семейств, уплачивавших этот налог наслѣдственно. По капитулярію 820 года каждый должен был вносить налог там, гдѣ уплачивали его отец и дѣд (ubi pater et avus ejus solvere consueverunt). Оба вида римских налогов назывались одинаково королевским налогом (census regalis), как видно из капитулярія 806 года: census regalis, undecumque legitime exiebat, volumus, ut inde solvatur, sive de propria persona hominis sive de rebus. В 812 году Карл Великій предписал государевым посланцам точно установить (perquirant diligenter), гдѣ по старинѣ взимается королевскій налог, при чем если бы оказалось, что земли, подлежавшія этому налогу, перешли во владѣніе церквей, то послѣдним должно быть предложено или возвратить эти земли наслѣдникам бывших владѣльцев (reddantur propriis heredibus), или уплачивать с этих земель положенный налог. Эти предписанія о разслѣдованіи свидѣтельствуют о том, что в началѣ IX вѣка только кое-гдѣ удерживались остатки поземельнаго и подушнаго налогов. Этому

удивляться не приходится, так как мысль об общем налоговом обложенiи населенiя была совершенно чужда франкской государственности, как видно из того, что подлежащая платежу королевскаго налога земля считалась несвободной или даннической (terra tributaria), а плательщики налога — данниками (tributarii).

Римская торгово-таможенная система сохранилась лучше, чѣм кадастровая. Таможенные сборы взимались не только на границах государства, но и при пользованiи внутренними дорогами и рѣками. Они уплачивались или деньгами или извѣстной частью товара. В источниках Каролингскаго времени встрѣчается цѣлый ряд особых названiй для различных видов таможенных сборов (transiturae): подорожный (pulveraticus), мостовой (pontaticus), воротный (portaticus), колесный (rotaticus), вьючный (saumaticus), проходной (passionaticus) и т. д. Правительству приходилось принимать мѣры против излишняго обремененiя торговцев со стороны частных землевладѣльцев, которые стремились устанавливать новые сборы и мытныя заставы на своих землях. С этой цѣлью производились иногда дознанiя и разслѣдованiя, направленныя к установленiю законных сборов и мытных застав. Так, напр., такого рода дознанiе было произведено по жалобѣ баварских епископов, аббатов, графов и купцов около 904 года относительно сборов по Дунаю, как они взимались при Людовикѣ Нѣмецком и его сынѣ Карломанѣ. Дунай был большою торговою дорогою: ярмарки и торги, расположенные по его берегам, посѣщаемы были купцами, прiѣзжавшими из Чехiи и Руси (Sclavi vero, qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt). Эти купцы привозили воск, рабов и коней. При продажѣ были установлены такiе сборы: с каждой рабы и каждаго жеребца уплачивали по 4 ден., с каждаго раба и кобылы по 1 ден. Судна, которыя шли вниз по Дунаю, уплачивали в Росдорфѣ половину драхмы или $1^1/_2$ ден., а если спускались ниже до Линца, то там уплачивали пошлину или мыто по 3 мѣры соли. Капитулярiй 820 года предписывал купцам производить торг лишь на установленных мѣстах (constituta mercata). Кто из них уклонялся, имѣя в виду избѣгнуть платежа ярмарочных сборов, тот подвергался штрафу и сверх того с него взыскивался установленный сбор. Так как право открывать новые рынки принадлежало королю, то торговые сборы приносили ему значительный доход, который впрочем впослѣдствiи сильно упал вслѣдствiе многочисленных королевских пожалованiй и предоставленiя различных льгот церковным учрежденiям и крупным землевладѣльцам.

Монетная регалiя, т. е. право чеканить монету, принадлежала королю. Золотая монета меровингскаго времени не пользовалась доброю славою, так как рѣдко была хорошаго качества. На золотой солид меровингскаго времени считали 40 денарiев. При Пипинѣ Коротком был введен в употребленiе серебряный

солид, на который считали 12 денаріев (solidus, id est 12 denarii). Первоначально подобный счет примѣнялся лишь среди рипурских франков, но при Пипинѣ он был введен во всем государствѣ, при чем на фунт (libra, французскій ливр) чеканили 264 денарія, что равнялось 22 солидам (De moneta constituimus ut amplius non habeat in libra pensante nisi 22 solidos et de ipsis 22 solidis monetarius accipiat solidum 1 et illos alios domino cuius sunt reddat). Карл Великій пожелал увеличить вѣс денаріев, вслѣдствіе чего с 780 г. стали чеканить из фунта 240 денаріев, а потому на один фунт с той поры считали уже 20 солидов. Капитулярій 794 года предписывал ввести эти новые денаріи повсемѣстно в государствѣ (in omni loco, in omni civitate et in omni empturio similiter vadant isti novi denarii et accipiantur ab omnibus). Тѣм не менѣе в Баваріи и Италіи остался в употребленіи золотой солид в 30 денаріев. Как видно из капитулярія 806 г., монета чеканилась лишь при дворѣ (volumus, ut nullo alio loco moneta sit nisi in palatio nostro), т. е. в тѣх мѣстах или дворцах, гдѣ пребывал двор: изученіе надписей на монетах Карла Великаго устанавливает 48 таких мѣст. С теченіем времени были устроены постоянные монетные дворы. В капитуляріи Карла Лысаго (864 г.) поименованы 8 городов, гдѣ находились подобные дворы: Квентовик, Реймс, Санс, Париж, Орлеан, Шалонь, Мелль и Нарбонна. Монетные дворы германской части франкскаго государства находились первоначально в городах, расположенных на лѣвой сторонѣ Рейна, а впослѣдствіи были открыты в Регенсбургѣ, Констанцѣ и Вюрцбургѣ. Кромѣ того, право чеканить монету с именем короля было предоставлено Карлом Великим беневентскому герцогу и папѣ. Людовик Благочестивый стал жаловать это право также отдѣльным монастырям, а его преемники обычно предоставляли это право при всяком разрѣшеніи открытія новаго рынка. На монетах Карла Великаго изображен на одной сторонѣ бюст императора с надписью Karlus imperator, а на другой — храм, увѣнчанный крестом, с надписью Christiana religio. Поддѣлка монеты (falsa moneta) строго преслѣдовалась. Виновный в этом преступленіи, как видно из капитулярія Людовика Благочестиваго, был наказываем отсѣченіем руки, а если подобную монету принимали и пользовались ею свободные люди, то платили штраф в размѣрѣ 60 солидов, рабы же в таком случаѣ получали 60 ударов плетью.

При наличности всѣх этих различнаго происхожденія и характера доходных статей финансы Каролингов поставлены были блестящим образом тѣм болѣе, что им не приходилось тратить средства казны на содержаніе администраціи, войска и суда. Мало того, на населеніе были возложены различныя натуральныя повинности, среди которых особенно тяжкою была постойная повинность (mansio, parata), состоявшая в обязанности доставлять

квартиры и припасы королю и его двору при переѣздах по государству, чиновникам при их служебных разъѣздах, иностранным посольствам, а равно и всѣм тѣм лицам, которыя получали от короля проѣздныя свидѣтельства (evectoria, tractoria).

Центральная и областная администрація.

Свѣдѣнія об организаціи Каролингскаго королевскаго двора могут быть почерпнуты из сочиненія реймсскаго архіепископа Гинкмара De ordine palatii. (Maurice Prou, Hincmari epistola de ordine palatii, Paris 1884 см. Bibliothèque de l'école des hautes études, t. 58). Хотя архіепископ Гинкмар написал этот трактат в 882 году, но в основу он положил сочиненіе извѣстнаго сотрудника Карла Великаго Адальгарда († 826 г.), аббата Корбейскаго монастыря (cuius libellum de ordine palatii legi et scripsi). Первыя 11 глав и заключительная глава написаны были самим Гинкмаром, как видно из того, что в этих частях сочиненія отражаются излюбленныя мысли реймсскаго архіепископа. Начиная с 12-ой главы, идет изложеніе Адальгарда, только отчасти измѣняемое автором, примѣнительно к новым обстоятельствам и отношеніям.

Королевскій двор (palatium, aula regis, curia regis) при Карлѣ Великом и его преемниках был высшим государственным учрежденіем, так как всѣ нити государственнаго управленія находились в руках короля. Хотя при этом условіи все управленіе имѣло личный характер, но уже тогда обнаруживалось отличіе придворных должностей от придворно-государственных. Из числа придворных должностей на первом мѣстѣ стояли должности спальника или камергера, стольника или сенешаля, чашника и конюшенаго или коннетабля. Каждый из этих придворных чиновников имѣл свое вѣдомство (ministerium) и ряд подчиненных младших чиновников и служителей. На обязанности спальника (camerarius, praepositus camerae regalis) лежала забота о сохраненіи королевских инсигній, уборов и одѣяній, а равно даров, подносимых королю. Как главѣ финансоваго вѣдомства, ему были подчинены хранитель казны (saccelarius), казначей (dispensator) и хранитель королевских драгоцѣнностей (scapoardus), а равно младшіе спальники (cubicularii). Значеніе этой должности увеличилось при Каролингах, когда ее занимали такіе вліятельные люди, как Бернгард Барселонскій, считавшійся при Людовикѣ Благочестивом вторым лицом в государствѣ послѣ императора. Стольник или сенешаль (senescalcus), как замѣститель упраздненной должности майордома, имѣл общій надзор за всѣм обиходом дворцоваго управленія (de ord. pal., c. 23: maxima tamen cura ad senescalcum respiciebat eo, quod omnia caetera praeter potus

vel victus caballorum ad eundem senescalcum respicerent), а в частности ему принадлежало завѣдываніе королевской кухней, как это видно из латинских наименованій его должности (regiae mensae praepositus, princeps coquorum, infertor, dapifer). Под его начальством состояли повара, пирожники и другіе кухонные прислужники. Чашник (buticularius, princeps pincernarum) имѣл наблюденіе за королевскими винными погребами, а обязанность подавать напитки ко столу короля под его руководством исполняли молодые люди, которые жили при дворѣ. Конюшенный или коннетабль (comes stabuli) был главный начальник королевской конюшни, и в его подчиненіи находились младшіе служащіе, извѣстные под именем маршалов (marescalci).

По сравненію с этими должностями, ниже были поставлены должности начальника королевской квартиры (mansionarius), на обязанности котораго лежала забота об отводѣ помѣщеній для короля, его свиты и придворных при частых переѣздах двора, и начальника королевских привратников (magister ostiariorum, palatii aedilis). Послѣдній исполнял обязанности высшаго полицейскаго надзора при дворѣ и во время выходов короля, идя впереди и расчищая дорогу жезлом. Кто из просителей желал получить доступ к королю, должен был испросить разрѣшеніе у этого чиновника. Для завѣдыванія королевской охотой были назначены 4 ловчих (venatores) и один сокольничій (falconarius). Ловчіе должны были содержать в порядкѣ своры собак и размѣщать их для прокормленія по королевским мызам, а сокольничій — наблюдать за содержаніем соколов. Всѣ же они должны были имѣть в своем распоряженіи достаточное число охотников и других людей, приспособленных к дѣлу королевской охоты, гдѣ и когда бы таковая ни была устроена. Повидимому, вѣдомства ловчих и сокольничаго требовали много забот, опытности и предусмотрительности (De ord. pal., c. 16: in ipsis ministeriis non sic facile certus numerus aut hominum aut canum aut avium diffiniri potest; ideo in ipsorum arbitrio manebat, quanti et quales essent).

К числу придворно-государственных должностей относились должности палатина, канцлера и главы королевской капеллы.

Палатин или пфальцграф (comes palatii), будучи предсѣдателем верховнаго суда при отсутствіи короля, являлся главою судебнаго вѣдомства и своего рода первым министром, ибо на его предварительное разсмотрѣніе поступили всѣ дѣла и иски подданных короля, искавших правосудія или милости послѣдняго (De ord. pal., c. 19: comes palatii de omnibus saecularibus causis vel iudiciis suscipiendi curam habebat). Дѣла менѣе значительных лиц палатин разрѣшал именем короля (ex auctoritate regia), а дѣла болѣе важных и вліятельных людей только по докладу королю и с особаго всякій раз его разрѣшенія. Таким образом, наряду с верховным судом, в котором всегда предсѣдательствовал

король, а палатин был непремѣнным членом, стал выдѣляться особенный суд палатина. Равным образом, тогда же от общей королевской канцеляріи была отдѣлена канцелярія палатина, из которой были выдаваемы судебныя королевскія грамоты (placita). Как на людей особенно довѣренных и опытных, короли возлагали на палатинов всевозможныя дѣла, отправляя их послами, вручая им командованіе войсками и поручая им объявленіе своих распоряженій. Обиліе обязанностей палатина привело к тому, что в Италіи обыкновенно был назначаем особый палатин. В Аквитаніи также существовал отдѣльный палатин, когда при Людовикѣ Благочестивом королем Аквитаніи был его сын Пипин.

При Меровингах во главѣ королевской канцеляріи стоял референдарій, которому были подчинены канцеляристы и писцы (cancelarii, notarii). Иногда было нѣсколько референдаріев, но один из них считался главным и был хранителем королевской печати. Чины канцеляріи набирались из свѣтских лиц. При Каролингах произошла перемѣна в том отношеніи, что всѣ должности в канцеляріи стали замѣщаться членами духовенства, а равно отвѣтственность за содержаніе грамот и правильность их составленія (recognovit) была возложена на одного из канцеляристов, который таким образом являлся главою всей канцеляріи (cancellarius, notarius), а другіе могли представлять грамоты к подписанію короля только при отсутствіи его, как исправляющіе временно должность: ad vicem N. recognovi et subscripsi. Со времени Людовика Благочестиваго во главѣ канцеляріи стояли обыкновенно значительныя и вліятельныя личности с титулом канцлера (summus cancellarius, archinotarius, summus notarius), а при внукѣ Карла Великаго Людовикѣ Нѣмецком управленіе канцеляріей было соединяемо обыкновенно с должностью главы королевской капеллы. Для своей личной переписки Каролинги имѣли особенных секретарей, выбираемых ими из числа довѣренных придворных.

Глава королевской капеллы (capellanus, summus capellanus, archicapellanus), котораго Гинкмар в своем трактатѣ называет апокрисіаріем, как назывался обыкновенно уполномоченный папы при византійском дворѣ, — был руководителем всего придворнаго духовенства и докладчиком короля по всѣм церковным дѣлам. При таком исключительном положеніи глава королевской капеллы был в сущности первой особой в церковной іерархіи, даже если не имѣл высшей іерархической степени (De ord. pal. c. 19: capellanus — de omnibus negotiis ecclesiasticis vel ministris ecclesiae — suscipiendi curam habebat). Особенно значеніе этой должности увеличилось, когда при сыновьях Людовика Благочестиваго эта должность была соединена с должностью канцлера.

Всѣ придворныя должностныя лица назывались сотрудниками или министрами короля (ministri, ministeriales). Они обыкновенно входили в состав королевскаго совѣта (consistorium prin-

cipis) и назывались совѣтниками короля (consiliarii, consules, senatores). Впрочем, король мог призывать к участію в своем совѣтѣ как и других придворных, так и лиц, не проживавших при дворѣ, вообще кого находил нужным или кому довѣрял, независимо от его положенія или должности. Разумѣется, среди этих совѣтников не всѣ пользовались одинаковым значеніем, и из среды их выдѣлялись особенно довѣренные (consiliarii a secretis, amici, familiares, domestici). Со времени Людовика Благочестиваго один из совѣтников пользовался особенною довѣренностью и был как бы главою всѣх придворных (summus consiliarius, maximus consiliator). Такое положеніе одно время занимал Бернгард Септиманскій или Барселонскій при Людовикѣ Благочестивом и герцог Бозон при Карлѣ Лысом.

Кромѣ должностных лиц и совѣтников короля, к составу двора причислялись три класса или разряда (ordines) людей, постоянно проживавших при дворѣ, а именно: королевскіе вассалы (absque ministeriis expediti milites), прикомандированные для выучки к различным вѣдомствам молодые люди (per singula ministeria discipuli) и вассалы и слуги придворных чиновников (tam maiorum quam minorum in pueris vel vasallis, quos unusquisque — habere procurabat). Королевскіе вассалы (expediti milites), проживавшіе при дворѣ на полном содержаніи короля, заступили до нѣкоторой степени мѣсто меровингских антрусціонов; они были своего рода охранной стражей короля и употреблялись на разнаго рода посылки и службу короля (ad regale obsequium). По свидѣтельству Гинкмара, придворные чиновники, занимавшіе первыя должности, старались оказывать этим вассалам знаки вниманія, постоянно приглашая их на обѣды в свои дома (De ord. pal., c. 27: praefati capitanei ministeriales certatim de die in diem, nunc istos, nunc illos ad mansiones suas vocabant). Из молодых людей, прикомандированных к различным придворным вѣдомствам, а равно из учеников придворной школы, болѣе способные были назначаемы на различныя государственныя должности, так что двор при Каролингах был разсадником и подготовительною школою для дѣятелей свѣтскаго и церковнаго управленія.

Как орган центральнаго управленія, наряду со двором, имѣл значительное вліяніе государственный сейм, называемый в источниках различно, а именно: generalis conventus, placitum, synodalis conventus, сообразно с тѣм, желали ли подчеркнуть государственное значеніе сейма или указать на то, что сейм иногда разсматривал дѣла по обвиненію в измѣнѣ и разрѣшал церковныя дѣла. Государственный сейм Каролингскаго времени являлся преемником старинных народных собраній (campus Martius), созываемых обыкновенно в мартѣ. Хотя при Меровингах эти собранія пришли в забвеніе в Нейстріи и Бургундіи, но удержались в восточной половинѣ франкскаго государства. Пока аллеманы,

бавары и тюринги сохраняли племенных герцогов, у них удерживались племенныя народныя собранія. Тот же обычай разрѣшать важныя государственныя дѣла был и в Австразіи, как свидѣтельствуют первыя слова документа 596 года, изданнаго королем Хильдебертом II: cum in Dei nomine nos omnes Kalendas Martias de quascumque conditionis una cum nostris optimatibus pertractavimus. Благоразумно считаясь с фактом усиленія знати, майордомы в концѣ VII вѣка обычай созывать мартовскія собранія распространили на все государство. Ни Карл Мартелл, ни Пипин Короткій не предпринимали важнаго шага без рѣшенія народнаго собранія. В 755 году Пипин Короткій перенес срок созыва собраній с марта на май (campus Madius) по военным и другим соображеніям. С одной стороны, так как в составѣ военных сил стала постепенно преобладать конница, то походы, которые обыкновенно предпринимались вслѣд за окончаніем занятій сейма, необходимо было начинать в ту пору, когда поспѣвает на полях и лугах трава в достаточном количествѣ для прокормленія коней. С другой стороны, имѣлось в виду дать возможность епископам и аббатам отпраздновать Пасху в их епархіях и монастырях. Карл Великій созывал сеймы не только в маѣ, но и в іюнѣ, іюлѣ и августѣ, сообразуясь с текущими обстоятельствами и ходом военных дѣйствій. При нем и его преемникѣ сеймы были созываемы преимущественно в городах и пфальцах (palatia), расположенных в долинѣ Рейна, преимущественно в Ахенѣ, Вормсѣ и Майнцѣ, но иногда в Регенсбургѣ на баварской территоріи, Падерборнѣ в Саксоніи и в других мѣстах.

Хотя государственные сеймы считались народными собраніями, но в дѣйствительности король совѣщался и имѣл дѣло лишь со свѣтской и церковной знатью (Chron. moiss., ad an. 817: In ipsa aestate iussit esse ibi conventum populi de omni regno vel imperio suo apud Aquis, sedem regiam, id est episcopos, abbates sive comites et maiores natu Francorum); а народ изображали вассалы и свита этих участников сейма. Мѣсто и время сейма были опредѣляемы постановленіем предыдущаго сейма или были указаны в пригласительном посланіи короля. Прибытіе на сейм являлось обязанностью, уклоненіе от исполненія которой навлекало на виновных взысканія, иногда обвиненіе в измѣнѣ, а во всяком случаѣ немилость короля.

В трактатѣ Гинкмара дано подробное описаніе порядка, соблюдаемаго на государственных сеймах начала IX вѣка. По его словам, в теченіе года созываемо было два собранія: одно из них в началѣ текущаго года для рѣшенія государственных дѣл при участіи всѣх знатных людей королевства, свѣтских и духовных, а другое в концѣ года для обсужденія дѣл и проектов слѣдующаго года при участіи особенно вліятельных представителей знати и наиболѣе приближенных совѣтников (De ord. pal., c.

29: in anno placita duo tenerentur. Unum, quando ordinabatur status totius regni ad anni vertentis spacium . . . In quo placito generalitas universorum maiorum tam clericorum quam laicorum conveniebat. Ibid., c. 30: Aliud placitum cum senioribus tantum et praecipuis consiliariis habebatur, in quo iam futuri anni status tractari incipiebatur). На этом послѣднем собраніи, в котором принимали участіе лишь избранные, обсуждались и вырабатывались проекты и доклады для предстоящаго общаго сейма. Рѣшенія, принятыя на этом собраніи, не подвергались оглашенію и оставались тайными, во избѣжаніе неудовольствія остальных вельмож, которые при обсужденіи дѣл на общем государственном сеймѣ должны были получить впечатлѣніе, что все находится в зависимости от их рѣшенія и согласія (De ord. pal., c. 30: propter satisfactionem caeterorum seniorum — ac si ita prius exinde praecogitatum nihil fuisset, ita nunc a novo consilio et consensu illorum et inveniretur). Впрочем, и на общем государственном сеймѣ, который был созываем в началѣ каждаго года, преимущественно в маѣ, не всѣ принимали непосредственное участіе в рѣшеніи и обсужденіи дѣл. Эта честь выпадала на долю наиболѣе знатных (seniores). Если погода была ясная, всѣ собирались с ранняго утра под открытым небом, а в противном случаѣ в особых закрытых помѣщеніях (susceptacula). Для наиболѣе знатных были устроены два отдѣльных помѣщенія: в одном собирались епископы, аббаты и наиболѣе почетные клирики, а в другом — графы и другіе вельможи (comites vel huiusmodi principes), отдѣльно от прочих участников сейма (a caetera multitudine). Когда наступало время открыть засѣданіе, то духовенство отправлялось в свою палату, а вельможи — в свою. В этих палатах, гдѣ поставлены были кресла, они засѣдали отдѣльно, занимаясь одни рѣшеніем свѣтских дѣл, а другіе — церковных, но если они находили полезным, то устраивали совмѣстное засѣданіе, необходимое в тѣх случаях, когда обсуждаемые вопросы или дѣла равно касались государства и церкви (De ord. pal., c. 35: et tunc praedicti seniores more solito clerici ad suam, laici vero ad suam constitutam curiam, subselliis similiter honorificabiliter praeparatis, convocarentur. Qui cum separati a caeteris essent, in eorum manebat potestate, quando simul vel quando separati residerent, prout eos tractundae causae qualitas docebat, sive de spiritualibus, sive de saecularibus seu etiam commixtis). Собраніе не имѣло собственной иниціативы, а разсматривало лишь тѣ вопросы и дѣла, которые предварительно были разработаны или подняты на засѣданіях королевскаго совѣта или на происходившем в концѣ года совѣщаніи с наиболѣе знатными. Иногда король предлагал на рѣшеніе сейма и другія дѣла, которыя находил нужным или которыя были выдвинуты ходом событій (De ord. pal., c. 34: quae vel ab ipso per inspirationem dei inventa vel undique sibi nuntiata post

eorum abscessum precipue fuerant). Сообразно со сложностью и значеніем вопроса, иной обсуждался в теченіе цѣлаго дня, а случалось, что пренія продолжались три и болѣе дня. По разсмотрѣніи одного вопроса переходили к другим, пока не исчерпывалась вся предложенная сейму программа (De ord. pal., c. 34: Quibus susceptis, interdum die una, interdum etiam triduo vel amplius, prout rerum pondus expetabat . . . Ecce sicut de uno, ita de duobus vel quotquot essent capitalis agebantur, quousque omnia — illius temporis necessaria expolirentur). Король рѣдко принимал участіе в преніях и обсужденіи дѣла. Пока шло засѣданіе, он обходил собравшихся людей, свободных и знатных, принимал от них дары и разспрашивал их, по одиночкѣ или по группам, о положеніи дѣл в тѣх областях, уроженцами которых они были, а жителей пограничных мѣстностей — о замыслах и настроеніи сосѣдних народов. Эти разспросы иногда давали королю повод и матеріал для принятія тѣх или других мѣр и обсужденія их на сеймѣ. Карл Великій придавал, повидимому, большое значеніе подобному общенію со своими подданными (De ord. pal., c. 36: Secunda autem ratio regis erat interrogatio, quid unusquisque ex illa parte regni, qua veniebat, dignum relatu vel retractatu secum afferret). Если вельможи (seniores), принимавшіе участіе в обсужденіи дѣл, встрѣчали какія-либо затрудненія, то посылали к королю с просьбою явиться на засѣданіе и дать им необходимыя указанія. Когда рѣшеніе или постановленіе, принятое на засѣданіи, было одобрено королем, то оно прочитывалось или сообщалось всѣм явившимся на сейм как для их свѣдѣнія, так и полученія от них формальнаго одобренія (consensus). Весьма многіе капитуляріи Карла Великаго и его преемников возникли в порядкѣ этого обсужденія на государственных сеймах.

При Карлѣ Великом государственный сейм имѣл характер законосовѣщательнаго учрежденія, с рѣшеніями котораго этот могущественный государь считался в той мѣрѣ, в какой находил для себя необходимым. При его преемниках это значительно измѣнилось. По свидѣтельству одного источника, уже Людовик Благочестивый дал обѣщаніе ничего не предпринимать без совѣта с вельможами (Vita Walae, II, 10: porro deinceps nihil tale, nihil sine vestro consilio me acturum ulterius profiteor). Внуки Карла Великаго, Людовик Нѣмецкій и Карл Лысый, включили в договор, заключенный в 865 году, обязательство управлять государством с согласія и при помощи своих вельмож (ut communes fideles nostri, quorum consilio et auxilio sanctam Dei ecclesiam et regnum nobis commissum gubernare debemus). Таким образом, уже в теченіе IX вѣка государственный сейм сдѣлался вліятельным государственным учрежденіем, ограничивавшим власть короля.

Областная администрація была менѣе сложна, чѣм централь-

ная вслѣдствіе того, что Каролинги почти повсемѣстно добились уничтоженія герцогств. Как извѣстно, по соображеніям о защитѣ от врагов и лучшаго поддержанія порядка при Меровингах нѣсколько графств было соединяемо под властью герцога, которому была предоставлена высшая военная власть. Особенно число герцогов увеличилось в VI вѣкѣ во время смут, происходивших во франкском государствѣ. Однако, даже в эту пору дѣленіе на герцогства не было проведено как общее административное дѣленіе государства, ибо оставались многочисленные графы, которые не были подчинены какому-либо герцогу. В тѣх случаях, когда стремленія герцогов к пріобрѣтенію независимости от королевской власти совпадали с сепаратизмом отдѣльных племен, не замедлили возникнуть так называемыя племенныя герцогства. Во второй половинѣ VII вѣка и в началѣ VIII вѣка образовались подобныя герцогства у всѣх австразійских племен: тюрингенское, баварское, швабское и рипуарское или австразійское, при чем послѣднее досталось Арнульфингам. В Нейстріи значительной независимости достигло Аквитанское герцогство. Признавая высшую политическую власть королей, всѣ эти герцоги не замедлили пріобрѣсти широкія государственныя права на территоріи своих герцогств; они имѣли свои домены и пфальцы (palatia) и свою казну, созывали племенные сеймы, пользовались правами высшей судебной власти, назначали графов, вели войны, жаловали земли и т. д. Когда Арнульфинги, сначала как майордомы и австразійскіе герцоги, а потом как короли, стали стремиться к объединенію государства, то всѣ эти независимыя герцогства были уничтожены: при Карлѣ Мартеллѣ тюрингенское и швабское, при Пипинѣ Коротком рипуарское или австразійское в силу того, что герцог стал королем всего франкскаго государства, и аквитанское в силу завоеванія, а при Карлѣ Великом баварское. На особом положеніи остались Италія, которой дана была организація отдѣльнаго королевства, беневентскій и бретонскій герцоги. С этого времени титул герцога получил характер почетнаго наименованія, даваемаго отдѣльным графам и другим лицам в том случаѣ, когда их назначали начальниками войска или поручали им веденіе военных дѣйствій. На этом основаніи правителей марок (marca, limes), т. е. земель, недавно завоеванных и еще невполнѣ замиренных, называли герцогами. Оффиціальный же их титул был граф (comes). При Карлѣ Великом и его ближайших преемниках существовало уже нѣсколько марок, а именно: испанская, бретонская, саксонская, датская, сербская, аварская или паннонская и фріульская. Нерѣдко в видах лучшаго охраненія границ государства правителю марки давали в управленіе окраинное или пограничное графство. Современные писатели называли правителей марок во вниманіе к их исключительному положенію маркграфами (marchio) и даже герцогами (dux limitis).

Воспоминаніе о бывших герцогствах и разнообразіе в племенном составѣ населенія принимались во вниманіе даже Карлом Великим. В раздѣльном его актѣ 806 года, кромѣ Испаніи и Италіи, поименованы слѣдующія части или области государства: Аквитанія и Гасконь, Бургундія и Прованс, Септиманія или Готія, Баварія, Франконія, Аллеманія, Австразія, Нейстрія, Тюрингія, Саксонія и Фризія. Хотя в источниках эти части государства назывались то королевствами (regna), то герцогствами (ducatus), то областями (provinciae), но в административном отношеніи не пользовались какой-либо особой организаціей.

Обычным и повсемѣстным административным дѣленіем государства при Каролингах были графства (pagus, comitatus, ministerium, provincia, territorium), управляемыя на одинаковых основаніях графами (comes, praefectus, praeses, rector, consul).

В Галліи графства образовались на основѣ старых кельтских общин (civitas), получивших при римском владычествѣ характер городских округов, вслѣдствіе чего большинство тамошних графств назывались по именам городов. Одни из этих графств были больших размѣров (напр., графства нойонское, овернье), а другія малыя (напр., графство санлисское). В Австразіи же графства сложились на основѣ подраздѣленій племенных территорій на округа (pagus, Gau), называемые по странам свѣта (Wester-, Oster-, Süd- und Nordgau), по имени какого-либо древняго племени (pagus Batua, pagus Hattuaria, pagus Engili), рѣк, городов и лѣсов. В тѣх мѣстностях, гдѣ существовали римскіе города, эти племенные округа, а впослѣдствіи графства, назывались по имени городов (Wormsgau, Speiergau, Salzburggau и т. д.). Хотя предѣлы опредѣлялись границами этих племенных округов, но иногда случалось, что большой племенный округ распадался на нѣсколько графств, примѣнительно к раздѣленію племеннаго округа на сотни. Подобно тому, как племенный округ имѣл подраздѣленія, называемыя у франков сотнями (centena), так и графства дѣлились на сотни и викаріи (centena, vicaria). В франкском государствѣ было приблизительно около 300 графств, из которых на долю теперешней Франціи приходилось не менѣе 110.

На должность графов король назначал по своему усмотрѣнію и обыкновенно на всю жизнь, но это не исключало возможности смѣщенія их, если они оказывались неспособными или уличены были в злоупотребленіях властью. По эдикту 614 г. Клотаря II было установлено, что на административныя должности должны быть назначаемы мѣстные уроженцы из числа землевладѣльцев, с имущества которых можно было бы взыскать убытки и ущерб, причиненные их неправильными и противозаконными дѣйствіями. В дѣйствительности проведеніем этого положенія знать стремилась к захвату в свои руки областной администраціи и желала отнять у короля возможность перемѣщенія графов из одного

графства в другое. Карл Великій пользовался неограниченным правом назначенія на должность, не стѣсняясь происхожденіем и матеріальным обезпеченіем кандидатов, назначая иногда на мѣста графов вольноотпущенников, извѣстных ему своими способностями, по довѣрію к ним, а в завоеванных областях Италіи и Саксоніи—туземцев, наряду с людьми франкскаго происхожденія, имѣя в виду создать таким образом в этих странах партію своих приверженцев. При Людовикѣ Благочестивом и его преемниках, когда ослабѣл авторитет королевской власти, стали обнаруживаться нѣкоторыя попытки сдѣлать должность графа наслѣдственной. Хотя с особенною силою это стремленіе сказывалось в западной половинѣ государства, но и здѣсь оно осуществилось не ранѣе конца IX вѣка. Не получая вознагражденія из казны, графы пользовались различными доходами: 1) в их пользу поступала треть судебных и других штрафов; 2) при своих служебных поѣздках в предѣлах графства они получали от населенія содержаніе, перевозочныя средства и квартиру; 3) они пользовались доходами с земель, приписанных к должности (res comitatus, pertinentia comitatus, fiscus comitialis). С развитіем бенефиціальных и вассальных отношеній эти приписанныя к графской должности земли обыкновенно получались графами в качествѣ вассальной бенефиціи и сдѣлались исходным пунктом для превращенія графской должности в королевскій феод, т. е. феодализаціи графств. Как представитель королевской власти, граф находился под особою защитою: вира за графа взыскивалось в тройном размѣрѣ, против той нормы, которая была установлена для людей его соціальнаго положенія.

Власть графа была чрезвычайно обширна, простираясь на всѣ отрасли и вѣдомства государственнаго управленія в предѣлах графства. Его власть являлась как бы отраженіем или копіей власти короля. Графу принадлежала военная власть, ибо он созывал военное ополченіе, вел его на сборный пункт и начальствовал над ним на войнѣ. До Карла Великаго он же собирал штрафы за уклоненіе от военной повинности. Граф был предсѣдателем судебных собраній графства и приводил в исполненіе судебные приговоры. Ему же принадлежала обширная полицейская власть: он прекращал безпорядки; преслѣдовал воров, грабителей и разбойников; наблюдал за исправным содержаніем дорог и мостов; имѣл надзор за ярмарками и торгами и принимал мѣры к приведенію населенія к присягѣ, иногда лично, иногда собирая жителей графства с этою цѣлью к пріѣзду государева посланца. Графу предоставлены были и финансовыя дѣла, так как он взимал штрафы и пени, взыскивал налоги и платежи и доставлял их в королевскую казну. Всѣм этим не ограничивались заботы и труды графа. Как defensor ecclesiae, он должен был содѣйствовать мѣстному епископу, приводя к повиновенію аб-

батов, священников и прочих клириков в случаѣ их ослушанія духовной власти, заключал в тюрьму отлученных от церкви, если они не желали исправиться, и оказывал епископу помощь в искорененіи языческих обычаев и суевѣрій. Так как в капитуляріях церковныя постановленія были перемѣшаны со свѣтскими, то опубликованіе и объясненіе их населенію было возложено одинаковым образом на графа и епископа.

При исполненіи административных и полицейских обязанностей граф имѣл право налагать на ослушников его распоряженій или приказов банн (bannus) в размѣрѣ 15 солидов у франков и 4—12 солидов у других племен. В исключительных случаях граф мог налагать банн в размѣрѣ 60 солидов, как было установлено в Саксоніи 797 года (Dedimus potestatem comitibus bannum mittere infra suo ministerio de faida vel maioribus causis in solidos 60; de minoribus vero causis comitis bannum in solidis 15 constituimus).

Сообразно дѣленію графства на сотни и викаріи, ближайшими помощниками графа были сотники или центенаріи в графствах восточной части государства и викаріи в графствах западной части. Назначеніе этих чиновников происходило по соглашенію графа с населеніем (cum comite et populo elegantur mansueti et boni). Центенаріи и викаріи имѣли самостоятельную юрисдикцію по дѣлам меньшей важности (causae minores). В Италіи и в нѣкоторых областях западной половины государства графы имѣли своих замѣстителей или виконтов (vicecomes, vicedominus), одного на графство или большую часть его, назначаемаго графом с согласія короля. Кромѣ того, в распоряженіи графа был цѣлый персонал низших служащих (ministeriales, iuniores, decani) и особая канцелярія, в которой составлялись судебныя грамоты, донесенія, отчеты и всѣ другія бумаги и отписки, необходимыя при исполненіи многообразных обязанностей графской должности. Во главѣ этой канцеляріи стоял письмоводитель или нотарій, котораго Карл Великій предписывал выбирать с особою осмотрительностью, в предупрежденія обмана и злоупотребленій (De scribis, ut non vitiose scribant et de notariis, ut unusquisque episcopus aut abbas vel comes suum notarium habeat).

Хотя Карл Великій старался на должности графов назначать достойных людей, но даже в его время многіе из них были не на высотѣ своего положенія. Приходилось напоминать им о том, чтобы они в трезвом видѣ являлись на засѣданія суда, не брали взяток, не тѣснили свободных людей, не превышали свою власть и не присвоивали себѣ казеннаго имущества и доходов, не захватывали имущества бѣдных людей и т. д. Алкуин жаловался на то, что стремленія императора водворить в государствѣ порядок и справедливость в значительной степени не имѣют успѣха, так как мало надежных помощников, но достаточно злоумышлен-

ников, мало поборников правды, но достаточно грабителей или предателей (sed tantos non habet iustitiae adiutores, quantos etiam subversores, nec tantos praedicatores, quantos praedatores).

Для борьбы с злоупотребленіями администраціи Карл Великій организовал постоянный надзор за ея дѣятельностью путем усовершенствованія института постоянных разъѣздов государевых посланцев (missi dominici).

Как извѣстно, каждый чиновник мог посылать своего уполномоченнаго для выполненія того или иного дѣла или порученія. В эдиктѣ 614 года упоминаются подобные объѣздные судьи и уполномоченные (judices vel missi discursores), которых назначали в своих имѣніях епископы и знатные люди. В отличіе от них, уполномоченные или посланцы короля назывались государевыми, королевскими или фискальными (missi dominici, regales, fiscales). Первые Каролинги воспользовались установившимся при Меровингах обычаем посылать особых уполномоченных и постарались из них создать орган, поставленный между королевской властью и областной администраціей и призванный до нѣкоторой степени замѣнить племенную герцогскую власть, против которой они настойчиво боролись. Так как полномочія этих королевских посланцев имѣли временный характер и не были пріурочены постоянно к одной опредѣленной территоріи, то в таком видѣ эта замѣна герцогской власти не могла представляться опасной для королевской власти. При Карлѣ Мартеллѣ и Пипинѣ Коротком эти посланцы (missi discurrentes) должны были провѣрять и выполнять дѣятельность областных церковных и свѣтских властей. Карл. Великій поступал точно также, посылая своих уполномоченных или посланцев в Саксонію и Италію для установленія в этих странах порядка подобно тому, как это было сдѣлано Пипином Коротким в 768 году по отношенію к завоеванной Аквитаніи. Так называемый Legationis edictum 789 года, изданный в Ахенѣ, представляет всѣ признаки и черты позднѣйших capitularia missorum. Вскорѣ послѣ своего коронованія императорскою короною Карл Великій рѣшил дать установленію государевых посланцев прочный и устойчивый характер постояннаго государственнаго учрежденія. По свидѣтельству Лоршских аннал, в 802 году император рѣшил болѣе не посылать в качествѣ ревизоров людей незначительных, а избрал архіепископов, епископов, аббатов, вельмож и графов, которые по своему положенію и имущественному обезпеченію не имѣли нужды брать взятки при отправленіи должности государевых посланцев и послал их по всему государству (et direxit in universum regnum suum). Это свидѣтельство аннал вполнѣ подтверждается 1-ой статьей капитулярія 802 года: De legatione a domno imperatore directa. Serenissimus igitur et christianissimus domnus imperator Karolus elegit ex optimatibus suis prudentissimis et sapientissimos viros,

tam archiepiscopis quam et reliqui episcopis simulque et abbates venerabiles laicosque religiosos, et direxit in universum regnum suum). Такимъ образомъ, преобразованіе 802 года опредѣлялось раздѣленіемъ всего государства на округа объѣзда и ревизіи (legationes, missatica) государевыхъ посланцевъ и отказомъ отъ прежней практики посылать людей незначительнаго положенія, добросовѣстность которыхъ легче подвергалась искушенію. Обыкновенно въ каждый округъ посылали двухъ посланцевъ, одного духовнаго и одного свѣтскаго, но иногда оба были или духовнаго, или свѣтскаго званія. Изъ духовныхъ лицъ посылали архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ, а изъ свѣтскихъ — графовъ и королевскихъ вассаловъ. По большей части для каждаго округа назначали ежегодно новыхъ лицъ. Число и пространственность округовъ, къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить, но, повидимому, раздѣленіе государства на эти округа совпадало съ церковнымъ раздѣленіемъ на архіепископства. По крайней мѣрѣ капитулярій 825 года перечисляетъ 10 округовъ (missatica), въ соотвѣтствіи съ архіепископствами, а именно: Безансонскій, Майнцкій, Трирскій, Кельнскій, два Реймсскихъ, Сансскій, Руанскій, Турскій, Ліонскій. Если въ этомъ капитуляріи (commemoratio missis data) не упомянуты округа Баваріи, Аквитаніи и Италіи, то это объясняется тѣмъ, что въ ту пору эти страны состояли на положеніи отдѣльныхъ королевствъ, находясь въ управленіи сыновей Людовика Благочестиваго.

При отправленіи государевыхъ посланцевъ ихъ полномочія опредѣлялись устными или письменными наказами. Имъ предоставлялась власть надзора или контроля надъ дѣятельностью церковныхъ и свѣтскихъ должностныхъ лицъ и право восполнять или дополнять областную администрацію. Съ цѣлью контроля государевы посланцы созывали на собраніе, которое можно назвать областнымъ сеймомъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ съ ихъ помощниками, скабиновъ, королевскихъ вассаловъ, землевладѣльцевъ и населеніе даннаго округа. Это собраніе обыкновенно происходило въ серединѣ мая и могло по мѣстнымъ условіямъ и во вниманіе къ количеству дѣлъ быть повторяемо на двухъ, трехъ и болѣе мѣстахъ (Commemoratio missis data 825 года: ut medio mense Maio conveniant idem missi, unusquisque in sua legatione cum omnibus episcopis, abbatibus, comitibus ac vassis nostris. . . . Et si necesse fuerit propter opportunitatem conveniendi, in duobus vel tribus locis, vel maxime propter pauperes populi, idem conventus habeatur, qui omnibus congruat). Здѣсь производилось разслѣдованіе (inquisitio) о всѣхъ злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ и объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, при чемъ если обнаруживалась виновность центенаріевъ, скабиновъ и королевскихъ управителей, то они были отставляемы отъ должностей, но если обнаруживались преступленія и злоупотребленія высшихъ должностныхъ лицъ, то объ этомъ посланцы представляли на усмотрѣніе и рѣшеніе короля. Кто уклонялся отъ посѣщенія этихъ собра-

ній, на тѣх налагался королевскій банн, а в случаѣ упорства имена таких сообщались государю ко времени созыва государственнаго сейма. Сохранился протокол 804 года подобнаго областнаго сейма в Истріи. Собраніе из своей среды избрало 172 человѣка из числа уроженцев различных мѣстностей. Избранные были приведены к присягѣ и давали показанія о положеніи церковных дѣл, ходѣ административных и судебных дѣл и о злоупотребленіях против населенія, вдов и сирот (de rebus s. dei ecclesiarum, deinde de iustitia dominorum nostrorum, seu et de violentia vel consuetudine populi terrae ipsius, orfanorum et viduarum).

Кромѣ этих административных собраній, государевы посланцы в предѣлах своих округов созывали судебныя собранія, на которых иногда были рѣшаемы дѣла, превышавшія компетенцію обычных областных судов. Главным же образом на этих судебных собраніях были рѣшаемы дѣла, оставленныя без разсмотрѣнія графами или ими неправильно рѣшенныя. В таком случаѣ судебныя полномочія графа прекращались на все время пребыванія государевых посланцев в предѣлах графства, вслѣдствіе чего в капитуляріи 819 года было дано указаніе, чтобы государевы посланцы не созывали судебных засѣданій в тѣх графствах, гдѣ графы исправно отправляли свои обязанности судей, а подольше пребывали в тѣх графствах, гдѣ правосудіе поставлено неудовлетворительно или небрежно (sed ibi moras faciant, ubi iustitia vel minus vel neglegenter facta est). Впрочем, в одном из капитуляріев Карла Великаго, вѣроятно, по соображеніям о необходимости не наносить ущерба графской юрисдикціи было установлено, что государевы посланцы должны созывать судебныя собранія только в теченіе 4 мѣсяцев в году, а именно: в январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, созывая их в теченіе одного мѣсяца на 4 мѣстах (Capitul. de iust. fac., c. 8: Volumus, ut propter iusticias, quae usque modo de parte comitum remanserunt, quatuor tantum mensibus in anno missi nostri legationes suas exerceant, in hieme iunuario, in verno aprili, in aestate iulio, in autumno octobrio. Ceteris vero mensibus unusquisque comitum placitum suum habeat et iustitias faciat. Missi autem nostri quater in uno mense et in quatuor locis habeant placita sua).

При отправленіи своей должности государевы посланцы получали судебные доходы, причитающіеся по рѣшенным ими дѣлам, а равно содержаніе от населенія. Для предупрежденія излишней требовательности была выработана норма этого содержанія (de dispensa missorum nostrorum), а именно: епископ ежедневно получал 40 хлѣбов, 3 рыбы, 3 мѣры напитка, поросенка, 3 курицы, 15 яиц и 4 мѣры корма для лошадей; аббат, граф и королевскій чиновник — 30 хлѣбов, 2 рыбы, 2 мѣры напитка, поросенка, 3 курицы, 15 яиц и 3 мѣры корма для лошадей, а королевскій вассал — 17 хлѣбов, рыбу, поросенка, мѣру напитка,

2 кур, 10 яиц и 2 мѣры корма для лошадей. Разумѣется, при установленіи этого содержанія была принята во вниманіе необходимость для каждаго посланца содержать при объѣздѣ значительную свиту и многочисленных слуг, сообразно с его общественным положеніем.

Институт государевых посланцев имѣл свои хорошія и дурныя стороны. Первыя нельзя не видѣть в том, что періодически повторявшіяся ревизіи освѣдомляли правительство с состояніем областей, давали возможность исправлять упущенія областных чиновников и прекращать своевременно различныя их злоупотребленія. С другой же стороны, дѣятельность ревизоров прерывала нормальный ход дѣл и подрывала авторитет мѣстной администраціи. Кромѣ того, участіе представителей этой послѣдней на многочисленных собраніях, созываемых посланцами, отнимало у них много времени и довольно часто отвлекало от своевременнаго выполненія текущих дѣл, а слѣдовательно служило причиною разстройства правильных дѣйствій администраціи, т. е. приводило к нежелательному исходу. Наконец, государевы посланцы не всегда бывали безпристрастны, и их ревизія принимала характер сведенія личных счетов.

Преобразованный Карлом Великим институт государевых посланцев уже при Людовикѣ Благочестивом стал подвергаться порчѣ. Карл Великій обыкновенно назначал для производства ревизій людей, чуждых данному округу и не имѣвших в нем своих личных интересов, а со времени его преемника утвердился обычай поручать эти миссіи лицам, занимавшим высшія должности в предѣлах округа. Таким образом, подготовлен был путь к тому, что областная администрація овладѣла преимуществами и полномочіями государевых посланцев: вмѣсто прежних ежегодно смѣнявшихся ревизоров центральнаго правительства стали дѣйствовать постоянные, назначаемые из мѣстных епископов и графов на всю жизнь. В Италіи, напр., с 876 года всѣ епископы в предѣлах своих епархій получили полномочія государевых посланцев.

Феодализм и его вліяніе на соціальный, военный и судебный строй.

При обозрѣніи придворнаго и областнаго управленія были отмѣчены черты преобладанія знати или представителей крупнаго землевладѣнія. При Карлѣ Великом это вліяніе умѣрялось величіем личности императора и переживаніем монархической традиціи. Иначе стали складываться отношенія при слабом преемникѣ великаго императора и его внуках, когда настали в франкском государствѣ смуты. Преобладаніе знати сказывалось во

всѣх областях общественно-государственной жизни, а внѣшнимъ образом выразилось в формах так называемаго феодализма.

Феодализм — крайне сложное явленіе и плод разнообразных политических, соціальных, экономических теченій и воздѣйствій. При опредѣленіи этого явленія принимаются обыкновенно во вниманіе имущественныя отношенія, как они выразились в прекарных и бенефиціальных сдѣлках, личныя отношенія, нашедшія себѣ выраженіе в установленіи вассальной зависимости, и общественно-государственныя отношенія, которыя сказались в распространеніи иммунитета (см. выше, стр. 83—85). Уже Гизо довольно удачно опредѣлял феодализм, усматривая его сущность в трех направленіях: в предоставленіи землевладѣльцам прав верховной власти, в возникновеніи наряду с полной земельной собственностью условной собственности и в установленіи вассальной іерархіи между государями - землевладѣльцами. Выражаясь кратко, можно сказать, что феодализм есть обобщеніе или соединеніе бенефиціальных, вассальных и иммунитетных институтов. Подчеркивая вліяніе двух первых институтов, извѣстный историк права П. Віолле (Histoire des institutions politiques et administratives de la France, t. 1, p. 420) довольно образно обрисовывает феодализм в слѣдующих выраженіях: „На поверхности почти всей территоріи сложились связи подчиненія и личной зависимости. Личность, даже свободная, почти всегда оказывается подчиненной другой личности: один — вассал, а другой — сеньор. Земля находится в той же іерархической подчиненности, как и владѣльцы ея: участок сеньора есть высшій феод, а участок вассала — низшій феод. На принципѣ этого двойного подчиненія одной личности по отношенію к другой, одной земли по отношенію к другой, основалась сильная военная организація: военная сила вросла и пустила корни в самую почву страны". Это смѣшеніе в феодализмѣ разных элементов проф. П. Виноградов выражает словами: „можно сказать, что феодализм отличается территоріальною окраской политических отношеній и политическою окраской земельных отношеній" (Ж. М. Н. Просв., 1880 г., кн. I, стр. 137).

Элементы феодализма, кое в чем сходясь, кое в чем расходясь, могут существовать в различных обществах и приводят к созданію порядков и строя, который может быть признан отчасти аналогичным, отчасти даже родственным с феодальным строем. Изслѣдователи находят и находили признаки феодализма в Византіи, Московской Руси и в славянских государствах. Историки и этнографы имѣют основаніе усматривать черты феодальнаго быта у кельтов, индусов, древних греков, в Китаѣ и Японіи и т. д. При таком распространеніи даннаго историческаго явленія, которое становится возможным при господствѣ натуральной системы хозяйства и слабом развитіи или упадкѣ государственной

власти, представляются явно односторонними споры о том, слѣдует ли искать корни феодализма в учрежденіях римской имперіи послѣдних вѣков или в установленіях древне-германскаго быта. Однако, так как понятіе о феодализмѣ и процесс его возникновенія или феодализація наиболѣе разработаны трудами ученых, занимавшихся западно-европейским феодализмом, то исторіографія послѣдняго заслуживает особеннаго вниманія.

Сходясь болѣе или менѣе в пониманіи сущности феодализма, ученые рѣзко расходятся в пониманіи процесса его образованія. Одни отыскивают корни феодализма в порядках римской имперіи послѣдних вѣков ея существованія (романистическое направленіе), а другіе — в основных чертах древней германской жизни (германистическое направленіе); одни усматривают главный элемент в установленіи личной зависимости, а другіе — в установленіи имущественной; одни обращают главное вниманіе на политическую сторону феодализаціи (разложеніе верховной власти и признаки появленія разлагающих элементов и т. д.), а другіе изучают этот процесс преимущественно с его внутренней стороны, выдвигая вперед измѣненія экономическаго строя, которыя повліяли на измѣненія характера землевладѣнія, а потом государственнаго права. С разнообразіем точек зрѣнія по вопросу о происхожденіи феодализма и с обширной литературою этого вопроса можно ознакомиться из введенія диссертаціи проф. П. Виноградова („Происхожденіе феодальных отношеній в Лангобардской Италіи“, Ж. М. Н. Просв., 1880, январь, стр. 136—154) и из очерка проф. И. Гревса „Сущность феодализма и его происхожденіе“, помѣщеннаго в Энциклопедическом словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXXV а, стр. 494—510.

Уже первые романисты (аббат Дюбо и Перресьо), писавшіе в XVIII вѣкѣ, отрицали значеніе германскаго вліянія и считали элементы феодализма унаслѣдованными от римской имперіи. Недостатком их построеній является то обстоятельство, что они довольствовались установленіем внѣшняго сходства институтов послѣдних вѣков существованія имперіи с феодальными и мало заботились об установленіи преемственной связи между тѣми и другими. Италіанскій ученый первой половины XIX вѣка Энрико Поджи послѣдовательно развил теорію романистов о происхожденіи феодализма. По его мнѣнію, феодализм не есть явленіе франкское или лангобардское; он был подготовлен во времена господства римской имперіи в том романизованном населеніи провинцій, среди котораго расположились различныя государства варваров. Подчиненіе одного лица другому, помимо уз подданства, наблюдается в римскую эпоху (patrocinium, колонат). Прототипом феода является римская эмфитеоза, предоставившая права владѣнія одному в собственности другого (jus in re aliena). В XVIII вѣкѣ возникла также и германистическая теорія. Пред-

ставителем ея является Монтескьё, автор „Духа законов“. Исходя из той мысли, что германцы уничтожили римское государство и гражданственность, он считал феодализм дѣтищем дружинных порядков. По его мнѣнію, феодальныя отношенія отличаются от дружинных только тѣм, что приложены к землевладѣнію. Извѣстный французскій историк Гизо принял во всем существенном эту теорію Монтескьё и находил в условіях завоеванія и водворенія германцев на римской территоріи начало всѣх элементов феодализма: вассал X вѣка — преемник дружинника V вѣка, феод — подарок вождя дружиннику, судебная власть сеньора развивается из патримоніальной власти германскаго главы семьи и владѣльца недвижимости. Нѣмецкіе ученые начала XIX вѣка Савиньи и Эйхгорн, приняв теорію о дружинѣ, как родоначальницѣ феодальнаго быта, дополнили ее ученіем об аристократическом характерѣ древнѣйшаго германскаго государства. Только знатные люди имѣли право держать дружину, вслѣдствіе чего дружинный быт разлагал племенное государство в пользу знати. Завоеваніе и раздѣл земель придали территоріальную основу этим дружинным отношеніям и ускорили их развитіе. Меровингскіе короли должны были опираться не на все населеніе, а на связанных с ними личною вѣрностью дружинников, своих „лейдов“, которым они раздавали бенефиціи. Довольно скоро домены Меровингов оказались в руках этих дружинников, и власть фактически досталась этим крупным землевладѣльцам.

Взгляды германистов получили дальнѣйшую разработку в сочиненіях Г. Вайца (Deutsche Verfassungsgeschichte, B. II — IV; Die Anfänge des Lehnwesens) и П. Рота (Die Krongutsverleihungen unter den Merowingern, 1848; Geschichte des Benefialwesens, 1850; Feudalität und Unterthanverband, 1863; Die Säkularisation des Kirchengutes unter den Carolingern, 1864). Первый из этих ученых не находил основаній приписывать дружинѣ первенствующее мѣсто в развитіи феодализма. По его представленію, политическій быт древних германцев основан был на крѣпкой связи свободных людей одного племени, под главенством народнаго вѣча и выборных князей. Только в Меровингское время проявились основные элементы феодализма. Королевскія раздачи и пожалованія земель производились на условіях неполной или ограниченной собственности (подготовка бенефиціальных отношеній); защита государственной власти оказывается недостаточной, вслѣдствіе чего слабые люди ищут покровительства у богатых и сильных людей (подготовка вассалитета); слабое пониманіе государственности приводит к практикѣ освобожденія или отчужденія судебных и финансовых прав в пользу частных землевладѣльцев (иммунитет). Проявившись в Меровингское время, всѣ эти зародыши феодализма медленно созрѣвали и обнаружились с полною силою лишь в послѣ-каролингскую пору. Рот отодвигает возни-

кновеніе элементов феодализма к болѣе позднему времени, чѣм Вайц, ибо начало феодальнаго порядка он ищет не в постепенном развитіи, но в той военной реформѣ, которая была произведена в VIII вѣкѣ и сопровождалась секуляризаціей церковных земель. По мнѣнію Рота, политическая организація Меровингскаго періода была совершенно здоровая, ибо существовали правильно установленная верховная власть и подданническія отношенія. Никакого политическаго подчиненія одного свободнаго человѣка другому в этот період не существовало; по крайней мѣрѣ источники не говорят о таком подчиненіи. Для доказательства этой ошибочной мысли он перетолковывает встрѣчающія в источниках наименованія подчиненных людей (amici, gasindi, suscepti и т. д.). Довольно убѣдительно он доказывает, что меровингскія пожалованія земель приводили к возникновенію полной, а не условной собственности. Только Каролинги начали расшатывать государственность и закладывать основанія феодализма. Не имѣя в своем распоряженіи достаточнаго количества земель, они прибѣгли к секуляризаціи церковных земель для раздачи участков в условное владѣніе или на правах бенефиціи лицам, обязанным отправлять конную военную службу. Выдѣлив этих лиц в особый класс, Каролинги подготовили условныя формы владѣнія (феод) и отношенія личной зависимости (вассалитет). Они же создали сеньорат, передав землевладѣльцам права государственной власти, а сеньорат разрушил непосредственную связь между королем и подданными и создал новую вассальную вѣрность и присягу. Почти всѣ эти замѣчанія и наблюденія Рота относительно политики Каролингов могут быть признаны цѣнными и правильными, но только с одною оговоркою, что эта политика не создала феодализма, а способствовала его установленію.

Как и первые германисты, так и Вайц и Рот при объясненіи феодализаціи обращали главное вниманіе на политическую сторону процесса, толкуя о характерѣ верховной власти, степени и эпохѣ ея разложенія и первых признаках появленія феодальных элементов, и мало останавливались на изученіи измѣненій экономическаго строя. В трудах Г. Маурера, его сына К. Маурера, Отто Гирке, Инама-Штернегга, Лампрехта, Фюстель де Куланжа и Флака был восполнен этот пробѣл.

Изучая судьбы сельской общины или марки, Георг Маурер старался выяснить происхожденіе средневѣковаго строя. Основные его взгляды, подробному обоснованію которых был посвящен ряд его сочиненій, собраны в работѣ, озаглавленной Einleitung zur Geschichte der Mark- Hof- Dorf- und Stadt-Verfassung und öffentlichen Gewalt (есть русскій перевод В. Корша, М. 1880 г.). При отсутствіи могущественной знати марка, ограничивавшая частное землевладѣніе предѣлами двора и расчищенной частными средствами земли, обезпечивала свободу населенія и

равное участіе всѣх свободных в войскѣ, судѣ и управленіи. Только с разложеніем марки стали возникать сословное неравенство и преобладаніе крупных землевладѣльцев в управленіи государством. Зародыши разложенія проявились еще в ту пору, когда германскія племена жили в глубинѣ Германіи, и выражались в ослабленіи экономической солидарности членов марки и увеличеніи площади частнаго землевладѣнія. В первом направленіи дѣйствовало поселеніе отдѣльными дворами, а равно выселеніе старых членов и приселеніе новых. Увеличеніе народонаселенія и нужда заставляли усиливать и расширять площадь частных расчисток, вслѣдствіе чего площадь частнаго землевладѣнія неизмѣнно росла, и создавалось экономическое неравенство. При столкновеніи с римской культурою и порядками процесс разложенія общины протекал с большою скоростью. Выдвинувшіеся из нѣдр общины сильные и энергичные люди, опираясь на свою частную собственность, стали тѣснить слабую общину и подчинять ее своей власти. Так как ни свобода, ни община, ни государственная власть не доставляли защиты, то ее пришлось искать у сосѣдняго крупнаго землевладѣльца. Таким образом совершился переход или перерожденіе марки в сеньорію, а знать не замедлила захватить в свои руки управленіе государством. Всего яснѣе связь между экономическим и политическим процессом сказалась на развитіи иммунитета, который сначала понимался, как изъятіе клочка земли из хозяйственнаго надзора марки, а впослѣдствіи расширился до освобожденія от вмѣшательства королевских чиновников и почти полной политической самостоятельности.

Воззрѣнія Г. Маурера подвергались в нѣмецкой литературѣ дальнѣйшей разработкѣ и расширеніям в трудах его сына Конрада Маурера, изучавшаго право сѣверо-германских народов, и извѣстнаго Берлинскаго профессора Оттона Гирке, а равно оказали значительное вліяніе на разработку исторіи общины в других странах. Главная же заслуга Г. Маурера состоит в том, что он выдвинул вперед изученіе экономической стороны процесса феодализаціи.

Это расширеніе круга явленій, привлекаемых для объясненія происхожденія феодализма, сказалось в трудах Фюстель де Куланжа и Ж. Флака.

В самом крупном и важном своем сочиненіи „Исторія политических учрежденій древней Франціи“ (Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, t. I—VI, 1874—1892 гг.) Фюстель де Куланж, изучая происхожденіе и зачатки новой гражданственности во Франціи, близко подошел к вопросу о происхожденіи феодализма, корни котораго он видит в римской исторіи (ближайшее отношеніе к данному вопросу имѣет V том его сочиненія, озаглавленный: Les origines du système feodal). По его мнѣнію,

обычныя сужденія об упадкѣ римской исторіи, ея деспотизмѣ и упадкѣ творческих начал не находят подтвержденія в источниках. Провинціи имперіи были здоровы и нравственны. Римская имперія была одна из плодотворнѣйших эпох человѣческаго развитія. Варвары не имѣли положительных начал, которыя способны были вступить в борьбу с великими силами древней гражданственности. Их прославленная свобода сводилась к отсутствію учрежденій, сдерживавших произвол, и законов, стѣснявших своеволіе. Что касается ученія о свободной сельской общинѣ, то оно возникло под вліяніем сознательнаго или безсознательнаго усвоенія радикальной идеи Руссо и теорій современнаго соціализма. Только с помощью перенесенія свидѣтельств о порядках позднѣйшей и зависимой средневѣковой общины в древнюю эпоху дѣлаются попытки научно подкрѣпить это ученіе о маркѣ, как основной формѣ германскаго землевладѣнія (t. IV: L'alleu et le domaine rural à l'epoque mérovingienne). Творческая сила, необходимая для созданія новаго уклада жизни, принадлежала римским началам. В имперіи послѣдних вѣков существовала уже могущественная землевладѣльческая аристократія, от которой в зависимости находилось все населеніе. Эта аристократія IV и V вв. создала уже всѣ зачатки феодальных институтов. Рабы, вольноотпущенники и свободные, попавшіе в зависимость по землѣ, были связаны узами патроната. Распредѣленіе военной и податной повинностей находилось в руках землевладѣльцев. Римскій колонат — прообраз средневѣковаго серважа. Всѣ явленія, которыя Маурер и его послѣдователи пытались объяснить, исходя из теоріи о свободной общинѣ, вполнѣ научно могут быть выведены из вліятельнаго положенія римскаго крупнаго землевладѣнія. Разверстка участков, пользованіе лѣсом и пустошами, распредѣленіе повинностей отлично объясняются из хозяйственных и соціальных условій и порядков римскаго имѣнія. При Меровингах временно получает преобладаніе римское начало единства в государственных учрежденіях, а в странѣ продолжают развиваться римскіе аграрные порядки и сословныя отношенія, подвергаясь постепенной переработкѣ под вліяніем новых условій жизни. Послѣ попытки Карла Великаго направить на службу государству сеньоріальныя круги и установленія, попытки, окончившейся полной неудачей, настало торжество новаго или феодальнаго строя (t. VI: La transformation de la royauté).

Жак Флак (Jacques Flach) в своем неоконченном доселѣ и основанном на изученіи огромнаго матеріала трудѣ „Происхожденіе древней Франціи“ (Les origines de l'ancienne France. X^e^ et XIe siècles. T. 1. La régime seigneurial, P. 1886; T. II. Les origines communales, la féodalité et la chevalerie, P. 1893; T. III. La renaissance de l'état, la royauté et le principat, P. 1904) поставил своею задачею изученіе французскаго соціальнаго строя и права,

сложившихся в X—XI вв. и получивших большое распространеніе в средневѣковой Европѣ, а через посредство англійскаго права — во всѣх странах міра. По его мнѣнію, это право вырабатывалось под вліяніем соціальной необходимости и образовалось из элементов, сохранившихся при паденіи франкской монархіи, римских и германских элементов, удержавшихся и преобразованных под вліяніем церкви и при участіи удивительно живучаго прирожденнаго духа населенія Франціи. В области политической это право нашло себѣ выраженіе в феодальном порядкѣ, который был заимствован из Франціи Германіей и Италіей, ибо первая была слишком варварская, а вторая слишком романизованная страна и потому не могли самостоятельно создать этот порядок; он же водворился и в Англіи при посредствѣ норманнов. Феодализм не представляет собою явленія произвольнаго или искусственнаго, ибо он обусловливается всеобщей потребностью в покровительствѣ, которая возникает всегда и повсюду, гдѣ государственность еще не упрочилась, или гдѣ она пришла в разстройство. Придавая принципу покровительства рѣшающее значеніе в сложеніи новаго строя (J'avais pris pour pierre angulaire la protection. Je la considère toujours comme la base essentielle de toute société en voie de formation ou en voie de reconstitution), Флак различает сеньоральный строй от феодализма в тѣсном смыслѣ слова. Феодальная система, в основаніи которой лежит феодальный договор, не существовала в X—XI вв., являясь придатком сеньоріальнаго строя. Только в XII—XIII в. отношенія измѣнились: феодализм получил перевѣс и поглотил сеньоріальный строй. В сеньоріальном строѣ господствует идея индивидуальности, и торжество его выразилось в разложеніи общества, а в феодальной системѣ господствует принцип порядка и сплоченія, вслѣдствіе чего феодализм является силою возстановительною и подготовляет почву для торжества монархіи.

Это различеніе сеньоріальнаго и феодальнаго порядка обусловливалось тѣм, что Флак находил необходимым положить в основу объясненія историческаго процесса покровительство или личную зависимость и умалить значеніе поземельной зависимости. Он не думает отрицать, что поземельная собственность и прекарно-бенефиціальные договоры имѣли широкое распространеніе в X—XI вв., но полагает, что личная связь или зависимость в теченіе всего времени до XIII вѣка имѣла существенное и главное вліяніе на всѣ учрежденія: „поземельная зависимость была в подчиненіи личной зависимости, связь реальная — связи личной“ (la relation foncière est encore, à cette époque, subordonnée à la relation personnelle, le lien réel au lien personnel). Впослѣдствіи при торжествѣ феодальнаго строя было наоборот.

Выдвигая вперед личное начало в процессѣ образованія средневѣковаго строя, усматривая в бенефиціи дар вождя дру-

жиннику, Флак сближается с первыми германистами с тѣм лишь отличіем, что он иначе и шире понимает источники личной зависимости или покровительства. В семьѣ, т. е. в кровном союзѣ дѣтей и родителей, находятся всѣ элементы дальнѣйшаго историческаго развитія, при чем слѣдует помнить, что понятіе семьи и круг ея дѣйствія расширяется, благодаря фиктивному или духовному родству. Свое обширное сочиненіе автор начинает рядом очерков о римской, кельтской и германской семьѣ и власти главы семьи (manus, кліентела, mundium). Сеньоріальный строй, родившійся в X вѣкѣ, произошел в силу того, что дѣйствительная или фиктивная семья заняла мѣсто государства. Семья „входит в соединеніе, ассимилируя их, с различными элементами, которые были введены в соціальный организм предшествовавшими бытовыми порядками". „Она, — продолжает Флак, — пользуется для своего пополненія старинными обрядами галло-римской коммендаціи и германской дружины; для увеличенія цѣнности своего имущества и умноженія своей силы сопротивленія она пускает в ход договоры, введенные уже римской юриспруденціей в франкскую практику, а прежде всего прекарный договор, которым наперерыв пользовались франкскіе короли и церковь, первые для того, чтобы крѣпче удержать бенефиціями своих вассалов, а вторая для того, чтобы умножить одновременно и свои владѣнія и своих подвластных; этот договор был столь растяжим, что пригоден был на всякіе случаи и мог быть использован равно и для привлеченія сильнаго воителя и для пріобрѣтенія услуг поселенца или серва" (t. II, p. 429—430). „Феодальный клан, — говорит автор в предисловіи к III тому, — есть расширенная семья, происшедшая из семейственной организаціи германцев и патроната галло-римлян" (p. 3).

Хотя по общепринятому мнѣнію коммендація и пожалованіе бенефиціи в меровингскую эпоху были независимы друг от друга, но с IX вѣка вассалитет и бенефиція сливаются; и с той поры связи личныя одного человѣка от другого были подмѣнены связями матеріальными одной земли от другой, и бенефиція сдѣлалась основою всего соціальнаго порядка в такой степени, что с нею ассимилировались должности. Этою подмѣною и ассимиляціей обыкновенно объясняют тот факт, что вассалитет, бывшій первоначально договором характера личнаго, сдѣлался наслѣдственным. Флак рѣзко расходится с этими обычными представленіями, выдвигая вперед личное начало при объясненіи феодализаціи. Для доказательства своей основной идеи о господствѣ в феодальном договорѣ еще в IX—X вв. принципа покровительства он пользуется исключительно отрывками из поэтических произведеній (chansons de geste), в которых отражается в сущности поэтическое представленіе людей XII вѣка о минувших вѣках. Хроники IX вѣка и капитуляріи Карла Лысаго не дают

подтвержденія основной идеи Флака. Таким образом, и самое его различеніе сеньоріальнаго и феодальнаго періода остается мало обоснованным и довольно произвольным. Тѣм не менѣе, труд его должен быть признан выдающимся явленіем современной исторіографіи. Изображеніе процесса разложенія государственности в теченіе X вѣка, послѣ паденія монархіи Карла Великаго, принадлежит к лучшим частям труда Флака (см. т. 1, кн 2: La dissolution de la societé). Автору принадлежит заслуга точнаго анализа сеньоріальных прав, которыя должны быть отличаемы от поземельных прав, имѣющих свой корень в условіях разнаго вида арендных договоров (см. t. 1, p. 389—401). Наряду с землевладѣльческой сельской общиною (villa), организацію которой так прекрасно изобразил Фюстель де Куланж, Флак установил существованіе свободной сельской общины (vicus) Меровингскаго времени, а равно прослѣдил процесс разчлененія единства землевладѣльческой общины, обитатели которой не замедлили пріобрѣсти права самоуправленія и свои кутюмы (lex loci). В дополненіе к этому, автор изучил внимательно исторію новых поселеній, возникавших в дремучих лѣсах и пустошах, и указал в их организаціи первые элементы коммунальнаго строя. Наконец, что касается городских коммун, то и в этом отношеніи автору удалось отодвинуть исторію их происхожденія в глубь вѣков, тогда как до него приходилось исторію их начинать с XI вѣка (см. t. II, p. 27—425).

Вся огромная литература по исторіи феодализма, которую трудно обозрѣть даже в ея главнѣйших направленіях, в значительной степени разъяснила загадку феодализаціи. Натуральная система хозяйства, развитіе крупнаго землевладѣнія и слабое развитіе или упадок государственности, — вот подпочва или обстановка, необходимая для возникновенія феодальнаго порядка. С другой стороны, при таком взглядѣ невозможно считать феодализм проявленіем расовых или племенных особенностей. Элементы феодализма (бенефиція, вассалитет и иммунитет) в той или другой формѣ наблюдаются у различных народов и в различныя эпохи. Таким образом, исторію западно-европейскаго феодализма возможно разсматривать, начиная с галло-римской эпохи.

В Галліи, как и повсемѣстно в римской имперіи, в IV в. существовала многочисленная сенаторская знать, располагавшая крупным землевладѣніем. Крупное галло-римское помѣстье (fundus, ager, villa, curtis) было сложным организмом, единство котораго поддерживалось и обусловливалось условіями кадастроваго обложенія. В состав имѣнія входили поселки (vici) арендаторов различнаго рода и происхожденія. Иногда землевладѣлец надѣлял своих рабов участками земли (servi casati), желая увеличить производительность их труда, ибо раб, не видѣвшій выгоды от своей работы, всегда плохо работает. Такіе рабы назывались крѣпо-

стными (adscriptitii), так как считались с фискальной точки зрѣнія доходной статьей имѣнія, а потому не могли быть перемѣщаемы или удаляемы с занятых ими участков. Вольноотпущенники (libertini), обязанные по отношенію к бывшему господину оказаніем ему почтенія и службы (reverentia, obsequium), также обыкновенно получали в обработку участки земли под условіем платежа денежнаго оброка (census) и барщины. Наконец, были и свободные арендаторы (coloni). В такое положеніе становились тѣ свободные съемщики земли, которые согласились уплачивать аренду долею полевых сборов вмѣсто платежа опредѣленной суммы. Так как подобнаго рода сдѣлки не были признаваемы законом, то арендаторы в таких случаях были поставлены внѣ защиты права и становились прикрѣпленными к землѣ. К колонату приводила разработка новых полевых угодій при денежной помощи или ссудѣ землевладѣльца и поселеніе плѣнных варваров. В сущности колон был лично свободным человѣком, связанным лишь держаніем чужой земли (nexus coloniarius): его нельзя было удалить с участка, а равно и он не мог покинуть участка по своей волѣ, ибо имя его было записано в кадастровые списки. Во всем прочем колон сохранял права свободнаго человѣка: мог пріобрѣтать на сторонѣ земли, имѣть рабов, заключать сдѣлки, наслѣдовать и возбуждать иски в судах против всѣх, не исключая землевладѣльца, колоном котораго он состоял.

Наряду с поселками на землевладѣльческой землѣ, существовали поселки вполнѣ свободных людей, занимавшихся по большей части ремеслами и торговлей. Число подобных поселков вообще уменьшалось как вслѣдствіе того, что торговля и промышленность в IV—V вв. переживали кризис, так и вслѣдствіе того, что только в исключительных случаях свободные люди и мелкіе землевладѣльцы располагали капиталом. Всякое малѣйшее затрудненіе в хозяйствѣ, случайный недород или убыток неизбѣжно приводили к задолженности по отношенію к сильному и богатому сосѣду. Тяжесть налоговаго бремени увеличивала трудность положенія мелкаго землевладѣльца и слабаго в экономическом отношеніи человѣка. В том же направленіи дѣйствовали грабежи варваров и разбойничьих шаек и притѣсненія администраціи. Населеніе чувствовало нужду в защитѣ сильных людей, и крупная поземельная собственность вездѣ становилась господином положенія. Государственная власть постепенно сдавала свои полномочія представителям крупнаго землевладѣнія, возлагая на них заботу о сборѣ налогов, доставленіи ратников, а равно полицейскія и судебныя обязанности по отношенію к арендаторам земель. По словам Аполлинарія Сидонскаго, один из галло-римских аристократов Экдицій кормил во время голода 4 тыс. человѣк и мог выставить на свой счет сильный отряд всадников при отраженіи нападенія вестготов. Подобныя нападенія варваров и усиливавшіеся в странѣ

разбои заставляли галло-римскую знать строить укрѣпленія в родѣ замков. По словам того же Аполлинарія, Понтій Леонтій вблизи Бордо укрѣпил свое имѣніе стѣнами и башнями так хорошо, что мог выдерживать осаду.

Эта знать была по уголовным дѣлам подсудна лишь императору или префекту преторіи, а въ сущности за отдаленностью того и другого пользовалась безнаказанностью и держала себя независимо по отношенію к правителям провинцій. От произвола и насилій представителей знати слабый свободный человѣк мог найти защиту только в отдачѣ себя под покровительство (recommendatio) сильнаго сосѣда. Правительство тщетно боролось с этим злом, объявляя такія сдѣлки незаконными и назначая за них суровыя наказанія (Cod. Just. XI, 53: ut nemo ad suum patrocinium suscipiat rusticos vel vicos; XI, 14: Ne rusticani ad ullum obsequium devocentur). Оно окончило тѣм, что частному покровительству рѣшило противопоставить публичное путем назначенія дефензоров, как видно из ряда статей в кодексах Өеодосія и Юстиніана (de defensoribus civitatum). По существу подобная мѣра означала отказ государственной власти от борьбы со злом и свидѣтельствовала о крушеніи государственности.

Распространеніе натроната способствовало увеличеніе прекарных сдѣлок. Прекаріем первоначально называлась добровольная уступка земли собственником просителю во вниманіе к его просьбѣ (Digesta seu Pandectae Justiniani, v. II, l. XLIII, t. 26: Precarium est, quod precibus petendi utendum conceditur tamdiu, quamdiu is, qui concessit petitur. Quod genus liberalitatis ex jure gentium descendit). Прекарная сдѣлка не уничтожила права собственности и носила временный и условный характер. На покупателя прекаріи не налагалось никакого обязательства, кромѣ благодарности по отношенію к собственнику за его дар или благодѣяніе (beneficium). Как не заключавшая в себѣ признаков вещнаго права, прекарная сдѣлка не находилась под защитою гражданскаго права. Тѣм не менѣе, для сохраненія благоволенія собственника прекарист вынужден был производить ему платежи в размѣрах, установленных по его усмотрѣнію. С другой стороны, собственник мог оставить в руках прекариста участок земли на всю жизнь и даже допустить переход его к наслѣдникам прекариста, но мог в любой момент прекратить сдѣлку. Обыкновенно в форму прекарных сдѣлок облекались долговыя обязательства. Должник отдавал свою землю кредитору с оговоркою о правѣ выкупа погашеніем долга и процентов и с условіем впредь до того пользоваться землею на правах прекариста. Равным образом отдававшійся под покровительство (recommendatio) обыкновенно оплачивал пріобрѣтеніе покровительства сильнаго человѣка передачею ему своей земли. В этом случаѣ покровительство над человѣком переходило в покровительство над его землею (fundorum patrocinium). Случалось иногда,

что землевладѣлец и патрон, в придачу к бывшему участку, присоединял нѣкоторую часть своих земель. Таким образом, существовало три вида прекарных сдѣлок: precaria data, oblata, remuneratoria.

Всѣ эти факты и наблюденія доказываютъ, что в послѣдній період существованія римской имперіи находились уже на лицо всѣ зародыши новаго политическаго и соціальнаго строя, извѣстнаго под именем феодальнаго, с его спутниками в видѣ развитія прав землевладѣльца и зависимости сельскаго населенія.

Водвореніе в странѣ франков не могло измѣнить порядка, установившагося в IV—V вв. Франки, как и другіе германцы, всячески старались усвоить римскую культуру, государственность и язык. Галло-римляне с своей стороны усваивали воинственные нравы варваров и давали своим дѣтям германскія имена. Как видно из сочиненія Григорія Турскаго, который не упускал случая отмѣчать, что данныя лица принадлежат к сенаторскому классу, этот послѣдній сохранил свое вліятельное положеніе, не взирая на паденіе имперіи. К этой галло-римской знати не замедлила присоединиться новая франкская знать, образовавшаяся изъ числа людей, занимавших придворныя должности и мѣста герцогов и графов. Эта знать также опиралась на крупное землевладѣніе и значительный кругъ зависимыхъ людей. Во главѣ этого высшаго общества стоял король, хозяйственный обиход котораго служил образцем и правилом для всей знати.

В VI—VII вв. многіе поступали под особое покровительство короля (mundium, mundeburdis, in verbo regis, sub sermone tuitionis regiae) в силу присяги на вѣрность (fidelitas) и становились в личныя и особенныя к нему отношенія (suscepti, amici, gasindi, in truste regis). В числѣ ихъ находились епископы, аббаты, воспитываемые при дворѣ молодые люди, чиновники, сироты, вдовы, торговцы и т. д. Всѣ они были люди или левды (leode et samio, leude samio) короля и составляли самую надежную его опору. Обычай искать покровительства сильнаго человѣка, рекомендовать себя, вкладывая свои руки в руки патрона и принося при этом присягу на вѣрность, весьма распространился, так как при смутах и безпорядках Меровингскаго времени потребность въ защитѣ сильнаго чувствовалась не менѣе, чѣм в IV—V вв. Прибѣгали к рекомендаціи, дабы сдѣлать заем, имѣть пропитаніе и одежду, получить должность при помощи сильнаго покровителя, выиграть процесс и пріобрѣсти какую-либо выгоду. Покровитель или патрон назывался сеньором (senior), а поступившій под защиту или покровительство левдом. С VIII вѣка их стали называть вассалами (vassi).

В положеніи земель также с появленіем варваров произошло мало перемѣн, ибо варвары заняли покинутыя имѣнія или получили участки из казенных земель. Эти участки и имѣнія назывались аллодами или наслѣдственными землями (ex alode или de alode

parentum) и противополагались землям, полученным куплею, дареніем или расчисткою. В каждом имѣніи, кромѣ господской запашки (terra dominicata, terra salica), обрабатываемой трудом рабов и барщиною зависимых людей, большая часть земель была отдана в обработку рабам и различнаго рода зависимым людям (mansi vestiti, mansi serviles, mansi litiles). Эти арендаторы уплачивали землевладѣльцу денежный оброк (census), отбывали барщинныя работы и службы, а также давали часть сборов и сельских произведеній. Кромѣ участков усадебной, полевой и луговой земли, крупные землевладѣльцы предоставляли своим зависимым людям или арендаторам пользованіе лѣсом, водами и другими угодьями.

Хотя уже в римское время землевладѣльцы пользовались в предѣлах имѣнія значительною властью над зависимыми людьми, но всѣ законы римскіе IV вѣка охраняли рабов и колонов от их произвола. Теперь стало иначе. Так как варварскіе законы вводили принцип отвѣтственности господина за проступки и преступленія рабов и обязывали его платить виру и штраф за провинившагося раба, то господин пріобрѣл право наказанія и суда над зависимым населеніем рабскаго или полусвободнаго происхожденія. Эта юрисдикція не замедлила расшириться под вліяніем иммунитетной практики.

Широкое распространеніе всѣх видов прекарных сдѣлок приводило к росту крупнаго землевладѣнія и вводило многих свободных людей в круг зависимых. Так как прекаріи получились из милости или по благоволенію собственника (per beneficium), то и самый земельный участок прекариста стали называть бенефиціей. Наряду с этими зависимыми бенефиціями под вліяніем мѣропріятій первых Каролингов возникли бенефиціи, владѣтели которых были обязаны нести военную службу, преимущественно на конѣ.

Для умноженія своих сторонников и для увеличенія военной силы, Карл Мартелл начал назначать на мѣста епископов и аббатов свѣтских лиц и раздавать участки церковных земель под условіем военной службы. Значительная часть церковных земель перешла тогда в руки свѣтских людей, и многіе монастыри и каѳедры были приведены в разореніе. Сыновья Карла Мартелла не могли не сознавать необходимости установить нѣкоторое соглашеніе с церковью и пойти на возможныя для них уступки в дѣлѣ возстановленія цѣлости церковнаго землевладѣнія. В 742 году Карломан обѣщал возстановить всѣ владѣнія церкви, но уже в слѣдующем году в виду стѣсненнаго положенія государства пришлось отказаться от этого намѣренія. Рѣшено было, что нѣкоторая часть церковных земель останется в руках свѣтских людей на условіях прекарнаго пользованія и платежа по 1 солиду с манса земли (Cap. Liptinense, c. 2: ut sub precario et censu aliquam partem ecclesialis pecuniae in adiutorium exercitus nostri — aliquanto

tempore retineamus ex conditione, ut annis singulis de unaquaque casata solidus, id est duodecim denarii ad ecclesiam vel ad monasterium reddatur). Во владѣніях Пипина Короткаго в 744 году было рѣшено возвратить монастырям необходимое для их содержанія количество земель, а с остальных уплачивать денежный оброк (Cap. Suessionense, c. 3: et de rebus ecclesiasticis subtraditis monachi vel ancillae Dei consolantur, usque ad illorum necessitati satisfaciant, et quod superaverit, census levetur). Послѣ отреченія Карломана Пипин в 750—751 гг. возвратил одним монастырям и каѳедрам часть отнятых земель, а у других взял, т. е. произвел уравнительную секуляризацію (Ann. Alam.: res ecclesiarum descriptas atque divisas). Так как по каноническому праву церковныя имущества не отчуждаемы, то получившіе бенефиціи из состава церковных земель не пріобрѣтали права собственности, и их владѣніе имѣло прекарный характер (ius in re aliena). Кромѣ незначительнаго денежнаго оброка, уплачиваемаго в размѣрѣ одного солида с манса земли, владѣтели бенефицій по капитулярію Карла Великаго 779 года уплачивали двойную десятину (decima et nona) и должны были оказывать пособіе церквам при ремонтѣ и починках. Эти земельныя раздачи церковных земель были извѣстны под именем „прекаріев по королевскому приказу“ (precariae verbo dominico, verbo regis) и в случаѣ смерти получивших их подлежали возврату соотвѣтствующей церкви, но в дѣйствительности, как это видно из капитулярія 779 года, это рѣдко приводилось в исполненіе (de rebus vero ecclesiarum, que usque nunc per verbo domini regis homines seculares in beneficium habuerant, ut inantea sic habeant, nisi per verbo domini regis ad ipsas ecclesias fierint revocatas).

Подобное установленіе условнаго владѣнія по отношенію к бенефиціям, полученным из состава церковных земель, не замедлило распространиться по аналогіи на всѣ другія поземельныя пожалованія короля. С этой поры король давал свои казенныя земли лишь на время жизни пожалованнаго бенефиціей с той только разницей, что дареніе прекращалось в случаѣ смерти дарителя-короля. Таким образом, в случаѣ смерти как дарителя, так и пожалованнаго (Herrenfall или Thronfall и Mannfall) требовалось возобновленіе дара: новый король подтверждал уступку или дар своего предшественника или сын владѣтеля бенефиціи испрашивал у короля укрѣпленіе за ним отцовской бенефиціи. Таким образом, в VIII в. возникла так называемая королевская бенефиція.

По примѣру короля, такого же рода бенефиціи стали раздавать уже по собственным побужденіям епископы, аббаты, крупные землевладѣльцы, графы, свободные люди и владѣльцы бенефицій. Разумѣется, со времени Карла Мартелла и его сыновей, которые раздавали бенефиціи на церковных землях преимуще-

ственно своим вассалам, входило в жизнь все болѣе и болѣе соединеніе вассальных и бенефиціальных отношеній. Можно сказать, что рекомендація, приводившая к установленію покровительства одних людей над другими, т. е. узы личной зависимости стали сливаться с матеріальными узами, как онѣ нашли себѣ выраженіе в институтѣ бенефицій. Эти два фактора в концѣ Каролингскаго времени привели к созданію феодальнаго порядка.

Торжеству феодализма способствовала политика Каролингов, которые допустили феодализацію должностей, покровительствовали установленію вассальных отношеній, заботясь лишь об их законодательной нормировкѣ, и широко жаловали иммунитетныя грамоты.

Так как король обыкновенно назначал по должности своих вассалов, а высшія должностныя лица спѣшили сдѣлаться королевскими вассалами, то это привело к укрѣпленію взгляда на должности, как бенефиціи. Послѣдствіем было то, что приписанныя к должностям имѣнія стали разсматриваться также в качествѣ бенефицій. При преемниках Карла Великаго термин honor, примѣнявшійся для обозначенія должностей, начали употреблять для названія значительных бенефицій.

Увеличенію числа королевских вассалов способствовало почетное их положеніе по сравненію со свободными людьми, которые должны были давать им первое мѣсто на всѣх вообще собраніях и на судебных в частности (Cap. an. 823, c. 3: his vero personis, quae se nobis commendaverunt aut in futurum commendaverint, volumus specialiter hoc honoris privilegium concedere prae ceteris liberis, ut in quocumque loco venerint, sive ad placitum vel ubicumque, omni honore digni habeantur et caeteris anteponantur). Римское государство боролось против развитія патроната, а Каролинги заботились об укрѣпленіи вассальных отношеній. На Мерсенском съѣздѣ 847 года трех королей, сыновей Людовика Благочестиваго, было установлено, что вассал не должен без законной причины покидать своего сеньора и переходить к другому или принимать чужих вассалов (Mandamus etiam, ut nullus homo seniorem suum sine iusta ratione demittat, nec aliquis eum recipiat, nisi sicut tempore antecessorum nostrorum consuetudo fuit). Как видно из раздѣльнаго акта 817 года, право мѣнять сеньора было предоставлено в случаѣ смерти послѣдняго (c. 10: Et unusquisque liber homo post mortem domini sui licentiam habeat se commendandi inter haec tria regna, ad quemcumque voluerit; similiter et ille, qui nondum alicui commendatus est). Кромѣ того, в одном из капитуляріев, приписываемом Карлу Великому, были указаны слѣдующія 5 законных причин: 1) попытка лишить вассала прав (in servitio redigere); 2) злоумышленіе на его жизнь; 3) незаконная связь сеньора с женою вассала; 4) нападеніе с обнаженным мечом; 5) отказ в покровительствѣ и защитѣ.

Хотя соединеніе бенефиціальных и вассальных отношеній

само по себѣ приводило к созданію новаго порядка вещей, но особый характер этому порядку был придан переходом в руки частных лиц прав государственной власти, налогов, юрисдикціи и военной службы, так как к частно-правовым элементам феодализма, расшатывавшим государственность, присоединился государственный элемент.

Еще в Меровингское время землевладѣльцы пользовались правом суда над сервами, лидами и полусвободными поселенцами их земель, но государство все же наказывало за преступленія, если их оставлял землевладѣлец без наказанія, а королевскіе чиновники имѣли право въѣзда в имѣнія землевладѣльцев для суда, взысканія налогов, призыва к оружію и взиманія штрафа за уклоненіе от военной повинности. Так как чиновники дозволяли себѣ злоупотребленія, то король выдавал иммунитетныя грамоты землевладѣльцам, уступая просьбам их и жалобам. Первоначально эта льгота (immunitas) состояла лишь в освобожденіи от государственных налогов, но с VIII вѣка стали присоединять запрещеніе чиновникам въѣзда в имѣніе (absque introitu iudicum). Чиновникам было воспрещено в таком случаѣ производить суд на иммунитетной территоріи, взыскивать судебныя пошлины, брать поручителей (ad causas audiendas, ad freda exigenda, ad fideiussores tollendos) и производить административныя взысканія (homines distringere). Суд и администрація на иммунитетной территоріи переходили в руки землевладѣльца или его уполномоченнаго фохта (advocatus). При Каролингах объем иммунитетных прав и размѣры иммунитетной юрисдикціи постепенно расширялись. В иммунитетной грамотѣ всегда опредѣлялась территорія его примѣненія, но иногда в ней же устанавливалось, что льготы распространяются и на тѣ земли, которыя будут пріобрѣтены с теченіем времени. Это обстоятельство побуждало свободных людей, во избѣжаніе притѣсненій со стороны недобросовѣстных и жадных чиновников, отдавать свои земли сосѣдним церкви или монастырю, которые почти всѣ пользовались иммунитетными правами, и получать их обратно в видѣ бенефицій.

Таким образом, в VIII вѣкѣ образовались уже настоящія мѣстныя автономіи, в слабой степени подчиненныя высшей власти короля. Можно сказать, что развитіе вассальных отношеній, в соединеніи их с бенефиціальным владѣніем и расширеніем иммунитетов в количественном и качественном направленіях, подготовило разложеніе государственности, которое в значительной мѣрѣ сказалось вскорѣ послѣ смерти Карла Великаго.

Введеніе патроната и распространеніе иммунитетов придало соціальной организаціи аристократическій характер. С одной стороны, патронат на мѣсто подданнической связи всѣх со главою государства поставил частную подчиненность отдѣльным сильным людям (proceres regni, optimates, principes), которые забрали в

свои руки всю государственную и общественную власть и поставили в зависимость от себя массу населенія, а, с другой стороны, иммунитет узаконил и закрѣпил сдѣланныя знатью пріобрѣтенія, присоединив еще новыя средства, при посредствѣ которыхъ свободные люди вводились в круг зависимых. Тяжесть военной службы, судебныя повинности и притѣсненія чиновников заставляли свободных людей отказываться от прав свободной личности и своей собственности в пользу сильных и могущественных сосѣдей. Кто оказывал сопротивленіе, того в концѣ концов всѣми средствами доводили до полнаго разоренія (Cap. an. 805, c. 15: De liberis hominibus, qui ad servitium Dei se tradere volent, ut prius hoc non fatiant, quam a nobis licentiam postulent. Nec ideo, quia audivimus, aliquos ex illis non tam causa devotionis, quam exercitu seu alia functione regali fugiendo, quosdam vero cupiditatis causa ob his qui res illorum concupescunt circumventos audivimus, et hoc ideo fieri prohibemus; c. 16: De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fient a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant). Каролинги пытались остановить процесс уменьшенія свободных людей, издавая запрещенія отдаваться в рабство и отказываться от свободы без согласія короля и облегчая способы и средства выкупа, но эти их мѣры успѣха не имѣли. По словам Тегана, государевы посланцы, отправленные Людовиком Благочествым вскорѣ послѣ смерти Карла Великаго, сообщали в своих донесеніях, что огромное число людей потеряло свою свободу или собственность по винѣ или вслѣдствіе притѣсненій администраціи (Theg., c. 13: innumeram multitudinem oppressorum aut ablatione patrimonii aut expoliatione libertatis; quod iniqui ministri, comites et locopositi per malum ingenium exercebant).

Развитію этого зла Каролинги старались помѣшать облегченіем военных и судебных повинностей населенія.

Каждый свободный человѣк должен был являться на службу в своем вооруженіи, становиться под начальство графа и при первой надобности выступать в поход. Введеніе иммунитета ввело лишь то измѣненіе, что населеніе иммунитетных земель выступало под начальством владѣльца или его замѣстителя. Что не только свободные люди, но и зависимые привлекались к военной повинности, это усматривается из того, что короли предписывали приводить к присягѣ все населеніе, не дѣлая исключенія и для иммунитетных округов, а в формулѣ присяги находилось обѣщаніе не уклоняться от военной повинности (Cap. an. 802, c. 6: ut ostile bannum domni imperatoris nemo pretermittere presumat). Как видно из капитуляріев 847 и 864 года, никто не освобождался от обязанности защищать отечество в случаѣ вторженія врага в страну (Cap. an. 847, c. 5: Et volumus, ut cuiuscumque nostrum homo — cum seniore suo in hostem pergat; nisi talis regni invasio,

quam lantweri dicunt, quod absit, acciderit, ut omnis populus illius regni ad eam repellendam communiter pergat. Cap. an. 864, c. 27: ad defensionem patriae omnes sine ulla excusatione pergant). В наступательных войнах участвовали, разумѣется, только свободные люди, вассалы и получившіе бенефиціи.

По ахенскому капитулярію 801—813 гг. каждый ратник должен был имѣть копье, щит, лук о двух тетивах и 12 стрѣл (c. 9: et ipse comes praevideat, quomodo sint parati, i. e. lanceam, scutum et arcum cum duas cordas, sagittas duodecim), но палицу было запрещено брать (c. 17: Quod nullus in hoste baculum habeat, sed arcum). Всадники, кромѣ того, должны были быть вооружены мечом и кинжалом. Королевскіе вассалы, имѣвшіе не менѣе 12 мансов земли, обязаны были под страхом лишенія бенефиціи обзавестись и бронею (Cap. an. 805, c. 6: insuper omnis homo de 12 mansis bruneam habeat; qui vero bruniam habens et eam secum non tulerit, omne beneficium cum brunia pariter perdat). Каждый участник похода, кромѣ оружія, должен был имѣть запас одежды на полгода и припасов взять с собою на три мѣсяца, считая срок с прибытія на границу или сборный пункт. При прохожденіи по странѣ разрѣшалось брать огонь, воду, дрова или дерево и траву для коней и скота. За грабеж виновные наказывались денежным штрафом в тройном размѣрѣ стоимости вещи и подвергались позорному наказанію. Виновный в грабежѣ должен был нести сѣдло на спинѣ впредь до прощенія (armiscara), а рабы подвергались бичеванію. В непріятельской странѣ воины имѣли право на добычу в полной мѣрѣ, а потому тогдашніе походы сопровождались безжалостным грабежом и опустошеніем.

За уклоненіе от военной повинности полагался штраф (heribannus), взыскивавшійся в суммѣ 60 солидов. Королевскіе вассалы в таком случаѣ могли быть лишены своих бенефицій. Кто из них опаздывал явиться к указанному сроку, на того возлагалось запрещеніе пить вино и ѣсть мясо в теченіе им пропущеннаго времени. Ни возраст, ни болѣзнь не освобождали королевскаго вассала от службы, ибо в таких случаях он должен был выставить своего замѣстителя или уплатить положенный штраф. За самовольное оставленіе войска (herisliz) полагалась смертная казнь. Графам строго было воспрещено по родству или за взятки освобождать от уплаты военнаго штрафа. Если кого-либо граф или сеньор освободил от участія в походѣ, то он и уплачивал военный штраф (Cap. bonon., an. 811, c. 9: Et si senior vel comis illius eum domi dimiserit, ipse pro eo eundem bannum persolvat; et tot heribanni ab eo exigantur quot homines domi dimisit). Для взиманія штрафных денег была учреждена должность особых сборщиков (heribannatores), содержаніе которых падало на провинившихся. Эти сборщики состояли под надзором государевых по-

сланцев, а не графов, хотя в пользу послѣдних поступала третья часть этих штрафных денег.

Объявленіе о походѣ дѣлалось или на государственном сеймѣ с указаніем времени и мѣста сбора или путем разсылки призывных писем и вѣстников (nuntii); иногда же призыв к оружію поручаем был государевым посланцам. В случаѣ крайней опасности, как это было при Людовикѣ Благочестивом, когда в Италіи поднял возстаніе племянник императора Бернгард, ратники должны были выступить в поход немедленно по полученіи приказа: „если призыв к оружію получен будет вечером, то выступать должны по направленію к Италіи утром; если же утром, то выступать вечером без всякаго промедленія“. Находясь в походѣ, ратники пользовались различными льготами. В теченіе всего времени военных дѣйствій и 40 дней по окончаніи их они освобождались от обязанности являться по вызову в суд, а если во время их отсутствія кто-либо нанесет их имуществу или правам ущерб, обидит членов семьи, то таких обидчиков велѣно было держать в тюрьмѣ, заковав в кандалы (in cippo et in carcere), впредь до возвращенія из похода потерпѣвших. Не смотря на эти льготы, все же военная повинность тяжелым бременем ложилась на мелких землевладѣльцев. Покидая дом на продолжительный срок, обыкновенно в лѣтнее горячее рабочее время, свободные люди терпѣли убытки и находили свое хозяйство в запустѣніи. С другой стороны, самые сборы на войну требовали различных затрат на покупку и приведеніе в порядок оружія, одежды и походной телѣги, на которой был помѣщаем запас съѣстных припасов. Не имѣя свободных средств, многіе ратники входили в долги и быстро шли к полному разоренію. Так как при Каролингах войны почти не прекращались, то не было никакой возможности поправить пошатнувшее хозяйство и погасить долговыя обязательства иным путем, кромѣ заключенія прекарной сдѣлки с кредитором. Свободное населеніе с необыкновенною быстротою уменьшалось в численности, а количество зависимых людей увеличивалось. Свобода теряла свою цѣну, и общество перестраивалось в рѣзко аристократическом направленіи.

Карл Великій признавал необходимым принять нѣкоторыя мѣры для облегченія военной повинности населенія, имѣя в виду предупредить разореніе свободных людей. В 805 году, когда вслѣдствіе неурожая настал во многих областях голод, был установлен размѣр военнаго штрафа за неявку, примѣнительно к имущественному положенію: полный размѣр штрафа (60 солидов) уплачивали лишь тѣ, кто имѣл движимаго имущества, за выключеніем стоимости одежд жены и дѣтей, на 6 ф.; кто имѣл движимаго имущества на 3 ф., уплачивал половину штрафа или 30 сол.; кто имѣл на 2 или 1 ф. имущества, с того взыскивали шестую или двѣнадцатую часть, т. е. 10 или 5 сол. Мѣра эта

имѣла временный характер (с. 19: hoc anno fideliter exactare debeant). Такой же характер имѣло распоряженіе 807 года, изданное вслѣдствіе голода, постигшаго расположенную между Сеною и Луарою область (memoratorium qualiter ordinavimus propter famis inopiam, ut de ultra Sequane omnes exercitare debeant). Согласно этому распоряженію, военную службу должны были отправлять лишь тѣ, которые владѣли участками земли не менѣе 3 мансов. Кто имѣл меньшій земельный надѣл, тѣ соединялись для снаряженія одного ратника, а именно: владѣлец двух мансов с владѣльцем одного манса, три владѣльца одного манса или шесть владѣльцев полумансовых участков, а кто не имѣл ни рабов, ни земли, но имущества по оцѣнкѣ на 5 ф., тѣ приравнивались к владѣльцам полумансовых надѣлов, т. е. выставляли одного воина, соединяясь группою в 6 человѣк (quinque sextum praeparent). В том же году был издан для Саксоніи капитулярій, вводившій новый принцип отправленія военной повинности в зависимости от отдаленности театра военных дѣйствій: один из шести выступает при походѣ в Испанію или Аварію и из трех при походѣ в Чехію, но при войнѣ с сербами обязаны выступать всѣ жители (tunc omnes generaliter veniant). Наконец, в 808—811 году был издан капитулярій общаго характера (capitulare de exercitu promovendo), признавшій 4 манса земли нормальной единицей, с которой выставляется один ратник. Кто имѣет 3 манса земли, к тому присоединяется (huic adjugatur) владѣлец одного манса и дает ему пособіе (adiutorium) при снаряженіи в поход. Владѣльцы 2 мансов земли соединяются вдвоем, при чем один выступает в поход, а другой оказывает ему пособіе при снаряженіи. Владѣльцы одного манса соединяются группами по 4, и один из них идет на войну, а остальные три его снаряжают. Заслуживает вниманія, что в этом капитуляріи уже не упоминаются владѣльцы полумансовых участков и движимаго имущества. Можно думать, что по отношенію к ним была признана необходимость освобожденія от военной повинности при наступательных войнах, происходивших за границами государства. Таким образом, войско франкскаго государства постепенно теряло свой земскій характер, потому что в состав его входило все менѣе и менѣе свободных людей, а, с другой стороны, привлекались почти всѣ вассалы, получившіе бенефиціи. Не говоря уже о королевских вассалах, которые никогда не освобождались от участія в походѣ, на войну должны были идти и всѣ подвассалы, под начальством своего сеньора. Послѣдній имѣл право оставить дома самое ограниченное число своих вассалов: каждый епископ и аббат по два вассала, а каждый граф двух вассалов для охраны супруги и дома и двух других для охраны ввѣреннаго ему графства.

В зависимости от этого довольно быстро измѣнялся строй войска. При Меровингах преобладал пѣшій строй в войскѣ, а конницы было мало, ибо она состояла только из отряда антрусціонов,

но теперь, когда всѣ владѣльцы бенефицій обязаны были являться на войну конными, стала в составѣ войска преобладать конница. Как быстро шло развитіе военнаго строя в этом направленіи, можно видѣть из разсказа фульдскаго лѣтописца о битвѣ франков с норманнами в 891 году. Франкам необходимо было по условіям мѣстности сойти с коней и пѣшим строем брать норманнское укрѣпленіе, хотя такое построеніе было для них необычным (quia Francis pedetemptim certare inusitatum est). Повидимому, к концу IX вѣка произошла полная феодализація военных сил в бывшей монархіи Карла Великаго.

Хотя судебная организація в главных своих чертах осталась такой же, как была при Меровингах, но и она потерпѣла нѣкоторыя измѣненія при Карлѣ Великом в зависимости от развитія феодализма и уменьшенія числа свободных людей.

Обычныя судебныя собранія в первые годы царствованія Карла Великаго созывались в предѣлах графства по старинному установленію по истеченіи 6-недѣльнаго срока, и каждое из них продолжалось три дня. Таким образом, граф в своем графствѣ созывал в теченіе года 8—9 судебных собраній; и если в графствѣ было 3 или 4 сотни, то в каждой из них ежегодно было 2—3 судебных собраній. Собранія происходили под открытым небом, в лѣсу или на холмѣ, как бывало и в старину, но Карл Великій распорядился, чтобы на мѣстах судебных собраній были устрены навѣсы или построены особыя зданія (Cap. a. 809, c. 13: Ut in locis, ubi mallos publicos habere solent, tectum tale constituatur, quod in hiberno et in aestate ad placitos observandos usus esse possit). Помимо этих узаконенных судебных собраній (placitum publicum, mallus publicus) граф, его замѣститель или центенарій могли созывать другія судебныя собранія (minora placita) по сотням. На эти послѣднія собранія впослѣдствіи не обязаны были являться всѣ свободные, но только тѣ, которые были вызваны предсѣдателем собранія. Так как посѣщеніе судебных собраній было обязательно для свободнаго населенія, а неявившіеся уплачивали штрафы, то, с одной стороны, исполненіе этой обязанности являлось довольно тяжелым бременем, а, с другой стороны, графы и их помощники получали возможность притѣснять населеніе, устраивая довольно часто засѣданія и вызывая на них по своему усмотрѣнію свободных людей графства в большем количествѣ, чѣм это вызывалось необходимостью. В данном случаѣ был тот разсчет, что многіе из вызванных не явятся и будут обязаны уплатить штрафы, часть которых поступала в пользу предсѣдателя суда. Во избѣжаніе подобных притѣсненій, многіе свободные предпочитали отказаться от своего свободнаго состоянія и стать в зависимость от сосѣдняго крупнаго землевладѣльца, который успѣл пріобрѣсти иммунитетную грамоту.

Вскорѣ послѣ вступленія на престол Карл Великій обратил

вниманіе на необходимость оградить свободных людей от притѣсненій со стороны администраціи. В капитуляріи, изданном в 769 году или вскорѣ послѣ того, он объявил, что никто из свободных людей не обязан являться на судебныя собранія болѣе двух раз в год, один раз лѣтом, а другой раз зимою. Прочія же собранія, которыя будут созваны по необходимости или по приказу короля, обязаны посѣщать лишь тѣ, кто вызван (Karoli Cap. primum, c. 12: ut ad mallum venire nemo tardet, primum circa aestatem, secundo circa autumnum. Ad alia vero placita, si necessitas fuerit vel denunciatio regis urgeat, vocatus venire nemo tardet). Впослѣдствіи Карл Великій признал необходимым, чтобы свободные люди посѣщали три собранія ежегодно, а на прочія собранія, созываемыя центенаріями, должны являться знатные люди и тѣ свободные люди (pauperes), которые имѣют отношеніе к процессам и дѣлам, подлежащим рѣшенію (Capitula Francica, c. 4: et centenarii generalem placitum frequenter non habeant propter pauperes, sed cum illos super quos clamant iniuste patientes et cum majoribus natu et testimoniis frequenter placitum teneant, ut hi pauperes, qui nullam causam ibidem non habeant, non cogantur in placitum venire nisi bis aut ter in anno. Cap. ital., an. 801—810, c. 14: Et ingenuos homines nulla placita faciant custodire, postquam illa tria custodiant placita, quae instituta sunt, nisi forte contingat, ut aliquis aliquem accuset).

Попутно с этим ограниченіем обязанности посѣщать судебныя собранія послѣдовало введеніе института скабинов. При случайном составѣ судебных засѣданій нельзя было разсчитывать на присутствіе опытных и свѣдущих в правѣ людей, прежних рахимбургов, которые выносили судебный приговор. С другой же стороны, осложнилась и задача этих судей: различіе прав, по которым должны были судиться подданные франкскаго короля, усложнялось еще необходимостью принимать во вниманіе мѣстные обычаи (lex loci, consuetudo); кромѣ того, приходилось считаться с королевским правом, нашедшим себѣ выраженіе в капитуляріях (Cap. a. 803, c. 26: Ut iudices secundum scriptam legem iuste iudicent, non secundum arbitrium suum). При таких условіях было немыслимо предоставлять важныя судебныя обязанности выносить приговор случайно находившимся в судебном собраніи людям, а потому пришлось создать постоянных рахимбургов. Первый раз скабины упоминаются в формулах, относящихся к 770—775 гг. Скабины или, как их называют по-нѣмецки, шеффены были избираемы государевыми посланцами, при непосредственном участіи графа и населенія из числа лучших людей (meliores), т. е. обыкновенно из наиболѣе зажиточных землевладѣльцев (Cap. miss., an. 803, c. 3: Ut missi nostri scabinos, advocatos, notarios per singula loca elegant et eorum nomina, quando reversi fuerint, secum scripta deferant). При вступленіи в свою

должность скабины приносили присягу судить по правдѣ и полному разумѣнію дѣла, не кривя совѣстью изъ-за посулов или по личному расположенію. Судебные приговоры скрѣплялись их подписями. О числѣ скабинов отчасти можно судить по указанію одного капитулярія на то, что каждый граф, являясь на судебное собраніе, созванное государевыми посланцами, должен приводить с собою 12 скабинов, если только такое число их может набрать (adducat secum 12 scabinos, si tanti fuerint). Для полноты судебной коллегіи на всѣх судебных собраніях, кто бы их не созывал, достаточно было впрочем присутствія 7 скабинов (Cap. miss., an. 803, c. 20: Ut nullus ad placitum banniatur — exceptis scabineis 7, qui ad omnia placita praesse debent). Особенное вниманіе должны были обращать на состав скабинов государевы посланцы. Если в числѣ скабинов они находили людей недобросовѣстных, то обязаны были их немедленно отрѣшать от должности и на их мѣсто избирать добрых людей (Cap. Wormat., an. 829, c. 2: Ut missi nostri, ubicumque malos scabinos inveniant, eiciant et totius populi concensu in locum eorum bonos eligant).

Таким образом, освобожденіе свободнаго населенія от обязанности посѣщать всѣ судебныя собранія привело к уменьшенію вліянія свободных людей на суд и выработку правовых норм, поскольку послѣднія опредѣлялись судебною практикою. При уменьшеніи количества свободных людей, в области судоустройства послѣдовали централизація и оттѣсненіе на второстепенное мѣсто простых свободных людей. Это аристократическое направленіе сказалось также и в области судопроизводства и в постановкѣ высшаго королевскаго суда, который в идеѣ считался аппеляціонным судебным мѣстом в государствѣ.

Судебныя доказательства оставались прежнія, какія были и при Меровингах (см. выше, стр. 96—97), но отношеніе к ним нѣсколько измѣнилось. Так, напр., практика очистительных присяг стала выходить из употребленія, так как давала повод к лжеприсягѣ и вызывала нареканія со стороны представителей церкви. Из форм ордалій было запрещено при Людовикѣ Благочестивом испытаніе посредством креста (examinatio crucis), состоявшее в том, что обвиняемый должен был держать крест неподвижно, пока священник прочитывал положенныя молитвы, а равно было воспрещено испытаніе холодной водой (examen aquae frigidae). Излюбленной формой Суда Божія осталась дуэль или судебный поединок то между обвинителем и обвиняемым или их замѣстителями, то между свидѣтелями, если их показанія рѣзко расходились. При таких условіях главными судебными доказательствами были признаваемы документы и свидѣтельскія показанія, а потому были приняты мѣры к обезпеченію правдивости и надежности послѣдних. Карл Великій приказывал, чтобы к по-

казаніям на судѣ были допускаемы лишь лучшіе люди графства, и чтобы государевы посланцы и графы не допускали к показаніям лжесвидѣтелей, которые за деньги готовы давать какія угодно показанія (Cap. de iust. fac., an. 811—813, c. 3: Ut quandocumque testes ad rem quamlibet discutiendum quaerendi atque eligendi sunt, a misso nostro et comite — tales eligantur, quales optimi in ipso pago inveniri possunt. Et non licet litigatores per praemia falsos testes adducere, sicut actenus fieri solebat). Так как причисленіе того или другого свидѣтеля к числу лучших людей давало повод к проявленію личных взглядов и пристрастія со стороны предсѣдателей судов, то Людовик Благочестивый разрѣшил вопрос болѣе объективно, предоставив право давать свидѣтельскія показанія в гражданских исках лишь землевладѣльцам и лишив этого права зависимых людей, сидѣвших на чужой землѣ (Cap. wormat., an. 829, c. 6: De liberis hominibus, qui proprium non habent, sed in terra dominica resident, ut propter res alterius ad testimonium non recipiantur. Illi vero, qui et proprium habent et tamen in terra dominica resident, propter hoc non abiciantur, quia in terra dominica resident; sed propter hoc ad testimonium recipiantur, quia proprium habent). Не ограничиваясь этим, император в том же капитуляріи установил, что при судебном слѣдствіи (inquisitio), когда предметом спора оказывается казенное имущество, должны быть привлекаемы не свидѣтели, выставленные истцами, но наиболѣе лучшіе и правдивые жители графства; и на основаніи их показаній дѣло подлежит рѣшенію в положительном или отрицательном для истца смыслѣ (per illorum testimonium inquisitio fiat, et iuxta quod illi inde testificati fuerint, vel contineantur vel reddantur). При Людовикѣ Благочестивом эта судебная льгота была предоставлена и церквам, когда возникал спор о их имущественных правах.

Таким образом, в процессѣ также начал сказываться принцип привилегированности сначала свободных землевладѣльцев, а потом наиболѣе из них зажиточных и независимых. Судебное же слѣдствіе стало с теченіем времени основываться не столько на свидѣтельских показаніях, как на показаніях присяжных (iurati).

Хотя королевскій суд по прежнему считался высшим судебным мѣстом в странѣ, и его компетенція была неограничена, ибо любое дѣло могло быть передано по приказу короля на его рѣшеніе, но в дѣйствительности были приняты мѣры к ограниченію дѣл, которыя подлежали его рѣшенію. Под страхом взысканія было воспрещено обращаться в королевскій суд в том случаѣ, если предварительно дѣло не было разсмотрѣно в графском судѣ. С другой же стороны, всѣ дѣла епископов, аббатов, графов и других знатных людей могли быть разрѣшаемы только в королевском судѣ, если обѣ стороны принадлежали к числу этих привилегированных особ (Cap. de iust. fac., an. 811—813, c. 2;

Ut episcopi, abbates, comites et potentiores quique, si causam inter se habuerint ac se pacificare noluerint, ad nostram iubeantur venire praesentiam, neque illorum contentio aliubi diiudicetur neque propter hoc pauperum iustitiae remaneant), при чем побудительною причиною было выставлено соображеніе, что при таком направленіи дѣл знатных лиц не будет чиниться задержки в разрѣшеніи исков и процессов свободных людей. Однако, с теченіем времени право обращаться в королевскій суд не замедлило сдѣлаться особой льготой, пріобрѣтеніе которой стало удѣлом немногих.

Распаденіе монархіи Карла Великаго.

Положив в основу своих учрежденій феодальный принцип, Карл Великій привел франкскую государственность к послѣдствіям двоякаго рода: с одной стороны, он временно укрѣпил и усилил свое государство, дав ему при помощи феодальных установленій законченную и стройную организацію, а, с другой стороны, он создал для государственности крайне шаткій фундамент и этим подготовил распаденіе своей монархіи. В исторіи этого распаденія можно отмѣтить два періода. Сначала наблюдается расчлененіе монархіи Карла Великаго примѣнительно к тѣм этнографическим группам, которыя входили в состав государства, но на этом не могло остановиться разложеніе государства. Этнографическому раздѣленію государства воспрепятствовало то универсальное политическое направленіе, которое старалось поддержать единство франкскаго государства, а, с другой стороны, организованный первыми Каролингами и Карлом Великим феодализм. Послѣдній не дал возможности образоваться государствам на этнографической основѣ. Не прошло ста лѣт послѣ смерти Карла Великаго, как Франція, Германія и Италія распались на множество мелких частей, каждая из которых стремилась осуществить свои мѣстныя нужды, нисколько не заботясь не только об общих западно-европейских политических задачах, но и оставляя без вниманія вопіющія нужды и потребности національныя.

Так как в концѣ концов, не взирая на центробѣжныя силы феодализма, в политической организаціи Западной Европы восторжествовал національный принцип, то особеннаго вниманія заслуживает первый період распаденія монархіи Карла Великаго, когда произошло распаденіе монархіи на этнографической основѣ.

Для исторіи этого времени имѣют особенное значеніе слѣдующіе источники: біографіи Людовика Благочестиваго Тегана и Астронома, похвальное слово Эрмольда Чернаго, полемическое сочиненіе Агобарда, историческое произведеніе Нитарда, Бертинскія и Фульдскія анналы.

Сочиненіе хорепископа Трирской церкви Тегана, имѣвшее вид біографіи Vita Hludowici (MG. SS. II, 585—604), сообщает ряд достовѣрных и важных извѣстій, хотя и было составлено в сухой лѣтописной формѣ. Изложеніе событій Теган доводит до 835 года. К сообщеніям автора необходимо относиться с нѣкоторой осторожностью, так как он, будучи человѣком знатнаго происхожденія, относился враждебно к политическим дѣятелям, выдвинувшимся из простонародья (напр., к реймсскому архіепископу Эббону), и склонен был к пристрастной защитѣ Людовика Благочестиваго. Эта тенденція сказалась в стараніи автора оправдать императора за ослѣпленіе племянника Бернгарда, в рѣзких нападках на Лотаря и его приверженцев и в замалчиваніи истинных причин происшедших смут и раздоров между Людовиком Благочестивым и его сыновьями. Из послѣдних наиболѣе благосклонно он относится к Людовику Нѣмецкому.

В таком же благосклонном к императору Людовику тонѣ написана другая біографія (Vita Hludowici. MG. SS. II, 604—648) каким-то неизвѣстным автором, прозванным Астрономом. Повидимому, он был духовным лицом, так как о церковных законах говорит: „мои законы". Он имѣл понятія о движеніи небесных свѣтил и в своем сочиненіи упоминает, что раз он вмѣстѣ с императором Людовиком наблюдал движеніе звѣзд. Кромѣ того, будучи вообще человѣком довольно начитанным, он вполнѣ хорошо знал исторію древняго міра и своего народа и обладал нѣкоторыми познаніями в медицинѣ. Сочиненіе его дѣлится на три части: в первой излагаются событія до кончины Карла Великаго, во второй — до Компьенскаго сейма 829 г., а в третьей — до 841 года. В первой части цѣнными извѣстіями являются сообщенія автора о дѣтских и юношеских годах жизни Людовика Благочестиваго. Вторая часть заслуживает малаго вниманія, так как разсказ автора является повтореніем государственных аннал. Что же касается послѣдней части сочиненія, то она заслуживает особеннаго вниманія, как современная запись событій, не взирая на недостатки и хронологическую путаницу изложенія.

В похвальном духѣ написаны также стихотворныя произведенія Эрмольда Чернаго, заслуживающія вниманія в виду сообщенія нѣкоторых любопытных подробностей и частностей о событіях и лицах того времени. По происхожденію аквитанец, Эрмольд был сторонником Пипина Аквитанскаго. За эту свою приверженность он был сослан в Страссбург. Находясь в изгнаніи и желая добиться помилованія, он написал похвальное слово о подвигах императора (Ermoldus Nigellus, In honorem Hludowici imperatoris libri 4. MG. SS. II, 464—523), но, повидимому, не достиг желаемаго успѣха. Освобожденіе его послѣдовало лишь в 830 году, когда сыновья низложили Людовика Благочестиваго.

Агобард, сначала хорепископ и впослѣдствіи архіепископ

Ліонской церкви, человѣк образованный, хотя и не чуждый суевѣрій и странных взглядов, выступил в своих сочиненіях, как политическій противник императора Людовика Благочестиваго и горячій защитник его мятежных сыновей. Написанная им апологія сыновей против их отца (Apologeticus pro filiis Ludovici Pii imperatoris adversus patrem) состоит в сущности из двух произведеній Libri duo pro filiis et contra Judith uxorem Ludovici Pii (M G. SS., XV, 274—279). Агобард считает виновницей смут вторую супругу императора Юдиту и упрекает императора за нарушеніе раздѣльнаго акта 817 года. Сопоставляя этот раздѣльный акт с распоряженіями императора 829 года, он находит, что император обидѣл старших сыновей из-за пристрастія к самому младшему, Карлу Лысому.

Выдающимся источником этого времени является сочиненіе Нитарда (Historiarum libri 4. MG. SS. II, 649—672; новѣйшее изданіе Гольдера, Freib. 1882, in - 8⁰), горячаго сторонника Карла Лысаго, по настоянію котораго оно было написано. Принимая дѣятельное участіе в современных событіях, стоя близко к Карлу Лысому, Нитард не мог быть всегда безпристрастен, как это видно из его отношенія к Людовику Нѣмецкому: если послѣдній относился к его высокому покровителю дружественно, то заслуживал одобрительных отзывов, и наоборот. Кромѣ того, Нитарду можно поставить в упрек, что он не всегда с полною подробностью излагает обстоятельства дѣла, оставляя без разъясненія нѣкоторыя событія. Так, напр., он отказывается объяснить причины возстанія Пипина. Нитард был сын Ангильберта и дочери Карла Великаго Берты, а слѣдовательно находился в ближайшем родствѣ с Каролингами. Особенно близко он стоял к Карлу Лысому, с которым его соединяли узы дружбы и полное взаимное довѣріе. В 840 году он ѣздил с дипломатическою миссіей к Лотарю; храбро сражался в войсках Карла Лысаго на полях битвы при Фонтенуа; присутствовал при переговорах и заключеніи союза между Карлом Лысым и Людовиком Нѣмецким; участвовал в выработкѣ Верденскаго договора. Дѣйствуя, как совѣтник Карла Лысаго, дипломат и храбрый воин, Нитард прекрасно знал тѣ событія, описанію которых он посвятил свое сочиненіе, раздѣленное им на 4 книги. В 1-ой книгѣ излагаются событія, которыя привели к междоусобной войнѣ братьев, раздѣлы государства и затрудненія, вытекавшія из них; во второй излагается борьба младших братьев Людовика Нѣмецкаго и Карла Лысаго со старшим Лотарем, а в двух послѣдних книгах послѣдующія событія, которыя привели к заключенію Верденскаго мира. К сожалѣнію, изложеніе Нитарда было доведено лишь до начала 843 года. Историки и филологи должны быть особенно благодарны Нитарду, записавшему текст той присяги в Страссбургѣ, которую произнесли Карл Лысый на нѣмецком языкѣ, а Людовик Нѣмецкій — на француз-

ском или романском языкѣ (III, 4). Эта запись является одним из древнѣйших памятников в исторіи французскаго и нѣмецкаго языков.

Чрезвычайно важным дополненіем ко всѣм этим источникам является продолженіе оффиціальной лѣтописи, которая под именем Лоршских аннал была доведена до 829 года (см. выше, стр. 306). Теперь, как оказывается, и в западной и в восточной частях бывшей единой франкской монархіи была продолжена оффиціальная лѣтопись. Западная оффиціальная лѣтопись извѣстна под именем Бертинских аннал, названных по имени монастыря, в котором впервые была найдена рукопись этого памятника. Составителем ея был испанец родом Галиндон, который принял имя Пруденція. Впослѣдствіи он был епископом в Труа (843—846 гг.) и скончался 6 апр. 861 года. Его перу принадлежит та часть Бертинских аннал, в которой излагаются событія 835—861 гг. Труд Пруденція был продолжен извѣстным реймсским архіепископом Гинкмаром, который довел изложеніе до 882 года, т. е. до года своей смерти. Бертинскія анналы были изданы Пертцем (MG. SS. 1, 419—515) и впослѣдствіи Г. Вайцем (Hann. 1883, in - 8). Печать оффиціальности сказывается в том, что всѣ печальныя событія излагаются в лѣтописи с возможно большей успокоительностью, оправдываются всѣ распоряженія и поступки императора Людовика и сужденія о его противниках, если они принадлежат к его семьѣ, отличаются извѣстною умѣренностью. В таком же духѣ была составляема оффиціальная лѣтопись и в восточной части государства, т. е. в Германіи. Здѣсь она возникла сначала под вліяніем исторіографической традиціи Фульдскаго монастыря. Однако, довольно скоро составители этой лѣтописи отрѣшились от узких монастырских интересов и сумѣли подняться до изложенія общегосударственных событій (Annales Fuldenses ed. Pertz, M G. SS. 1, 337—415; новое изданіе Курце, Hann. 1891, in - 8). Первая часть Фульдских аннал, доведенная до 838 года, не имѣет еще характера оффиціальной лѣтописи. Составленная, повидимому, каким-то монахом Фульдскаго монастыря, эта часть мало отличается самостоятельностью, являясь пересказом различных лѣтописей. Впрочем, и в этой уже части обнаруживается интерес к событіям, касавшимся всего государства. Оффиціальный характер лѣтопись пріобрѣтает, когда составителем ея является фульдскій монах Рудольф, доведшій изложеніе до 863 года. Труд Рудольфа продолжал Мегингард и довел до 882 года. Есть основаніе думать, что оба эти автора составляли лѣтопись уже не в Фульдском монастырѣ, а в г. Майнцѣ. Впослѣдствіи неизвѣстными авторами так называемыя Фульдскія анналы были доведены в одном продолженіи до 887 года, а в другом — до 901 года.

Наиболѣе важными литературными пособіями для изученія эпохи распаденія монархіи Карла Великаго являются сочиненія

Симсона (B. Simson, Jahrbücher des Fränkischen Reichs unter Ludwig dem Frommen, 2 Bd., Lpz. 1874—76) и Эрн. Дюммлера (Geschichte des Ostfränkischen Reichs, 3 Bd., Lpz 1887—88). Хотя Дюммлер имѣл в виду, как видно из заглавія его сочиненія, исторію Германіи, но так как историческій ход событій в Германіи обусловливался в эпоху послѣдних Каролингов ходом исторіи во Франціи и Италіи, то его сочиненіе почти на всем протяженіи является исторіей всей бывшей франкской монархіи.

Получив вѣсть о кончинѣ отца, Людовик Благочестивый поспѣшил из Аквитаніи в Ахен, куда и прибыл 27 февраля 814 года. Первым дѣлом молодого императора, которому тогда было 36 лѣт, была забота о водвореніи при дворѣ болѣе строгих нравов. Распущенность и легкость нравов при дворѣ были противны Людовику, получившему воспитаніе в духѣ монашеских идеалов извѣстнаго подвижника Бенедикта Аніанскаго. Дочерей Карла Великаго и других женщин он поспѣшил удалить, разослав их по разным монастырям. Первое время в системѣ управленія не замѣчалось никаких перемѣн; и все шло, как и при Карлѣ Великом: были созываемы сеймы и издаваемы капитуляріи; повсюду были посылаемы государевы посланцы; принимаемы были приходившія посольства из Византіи, Кордовскаго халифата, от папы и славянских князей. На восточной границѣ послѣ нѣскольких незначительных походов против бодричей и лютичей установилось полное спокойствіе; поднявшіе в 824 году возстаніе бретонцы были усмирены, и Бретань, если не считать слабаго возмущенія 830 года, оставалась спокойной до самаго конца царствованія Людовика. К устью Эльбы и в Данію была отправлена христіанская миссія во главѣ с реймсским архіепископом Эббоном. Миссія дѣйствовала успѣшно: на сѣверѣ Саксоніи была учреждена Гамбургская архіепископская каѳедра и основан Ново-Корбейскій монастырь. Датскій король Гаральд с женою, сыном и свитою 400 человѣк прибыл в 826 году ко двору с намѣреніем принять крещеніе. Таинство крещенія произошло в Майнцѣ, и император был крестным отцом датскаго короля.

Однако, одновременно с этими утѣшительными событіями происходили и подготовлялись другія, которыя вызывали опасенія, что времена спокойствія скоро смѣнятся смутами в государствѣ.

Наряду с непреодолимым процессом разложенія государственности, корни котораго усиленно питались феодализмом, наряду с стремленіем отдѣльных областей к самостоятельности, обнаруживалось вліяніе представителей универсализма и защитников государственнаго единства. Эта послѣдняя партія, во главѣ которой стояли Вала, брат Адальгарда, извѣстнаго сподвижника

Карла Великаго, и пламенный полемист ліонскій архіепископ Агобард, — не желала считаться с дѣйствительностью и мечтала о поддержаніи политической системы Карла Великаго. Непримиримость этих теорій с дѣйствительностью сама по себѣ являлась источником неудовольствія в средѣ самых просвѣщенных людей того времени. С другой стороны, много раздраженія в средѣ свѣтских людей возбуждала излишняя уступчивость императора по отношенію к духовенству, клерикальная его политика. В самом дѣлѣ, были приняты мѣры против симоніи; дѣла семейственнаго права и разводныя переданы были церковной юрисдикціи; снова поставлен вопрос о возвращеніи секуляризованных церковных имуществ. При извѣстіи о вторженіи врагов (норманн или славян) прежде всего назначается обыкновенно трехдневный пост, а в то же время с полною серьезностью на сеймах идут рѣчи о том, что процвѣтаніе и благосостояніе государства находятся в зависимости от процвѣтанія школ и дѣятельности духовенства. Одним словом, по разным причинам и поводам повсюду зрѣло глухое недовольство дѣйствіями правительства, а при таких условіях только исключительныя государственныя способности, сильная воля и опредѣленная программа правителя могли поддержать в странѣ порядок и спокойствіе. Между тѣм, Людовик Благочестивый далеко не был на высотѣ своего труднаго положенія, как это и не замедлило сказаться.

Один несчастный случай, когда жизнь императора была в опасности, навел его на мысль о необходимости обезпечить спокойствіе в государствѣ и устроить обезпеченіе сыновей. От брака с Ирмингардою он имѣл трех сыновей: Лотаря, Пипина и Людовика. В 817 году был созван в Ахенѣ сейм, на котором предстояло примирить двѣ противоположныя идеи: поддержать государственное единство и выдѣлить каждому из сыновей отдѣльное королевство. Послѣ трех дней поста и молитв был совершен слѣдующій раздѣл: Пипину были даны Аквитанія, Гасконь, тулузская марка, одно графство в Септиманіи и три в Бургундіи, Людовику — Баварія, Каринтія и всѣ славянскія земли, находившіяся на восток от Баваріи. Особая доля Лотаря не была опредѣлена, так как он был объявлен соправителем и наслѣдником имперіи и тогда же в Ахенѣ коронован императорской діадемой. Впрочем, относительно Италіи в раздѣльном актѣ (ст. 17) было довольно неопредѣленно сказано, что она должна быть подчинена Лотарю (per omnia subiectum sit). Для сохраненія единства государственности было установлено подчиненіе младших братьев старшему. Ежегодно они должны были являться ко двору старшаго для обсужденія общих государственных дѣл (de his quae necessaria sunt et quae ad communem utilitatem vel ad perpetuam pacem pertinent). Без согласія старшаго брата они не имѣли права начинать войны и заключать мира, а без его указаній не

должны отпускать иностранных послов. Они же должны были освѣдомлять старшаго брата о ходѣ наиболѣе важных дѣл в землях, находившихся в их управленіи. Даже при желаніи вступить в брак младшіе братья должны были испрашивать согласіе старшаго. В дѣлах внутренняго управленія и при назначеніи на должности каждый из братьев был самостоятелен. Однако, если кто-либо из них дозволил бы себѣ притѣснять церковь или обижать простых свободных людей (divisor aut oppressor ecclesiarum vel pauperum) или допустил бы насилія и произвол при управленіи, то старшій обязан трижды усовѣщевать младшаго, а если увѣщанія останутся тщетными, то он должен по рѣшенію сейма избрать болѣе рѣшительныя мѣры воздѣйствія против ослушника (communi omnium sententia quid de illo agendum sit decernatur). Таким образом, каждому из младших братьев была предоставлена по мысли раздѣльнаго акта лишь ограниченная власть полунезависимаго правителя, а потому сторонники идеи государственнаго единства были вполнѣ удовлетворены. Один из них, Агобард, находил, что хотя каждому из сыновей императора даны были части государства, но все-же оставалось одно государство, а не три (Ceteris filiis vestris designastis partes regni vestri, sed ut unum regnum esset, non tria).

Раздѣльный акт 817 года не мог не смутить Бернгарда, так как о его правах на управленіе Италіей, королем которой он был назначен своим дѣдом Карлом Великим, не упоминалось ни одним словом в этом актѣ. Под вліяніем своих совѣтников он рѣшился взяться за оружіе. Едва дошли до Людовика слухи о возстаніи, как он поспѣшил принять самыя рѣшительныя мѣры. Во всѣ концы государства были посланы гонцы, призывавшіе к немедленному выступленію в поход. Приказаніе было написано в грозных выраженіях (terribile imperium ad nos pervenit писал о нем Трирскій архіепископ), а это указывало на тревожное состояніе духа, в котором находился император. Как оказывалось, сообщники и приверженцы Бернгарда были и внѣ Италіи. Ходили слухи о самых широких замыслах мятежнаго племянника императора (voluit — per tyrannidem imperium usurpare). Рѣшительность дѣйствій императора смутила Бернгарда и его сторонников, многіе из которых поспѣшили отступиться от сомнительнаго предпріятія. Видя это, племянник отправился на свиданіе с дядей, неся повинную голову. По приказу императора, он был арестован и отдан под суд, который приговорил его и главных сообщников к смертной казни, а духовных лиц к низложенію и заключенію в монастыри. Император смягчил приговор, замѣнив смертную казнь ослѣпленіем. Послѣднее впрочем было произведено с такою жестокостью, что Бернгард на третій день скончался. Менѣе виновные приверженцы мятежнаго племянника были наказаны изгнаніем и конфискаціей имущества. Участіе в заговорѣ первых

лиц в государствѣ и даже епископов свидѣтельствовало о том, как велико было недовольство против императора в первые годы его правленія, и насколько тогдашняя франкская знать склонна была к мятежу, охотно пользуясь всяким неудовольствіем или раздором членов королевскаго дома. В подроставших сыновьях императора она естественно видѣла будущих своих вождей и покровителей своих корыстных и честолюбивых замыслов.

Исключительная по нѣжности любовь императора к младшему сыну — Карлу Лысому, рожденному от второго брака, и стремленіе императора надѣлить его землями в ущерб старших сыновей и с нарушеніем раздѣльнаго акта 817 года, — давали обильную пищу для безпорядков и смут в теченіе всей второй половины царствованія Людовика.

Первая супруга императора Ирменгарда скончалась в началѣ октября 818 года, спустя менѣе полугода послѣ плачевной кончины Бернгарда. Оба эти событія так потрясли императора, что друзья его стали опасаться, что он отречется от власти. Возникли соображенія о необходимости второго брака. Из числа многочисленных дѣвиц, привезенных ко двору, выбор Людовика остановился на Юдиѳи, дочери баварскаго графа Вельфа. Свадьбу отпраздновали в февралѣ 819 года. Молодая супруга императора была образованная женщина, прекрасная музыканша, блистала красотою, умѣла очаровывать всѣх окружающих и была честолюбива; словом, имѣла всѣ данныя для вліянія на своего супруга. Четыре года спустя, 13 іюня 823 года родился от этого брака сын Карл Лысый. Рожденіе его было большою радостью для родителей и скоро стало предметом больших забот. Для совершенія таинства крещенія был приглашен прославленный своими миссіонерскими подвигами реймсскій архіепископ Эббон, а крестным отцом новорожденнаго был старшій сын Людовика Лотарь, в лицѣ котораго родители надѣялись найти опекуна и защитника на случай смерти отца. Около того времени сыновья Людовика, рожденные в первом бракѣ, уже настолько подросли, что вступили в управленіе опредѣленными им по раздѣльному акту 817 года землями: в 822 году Лотарь был послан управлять Италіей и Пипин — Аквитаніей, а в 825 году третій сын Людовик вступил в управленіе Баваріей. Желая обезпечить своего 4 сына, Людовик вступил в соглашеніе с Лотарем и получил от него согласіе на выдѣл нѣкоторой части земель в пользу крестника. Впослѣдствіи Лотарь под вліяніем своих совѣтников (тестя Гугона, графа Матфрида и других) стал сожалѣть о своем великодушіи. Эта перемѣна настроенія Лотаря не укрылась от императора и Юдиѳи, которые доселѣ всячески ласкали Лотаря и ухаживали за ним. Он теперь попал в немилость: отец отослал его в Италію, и его имя перестали ставить во главѣ государственных актов, рядом с именем императора Людовика, как было это ранѣе. Не ограни-

чиваясь этим, император на государственном сеймѣ в Вормсѣ предоставил в августѣ 829 года Карлу Лысому Аллеманію, Эльзас, Рецію и часть Бургундіи. Вала и другіе сторонники единства государства были недовольны этим распоряженіем императора, справедливо усматривая в нем нарушеніе раздѣльнаго акта 817 года. К ним присоединились многіе придворные, недовольные приближеніем ко двору графа барцелонскаго Бернгарда, котораго император назначил на должность коморника или камергера, сдѣлал его вторым послѣ себя лицом в государствѣ и ввѣрил его попеченіям воспитаніе Карла (Nith., 1,3: pater in supplementum sibi sumens, camerarium constituit Karolumque eidem commendavit ac secundum a se in imperio praefecit). Особенную злобу недовольные питали против Юдиѳи и Бернгарда, ибо считали их главными виновниками происшедших перемѣн и удаленія от двора прежних совѣтников. Враги не замедлили распространить обвиненіе о незаконной связи императрицы с новым любимцем императора. Недовольны, разумѣется, были и старшіе сыновья, считая себя обиженными и подстрекаемые к возмущенію мятежною знатью.

При таких условіях взрыв не замедлил послѣдовать. Когда весною 830 года был объявлен поход в Бретань, то Лотарь и Пипин двинулись с войсками на Париж. Бернгард бѣжал в Барцелону, императрица была отослана в монастырь Св. Радегонды в Пуатье, а Карл Лысый потерял свой удѣл. На сеймѣ в Компьенѣ Людовик должен был примириться с переворотом и даже заявить, что „возносит благодарственныя молитвы Богу, который нависшую бѣду привел к мирному концу.“ Хотя Людовик и сохранил титул императора, но в дѣйствительности вся власть перешла в руки Лотаря. Впрочем, торжество Лотаря продолжалась недолго. Опираясь на преданность восточных франков и особенно саксонцев, которым позволено было жить по их законам, и войдя в тайныя сношенія с Пипином и Людовиком Нѣмецким, которым обѣщано было увеличеніе их владѣній, император на сеймѣ, созванном в октябрѣ 830 года в городѣ Нимвегенѣ, получил полное удовлетвореніе и добился возстановленія своей власти. Лотарь должен был смириться и получил позволеніе удалиться в Италію послѣ того, как дал обѣщаніе ничего впредь не предпринимать помимо воли отца. Императрица возвратилась ко двору. Бернгард рѣшил очистить себя от обвиненій вызовом обвинителей на поединок, но так как теперь никто не осмѣливался выступить в качествѣ обвинителя, то пришлось ограничиться очистительной присягой для доказательства невинности своей и императрицы. Однако, такой исход лично не помог Бернгарду: он не получил своей прежней придворной должности и потерял свое вліяніе на государственныя дѣла. В февралѣ 831 года, согласно данному ранѣе обѣщанію, был произведен новый раздѣл госу-

дарства: Пипину, кромѣ Аквитаніи, предназначены были всѣ земли, расположенныя между Луарою и Сеной, и далѣе к сѣверо-востоку до Соммы и Марны; Людовику, сверх Баваріи, Тюрингія, Саксонія, Фризія и старая Австразія; Карлу Лысому были предоставлены Аллеманія, почти вся Бургундія, Прованс, Септиманія, и земли „средней Франціи,“ т. е. лежащія между Маасом и Мозелем. Исходом дѣла Пипин и Людовик не могли быть довольны, так как их надежды занять в управленіи государством первое мѣсто не оправдывались. С другой стороны, во владѣнія добавочными землями они должны были вступить лишь послѣ смерти императора. Кромѣ того, Людовик Нѣмецкій огорчен был передачею Аллеманіи Карлу Лысому. В 832 году послѣдовало возстаніе Людовика Нѣмецкаго и Пипина. Первый из них собрал войска и угрожал занять Аллеманію. На этот раз император дѣйствовал рѣшительно. Сначала он двинулся против Людовика и заставил его смириться, а затѣм пошел в Аквитанію. Пипин отказался от сопротивленія и был сослан в Трир, а Аквитанія была отдана Карлу Лысому. Однако, Пипину удалось бѣжать в Аквитанію и поднять там преданное ему населеніе страны. Поход, который предпринял император позднею осенью против Пипина, по состоянію погоды окончился полною неудачею.

Сторонники единства имперіи, мятежная знать и участники прежняго возстанія 830 года теперь снова рѣшились воспользоваться благопріятными для них обстоятельствами: Лотарь прибыл из Италіи, Людовик из Баваріи и соединились с Пипином. На сторону сыновей стал и папа Григорій IV в защиту единства государства, этого „дара Христова“. Войска противников сошлись на Эльзасской равнинѣ между городами Кольмаром и Базелем, на Красном полѣ, в день Святого Іоанна, 24 іюня 833 года. Обѣ стороны опасались вступить в битву, а потому открылись переговоры. Лотарь склонял отца к уступкам, но успѣха не достиг. Также безуспѣшно окончилось посредничество папы. Пока шли эти переговоры ряды войск императора быстро рѣдѣли, так как из его лагеря перебѣгали в лагерь его сыновей. В ночь с 29 іюня на 30 почти всѣ покинули императора и оказались в станѣ его противников. С тѣх пор Красное поле было переименовано в Лживое (Campus mentitus, Campus mendacii). Дѣло императора было проиграно: жена его Юдиѳь была отослана в город Тортону; Карл Лысый заключен в Прюмскій монастырь, а сыновья-побѣдители произвели новый раздѣл. На сеймѣ в Компьенѣ архіепископы Эббон реймсскій и Агобард ліонскій выступили 1 октября с обвиненіями против императора, а 7 октября в суассонском монастырѣ Св. Медарда Людовик признал себя виновником всѣх смут и замѣшательств в государствѣ, положил на алтарь свой воинскій пояс и облекся в одежду кающагося грѣшника. С этого времени вся власть перешла к Лотарю; и в грамотах ставилось

лишь его имя. Низложеннаго императора Лотарь приказал держать под крѣпкой охраной в Ахенѣ и склонять его к принятію монашества.

Неслыханное униженіе, которому подвергли императора в Суассонѣ, и обхожденіе с ним Лотаря, произвели поворот в общественном мнѣніи. Стали раздаваться рѣчи о необходимости чтить родителей и исполнять обязанности подданных. Попытки Людовика Нѣмецкаго путем увѣщаній брата достигнуть смягченія положенія отца не имѣли никакого успѣха. Высокомѣріе и притязательность Лотаря вообще представлялись его бывшим союзникам, Пипину и Людовику, чрезмѣрными и опасными, а потому с тѣм большею охотою они, под давленіем общественнаго мнѣнія, рѣшились выступить защитниками отца. С большими силами в февралѣ 834 года они двинулись на Лотаря, который сначала отступил к Парижу, а оттуда, видя безполезность борьбы, покинув отца в Сен-Дени, направился к Италіи. Людовик Благочестивый снова был повсюду признан императором. Даже Лотарь послѣ кратковременнаго сопротивленія, по совѣту Валы, в августѣ 834 года прибыл в Блуа, гдѣ тогда находился с войсками император, и там испросил прощеніе под условіем пребывать в Италіи, не переходить через Альпы и впредь ничего не предпринимать без согласія отца.

Несчастія и бѣдствія не измѣнили к лучшему Людовика Благочестиваго. Под вліяніем своей жены он всѣ свои заботы направлял лишь к тому, чтобы надежнѣе и лучше обезпечить своего любимаго сына. В концѣ 837 года, с согласія Пипина и Людовика Нѣмецкаго, он предназначил для Карла Фризію, земли между Мозелем и Сеною и большую часть Бургундіи, а в сентябрѣ слѣдующаго года он присоединил к его удѣлу еще часть Нейстріи, расположенную между Сеною и Луарою. Недовольный сношеніями и сближеніем Людовика с Лотарем, император на сеймѣ в Нимвегенѣ (в іюнѣ 838 г.) объявил перваго из них лишенным всѣх земель, кромѣ Баваріи. В ту пору император искал сближенія с Пипином, думая в его лицѣ найти для своего любимца надежнаго защитника и патрона. Когда в декабрѣ 838 года Пипин скончался, то Людовик Благочестивый вступил в соглашенія с Лотарем. На сеймѣ в Вормсѣ все государство, кромѣ Баваріи, было раздѣлено на двѣ части (в началѣ іюня 839 г.). Так как Лотарь дал клятвенное обѣщаніе быть послѣ смерти отца защитником и покровителем своего крестника Карла, то Людовик предложил ему раздѣлить все государство на двѣ части с тѣм, что выбор одной из этих частей будет предоставлен Карлу; если же раздѣл будет проведен по мысли императора, то выбор части предоставлен будет Лотарю (Nith., 1,7: Hinc pater, ut sui iuraverant, perpicere cupiens: Ecce, fili, ut prouiseram, regnum omne coram te est; divide illud, prout libuerit. Quod si tu diviseris, par-

cium electio Karoli erit: si autem nos illud aiviserimus, similiter parcium electio tua erit). Так как Лотарь затруднялся произвести предполагаемый раздѣл, то он был произведен Людовиком Благочестивым. Раздѣльная линія шла сначала по Маасу от устья его то того пункта, гдѣ в верховьях он сближается с Мозелем, потом пересѣкала Бургундію, оставляя на западѣ шалонское, женевское и ліонское графства, и достигала Средиземнаго моря, проходя по Альпам. Лотарь выбрал восточную часть государства, а западная была предоставлена Карлу Лысому. Права сыновей Пипина Аквитанскаго оставлены были без всякаго удовлетворенія, а Людовик Нѣмецкій должен был по этому Вормскому раздѣлу довольствоваться только Баваріей. Аквитанцы однако провозгласили своим королем Пипина II, старшаго сына своего умершаго короля. Император двинулся с войском в Аквитанію, но когда по пути узнал, что и Людовик Нѣмецкій взялся за оружіе, то возвратился обратно в Ахен и оттуда послѣ Пасхи 840 г. пошел на мятежнаго сына. Поход был удачный. Людовик Нѣмецкій поспѣшил очистить занятыя им германскія области и отступил поспѣшно в Баварію. На возвратном пути император заболѣл и скончался 20 іюня, недалеко от Ингельгейма.

Незадолго до кончины Людовик Благочестивый отослал императорскія инсигніи Лотарю и просил его соблюдать условія Вормсскаго соглашенія. Когда же Юдиѳь при личном свиданіи в Страссбургѣ просила своего пасынка привести в исполненіе это соглашеніе, то получила отказ, ибо он стремился возстановить единовластіе. Тогда Людовик Нѣмецкій и Карл Лысый взялись за оружіе, и началась междоусобная война трех братьев. Хотя Лотарь был болѣе подготовлен к войнѣ, но он не рѣшился на сраженіе с Людовиком Нѣмецким при Франкфуртѣ и с Карлом Лысым при Орлеанѣ, заключив с каждым из них временное перемиріе. В маѣ 841 года братья соединились в Шалонѣ на Марнѣ. Сраженіе произошло при Фонтенуа, в 30 верстах на юго-запад от Оксерра, 24 іюня. На полѣ этой битвы пало до 40 тыс. человѣк, лучшій цвѣт франкской военной силы. Лотарь был разбит, и войска его в бѣгствѣ очистили поле сраженія. Преслѣдованія не было, так как побѣдители считали битву Судом Божьим. Тѣм не менѣе Лотарь рѣшил продолжать борьбу. Он старался поднять против Людовика саксонцев, вошел в сношенія с норманнами и хотѣл привлечь на свою сторону бретонцев. Так как братья-союзники послѣ битвы при Фонтенуа разъединились: Людовик отправился в Германію, а Карл Лысый в Нейстрію, то Лотарь задумал побѣдить каждаго из них порознь. В августѣ он был в Майнцѣ и помѣшал Людовику перейти Рейн, а потом пошел на Карла, который укрылся в Сен-Дени. Послѣдній поход не увѣнчался никаким успѣхом; и Лотарь с наступленіем зимы медленно двинулся в Ахен, куда прибыл в началѣ февраля 842 г.

Пока Лотарь находился в бездѣйствіи, Людовик и Карл в февралѣ 842 года сошлись в Страссбургѣ и здѣсь заключили тѣсный союз, обязавшись поддерживать всѣми силами друг друга и не заключать без взаимнаго согласія никакого договора с Лотарем. Формула, заключавшая в себѣ изложеніе этого обязательства, была произнесена Карлом на нѣмецком языкѣ перед войсками Людовика, а послѣдним — на романском или французском языкѣ перед войсками Карла Лысаго, и скрѣплена клятвенным взаимным обѣщаніем. В мартѣ 843 года братья открыли военныя дѣйствія, разбив при Кобленцѣ войска противника, поставленныя для прикрытія Ахена. Тогда Лотарь, покинув Ахен, с семьей и войсками поспѣшно двинулся к Италіи через Шалон на Марнѣ и Ліон. С дороги Лотарь прислал к братьям своим посольство, которое было уполномочено заявить, что он, Лотарь, признает себя погрѣшившим против Бога и братьев и не желает болѣе продолжать междоусобія и просит выдѣлить ему во имя сана и достоинства имперіи что-либо свыше третьей части государства или же третью часть всего, что остается за выключеніем Ломбардіи, Баваріи и Аквитаніи. Эти предложенія Лотаря были приняты, а при личном свиданіи, состоявшемся 15 іюня, братья условились прекратить враждебныя дѣйствія и составить для раздѣла владѣній комиссію, с назначеніем в состав ея по 40 уполномоченных каждаго из братьев. Комиссія должна была 1 октября открыть свои занятія в Мецѣ. В дѣйствительности работы свои комиссія начала в г. Кобленцѣ 18 октября, но скоро прекратила в виду недостатка точных статистических данных. Для восполненія этого недостатка были по всему государству посланы опытные люди для производства необходимых статистических и описательных работ (ut missi strennui per universum suae ditionis regnum dirigerentur, quorum industria diligentior discriptio fieret). По собраніи необходимых свѣдѣній комиссія в августѣ 843 года окончила свои работы по раздѣлу имперіи; и тогда был заключен Верденскій договор. Лотарь, кромѣ Италіи и Фризіи, получил полосу земель, расположенных между Сѣверным и Средиземным морями, на западѣ ограниченных теченіем рѣк Шельды, Мааса, Саоны и Роны, а на востокѣ теченіем рѣки Рейна и его притока Аара. Земли, расположенныя на запад от владѣній Лотаря, достались Карлу Лысому, а расположенныя на восток Людовику Нѣмецкому, с присоединеніем к долѣ послѣдняго городов Майнца, Вормса и Шпейера (propter vini copiam). Хотя Лотарь сохранил сан императора, но это не давало ему никакой власти над младшими братьями: каждый из братьев был вполнѣ самостоятелен и независим, а всѣ они были отнынѣ равны (pares).

Сторонники единства имперіи искренно оплачивали несчастную битву при Фонтенуа и выражали свое негодованіе по поводу

Верденскаго договора, который погубил твореніе Карла Великаго. Флор, діакон ліонской церкви и преданный друг Агобарда в своей элегіи (Querela de divisione imperii) писал: „Увы! гдѣ та имперія, которой было дано узами вѣры соединить чужеземные народы и возложить узду спасенія на укрощенныя племена? Она потеряла свою честь и свое имя. Вмѣсто монарха — царек! вмѣсто монархіи обломки государства!“ (Pro rege est regulus, pro regno fragmina regni).

Говоря о Верденском договорѣ, нельзя, конечно, утверждать, что он удовлетворил національным стремленіям к обособленію различных народов, входивших в состав монархіи Карла Великаго. Во владѣніях Лотаря были перемѣшаны округа романскаго и германскаго населенія. Тѣм не менѣе Карлу Лысому достались романскія земли, а Людовику Нѣмецкому германскія. Таким образом, Верденскій договор является исходным пунктом, с котораго можно начинать исторію распаденія Запада на романскій и германскій культурные и политическіе міры.

В значительной степени недостатки Верденскаго договора с точки зрѣнія этнографической были исправлены Мерсенским договором 870 года.

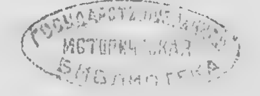
Скончавшійся в 855 году император Лотарь раздѣлил свои земли между своими тремя сыновьями слѣдующим образом: старшему Людовику II вмѣстѣ с саном императора досталась Италія; Лотарь получил полосу земель, которыя лежали между владѣніями Карла Лысого и Людовика Нѣмецкаго; Карл получил Прованс. Когда в 863 году скончался Карл, то владѣнія подѣлили между собою его братья: император Людовик II взял Прованс и Трансюранскую Бургундію, т. е. земли, лежащія на лѣвом или восточном берегу Роны, а остальныя земли достались Лотарю II. Вскорѣ не замедлил возникнуть вопрос о наслѣдствѣ Лотаря. Женатый на Тейтбергѣ и не имѣя от этого брака наслѣдника, он всячески добивался развода, желая жениться на своей наложницѣ Вальдрадѣ и этим узаконить рожденнаго от этой связи сына. Возведя на жену обвиненія в противоестественной связи с братом Гукбергом, он добился от духовенства развода. По жалобѣ гонимой Тейтберги в дѣло вмѣшался папа Николай I и рѣшительно стал на сторону гонимой женщины. Взглядов папы Николая придерживался и его преемник Адріан. Таким образом, хотя Лотарь не щадил никаких средств на подкупы архіепископов, епископов и даже папских легатов, ему не удалось добиться развода. Путешествіе в Рим и личное свиданіе с папою Адріаном также остались без успѣха. При возвращеніи домой Лотарь в 869 году скончался в Италіи. Людовик Нѣмецкій и Карл Лысый давно уже имѣли виды на его владѣнія, Лотарингію (Lotharii regnum). Еще в 868 году они заключили в Мецѣ договор о раздѣлѣ поровну владѣній своих бездѣтных племянников. Однако, вопреки

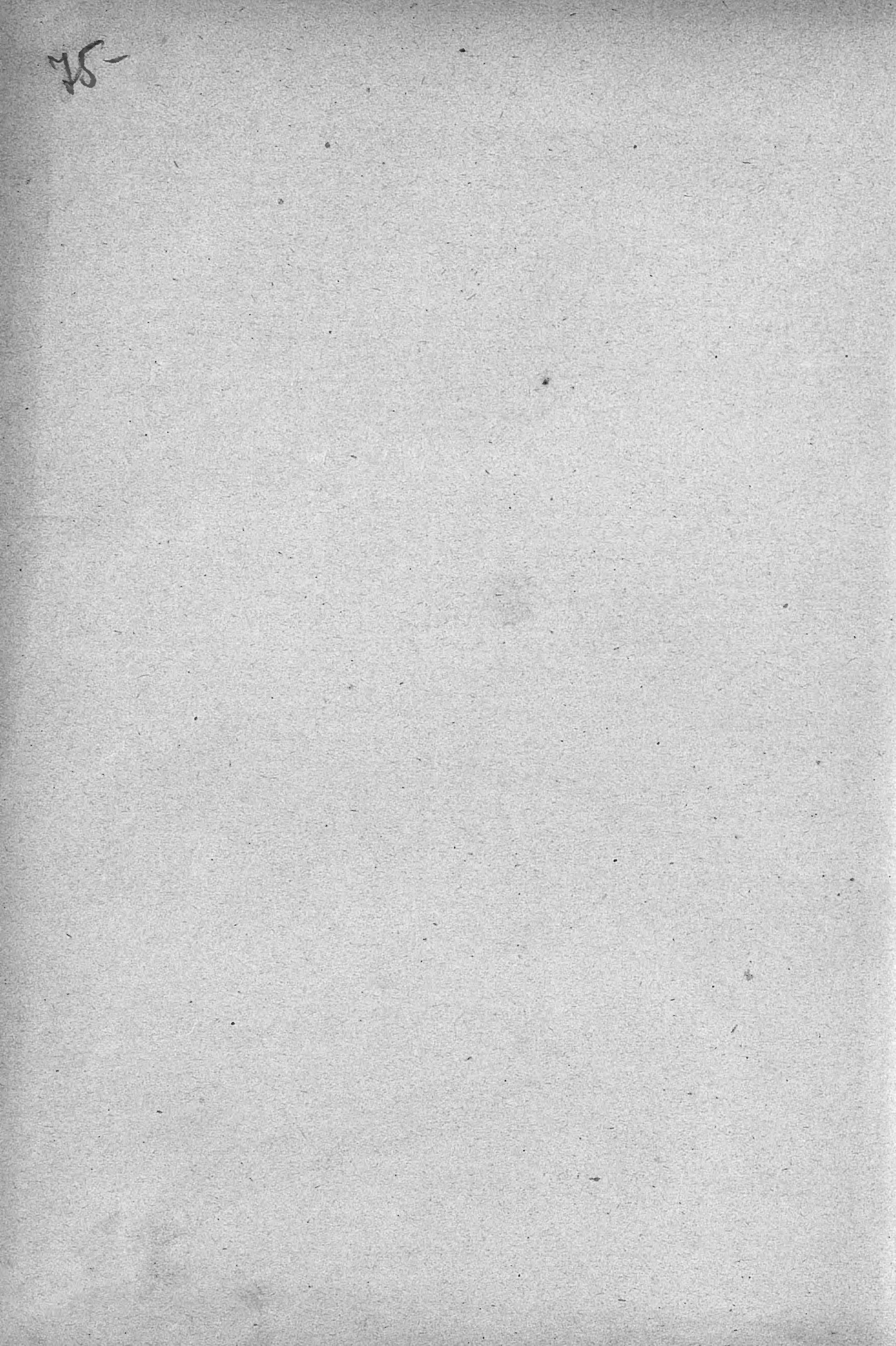
этому договору, едва только пришла вѣсть о кончинѣ племянника, Карл Лысый, поддержаный нѣкоторыми лотарингскими епископами, двинулся в Мец и там 9 сентября 869 года был коронован архіепископом реймсским Гинкмаром. Этот захват владѣній Лотаря вызвал протест императора Людовика II, который являлся законным наслѣдником умершаго брата. Хотя протест императора был поддержан папою, но практическаго значенія он не мог имѣть, так как все вниманіе и силы императора были поглощены борьбою с арабами, которые угрожали южной и средней Италіи. Гораздо опаснѣе были притязанія Людовика Нѣмецкаго, который потребовал, чтобы Карл Лысый немедленно очистил Лотарингію, угрожая в противном случаѣ войною. Дѣло до войны не дошло, и братья заключили 8 августа 870 года договор в Мерсенѣ, по которому владѣнія Лотаря были раздѣлены пополам. Из 65 графств Карлу Лысому досталось 30, а Людовику Нѣмецкому — 31 графство; остальныя 4 графства были раздѣлены пополам. Раздѣльная линія шла с сѣвера к югу от берегов Зюдерзее, пересѣкая Рейн, сначала по Маасу до Люттиха, потом доходила до Мозеля и снова пересѣкала Маас и доходила до Роны и по этой послѣдней рѣкѣ до Средиземнаго моря. Таким образом, Людовику Нѣмецкому досталась сѣверная часть Лотарингіи до Мааса и верхняго теченія Мозеля и Эльзас, а Карл Лысый получил часть Голландіи и Бельгіи, половину теперешней Лотарингіи, значительную часть Бургундіи, Ліонскую и Віеннскую области.

Хотя невполнѣ, но в значительной степени Мерсенскій договор исправил с этнографической точки зрѣнія Верденскій договор и установил в первый раз границу между Германіей и Франціей. Этими двумя договорами опредѣлились основы трех территоріальных и политических групп Западной Европы: французской, германской и италіанской. Можно сказать, что со времени сыновей Людовика Благочестиваго начинается обособленная исторія Франціи, Германіи и Италіи. В самом дѣлѣ, безсильная борьба с норманнами, от которых по большей части откупались деньгами, своеволіе знати, дальнѣйшіе раздѣлы владѣній Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго, постоянныя возстанія сыновей Карла Лысаго и Людовика Нѣмецкаго против отцев и неудачныя войны с сосѣдями (с Византіей и арабами в Италіи, с бретонцами во Франціи и славянами в Германіи) — вот основныя черты политической жизни во второй половинѣ IX вѣка. Каролинги были даже не в силах привести к покорности Бозона, который в 879 году был избран и коронован, как король Нижней Бургундіи и Прованса. Менѣе чѣм через 10 лѣт в верхней Бургундіи образовалось другое самостоятельное королевство.

Одновременно с разложеніем монархіи Карла Великаго замѣчается быстрое вымираніе Каролингов, начиная с 70-х годов IX вѣка. Когда 12 августа 875 года скончался император Людовик II,

то на его владѣнія и корону предъявили притязанія его дяди Карл Лысый и Людовик Нѣмецкій. Первый из них был болѣе счастлив в своих домогательствах и при содѣйствіи папы Іоанна VIII, преемника Адріана, был коронован в Римѣ императорской короной, а вскорѣ послѣ того скончался в октябрѣ 877 года. Еще ранѣе того, в августѣ 876 года умер Людовик Нѣмецкій. Преемник Карла Лысаго, Людовик Косноязычный умер в 879, а его сыновья Людовик III — в 882 году и Карломан — в 884 году. Из сыновей Людовика Нѣмецкаго Карломан Баварскій скончался в 880, а Людовик, владѣтель Саксоніи и Франконіи в 882 году. Пережившій своих братьев Карл III Толстый унаслѣдовал всѣ германскія земли, а когда во Франціи скончался в 884 году Карломан, сын Людовика Косноязычнаго и внук Карла Лысого, то его провозгласили также королем и во Франціи. Таким образом, Карл Толстый объединил под своею властью всѣ земли, входившія в состав монархіи его великаго прадѣда. Слабый духом и тѣлом, Карл Толстый не мог возстановить былой славы франкской монархіи. Вся неспособность императора обнаружилась во время похода против норманн, осаждавших Париж с ноября 885 года. Прибыв осенью 886 года с огромною арміей, он не рѣшился вступить в битву с норманнами, а заплатил им огромную сумму денег и позволил провести зиму в Бургундіи. Всеобщее негодованіе выразилось в том, что на сеймѣ во Франкфуртѣ или Трибурѣ император в концѣ 887 года был низложен, а королем был провозглашен его племянник, незаконнорожденный сын Карломана Баварскаго Арнульф. Французская же знать провозгласила своим королем сына Роберта Сильнаго, парижскаго графа Одона, прославившагося защитою Парижа от норманн. При этом избраніи оставлены были без вниманія права настоящаго Каролинга, сына Людовика Косноязычнаго, Карла Простоватаго, которому тогда было 10 лѣт от роду. Обойденный дважды: первый раз при избраніи Карла Толстого и второй раз при избраніи Одона, он только послѣ смерти послѣдняго в 898 году был признан королем Франціи. Однако, ему и его преемникам приходилось считаться с домогательствами на королевскую власть потомков Роберта Сильнаго. Эта борьба Робертингов или Капетингов с Каролингами завершилась побѣдою первых, когда послѣ смерти Людовика V в 987 г. был избран Гуго Капет, который укрѣпил корону Франціи за своими потомками. В Германіи же династія Каролингов пресѣклась со смертью в 911 году Людовика Дитяти, сына Арнульфа.

75-

